12/XII

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ШЕСТОЙ ГОДЪ. — КНИГА 12.

ДЕКАБРЬ, 1911.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1911.

стр.

I.—ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА КЪ М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ 3

II.—ВѢРНОСТЬ. — Стеша. (Очеркъ первый). — Липа. (Очеркъ второй). — **Д. Айзмана** 35

III.—СОНЪ.—I-VII.—**И. Сургучева** 68

IV.—ОДИНЪ ИЗЪ ПЕРВЫХЪ НАШИХЪ МАРКСИСТОВЪ. — (Изъ періода хожденія въ народъ).—I-IX.—**Льва Дейча** 84

V.—ИЗГНАНІЕ.—**Бор. Зайцева** 111

VI.—ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ ЭРНСТА ЦАНА.—1. Реквіемъ.—2. Встрѣча.—3. Маленькая весна.—Перев. съ нѣм. **З. Журавской** 130

VII.—СЛУЧАЙНАЯ ВСТРѢЧА.—Очеркъ.—I-VIII.—**Аркадія Велскаго** 164

VIII.—ОЧЕРКИ СОЦІАЛЬНАГО БЫТА ФРАНЦІИ. — Принудительное отчужденіе и судьба національныхъ имуществъ во Франціи. — Окончаніе.—**Максима Ковалевскаго** 183

IX.—БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.—Повѣсть Арнольда Беннета. (Arnold Bennett: „A great man“).—XXI-XXVIII. — Окончаніе.—Перев. съ англ. **М. Славинской** 204

X.—ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ. — Николай Александровичъ Добролюбовъ. Его программа. — **Нестора Котляревскаго** 248

XI.—ДВѢ ХОЛЕРЫ.—**Ил. Мечникова** 286

XII.—ХРОНИКА.—НАЧАЛО ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ КАМПАНІИ.—**Н. Якушкина** 300

XIII.—КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ СОЮЗОВЪ РАБОТОДАТЕЛЕЙ ВЪ РОССІИ. — **Евг. Лурье** 308

XIV.—О ПАЦИФИЗМѢ.—**Л. Слонимскаго** 321

XV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ 326

XVI.—ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новый бытъ провинціи.—Современныя „шутки“ и „игры“. — Кровь и жестокости, какъ роковая духовная зараза.—Охота на человѣка въ Лодзи.—„Волжская вольница“. — Разбойная шайка въ Тамбовской губерніи и сочувствіе къ ней населенія. — Истязатель помощникъ пристава. — Тревожное настроеніе деревни. — Заклятый кругъ жизни.—**И. В. Жилкина** 350

XVII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Законопроектъ о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое передъ судомъ Государственнаго Совѣта.—Докладъ профессора Н. Д. Кузнецова. — Отступленіе отъ указа 17-го апрѣля. — Финляндскіе законопроекты въ Государственной Думѣ. — Результаты „преемственности“ и „послѣдовательности“. — Правые депутаты и крестьяне.—Госуд. Совѣтъ и всеобщее обученіе 364

XVIII.—КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.—**С. А. Адріанова** 382

XIX.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Парламентскія рѣчи о марокскомъ соглашеніи. — Разоблаченія относительно опасности европейской войны. — Англійскія дѣла.—Политическій кризисъ въ Персіи 392

XX.—ПИСЬМО ИЗЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.—**А. Деренталя** 406

XXI.—ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.—Крестьянскій вопросъ въ канунѣ открытія первой Думы и послѣ четырехъ лѣтъ законодательной работы—третьей.—Отвѣтъ „лодырей“ „господамъ“.—Новый пріемъ вмѣшательства въ выборы.—Запросъ объ орловскихъ фиктивныхъ цензахъ. — Дѣло А. А. Стаховича.—Изъ отзывовъ печати о думскомъ выступленіи А. А. Макарова.—Запросъ о дѣлѣ соціалъ-демократовъ второй Думы и „недоумѣніе“ октябристовъ. — „Усердіе не по разуму“: проекты памятника П. А. Столыпину въ Петербургѣ и постановка его бюста въ Государственной Думѣ 420

XXII.—ИЗВѢЩЕНІЯ 434

XXIII.—АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ въ 1911 г. 436

XXIV.—ОБЪЯВЛЕНІЯ 451

XXV.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Переводный бланкъ журнала „Вѣстника Европы“; 2) Объявленіе А. Ф. Девріена „Книги-Подарки“; 3) Объявленіе о подпискѣ на 1912 г. на журналы „Городское Дѣло“ и „Земское Дѣло“; 4) Объявленіе о подпискѣ на журналъ „Нива“ 1912 г. и о другихъ изданіяхъ Т-ва А. Ф. Марксъ въ С.-Петербургѣ. Не получившіе означеннаго объявленія благоволятъ заявить о томъ въ Контору журнала „Нива“, Спб., ул. Гоголя, 22, откуда объявленіе будетъ имъ выслано немедленно.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

22547
49г.

СОРОКЪ-ШЕСТОЙ ГОДЪ

ДЕКАБРЬ

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Редакція и Главная Контора журнала:
Моховая, 37.

Экспедиція журнала:
Пет. ст., Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1911

4280

ПИСЬМА
И. С. ТУРГЕНЕВА
КЪ
М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ [1])

Парижъ. 50, Rue de Douai. Пятница, 8 марта (24 февраля) 1878.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, сейчасъ получилъ я ваше письмецо отъ 19-го февр.—а такъ же и пакетъ со второй частью писемъ Пушкина, которыя я немедленно перечелъ съ великимъ удовольствіемъ, на зло брезгливымъ критикамъ. За два дня я имѣлъ отъ васъ другое письмо, гдѣ рѣчь шла больше о Луканиной. Будемъ надѣяться, что ваши пожеланія на счетъ ея таланта сбудутся: у ней на то есть всѣ задатки, не смотря на порядкомъ изуродованную жизнь.—Дай Богъ только, чтобы „Любушка" прошла благополучно сквозь цензурныя фуркулы.

Ну вотъ и миръ заключенъ... Дѣло великое!—(однако курсъ нашъ все падаетъ). Не нужно быть великимъ пророкомъ, чтобы предсказать, что̀ именно произойдетъ на конференціи (если она только состоится). А именно: будутъ г-да уполномоченные наперерывъ *дѣлить* Турцію — и Англія, ея великая защитница, всячески постарается выхватить самый крупный кусокъ — Египетъ, напр.

Какъ-то мы раздѣлаемся съ наслѣдіемъ войны — повсемѣстнымъ тифомъ—и дождемся ли другого наслѣдія: представительныхъ учрежденій и т. п.?

Вотъ и кн. Черкасскій отправился въ ту страну, идѣ же

[1]) См. ноябрь, стр. 3.

нѣсть ни болѣзни, ни воздыханія, ни устра́иваній Болгаріи. Предпослѣдній славянофилъ исчезъ (если только кн. Ч. былъ славянофиломъ); послѣдній, какъ извѣстно—И. С. Аксаковъ. Я говорю о славянофилахъ старой школы; новѣйшихъ развелось много—чуть ли не самъ К. Д. Кавелинъ попалъ въ ихъ число!

Хотѣлъ было кончить письмо — да угрызеніе совѣсти удержало: не могу я, любезнѣйшій другъ, съ достовѣрностью обѣщать вамъ Пушкина къ маю—вы вѣдь знаете мой характеръ—и потому распорядитесь ужъ лучше такъ, чтобы майская книжка не потерпѣла отъ моей неаккуратности. — Статья будетъ написана — это вѣрно; — но когда? Это менѣе вѣрно... вспомните исторію съ „Новью".—Горбатаго исправитъ одна могила.—Будемъ надѣяться, что исправленіе это не слишкомъ близко.

50, Rue de Douai. Paris. Вторникъ, 12 марта (28 февраля) 1878.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ!

Во 1-хъ) прилагаю особое письмецо на ваше имя для студентовъ, приславшихъ мнѣ пригласительный билетъ, и при этомъ малую толику денегъ (50 рублей).

Во 2-хъ) трепещу за судьбу „Любушки" и надѣюсь еще на русское божество: „Авось!"—Авось оно смилуется!

Въ 3-хъ) я, конечно, не ожидалъ такой безцеремонности отъ редакціи „Правды"—хотя слѣдовало бы привыкнуть къ такого рода продѣлкамъ; но въ „Правду" я написалъ правду; *съ моимъ именемъ* уже не явится ничего на аренѣ русской прессы—это несомнѣнно.—А статья о Пушкинѣ? скажете вы.—Она—точно — явится съ моимъ именемъ; — но я ее пишу съ заднею мыслью: подъ послѣдней строкой будетъ стоять: 1877-й годъ. Такъ что и „Правда" будетъ сыта — и „Вѣстникъ Европы" цѣлъ.—Было бы долго—и быть можетъ безполезно — излагать причины этого моего рѣшенія; вотъ, Богъ дастъ, увидимся — я вамъ все въ подробности изложу; и кто, знаетъ, пожалуй, убѣжду васъ.

Я не знаю кто сообщилъ Забеллѣ, что я нуждаюсь здѣсь въ его бюстѣ; между нами, я вовсе въ немъ не нуждаюсь; — но чтобы его не обидѣть, скажите ему, что я ему очень благодаренъ и что покорно прошу его оставить мой бюстъ въ редакціи „В. Е." до моего пріѣзда въ П.

50, Rue de Douai, Paris. Вторникъ, 30 (18-го) апрѣля 1878.

Вотъ, любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ,—*инвентарій* настоящей минуты:

1) Съ 15-го апрѣля я лежу въ постели съ подагрой въ обѣихъ колѣняхъ—и хотя мнѣ нѣсколько легче, но когда я встану?—неизвѣстно;—и вообще я теперь похожъ на Сократа: знаю только то, что ничего не знаю — ни на счетъ отъѣзда, ни на всякій счетъ.

2) Продалъ свои картины съ аукціоннаго торга—и потерялъ на нихъ ровно половину денегъ, которыхъ онѣ мнѣ стоили: счастливая и выгодная операція!

3) „Думушка"—(третья повѣстушка Луканиной)—отправлена къ вамъ вчера;—вторую, „Березай"—вы уже получили, по ея словамъ.—По моему соображенію, лучше сперва напечатать „Думушку".—А тамъ, гораздо позже, когда г-жа Луканина покажетъ себя читателю въ настоящемъ видѣ, говорящей своимъ языкомъ—можно будетъ обратиться и къ „Березаю"; а то, пожалуй, этотъ легендарный тонъ можетъ нѣсколько прискучить [1]).

4) Со времени посѣщенія моей хозяйки (такъ я теперь, по неволѣ, величаю подагру) — я нѣсколько ночей сряду не спалъ—и въ эти длинные, длинные часы Засуличъ, Юханцевъ, Коршъ съ своимъ запрещеннымъ „Сѣвернымъ Вѣстникомъ", Московская исторія, Кіевская исторія, Одесская исторія, г-нъ Катковъ, г-нъ Любимовъ, Санъ-Стефанскій трактатъ, нашъ милый курсъ, неизбѣжность войны, Бисмаркъ, конференція—такой совершали въ головѣ моей фантастическій вальсъ, что я не понимаю, какъ она не лопнула! Впрочемъ, этотъ вальсъ продолжается и доселѣ... Только я отупѣлъ и, какъ англичане, повторяю: what next? — А здѣсь, „ничтоже сумняшеся" — открывается завтра выставка со всѣмъ возможнымъ помпомъ, трескомъ и громомъ, въ присутствіи нѣсколькихъ вѣнчанныхъ, развѣнчанныхъ и полувѣнчанныхъ особъ!—Какъ бонапартисты и другіе „патріоты" ни старались и ни кричали—а нà вотъ тебѣ!—Ничто такъ не утвердитъ республики во Франціи, какъ успѣхъ выставки.—А, кажется, онъ несомнѣненъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, русское отдѣленіе не только не готово — но даже не начато. Г-да коммиссары только вчера пріѣхали и—первымъ долгомъ — обѣдаютъ сегодня вмѣстѣ.—А тамъ, что Господь дастъ!

5) Исторія съ Засуличъ взбудоражила рѣшительно всю Европу. — Вчера въ „Bien Public" была статья: „Fêtons nos hé-

---

[1]) Всѣ три разсказа г-жи Луканиной напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы" за 1878 г. (№№ 3, 6 и 7).

ros"... и кто же эти héros? Вольтеръ [1])—и Засуличъ. Изъ Германіи я получилъ настоятельное предложеніе написать статью объ этомъ процессѣ, такъ какъ во всѣхъ журналахъ видятъ интимнѣйшую связь между Маріанной „Нови" и Засуличъ — и я даже получилъ названіе: „der Prophet".—На означенное предложеніе я, разумѣется, отвѣчалъ отказомъ.

... Тѣнь, бѣгущая отъ дыма?

Будьте здоровы—и долготерпѣливы.

50, Rue de Douai, Paris. Четвергъ, 6 іюня (25 мая) 1878.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, вчера я проводилъ Анненкова обратно въ Брюссель. Онъ пробылъ въ Парижѣ двѣ недѣли—и, кажется, остался доволенъ своей поѣздкой, хотя не прошло ни одного дня безъ дождя.

Очень вамъ благодаренъ за исполненіе моей просьбы на счетъ „Довольно".—Но прошу сообщить отъ моего имени г-ну А.—что, при его талантѣ, ему непремѣнно слѣдуетъ продолжать свою стихотворную дѣятельность [2]).

Сюда пріѣхалъ П. Д. Боборыкинъ—и потому вы можете себѣ представить, что на конгрессѣ наша литература не останется безмолвной.—Не смотря на ваши доводы—я всетаки буду сожалѣть объ этомъ.—Мы должны, вслѣдъ за Бисмаркомъ, повторять про себя: „beati possidentes"—и не давать французамъ случая упрекать насъ въ отсутствіи либеральности, въ нежеланіи равноправности и т. д.—въ чемъ они будутъ совершенно правы... Да, своя рубашка къ тѣлу ближе.

Я выѣзжаю отсюда черезъ недѣлю и прямо въ Карлсбадъ. Оттуда я дѣйствительно отправлюсь прямо въ Мценскъ, минуя Петербургъ и Москву. На возвратномъ пути я, вѣроятно, побываю въ этихъ городахъ—но уже васъ тамъ не будетъ. Гдѣ же мы встрѣтимся—неизвѣстно, а хотѣлось бы.—Я вамъ во всякомъ случаѣ напишу.

На одномъ музыкально-литературномъ утрѣ (съ благотворительною цѣлью)—я прочелъ отрывокъ изъ „Березая"—и получилъ замѣчательный успѣхъ.—Вѣдь онъ появится въ іюлѣ?

50, Rue de Douai. Paris. Середа, 4 дек. (22 ноябр.) 1878.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, я виноватъ передъ вами; не отвѣчалъ, какъ слѣдовало, на ваше послѣднее письмо. Но и

[1]) Въ 1878 г. Франція чествовала память Вольтера по поводу столѣтія со времени его смерти.—*Ред.*

[2]) Рѣчь идетъ о С. А. Андреевскомъ, переложившемъ въ стихи „Довольно" Тургенева.—*Ред.*

теперь этотъ отвѣтъ за мною... и, быть можетъ, въ немъ будетъ нѣчто такое, что удивитъ васъ.—Теперь я хочу говорить съ вами только объ одномъ дѣлѣ.

Вы уже знаете, что добрый нашъ другъ, Н. В. Ханыковъ, скончался.—Мы его похоронили на Père Lachaise—а теперь мы вотъ что задумали: мы хотимъ поставить ему по подпискѣ памятникъ. — Деньги на это нужны небольшія: 1.500, много 1.700 франковъ. Около половины уже собрано здѣсь—и мы надѣемся, что получимъ еще. Но надо, чтобы и русскіе друзья въ Россіи (ученые и проч.) участвовали.—Я написалъ А. В. Головнину, просилъ его сообщить объ этомъ своимъ знакомымъ—и позволилъ себѣ прибавить, что вы откроете у себя подписной листъ и что приношенія могутъ быть направлены въ редакцію „Вѣстника Европы".—Я это сдѣлалъ, ибо не сомнѣвался въ вашемъ согласіи—и теперь васъ извѣщаю объ этомъ. Не думаю, чтобы нужно было извѣщать желающихъ черезъ посредство „В. Е."—Деньги потребны небольшія—и ихъ легко будетъ собрать частнымъ образомъ.

Къ новому году можете прислать, что̀ окажется.—Памятникъ будетъ поставленъ въ началѣ 1879 г.

Парижъ. 50, Rue de Douai. Пятница, 13 (1 дек.) 1878.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, я должно быть дурно выразился въ моемъ письмѣ—ибо нисколько не думалъ объ оффиціальной подпискѣ на памятникъ Н. В. Ханыкову при „Вѣстникѣ Европы"—а о частной, на простомъ листѣ бумаги, въ родѣ той, которую мы устроили здѣсь—и только позволилъ себѣ выбрать васъ хозяиномъ этого листа.—Мы уже собрали здѣсь около 1.400 фр.;—и намъ недостаетъ сколо 400—т.-е. 150 р. сер., на которые мы надѣялись изъ Россіи.—Позвольте продолжать надѣяться, что вы не откажетесь собрать частнымъ образомъ нѣчто въ родѣ этой суммы—и пришлете ее сюда, съ обозначеніемъ именъ доброхотныхъ дателей, которые будутъ мною немедленно внесены въ здѣшній списокъ.—Мы уже имѣемъ планъ оригинальнаго памятника, составленный Антокольскимъ. Я получилъ вырѣзку изъ „В. Е." и съ любопытствомъ прочемъ интересныя письма покойника.

„Нѣтъ Орфея", восклицаете вы, вспоминая объ удаленіи Тимашева—и спрашиваете себя: кто его замѣнитъ? На это я могу вамъ отвѣтить съ непогрѣшимостью папы: только я употреблю другое восклицаніе: „нѣтъ генерала"—и прибавлю: будетъ „другой генералъ!"

Благодарю васъ за устраненіе оскорбительнаго примѣчанія къ стихотворенію Некрасова;—а впрочемъ—Господь съ ними!—Не такъ, такъ эдакъ, а они навѣрное ругаться будутъ.—Это имъ здорово—а мнѣ ничего. Не привыкать стать.

А письма—съ сюрпризомъ—вы всетаки отъ меня ждите.

Парижъ. 50, Rue de Douai. Суббота, 28 (16 дек.) 1878.

Ну, любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, поздравляю васъ съ пріобрѣтеніемъ новаго талантливаго сотрудника.—Я только что прочелъ „Надо жить"—въ декабрьскомъ № „В. Е." Кто этотъ Лукьяновъ [1])? Если онъ молодой человѣкъ—изъ него можетъ выйти дѣльный писатель.—Передайте ему выраженіе моего сочувствія, если вы полагаете, что это можетъ доставить ему удовольствіе. Показать оригинальную физіономію—съ перваго же опыта — это много. Можно указать на нѣкоторые недостатки: небрежность (особенно галлицизмы) слога—хотя языкъ очень хорошъ;—нѣкоторый излишекъ подтруниванія,—а главное: вслѣдствіи неизбѣжнаго (по милости сюжета) введенія иносказательности на Щедринскій манеръ.—Иные діалоги (особенно діалогъ между Hermance и Саханинымъ) страдаютъ темнотою и даже вычурностью... но все это не важно. — Важно проявленіе таланта, несомнѣннаго и живого. Съ интересомъ буду ждать послѣдующихъ трудовъ г-на Лукьянова.

Отъ г-жи Стечькиной все еще не получилъ второй части ея романа, хотя она мнѣ писала, что она почти совсѣмъ готова.

Мнѣ лучше; подагра на этотъ разъ сдѣлала не сильный приступъ. Но я все еще не выѣзжаю.

P. S. Есть талантъ и у г. Андреевскаго; есть чувство и теплота. Но онъ не довольно обрабатываетъ свои стихи.—Въ лирическомъ стихотвореніи все должно быть безупречно—и никакъ не слѣдуетъ то, что французы называютъ cheville. Вотъ хоть въ его „Пѣсняхъ" въ декабрьской книжкѣ—во второй.—Что можетъ быть болѣе вяло и ненужно, какъ въ третьемъ куплетѣ:

скрытой въ отдаленіи (!)
заглохшаго въ забвеніи...

Или конецъ третьей пѣсни... Очень ужъ тупо.

Парижъ. 50, Rue de Douai. Воскресеніе, 12 янв. 1879 (31 дек. 1878).

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, сегодня канунъ нашего новаго года, съ которымъ сердечно васъ поздравляю, васъ и всѣхъ вашихъ.

---

[1]) Леонидъ Александровичъ Полонскій.

Вы мнѣ задали довольно трудную задачу съ Пушкинскими письмами. Напишу обстоятельное письмо г-жѣ М.—но убѣжду ли ее—вопросъ. Что тамъ ни говори—а эти письма ея собственность—и кромѣ нея никто на нихъ никакого права не имѣетъ. Попытаемся—посмотримъ.

Неизбѣжный Топоровъ явится къ вамъ съ подписнымъ листомъ отъ моего имени и съ моимъ воззваніемъ для полученія лепты на Ханыковскій памятникъ. Мы здѣсь собрали 1.300 фр.; недостаетъ 400.—Неужели русскіе пріятели поскупятся? Сумма, кажется, небольшая. Топоровъ также отправится къ Головнину и другимъ.

А Полонскій, дѣйствительно, удивилъ меня. — Что онъ человѣкъ очень умный—это я зналъ давно;—но что онъ одаренъ беллетристическимъ талантомъ—это для меня новость. Отчего же онъ не началъ раньше? А вы пожмите отъ меня ему руку. Это онъ тоже написалъ отличное Внутреннее Обозрѣніе въ декабрьской книжкѣ? Коли онъ—молодецъ [1])!

Смерть Н. Н. Тютчева глубоко меня опечалила.—Отличный былъ человѣкъ. Для меня вмѣстѣ съ нимъ исчезнетъ въ Петербургѣ цѣлый домъ, центръ. Очень оголяется жизнь.

А та барышня, о которой я вамъ и писалъ и говорилъ, Стечькина—прислала мнѣ наконецъ вторую часть своего романа... И—либо я олухъ непроходимый—либо у ней талантъ самородный—изъ ряду вонъ. Я тотчасъ далъ ей знать, чтобы она такъ же прислала мнѣ первую часть. И обѣ отправятся къ вамъ.—Полагаю, что вы ей дадите мѣсто въ апрѣлѣ—если только раздѣлите мое мнѣніе на ея счетъ — въ чемъ я позволяю себѣ не сомнѣваться [2]).

У меня былъ довольно сильный припадокъ подагры—но онъ продолжался недолго—и я теперь опять на ногахъ.—Что дальше будетъ?

А что вы скажете о здѣшнихъ выборахъ? Но не смотря на полную побѣду, затрудненій впереди еще много.—Правительство не дѣлаетъ никакой существенной уступки—и такъ какъ оно всетаки сильнѣе обѣихъ палатъ вмѣстѣ взятыхъ—то status quo измѣнится мало.

Кажется и нашему status quo или, говоря правильнѣе,—status

---

[1]) Л. А. Полонскій велъ Внутреннее Обозрѣніе въ „Вѣстникѣ Европы“ до начала 1880-го года.—*Ред.*

[2]) Повѣсть г-жи Стечькиной: „Варенька Ульмина“ напечатана въ двухъ послѣднихъ книжкахъ „Вѣстника Европы“ за 1879 г.—*Ред.*

quo non—не предстоитъ великихъ перемѣнъ.—Русскіе люди любятъ и ѣсть кисель, и сидѣть въ немъ.

До сихъ поръ я полагалъ, что извѣдалъ, какъ въ Дантовскомъ адѣ—самый низкій *кругъ* Россійской пошлости.—Но какъ я ошибался! Я въ этомъ убѣдился, прочтя брошюру Цитовича [1].—Правда, за нею, дальше—уже ничего не виднѣется.—А впрочемъ—кто знаетъ?

50, Rue de Douai. Paris. Пятница, 17 (5) января 1879.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, благодаря новому припадку Катковки, вслѣдствіе котораго я лежу неподвижно вотъ уже 4-ый день—я въ теченіи вчерашняго дня чуть не отъ доски до доски прочелъ только-что полученный мною январскій № „В. Е.“—Отлично онъ составленъ: поздравляю искренне. Статья Тарханова (о психомоторныхъ центрахъ)—просто прелесть. Какая ясность и краткость изложенія! Я прочелъ ее за одинъ присѣстъ. Хорошъ и по сюжету особенно интересенъ „Спеціалистъ“. Противъ комедіи Крылова можно кое-что сказать (очень ужъ прискучили умирающіе на сценѣ чахоточные)—но всетаки вещь любопытная и пріятная. Статья о соціальномъ движеніи въ Германіи составлена умно и дѣльно... А А.—не Полонскій ли все этотъ разъ? „Русскій баринъ“ тоже недуренъ. Письмо Золà я не читалъ: я знаю напередъ все, что̀ онъ тамъ толкуетъ. О „Калибанѣ“ я также не читалъ. Я слышалъ его ученіе изъ устъ юнаго Ренана (въ рукописи); и даже, скажу межъ нами, онъ по моему ходатайству за Калибана, прибавилъ цѣлый актъ. Стихи Андреевскаго—такъ себѣ... Тонъ искренній и симпатичный... но форма, форма! Гдѣ, напр. (въ 2-мъ стихѣ), онъ видѣлъ *синія* тучи весны, которыя сейчасъ же превращаются въ *легкія тучки*—и можно ли сказать—правда, безъ риѳмы—видны́ вмѣсто: ви̇̀дны? Но единственнымъ изъяномъ въ этомъ прекрасномъ № является 2-ое стихотвореніе Гербеля! У насъ въ Мценскомъ уѣздѣ живетъ старинная поговорка: „Бойся Еськова, Беськова, Ерина, Бѣлина“ (въ этихъ 4-хъ деревняхъ происходили когда-то грабежи). А я вамъ скажу: „бойся Григоровича, Данилевскаго, Боборыкина и Гербеля“! Во-первыхъ, это стихотвореніе вовсе не Гёте—а извѣстная элегія Овидія.

Я вамъ, пожалуй, ее перепишу—благо мнѣ нечего дѣлать:

---

[1]) Рѣчь идетъ о брошюрѣ г. Цитовича: „Новые пріемы защиты общиннаго землевладѣнія“, направленной противъ извѣстнаго сочиненія А. С. Посникова объ общинѣ и вызвавшей рѣзкій отвѣтъ Н. К. Михайловскаго („Письма къ ученымъ людямъ“).—*Ред.*

Cum subit illius tristissima noctis imago
Quae mihi supremum tempus in urbe fuit,
Cum repeto noctem, qua tot mihi cara reliqui,
Labitur ex oculis nunc quoque gutta meis.—
Iamque quiescebant voces hominumque canumque
Lunaque nocturnos alta regebat equos.
Hanc ego suspiciens, et ab hac Capitolia cernens,
Quae nostro frustra juncta fuere lari [1]).

Гёте, уѣзжая во второй — и послѣдній — разъ изъ Рима, ссылается на то, что, невольно думая объ этой элегіи—самъ не могъ ничего написать: wurde an eigener Production gehindert.

Въ послѣдствіи онъ ее перевелъ; и переводъ его, разумѣется, не то, что Гербелевскій. Но главное—послѣдній стихъ!! Овидій, говоря—что напрасно (вотще) мои Лары стояли такъ близко къ Капитолію—явно намекаетъ на то, что его не спасла, скорѣе погубила близость, въ которой онъ находился къ державному дому Августа... Такъ и Гёте перевелъ:

Capitolische Tempel,
Welchen umsonst so nah'unsere Laren gedrängt,

а у почтеннаго Николая Васильевича:

„Лары родные туда тщетно стремятся войти". Сумбуръ! И что это за подвижные Лары? Куда-то войти хотятъ! Хорошо, что, не смотря на усиленныя старанія гр. Д. Толстого, мы всѣ въ классикахъ—швахъ, а то подняли бы васъ на зубокъ. Оканчиваю повтореніемъ:

Бойтесь (литературныхъ) Еськова, Беськова, Ерина, Бѣлина!

Вотъ какое странное вышло письмо. Совсѣмъ безъ цѣли — ужъ точно подагристое. А за симъ крѣпко жму вамъ руку и остаюсь искренне вамъ преданный.

50, Rue de Douai, Paris. Вторникъ 8 апрѣля (27 марта) 1879.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, пишу вамъ сегодня всего нѣсколько строкъ, чтобы предувѣдомить васъ о томъ, что, по зрѣломъ соображеніи, я какъ бы благодарственнаго и объяснительнаго письма въ „В. Е."—не напишу [2]). Во-первыхъ—я на-

[1]) Въ этой цитатѣ соединены два отрывка изъ третьей элегіи первой книги „Tristia" Овидія (ст. 1—4 и 27—30). Вотъ переводъ ихъ, любезно исполненный, по нашей просьбѣ, профессоромъ Ѳ. Ф. Зѣлинскимъ: „Когда мнѣ представляется горестная картина той ночи, которая для меня была послѣднимъ временемъ (проведеннымъ) въ Городѣ, когда я вспоминаю ночь, въ которую я оставилъ столько дорогихъ мнѣ (предметовъ)—слеза и теперь еще течетъ изъ моихъ очей.—Уже замолкли голоса и людей, и псовъ, и луна въ горнихъ правила конями ночи; глядя на нее, и съ нея опуская взоръ на Капитолій, который вотще былъ сосѣдомъ нашего дома" (слѣдуетъ молитва). — *Ред.*

[2]) Это письмо должно было, очевидно, относиться къ восторженному пріему,

стоящаго дѣла всетаки не буду въ состояніи сказать, а во-вторыхъ—выходитъ штука немножко слишкомъ торжественная, словно я потентатъ ,какой. Я рѣшился, — какъ только отдѣлаюсь отъ моихъ литературно-корректурныхъ работъ,—напечатать здѣсь по этому поводу брошюру—которая, надѣюсь, пройдетъ безпрепятственно въ Россію. А въ вашемъ мѣсячномъ обозрѣніи редакція скажетъ отъ себя, что̀ найдетъ нужнымъ, полезнымъ—и возможнымъ.

Я отдохнулъ вполнѣ отъ дороги и пр., но что-то опять подагра кусаетъ мою лѣвую ногу. Впрочемъ, съ этимъ надо примириться—и если придется посидѣть съ недѣльку—тѣмъ лучше для работы.

Не хочу окончить письма, не попросивъ васъ еще и еще поблагодарить отъ моего имени всѣхъ моихъ доброжелателей и пріятелей. Чѣмъ отдаленнѣе становятся воспоминанія о прожитомъ въ Россіи времени, тѣмъ ярче выступаютъ ихъ образы.

Bougival, les Frênes. Châlet. Понедѣльникъ, 17 (5) ноября 1879.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, беру перо съ намѣреніемъ написать вамъ довольно обстоятельное письмо.

Прежде всего примите мое спасибо за поздравительную телеграмму. Это дружеское рукопожатіе за нѣсколько тысячъ верстъ меня душевно порадовало: не сомнѣваюсь въ томъ, что и вы увѣрены въ искренности чувствъ, которыя я къ вамъ питаю.

Ноябрьскій № „Вѣстника Европы“ пришелъ сегодня утромъ—и я, первымъ дѣломъ, прочелъ „Бѣлыя ночи“. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Минскій настоящій, своеобразный талантъ: насколько въ немъ разовьется его сила, это покажетъ будущее. Какъ старый словесникъ, позволю себѣ сдѣлать слѣдующія замѣчанія (нѣкоторыя могутъ показаться мелочными—но въ дѣлѣ поэзіи надо, чтобы, какъ говорится, не было ни сучка, ни задоринки).

Въ 1-ой ночи (которая вообще прелестна) не понравился мнѣ 13-й стихъ: коли лучи *мерцаютъ*, то какъ же они могутъ *играть прихотливо*. Не точно.

Во 2-ой ночи: „Отъ черты твоей всякій“—очень прозаично. „*Высокая* жертва *ничтожнаго* вѣка“... Выраженіе фельетонное—фразисто и опять неточно. Въ концѣ 2-ой ночи: преддверіи и потери—хромая риѳма. У Пушкина такихъ не найдешь. Такъ же и въ 3-ей ночи: блѣдная и беззавѣтная.

встрѣченному И. С. Тургеневымъ при посѣщеніи имъ, незадолго передъ тѣмъ, Москвы и Петербурга.— *Ред.*

Въ 4-ой ночи—не лѣзетъ мнѣ въ горло дождь, *мощный какъ судьба* [1]). Въ 3-ей строфѣ — вéртятся вмѣсто вертя́тся. Въ послѣдней строфѣ опять хромая риѳма: пищей и жилище—и что такое: пища грома?

Въ 5-ой ночи (13-й стихъ): гнѣздо является *нарушеннымъ*. Очень что-то странно. Такъ же—богиня страдаетъ обильно (?).

Но все же — ubi plura nitent in carmine, non ego paucis offendor maculis, и я отъ души привѣтствую этотъ новый симпатичный талантъ—и желаю ему всяческаго преуспѣянія.

50, Rue de Douai, Paris. Суббота, 3 января 1880 (22 декабря 1879).

Любезнѣйшій М. М.! Убѣдительно прошу васъ прилагаемое письмо [2]) припечатать въ „Вѣстникѣ Европы“ — если нельзя иначе—отдѣльной страничкой. Если же это невозможно—и если мое письмо опоздало къ январьскому №—то прошу васъ также убѣдительно напечатать его хотя въ „Странѣ“ Л. Полонскаго—или въ „Молвѣ“.

Я бы оставилъ... доносъ г. Маркевича безъ вниманія, еслибъ не *предстояла нужда* публично объясниться до моего пріѣзда въ П.; скажу болѣе, пріѣздъ мой отчасти зависитъ отъ появленія этого письма. Мнѣ кажется, оно удовлетворяетъ всѣмъ цензурнымъ требованіямъ. Было бы странно, еслибъ человѣку и благонамѣренному человѣку нельзя было защищаться отъ подобной клеветы. Повторяю: просьба эта очень важная—и я разсчитываю на вашу неизмѣнную дружбу.

Декабрьская книжка „В. Е.“ все еще не получена и, вѣроятно, не вышла. Но что дѣлать!

PS. Еслибъ, въ случаѣ напечатанія въ „Странѣ“, „Молвѣ“, „Недѣлѣ“ и т. д.—нужно было перемѣнить заголовокъ письма—(то-есть сдѣлать такъ, какъ будто оно не вамъ адресовано)—то вы имѣете на это полное мое уполномочіе.

50, Rue de Douai, Paris. Вторникъ, 13 (1) янв. 1880.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, въ первый день русскаго новаго года поздравляю васъ, во-первыхъ, съ нимъ — присовокупляя лучшія пожеланія всяческаго блага—а во вторыхъ, и съ побѣдой, одержанной вами надъ нашимъ псевдоклассицизмомъ. Съ этой послѣдней побѣдой можно поздравить и всѣхъ здраво-

---

[1]) Да еще *сѣрый*, какъ могила. Что за сѣрая могила?

[2]) Упоминаемое здѣсь письмо напечатано въ февральской книжкѣ „В. Е.“ за 1880-ый годъ и вошло въ составъ полнаго собранія сочиненій И. С. Тургенева.
Ред.

мыслящихъ людей въ Россіи. Да будетъ она предвѣстницей другихъ подобныхъ! А вамъ честь и слава почина [1]).

Кстати, угадайте, кто на дняхъ говорилъ со мной о „Вѣстникѣ Европы“ и о его направленіи въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ? Je vous le donne en mille. Великій князь Николай Николаевичъ, съ которымъ я (тотъ самый я—котораго г. Маркевичъ старается выставить „всей крови заводчикомъ“) охотился у Гинцбурга на фазановъ. А со мной великій князь былъ очень любезенъ—видно онъ не читаетъ „Московскихъ Вѣдомостей“.

„Monsieur François“—ничто иное какъ переводъ небольшого отрывка изъ моихъ „Воспоминаній“, который, подъ заглавіемъ: „Человѣкъ въ сѣрыхъ очкахъ“ появился въ 1-мъ томѣ Салаевскаго изданія. Нечего и говорить, что если я когда-нибудь нарушу мое молчаніе—то не иначе какъ на страницахъ „В. Е.“. Кстати, это изданіе Салаевское до того обезображено опечатками, что повѣрить трудно! Въ томѣ, заключающемъ „Записки охотника“—ихъ нѣсколько *сотенъ!* И это печаталось съ печатнаго—да еще стереотипное изданіе у нихъ было въ рукахъ... Вотъ ужъ точно: tu l'as voulu, George Dandin!

Москва. Пречистенскій бульваръ, Удѣльная контора. Понедѣльникъ, 21 апр. 1880.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, какое же вы поднесли мнѣ вчера красное яичко!! D'un effet foudroyant, какъ говорятъ французы [2]). Представьте, кому не скажешь, кому ни покажешь телеграмму—первымъ дѣломъ всѣ крестятся. Вотъ ненавидимъ былъ человѣкъ! Но какимъ образомъ это случилось! Какъ рухнулъ этотъ столбъ?! Подробностей, ради Бога, подробностей! Въ ножки поклонимся. Прежде меня въ Москвѣ получилъ это извѣстіе одинъ только Катковъ... и, говорятъ, уже онъ ругаетъ своего бывшаго патрона дуракомъ. Штука эта, должно быть, произошла внезапно: ибо не только ѣхавшій со мною по желѣзной дорогѣ въ четвергъ Н. С. Абаза ничего не подозрѣвалъ, но самъ кн. Долгорукій (здѣшній генералъ-губернаторъ), выѣхавшій изъ Петербурга на слѣдующій день, не зналъ ничего. Рѣшительно: оттепель наступила сильная.

Кого прочатъ наслѣдникомъ? Здѣсь ходятъ имена—Сабурова,

---

[1]) Рѣчь идетъ о возраженіи редакціи „В. Евр.“ на сообщеніе м-ва народнаго просвѣщенія (гр. Д. А. Толстого), изъ-за котораго декабрьская книжка была представлена въ Комитетъ Министровъ, въ видахъ уничтоженія ея; но Комитетъ, вопреки ожиданію, постановилъ выпустить ее въ свѣтъ безъ всякихъ измѣненій. — *Ред.*

[2]) Рѣчь идетъ объ увольненіи гр. Д. А. Толстого отъ должностей министра народн. просвѣщенія и оберъ-прокурора св. синода, состоявшемся въ первый день Пасхи (20-го апрѣля 1880-го года) и возбудившемъ общій восторгъ.—*Ред.*

Исакова, Делянова—даже Уварова—а оберъ-прокурорство—Побѣдоносцеву.

Я остаюсь здѣсь до Ѳоминой недѣли; сегодня у меня легкій припадокъ подагры—и я не выхожу изъ комнаты. Жду съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ извѣстій.

Молодецъ—Лорисъ-Меликовъ! Правы армяне: одинъ Тифлисъ, одинъ Лорисъ, одинъ Терекъ, одинъ Мелекъ!

Москва. д. Удѣльной конторы. Пречистенскій бульваръ. Вторникъ, 30 апр. 1880.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, пишу вамъ наканунѣ моего отъѣзда въ деревню, гдѣ я останусь до 24-го мая. (Въ этотъ день я опять вернусь въ Москву). Наши труды по программѣ къ Пушкинскому празднику окончены: я писалъ Гаевскому и вамъ повторяю, что объ отдѣльномъ обѣдѣ и т. п. въ Петербургѣ нечего и думать; надобно чтобы манифестація была полная и чтобы всѣ литераторы и др. явились сюда въ полномъ сборѣ. Ко всѣмъ посланы приглашенія. Никакихъ стѣсненій не будетъ—и враждебный элементъ устраненъ. На меня навалили трудную работу: написать небольшую брошюру о значеніи Пушкина, которую будутъ раздавать безплатно: эту-то брошюру я прочту въ видѣ рѣчи на засѣданіи общества любителей словесности, которое будетъ имѣть мѣсто наканунѣ праздника открытія—т.-е. 25-го мая; и эту же брошюру я вамъ доставлю въ Вѣстникъ Европы—никакъ не позже *20* мая, такъ что она можетъ явиться, какъ вы желали, въ №-ѣ 1-го іюня. Одна бѣда: такъ какъ она будетъ роздана *безплатно* 25-го мая, то, пожалуй, какая нибудь газета вздумаетъ ее немедленно перепечатать. Въ такомъ случаѣ мнѣ бы пришлось написать нѣсколько страницъ исключительно для васъ—но успѣю ли? Въ деревню я попаду не раньше субботы и хотя я съ воскресенія тотчасъ засяду за свой трудъ — но срокъ-то больно коротокъ! Вѣдь воскресеніе 4-го мая—а къ 15-му рукопись, за которую я *обязанъ* приняться *сперва*, должна быть кончена, переписана и отправлена. Сообщите мнѣ ваши соображенья. Программа праздника вамъ вѣдь извѣстна: 25-го мая утромъ засѣданіе О. Л. Р. С. (общество любителей россійской словесности), съ рѣчами; 26-го открытіе памятника и большой литературный обѣдъ, на который генералъ-губернаторъ хотя приглашенъ, но не пріѣдетъ, чтобы (по собственнымъ его словамъ) не стѣснять выраженія мнѣній въ спичахъ и тостахъ; 27-го музыкально-драматическій вечеръ (съ апоѳеозой), который можетъ повториться 28-го,—если публика пожелаетъ.

С. Спасское-Лутовиново. Середа, 8-го мая 1880.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, работа моя пошла скорѣе, чѣмъ я предполагалъ, завтра я ее кончу—а вы ее получите за нѣсколько дней до 20-го мая. Но такъ какъ она вышла уже вовсе не для народа, (для котораго я не умѣю писать—да онъ же и не вѣдаетъ Пушкина)—а для людей культурныхъ—то я написалъ Юрьеву (президенту Общества Любителей Р. Словесности)—что я не согласенъ ни печатать ее отдѣльно, ни раздавать безплатно. Ставши простою рѣчью между другими рѣчами, моя работа не имѣетъ никакого права на предпочтеніе передъ другими. Это лично бы оскорбило моихъ собратьевъ—а меня поставило бы въ ложное положеніе. Результатомъ всего этого будетъ то, что къ *вамъ* я пошлю мою штуку заблаговременно—а въ *Москву* передъ самымъ праздникомъ, ради вѣрности. Маленькое предисловьице для В. Е. я всетаки прибавлю—въ немъ я укажу на распространившійся слухъ, будто я согласился написать нѣчто для народа. Общество Любителей Р. С. успѣетъ еще, если захочетъ, составить, для безплатной раздачи, краткую популярную біографію Пушкина.

По пріѣздѣ сюда я былъ встрѣченъ слѣдующею новостью: между всѣми здѣшними мужиками и бабами ходили толки, что вслѣдствіе взрыва въ дворцѣ меня Г. приказалъ замуровать въ каменный столбъ и надѣть мнѣ на голову двѣнадцатифунтовую чугунную шапку. Вотъ въ какіе цвѣтики выращиваются сѣмена, столь тщательно посѣянныя опытными руками г.г. Катковыхъ и К°.

Всѣ эти дни я въ печальномъ настроеніи. Смерть моего друга Флобера меня глубоко поразила. Золотой былъ человѣкъ и великій талантъ!

PS. Прочелъ статью Анненкова въ В. Е.! Это—просто чудесно. Меня онъ вывернулъ какъ перчатку, показавъ мнѣ самому все мое сокровенное. Что, ничего еще не слышно о немъ? Быть можетъ, онъ уже пріѣхалъ въ Петербургъ? Безъ него—Пушкинскій праздникъ будетъ кривъ, какъ столъ, на которомъ недостаетъ соли.

С. Спасское-Лутовиново (Орловской губ., въ г. Мценскъ). Суббота, 11 мая 1880.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, вчера я кончилъ мою рѣчь, сегодня же съ яростью принялся за переписываніе—и во *вторникъ* утромъ она поѣдетъ къ вамъ, съ особымъ предисловіемъ. Дѣло въ томъ, что штука вышла длинная и я въ чтеніи 25-го мая чуть не на цѣлую треть ее сокращу. Мѣста, которыя

впервые появятся въ В. Е., я обвелъ карандашомъ. Такъ какъ я на такія отвлеченности мастеръ средственный—то даю вамъ право, въ случаѣ нужды, дѣлать надлежащія поправки. Будьте такъ добры, засядьте за это вмѣстѣ съ А. Н. Пыпинымъ—а еслибы Анненковъ къ тому времени подъѣхалъ, то это было бы совсѣмъ чудесно—и такому тріумвирату я бы вручилъ свою голову, не только свое писаніе.

С. Спасское-Лутовиново (Орловской губ., гор. Мценскъ). Пятница, 13 іюня 1880.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, вотъ послѣ этого и не будь суевѣренъ! Лѣтъ 8 тому назадъ я, пріѣхавъ въ Вѣну на выставку, 13 іюня, въ пятницу, ушибъ себѣ колѣно, выходя изъ экипажа—подагра прикинулась—и я пролежалъ 3 недѣли; года 4 тому назадъ—я тоже 13-го іюня и тоже въ пятницу поскользнулся на лѣстницѣ—опять подагра прикинулась и продержала съ недѣлю недвижнымъ—и вотъ сегодня, опять 13-го іюня и опять въ пятницу—со мной—уже безо всякой причины, сдѣлался припадокъ подагры—и уложилъ въ постель!! Когда я выѣду отсюда—неизвѣстно—и нашъ обѣдъ удаляется въ мглу будущаго... Остается одно: извѣщу о пріѣздѣ по телеграфу... а до тѣхъ поръ: терпѣнье!

49 22547

Не знаю, кто у васъ въ В. Е. будетъ писать о Пушкинскихъ праздникахъ, но не мѣшало бы ему замѣтить слѣдующее: и въ рѣчи Ив. Аксакова, и во всѣхъ газетахъ сказано, что лично я совершенно покорился рѣчи Достоевскаго и вполнѣ ее одобряю. Но это не такъ; и я еще не закричалъ: ты побѣдилъ, Галилеянинъ! Эта очень умная, блестящая и хитроискусная при всей скромности рѣчь всецѣло покоится на фальши, но фальши крайне пріятной для русскаго самолюбія. „Алеко“ Пушкина—чисто байроновская фигура, а вовсе не типъ современнаго русскаго скитальца;—характеристика Татьяны очень тонка,—но ужели же однѣ русскія жены пребываютъ вѣрны своимъ старымъ мужьямъ? А главное—„мы скажемъ послѣднее слово Европѣ, мы ее ей же подаримъ—потому что Пушкинъ геніально возсоздалъ Шекспира, Гете и др.?“ Но вѣдь онъ ихъ *возсоздалъ*, а не *создалъ*—и мы точно также не создадимъ новую Европу, какъ онъ не создалъ Шекспира и др. И къ чему этотъ *всечеловѣкъ*, которому такъ неистово хлопала публика? Да быть имъ вовсе и не желательно: лучше быть оригинальнымъ русскимъ человѣкомъ—чѣмъ этимъ безличнымъ всечеловѣкомъ. Опять все та же гордыня подъ личиною смиренья. Можетъ быть Европейцамъ оттого и труднѣе та ассимиляція, которую возводятъ въ

какое-то геніальное всемірное творчество—что они оригинальнѣе насъ. Но понятно, что публика сомлѣла отъ этихъ комплиментовъ,—да и рѣчь была дѣйствительно замѣчательная по краткости и—такту. Мнѣ кажется, нѣчто въ этомъ родѣ слѣдуетъ высказать... Г-да славянофилы насъ еще не проглотили.

За симъ прощайте. Я здѣсь еще не распуталъ дѣлъ своихъ—но надежда есть. Авось скоро увидимся... но теперь я какъ Сократъ: знаю только то, что ничего не знаю.

(Seine et Oise) Bougival. Les Frênes. Четвергъ, 22 іюля 1880.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, спѣшу отозваться на ваше дружеское письмо. Вотъ скоро двѣ недѣли какъ я сюда пріѣхалъ и блаженствую, погруженный въ абсолютное бездѣйствіе. Подагра меня покинула—и въ торжественный день 14-го іюля я могъ довольно удовлетворительно ходить по улицамъ Парижа и любоваться не столько зрѣлищемъ тысячи флаговъ, гирляндъ, иллюминацій и пр., сколько самими парижанами; что за милый, любезный и веселый народъ! Это былъ знаменательный день для республики. Получилъ я также изъ редакціи „Вѣстника Европы“ груду незаслуженнаго золота за мою рѣчь, напечатанную въ іюльской книжкѣ.

Bougival. Les Frênes. Середа, 13 (1) окт. 1880.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, получилъ вчера ваше письмо—и сегодня посылаю докладъ по пунктамъ.

Во 1-хъ.—Поздравленіе съ успѣхомъ—и въ то же время compliment de condoléance при видѣ предстоящихъ громадныхъ и неустанныхъ трудовъ!—Да подкрѣпитъ васъ Аллахъ! [1]).

Во 2-хъ. Я съ недѣлю вернулся изъ Англіи—почти не останавливался въ Лондонѣ—самымъ дурацкимъ образомъ все стрѣлялъ куропатокъ—однако удочку забросилъ—и теперь жду отвѣта отъ Гаррисона. Но вслѣдствіе вашего письма является другая забота: достать путныхъ корреспондентовъ для „Порядка“ (То вѣдь было для „В. Е.“).—Могу поручиться за одно: въ Парижѣ я вамъ найду корреспондента *1-й сортъ*—только француза; русскихъ вы сами отлично опредѣлили. Въ Лондонѣ у меня скорѣе есть на примѣтѣ дѣльный соотечественникъ. Но прошу васъ немедленно дать знать: какъ часто вамъ нужны корреспонденціи?—какой длины?—и какую вы назначаете цѣну

---

[1]) М. М. Стасюлевичъ получилъ въ это время разрѣшеніе издавать газету „Порядокъ“.—*Ред.*

(опредѣлите minimum и maximum) — и предоставьте мнѣ сообразиться.

Отрывокъ изъ воспоминаній (Свое и Чужое) вы непремѣнно получите къ 1-му № „Порядка"; я уже первыя двѣ странички набросалъ.

Парижъ 50, Rue de Douai. 20 (8-го) янв. 1881.

Любезнѣйшій М. М. Послѣ 4-хъ-дневнаго перерыва, причиненнаго, вѣроятно, снѣжными заносами на желѣзныхъ дорогахъ, я получилъ 2-й и 3-й №№ „Порядка" — и нѣсколько былъ удивленъ тѣмъ, что ни въ томъ, ни въ другомъ не нашелъ второй половины „Старыхъ портретовъ". Разсѣченный такимъ образомъ, этотъ маленькій очеркъ долженъ въ глазахъ читателя потерять и то неважное значеніе, которое могъ бы еще имѣть. Вѣроятно, у васъ были на это свои соображенья—но я надѣюсь, что ко времени прибытія настоящаго письма, Маланья Павловна уже успѣла сдѣлать свой книксенъ читателю.

Здоровье мое поправляется медленно; чувствую великую слабость и дряблость—и сердце опять начинаетъ шалить.

Общее впечатлѣніе „Порядка" пока сѣровато и напоминаетъ оффиціальныя изданія; желательно было бы больше погруженія въ современную, столичную жизнь, хотя бы и безъ трескотни и бубенчиковъ „Новаго Времени".

Къ чему напр.: — позвольте замѣтить — помѣщеніе *вполнѣ* рескриптовъ награждаемымъ сановникамъ?—Чуть не цѣлый столбецъ на это пошелъ — и не достаточно ли было сказать, что такой-то, молъ, генералъ получилъ такую-то звѣзду... и т. п.

50, Rue de Douai. Paris. Среда, 9-го марта (25 февраля) 1881.

Любезный Михаилъ Матвѣевичъ. Не знаю, одобрите ли вы штуку, какую я выкинулъ для „Порядка". Вамъ можетъ быть извѣстно, что изо всей молодой школы романистовъ во Франціи— самый талантливый Г.-де-Мопассанъ (Guy de Maupassant), авторъ Boule de Suif и пр. Онъ написалъ прилагаемый очеркъ для „Revue Politique et Littéraire", который, по моему сужденію—маленькій chef d'oeuvre. Очеркъ этотъ долженъ появиться 26-го (14) марта; слѣдовательно, если онъ вамъ понравится, вы успѣете его велѣть перевести какому-нибудь искуснику—и помѣстить его въ „Порядкѣ" около 15 (27) марта, замѣтивъ, что это переводъ съ рукописи. Займетъ онъ не болѣе 1-го фельетона въ 10 столбцовъ. Если вы заплатите за него Мопассану 150 фр.— или даже 125 фр.—онъ васъ благословитъ.

Но я васъ попрошу немедленно по прочтеніи дать мнѣ знать телеграммой, что вы принимаете сей разсказъ и печатаете его *тогда-то* (около 15 (27) марта). Если же, паче чаянія, вы его отвергаете, то все-таки *телеграфируйте*—и пришлите обратно. Пожалуйста, исполните сіе въ точности.

Если разсказъ Г. де М. будетъ принятъ, надо будетъ постараться перевести его изящно—такъ какъ онъ по слогу достоинъ пера Флобера.

Буживаль, Villa „Les Frênes". Пятница, 23 (11) сент. 81.

Любезный Михаилъ Матвѣевичъ. Я вчера получилъ ваше письмо—и очень радъ, что мое итальянское „пастиччіо" найдено годнымъ [1]). Всѣ ваши распоряженія прекрасны—и замѣчанія на счетъ неологизмовъ вѣрны. „Сороковые" годы можно замѣнить: около „половины"—или „середины" (памятуя Дантовское in *mezzo* del camin и т. д.), а какіе другіе найдутся—даю вамъ carte blanche для ихъ замѣненія. Надо чтобы тонъ былъ выдержанъ до малѣйшихъ подробностей.

Анненкова я не видѣлъ—ужъ очень спѣшилъ сюда—но написалъ ему, что погощу у него въ концѣ октября, когда мои здѣшніе друзья будутъ перебираться въ Парижъ.

50, Rue de Douai. Paris. 5 дек. (23 нояб.) 1881.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, извѣщаю васъ, что оканчиваю перепиской „Отчаяннаго", что послѣзавтра сей индивидуумъ отправится къ Баденъ-Баденъ—и что, пробывъ сутки у нашего Аристарха, онъ помчится въ Петрополь, куда прибудетъ непремѣнно къ 1 (13-му) декабря. Помѣстить его, конечно, лучше въ „Вѣстникѣ Европы"—можно будетъ успѣть и корректуру сюда прислать—такъ какъ моя рукопись выходитъ что-то, противъ (или сверхъ) обыкновенія, неразборчивою—да и кромѣ того, можно будетъ внести Анненковскія поправки, если таковыя сыщутся и будутъ признаны дѣльными. Я полагаю, что къ заглавію всетаки слѣдуетъ прибавить: „изъ воспоминаній своихъ и чужихъ".

Спасибо за присланный нѣмецкій переводъ „Пѣсни" — въ „St. Pet. Zeitung". Вообще этой штукѣ посчастливилось—въ „National Zeitung" (въ Берлинѣ) появился другой переводъ, въ Россіи ее не ругали—а здѣсь въ Парижѣ даже находятъ, что

---

[1]) „Пѣснь торжествующей любви", напечатанная въ ноябрьской книжкѣ „В. Е." за 1881 г.—*Ред.*

я ничего лучшаго не написалъ! Вотъ ужъ точно: „не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь“.

50, Rue de Douai. Paris. Суббота 10 дек. (20 нояб.) 1881.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ. Сегодня утромъ мой „Отчаянный“ поѣхалъ въ Баденъ къ Анненкову—завтра утромъ онъ его прочтетъ—и завтра же отправитъ его къ вамъ—такъ что вы должны получить его въ среду, 14 (2-го) декабря. „Отчаянный“ опоздаетъ однимъ днемъ, что для „Отчаяннаго“ очень еще прилично. Вы велите его сейчасъ отдать въ наборъ—и пришлите мнѣ сюда двѣ корректуры, изъ которыхъ одна тотчасъ же помчится назадъ поправленная—а другая останется здѣсь для переводческихъ цѣлей.

50, Rue de Douai. Paris. Середа 14 (2-го) дек. 1881.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, сегодня, по письму Анненкова, долженъ явиться къ вамъ „Отчаянный“—и сегодня же я посылаю вамъ телеграмму съ просьбой прислать мнѣ сюда корректуру, которую я въ тотъ же день возвращу. Я прошу объ этомъ потому, что въ „Отчаянномъ“ есть одинъ параграфъ, который слѣдуетъ, по замѣчанію Анненкова, либо оговорить, либо исключить вовсе — и мнѣ очень бы хотѣлось это сдѣлать. Затрудненія для васъ быть, кажется, не можетъ. Положимъ, вы начнете печатать 3-го или даже 4-го дек.; 8-го или 7-го вы мнѣ корректуру вышлете; 12-го я ее здѣсь получу и тотчасъ вышлю обратно; 15-го или 16-го (во всякомъ случаѣ до 20-го) вы получите ее обратно; а книга выходитъ 1-го января.—Къ тому же мнѣ нуженъ еще одинъ экземпляръ корректуры (вы и тогда мнѣ выслали два)—для того, чтобы французскій переводъ могъ явиться здѣсь 14 (2) янв. 1882 г. Даже если бы вы мнѣ выслали три экз. (одинъ для возврата, другіе два для оставленія у себя) я бы только лишній разъ вамъ поклонился! Анненковъ остался очень доволенъ „Отчаяннымъ“ и вѣроятно написалъ вамъ въ этомъ смыслѣ.

P. S. Въ видѣ личной услуги прошу васъ поручить вашему театральному рецензенту — когда Сарра Бернаръ пріѣдетъ въ Петербургъ, пребольно высѣчь эту бездарнѣйшую пуффистку и кривляку, у которой только и есть, что прелестный голосъ—а все остальное — ложь, фальшь и дряннѣйшій парижскій шикъ. Конечно это только въ такомъ случаѣ, если рецензентъ согласенъ съ моимъ воззрѣніемъ.

50, Rue de Douai. Paris. Середа, 21 (9-го) дек. 1881.

Сегодня я отправилъ къ вамъ телеграмму, извѣщающую о высылкѣ „Отчаяннаго"—и съ просьбой о немедленной высылкѣ двухъ другихъ экземпляровъ—*даже съ ошибками* (я ихъ исправлю) для гг. переводчиковъ (французскаго и нѣмецкаго). Вслѣдствіе моей „Пѣсни"—меня à la lettre бомбардируютъ запросами отовсюду. Вотъ ужъ точно: не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь. Разумѣется и фр. и нѣм. переводы не появятся раньше 1-го февраля н. с.

Поздравляю васъ съ пріобрѣтеніемъ статьи Д. М. [1]). Этому писателю честь и мѣсто.

Парижъ. 50, Rue de Douai. 23 (11-го) января 1882.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, вчера прибылъ вашъ чекъ въ 500 р. (за что весьма благодаренъ) и вчера же прочелъ я извѣстіе о томъ, что Дамокловъ мечъ, столь долго висѣвшій надъ „Порядкомъ", обрушился наконецъ на него. Понять это невозможно; остается сожалѣть—не о „Порядкѣ", а о правительствѣ, которое сослѣпу бьетъ своихъ лучшихъ друзей. Я, который аккуратно читаю всѣ статьи „Порядка", не могу даже постигнуть, за какую это статью нашли нужнымъ его покарать?

Парижъ, 50. Rue de Douai. 26 (14-го) апр. 1882.

Сколько разъ я собирался къ вамъ писать—и вотъ теперь пишу на постели, съ которой не скоро встану. Три недѣли тому назадъ со мной сдѣлалась angine de poitrine—грудная жаба—болѣзнь, состоящая въ томъ, что когда человѣкъ лежитъ смирно—онъ здоровъ; но какъ только онъ вздумаетъ подняться, встать или сѣсть—(не говоря уже о томъ, чтобы ходить или взбираться на лѣстницу), съ нимъ дѣлаются мучительныя судороги въ лѣвомъ плечѣ, въ груди, — и наконецъ захватываетъ дыханіе. Я обратился къ Шарко, но мало отъ него услышалъ утѣшительнаго: la médecine est à peu près impuissante contre cette maladie—надо ждать и ждать недѣли, мѣсяцы, даже годы. Изъ всего этого вы можете заключить, что путешествіе мое въ Россію кануло въ воду. Но сверхъ того является слѣдующій казусъ: болѣзнь эта можетъ продолжаться—но можетъ также кончиться въ пять минутъ, причемъ субъектъ отправляется въ горнія. Вотъ этотъ казусъ заставляетъ меня обратиться къ любезному Г. О. Гинц-

---

[1]) Этотъ писатель—гр. Д. А. Милютинъ, статья котораго: „Военныя реформы императора Александра II", подписанная буквами N. N. N., напечатана въ № 1 „В. Евр." за 1882 г.—*Ред.*

бургу съ слѣдующей просьбой. Въ его конторѣ хранятся мои облигаціи (харьковскія) на *40.000* р.; пусть онъ мнѣ ихъ препроводитъ со всевозможной осторожностью ко мнѣ сюда, а я ихъ передамъ лучше при свиданіи Віардо—а они будутъ аккуратно высылать проценты съ нихъ моей дочери, у которой по моей глупости и по милости ея супруга и французскихъ законовъ не осталось ни синь пороха. Вы поймете, какъ это для меня важно — и любезный Гинцбургъ пойметъ это тоже. Всѣ, которыя я ему былъ долженъ здѣсь деньги, я заплатилъ. Мнѣ очень трудно писать лежа—а потому я откладываю до слѣдующаго письма другой планъ, который я хочу вамъ сообщить о продажѣ всѣхъ моихъ сочиненій на вѣчныя времена; а то, чего добраго, окачурюсь—и все это пойдетъ, какъ говорятъ у насъ, *хинею*.

Пожалуйста, отвѣтьте немедленно на это письмо. Анненкова я уже извѣстилъ... Какая славная его статья о Пушкинѣ. Что Кавелинъ?

Парижъ, 50. Rue de Douai. 22 (10-го) мая 1882.

Любезнѣйшій М. М., вчера я получилъ ваше письмо, въ которомъ вы говорите, что „ждете завтра" П. В. Анненкова, однако сегодня еще извѣстія этого нѣтъ. Вѣроятно теперь онъ уже давно съ вами и толкуетъ о моихъ *дѣлахъ*. Здоровье мое поправляется, но съ медленностью, достойной Фабія Кунктатора или нашей пожарной коммиссіи. Мысль увидѣть васъ въ Буживалѣ мнѣ очень пріятна, хотя когда я туда попаду—мнѣ неизвѣстно; ибо съ постели не всталъ еще до сихъ поръ. Теперь вотъ о чемъ васъ я убѣдительно прошу. Молодой Ш. (статью о Гизо котораго я вамъ послалъ) возбуждаетъ во мнѣ искреннее сочувствіе. Умирая съ голоду, онъ никому не протягиваетъ руки:— такъ ужъ я рѣшился солгать и сказать ему, что вы приняли его статью—и выслали мнѣ за нее 150 фр. (30 р. за листъ). Онъ сначала долго сомнѣвался, однако наконецъ взялъ эти деньги и далъ мнѣ прилагаемую росписку. Теперь одно изъ двухъ: либо вы найдете эту статью неудобною къ печати—либо вы найдете цѣну слишкомъ незначительною для „В. Е.". Въ обоихъ случаяхъ прошу васъ не выдать меня. Ш. написалъ вамъ, предлагая очеркъ изъ жизни парижскихъ студентовъ—листа въ 1 1/4 печатныхъ. Вы либо откажете — и дѣло съ концомъ; а если примете, то можете немного наддать гонорару. Съ нимъ я уже устроюсь—но пожалуйста не выдавайте меня; онъ такъ деликатенъ, что захочетъ мнѣ эти деньги возвратить,—а откуда онъ возьметъ? Въ случаѣ же если вы не захотите напечатать статьи

о Гизо — то отложите все это въ долгій ящикъ — не пишите ему—а мы ужъ потомъ какъ-нибудь устроимъ... Прошу васъ объ этомъ.

P. S. Кто это *L*—пишущій критическія статьи (о Достоевскомъ) въ „Голосѣ"? [1]).

Свѣтлая голова—и проницательный умъ.

Bougival. Les Frênes. Пятница, 29 іюня 1882.

Любезный Михаилъ Матвѣевичъ, вчера получилъ ваше письмо изъ Карлсбада—и поздравляю васъ съ пріѣздомъ въ Германію и отъѣздомъ изъ Петербурга. О себѣ скажу кратко: все то же—и такъ же скверно. Доктора утѣшаютъ меня тѣмъ, что эти болѣзни проходятъ сами собою; но ничего подобнаго пока не видно—и я сижу какъ подстрѣленная птица—и вѣроятно такъ же буду сидѣть, когда вы заѣдете въ Буживаль.

На счетъ моихъ сочиненій и продажи ихъ—вы съ Анненковымъ не совсѣмъ справедливо надо мной посмѣялись; въ томъ-то и дѣло, что вы никакого плана мнѣ не предложили и я поневолѣ, побуждаемый безденежьемъ, обратился къ Топорову. Впрочемъ и тутъ, кажется, ничего не выгоритъ. У Думнова (наслѣдники Салаева) осталось еще слишкомъ тысячу экземпляровъ. И онъ—comme le lapin, préfère attendre (вы знаете это изрѣченіе изъ „Cuisinière bourgeoise": le lièvre aime á être rôti vif, le lapin и т. д.). Придется и тутъ сидѣть у моря и ждать погоды. На свои деньги печатать было бы можетъ быть выгодно;—но пока надо кушать (или собственно давать кушать моей дочери и ея дѣтямъ)—а другихъ денегъ, сверхъ высылаемыхъ Гинцбургомъ—у меня нѣтъ, да и впредь не предвидится. Кажется, немного написалъ — а вся правая лопатка и рука сильно заныли. Къ числу тѣхъ поступковъ, которые мнѣ возбранены, какъ-то: стоять, ходить, лежать, придется прибавить и писаніе. Пейзажикъ веселый.

Погода у насъ стоитъ упорно сырая и холодная—такъ что я, сверхъ прочихъ моихъ недуговъ, обогатился фантастическимъ насморкомъ.

P. S. Скажите хозяйкѣ Hôtel Victoria, что я самъ бы желалъ сидѣть теперь подъ ея кровомъ — вмѣсто Буживаля—да вотъ поди ты!

Bougival. Les Frênes. Четвергъ, 17 авг. 1882.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, такъ какъ мнѣ предстоитъ сообщить вамъ много свѣдѣній—то дѣлаю это по пунктамъ.

1) Дѣло моего изданія благополучно окончено, какъ вы это

[1]) Вѣроятно—Г. А. Ларошъ.—*Ред.*

усмотрите изъ прилагаемаго письма Топорова—и не съ наслѣдниками Салаева, а съ И. И. Глазуновымъ, что во всѣхъ отношеніяхъ лучше. Теперь уже нѣтъ опасности, что напечатаютъ лишнее количество экземпляровъ. Какіе именно два тома выбрать, объ этомъ мы еще поговоримъ.

2) Скажите любезному Г. О. Гинцбургу, который ѣдетъ къ вамъ въ Динаръ, что я получилъ его письмо, и благодарю его за обѣщаніе распорядиться моими деньгами.

3) Посылаю еще десятокъ моихъ—какъ вы ихъ назвали—„Зигзаговъ“ [1]) для укомплектованія полсотни. Прошу все это опять перечесть и осмотрѣть *объективнымъ* взглядомъ—и по прибытіи сюда—рѣшить вопросы: Печатать ли? Какъ печатать (съ подписью или безъ)? и когда?—Потомъ вы ихъ мнѣ вручите—и все это поѣдетъ къ Анненкову въ Баденъ, такъ какъ безъ его окончательнаго разсмотрѣнія я до сихъ поръ ничего не печаталъ—и впредь не намѣренъ.

Здоровье мое подвигается къ лучшему—но черепашьимъ ходомъ.

Bougival. Les Frênes. Суббота, 26 авг. 1882.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ. На ваше, сегодня полученное письмо имѣю кое-что отвѣтить.

Во-1-хъ. Объ изданіи, печатаніи и пр. поговоримъ при свиданіи—потому что окончательнаго разрѣшенія отъ Топорова еще нѣтъ.—Кажется, однако, что онъ никакихъ препятствій со стороны Салаевыхъ не ожидаетъ.

Во-2-хъ. На счетъ „Зигзаговъ“, предисловія къ нимъ, подписи и т. п.—тоже поговоримъ. Но заранѣе предупреждаю, что все будетъ сдѣлано по вашему.—Рукопись можно будетъ отсюда послать къ Анненкову, когда вы ее привезете.

Въ-3-хъ. Хотя состояніе моего здоровья—или моей болѣзни—измѣняется мало, однако, вслѣдствіе ли единственнаго достигнутаго результата—спокойныхъ ночей—или по другой причинѣ—но на меня нашелъ давно небывалый стихъ: нѣсколько дней тому назадъ я принялся за повѣсть (ту самую, которую я назначалъ было „Нивѣ“), да съ тѣхъ поръ такъ ретиво пишу, что настрочилъ уже половину—(и во всей повѣсти будетъ листа три печатныхъ)—и если такъ продолжится—то къ вашему пріѣзду сюда—(въ концѣ будущей недѣли?)—вся штука будетъ готова—и если окажется годной—можно будетъ пустить ее въ январьской книжкѣ.—Che ne dite?

---

[1]) „Стихотвореній въ прозѣ“.—*Ред.*

Bougival. Les Frênes. Понедѣльникъ, 4 сент. 1882.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, благодарю за всѣ сообщенныя свѣдѣнія—и за обѣщаніе посѣтить меня здѣсь вмѣстѣ съ вашей супругой. Судя по телеграммѣ, посланной Гораціемъ Осиповичемъ [1]), дѣло изданія пришло къ благополучному окончанію.—Молодецъ Топоровъ! — Повѣсть, о которой вамъ я писалъ третьяго дня, тоже окончена. Остается переправить, переписать, дать прочесть Анненкову и т. д. Кстати объ Анненковѣ: вчера я получилъ отъ него самого описаніе, какъ онъ „кувыркомъ, кувыркомъ" полетѣлъ съ горы. — Слава Богу, что не убился! Вѣдь вотъ поди ты! Кажется, ужъ на что степенный человѣкъ—а какой легкомысленной смерти подвергался! Я написалъ ему, что желаю ему такъ же оправиться отъ своихъ ушибовъ, какъ императоръ Вильгельмъ отъ двойного выстрѣла Нобилинга.—Онъ надѣется къ 15-му сент. вернуться въ Баденъ, въ свою теплѣйшую и безопаснѣйшую квартиру.

При мысли о томъ, что вы теперь купаетесь, я отсюда зябну за васъ! Помилуйте—мы здѣсь каминъ топимъ—а вы погружаетесь въ пучины морскія... „Illi et aes triplex, et robur", какъ говоритъ Горацій.

Bougival. Les Frênes. Пятница, 29 (17) сент. 1882.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, вчера я получилъ ваше письмо изъ деревни Арсеньева—и очень обрадовался его отзыву о моихъ „Зигзагахъ". — Онъ человѣкъ съ вѣрнымъ и тонкимъ вкусомъ. Желаю, чтобы его предсказанья хотя отчасти оправдались.

Повѣсть свою я отправилъ къ Анненкову—и на дняхъ ожидаю ея возвращенія вмѣстѣ съ его вердиктомъ. Онъ теперь совсѣмъ поправился отъ своего паденія съ горы.

Bougival. Les Frênes. Середа, 11-го окт. (29-го сент.) 1882.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, сейчасъ получилъ ваше письмо съ приложеніями.

Со всѣми вашими предложеніями на счетъ заглавія и т. д.—вполнѣ согласенъ.—Въ предисловіи отъ редакціи я бы желалъ измѣнить одно слово: вмѣсто „богатую" коллекцію—я предложилъ бы: „цѣлую" коллекцію. — Дай Богъ, чтобы мои „Стихотворенія въ прозѣ"—имѣли хотя малую часть того успѣха, который вы имъ пророчите. Во всякомъ случаѣ—я уже доволенъ тѣмъ успѣхомъ, который они заслужили у вашихъ друзей—въ силу латинской

[1]) Гинцбургомъ.

поговорки: dulce laudari a laudato viro. Какъ только получу корректуру и спишусь съ П. В. Анненковымъ—она будетъ обратно къ вамъ отправлена. На дняхъ пошлю я вамъ также рукопись моей повѣсти: „Послѣ смерти“.

Еще одно.—Въ случаѣ если вы найдете нужнымъ исключить одно или два стихотворенія—(какъ напр. „Порогъ“, въ которомъ я не хотѣлъ бы, чтобы послѣднія слова были измѣнены)—то я вамъ пошлю одинъ отрывокъ подъ заглавіемъ:—„Нашимъ народникамъ“, который, мнѣ кажется, не худо было бы помѣстить вмѣстѣ съ другими.—Въ какой книжкѣ они явятся: въ ноябрьской или декабрьской?

Здоровье мое—какъ говорится—ни тпру, ни ну.—Въ послѣдніе дни даже какъ будто немного попортилось.

Bougival. Les Frênes. 15 (3) окт. 1882.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, два письма вашихъ получилъ и корректурные листы „Стихотвореній“.—Какъ только получу отповѣдь отъ Анненкова, сею же секундою отправлю ихъ вамъ обратно рекомендованнымъ письмомъ.—Вмѣстѣ съ нимъ вы получите одно новое стихотвореніе въ замѣнъ „Порога“—если, какъ оно слѣдуетъ ожидать, придется его выкинуть [1]). Риѳму въ „Нимфахъ“ устранилъ;—„а бѣлъ какъ глина“—у насъ въ Орлѣ говорятъ—только про поблѣднѣвшаго (съ испуга) человѣка; ибо такая бѣлизна смахиваетъ точно на глину.—Впрочемъ и это можно перемѣнить.

Ничего не знаю—о романѣ, который я будто пишу или написалъ по словамъ Athenaeum'а! Это онъ во второй разъ меня награждаетъ; въ первый разъ даже содержаніе разсказалъ.—Знайте, что вамъ всегда будетъ извѣстно, что я пишу—и что, кромѣ какъ у васъ, я нигдѣ печататься не намѣренъ.

Надѣюсь, что вы въ худшемъ случаѣ отдѣлаетесь вырѣзкой „Внутренняго Обозрѣнія“ [2])... Но нечего сказать! приходится повторить:

Бывали хуже времена—
Но не было подлѣй!—

Bougival. Les Frênes. 16 (4-го окт.) 1882.

По совѣту Анненкова я у иныхъ стихотвореній отнялъ заглавіе: „Сонъ“—особенно; „Христосъ“ сдѣлался у меня видѣ-

[1]) „Порогъ“ дѣйствительно не былъ, по цензурнымъ соображеніямъ, напечатанъ въ „В. Евр.“ вмѣстѣ съ другими „Стихотвореніями въ прозѣ“ и увидѣлъ свѣтъ въ Россіи лишь недавно (въ изданіи „Свѣточа“).—*Ред.*

[2]) Октябрьское внутреннее обозрѣніе, посвященное, отчасти, только что изданнымъ „временнымъ“ правиламъ о печати, вышло въ свѣтъ благополучно.—*Ред.*

ніемъ. — Анненковъ также полагаетъ, что можно пропечатать полное имя Ю. П. Вревской.—Однако я съ этимъ не вполнѣ согласенъ.—Какъ вы?—„Бѣлъ какъ глина"—я оставилъ.

На слѣдующей стр. вы найдете, чѣмъ замѣнить „*Порогъ*"—если вы рѣшительно найдете его неудобнымъ.—Въ противномъ случаѣ, оставьте „Житейское правило" до слѣдующей полсотни, которая можетъ появиться въ будущемъ году, если первая будетъ имѣть тотъ успѣхъ у нашей публики, который вы ей предсказываете.

Bougival. Les Frênes. Середа, 25-го (13-го окт.) 1882.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, вчера вечеромъ пришло ваше письмо и первымъ моимъ дѣломъ—просить васъ—выкинуть „Порогъ" (и не замѣнять его тѣмъ „Стихотвореніемъ въ прозѣ", которое я вамъ прислалъ: оно по тону не подходитъ къ прочимъ).—Черезъ этотъ „порогъ" вы можете спотыкнуться... особенно если его пропустятъ. А потому: лучше подождать.

Спасибо за сообщенное письмо Кони: очень оно меня тронуло—и я буду хранить его—какъ документъ.

Вполнѣ сочувствую вашему горю по поводу кончины Топсика. Помню и я, какъ я совершенно неожиданно расплакался, хороня мою добрую, вѣрную собаку Діанку... Много лѣтъ тому назадъ—когда я былъ еще человѣкомъ—и могъ ходить на охоту.

И „кру́чь", и „круча" существуютъ, но „круча", я думаю, грамматически правильнѣе.

Bougival. Les Frênes. Châlet. Пятница, 17 (5) ноября 1882.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, всѣ ваши распоряженія прекрасны; но я едва ли буду въ состояніи выслать вамъ скоро вторую полсотню (сперва надо посмотрѣть, какъ публика проглотитъ первую), такъ какъ большая часть этихъ Ст. въ прозѣ—характера автобіографическаго—т.-е. неудобнаго къ публикаціи.

Парижъ. 50, Rue de Douai. 19 (7-го) нояб. 1882.

Пишу вамъ, любезнѣйшій М. М., какъ видите, изъ Парижа, куда я съ немалымъ трудомъ перебрался вчера вечеромъ. Въ самый моментъ отъѣзда получилъ ваше письмо, на которое спѣшу отвѣтить. Если издатель „В. Е." согласенъ на уступку нѣкоторыхъ Ст. въ Пр. для чтенія—то я, разумѣется, противиться не буду—хотя не могу себѣ хорошенько представить, какое впечатлѣніе произведутъ эти маленькіе отрывки передъ многочисленной публикой. Ст. въ Пр. преимущественно назначены для интимнаго

чтенія. Какъ бы эта громогласность не повредила имъ! Но такъ какъ цѣль собственно заключается въ выставленіи имени—тò и чудесно!

Сегодня я сильно расклеился, вслѣдствіе переѣзда. Видно мнѣ еще долго придется фигурировать въ роли устрицы.

Парижъ. 50, Rue de Douai. 23 (11-го) нояб. 1882.

Любезнѣйшій М. М. возвращаю вамъ „стремплѣшь“ — какъ говаривалъ М. А. Языковъ — присланные отрывки корректуръ. Я нисколько не стою за заглавіе: „Послѣ смерти“ — и вполнѣ согласенъ замѣнить его заглавіемъ: „Клара Миличъ“.

Парижъ. 50, Rue de Douai. 24 (12-го) нояб. 1882. Пятница.

Съ нынѣшней же почтой отправляется къ вамъ повѣсть Л. Я. Стечькиной. Эта бѣдная дѣвушка находится здѣсь въ крайне тяжеломъ положеніи. У ней сильнѣйшая чахотка, ее доктора посылаютъ на югъ—а у ней гроша нѣтъ. Но рекомендуя ея повѣсть для „В. Е.“, я вовсе не руководимъ однимъ чувствомъ сожалѣнія — и не милостыни прошу для нея. Повѣсть эта мнѣ кажется весьма достойной появиться на страницахъ „В. Е.“. Будьте такъ любезны, прочтите ее—и если вы найдете ея оцѣнку справедливой—и примете повѣсть—*то вышлите часть гонорара теперь же* (вотъ въ чемъ состоитъ моя просьба). Этимъ вы спасете эту дѣвушку, которая заслуживаетъ полной симпатіи—и по таланту—и по характеру. Во всякомъ случаѣ не мѣшкайте отвѣтомъ—сдѣлайте это для меня.

А второе мое предложеніе вотъ какое. Извѣстный вамъ молодой романистъ, Гюи-де-Мопассанъ, безспорно самый талантливый изъ всѣхъ современныхъ французскихъ писателей, написалъ романъ, который съ 15 февраля будетъ напечатанъ въ „Жильблазѣ“ рядомъ фельетоновъ. Содержаніе этого романа мнѣ извѣстно—оно нисколько не скабрéзно, какъ нѣкоторыя другія его вещи. Онъ мнѣ на дняхъ прочелъ нѣсколько большихъ отрывковъ—и я положительно пришолъ въ восторгъ: со времени появленія г-жи Бовари ничего подобнаго не появлялось. Это не тò, что Золà и пр. Я знаю, что за мной установилась репутація слишкомъ снисходительнаго судьи и критика—но, либо я ничего не смыслю—либо романъ Мопассана изъ ряду вонъ выходящее явленіе, *капитальнѣйшая вещь!* Онъ бы не прочь продать его въ рукописи—съ тѣмъ, чтобы переводъ явился не ранѣе 15 (3-го) февраля будущаго года—т.-е. первая его часть; вторая можетъ явиться мѣсяцемъ позже—т.-е. въ мартовской книжкѣ

„В. Е.“ (предполагая, что первая явится въ февральской).— „В. Е.“, кажется, до сихъ поръ такихъ дѣлъ не дѣлалъ—но, повторяю вамъ, это вещь необыкновенная и произведетъ сильное впечатлѣніе. Мопассанъ уступилъ бы ее за 600 руб. с. Переводчика хорошаго я нашелъ бы здѣсь—и самъ наблюдалъ бы за переводомъ. Подумайте—и дайте мнѣ отвѣтъ, такъ же, по возможности, скорѣй.

Заглавіе романа — „Une Vie“. Это цѣлая жизнь честной, хорошей женщины, цѣлая интимная драма, изображенная первоклассным художникомъ. Размѣръ романа не превышаетъ размѣра „г-жи Бовари“.

Парижъ. 50, Rue de Douai. Вторникъ, 12-го дек. (30 нояб.) 1882.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, я получилъ отъ слушательницъ Врачебныхъ женскихъ курсовъ письмо съ 40 подписями — въ числѣ которыхъ стоитъ *Е. Трубникова.* Я отвѣчаю имъ прилагаемымъ письмомъ, которое покорно прошу передать имъ немедленно—а такъ же взнести имъ *сто* руб. сер., которые вы возьмите изъ предбудущаго моего гонорара. Онѣ конечно напечатаютъ мое письмо въ какой-нибудь газетѣ; можетъ быть, даже попросятъ васъ перепечатать его въ „В. Е.“. Это я предоставляю вашему благоусмотрѣнію; прошу только передать имъ мое письмо и деньги.

Дѣло съ Мопассаномъ улажено. Весь романъ будетъ состоять изъ 10, много 11 листовъ (печатныхъ) „Вѣстника Европы“ (малаго шрифта). Первую половину вы можете напечатать въ февральскомъ № „В. Е.“ — вторую въ мартовскомъ. Онъ не можетъ дать разомъ всю рукопись; онъ будетъ давать отдѣльныя главы по мѣрѣ ихъ списыванья. Первая уже находится въ рукахъ переводчика. Я не могъ поступить иначе—такъ какъ посылать рукопись въ Петербургъ оказалось невозможнымъ; — но будьте спокойны. Переводъ будетъ хорошо сдѣланъ, подъ моимъ наблюденіемъ; и получите вы его въ назначенный вами срокъ— къ 25-му нашего декабря. Соблюдая ваши интересы—я установилъ цѣну съ Мопассаномъ въ 500 р. сер. Переводчикъ за листъ получитъ 70 франковъ (менѣе 30 р. сер.)—Мопассанъ самъ хорошо знаетъ, что „Gilblas“—подлая газета... но что прикажите дѣлать? Auri sacra fames... а въ его случаѣ — просто: fames. Очень уже хорошо платитъ „Gilblas“ (онъ же помѣститъ новый романъ Зола).

Оттиски „Стихотвореній въ прозѣ“ еще не получены—хотя завтра они являются на судъ... не столько Божій, сколько Буре-

нинскій. Что г-да критики ихъ проберутъ—это несомнѣнно; но несомнѣнно такъ же и то, что я огорчаться не буду. Я бы скорѣе огорчился—удивился бы во всякомъ случаѣ—еслибъ услышалъ похвалы изъ иныхъ устъ.

Парижъ. 50. Rue de Douai. Середа, 20 (8-го) дек. 1882.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, случившійся со мною казусъ на счетъ Мопассановскаго романа напоминаетъ мнѣ другой казусъ—когда я, служа при Министерствѣ Вн. Дѣлъ, переписывая бумагу, влѣпилъ какому-то несчастному вору вмѣсто 30 ударовъ плети—тридцать ударовъ кнута. Но вы за это страдать не должны. Мопассанъ полагаетъ, что онъ за свой романъ получитъ 500 р. Но онъ бы удовлетворился и меньшей суммой. Я ему растолкую, что тутъ вышло недоразумѣніе и что ему заплатятъ 1000 франковъ—и онъ будетъ доволенъ. Я охотно готовъ взять 400 фр. на себя: надо чѣмъ-нибудь наказать себя за легкомысленность. Но романъ прелесть—и чистоты чуть-чуть не Шиллеровской. А „Жильблазъ“ платитъ ему дороже, чѣмъ вы думаете, а именно—40 cent. за строчку. (Зола получаетъ 50). Кстати: „Будильникъ“ купилъ романъ Зола за 3000 франковъ. Но я васъ пресерьезнѣйше прошу не считать болѣе 1000 фр.; — да иначе и нельзя — такъ какъ завтра же Мопассану будетъ объявлена эта сумма. А переводъ будетъ мною просмотрѣнъ— и явится къ вамъ во время—за это я, хоть и легкомысленный человѣкъ, ручаюсь.

Удивляюсь я, какъ это вы не получили романа Стечькиной! Я самолично его вамъ отправилъ—и надпись сдѣлалъ собственноручно. Справьтесь, пожалуйста.

Мнѣніе Ковалевскаго о Ст. въ Пр. очень для меня лестно. Подобныя мнѣнія — подобныхъ людей — важны; а публика — en gros—и критика—en grossièr—могутъ говорить, что имъ угодно.

Парижъ, Rue de Douai, 50. 5 января 1883 (24 декабря 1882).

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, сообщаю вамъ слѣдующіе факты.

Переводъ *первой* части романа Мопассана оконченъ и отправляется къ вамъ завтра страховымъ письмомъ; слѣд. вмѣсто того, чтобы быть въ Петербургѣ 25-го дек. нашего стиля, онъ поѣдетъ туда въ этотъ день — опоздавъ такимъ образомъ на трое сутокъ, въ чемъ, я надѣюсь, вы меня извините. Я выдалъ Мопассану отъ вашего имени 1.000 франковъ—полную цѣну романа; но вамъ *не слѣдуетъ возвратить мнѣ эти деньги раньше 1-го марта.*

Прошу васъ извѣстить меня *стремплѣшь*, какъ только вы получите рукопись.

Сейчасъ вернулся съ похоронъ Гамбетты, на которыя ѣздилъ смотрѣть, не смотря на мое болѣзненное состояніе, которое значительно ухудшилось въ послѣднее время... Никогда я ничего не видѣлъ подобнаго—ни какъ зрѣлище—ни какъ настроеніе. Цѣлая Франція провожала въ могилу своего лучшаго сына.

Парижъ, 50, Rue de Douai. Воскресенье, 6 янв. 1883 (25 дек. 1882).

Любезнѣйшій М. М. Являюсь къ вамъ съ повинной головою. Вотъ въ чемъ дѣло. Получивши переводъ Мопассановскаго романа (первой части), я съ сожалѣньемъ долженъ былъ убѣдиться, что послать его вамъ въ настоящемъ видѣ *невозможно*. Принялся за передѣлку (болѣе чѣмъ за поправку), но раньше недѣли выслать рукопись невозможно. Слѣдовательно, вы раньше 16 (4) января получить ее не можете, а это для печатанія въ февральскомъ № едва ли не слишкомъ поздно. И потому: отлагая этотъ переводъ до мартовской книжки, вы теряете всю выгоду de la primeur и не имѣете ни нужды, ни даже возможности платить 1.000 фр. автору. И потому: *вы ихъ не платите*. Во-первыхъ: это сумма небольшая въ сущности и меня нисколько не обременитъ; во-вторыхъ, я очень радъ былъ и буду доставить ее Мопассану изъ своего кармана; въ третьихъ, я долженъ же поплатиться за свою опрометчивость. Вторую часть я уже поручилъ Луканиной, съ чего мнѣ бы слѣдовало начать; она исполнитъ свою задачу навѣрное очень хорошо. Вамъ останется заплатить за переводъ. Пожалуйста не измѣняйте моихъ распоряженій и примите ихъ. Если бы, паче чаянія, переводъ первой части успѣлъ попасть въ февральскую книжку, я буду очень радъ; но и въ противномъ случаѣ плакать не буду, подарить 400 р. талантливому человѣку, да еще моему пріятелю—„mes moyens me le permettent!“

Итакъ—я считаю это дѣло рѣшеннымъ—и прошу васъ только извѣстить меня телеграммой о вашемъ согласіи, въ которомъ ваша дружба не даетъ мнѣ сомнѣваться. А поправлю я переводъ хорошо—ибо моя амбиція будетъ затронута—да и времени у меня довольно—такъ какъ я, по неволѣ, опять пересталъ выѣзжать.

Парижъ, 50, Rue de Douai, середа, 10 янв. 1883 (29 дек. 1882).

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, сегодня утромъ я вамъ послалъ телеграмму о невозможности выслать вамъ переводъ Мопассановскаго романа; а вотъ вамъ объясненіе.

Переводъ оказался невозможнымъ. Я началъ было передѣлывать и поправлять, но убѣдился, что доставить его, какъ я полагалъ, черезъ недѣлю или даже черезъ двѣ—дѣло немыслимое. Виноватъ въ этомъ, конечно, я. Я отдалъ работу прекрасному малому, который совершенно былъ способенъ писать (и писалъ) журнальныя корреспонденціи, но, не имѣя никакого литературнаго таланта и даже плохо владѣя языкомъ (оказывается, что для писанія корреспонденціи даже этого не нужно) потерпѣлъ совершенное фіаско! Что было дѣлать! Я объяснился съ Мопассаномъ и онъ возвратилъ мнѣ тѣ тысячу франковъ; т.-е. продалъ мнѣ за эти деньги двѣ свои большія повѣсти, которыя онъ окончилъ нынѣшней весной (каждая отъ 4 до 5 нашихъ печатныхъ листовъ). Онъ мнѣ вручилъ рукописи, которыя, если вы пожелаете взять ихъ (обѣ или только одну)—я отправлю къ вамъ, для совершенія перевода на мѣстѣ. Впрочемъ, вы не должны считать это обязательнымъ; помѣстить эти повѣсти—при возрастающихъ успѣхахъ у насъ Мопассана—особенно послѣ появленія этого романа—будетъ очень легко и не въ „Вѣстникѣ Европы". Мнѣ только ужасно жаль, что моя комбинація не удалась, и что „В. Евр." не будетъ имѣть придуманнаго мною primeur'a. Но, повторяю, въ этомъ виновата одна моя довѣрчивость и необдуманность, за которую и слѣдуетъ мнѣ поплатиться. Мой, хотя неудачный, но честный переводчикъ не хочетъ слышать о какой-либо платѣ за свою несчастную работу, но ужъ это мое дѣло.

Результатъ: вамъ придется помѣстить въ февральскомъ № „Вѣстника" какую-нибудь другую изъ находящихся у васъ статей—времени на это довольно—и, если хотите, пожурить меня порядкомъ.

Я въ воскресенье ложусь подъ операторскій ножъ: Мнѣ изъ брюха вырѣзываютъ *невромъ*, который завелся у меня 24 года тому назадъ—и вдругъ, чортъ знаетъ съ чего, началъ рости и пухнуть. Операція мало опасная—хоть и болѣзненная, но потомъ придется пролежать недѣли двѣ въ постели. Ну, это мнѣ не въ диво. Моя angina pectoralis, съ своей стороны, пребываетъ въ statu quo; но съ ней я, вѣроятно, никогда не разстанусь. Досадно только то, что она помѣшаетъ хлороформивать меня во время операціи.

Итакъ, вы видите, новый 83 годъ (съ которымъ впрочемъ васъ поздравляю) начинается невесело: смерть Гамбетты, жизнь Ѳеоктистова [1]), невромъ, промахъ съ Мопассаномъ... Что дѣлать!

[1]) Е. М. Ѳеоктистовъ занималъ въ то время должность начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати.—*Ред.*

Именно tout passe, tout casse, tout lasse; pourvu que cela ne casse pas tout à fait.

50, Rue de Douai, Paris.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, изъ моей телеграммы вы уже знаете о благополучномъ исходѣ моей операціи; нынѣ же могу прибавить, что, благодаря искусству моего хирурга, Paul Segond'a, и неиспорченности моихъ соковъ, все идетъ какъ по маслу. Рана почти зажила, швы вынуты, и черезъ недѣлю я буду на ногахъ. Мой ex-врагъ, невромъ Θеоктистовъ, подвергается въ эту минуту анатомическому разсѣченію (участь, которой подвергнется со временемъ—надо надѣяться!—и петербургскій невромъ).

Парижъ, 50, Rue de Douai. Пятница, 2 февр. (21 янв.) 1883.

Слѣды операціи до того изгладились, что я бы могъ танцовать... еслибъ только могъ ходить—а ходить я не могу—все по милости моей старой болѣзни, которая въ послѣднее время разыгралась съ удвоенной силой.

ВѢРНОСТЬ

Стеша

(Очеркъ первый).

I.

— Мнѣ мѣсто надо интеллигентное, я не могу абы какъ,— говорилъ Демьянъ Петровичъ Кикса: — потому что я человѣкъ сознательный и направленіе взглядовъ выбралъ прогрессивное.

Онъ служилъ лакеемъ у моднаго дантиста, потомъ при лабораторіи въ коммерческомъ институтѣ, потомъ капельдинеромъ въ нѣмецкомъ фарсѣ и швейцаромъ въ кинематографѣ. Онъ имѣлъ представительную фигуру, красивое лицо съ синими глазами и золотистой бородой и очень благородную осанку. По внѣшности, подошло бы ему быть предводителемъ дворянства... Строптивый, самоувѣренный и самовлюбленный, онъ долго на мѣстѣ не уживался. И когда мѣсто терялъ, отправлялся къ своей женѣ, Степанидѣ, служившей „за все“ въ многочисленной семьѣ казначейскаго чиновника Стремоухова.

Степанида была хохлуша, кроткое, тихое, безотвѣтное созданіе. На ней хоть воду вози. Примется барыня пилить ее— отчего дрова не такъ сложены, отчего бѣлье не выстирано, не окопаны деревья въ палисадникѣ,—и Степанида съ тихой улыбкой только спроситъ:

— А чому барыня не приказалы?

„Чому не приказалы“?.. Прикажи—и Степанида, кажется, и

въ телѣгу запречь себя дастъ, и печку вытопить собой позволитъ...

Она произносила: яйця, дванадцять, хиба-жъ якъ. Она была коротковата ростомъ, довольно полна, неуклюжа; лицо имѣла незначительное, какое-то незапоминающееся, но запоминалась ея улыбка—ласковая, добрая, дѣтская, никогда почти не сходившая съ ея безцвѣтныхъ губъ и со столь же безцвѣтныхъ, невыразимыхъ глазъ...

— Буржуазный строй,—говорилъ Демьянъ, разсаживаясь на жениной кровати и медленно разглаживая свою превосходную золотистую бороду. — Эксплоатируютъ народный трудъ. Только они вѣдь играютъ съ огнемъ. Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Степанида, ты это понимаешь?

— А якъ же.

— То-то, „якъ же"... Въ одинъ прекрасный день волны народнаго гнѣва зальютъ ихъ до основанія. Ты этого не понимаешь, но я человѣкъ прогрессивный, и мнѣ все видать какъ на ладошкѣ.

Понимала кое-что и Степанида.

Понимала, что мужа опять прогнали со службы, онъ пропилъ уже все, что при разсчетѣ получилъ, а теперь будетъ жить здѣсь, на кухнѣ, и сейчасъ надо ему поставить пива... Милая улыбка на лицѣ женщины расплывалась шире, но въ то же время въ безцвѣтныхъ глазахъ Стеши появлялось выраженіе безпокойства... Не знала и не сумѣла бы представить себѣ Степанида другого счастья, чѣмъ то, которое давала близость мужа. Смотрѣть на Демьяна, слышать спиртный запахъ, который отъ него идетъ, внимать его разсужденіямъ, такимъ удивительнымъ и благороднымъ,—все это доставляло такую радость, что порою начинала тихонько кружиться голова...

Потерялъ Демьянъ Петровичъ службу,—ну и Богъ съ ней, съ этой службой! Не надо службы. Пусть сидитъ Дёма здѣсь, а служить, трудиться и доставлять все для жизни нужное будетъ Степанида сама... И только то было плохо, что не знала Степанида — хватитъ ли всетаки ея усилій, чтобы удовлетворить потребностямъ мужа...

За это право — принимать Демьяна и давать ему у себя пріютъ—Степанида дорого платила своей барынѣ. До того, какъ поступила Степанида, Стремоуховы имѣли всегда и горничную. Теперь горничной не было, и Степанида работала за двухъ. Кромѣ того, Степанидѣ не дѣлали подарковъ, ея не отпускали со двора, на нее безъ церемоніи кричали... Знали, что мѣста

она не броситъ,—въ другомъ домѣ съ этакимъ мужемъ кто же станетъ ее держать?—и пользовались этимъ широко.

— Въ настоящій моментъ ихнее царство вполнѣ окончилось, — сказалъ Демьянъ, наливая себѣ третій стаканъ пива.— Вотъ, напримѣръ, на этикетѣ: „пиво завода графа Чарторыжскаго"... Почему графа? Почему не мой заводъ, не вашъ, Авдотьюшка?

Авдотьюшка, мясистая, краснощекая, слегка тронутая оспой горничная, пришедшая изъ сосѣдской кухни, засмѣялась, кокетливо сощурила свои узенькіе, китайскіе глазки, — и отъ этого толстыя щеки ея пришли въ движеніе, и на нихъ засверкали широкіе блики.

— Ну какъ же возможно, Демьянъ Петровичъ! Вдругъ — заводъ, и мой...

— Нисколько не вдругъ... Если бы всѣ въ Россіи были съ понятіемъ какъ я, будьте покойны, давно бы у насъ было явное, тайное, всеобщее голосованіе. За ваше здоровье, Авдотьюшка, вы дѣвица достопримѣчательная.

Степанида, подоткнувъ юбки, влѣзла на скамейку и принялась подбѣливать стѣны. Кикса сумрачно оглядѣлъ жену, ея плотныя, голыя икры, потомъ взглянулъ на Авдотьюшку, выпилъ пива, разгладилъ бороду и, мечтательно устремивъ свои красивые глаза въ окно, сказалъ:

— Я получаю интеллигентное мѣсто. Въ редакціи „Вечерней Копѣйки". Я, признаться, давно хотѣлъ, чтобы при газетѣ.

Ночью, послѣ двѣнадцати, онъ лежалъ на кровати Степаниды, рядомъ съ женой, и объяснялъ, что ему необходимъ костюмъ. Вотъ, поступитъ на новое мѣсто, и надо, чтобы было прилично. Пиджакъ чтобы длинный, какъ теперь носятъ, въ таліи съ перехватомъ, и чтобы сзади разрѣзъ. А то въ старомъ, на кого онъ похожъ!.. Авдотьюшка, напримѣръ, смотритъ, а онъ въ старомъ, въ мятомъ. Она ничего себѣ дѣвушка, Авдотьюшка, свѣженькая... Конечно, она очень мало освѣдомлена, и сейчасъ видно, что она не сознательная, но это простительно: при настоящемъ режимѣ народъ держатъ во тьмѣ невѣжества, но народъ не виноватъ. Теперь, однако, этому конецъ, баста! Авдотья хорошая дѣвушка. А онъ получаетъ хорошее мѣсто. И необходимъ новый костюмъ...

У Стремоуховыхъ было семейное торжество — серебряная свадьба. Было много гостей, играли въ карты, кое-что перепало Степанидѣ. Даже отъ Демьяна скрыла Степанида, что сберегла нѣсколько рублей. Она на эти деньги разсчитывала соорудить крестъ на могилкѣ Васи, своего мальчика, умершаго въ прош-

ломъ году подъ Благовѣщеніе. Теперь Степанидѣ стало ясно, что съ крестомъ надо будетъ подождать, а деньги нужно будетъ отдать Демьяну Петровичу на костюмъ. И ей пріятно было представить себѣ мужа въ новомъ костюмѣ. Костюмъ модный, матерія въ полоску, вродѣ какъ у молодого барина...

— Здорово тѣсно тутъ, Стеша, — сказалъ Демьянъ Петровичъ: — кровать односпальная. Скоцюрубился, какъ крендель, а выпрямиться негдѣ.

Степанида слѣзла, постелила на полу, подлѣ кровати, и легла.

— Авдотьюшка — дура, — соннымъ голосомъ проговорилъ Демьянъ,—но въ ней есть авторитетъ.

II.

Утромъ, въ девятомъ часу, когда Степанида была на базарѣ, въ кухню вошла дочь Стремоуховыхъ, молоденькая курсистка, и сейчасъ же выскочила вонъ. Въ постели Стеши, раздѣтый и раскрытый, лежалъ Кикса. Подлѣ кровати стояла табуретка, на ней лежало нѣсколько растрепанныхъ книжекъ въ яркихъ обложкахъ и, такую же растрепанную книжку Кикса держалъ обѣими руками близко передъ лицомъ и вполголоса читалъ.

— Я готова все терпѣть, пусть этотъ балбесъ твой приходитъ,—кричала потомъ госпожа Стремоухова,—чортъ съ нимъ, но вѣдь это такое безобразіе, это-жъ невозможно...

Степанида потупилась. На лицѣ ея была жалкая улыбка.

— Валяется въ постели до полудня, книги читаетъ, фонъ-баронъ какой!..—продолжала госпожа Стремоухова:—чтобы его духа не было, а то и тебя вонъ!

Степанида знала, что вонъ ея не прогонятъ. Ужъ очень дешево обходилась она барынѣ. Но спокойной быть она не могла; все вѣдь бываетъ!.. А вдругъ и въ самомъ дѣлѣ крѣпко разгнѣвается барыня, или молодая барышня очень разсердится. Куда дѣться?..

Степанида была такъ напугана, что не смѣла и глазъ поднять. А между тѣмъ именно сегодня надо было проситься со двора, надо было идти покупать Демьяну костюмъ. Не пойти сегодня, отложить на день, на два,—станетъ Демьянъ требовать на пиво, на табакъ, на трамвай, на другое, на десятое, разлѣзутся деньги и не будетъ костюма. Что тогда?...

Тревожилъ Степаниду еще и другой вопросъ: Не набѣдокурилъ ли Демьянъ на службѣ?

Три мѣсяца назадъ, когда его разсчитали въ коммерческомъ институтѣ, его разсчитали за растрату. Его послали на вокзалъ, получить прибывшую съ наложеннымъ платежемъ посылку для лабораторіи, и дали для этого дѣла четырнадцать рублей, а онъ по дорогѣ деньги пропилъ. Пришлось Стешѣ покрывать растрату, и для этого она должна была спѣшно продать свое пальто, и шаль, и три пары новыхъ, не ношеныхъ еще чулокъ... Почему-то все казалось Степанидѣ, что и теперь приключилось съ Демьяномъ что-то подобное, и она съ тоской ждала, что вотъ-вотъ раскроется недоброе...

Къ завтраку Демьянъ вернулся.

Степанидѣ тяжело было огорчать его, и ей очень хотѣлось скрыть, что барыня сердилась. Но скрывать было рискованно: надо было сказать для того, чтобы Демьянъ велъ себя осмотрительнѣе и впередъ изъ постели вылѣзалъ пораньше.

Смягчая и ослабляя барынины слова, Стеша разсказала мужу о случившемся.

Кикса стоялъ къ женѣ задомъ, выкладывалъ на подоконникъ свѣжіе, только-что пріобрѣтенные выпуски „Ната Пинкертона", и лицо у него было мрачное.

— Понимаю,—сказалъ онъ,—подлючіе бюрократы... Ты думаешь что̀? Это они не хотятъ, чтобы простой народъ образованіе получалъ. Увидѣла, что я книгу читаю, и сейчасъ караулъ поднимать... Боятся!... Имъ надо, чтобы народъ въ невѣжествѣ... Ну, однако, я противъ нея средство найду.

Повернувшись къ женѣ лицомъ, онъ продолжалъ:

— Ты, Степанида, вотъ что: книжки, какія барышня читаетъ, ты мнѣ сюда ихъ принеси. Я посмотрю.

— А на що?

— „На що"?... Мазница полтавская!... Ужъ навѣрно тамъ такія книжки, что если кому только одно слово сказать, такъ сейчасъ она къ чортовой матери въ восточную Сибирь, въ Якутскую область.

Сердце Степаниды такъ и покатилось.

Барышню въ Сибирь!... За книжки?!...

А, чтобы ты пропалъ!

Она ничего не отвѣтила. Засопѣла носомъ, неуклюже повернулась и стала разводить въ плитѣ огонь.

— Буржуазный строй, — продолжалъ Кикса.—На простого человѣка орать!... Да я вотъ самъ при редакціи служить буду, я, можетъ быть, пообразованнѣе ихъ... Ты, Степанида, и письма ея, которыя, тоже достань, я уже знаю кому показать.

— Скажена ты собака! — вдругъ вскрикнула Степанида. — Хиба жъ це можно?

Демьянъ Петровичъ, не спѣша и не взглянувъ на жену, налилъ себѣ пива, выпилъ его, расправилъ бороду и сказалъ спокойно:

— Ты женщина низкаго понятія, мнѣ съ тобой разсуждать невозможно.

А когда пришла Авдотьюшка, онъ жаловался:

— Самъ себѣ я виноватый, Авдотьюшка, самъ свою жизнь испортилъ: связался вотъ съ этой женщиной, а она самаго низкаго понятія. Въ ней рабскія чувства. Она ничего не понимаетъ и не знаетъ своего человѣческаго достоинства. Ее барыня оскорбляетъ, сколько угодно, а она только хвостомъ пресмыкается: „ти-ти-ти, да та-та-та"...

— Вы бы, Стеша, какъ я,—говоритъ Авдотьюшка, прищуривая свои японскіе глазки и шевеля мясистыми щеками. Мнѣ барыня: „отчего, говоритъ, носовые платки пропадать стали?" — а я ей сейчасъ: „у меня, говорю, своихъ собственныхъ платковъ, можетъ, тысяча штукъ валяется, мнѣ вашихъ не надо, у меня не два носа".

— Потому что вы — дѣвушка достопримѣчательная, — объясняетъ Демьянъ Петровичъ, бросая на Авдотьюшку нѣжный взглядъ.—Вы не позволите, чтобы какая-нибудь тамъ бюрократка команду надъ вами имѣла. А супруга моя, въ ней никакой высокой нравственности нѣту.

И, продолжая, Демьянъ Петровичъ заявляетъ, что хотя жена сейчасъ сказала ему грубость, онъ, однако, на нее не сердится. Сердиться не на кого! Больно же ему то, что загублена его жизнь, что приходится ему жить съ недостойной женщиной, лишенной образованія и человѣческаго достоинства, и эта женщина тянетъ его на дно.

Авдотьюшка слушаетъ Демьяна Петровича съ почтительнымъ волненіемъ: такія удивительныя слова употребляетъ Демьянъ Петровичъ, такъ все у него выходитъ вѣжливо и необыкновенно. А какая борода! А плечи!... И на нее, Авдотью, онъ поглядываетъ ласково, нѣжно...

Дѣвушка таетъ, жеманится, хихикаетъ; толстыя щеки ея при этомъ движутся, а узкіе глазки загораются и блестятъ радостно... Однако, когда взглянетъ Авдотьюшка на Стешу, ей становится нехорошо,—совѣсть тревожитъ ее...

Дѣвушка мысленно укоряетъ себя и говоритъ, что не надо

ей сюда приходить, это грѣхъ, Кикса человѣкъ женатый, и пришла она сюда въ послѣдній разъ.

У Стеши же, — хоть и улыбается она, — лицо тревожное, грустное: Стеша хорошо знаетъ своего мужа, она видитъ ясно, къ чему ведутъ его разговоры и чѣмъ они завершатся... Нехорошо завершатся...

Возражать Демьяну Петровичу Стеша не смѣетъ,—да и что̀ стала бы она возражать, если она и сама считаетъ, что мужъ правъ, что онъ въ тысячу разъ умнѣе и лучше ея, и если любитъ она его до того, что одинъ взглядъ его — даже такой, какой сейчасъ на нее направленъ, суровый, злобный, — даже этотъ взглядъ наполняетъ ее счастьемъ и умиленіемъ?...

III.

На плитѣ, въ синей эмалевой кастрюлѣ, съ дробнымъ спѣшнымъ стукомъ поднимая крышку, кипитъ супъ. Бѣлый паръ рвется къ потолку, потомъ расходится по всей кухнѣ, наполняя ее жирнымъ запахомъ разваренной говядины... Пахнетъ еще морковью и лукомъ. Степанида сидитъ на табуретѣ, тихо улыбается и чиститъ испеченные, сморщенные какъ старушечье лицо, кабачки, которые надо порубить съ лукомъ и помидорами, чтобы получилась „икра“.

Она оставляетъ свою работу, подходитъ къ шкафику, вынимаетъ бутылку съ ромомъ и ставитъ передъ мужемъ...

Кикса съ негодованіемъ хмуритъ свои красивыя густыя брови и оскорбленно говоритъ:

— Видите, Авдотьюшка, какая у ней продажная душа: хочетъ ромомъ подкупить меня... Я ей сколько разъ говорилъ: если ты у подлецовъ служишь, то должна бросить это мѣсто. Если оскорбляютъ неприкосновенность твоей личности и эксплуатируютъ твой трудъ, то ты не должна обращать вниманіе и должна уйти. Но она не желаетъ.

Степанида тихонько вздыхаетъ. Мужъ, дѣйствительно, давно требуетъ, чтобы она оставила это мѣсто. Но какъ оставить? Куда пойти? Куда ее возьмутъ съ ея Демьяномъ?

Къ мѣсту этому, къ хозяевамъ, она привыкла. Хозяева, въ концѣ концовъ, люди не плохіе, а молодежь прямо ласковая и милая, и Степанида ее крѣпко любитъ и привязалась къ ней. Бросить этихъ людей Степанидѣ было бы тяжело, и тоскливо было бы ей безъ этой кухни, къ которой она какъ бы приросла...

Все же, чтобы угодить мужу, она ушла бы даже сегодня, но она отлично знаетъ, что никто не согласится держать ее: мужъ недѣлями живетъ у нея, а иной разъ грубо скандалитъ...

Она поэтому ни словомъ не возражаетъ Демьяну и покорно выслушиваетъ его укоры и брань.

— Все она боится,—съ ненавистью говоритъ Демьянъ Петровичъ, — все опасается, что въ другомъ мѣстѣ ей не дадутъ столько жрать.

Онъ наливаетъ въ стаканчикъ рому, пьетъ и закусываетъ куринымъ крылышкомъ.

— Хохлы эти, нѣтъ хуже народа,—продолжалъ онъ:—галушки, оселедецъ, вареники,—отца, мать продадутъ, всѣ свои принципы, лишь бы нажраться. У нихъ, Авдотьюшка, недаромъ и пословица говорится: „за шматокъ кишки семь верстъ пішки". А чтобъ самолюбіе или, напримѣръ, человѣческое достоинство, этого, знаете ли, у нихъ и званія нѣту... Къ чорту!—звѣринымъ голосомъ прерываетъ вдругъ себя Демьянъ Петровичъ.

И тарелку съ кускомъ пирога, которую ставитъ передъ нимъ Стеша, онъ сбрасываетъ на полъ.

Степанида отходитъ въ уголокъ и снова берется за свои кабачки.

Уже кабачки почищены и теперь надо ихъ порубить. Стеша снимаетъ со стѣны стальную сѣкачку съ деревянной ручкой и начинаетъ ею дѣйствовать. Сѣкачка—тяжелая, острая, врѣзается длиннымъ лезвіемъ глубоко въ бурую мякоть кабачковъ и звонко стучитъ по твердой доскѣ.

Стеша знаетъ уже навѣрное, что сейчасъ произойдетъ расправа...

Она ждетъ...

Правой рукой она рубитъ кабачки, а лѣвой, поставивъ ладонь ребромъ на доску, ограждаетъ темную, разрыхленную массу, чтобы не брызгать по сторонамъ...

Украдкой Стеша поглядываетъ на мужа и ждетъ...

Демьянъ Петровичъ не говоритъ ничего.

Онъ смотритъ на пухленькую, свѣжую Авдотьюшку, потомъ на жену... Та—неуклюжая, коротковатая, и на лицѣ, около носа и на лбу у нея морщины.

— „Морда",—думаетъ Кикса,—„Стерва".

Тяжелая злоба въ немъ растетъ и растетъ...

Онъ встаетъ изъ-за стола, подходитъ къ женѣ и тихимъ, сдавленнымъ возгласомъ говоритъ:

— Стерва...

Онъ отводитъ въ сторону руку и ладонью, съ размаху, бьетъ Степаниду по щекѣ.

— Ой, Боже-жъ мой!... Что-жъ это?..—въ страхѣ вскакиваетъ Авдотьюшка.

Дѣвушка растерянно озирается и на узкихъ глазахъ ея показываются слезы:

— Ахъ, Боже ты мой!

Она поспѣшно убѣгаетъ.

Демьянъ же Петровичъ, не торопясь, возвращается на прежнее мѣсто, садится, снова наливаетъ себѣ рому и все тѣмъ же сдавленнымъ, негромкимъ голосомъ говоритъ:

— Сука...

Степанида, оглушенная ударомъ, прервала было работу.

Голова ея поникла, на глазахъ слезы...

Но вотъ она очнулась и опять принялась стучать сѣкачкой...

Стучитъ быстро, звонко. Влажное остріе сѣкачки съ приставшей къ нему икрой ослѣпительно сверкаетъ...

Синяя кастрюля на плитѣ по прежнему бурлитъ и клокочетъ. Рвется кверху бѣлый паръ. За дверью, на лѣстницѣ, кто-то поспѣшно сбѣгаетъ и торопливо поетъ:

И сережки, и лепешки
Кралѣ милой я дарилъ,
Съ ейной ножки полсапожки
Въ рестарацыи пропилъ.

Щека у Степаниды красная и ухо красное.

— Ударилъ,—думаетъ Степанида:—теперь онъ отойдетъ... Теперь онъ подобрѣетъ...

IV.

Такъ уже случалось не разъ: ждетъ Степанида отъ барыни окриковъ, выговоровъ, угрозъ, обидъ всякихъ, а та вдругъ мягкой сдѣлается и уступчивой... Можетъ быть, жалко дѣлается ей прислуги, а можетъ быть тутъ дѣло расчета: боится черезчуръ натягивать струну. Что̀, если лопнетъ у Степаниды терпѣніе, и она уйдетъ?..

Думала теперь Степанида, что барыня ни за что не отпуститъ ее въ лавки. Волновалась и тревожилась она поэтому сильно. Но какъ только заикнулась, что надо бы ей со двора, госпожа Стремоухова тотчасъ же согласилась отпустить.

— Пойди, пойди. Только всетаки не слишкомъ поздно возвращайся. Самоваръ ставить и все... Гости будутъ.

И радостью, и свѣтомъ наполнилось сердце Степаниды отъ неожиданности этой удачи. И тѣмъ свѣтлѣе стало въ этомъ сердцѣ, что Демьянъ Петровичъ скоро отошелъ, размякъ и даже прощенья сталъ просить у жены.

— Видишь, ты всегда меня раздразнишь, а я, знаешь сама, терпѣть не люблю, когда меня дразнятъ.

— Та когда-жъ я, Демьянъ Петровичъ?..

— Скаженной собакой ругаешься. Развѣ возможно?

— Та хиба-жъ я?..

— Ты меня извини, если я ударилъ. Въ свою очередь, съ нравственной стороны, и ты меня оскорбила. Я, положимъ, и сказалъ насчетъ барышниныхъ книжекъ, или тамъ насчетъ писемъ, ну я можетъ-быть и пошутилъ.

— Та вже-жъ...

— Вѣдь тоже и я не провокаторъ, чтобы доносы... Я можетъ быть игриво пошутилъ, а ты безъ понятія, и сейчасъ чортъ знаетъ что̀ говоришь...

Въ лавкѣ, когда примѣрялъ Кикса костюмъ, Степанида смотрѣла на него съ радостнымъ умиленіемъ. Кажется, будь хоть малѣйшая возможность, всѣ до одного костюма закупила бы она,—и сѣрые, и темносиніе, и коричневые... Всѣ костюмы шли Демьяну Петровичу изумительно, и во всѣхъ онъ былъ такой красавецъ!..

— Можетъ меня и самого совѣсть угнетаетъ, что я это на твои деньги,—сказалъ Демьянъ Петровичъ: — но только я не безпокоюсь, я на мѣсто въ редакцію поступлю, такъ у меня свой капиталъ будетъ.

— Я жъ не жаліюсь, Демьянъ Петровичъ.

— Хоть и не жалуешься, а я самъ чувствую и страдаю, что я на женины деньги... Но ты еще не знаешь, что это такое редакція. Редакція, это вотъ, напримѣръ, какое дѣло: Воскресенье сегодня, и магазины только до двѣнадцати могутъ быть открыты, а въ лавкѣ у прохвоста покупатель черезъ заднiй ходъ съ самаго утра ходитъ. Какое право?.. Вотъ сейчасъ въ газетѣ замѣтка—замѣткой называется—„вопіющее нарушеніе обязательнаго постановленія его превосходительства господина градоначальника о воскресномъ отдыхѣ трудящихся классовъ“. И протоколъ!

— Такъ то-жъ полицейскіе, когда протоколъ.

— Разумѣется, полицейскіе. Но написать замѣтку должна

редакція. А если желаетъ лавочникъ, чтобы не было замѣтки, такъ пускай войдетъ въ соглашеніе... Вотъ, напримѣръ, костюмъ: сейчасъ мы за него шестнадцать рублей заплатили, а еслибы я при редакціи, ни шиша бы голаго я не показалъ, не то что шестнадцать рублей.

Степанида молчитъ.

Чего-то она не понимаетъ.

Должность странная, непонятная, въ этой редакціи...

И что-то нехорошее чудится ей въ словахъ мужа... Какъ-то неловко становится...

— То такъ и не заплатишь за костюмъ?

— А я думаю!.. По взаимности одолженій... Когда я въ нѣмецкомъ фарсѣ служилъ, примадонна наша, Матильда фонъ-Шприцке, рецензента шампанскимъ поила, поила, а сверхъ того, къ своему бенефису, еще и сторублевый билетъ ему послала. Самъ же я и относилъ.

Кикса старательно расправилъ свою золотую бороду.

— Бенефисъ,—ты этого не знаешь, потому что ты безъ понятія, а я все собственными глазами изучилъ. И жилъ рецензентъ со всѣми актрисами, вродѣ какъ турецкій султанъ... Печатное слово, оно бѣжитъ, оно шестой державой называется. Газета—она копѣйку стоитъ, а сила въ ней на большія тысячи.

Послѣднія слова Демьянъ Петровичъ говорилъ уже не для жены, а для самого себя. Красивые синіе глаза его устремлены куда-то вдаль, и въ голосѣ слышится тихая мечтательность.

— Кабы я тогда не дуракъ былъ, я бы съ этой примадонны большую для себя выгоду могъ составить,—черезъ тотъ именно принципъ, что она имѣла очень много вкусу до красиваго мужчины. Ну, тогда самодѣятельности у меня не хватило... Однако, ничего!.. Я теперь въ газету... Съ газетой до чего угодно дойдешь, хоть въ городскіе головы... Я, признаться, давно смотрѣлъ, чтобы при редакціи...

Костюмъ, завернутый въ желтую бумагу, на которой большими черными буквами значилась фирма: „новый о-Бонъ-Гу Израиля Хаскельмана“, несла Степанида,—и отъ пачки этой шла на нее такая теплая и милая радость, какъ еслибы не штаны и жилетка это были, а первенецъ ея, милый мальчикъ съ коротенькимъ носикомъ и голубыми глазами...

— Есть у тебя сколько-нибудь мелочи?—спросилъ Кикса.

Степанида передала мужу пачку и стала рыться въ кошелькѣ.

— Я до товарища зайду, дѣло есть, а ты ступай скорѣй домой, чтобы отъ барыни не досталось.

— Давай покупку сюда, — сказала Степанида съ ласковой улыбкой, вручая мужу мелочь:—еще пропьешь костюмъ.

— А будешь стерва, то и пропью, — сердито вскрикнулъ Демьянъ Петровичъ.—Надоѣдай побольше, дура!

V.

Вернувшись домой, Степанида сейчасъ-же разостлала на постели костюмъ и позвала Авдотьюшку—любоваться.

Авдотья сильно заволновалась и покраснѣла при видѣ Степаниды.

— Какъ онъ васъ ударилъ, Стешенька!

— Та ни, Демьянъ Петровичъ такъ, это жъ ничего, — съ кроткой улыбкой говорила Степанида.—Онъ же добрый. Только-что трошки дурной... А какъ извинялся! Отто, если бы вы послухали! Звыняйте, говоритъ, супруга моя, Степанида Григорьевна, покорно васъ прошу, звыняйте меня сердечно, а я больше никогда не буду.

Она любовно разглаживала коротковатыми, разбухшими отъ воды и работы пальцами новый костюмъ, встряхивала его, разстилала то противъ окна на солнцѣ, то въ тѣни, и все хвалила его и хвалила Демьяна Петровича.

— Такій дурной, такій дурной, чтобъ его маму мордовало,— говорила она, нѣжно улыбаясь и радуясь.

— На прошлой недѣлѣ пришелъ онъ, чертяка, въ двѣнадцать часовъ ночи, съ чиновникомъ пришелъ, взялъ у нея рубль и ушелъ. Вотъ чортъ!.. Пьянствуетъ, пьянствуетъ, конца краю не видно,—какъ не лопнетъ?.. Надоѣло это Степанидѣ, до послѣдней степени надоѣло. Больше она ему денегъ давать не будетъ. Вотъ еще! Дура она, что-ли?... Хочетъ онъ пьянствовать—пусть, чортъ глазастый, на свои пьетъ. Пусть заработаетъ и пьетъ... Вотъ въ газету поступитъ, и пусть пьетъ тогда. А она поить его больше не будетъ, — вотъ еще! Собаку толстую, дурака такого поить!

Бранитъ, ругаетъ мужа, — но ругань звучитъ какъ ласка, брань какъ благословеніе, и называетъ она мужа по отчеству— Демьянъ Петровичъ, и на лицѣ ея выраженіе восхищенія и нѣжности... Авдотьюшка, до одури влюбленная въ красивые глаза Киксы, въ его пышныя непонятныя рѣчи, въ его статную фигуру, горячо поддерживаетъ Степаниду, слушаетъ ее радостно и жадно.

Сверху, изъ ея кухни, уже десятый разъ доносится нетерпѣливое: „Авдотья, да гдѣ-жъ ты, Авдотья! Авдотья!“—Но она сидитъ и не уходитъ,—не въ силахъ уйти—и все говоритъ о Киксѣ, и все слушаетъ о Киксѣ...

Когда Демьянъ Петровичъ вернулся домой, въ рукахъ у него былъ какой-то странный свертокъ, большой, плоскій, съ проволочнымъ хвостикомъ или ручкой, и Степанида не могла понять, что это такое. Но лицо ея вспыхнуло и залилось радостной краской: она догадалась, что это ей подарокъ... Въ благодарность за костюмъ Демьянъ Петровичъ принесъ женѣ сюрпризъ... Для этого онъ и мелочь у нея просилъ. Господи, какая радость!

Слезы подступали къ глазамъ Степаниды...

Чтобы облегчить мужа и сдѣлать болѣе эффектнымъ моментъ поднесенія сюрприза, она отвернулась къ плитѣ и приняла такой видъ, будто не замѣчаетъ, что мужъ что-то принесъ...

Кикса положилъ свертокъ на окно, снялъ шляпу, накрылъ ею свертокъ и сѣлъ. Онъ былъ замѣтно пьянъ.

— Ты, Стеша, на меня не серчай,—сказалъ онъ.—Что я, подлецъ, что-ли?.. Я вѣдь все чувствую... И если я виноватъ передъ кѣмъ, то первымъ долгомъ извиняюсь. А гдѣ же Авдотьюшка?

Развѣ могла Стеша серчать? Она была растрогана, взволнована и испытывала гордость... Такіе моменты не часто выпадаютъ въ ея жизни. Она вся такъ и млѣла отъ умиленія... Она стыдилась, замирала и краснѣла... Украдкой она бросала торопливые взгляды на подоконникъ, на лежавшій тамъ таинственный свертокъ,—о, какой прекрасный!—и радостное волненіе ея сдѣлалось до того сильнымъ, что заныла у ней голень. Года два тому назадъ, разсердившись на жену за то, что она не могла понять, что это такое „верхняя палата“, Демьянъ Петровичъ швырнулъ въ нее вилкой. Вилка вонзилась въ ногу, повыше колѣна, сдѣлалась ранка, ранка засорилась, произошло нагноеніе, и уже опасаться стали, что понадобится серьезная операція... Понемногу, однако, рана зажила, но нога чуть-чуть укоротилась, и въ сырую погоду, или при сильныхъ волненіяхъ, радостныхъ или печальныхъ, нога начинала сильно ныть, и тогда Степанида слегка прихрамывала...

— Обидѣлъ я тебя, да еще при Авдотьюшкѣ. Теперь Авдотьюшка можетъ про тебя подумать Богъ знаетъ что, и что я самъ въ родѣ какъ бы неинтеллигентный скотъ. Я желаю при ней съ тобой объясниться и загладить вину. Позови Авдотьюшку.

Не помня себя отъ восхищенія, Степанида бросилась къ Авдотьюшкѣ.

Торопливо приглашая дѣвушку, торопливо разсказывала она ей, что Демьянъ Петровичъ принесъ дорогой подарокъ. Онъ уже много разъ приносилъ ей подарки!.. На Успенье двѣ бутылки французскаго вина принесъ. Пришелъ съ товарищемъ, вынулъ изъ кармановъ двѣ бутылки самаго лучшаго вина, и всѣ вмѣстѣ пили... А когда былъ капельдинеромъ, принесъ билеты въ нѣмецкій театръ. Теперь опять что-то принесъ, въ бумагѣ завернуто, большое что-то, съ ручкой, — „вотъ самошечій... чисто самошечій, ей-Богу!..“

— Видите, Авдотьюшка,—съ достоинствомъ и прочувствованно объяснялъ Демьянъ Петровичъ, когда обѣ женщины пришли въ кухню:—случается такъ съ человѣкомъ, что онъ ошибется. И даже въ присутствіи прекраснаго пола поступаетъ негармонично. Сегодня, напримѣръ, я жену мою по уху. Какая мотивировка? Вы не должны на меня сердиться, Авдотьюшка, потому что черезъ нее я загубилъ свою жизнь. При моей сознательности, когда я даже получаю мѣсто въ газетѣ, жена у меня мужикъ и невѣжественная хамка. Какъ же мнѣ не пить?

— Та хиба-жъ я?..

— Вотъ видите: „хиба-жъ я“... Только и разговору. Вамъ, Авдотьюшка, отъ моего поступка съ женой стало обидно за вашъ женскій феминизмъ, я это понимаю. Вы даже можете составить себѣ дурное мнѣніе обо мнѣ. Но я подлецъ, что-ли? Я все чувствую, и если я виноватъ, то первымъ долгомъ извиняюсь передъ вами.

Авдотья, польщенная, озадаченная и замѣтно встревоженная, растерянно переводила глаза съ Киксы на Степаниду... Ее радовали и сладко волновали рѣчи Демьяна Петровича, но жалко было ей Степаниды, тяжело было видѣть улыбающееся, но смущенное лицо ея, и уже не рада была она, что пришла сюда, и не знала, что сдѣлать съ собой...

— Я боюсь, что вы на меня разсердитесь, Авдотьюшка. Я понимаю, что волны гнѣва могутъ залить ваше сердце до мозга костей. И я желаю вамъ доказать...

Кикса взялъ съ подоконника свертокъ съ проволочной ручкой и, повернувшись лицомъ къ Авдотьѣ, сказалъ:

— Вотъ, удостойте, Авдотьюшка, принять.

Онъ сорвалъ бумагу. Въ рукахъ у него оказался насаженный на проволоку большой, пунцовый, бумажный розанъ. Налѣво отвѣтвлялся розанъ желтый; направо—розанъ синій. Кикса поклонился, сильно выставивъ задъ, и подалъ вещицу Авдотьюшкѣ.

— Въ знакъ моей къ вамъ вѣчности.

Авдотьюшка заалѣлась, засіяла и приняла розанъ. Степанида же ахнула и тихонько отошла къ плитѣ...

Шла, сильно хромая, какъ если бы одна нога была короче другой вершка на два, и лицо у нея было мертвое...

Немигающими, мутными глазами уставилась она на стѣну... На стѣнѣ, среди сковородокъ и кастрюль, висѣла тяжелая сѣкачка съ деревянной ручкой. Глаза Степаниды были устремлены на сѣкачку,—и что̀ выражали глаза—трудно было понять...

VI.

Въ двѣнадцатомъ часу всѣ въ домѣ уже спали, а Степанида стояла у двери Авдотьиной кухни и смотрѣла въ замочную скважину. Слышно было, какъ дѣвушка мечется.

— Грѣхъ какой, Господи—Боже ты мой!.. Противъ Стеши я теперь первая подлянка.

— Совсѣмъ даже напротивъ.

— Бить меня! Изничтожить меня, подлую мою душу...

Она плакала, а Кикса говорилъ спокойно.

— Не понимаю: чѣмъ же вы, Авдотьюшка, виноваты, если жена моя мужикъ, а вы меня любите?

— Убить меня!..

— И опять же—безо всякой надобности. Полная свобода половой проблемы, это первое достоинство сознательнаго человѣка. Однако, если въ васъ такая нерѣшительность, то извините, я могу уйти.

Въ скважину Стешѣ было видно, какъ послѣ этихъ словъ дѣвушка стремительно бросилась на широкую грудь Киксы и на ней повисла.

Послышались поцѣлуи, всхлипываніе, нѣжныя слова.

Потомъ въ кухнѣ потушили лампу.

Подъ утро Степанида сидѣла въ кухнѣ, на полу, подлѣ кровати.

Она сидѣла недвижно, какъ неживая. Голова была опущена, глаза тупо смотрѣли на полъ.

Во дворѣ былъ фонарь; слабый свѣтъ его проникалъ въ кухню и блѣдными, слегка вздрагивавшими пятнами ложился на потолокъ и на стѣны. Чернѣли на стѣнахъ кастрюли и темнымъ блескомъ сверкало среди нихъ длинное лезвіе сѣкачки...

Тихонько скрипнула дверь, показался Демьянъ Петровичъ. Онъ не спѣша, усталыми шагами направился къ постели.

— О?.. Не спишь?—мягко спросилъ онъ.—Ты спи, Стеша.

Онъ осторожно перешагнулъ черезъ протянутыя ноги жены и, какъ былъ полуодѣтый, грузно повалился на кровать.

Степанида не шелохнулась. Тяжелыя думы толпились въ ея головѣ. И настойчивѣе всѣхъ другихъ думъ была дума о пузырькѣ съ уксусной эссенціей, стоявшемъ въ буфетикѣ, на третьей полкѣ, за большой зеленой бутылью съ подсолнечнымъ масломъ...

Богъ съ ними, съ Авдотьюшкой и съ Демьяномъ Петровичемъ... Не нужно ничего теперь,—все кончить!.. Слишкомъ было трудно,—такъ трудно, и горько, и больно,—и зачѣмъ же тянуть и мучиться дальше? Не для кого, не для чего. Ни мужа, ни друга, ни Бога, ни правды, ни отдыха. Зачѣмъ страдать?..

Если бы жилъ Вася, маленькій мальчикъ съ голубыми глазами... Но его нѣтъ. Коротенькій бугорокъ земли, на которомъ нѣтъ креста, съежился робко среди чужихъ могилъ,—лечь тамъ по близости, лечь отдохнуть! Да, отдохнуть... Такъ тяжко одинокому сердцу, такъ больно и тяжко оскорбленному сердцу—уйти, отдохнуть...

Демьянъ Петровичъ заворочался на кровати.

— Дёма,—взмолилась тогда Степанида.

Тихо взмолилась и жалобно, безъ надежды, но страстно.

— Дёма!..

Кикса засопѣлъ, повозилъ головой по подушкѣ, и не понимая, сквозь сонъ, пробормоталъ.

— Спи.

— Дёма!.. Пожалѣй же... Хоть пожалѣй...

Кикса согнулъ ноги, покряхтѣлъ, натянулъ къ подбородку одѣяло и сталъ громко сопѣть. Сейчасъ онъ захрапитъ...

— А-а-а, собака!..—зажглась вдругъ Степанида.—Такъ?.. Ты такъ?.. Душегубъ!.. Пропадай же и ты!..

Она быстро вскочила, бросилась къ стѣнѣ, на которой висѣли кастрюли, и рѣшительнымъ движеніемъ сорвала съ гвоздика сѣкачку съ длиннымъ, острымъ лезвіемъ.

„Не жалѣетъ... И не пожалѣетъ!.. Никогда не пожалѣетъ“... Не будетъ жалѣть и она. Все кончить! Сразу и навсегда!

И быстро идетъ Степанида къ кровати...

Но здѣсь что-то вдругъ случилось съ ней. Заныла нога? Да, это нога...

Когда-то пораженная Киксой нога заныла вдругъ такъ сильно

и нестерпимо, что нельзя было ступать, и подвернулось колѣно... Съ громкимъ стономъ Степанида опустилась на полъ.

Стонъ былъ мучительный и тяжелый, но его не слыхалъ Демьянъ Петровичъ. Онъ спалъ крѣпко и сладко.

Демьянъ Петровичъ спалъ крѣпко, но безъ сна сидѣла Степанида. Разсвѣтало. Въ сторонѣ, въ черной тѣни, лежала сѣкачка. Уже не думала о ней Степанида, не видѣла ея, не знала, есть ли она... Обычная, тихая улыбка вернулась на лицо Степаниды. И болью и мукой налито было сердце женщины, мукой и любовью,—той любовью, которая ничего не спроситъ, и ничего не получитъ, которая все снесетъ, все претерпитъ и все проститъ.

О, какъ печаленъ блѣдный часъ разсвѣта для душъ одинокихъ, для душъ оскорбленныхъ!..

Липа

(Очеркъ второй).

I.

....Городокъ этотъ мнѣ понравился.

Онъ показался мнѣ живымъ и уютнымъ, въ парадной части своей—довольно опрятнымъ, красиво наряженнымъ въ зеленый уборъ изъ старыхъ садовъ.

На одной изъ главныхъ улицъ, въ угольномъ домѣ имѣется гостинница съ горделивой вывѣской „Отель Франсе". На другой стѣнѣ—другая вывѣска: „Заѣзжіе номера". Наконецъ, надъ навѣсомъ у входной двери, подъ бѣлымъ, матовымъ шаромъ электрическаго фонаря, красуется еще третья вывѣска, и на ней выведено, золотомъ по-синему: „Франсе и номера".

Когда я вошелъ въ переднюю этого учрежденія, на встрѣчу мнѣ поднялся его хозяинъ, маленькій старичокъ, сухой, лысый, съ очень густой, тщательно подстриженной, совершенно бѣлой бородкой „буланже" и съ тусклыми, печальными глазами. Онъ былъ немножко не по лѣтамъ щеголеватъ. Большая коралловая

булавка ярко выступала на чернотѣ атласнаго галстуха, а воротничокъ и манжеты рубашки были такъ же бѣлы, какъ и борода старичка... Сразу видно было, что человѣчекъ этотъ заботливо слѣдитъ за собой, молодится и старается держаться молодчиной...

— Номерочекъ вамъ? Номерочекъ есть соотвѣтственный,— ласково проговорилъ онъ, дружелюбно улыбаясь. А молодая, красивая женщина, сидѣвшая тутъ же, у пріоткрытой въ телефонную комнатку двери, окинула меня сердитымъ взглядомъ и почему-то отвернулась...

— „Соотвѣтственный",—сквозь зубы процѣдила она.

— Оконцами на улицу желаете, или во дворъ?

— Да ты раньше покажи номеръ, а тамъ и спрашивай,— въ сердцахъ сказала женщина.

Старикъ сконфуженно улыбнулся и, положивъ ладонь на грудь, подъ бѣлую бороду, просительно произнесъ:

— Да Липочка!..

— Ступай уже, ступай,—толкнувъ ногой дверь вскрикнула Липа.—Показывай номеръ, ждутъ вѣдь...

„Съ родителемъ нельзя обращаться такъ непочтительно",— хотѣлось мнѣ сказать Липѣ. Но когда я взглянулъ въ ея суровые глаза, я сразу смекнулъ, что непочтительно она можетъ обойтись не только съ родителемъ, а и съ жильцомъ родителя,— и отъ поучительныхъ сентенцій я воздержался... Впрочемъ, мысленно я тутъ же сталъ на сторону Липы: въ самомъ дѣлѣ, не показавши номера, чего разспрашивать? Болтливъ, видно, старикъ и надоѣдливъ. Вотъ этакіе благообразные и съ виду ласковенькіе старички въ семейномъ обиходѣ часто бываютъ злобными деспотами, и дѣтямъ своимъ надоѣдаютъ, и звѣрски притѣсняютъ ихъ. Къ ловеласничеству они тоже склонны,—недаромъ старикашка этотъ такой чистенькій и щеголеватый!

Я перевелъ глаза на Липу... Бѣлая, полная, статная, съ великолѣпными черными глазами, съ удивительно красивой дугой темныхъ и густыхъ бровей, она приковывала бы къ себѣ взоры даже въ очень большомъ обществѣ. И что за ротъ былъ у нея! Какой чудесной свѣжестью вѣяло отъ этихъ вишневыхъ, благородно и тревожно очерченныхъ губъ, и какъ бѣло сверкали ея крупные, крѣпкіе зубы!.. На Липѣ былъ легкій, нѣжно-палеваго цвѣта пеньюаръ, съ темно-красными полосами, и широкія складки его силились, но не могли скрыть мягкихъ очертаній ея стройной и сильной, чуть-чуть раздобрѣвшей фигуры.... Руки и шея Липы были обнажены, онѣ были гладкія и бѣлыя, и грѣховное

безпокойство, которое онѣ легко могли возбудить, сразу же парализовались бы взглядомъ молодой женщины, хмурымъ и суровымъ...

— На отца она не похожа,—подумалъ я, поднимаясь вслѣдъ за старикомъ на второй этажъ.—Вѣрно, пошла въ мать. А если въ мать, то старикъ долженъ крѣпко благодарить судьбу за посланную ему красавицу жену...

Я сидѣлъ потомъ въ номерѣ и изъ раскрытаго „венеціанскаго" окна смотрѣлъ на разворачивавшійся по склону холма бѣдный пригородъ—и дальше, гдѣ по другую сторону рѣки зеленѣли поля и обширный садъ стариннаго еврейскаго кладбища... Снизу, изъ передней, долеталъ до меня голосъ Липы,—она то и дѣло покрикивала на кого-то, кого-то бранила,—и голосъ этотъ былъ полонъ раздраженія и гнѣва...

Нѣсколько разъ Липа приходила наверхъ, гдѣ рядомъ съ моимъ номеромъ находилась и квартира содержателя гостинницы. Она входила въ кухню, и тогда здѣсь поднимался крикъ и шумъ; Липа бранила прислугу, бранила какихъ-то поставщиковъ, а всего рѣзче и сердитѣе бранила своего старенькаго отца...

— Ну и штука!—говорилъ я себѣ.

Голосъ Липы по тембру былъ красивъ, пожалуй пріятенъ, но весь онъ напоенъ былъ раздраженіемъ и ненавистью. И если бы не зналъ я, что принадлежитъ онъ молодой и красивой женщинѣ съ бѣлымъ лицомъ и прекрасными глазами, я непремѣнно подумалъ бы, что это оретъ какая-нибудь одичалая злюка, сухая, желтая, съ длинными, желтыми зубами... Въ теченіе всего дня кричала Липа, то на одного, то на другого, то за одно, то за другое, и ужъ такъ привыкъ я къ тому, чтобы голосъ ея раскатывался по корридору, что если проходило минутъ пятнадцать и все было тихо, мнѣ это казалось страннымъ, и я ждалъ,—безъ нетерпѣнія, правда, но съ любопытствомъ,—что сердитые окрики вотъ-вотъ начнутся опять...

Должно, однако, сказать, что порою, въ остромъ крикѣ Липы мнѣ чудилось что-то странное... Не одна только голая злобность звучала въ немъ. Тайную боль, скрытое и тяжелое страданіе ловило мое ухо; казалось мнѣ, что большая печаль или, можетъ быть, тяжелый испугъ томитъ душу этой женщины,—и тогда смутное сочувствіе появлялось въ моемъ сердцѣ, и уже полную гармонію, строгое и полное соотвѣтствіе находилъ я между плачущимъ дрожаніемъ голоса Липы и нѣмою скорбью, которую источали изъ себя прекрасные темные глаза ея.

II.

Внизу, на стѣнахъ передней и на двери телефонной комнаты, висѣли объявленія и раскрашенные плакаты: велосипедная фабрика, чудо-вакса, гильзы, шоколадъ Сюшаръ... Было росписаніе поѣздовъ, списокъ телефонныхъ абонентовъ и большая, изъ двухъ кусковъ склеенная афиша „драматическо-артистической и малороссійской труппы, подъ управленіемъ Каплуна-Громославскаго". Смотрѣть въ венеціанское окно на нищій пригородъ и на еврейское кладбище я усталъ, работать мнѣ не хотѣлось, занять вниманіе было нечѣмъ; я скучалъ. Въ театръ? Я позвонилъ и попросилъ афишу. Ее принесъ Митя, десятилѣтній мальчикъ, удивительно хорошенькій, круглолицый, съ чрезвычайно нѣжнымъ цвѣтомъ лица и большими, черными, очень серьезными глазами.

Пока я пробѣгалъ афишу, мальчикъ стоялъ у двери, а снизу доносился сердитый голосъ Липы...

„Обозрѣніе нашего города, его крупнѣйшихъ болячекъ и язвъ, съ новыми трюками и чрезвычайными свѣтовыми эффектами. Поставлено будетъ главнымъ режиссеромъ И. И. Каплуномъ-Громославскимъ"...

— На кого это она такъ кричитъ?—обратился я къ Митѣ, отрываясь отъ афиши.

— Да на папашу же.

— Папаша у нея, должно быть, большое сокровище, а все-таки, не переставая орать...

Мальчикъ посмотрѣлъ на меня удивленно и раскрылъ ротъ,—хотѣлъ что-то возразить,—но въ это мгновеніе внизу раздался неистовый крикъ:

— Митька, Митька, чортъ! Заснулъ тамъ... Неси назадъ афишу!

Мальчикъ вздрогнулъ, бросилъ на меня умоляющій взглядъ и проворно схватилъ свою афишу.

— А вовсе ей афишки и не надо,—испуганно проговорилъ онъ:—такъ только, зря...

Знакомиться съ крупнѣйшими болячками и язвами „нашего города" и съ новыми трюками господина Каплуна-Громославскаго мнѣ не захотѣлось. Прогулявшись по улицамъ и выпивъ у разныхъ продавцовъ штукъ шесть стакановъ сельтерской воды съ сиропомъ и безъ сиропа, я въ одиннадцатомъ часу вернулся

въ номеръ, позѣвалъ, сколько нужно было, надъ имѣвшимся у меня переводнымъ томикомъ сочиненій Пьера Лоти — найдутъ вѣдь люди что переводить! — и легъ спать... Черезъ короткое время, однако, я былъ грубо разбуженъ непонятными мнѣ дикими, громкими криками... Я вскочилъ съ постели, бросился къ двери, пріоткрылъ ее... По другую сторону неширокаго корридора, въ квартирѣ содержателя гостинницы, стоялъ настоящій Содомъ... Точно безъ хлороформа кого-то оперировали. Кто-то бранился, кто-то плакалъ, кто-то умоляюще просилъ о чемъ-то и успокаивалъ.

— Черти, дьяволы,—съ негодованіемъ подумалъ я:—и ночью тутъ нѣтъ покоя. Да ну васъ къ чорту съ вашей гостинницей. Завтра же утромъ перейду въ „Бель-Вю".

Не успѣлъ я сдѣлать эти размышленія, какъ мимо меня, по корридору, пронеслась Липа. Она добѣжала до лѣстницы, и потомъ, прыгая черезъ нѣсколько ступеней сразу, помчалась внизъ... Вслѣдъ за Липой, полуодѣтый, въ носкахъ и безъ пиджака, выбѣжалъ изъ комнатъ и отецъ ея.

— Липочка, Липа!—горестно взывалъ старикъ.—Липа, дорогая моя, да куда жъ ты?... Я же ничего, я не сказалъ ничего такого...

Липа и не оглянулась.

— Ты прости, если что, прости... Пусть какъ ты хочешь, вѣдь я же ничего, Липочка, дѣтка моя...

Онъ всхлипывалъ, вытиралъ слезы, умолялъ,—а снизу, изъ передней, куда уже успѣла добѣжать Липа, отчетливо донеслось:

— Чтобъ тебѣ пропасть, псу такому! Окаянный... Иродъ...

Старикъ держался за перила, смотрѣлъ внизъ и, всхлипывая, звалъ... Раза два онъ бросался съ лѣстницы внизъ, но тотчасъ же возвращался: какъ ни былъ онъ взволнованъ и разстроенъ, онъ, видимо, всетаки понималъ, что бѣжать раздѣтымъ по лѣстницѣ и по корридорамъ нельзя... Къ тому же, громко хлопнула выходная дверь,—Липа ушла...

— Ну, вотъ! ну, что теперь?... О, Боже, Боже, Боже!...

Тускло освѣщенный вдѣланной въ высокій потолокъ несильной лампочкой, старикъ прислонился къ стѣнѣ, маленькій, сухой, тощій, и горько плакалъ. И столько была тоски и муки въ его обращеніи къ Богу, столько глубокой и безысходной скорби въ горестномъ дрожаніи старческаго голоса, что уже не могъ я больше сердиться за поднятый здѣсь шумъ и крикъ, за то, что лишили меня сна...

— Окаянный?... — полувопросительно прошепталъ онъ: — вѣрно: окаянный я...

Шатаясь, держась за стѣнку, старикъ направился къ себѣ...

Я стоялъ въ дверяхъ, полный растерянности и смущенія, и совершенно позабывъ о приличіяхъ, о необходимой скромности, смотрѣлъ прямо на бѣднягу... Поровнявшись со мной, старикъ вдругъ отшатнулся: вѣроятно, онъ только теперь вспомнилъ о моемъ существованіи, о томъ, что я живу здѣсь, въ номерѣ, рядомъ съ нимъ...

— Тяжело,—сказалъ онъ вдругъ, остановившись предо мной и вперивъ въ меня свои заплаканные глаза.—Тяжело.

Онъ смотрѣлъ на меня въ упоръ, глубокимъ, серьезнымъ взглядомъ, смотрѣлъ такъ, какъ если бы я былъ не чужимъ ему человѣкомъ, котораго онъ сегодня увидѣлъ въ первый разъ, а кѣмъ-то близкимъ и роднымъ, кѣмъ-то такимъ, кто долженъ помочь ему, кто раздѣлитъ съ нимъ его большое страданіе, и страданіе это осмыслитъ и освѣтитъ...

— Тяжело,—опять повторилъ онъ.

И хоть я не приглашалъ его, не звалъ, онъ вдругъ вошелъ въ мою комнату и опустился на кровать.

Когда скорбь наша сдѣлается совсѣмъ уже безысходной, всѣ условности холоднаго благоприличія исчезаютъ вдругъ сами собой, и мы начинаемъ обращаться другъ съ другомъ поистинѣ какъ человѣкъ съ человѣкомъ.

И оттого, когда нѣсколько времени спустя, этотъ чужой мнѣ и почти неизвѣстный старикъ сидѣлъ, полураздѣтый, на моей кровати и разсказывалъ то, что рвалось вонъ изъ смятенной и замученной души,—это не казалось страннымъ ни мнѣ, ни ему.

III.

...— Она влюбилась,—говорилъ онъ.—Взяла, знаете, и влюбилась. И отсюда все наше горе и пошло.

„Такъ!—мелькнуло у меня.—Значитъ, обычный эгоизмъ стариковъ-родителей, которые не могутъ свыкнуться, когда любятъ еще кого-то, кромѣ нихъ, когда любятъ „чужого“... Ревнуетъ родитель. Исторія знакомая“.

— Все у насъ шло кое-какъ,—не то, чтобы совсѣмъ ужъ отлично, а ничего всетаки,—продолжалъ старикъ:—жить можно было... И въ семействѣ, и гостинница... ничего, порядокъ былъ. Доходъ очень хорошій, и худого слова про насъ никто не могъ бы

сказать... Это теперь вотъ судачить пошли, смѣются надъ нами, сплетни всякія и прочее... И развѣ удивительно? Крики здѣсь постоянные, скандалы, никому покоя нѣтъ... Которые проѣзжающіе у насъ всегда останавливались—всѣ теперь въ „Бель-Вю“ перешли. Кто—въ „Бель-Вю“, кто—въ „Континенталь“, кто—въ „Сѣверную“. Бывало, и уѣздный предводитель у насъ, и предсѣдатель палаты у насъ, и графъ Зыкъ-Замойскій,—всѣ у насъ. На ярмарку—польскихъ помѣщиковъ и не пересчитать сколько. Гостинница въ полномъ аккуратѣ содержалась, вездѣ чистота, приличіе,—любо посмотрѣть. А думаете, кто за всѣмъ смотрѣлъ? Да она же! Олимпіада... Все сама, все сама, до послѣдняго уголочка сама всему ревизію производитъ. А теперь—вотъ изволите видѣть! Можно сказать, мерзость запустѣнія, и больше ничего. И черезъ что̀ же это все, вы думаете? Все черезъ то, что влюбилась.

„Стало быть такъ, — говорилъ я себѣ, слушая жалобы старика: — работала дочь какъ каторжная, все дѣло выносила на своихъ плечахъ, и теперь тебѣ страшно потерять работницу, и ты противишься ея роману“.

— Такъ что̀ жъ, если влюбилась?—спросилъ я.—Дѣло естественное.

На лицѣ старика появилось какое-то особенное выраженіе, болѣзненное и виноватое...

— Господи-Владыка, да развѣ я говорю, что неестественно?

— Красивая она, здоровая, цвѣтущая, — перебилъ я, чувствуя потребность сказать что-нибудь язвительное и враждебное моему ночному гостю,—и возрастъ Липы такой, что давно вѣдь пора...

— Это что и говорить! Возрастъ, конечно... Любви она никогда не знала, не испытала... Это что и говорить...

— Такъ изъ-за чего же вы волнуетесь? Въ дурного человѣка влюбилась?

Старикъ посмотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ.

— Въ дурного? Боже сохрани!... Этого я не говорю... Чѣмъ онъ дурной? Человѣкъ, я такъ скажу, человѣкъ онъ очень даже пріятный... Конечно, простой онъ, образованности, можно сказать, никакой, ну, а только, если насчетъ чего другого, если насчетъ характеру, то человѣкъ онъ хорошій.

— Ну такъ чего жъ вамъ?

— Развѣ я какъ?... Если у меня несчастье, то ужъ я долженъ по-собачьи брехать? Неправду говорить, или тамъ, къ примѣру, клеветать? Человѣкъ онъ ничего, человѣкъ какъ слѣдуетъ.

— Значитъ, васъ смущаютъ матеріальныя соображенія? Бѣденъ онъ?

— Бѣденъ-то онъ, положимъ, бѣденъ, конечно!.. У насъ вѣдь при гостинницѣ и служилъ,—вродѣ конторщика. Парень такой, ничего, плечистый, борода, глаза синіе... Красивый парень. А насчетъ бѣдности, то конечно, какое ужъ тутъ богатство.

— Взяли бы и поженили ихъ. И вамъ бы спокойнѣе.

— Поженить?..

Старикъ смотрѣлъ на меня серьезно, внимательно, и глаза его не мигали.

— Что-жъ: поженить... А какъ же я-то? Я-жъ то самъ куда?..

— Ну знаете, ужъ это, вопросъ второстепенный.

— Конечно, второстепенный. Совершенно правильно изволите говорить. Да вѣдь разводъ-то тоже не очень легко добыть.

— Разводъ?!

Быстрымъ взглядомъ окинулъ я всю фигурку старика,—и что-то странное зашевелилось у меня въ груди... „Что за чепуха?—мысленно воскликнулъ я. — Что такое онъ болтаетъ“?..

— Опять же и Митя, сынокъ нашъ, съ нимъ же какъ? Долженъ вамъ сказать прямо: если что до него хоть малѣйшее касаніе, то лучше меня вотъ сейчасъ взять голыми руками за глотку, да на смерть и задавить. На это я безъ всякаго препятствія согласенъ. Ну только Митѣ если обида хоть самомалѣйшая,—никакъ я этого не перенесу. А въ случаѣ разводъ,—сами посудите,—куда Митѣ идти?

Черная и теплая весенняя ночь смотрѣла въ мое венеціанское окошко и тихо шевелила воздушными краями кисейныхъ занавѣсокъ. Гдѣ-то далеко, въ пригородѣ, сіяли одинокіе огоньки. Сладостно пахло акаціей—и ужъ не знаю, отъ этого ли запаха, отъ неожиданныхъ ли словъ старика, но голова у меня тихо закружилась...

„Такъ вотъ оно что — мужъ!.. Не отецъ, а мужъ!.. Этотъ ветхонькій лысый старичокъ, съ бѣлоснѣжной бородой и трясущимися пальцами, мужъ молодой и пышной красавицы съ мраморной шеей и тоскующими огненными глазами... Да, да, конечно—мужъ!“

Я сталъ соображать... припоминать...

Затолпились въ памяти детали, маленькіе, съ перваго взгляда незамѣтные и не значущіе штрихи... Да, конечно, мужъ! И эти бранчивые окрики Липы относились не къ отцу,—на отца если

и кричатъ, кричатъ иначе,—а къ мужу, къ старому, къ постылому, къ дряблому мужу, на котораго не хотятъ смотрѣть глаза, котораго не можетъ переносить сердце...

Онъ—мужъ, и Липа—жена... Липа!.. Очаровательное, молодое созданіе, полное обаянія и нѣги, страстная женщина съ алымъ ртомъ, алчнымъ и трепетнымъ... Когда я теперь думалъ о немъ, мнѣ почему-то все вспоминалось крутое взмываніе къ небу крупнаго хищника, полукруглые когти, желѣзный клювъ... Какія крѣпкія нужно отлить цѣпи, чтобы приковать такое существо къ землѣ и сдѣлать безсильнымъ сталь его крыльевъ!..

Липа... Думая о ней, я считалъ теперь, что знаю уже причину ея вѣчной раздраженности и знаю, откуда взялся этотъ горестный блескъ ея печальныхъ глазъ... Въ бѣдной самонадѣянности своей я полагалъ, что уже вся драма ея жизни мнѣ раскрылась. О, какъ далекъ былъ я отъ мысли, что самаго глубокаго изъ метаній этой странной души я еще не подозрѣваю!..

IV.

— Развестись,—уныло проговорилъ старикъ.—Сколько ночей я не спалъ, все объ этомъ думалъ. Томишься, бьешься, думаешь... Разведемся, думалъ, и пусть она выходитъ за этого... за своего... Видите ли, надо вѣдь правду сказать вамъ,—испортилъ я жизнь Липы!.. Пара мы, что-ли?.. Когда четырнадцать лѣтъ назадъ она поступила къ намъ въ гостинницу за горничную, мнѣ уже и тогда подъ пятьдесятъ было. Уже котораго зуба вовсе нѣтъ, искрошился, а который какъ худая спица въ колесѣ туда-сюда шатается... Сѣдой да лысый уже и тогда былъ, а Липа—куколка, шестнадцатый годъ... Жена у меня была больная, ракъ у ней на груди. Мучилась долго, лѣтъ пять, и четыре раза ей операцію дѣлали. Лѣвую грудь начисто отрѣзали, а потомъ и дальше, вотъ по это мѣсто... И ей мученье и мнѣ, глядѣть на нее, мученье. Такъ можно сказать: жены нѣту, а мученье есть... Однако, не взирая, я ей въ полной вѣрности оставался и до женскаго полу ни малѣйшаго касанія не имѣлъ. Ну только потомъ, какъ случилась Олимпіада, а жена моя умерла, тутъ я не выдержалъ и вступилъ въ законный бракъ... Вотъ черезъ это самое я теперь и наказанъ. Черезъ это и долженъ я теперь муку свою принять. Потому что, посудите сами, какая тутъ была совѣсть, на такой молоденькой жениться?.. Прямо такъ надо говорить—злодѣйская совѣсть, и больше ничего.

Старикъ отогнулъ воротъ рубашки и сталъ растирать себѣ подъ горломъ грудь. Грудь была впалая, старчески дряблая, обросшая жидкими сѣдыми волосами.

— И что же вы думаете—устроилъ я Олимпіадѣ счастливую жизнь? Какое!.. Ластиковые полсапожки если, декадентскій пеньюаръ, или тамъ, скажемъ, шапо-гарнитюръ со страусовой отдѣлкой за двадцать рублей, это конечно, сколько угодно, и экономіи на это у меня никакой нѣтъ. Потому что и для дѣла, для гостинницы, тоже вѣдь надо, чтобы все соотвѣтственно—и предводитель, и графъ Зыкъ-Замойскій останавливаются,—первоклассная гостинница, и необходимо соблюдать себя въ изяществѣ внѣшности. Насчетъ этого щедрюсь я. Но за то насчетъ прочаго всего—какъ каторжную мучилъ! Да вѣдь дѣло понятное: я старый, а она—куколка... И ужъ какъ я ее изводилъ!.. И не выйди, и не посмотри ни на кого, и въ разговоръ если съ кѣмъ вступить, то сейчасъ я къ слѣдствію ее,—кто, молъ, такой, да объ чемъ у васъ разсужденіе, да какой тебѣ съ нимъ интересъ. Ужъ чего большее развлеченіе—къ дантисту зубъ рвать пойдетъ, а я и тутъ пристану со своей ревностью... Прямо сказать, истязалъ ее. И все понапрасну, все безъ надобности... Цѣлыхъ четыре года не было у насъ съ ней дѣтей. Я такъ ужъ и считалъ: старый я, кончено мое дѣло, больше насчетъ потомства уже не въ состояніи... Ну, а потомъ, вдругъ, глянь, Олимпіада и забеременѣла... Такъ развѣ можете вы имѣть понятіе, какъ я ее по этой причинѣ изводилъ? Такъ изводилъ, такъ изводилъ... Конца - краю мучительству не было!.. Хуже чѣмъ какой-нибудь японскій хунхузъ злодѣйствовалъ. „Чей это мальчикъ?—кричу.—Отъ кого это у тебя дьяволенокъ родился? Не мой это сынъ! скажи, такая-сякая, кто твой любовникъ?“—Клянется, божится, что ни въ чемъ не виновата. А я и самъ это отлично знаю, что не виновата, однако сдержать себя не въ состояніи. А почему не въ состояніи, не понимаю и самъ.—„Я въ Калиновку на ярмарку уѣзжалъ,—кричу ей,—а ты себѣ ярмарку дома устроила, любовниковъ нагнала“... Тутъ ужъ она и не отвѣчаетъ ничего. Сидитъ, молчитъ, плачетъ... Младенца, Митеньку нашего, къ грудямъ прижимаетъ, цѣлуетъ его и потихоньку плачетъ... А я-то самъ въ какой пустой номеръ зайду, да тоже плачу... Тамъ у насъ, подлѣ телефонной каморки, слѣпой номеръ есть, безъ окошка, такъ все больше въ него... Запрусь и плачу... Липы мнѣ жалко, и себя мнѣ жалко, и кажется, вотъ этакъ взялъ бы да головой объ стѣнку, чтобы мозгъ весь наружу... Знаю, что даромъ мучаю, а не мучить не могу... Би-

лись мы такъ, бились, то замиреніе у насъ выйдетъ, и ноги я у ней цѣлую, прощенія прошу, то опять Портъ-Артуръ... Митрій подростать сталъ, и вижу очень хорошо, что мой это сынъ, чувствую, да и весь онъ въ меня выливаться сталъ. Въ дѣтствѣ, примѣрно, я до всякаго животнаго характеръ имѣлъ, и до птицы, и до коней, и до букашки, страсть какъ любилъ, и тоже самое Митька. Или вотъ еще, музыку я люблю, если къ примѣру въ церкви хоръ, или концертъ какой въ благородное собраніе пріѣдетъ,—а Митька мой тоже самое. Услышитъ фортепьяно, такъ шельма и застынетъ подъ окошкомъ. Я вотъ ему даже флейту купилъ, пускай, пока что̀, ноту выводитъ...

На лицѣ старика появилась вдругъ болѣзненная гримаса, и онъ снова сталъ растирать себѣ грудь подъ бѣлоснѣжной бородой.

— Вотъ. Вижу, значитъ, что мое это дите, моя кровь,— а пристаю, допекаю Липу... Ну вотъ, такъ и жили... А прошлой весной, на Срѣтеніе, пошла это Олимпіада къ обѣднѣ, а потомъ, вернувшись домой, прямо ко мнѣ. Смотрю: лицо, какъ стѣна, бѣлое, а глаза точно у помѣшанной.—„Имѣю, говоритъ, къ тебѣ просьбу".—„Въ чемъ, спрашиваю, дѣло?"—„Такъ и такъ, говоритъ, конторщику Василію откажи отъ мѣста".— „Какъ, говорю, отказать? Почему такое отказать? Василій служитъ честно, я имъ вполнѣ доволенъ".

Продолжая растирать себѣ грудь, старикъ смотрѣлъ впередъ себя съ загадочной и горькой усмѣшкой.

— Изволили уже, можетъ быть, замѣтить, человѣкъ иной разъ какъ слѣпой конь дѣйствуетъ: по ровной дорогѣ если, по гладкой, не идетъ, упирается, боится. А если въ яму или на стѣнку—съ полнымъ удовольствіемъ, пожалуйте, такъ прямо и претъ... И я вотъ тоже на манеръ такого коня. До всякаго прохожаго на улицѣ ревновалъ, до стараго, до мальчишки, всегда подозрѣніе имѣлъ. А когда тутъ же въ домѣ жилъ этотъ самый Василій, статный этакій, крѣпкій молодчина,—я никакого предположенія на счетъ него не дѣлалъ!

Старикъ съ удивленіемъ уставился на меня.

— Вотъ ужъ поистинѣ: Господь умудряетъ и младенцы, — сказалъ онъ, не совсѣмъ, повидимому, ясно понимая смыслъ произносимыхъ словъ...—Олимпіада стоитъ предо мной блѣдная, дрожитъ, и опять свое: „расчитай Василія... Полюбила я его. Полюбила та́къ, что̀ жить безъ него не могу, и если не расчитаешь сейчасъ же, не знаю сама, что̀ будетъ".—Смотрю на нее, смотрю, а самъ такъ и холодѣю... Что-жъ, расчитать я расчитаю,

это дѣло ужъ само собой, но только, какъ же это ты, сука, смѣла?.. Какъ это ты, законная жена, смѣла влюбиться?.. Хотѣлъ бить. Живую въ гробъ заколотить!.. Ну а только тутъ что-то во мнѣ вдругъ какъ будто этакъ, знаете, гукнуло... Гукнуло и оторвалось... Въ гробъ-то заколачивать всѣхъ вѣдь будутъ. Отъ смерти никто не уйдетъ. И ни слова ни единаго я Липѣ не сказалъ. Опѣшилъ. Смирный сдѣлался, какъ котенокъ какой... Повернулся къ ней спиной и ушелъ. На рѣчку пошелъ. Въ проходку... Прогуливался я по берегу, прогуливался, какъ художникъ какой-нибудь знаменитый, виды—ландшафты высматриваю, какой гдѣ покрасивѣе ландшафтъ... А потомъ, мѣстечко тутъ у насъ одно есть, дача Кумбари называется, спокойное такое, безлюдное,—сѣлъ я себѣ, знаете, въ мѣстѣ этомъ, сѣлъ на бережку, въ камышѣ зарылся, чтобы меня никто не замѣтилъ, чтобы я никого не видалъ, сѣлъ и задумался, мысли свои ищу. Часъ ищу, два ищу, три ищу... И чѣмъ больше ищу и думаю, тѣмъ яснѣе все дѣло и становится: въ наказаніе это мнѣ, за мое злодѣйство, за то, что мучилъ я Липу... Сижу, думаю, гляжу. Тутъ вотъ этакъ камышъ, здѣсь вербы, а гдѣ ноги протянулъ—вода... Вода гладкая, какъ подносъ никелевый, и видать въ этомъ подносѣ небо, облачко бѣлое ползетъ, а ближе облачка — птица, должно голубь. Крыльями вотъ этакъ, вотъ этакъ... Нагнулся я къ водѣ поближе, вижу: старикъ оттуда смотритъ, лысина, борода бѣлая, и глаза слезятся. Отъ горя ли, отъ старости ли, самъ не разберу, но—слезы!.. „Что-жъ,—думаю,—Липѣ на тебя, на такого, и посмотрѣть противно. А любуется Липа на молодого, на Василія... И опять у меня сердце загорѣлось. Бить ее? Бить... Да когда-жъ бить вовсе меня слѣдуетъ... Кричать на нее?.. Поди-ка, покричи! Покричи, когда и языкъ во рту застылъ...

Вотъ, знаете, когда ничего этого не было, а я понапрасну къ ней приставалъ, тогда и кричать могъ, прямо сказать, по собачьи гавкалъ. А теперь, когда несчастье случилось и у ней любовь, тутъ словно кто колъ мнѣ въ глотку воткнулъ...

— А можетъ,—спрашиваю я себя,—а можетъ самое теперь для меня подходящее дѣло,—взять, да гдѣ въ рѣчкѣ мѣсто поглубже, туда и броситься?..

— Ну конечно про Митю тутъ вспомнилъ и тоже и эту программу до другого разу отложилъ... Вотъ, знаете, съ этого самаго дня и пошло у насъ. И пошло, и пошло...

V.

Внизу хлопнула дверь. Старикъ порывисто всталъ и насторожился...

— Нѣтъ, не она,—со вздохомъ сказалъ онъ.—Ужъ она не скоро теперь... Это въ театрѣ спектакль кончился, и вернулись актеры. Они у насъ живутъ. И господинъ режиссеръ Каплунъ-Громославскій тоже... Въ прежнее бы время я такихъ жильцовъ ни за что не пустилъ,—ужъ какая отъ нихъ польза!—А теперь, до того принизились, что и имъ рады. Объ графѣ Зыкъ-Замойскомъ и не думай...

Голоса вошедшихъ актеровъ скоро затихли. Улеглись, должно-быть, жрецы Мельпомены спать. По прежнему сильно пахло акаціей. Гдѣ-то, очень далеко, гремѣло, и въ моемъ номерѣ громъ отдавался глухимъ и длительнымъ рокотомъ. Хорошо должно-быть было теперь на рѣкѣ, въ камышахъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ когда-то со своей печалью этотъ неожиданный ночной гость мой...

— Вотъ съ этого самаго дня и пошло у насъ, — глубже вздохнувъ, повторилъ старикъ.—Каждый день шумъ, крики, придирки, ссоры—мученье!..—Я теперь смирный сталъ, все молчу, а кричитъ Липа. Я смирный! Назлодѣйствовался достаточно,—можно и помолчать... И между прочимъ, въ надеждѣ, что меньше противенъ буду Олимпіадѣ, за изяществомъ внѣшности сталъ слѣдить; бороду вотъ по молодому, и костюмъ модный, галстухъ съ булавкой и прочее... Мнѣ отъ этого самому совѣстно, неловко, я и въ молодости щеголемъ не былъ, ну а что будешь дѣлать? Стараюсь все таки... Только думается мнѣ иной разъ, что ужъ не хуже ли отъ всего этого?..—Вижу, мучается Липа, безъ конца мучается... Слыхали вѣдь, какъ все сердится она, кричитъ на всѣхъ? Отъ горя это она, отъ тоски. Никогда съ ней раньше ничего этакого не бывало, смирнѣе смирнаго была, а теперь—вотъ... Нашъ братъ отъ горя пить станетъ, а женщина, она все больше насчетъ крику, насчетъ истерики... Еще если бы хоть этого самого Василія въ городѣ больше не было, можетъ быть и зажило бы у нея, но вѣдь онъ тутъ, ему въ торговопромышленномъ банкѣ порядочное мѣсто дали... Другой разъ мимо гостинницы пройдетъ, или она на улицѣ гдѣ-нибудь увидитъ его...—вѣдь какая мука ей!.. Разводъ? Что-жъ, я хотѣлъ... Но вѣдь сынъ у насъ, Митя... И всетаки, не взирая, хотѣлъ

я и о разводѣ хлопотать. Рѣшился уже: разведемся, думаю, уйду я въ Кіевъ, на Аѳонъ потомъ, по разнымъ святымъ мѣстамъ... Тутъ меня, однако, большое сомнѣніе разбирать стало. Потому что, если по совѣсти къ себѣ присмотрѣться, — нѣтъ вѣдь во мнѣ настоящаго усердія къ божественному. Къ обѣднѣ я положимъ люблю, и ко всенощной, и постъ соблюдаю, это все довольно даже строго, но чтобы совсѣмъ божественному предаться, полностью, къ этому я настоящаго расположенія не чувствую. И думаю даже: не хорошо, пожалуй, и вродѣ кощунственно, когда человѣкъ безъ полнаго расположенія да на такое дѣло идетъ... Тутъ надо, чтобы по искренности... Однако, было уже рѣшился и на это. Объявилъ Липѣ... А она какъ раскричится, словно я ножикомъ ее.—„Ты чего это выдумалъ, святой какой нашелся! Куда ты дряхлый да больной пойдешь!“ — У меня, знаете-ли, болѣзнь сердца, припадки.—„Куда ты тамъ, разбитый такой, пойдешь. Помрешь, и на моей совѣсти это будетъ. Всю жизнь мучиться должна. Не согласна!.. Ничѣмъ ты не виноватъ, что со мной это такъ вышло. Не пущу. Не согласна“.—Ну, а потомъ, всетаки, по прежнему все,—и кричитъ, и ссорится, и бранитъ меня... Потому, вѣдь больно ей, страдаетъ вѣдь... И этакъ каждый день, каждый день. Все хуже, да хуже. А вотъ теперь, знаете, отчего вышелъ этотъ крикъ? Отчего она убѣжала?

Старикъ въ безпокойствѣ оглянулся, потомъ, понизивъ голосъ, продолжалъ:

— И разсказывать неловко... Другому кому, здѣшнему т.-е. жителю, ни за что бы говорить не отважился. Смѣяться бы надо мной стали, по городу бы звонить пошли. Вѣдь и такъ, чего только теперь объ насъ съ Олимпіадой не брешутъ!.. Ну а вамъ, какъ вы человѣкъ чужой, проѣзжающій, вамъ безъ опаски могу... Видите-ли, ложимся мы это спать, а гляжу: лицо у Липы прямо сказать какъ платокъ бѣлое, и въ глазахъ—мученье... Вздохнетъ она, прошепчетъ что-то, опять вздохнетъ. А потомъ и слеза... А между прочимъ, объ чемъ вздохнетъ, и объ чемъ у ней эта самая слеза ея — очень вѣдь это мнѣ хорошо извѣстно... Посмотритъ она на меня, сбоку этакъ посмотритъ, на мой галстухъ, на модную буланже, и отвернется. И даже, можно сказать, застонетъ при этомъ... Противенъ я ей, и ненавидитъ она меня, вещь понятная... „Ну, думаю, это теперь дѣло надо окончательно покончить. Молодость ея съѣлъ я, какъ козелъ цвѣтокъ, а больше теперь мучить нельзя. Будетъ! — думаю. — Будетъ уже мучить человѣка. Пора ему освобожденіе дать“... Легко ли мнѣ все это было, можетъ вы и сами поймете, и люблю вѣдь я Липу, какъ

кажется никогда раньше не любилъ... Ну, да только что тутъ обо мнѣ распространяться!.. Это помолчать надо... Вотъ, подхожу я, значитъ, къ Липѣ, и говорю:

— Ты, говорю, Липа, не безпокойся. Какъ угодно, а со мной надо тебѣ окончательно покончить. Припадки мои, сердце т. е., какъ они пять лѣтъ уже продолжаются, то Господь его святой знаетъ, можетъ они и еще сколько годовъ будутъ происходить. Такъ ты, Липочка, вотъ что: ты безъ вниманія. И если конторщикъ Василій... если въ мысляхъ у тебя прежнее... любовь то есть, то ты на меня безъ вниманія, я не препятствую. Я и кровать свою перенесу. Который у насъ подлѣ телефонной коморки слѣпой номеръ, безъ окошка,—я туда свою кровать поставлю, а ты, Липа, вполнѣ свободно, не взирая, и по усмотрѣнію...

— Изволили слышать, какое мессинское землетрясеніе поднялось? Весь домъ всполошили, и васъ тоже вѣдь разбудили... Все черезъ это самое. Черезъ мои слова Липѣ... Какъ вскочитъ она, какъ бросится на меня, какъ закричитъ.

— Ты, — кричитъ,—развратникъ, чтобъ ты пропалъ! Ты— старый песъ, потаскунъ старый, издохнуть бы тебѣ... У тебя ни стыда, ни совѣсти, послѣдній ты человѣкъ!..

— Постой, — говорю, — Липа!.. Олимпіада,—говорю,—Михайловна, да ты постой, ты чего это...

А она безъ перерыву:

— Въ распутство меня гонишь, въ развратъ! Душу мою хочешь загубить... Противъ Божьей заповѣди, противъ закону, противъ клятвы моей...

— Да Липа же,—говорю,—какая тутъ клятва твоя?.. Чего ты тамъ понимала, когда со мной подъ вѣнецъ согласилась. Дитя вѣдь была... Да и соглашалась ли? И тогда вѣдь противно было тебѣ, и страшно, а я больше обманомъ взялъ, да хитростью,— вродѣ экспропріаторъ какой, да мамашу твою настраивалъ, теплыя калоши ей покупалъ, да въ овощномъ ряду собственный рундукъ открыть ей посулился...

Куда тамъ съ ней разговаривать!..

Плачетъ, мечется, кричитъ: — „Бога не боишься, закона не боишься, людей тебѣ не стыдно, и гдѣ твоя совѣсть, и вотъ Митя нашъ подростетъ, войдетъ въ понятіе, что онъ объ своихъ родителяхъ скажетъ“... „Мнѣ,—кричитъ,—не надо никакой свободы отъ тебя. Я твоя законная жена, и ты еще хоть тридцать годовъ живи, я сама старухой сдѣлаюсь, но должна остаться вѣрной и изъ закона не выйду“.

— Никакъ мнѣ съ ней къ результату не придти... Я ей свое доказательство, а она того сильнѣе разгорается. А подъ конецъ дѣла въ такое озлобленіе вошла, что совсѣмъ себя забыла: схватила на комодѣ флейту, которую я Митѣ нашему купилъ, да въ меня, въ грудь... Потомъ какая первая юбка, какой мантосакъ подъ руку случились, накинула на себя—и вотъ, убѣжала...

— Ночь, потемки, по улицамъ пусто, хулиганъ шляется, а она Богъ ее знаетъ гдѣ, и что...

VI.

Сердитѣе чѣмъ раньше и все приближаясь рокоталъ громъ. Почти всѣ огоньки въ пригородѣ погасли. Было очень темно. Поднимался вѣтеръ. Акація за окномъ уже не млѣла въ сонной неподвижности; она рѣзво шелестѣла вѣтвями, бѣлымъ и сладостнымъ цвѣтомъ своимъ. Чувствовалось, что новое что-то творится въ природѣ, готовятся милыя радости, нѣжныя, щедрыя ласки, и довѣрчиво, и безъ страха внимала душа гулкому грохоту грома...

— Ахъ, знаете! — вздохнулъ старикъ, растирая на груди ушибленное флейтой мѣсто.—Одна только и есть у меня теперь молитва до Бога, чтобы поскорѣе смерть мнѣ!.. Припадки эти самые у меня, останавливается сердце и происходитъ коченѣніе тѣла... Такъ вотъ, чтобы не съ обратнымъ возвращеніемъ, а ужъ чтобъ окончательно, полная чтобъ остановка, въ аккуратѣ и до точки... И можетъ тогда уже освобожденіе Олимпіадѣ и придетъ.

Выжидательно помолчавъ, старикъ спросилъ:

— Вы какъ полагаете?

Я молчалъ.

Я молчалъ и думалъ: пожалуй, что освобожденіе и не придетъ.

Если ужъ боленъ человѣкъ такой вѣрностью, какая живетъ въ душѣ Олимпіады, то это не навѣки ли?

Въ минуты отчаянія, въ пароксизмахъ злобы, рожденныхъ мукой и сознаніемъ гибели, Липа проклинала старика и призывала для него смерть. И если умретъ онъ, если произойдетъ остановка „полная, въ аккуратѣ и до точки“, то не найдетъ ли она новыхъ причинъ, чтобы потребовать свою совѣсть къ новому отвѣту?

Я молчалъ.

Молчалъ и старикъ, подавленный печалью.

Смотрѣла въ окно облачная и теплая весенняя ночь, полная

живыхъ шороховъ и шумовъ, и подъ покровомъ этой ночи, по соннымъ и безлюднымъ улицамъ городка, гдѣ уже погасли всѣ огни, одинокая,—одинокая и растерянная,—бродила оскорбленная Липа... Я думалъ о ней. Въ полумракѣ пустоватаго номера отчетливо рисовались мнѣ ея черные глаза,—и горькая скорбь, которую источали они, шла мнѣ прямо въ сердце... Мнѣ такъ было жаль этой Липы! И такъ я былъ ей благодаренъ, — ей и полураздѣтому сухонькому старичку съ бѣлоснѣжной бородкой буланже, подъ которой растиралъ онъ свою ушибленную грудь... Странно-отрадное чувство, милое, какъ этотъ сладостный запахъ акаціи, какъ эта первая весенняя гроза, тихо ласкало мнѣ сердце, и я говорилъ себѣ, что ничего, жизнь всетаки не безнадежна. Всѣ ея казни, всю злую и жестокую путаницу ея безчисленныхъ трагедій можно принять,—ихъ можно принять, потому что, все-таки, прекрасна душа и свято созданіе Господа...

Д. Айзманъ.

СОНЪ

I.

Зима въ томъ году была странная, неровная. На Крещенье, на водосвятіи, дамы стояли подъ зонтами: такъ было тепло. А уже въ ночь на тринадцатое выпалъ снѣгъ и начались морозы. Черезъ нѣсколько дней по улицамъ города, по направленію къ пивнымъ заводамъ, потянулись возы съ большими, продолговатыми глыбами льда. Ледъ былъ похожъ на очень толстыя, плохо промытыя увеличительныя стекла.

Въ концѣ января почталіонъ подалъ Крынину письмо. Почеркъ на адресѣ показывалъ, что письмо это могло придти только изъ Петербурга. Межъ тѣмъ, на оборотѣ конверта, на самой серединѣ, съ небрежнымъ наклономъ вправо, была наклеена красненькая марка: это говорило о томъ, что письмо пришло по городской почтѣ.

Тогда родились странныя, смутныя предчувствія. Крынинъ долго не хотѣлъ распечатывать конвертъ; потомъ нерѣшительно оторвалъ отъ него, съ узкой стороны, неровную полоску; развернулъ хрупкій, сухо шелестящій листокъ.

— Ты изумишься, когда прочтешь эти строки,—такъ было написано въ началѣ:—но, другъ мой, то ли бываетъ на свѣтѣ? Да, вѣрь глазамъ своимъ. Я не въ Петербургѣ, а здѣсь, въ твоемъ любимомъ городѣ. Живу въ гостинницѣ „Европа“, которую ты, навѣрное, знаешь. По крайней мѣрѣ, тебя тутъ знаютъ, я спрашивала. Жду тебя цѣлый день.

Далеко, внизу письма, стояла размашистая буква Н, похожая на И.

Было холодно, хотя весна въ томъ городѣ начиналась, обыкновенно, со второй половины февраля. Прошлой ночью выпало много снѣга и потому кругомъ все было бѣло и чисто.

Въ семь часовъ вечера Крынинъ поднимался въ гору и думалъ о томъ: зачѣмъ она пріѣхала сюда, за двѣ тысячи верстъ? Онъ ясно представлялъ себѣ ея петербургскую квартиру, коллекцію оружія въ кабинетѣ мужа, стильныя высокія комнаты, на вечерахъ по пятницамъ много народу. Теперь—конецъ сезона, послѣдніе балы, итальянская опера, а она ѣдетъ сюда, въ глушь.

Осенью она вызывала его въ Петербургъ и тамъ каждый вечеръ пріѣзжала къ нему въ меблированныя комнаты. Прислуга почтительно и молча смотрѣла на богатую, таинственную даму. Но все это: и пріѣздъ, и любовь казались капризомъ, который скоро пройдетъ. Ей нравится его прошлое, рано посѣдѣвшіе на правомъ вискѣ волосы,—вотъ и все. Когда онъ уѣзжалъ изъ Петербурга, она опоздала на вокзалъ: пріѣхала уже послѣ перваго звонка. Тогда стало ясно, что дѣйствительно все было капризомъ: щеки у нея горѣли отъ возбужденія, но казалось, что оно было вызвано не его отъѣздомъ, а чѣмъ-то другимъ. Чѣмъ? Объ этомъ не хотѣлось думать. Было все равно. Съ этимъ же поѣздомъ уѣзжали какіе-то офицеры; гуляя по платформѣ, они замѣтили ее. Это, видимо, ей понравилось. Послѣ третьяго звонка она поцѣловала его и дала ему нѣсколько стеблей высокихъ, бѣлыхъ, очень душистыхъ цвѣтовъ, названіе которыхъ онъ забылъ. Когда въ Москвѣ на другой день, утромъ, онъ переѣзжалъ на Курскій вокзалъ, то злобно бросилъ эти цвѣты, еще прекрасные, на снѣгъ.

— Но зачѣмъ ты теперь здѣсь? Такъ неожиданно? Что случилось?—думалъ Крынинъ, поднимаясь въ верхнюю часть города.

Со времени пріѣзда изъ Петербурга онъ прожилъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ, успокоился, понялъ, что и ревность къ офицерамъ, и злость, съ которою были брошены цвѣты на снѣгъ,—все это тонкій налетъ на душѣ, который исчезъ безслѣдно и теперь не вливаетъ въ жизнь былого безпокойства и страданія. И это ощущеніе сливалось съ городомъ. На улицахъ было тихо; ушли со своихъ угловъ газетчики. Тѣни фонарей ложились блѣдноватыми, неувѣренными пятнами. Скоро должна была придти безмолвная, какъ тоскующая душа, ночь.

Въ театрѣ назначенъ былъ спектакль: у подъѣзда на длинной изогнутой проволокѣ горѣлъ круглый фонарь; около входа ходили съ программами въ рукахъ озябшіе продавцы.

II.

Когда Крынинъ подходилъ къ юнкерскому училищу, сзади него захрустѣли спѣшные, легкіе шаги. Онъ обернулся и увидѣлъ, что идетъ Наташа. Была она въ той же длинной каракулевой кофточкѣ, которую носила въ Петербургѣ. Наташа торопилась, смотрѣла себѣ подъ ноги; видимо озябла; прошла бы мимо, не замѣтивъ Крынина.

Была она другая,—не та, которую онъ зналъ въ гостинной, въ длинныхъ, дорогихъ платьяхъ. Теперь она скорѣе походила на курсистку послѣднихъ семестровъ, одѣвшуюся въ богатый нарядъ.

Когда она прошла мимо него впередъ, шага на три, онъ окликнулъ:

— Наташа!—и отъ этого коротенькаго слова что-то, казалось, дрогнуло въ воздухѣ.

Она рѣзко остановилась, первое мгновенье какъ будто не вѣрила себѣ, что видитъ его,—какъ будто все это былъ сонъ. Вздрогнула. Медленно, неровными шагами, подошла, протянула руку. Улыбнулась такъ, какъ улыбаются въ первый разъ послѣ тяжелой утраты и тихимъ, чуть дрогнувшимъ голосомъ сказала:

— Ну, здравствуй. А я такъ спѣшила домой. Ходила получить телеграмму до востребованія. Боялась, что ты въ это время придешь, не застанешь меня дома и уйдешь. Хотя, конечно, можно было и на извозчикѣ. Я говорю, что на телеграфъ можно было поѣхать на извозчикѣ. Тогда скорѣе. Не догадалась.

Наташа коротко, отрывисто засмѣялась. И послѣ смѣха, послѣ словъ о телеграммѣ, послѣ этихъ отрывистыхъ, какъ-то странно прерывающихся движеній голоса, Крынину сразу стало видно въ ней что-то новое. Мелькнула мысль, что искры, которыя онъ когда-то подмѣчалъ въ ея голосѣ, глазахъ, теперь изъ отдѣльныхъ яркихъ точекъ срослись въ одно цѣлое и сдѣлались значительными, похожими на новую, красивую душу. Тѣ лукавыя, переливающіяся блестки глазъ, такъ раздражавшія его на вокзалѣ, исчезли. Изъ глазъ ея, широко открытыхъ, теперь лились на него волны сложнаго и мучительнаго чувства.

— Не ожидалъ?—спросила она.

— Не ожидалъ,—отвѣтилъ Крынинъ.

— Почему же ты вчера не приходилъ? Я ждала тебя цѣ-

лый вечеръ. И думала, что ты просто не хочешь придти ко мнѣ.

— Я только сегодня получилъ письмо. Здѣсь городскія письма приходятъ на другой день. Почему ты не послала изъ гостинницы мальчика? Непремѣнно нужно было по почтѣ?

Она пытливо взглянула на него, убѣдилась, что онъ не сердится, а шутитъ, и сказала:

— А я такъ боялась, что ты не придешь.

Онъ ближе наклонился къ ней; мягко улыбнулись его глаза.

— Теперь я понимаю, что нужно было бы предупредить тебя о пріѣздѣ телеграммой. Ты бы встрѣтилъ меня на вокзалѣ. Помогъ бы мнѣ разобраться. А то такая путаница. Гостинница плохая, холодная...—торопливо, думая о чемъ-то другомъ, говорила Наташа.

Они стояли на улицѣ, совсѣмъ потемнѣвшей. Наташа отвернулась, словно застыдившись того, что вскрылось у нея на душѣ.

— Ну что-жъ?—спросилъ Крынинъ:—идемъ къ тебѣ?

— Идемъ,—сказала она:—подожди только немного. Я хочу посмотрѣть на эту улицу. Какая она широкая, красивая! Спускается внизъ. А вонъ вдали огоньки.

— Это ужъ село,—отвѣтилъ Крынинъ:—девять верстъ отъ города.

— А это что такое?—спросила она, показывая на большой, вверху освѣщенный домъ, около котораго они стояли.

— Это?.. Юнкерское училище.

Крынинъ смотрѣлъ на стоявшую передъ нимъ женщину, улыбающуюся, задумчивую. Свѣтъ плохого, керосиноваго фонаря измѣнилъ ея черты; колеблющіяся, перебѣгающія тѣни дѣлали ее то знакомою, то незнакомой. Казалось, что изъ какой-то темноты выросъ передъ нимъ неизвѣстный человѣкъ и онъ, почему-то, ведетъ съ нимъ разговоры объ юнкерскомъ училищѣ и о селѣ, которое стоитъ отъ города за девять верстъ.

Мимо изрѣдка проходили люди, стараясь разглядѣть ихъ темныя, неясныя очертанія: нѣкоторые узнавали Крынина и кланялись. Все больше и больше налегала на городъ ночь.

Послѣ молчанія Наташи какъ-то неожиданно, лукаво взглянула на него и сказала:

— Ты не измѣнился: то же пальто, та же шапка, то же лицо.

— Да, все то же, — отвѣтилъ Крынинъ и показалъ рукой кругомъ:—а вотъ и то, чего у насъ съ тобой никогда не было:

потемнѣвшій провинціальный городъ, пивная „Германія“, керосиновые фонари. А вонъ инспекторъ народныхъ училищъ въ шубѣ прошелъ.

То напряженное настроеніе, которое охватило ихъ съ первыхъ же словъ, не прошло: было тяжело и тоскливо. Наташа понимала это и на лицѣ у нея иногда появлялось страданіе.

— Знаешь что? — сказала она: — пойдемъ мы съ тобой въ театръ. Не хочу я идти въ номеръ. Тамъ холодно, свѣчи горятъ тускло. Пойдемъ въ театръ. Хорошо? Первый здѣсь вечеръ въ театрѣ? Хорошо?—и она заглядывала ему въ глаза.

Крынинъ посмотрѣлъ на часы.

— Но еще только четверть восьмого,—сказалъ онъ.

— Ничего, идемъ. Посидимъ, подождемъ! — отвѣтила Наташа.

Пошли. Около театра было пусто,—только шипѣлъ фонарь, да уныло стоялъ у двери городовой въ башлыкѣ и, казалось, представленіе не состоится.

III.

Кассирша была одѣта въ шубу и пила чай. Она долго перелистывала книгу, длинными, почернѣвшими ножницами отрѣзала два зеленыхъ продолговатыхъ билета съ неразборчивыми штемпелями на оборотѣ и подала ихъ Крынину.

Мѣста были на балконѣ,—такъ хотѣла Наташа: пришлось идти по лѣстницамъ, мимо сырыхъ, некрашеныхъ стѣнъ.

Да начала спектакля было еще далеко. Въ театрѣ, въ разныхъ углахъ, горѣло только четыре лампочки и потому темнота неосвѣщенныхъ мѣстъ особенно выдѣлялась. Придя со свѣта можно было разглядѣть на ложѣ кусочекъ бордовой занавѣски, свѣтлое пятно на полированномъ стулѣ. Кругомъ—тихо и пусто; голоса и шаги Крынина и Наташи звучали громко, съ эхомъ.

Чтобы разыскать мѣста, Крынину пришлось зажигать спички. Сѣли, одни, на скамью: немного бокомъ къ сценѣ. Пахло пылью, керосиномъ, залежавшимся сукномъ. За занавѣсомъ разговаривало два мужскихъ голоса. Гдѣ-то далеко стучали молоткомъ.

Видно было, какъ въ оркестрѣ, похожемъ въ темнотѣ на канаву, отворилась дверь, вошелъ кто-то изъ музыкантовъ и положилъ на стулъ скрипичный футляръ.

— Странно!—сказалъ Крынинъ:—ты пріѣхала сюда, за двѣ тысячи верстъ, такъ неожиданно, у тебя что-то случилось, тя-

желое и важное, лицо твое—грустное, улыбка—больная и безпокойная, но ты молчишь. Зачѣмъ-то долго стояли на улицѣ, зачѣмъ-то пошли въ театръ, сидимъ въ темной, пустой залѣ, звучатъ чьи-то чужіе голоса, а ты молчишь. Я хочу знать, что случилось. Я хочу знать, почему ты такъ неожиданно, не предупредивши, пріѣхала сюда?

Она ничего не отвѣтила, и, казалось, не слышала вопроса. Интересовалась только театромъ: глаза привыкли къ темнотѣ, и наклонившись черезъ барьеръ, она разглядывала ложи и удивлялась—какія онѣ маленькія. Въ партерѣ насчитала только одиннадцать рядовъ. На занавѣсѣ былъ нарисованъ дворецъ съ мраморными колоннами, гордо плавающіе лебеди, высокіе фіолетовые кипарисы и, по угламъ, бородатыя маски. Это ее занимало: она говорила, что лебеди похожи на моржей и смѣялась, закидывая голову.

— Это прекрасно, что мы пошли въ театръ. Я рада, что увидѣла настоящій провинціальный театръ,—говорила она съ подчеркнутымъ оживленіемъ:—наши мѣста почти въ центрѣ, отлично будетъ видно. А что идетъ сегодня? А мы и не знаемъ? У насъ даже афишки нѣтъ? Вотъ молодцы-ы!

Крынину стало больно оттого, что рядомъ съ нимъ сидитъ страдающій человѣкъ и этимъ дѣтскимъ, подчеркнутымъ оживленіемъ старается спрятать, не показать своей души. Какъ спросить? Какъ подойти къ этой душѣ?

— И то прекрасно,—говорила она:—что мы сидимъ въ этой темной залѣ, неуютной, пустой. Я не знаю, почему,—но это прекрасно. Я увѣрена, что до самой смерти не забуду мгновеній, въ которыя я вижу вотъ эти ложи, эту странно освѣщенную занавѣсь, этотъ футляръ, который лежитъ на стулѣ, эти темныя, пустыя мѣста. Лицо твое кажется далекимъ и чужимъ. А душа твоя—близка, какъ родная. Душа твоя,—зашептала она,—теплая и чуткая. Ты стараешься не показать этого, но я вижу. Ты не любишь меня. Да, да, не любишь. Я это почувствовала ясно, когда ты только еще окликнулъ меня. Нѣтъ, нѣтъ, не говори, не говори. Ничего не нужно говорить. Все равно: что бы тамъ ни было, я люблю тебя. И счастлива съ тобой. И готова тебя безумно благодарить. За что—не знаю.

Время шло, загорались другіе огни, становилось свѣтлѣе, понемногу собирались зрители, чаще хлопали дверью внизу. Въ оркестрѣ надъ пюпитрами засвѣтились зеленые абажуры. Какой-то очень лысый человѣкъ раскладывалъ рукописныя ноты, сначала разглядывая ихъ на свѣтъ.

Наташу интересовало все: кто вошелъ въ ложу, какъ фамилія перваго скрипача, хорошая ли въ театрѣ труппа, нѣтъ ли въ ней знакомыхъ именъ? Потомъ она задумалась и стала прежней,—такой, какой была на улицѣ. То на лбу появлялись тонкія складки, то въ углахъ губъ рождалась радостная, чуть замѣтная улыбка.

Около четверти девятаго шумно заигралъ оркестръ, при чемъ особенно былъ слышенъ тромбонъ, ровными, нажимающими звуками монотонно отбивавшій два звука. Тяжело и неровно, какъ-то бокомъ, потянулся вверхъ занавѣсъ: сморщились лебеди и мраморныя колонны.

На сценѣ была бѣдная комната съ тремя дверями. Очень высокій господинъ съ длинной, квадратно остриженной бородой ходилъ такъ, что дрожали декораціи. Господинъ часто выглядывалъ въ окно и возмущался, хлопая себя по бедрамъ:

— Нѣтъ, чертъ возьми, это становится невыносимымъ,—повторялъ онъ громкое, чуть придушенное шипѣніе суфлера:—ужъ не убитъ ли мой племянникъ? Скоро пять часовъ вечера. Вотъ на башнѣ святой Аглаи бьютъ часы. Разъ, два, три... Ахъ, Боже мой! Какъ въ этой комнатѣ мало мебели. Да, господинъ Беренсъ, вы неважно устроились въ Лондонѣ. Вашъ дядюшка, пріѣхавшій наградить васъ молодой женкой и большимъ наслѣдствомъ, не одобряетъ вашего поведенія. Не одобряетъ-съ. Да-съ.

И актеръ дѣлалъ видъ, что онъ—очень недоволенъ.

Приходила хозяйка въ чепцѣ, приносилъ почтальонъ письмо.

Дядюшка, сѣвъ верхомъ на стулъ, такъ что публикѣ были видны подошвы его сапогъ, разсказывалъ, что у него въ Шотландіи есть прекрасная ферма и образцовое молочное хозяйство. Почтальонъ оказался похожимъ на одного добраго малаго, котораго у нихъ, въ Шотландіи, вздернули на березу за хорошія дѣла.

Кончилось дѣйствіе—и опять, однимъ бокомъ, спустился занавѣсъ. Раздались апплодисменты. Съ галлереи высунулся какой-то человѣкъ въ шубѣ, далеко выставилъ хлопающія ладони и съ азартомъ кричалъ:

— Фунтиссимо!

Стало скучно.

— Уйдемъ?—спросила Наташа.

Молча поднялись.

И опять потянулись лѣстницы, небритые капельдинеры, курящіе мужчины, дамы съ необыкновенными прическами и поясами.

Вышли на улицу.

Театральный фонарь освѣщалъ дорогу съ блестящими санными слѣдами, противоположный тротуаръ, золотыя буквы вывѣски писчебумажнаго магазина. На телефонныхъ столбахъ гудѣли проволоки. Отъ проволокъ на снѣгъ ложились тѣни, похожія на нотныя строки.

Тихій городъ заснулъ.

IV.

Въ номерѣ Наташа долго не могла зажечь свѣчи. Было видно, какъ у нея дрожали руки и огонь не приставалъ къ черному, нагорѣвшему фитилю.

— Ты не снимай шубы,—сказала она.—Здѣсь очень холодно. Хотя печку топили два раза. Я вчера ждала тебя. Прислушивалась цѣлый вечеръ, не услышу ли въ корридорѣ твоихъ шаговъ. Этотъ корридоръ—такой гулкій. Ты замѣтилъ, что когда идешь, то гнутся доски?

На столѣ, къ стѣнкѣ, лежалъ чай въ неловко разорванной свинцовой бумажкѣ, какой-то свертокъ съ напечатаннымъ адресомъ, начатый лимонъ.

Крынинъ сѣлъ на диванъ, не снявъ пальто. Было, правда, холодновато и почти темно. Наташа стояла, прислонившись къ печкѣ. Чуть бѣлѣло лицо ея; былъ виденъ шарфъ, которымъ она закутала плечи.

— Ну вотъ, ты у меня въ гостяхъ,—послѣ молчанія сказала она:—ты не радъ, что я пріѣхала. Когда ты послѣдній разъ былъ въ Петербургѣ, то мнѣ казалось, что ты такъ любишь меня. Когда ты былъ на вокзалѣ, то казался такимъ печальнымъ, такъ задумчивы были твои глаза. И я думала: это потому, что онъ разстается со мной.

Крынинъ, не сразу и тихо, отвѣтилъ:

— Я радъ, что ты пріѣхала. Я радъ. Но я вижу, что не все благополучно, а ты не хочешь сказать, скрываешь. Вотъ я и мучаюсь, жду и на душѣ у меня, правда, не хорошо.

Наташа улыбнулась.

— Ты милый и чуткій,—прибавила она:—и я скажу тебѣ все, что случилось.

Она еще помолчала, потомъ, поправивъ шаль, улыбнувшись, нерѣшительно, словно въ чемъ-то застѣнчиво признаваясь, сказала:

— Случилось вотъ что. Во вторникъ пришелъ мужъ, подалъ

мнѣ синій билетъ и плацкарту и сказалъ: „Ты любишь его. Я вижу. Поѣзжай къ нему“. Слезы лились у него изъ глазъ, а когда я брала билеты, то руки мои дрожали отъ счастья. Вотъ и все. Я и поѣхала. Въ томъ же поѣздѣ, съ которымъ уѣзжалъ и ты. Въ шесть тридцать. Меня провожалъ мужъ, цѣловалъ мои руки, плакалъ и повторялъ: „Ты ѣдешь. Ты ѣдешь“.—Она снова помолчала и чуть слышно добавила:—я и поѣхала, потому что и въ самомъ дѣлѣ люблю тебя.

Было тихо. Гдѣ-то глухо, но четко дребезжалъ звонокъ; въ корридорѣ раздавались чьи-то шаги и можно было догадаться, что доски пола, дѣйствительно, гнулись.

— Помнишь, передъ отъѣздомъ я подарила тебѣ цвѣты,— опять начала говорить Наташа:—они были бѣлые. Когда я поняла, почему-то, что тебѣ нужны бѣлые цвѣты, то сразу же стало ясно, что я люблю тебя. И на вокзалѣ тогда я была полна этого опьяненія и счастья. Мнѣ казалось, что ты всю ночь не будешь спать: эти бѣлые цвѣты не дадутъ тебѣ спать. Я поѣхала съ вокзала въ ресторанъ; было рано, посѣтителей— никого, но кругомъ—ярко, свѣтло, такіе высокіе, красивые потолки. Я сидѣла одна и лакеи удивлялись: женщина—одна. Дали мнѣ кофе. Я смотрѣла на себя въ зеркало напротивъ и смѣялась отъ счастья. И любила тебя. А ты ѣхалъ въ поѣздѣ и былъ далеко.

Наташа подошла къ нему, опустилась на колѣни, положила голову на его руки.

И, почему-то, не было ничего удивительнаго въ томъ, что мерцаетъ свѣча и прыгаютъ неуклюжія тѣни, что въ номерѣ холодно, что на колѣняхъ, теплой щекою прижавшись къ рукѣ, стоитъ передъ нимъ прекрасная женщина, которой когда-то, въ зимній день, бѣлые цвѣты подсказали, что она любитъ.

...— Тогда тебѣ нужно уйти изъ этой гостинницы,—послѣ долгаго молчанія сказалъ Крынинъ: — ты останешься здѣсь, въ этомъ городѣ. Я найду тебѣ квартиру.

Наташа, не поднимая головы съ его колѣнъ, отрицательно покачала головой.

— Но почему же?—спросилъ Крынинъ.

— Ни, ни, ни!—отвѣтила она и можно было догадаться, что вопросъ Крынина даетъ ей радость и счастье:—я проживу здѣсь три дня и уѣду.

— Куда?

— Въ Крымъ, къ сестрѣ.

Она подняла голову и свѣтлая, какъ пригрѣтая солнцемъ, смотрѣла на него. Въ глазахъ ея струились какія-то мечты, думы.

— Я поѣду въ Крымъ, къ сестрѣ,—медленно, словно разсказывая любимую сказку, говорила она:—тамъ горы, тамъ сады, тамъ море. Тамъ зеленѣетъ трава. Тамъ фіалки. Тамъ—большой домъ, покой. Душа моя нальется жизнью, какъ чаша. Будетъ одиночество. Будетъ хорошо.

— Но почему ты не хочешь остаться здѣсь, со мной? — спрашивалъ Крынинъ.

Наташа тихонько, по дѣтски, засмѣялась, опять прильнула къ его колѣнямъ и снова послышалось глухое:

— Ни, ни, ни! Я ни за что не останусь здѣсь. „Ни за какія деньги", какъ говоритъ мужъ.

Сказала и замолкла—и опять ушла думою далеко. И нельзя было понять, куда: въ прошлое или будущее.

— Я скоро буду безобразна, — таинственно, полушепотомъ прибавила она:—у меня вотъ тутъ, на лбу, появятся коричневыя пятна. А ты и такъ, вѣдь, не любишь меня. А тогда и совсѣмъ съ глазъ прогонишь.

— Ты беременна?

Она не отвѣтила. Напряженное дыханье тепломъ касалось его колѣнъ.

И только послѣ долгаго молчанія сказала:

— И, знаешь, то, что ты не любишь меня, это мнѣ какъ-то все равно теперь. Да, мой дорогой, да. Только не люби другой женщины. Да? Не будешь? Не будешь любить другую женщину?

И она ползала на колѣняхъ, и засматривала ему въ глаза.

...Было слышно, какъ въ корридорѣ, въ телефонной будкѣ, кто-то кричалъ звонкимъ ярославскимъ говоркомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ. Нѣтъ, нѣтъ. Я—человѣкъ строгихъ правиловъ и позволить вамъ этого номера не могу. И какъ вы тамъ планы ни разводите, а пятьсотъ рубликовъ — не фунтъ изюму. Это вамъ не нотаріусъ Володя Мышигинскій. Почему? Вы спрашиваете почему? А потому-съ, что потому всегда оканчивается на у. Да-съ, вотъ и все-съ. Пріятныхъ сновидѣній-съ.

V.

Три дня, которые Наташа провела въ городѣ, прошли какъ-то странно. Ночью выпадало много снѣга, морозы стояли градусовъ по двѣнадцати.

Когда начинало смеркаться, Наташа и Крынинъ шли бродить по широкимъ улицамъ, изъ которыхъ такъ хорошо было

видно небо. Городской садъ, въ который теперь никто не ходилъ, былъ заваленъ снѣгомъ, и только на главныхъ аллеяхъ протоптали узкую, глубокую тропинку, похожую на бѣлую канаву. Вечеромъ въ городѣ и внизу, на вокзалѣ, зажигались матовые электрическіе огни, а здѣсь, между деревьями, было темно и зимнія птицы крѣпко спали въ гнѣздахъ. Крынинъ бралъ иногда карманный фонарь и наводилъ туда свѣтъ: птицы просыпались и начиналась суматоха.

Было очень хорошо, что Наташа не начинала разговоровъ о любви и не требовала никакихъ увѣреній. Хорошо было разговаривать съ ней объ искусствѣ, о небѣ, о Петербургѣ, который отсюда, за двѣ тысячи верстъ, казался яркимъ и недоступнымъ.

— Теперь тамъ ѣдутъ въ театръ,—говорила Наташа, когда на колокольнѣ медленно и неровно било восемь часовъ:—я люблю это время. Ѣдутъ, пожимаются отъ мороза, около театра мальчишки бѣгутъ за санями, пристаютъ съ программами.

— Здѣшнее время отстаетъ почти на часъ,—отвѣчалъ Крынинъ:—теперь въ Петербургѣ кончается первое дѣйствіе.

— А здѣсь такая тишина. Такъ красивы тѣ огни.

Крынинъ видѣлъ, что передъ нимъ—больная, надорвавшаяся душа, что нужно бы сказать ей много нѣжнаго и ласковаго, но въ то же время было ясно, что если заговоритъ онъ, то это будетъ правда со словами жестокими и холодными, которую такъ же нельзя говорить, какъ въ вьюжную, зимнюю ночь—гнать изъ дома безпріютнаго, одинокаго человѣка.

— Скажи пожалуйста,—говорила Наташа, пристально вглядываясь въ даль:—почему люди страдаютъ передъ смертью? Почему послѣдніе часы человѣческіе должны быть запачканы кровью? Почему бы смерти не быть послѣднимъ, самымъ радостнымъ благословеніемъ жизни? Благословеніемъ земли и жизни?

— Зачѣмъ ты мнѣ говоришь объ этомъ? — спросилъ Крынинъ.

Наташа тихо и серьезно отвѣтила:

— Потому что чую ее за своей спиной. Да, милый, я умру. Это для меня яснѣй яснаго.

У Крынина сжалось сердце.

— Полно, Наташа!—перебилъ ее онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, милый, правда!—торопливо сказала она и схватила его за руку, будто боялась, что онъ начнетъ возражать ей; — это — правда. Оттого я и не огорчаюсь, что ты не любишь меня. Мнѣ важно только то, что я люблю тебя. Это странно, быть-можетъ, но это такъ. И я хотѣла бы, чтобы не

оставался въ живыхъ онъ, твой. Пусть онъ умретъ вмѣстѣ со мною. На землѣ ему будетъ холодно.

— Полно, Наташа! — снова и робко говорилъ Крынинъ.

— Нѣтъ, милый, такъ, такъ. Все будетъ такъ, какъ я говорю.

Становилось холоднѣе и, чтобы согрѣться, они начинали ходить по саду, спускались къ пруду и, набирая въ калоши снѣга, смѣясь и падая, скользили по льду. Какъ-то незамѣтно, по дѣтски, измѣнялось настроеніе,—все тяжелое и нудное куда-то уходило.

Медленно, переходя по краямъ неба въ густо фіолетовые тона, протекалъ зимній вечеръ.

Когда садъ закрывался, они, озябшіе, въ припадкѣ ребяческаго шаловливаго задора, бѣжали грѣться на почту. Тамъ въ это время бывало уже темно: освѣщались только телеграфъ и продажа марокъ. За другими закрытыми окнами шла суетня: разговаривая и сердясь, шлепая чѣмъ-то тяжелымъ по полу, чиновники запаковывали мѣшки съ корреспонденціей для почтоваго поѣзда, который уходилъ на сѣверъ въ десять часовъ четырнадцать минутъ.

Было уютно сидѣть въ углу темной, теплой залы, прислушиваться къ шуму, смотрѣть, какъ сторожъ кладетъ въ печь бѣлыя, тяжелыя полѣнья. Всѣ были заняты своимъ дѣломъ и никто не обращалъ вниманія на двѣ фигуры, сидѣвшія на подоконникѣ. У тѣхъ, кто сдавалъ телеграммы, были сумрачныя, озабоченныя лица.

Бывали мгновенья, когда становилось особенно ясно, что Наташа вѣритъ въ чудо, ждетъ отъ него словъ о любви. Тогда онъ смотрѣлъ въ ея темные, надѣющіеся глаза, бралъ ея руки и не могъ ничего сказать: забывалъ тѣ слова, которыя могли бы убѣдить Наташу, что близость и поцѣлуи не нужны, что въ ихъ отношеніяхъ стѣною стоитъ холодная, безцвѣтная правда, что не нужно ни писемъ, ни упрековъ, ни ожиданій, что онъ не любитъ ея и только по какимъ-то страннымъ, неуяснимымъ движеніямъ души не въ силахъ не отвѣчать на ея поцѣлуи, не улыбаться ея глазамъ, когда въ нихъ, какъ у звѣздъ въ морозный вечеръ, переливаютъ и дрожатъ испуганныя слезы.

А когда эти слова гдѣ-то въ мозгу, далеко, рождались и приближались къ сознанію, когда смыслъ ихъ мелькалъ уже, вѣроятно, въ его глазахъ,—тогда Наташа, какъ-то странно, словно предчувствуя бѣду, пугалась, хватала его за руку, крѣпко сжимала ее и говорила:

— Не нужно, ничего не нужно. Милый, ничего не нужно. Я люблю тебя. Только это нужно. Я люблю тебя. Да, да.

VI.

На вокзалѣ передъ отъѣздомъ Наташа не могла преодолѣть волненія: гуляя съ Крынинымъ по платформѣ, она то неожиданно останавливалась, то переставала говорить, то глядѣла въ темноту и, казалось, что-то припоминала. А темнота тамъ, за пакгаузами, была огромная, безглазая, озлобленная на станцію за ея огни. Когда дошли до паровоза, Наташа долго и пристально глядѣла на огненную массу, клокотавшую внизу. Налѣво было темно: въ туманныхъ, вечернихъ очертаніяхъ виднѣлись какія-то постройки: то высокія, то низкія.

— Все—сонъ,—сказала Наташа:—и этотъ огонь—сонъ, и ты—сонъ. И ты—мой самый любимый сонъ. И вотъ этотъ клокъ волосъ, сѣдыхъ, старыхъ волосъ—тоже сонъ. Кажется мнѣ, что я за него полюбила тебя и все въ тебѣ.

На платформѣ, по обыкновенію, суетилось много народу: барыни, купцы, попы. Носильщики возили багажъ и заледенѣвшія колеса телѣжки скрипѣли и визжали.

Когда ударилъ второй звонокъ и нужно было идти къ вагону, Наташа торопливо, волнуясь, сказала:

— Ты мнѣ пришли, обязательно пришли видъ съ горы, соборъ, потомъ фонтанъ, потомъ еще что? Что-то хотѣла еще... Ахъ, дай Богъ памяти... Не помню. Попаду ли я еще когда-нибудь сюда? Мнѣ очень понравился твой городъ. Очень! Я помню, что ты любишь его и Петербургъ. Ты говорилъ. Въ немъ хорошо жить. Бульваръ прекрасный, лѣтомъ, вѣроятно, тѣнистый, уютный.

Она смотрѣла на высокій, чуть заледенѣвшій фонарь и, улыбаясь, припоминала. Было совсѣмъ ясно, что она не сказала того, зачѣмъ пріѣхала, не сказала того, о чемъ думала всѣ эти дни. И опять повезетъ она, какъ ярмо, это невысказанное, невыразимо тяжелое и тоскливое, что измѣняетъ глаза, улыбку и даже ту радугу, сквозь которую струятся слезы человѣческія. И въ самый послѣдній моментъ, когда уже рѣшила все сказать, она заговорила объ открыткахъ.

Еще позвонили: три раза.

Наташа вздрогнула, помутившимся взглядомъ скользнула по лицу Крынина, сдѣлала порывистый шагъ впередъ, остановилась

и сразу, въ одно мгновенье все, видимо, рѣшивъ, уже спокойно пошла въ вагонъ. На ступенькахъ чуть поскользнулась. Стала у двери на площадкѣ. Молча, освѣщенная, глядѣла на Крынина.

Медленно тронулся поѣздъ.

Крынинъ не замѣтилъ, какъ онъ пошелъ за нимъ, держась за ручку вагона, сбивая съ ногъ какихъ-то людей, махавшихъ носовыми платками. Онъ все ждалъ, хотѣлъ услышать то, что̀ нужно и должно было услышать.

Кондукторъ, съ фонаремъ въ рукахъ, кричалъ ему:

— Баринъ! Такъ нельзя! Такъ нельзя!

И было смѣшно это „нельзя".

А она наклонилась къ нему и, счастливая, все быстрѣй и быстрѣй ускользающая, радостная оттого, что онъ—еще съ ней, громко говорила тѣ слова, которыя онъ слышалъ во всѣ эти три дня:

— Ты мой. Я смотрю тебѣ въ лицо. Вижу тебя. Вижу твою душу.

Кончилась платформа, Крынинъ соскочилъ по двумъ какимъ-то ступенькамъ и уже бѣжалъ по насыпи. Поѣздъ начиналъ спѣшить, чаще стучали колеса. Крынинъ немного отсталъ и видѣлъ только огромные, напряженно расширившіеся глаза, видѣлъ руку въ натянутой черной перчаткѣ и, когда все скрылось, когда поѣздъ пошелъ полнымъ ходомъ, то показалось, что гдѣ-то, покрывъ грохотъ желѣза, послышался звонкій, рыдающій крикъ.

VII.

Прошло три года.

Въ томъ же городѣ, на главной аллеѣ общественнаго сада, сидитъ Крынинъ. Весна. Двадцать шестое апрѣля. Каштаны, прежде всѣхъ радующіеся солнцу, уже распустились и вверху, очень высоко, сплели полукруглую, душистую крышу. Каштаны эти—очень стары, насажены еще княземъ Барятинскимъ.

Уже вечерѣетъ. Часовъ около семи, совершенно неожиданно, налетѣлъ западный вѣтерокъ, притащилъ съ собою, вѣроятно съ Чернаго моря, компанію неуклюжихъ, неповоротливыхъ тучъ, похожихъ на постарѣвшія облака, и теперь изрѣдка капаютъ теплыя, крупныя крапины дождя: кто надѣлъ новыя соломенныя шляпы, тѣмъ нужно поскорѣе открывать зонты и спѣшить домой.

По распоряженію городской управы, весенній сезонъ начинается съ перваго мая и поэтому двадцать шестого апрѣля садъ еще не убранъ, еще очень красивъ, освѣщенъ на главной аллеѣ

только однимъ ацетиленовымъ фонаремъ. Фонарь, какъ непрошенный гость, виситъ между каштанами, фальшиво освѣщаетъ ихъ изумрудную зелень и дѣлаетъ мертвенно-синеватыми лица гуляющихъ чиновниковъ и барышенъ.

Садъ—большой, спускается подъ гору. Внизу есть прудъ, надъ которымъ сплетаются липы. Недалеко отъ главной аллеи бываютъ, обыкновенно, разбиты ковровые цвѣтники, но такъ какъ еще рано, только двадцать шестое апрѣля, то вмѣсто клумбъ лежатъ груды черной, влажной, еще не беременной земли. Благодаря невѣрному освѣщенію, въ цвѣтникахъ кажется темно, какъ въ могилѣ.

Крынину не мѣшаетъ крикливая толпа. Онъ думаетъ о томъ, что за нимъ всегда внимательно слѣдитъ злое начало жизни. Съ упоеніемъ оно вертитъ имъ, какъ игрушкой, кружитъ по бѣлу свѣту и только на рѣдкія мгновенья оставляетъ его въ покоѣ. Эти мгновенья наступаютъ тогда, когда онъ пріѣзжаетъ въ свой городъ. Тогда онъ какъ будто просыпается послѣ тяжелаго, кошмарнаго сна и видитъ свою старую любимую комнату съ маленькимъ письменнымъ столомъ, на которомъ стоитъ портретъ Аксакова. Рядомъ съ его комнатой—залъ. Тамъ, въ углу, большая божница съ семейными, купеческими иконами. Есть среди нихъ и его святитель: строгій старикъ съ запавшими глазами и высокимъ коричневымъ лбомъ.

Когда Крынинъ обѣдаетъ, за нимъ тоскливыми глазами слѣдитъ старуха, которая тридцать лѣтъ тому назадъ родила его. Когда онъ гуляетъ по залу, она въ сосѣдней комнатѣ слушаетъ его шаги.

Городъ—не великъ и тихъ: похожъ онъ на меблированныя комнаты, въ которыхъ всѣ знаютъ другъ друга. Самое лучшее и дорогое въ немъ: этотъ каштановый садъ.

...Къ Крынину на скамью подсаживаются гимназисты и начинаютъ говорить о томъ, что завтра, на письменномъ экзаменѣ, дадутъ, пожалуй, такую тему: „Значеніе культуры въ исторіи народовъ".

Крынинъ невольно слушаетъ эти разговоры и ему дѣлается скучно. Онъ поднимается, идетъ въ цвѣтники и когда, какъ въ храмъ, вступаетъ въ ихъ темноту, когда слышитъ запахъ свѣжей, взрытой земли, видитъ синее небо, немного звѣздъ и густыя тучи на западѣ, — тогда далекимъ, волнующимъ воспоминаніемъ рождается образъ женщины, съ которою въ недолгіе три дня онъ гулялъ здѣсь, по упругимъ скрипѣвшимъ сугробамъ: зимніе ве-

чера начинались рано, часа въ четыре, было холодно и въ гнѣздахъ спали озябшія птицы.

Гдѣ-то далеко, у бабушки, ростетъ ея и его сынъ. Она, какъ и предчувствовала, умерла отъ родовъ. Передъ смертью пересматривала, какъ колоду картъ, открытки, присланныя Крынинымъ и просила написать ему. Сестра ея исполнила просьбу и послала ему письмо, въ которомъ очень коротко сообщила ему о смерти и о томъ, что похороны были въ прекрасный день.

Крынинъ идетъ теперь и шепчетъ:

— Похороны были въ прекрасный день.

И эти короткія слова, какъ вспомнившійся мотивъ, не хотятъ оставить его. Вспоминается, какъ послѣ той зимы, въ мартѣ, пріѣхалъ въ этотъ же городъ ея мужъ, плакалъ и говорилъ, что Крынинъ отнялъ отъ него жену. И разсказалъ, какъ онъ, узнавъ о ея любви къ Крынину, о беременности, прогналъ тогда ее изъ дома. Она пріѣхала въ этотъ городъ, одинокая, безъ крова... И тогда стало ясно, что она хотѣла и не могла сказать.

Съ тѣхъ поръ ушло три зимы.

...Ацетиленовый фонарь шипитъ, — слышно даже здѣсь, въ цвѣтникахъ, и, благодаря его рѣзкому синеватому свѣту, освѣщенныя аллеи кажутся далекими и красивыми.

Крынинъ потихоньку, какъ въ чащу, идетъ въ темноту и чувствуетъ, что на руку ложится, какъ печать, теплая, тяжелая капля дождя.

— Дождь пошелъ на западъ, къ морю,—кто-то мечтательно говоритъ въ темнотѣ.

Крынинъ отъ неожиданности вздрагиваетъ и разглядываетъ на низкой скамьѣ какіе-то силуеты.

— Да, дождь пошелъ на западъ, къ морю,—такъ же мечтательно, медленно повторяетъ женскій голосъ. И въ голосѣ этомъ слышится вся полнота перваго, земного счастья.

Крынинъ потихоньку идетъ дальше. Что-то заволакиваетъ глаза. Онъ останавливается, долго смотритъ на небо—и кажется ему, что тамъ, вверху, на синемъ фонѣ, свѣтлыми буквами сдѣлана надпись на невѣдомомъ языкѣ. И только тогда, когда человѣчество прочтетъ эти звѣздныя слова,—тогда счастье придетъ на землю.

Опять доносится до него тихій разговоръ. Онъ вспоминаетъ о дождѣ и видитъ, что тучи, дѣйствительно, уплываютъ на западъ: къ морю.

И. Сургучевъ.

ОДИНЪ ИЗЪ ПЕРВЫХЪ НАШИХЪ МАРКСИСТОВЪ

(Изъ періода хожденія въ народъ.)

Иванъ Федоровичъ Фесенко былъ однимъ изъ наиболѣе своеобразныхъ представителей поколѣнія семидесятыхъ годовъ, но, по неблагопріятному стеченію обстоятельствъ, имя его извѣстно теперь лишь очень немногимъ; въ печати оно появилось всего раза два-три, да и то вскользь. Между тѣмъ, въ свое время онъ пользовался въ нѣкоторыхъ кружкахъ значительной популярностью, и для многихъ участниковъ нашего освободительнаго движенія рано прервавшаяся жизнь его прошла далеко не безслѣдно.

Изъ оставшихся въ живыхъ товарищей его я являюсь если не единственнымъ, то во всякомъ случаѣ однимъ изъ очень немногихъ, которые близко знали его. По мнѣнію нѣкоторыхъ моихъ друзей, на мнѣ, поэтому, лежитъ долгъ познакомить другихъ съ этимъ выдающимся человѣкомъ. Помимо этого мотива, мнѣ хотѣлось бы настоящимъ очеркомъ хотя отчасти заполнить одинъ крупный пробѣлъ.

Говоря о распространеніи въ Россіи идей Маркса, нѣкоторые выражаются такимъ образомъ, что можно подумать, будто впервые онѣ начали пропагандироваться лишь со времени появленія за границей въ 1883 г. группы: „Освобожденіе труда". Такъ, М. Лядовъ, въ „Исторіи рос. соц.-дем. раб. партіи", и Н. Батуринъ, въ „Очеркахъ" той же исторіи, даже не упоминаютъ о проф. Н. Зи-

берѣ, который, — худо ли, хорошо ли, — еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ сперва въ своей книгѣ о „Теоріи стоимости Давида Рикардо“ и въ университетскихъ лекціяхъ, а затѣмъ въ журнальныхъ статьяхъ популяризировалъ взгляды Маркса. Нечего и говорить о томъ, что выше названные и другіе авторы, въ своихъ такъ называемыхъ „исторіяхъ“ и „очеркахъ“, не упоминаютъ о такихъ послѣдователяхъ Маркса, какимъ былъ И. Ф. Фесенко. Они, по всей вѣроятности, никогда не слыхали о его существованіи.

I.

Немногое помню я о дѣтствѣ и отрочествѣ И. Ф. Фесенко, хотя онъ и разсказывалъ мнѣ кое-что и объ этихъ періодахъ своей жизни. Знаю только, что онъ родился въ 1846 г. въ какомъ-то селѣ Полтавской губерніи, гдѣ отецъ его былъ дьякономъ, и что, рано поступивъ въ бурсу, онъ захватилъ еще тотъ жестокій режимъ, безподобное изображеніе котораго далъ Помяловскій. Но, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, суровая школа не загубила его способностей, хотя, вѣроятно, въ значительной степени содѣйствовала раннему разстройству его здоровья.

Окончивъ семинарію или до ея окончанія—въ точности не помню,—Фесенко попалъ сперва въ Нѣжинскій лицей, а затѣмъ уже довольно великовозрастнымъ молодымъ человѣкомъ перебрался въ Петербургъ, гдѣ поступилъ на юридическій факультетъ.

Среди товарищей, какъ въ лицеѣ, такъ и въ университетѣ, Фесенко пользовался всегда большимъ уваженіемъ и авторитетомъ. Одна уже внѣшность его должна была дѣйствовать на многихъ импонирующимъ образомъ: выше средняго роста, съ большой головой и чрезвычайно развитымъ лбомъ, Фесенко, благодаря рано появившейся на его лицѣ обильной растительности, выглядѣлъ нѣсколько старше своихъ лѣтъ и имѣлъ видъ серьезнаго ученаго. Этой внѣшности вполнѣ соотвѣтствовало бросавшееся въ глаза, при первой же съ нимъ бесѣдѣ, умственное его превосходство надъ другими, его начитанность и краснорѣчіе.

Насколько могу теперь припомнить, онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ молодыхъ людей, которые любятъ „развивать“ своихъ сверстниковъ, въ особенности же—сверстницъ. Но, помимо его воли, всегда выходило такъ, что онъ имѣлъ большое

вліяніе на всѣхъ, съ которыми такъ или иначе судьба сталкивала его.

Однажды его пригласили заниматься съ подросткомъ, сыномъ очень богатаго черниговскаго помѣщика. Мальчикъ жилъ въ Петербургѣ только со своимъ старшимъ братомъ—студентомъ математическаго факультета. Вдвоемъ они располагали квартирой, состоявшей изъ нѣсколькихъ роскошно меблированныхъ комнатъ; у нихъ имѣлись лакей, поваръ и пр.

Занимаясь съ своимъ ученикомъ, Фесенко много бесѣдовалъ съ его старшимъ братомъ. Послѣдній получилъ тепличное воспитаніе: до семнадцати лѣтъ онъ прожилъ съ родителями на югѣ Франціи, гдѣ и окончилъ коллежъ. Склонный къ мечтательности юноша до того поддался вліянію репетитора-демократа, что также перешелъ на юридическій факультетъ, чтобы основательнѣе изучить соціальные вопросы, а затѣмъ не только разстался — за исключеніемъ лишь французскаго акцента—со всѣми своими барскими замашками и привычками, но сдѣлался отчаяннымъ аскетомъ и ригористомъ, равнаго которому впослѣдствіи не было среди всей передовой молодежи описываемаго мною періода.

Читатель, знакомый съ исторіею нашего освободительнаго движенія той эпохи, вѣроятно, догадался, что я говорю о Дмитріи Андреевичѣ Лизогубѣ.

Будучи въ университетѣ, Фесенко отличался большой любознательностью и трудолюбіемъ. Факультетъ, какъ тогда передавали, имѣлъ въ виду, по окончаніи имъ курса, отправить его за-границу для подготовки къ занятію каѳедры политической экономіи. Но чуть ли не во время выпускныхъ экзаменовъ или, во всякомъ случаѣ, незадолго до того, Фесенко, Лизогубъ и еще нѣсколько ихъ товарищей, къ немалому удивленію людей, непосвященныхъ въ дѣло, вдругъ подали прошенія объ увольненіи ихъ изъ университета.

II.

Годы пребыванія Фесенко въ Петербургѣ совпали съ полнымъ затишьемъ, наступившимъ послѣ извѣстнаго процесса нечаевцевъ. Раскрытыя на судѣ подробности махинацій, къ которымъ прибѣгалъ эмигрировавшій за-границу организаторъ тайнаго общества, Нечаевъ,—его мистификаціи, насилія и, наконецъ, убійство ни въ чемъ неповиннаго товарища, студента Иванова,—все это подѣйствовало самымъ отталкивающимъ образомъ на большинство тогдашней передовой молодежи: у нея явилось крайне отрица-

тельное отношеніе къ заговорщическимъ предпріятіямъ. Однако, у нея не только не исчезъ, но, наоборотъ, въ небывалыхъ раньше размѣрахъ возросъ интересъ къ положенію трудящихся массъ вообще и къ соціалистическимъ теоріямъ, въ частности. Тогда-то, какъ извѣстно, и раздался кличъ: „въ народъ!“ Тогда-то наиболѣе воспріимчивая и отзывчивая молодежь какъ бы вдругъ прозрѣла и пришла къ выводу, что „преступно“ запасаться дипломами и аттестатами, которые даютъ возможность стать въ привилегированное положеніе, а, слѣдовательно, „сдѣлаться эксплуататорами народа“.

Этотъ кругъ идей охватилъ Фесенко и его товарищей, когда они приблизились къ окончанію курса. Но, насколько могу припомнить, ни Фесенко, ни Лизогубъ не примкнули ни къ одному изъ начавшихъ тогда распространяться въ Россіи направленій: „пропагандистовъ“ или—что тоже—„лавристовъ“, и „бунтарей“ или „бакунистовъ“. Можетъ быть, причиной тому было то, что тотчасъ по выходѣ изъ университета, наши друзья отправились за-границу. То было время пилигримства въ Швейцарію, точнѣе—въ Цюрихъ, гдѣ, кромѣ нѣсколькихъ сотъ русскихъ студентовъ, сосредоточился почти весь цвѣтъ тогдашней эмиграціи. Тамъ, конечно, велись непрерывные дебаты между сторонниками господствовавшихъ двухъ направленій о преимуществахъ того или другого способа дѣятельности „въ народѣ“. Выяснивъ себѣ всѣ разногласія, многіе изъ молодежи возвращались на родину, вполнѣ убѣжденные въ томъ, что теперь они обладаютъ наивѣрнѣйшимъ средствомъ въ самый короткій періодъ времени освободить трудящіяся массы отъ всѣхъ угнетающихъ ихъ бѣдъ и сразу создать для нихъ совершеннѣйшій строй.

Даже очутившись въ водоворотѣ передовыхъ теорій и ожесточенныхъ споровъ, наши друзья не примкнули ни къ одному изъ враждовавшихъ лагерей. Весь складъ ума Фесенко рѣзко возставалъ противъ проповѣдуемыхъ Бакунинымъ и его послѣдователями взглядовъ. Какъ уроженецъ деревни, считавшій себя знакомымъ съ крестьянской средой, Фесенко приходилъ чуть не въ бѣшенство отъ извѣстнаго утвержденія Бакунина, будто „русскій народъ всегда готовъ къ бунту“. Не согласенъ былъ онъ также и съ Бакунинскою теоріею „анархіи“. Необходимо было обладать немалой умственной самостоятельностью, чтобы въ ту пору всеобщаго въ революціонныхъ кругахъ увлеченія этой теоріею открыто выступать противъ нея. Отчасти въ этомъ отношеніи Фесенко помогло довольно основательное уже тогда знакомство съ „Капиталомъ“ Маркса. Я помню изъ того же періода

и другихъ лицъ, которымъ также было не чуждо это произведеніе (напр. извѣстный Юзовъ-Каблицъ) и которыя тѣмъ не менѣе являлись анархистами.

Не сходился Фесенко во многомъ также и съ „лавристами", на что имѣется свидѣтельство самого Лаврова. Въ „Матеріалахъ для исторіи рус. соц.-револ. движ." послѣдній, между прочимъ, говоритъ: „Фесенко не допускалъ даже временное самостоятельное хозяйство общины изъ опасенія конкурренціи, способной повредить соціалистической солидарности" [1].

Несмотря на несогласія, личныя отношенія Фесенко къ Лаврову и его послѣдователямъ были всегда хорошія. Но Бакунина и его приверженцевъ Фесенко, — вѣроятно, въ качествѣ яраго сторонника Маркса,—подчасъ совсѣмъ не могъ выносить.

III.

Запасшись, подобно другимъ ѣздившимъ за-границу, наивѣрнѣйшимъ „планомъ", наши друзья осенью 1874 г. направились обратно въ Россію. Но на границѣ ихъ приняли въ свои объятія жандармы и, хотя ничего предосудительнаго при нихъ не было найдено, тѣмъ не менѣе Лизогуба отправили на жительство въ его черниговское имѣніе, а Фесенко разрѣшили поселиться въ Кіевѣ, обязавъ его подпиской о невыѣздѣ. Поводомъ къ этому послужилъ знаменитый въ революціонныхъ лѣтописяхъ „доносъ Трудницкаго".

То былъ первый въ исторіи движенія описываемой эпохи ренегатъ, причинившій массу зла и бѣдъ многимъ. Если чужая душа вообще потемки, то душа предателя—непроницаемый мракъ и грязь. Для насъ, людей 70-хъ годовъ, до сихъ поръ остается совершенно непонятнымъ, что̀ именно побудило этого человѣка измѣнить своимъ убѣжденіямъ и предать своихъ лучшихъ друзей и товарищей?

Въ описываемое мною время онъ также ѣздилъ за-границу, гдѣ примкнулъ къ извѣстному тогда кружку братьевъ Жебуневыхъ. Вернувшись на родину, весной 1874 г., онъ отправился „въ народъ", въ качествѣ сельскаго учителя. Но уже лѣтомъ того же года онъ вдругъ, безъ малѣйшаго повода и основанія, отправилъ въ Третье Отдѣленіе обширнѣйшій доносъ, въ которомъ не только самымъ подробнымъ образомъ изложилъ все, что

[1]) Выпускъ X, стр. 75, загр. изд.

зналъ, но и очень многое такое, что являлось плодомъ его фантазіи. Результаты этого произведенія были ужасны: нѣсколько сотъ молодыхъ людей очутились въ тюрьмахъ, гдѣ многіе изъ нихъ умерли отъ болѣзней, сходили съ ума и кончали самоубійствомъ. Остальные, просидѣвъ по три, четыре года въ предварительномъ заключеніи, предстали затѣмъ передъ судомъ особаго присутствія сената, по такъ называемому „Большому процессу" (или процессу „193-хъ").

Съ Фесенко и Лизогубомъ Трудницкій даже не встрѣчался за-границей; тѣмъ не менѣе, на основаніи отрывочныхъ слуховъ, онъ зналъ объ ихъ тамъ пребываніи—и этого обстоятельства было вполнѣ достаточно для принятія противъ нихъ вышеуказанныхъ мѣръ.

Въ Кіевѣ Фесенко очутился вскорѣ послѣ разгрома, вызваннаго тамъ,—какъ и во многихъ другихъ крупныхъ центрахъ,—доносомъ названнаго ренегата: аресты и обыски произвели такую пустоту и, по новизнѣ своей, возбудили столь сильную панику, что для преслѣдуемаго невозможно было найти пристанище, нельзя было ни у кого спрятать „нелегальщину" и т. п.

Въ частности для меня, тогда девятнадцати-лѣтняго юноши, недавно лишь примкнувшаго къ соціалистическому движенію, особенно тяжело было создавшееся въ Кіевѣ положеніе. Побившись нѣсколько мѣсяцевъ въ тщетныхъ усиліяхъ что-либо предпринять или сдѣлать въ цѣляхъ распространенія новыхъ идей, я рѣшилъ покинуть родной городъ и поселиться въ Полтавѣ или Черниговѣ, гдѣ, какъ мнѣ казалось, общество и молодежь менѣе напуганы, и я, поэтому, могу расчитывать на бо̀льшій успѣхъ.

Въ числѣ немногихъ моихъ знакомыхъ, оставленныхъ, послѣ обыска, на свободѣ, хотя и подъ надзоромъ полиціи, былъ „лавристъ", врачъ Владиміръ Эмме. Къ нему, какъ къ человѣку солидному и образованному, я обратился за совѣтомъ, а также и за рекомендаціями въ какой-нибудь изъ названныхъ мною выше городовъ. Вполнѣ одобривъ мой планъ, Эмме предложилъ мнѣ познакомиться съ однимъ вновь пріѣхавшимъ въ Кіевъ человѣкомъ, у котораго, по его предположенію, должны были имѣться связи въ Черниговѣ и Полтавѣ. Этимъ пріѣзжимъ оказался Иванъ Федоровичъ Фесенко.

Когда, вскорѣ затѣмъ, мы съ Эмме, поднявшись однажды вечеромъ по узкой лѣстницѣ во второй этажъ, очутились въ очень небольшой комнатѣ, то нашли Фесенко занятымъ чтеніемъ. На видъ ему можно было дать лѣтъ за тридцать, хотя въ дѣйствительности ему было тогда лишь 27—28 лѣтъ. Широкоплечій,

съ большой окладистой свѣтло-русой бородой, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка крупнаго, здороваго, и никому не могло бы придти въ голову, что онъ несетъ въ себѣ зародышъ тяжкой болѣзни.

Обмѣнявшись со мною двумя-тремя безразличными фразами, Фесенко затѣмъ увлекся споромъ съ Эмме, насколько помню, о Спенсерѣ и Михайловскомъ, въ виду статьи послѣдняго въ новой книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ". Многое въ ихъ спорѣ было для меня не вполнѣ понятно, но я слушалъ съ полу-открытымъ ртомъ, чтобы не проронить ни единаго слова изъ бесѣды столь умныхъ и ученыхъ людей. То тотъ, то другой изъ нихъ ссылался на какихъ-нибудь авторовъ, и я старался запомнить ихъ имена и произведенія, чтобы со временемъ и самому прочитать послѣднія. Чаще всего Фесенко цитировалъ „Капиталъ" Маркса. Прощаясь съ нами, онъ предложилъ мнѣ зайти къ нему въ другой разъ для обсужденія моего плана.

IV.

— Итакъ, батенька, вы на личномъ опытѣ убѣдились уже, что „нѣсть пророкъ во градѣ своемъ? — сказалъ Фесенко, улыбаясь, когда въ одинъ изъ ближайшихъ вечеровъ я вновь пришелъ къ нему.

Уже въ первое мое посѣщеніе онъ произвелъ на меня благопріятное впечатлѣніе: его интеллигентная внѣшность, сильный грудной голосъ, малорусскій акцентъ, его крѣпкія рукопожатія и широкая улыбка во все лицо, когда онъ шутилъ—все располагало въ его пользу. Даже невзрачная обстановка, въ которой онъ жилъ, нравилась мнѣ: эта крохотная комната, полная табачнаго дыма, въ которой онъ, при крупныхъ его размѣрахъ, напоминалъ мнѣ почему-то великана изъ сказки, попавшаго по волѣ злого духа въ маленькую коптилку, казалась мнѣ удивительно уютной и привлекательной.

— Не торопитесь уѣзжать; давайте сперва познакомимся,— продолжалъ Фесенко уже серьезнымъ тономъ.

Я выразилъ на это согласіе.

— Начнемъ вотъ съ чего,—сказалъ онъ.—Правда ли, какъ мнѣ передалъ Эмме, что вы безъ пропаганды съ чьей-либо стороны, самостоятельно, стали соціалистомъ?

— Да, отчасти; но что въ этомъ интереснаго?

— Это очень интересно, — заявилъ онъ. — Ну, вотъ вы и

разскажите, какъ это у васъ произошло; затѣмъ я вамъ про себя разскажу, и такимъ способомъ мы наискорѣйшимъ образомъ узнаемъ другъ друга.

Если читатель вспомнитъ разницу въ нашихъ годахъ, казавшуюся мнѣ тогда еще бо́льшей, чѣмъ она была въ дѣйствительности, онъ, полагаю, легко себѣ представитъ то восторженное чувство, которое вызвало во мнѣ предложеніе Фесенко. Торопясь, увлекаясь самъ разсказомъ и потому не кончая фразъ, я сталъ передавать ему факты изъ моего прошлаго и сообщать о причинахъ, побудившихъ меня сдѣлаться соціалистомъ.

Фесенко, видимо, слушалъ съ большимъ интересомъ: по временамъ онъ быстро схватывался со стула и произносилъ какія-нибудь одобрительныя восклицанія. Когда я, окончивъ разсказъ, замолчалъ, онъ воскликнулъ:

— Знаете, батенька, что я вамъ скажу? Вы отсюда не должны уѣзжать: для васъ и здѣсь немало дѣла найдется!

— Какія тутъ дѣла!—замѣтилъ я съ сомнѣніемъ.

— Увидите, сколько ихъ окажется!—произнесъ онъ какъ-то загадочно.—Прежде всего, сведите меня со всѣми тѣми лицами изъ круга вашихъ знакомыхъ, которыя, по вашему мнѣнію, могли бы стать соціалистами.

Выразивъ на это согласіе, я, по его предложенію, началъ дѣлать характеристики тѣхъ моихъ товарищей и знакомыхъ изъ числа студентовъ, гимназистовъ послѣднихъ классовъ и лицъ разныхъ званій и профессій, которые, при умѣломъ воздѣйствіи, могли бы порвать со всѣмъ своимъ прошлымъ.

— Я напишу также нѣкоторымъ своимъ товарищамъ, чтобы они пріѣхали сюда; дѣло для многихъ найдется!—сказалъ онъ.—Погодите, не торопитесь, вотъ увидите!

Увѣренный тонъ Фесенко, въ связи съ его солидной, внушительной внѣшностью, конечно, произвелъ на меня свое дѣйствіе. Если въ срединѣ нашей бесѣды я еще колебался, то къ концу ея отказался отъ своего намѣренія покинуть Кіевъ.

— Ну, и отлично! Превосходно! Эхъ, батенька!—воскликнулъ онъ, повидимому весьма довольный, когда я заявилъ ему о своемъ согласіи не торопиться съ отъѣздомъ.—Ужъ такихъ мы съ вами дѣловъ надѣлаемъ! Но, сказано въ Евангеліи, „не единымъ хлѣбомъ сытъ будешь“, и это вполнѣ правильно. Нельзя удовлетворяться одной практической дѣятельностью; необходимо одновременно заниматься и теоріею. Это только „бакунисты“ воображаютъ, будто они перевернутъ все вверхъ дномъ, оставаясь при этомъ невѣжественными людьми. Глубоко заблуждаются они: ни-

кого и ничего они не измѣнятъ: все останется по старому, если послѣдуемъ за Бакунинымъ. Конечно, нельзя требовать, какъ это дѣлаетъ Лавровъ, чтобы каждый пропагандистъ предварительно прошелъ чуть не всѣ науки, къ тому же по обширнѣйшей программѣ: для пріобрѣтенія такихъ энциклопедическихъ знаній могла бы оказаться недостаточной жизнь Маѳусаила. Нужно умѣть выбрать наиболѣе необходимое и существенное для революціонера; къ тому же пріобрѣтеніе теоретическихъ познаній должно идти параллельно съ практической дѣятельностью. Хотите, давайте вмѣстѣ заниматься!

Я не вѣрилъ своимъ ушамъ, — дотого казалось мнѣ не только правильнымъ, но и давно знакомымъ то, что говорилъ Фесенко: все это мнѣ не разъ уже приходило въ голову, но я даже себѣ самому не могъ формулировать этого.

„Да вѣдь какъ это справедливо! Какой онъ умный и дѣльный человѣкъ!“—произносилъ я мысленно, слушая плавную рѣчь Фесенко.

А онъ, между тѣмъ, покончивъ съ однимъ вопросомъ, сейчасъ же переходилъ къ другому. Коснувшись Лаврова, Фесенко не могъ обойти молчаніемъ взгляда Петра Лавровича на задачи пропагандиста. Извѣстно, что Лавровъ предлагалъ своимъ послѣдователямъ стремиться къ „поднятію умственнаго и нравственнаго развитія крестьянъ до своего собственнаго уровня“— а „уровень“ этотъ онъ ставилъ очень высоко.

— Вѣдь это химера, безумство!—восклицалъ Фесенко.—Ну, подумайте, батенька, это нашихъ-то, Пилу и Сысойку, довести до уровня высоконравственныхъ и образованныхъ интеллигентовъ!

Во мнѣ боролись одновременно разныя чувства: мнѣ, съ одной стороны, въ высшей степени было пріятно, что вотъ этотъ серьезный, крупный революціонеръ и соціалистъ бесѣдуетъ со мною о столь важныхъ вопросахъ какъ съ равнымъ ему. И кого онъ критикуетъ? Самого Лаврова, котораго я воображалъ себѣ чѣмъ-то недосягаемо высокимъ и далекимъ: такъ вѣрующій католикъ, живущій въ глуши, долженъ представлять себѣ папу. Съ другой стороны, мнѣ, идеализировавшему нашихъ крестьянъ, было больно и обидно, что Фесенко сравниваетъ ихъ съ героями Рѣшетникова.

— Ну, что вы, Иванъ Федоровичъ, да развѣ можно всѣхъ крестьянъ ставить наравнѣ съ Пилой и Сысойкой?—сорвалось у меня восклицаніе, не смотря на все мое благоговѣйное отношеніе къ Фесенко.

— А, вы полагаете, что это преступное святотатство?—

спрашивалъ онъ иронически. — По вашему убѣжденію, нашъ крестьянинъ, конечно, надѣленъ всѣми существующими въ мірѣ добродѣтелями? Онъ, понятно, добръ, великодушенъ, альтруистиченъ, склоненъ къ соціализму съ самыхъ пеленокъ, революціоненъ еще въ утробѣ матери и пр. Знаю, знаю всѣ эти бредни, выдуманныя Бакунинымъ, правда—не имъ однимъ: часть ихъ онъ позаимствовалъ у славянофиловъ. Ну, а за нимъ, безъ малѣйшей критики, повторяетъ эту нелѣпость и Лавровъ, — тотъ самый Лавровъ, который всегда толковалъ о громадномъ значеніи „критики", о роли, которую въ исторіи играетъ „критически-мыслящая личность"! — Повѣрьте, — продолжалъ Фесенко, вспоминая о своихъ устныхъ спорахъ съ Лавровымъ,—я совершенно не въ силахъ былъ понять, какъ не только образованный, но и чрезвычайно ученый человѣкъ, къ тому же довольно пожилыхъ уже лѣтъ, можетъ серьезно толковать о чисто дѣтскихъ мысляхъ. Взять хотя бы то значеніе, какое Лавровъ придаетъ во время пропаганды изображенію привлекательными красками картинъ будущаго строя! Вѣдь это нелѣпость, никуда негодная стряпня! Ну что мы можемъ знать, кромѣ общихъ положеній, въ какія формы выльется жизнь въ будущемъ? Эхъ, батенька, все это фантасмагорія, утопія, белиберда! Ужъ повѣрьте мнѣ!

— На вѣру я ничего не принимаю!—счелъ я нужнымъ заявить, вѣроятно вспомнивъ, что въ подобныхъ случаяхъ такъ именно долженъ отвѣтить серьезный и вдумчивый революціонеръ.

— Конечно, конечно,—это только façon de parler,—поспѣшилъ объяснить Фесенко, какъ мнѣ показалось, съ едва замѣтной улыбкой.—Видите ли,—продолжалъ онъ.—Уже à priori можно было бы сказать, что крѣпостное право должно было наложить на нашихъ крестьянъ печать приниженности, задавленности, покорности,—черты, ничего общаго не имѣющія съ тѣмъ, о чемъ толкуетъ Бакунинъ. Подумайте: если бы было вѣрно его утвержденіе, будто нашъ крестьянинъ является кладеземъ всевозможныхъ достоинствъ, то пришлось бы признать, что крѣпостное состояніе вовсе не было такимъ уже большимъ зломъ, разъ при немъ могли, въ теченіе столѣтій, если не развиться, то хотя бы только сохраниться неприкосновенными заложенныя въ душѣ нашего народа добродѣтели. Вѣдь за десять-то лѣтъ, протекшія со времени освобожденія крестьянъ, они не могли же пріобрѣсти эти качества. Нѣтъ, батенька, все это одинъ самообманъ, сознательный или безсознательный—не берусь рѣшать.

О крестьянахъ я въ то время не имѣлъ рѣшительно никакого личнаго впечатлѣнія, да и въ литературѣ о нихъ тогда

очень мало писали. У Фесенко, наоборотъ, представленіе о нихъ было почерпнуто изъ непосредственнаго его знакомства съ ними съ самаго его дѣтства. Но онъ черезчуръ обобщалъ свои впечатлѣнія: замѣченныя имъ у нѣкоторыхъ его земляковъ черты онъ переносилъ на всѣхъ крестьянъ. Вѣроятно по той же причинѣ онъ не придавалъ большого значенія и общинной формѣ землевладѣнія, сохранившейся среди великороссовъ. Но несомнѣнно также, что и по складу своего ума онъ не могъ,—какъ это многіе тогда дѣлали, — идеализировать крестьянскую среду. Въ этомъ же направленіи должна была оказать на него вліяніе и приверженность его ко взглядамъ Маркса.

Опровергая Бакунина и Лаврова, — авторитетъ которыхъ я ставилъ на недосягаемую высоту,—Фесенко, по-пути, восторгался Марксомъ.

— Штудируйте, изучайте вотъ это произведеніе,—говорилъ онъ, указывая на лежавшій у него на столѣ экземпляръ „Капитала".—Я перечиталъ его нѣсколько разъ и все еще нахожу въ немъ что-нибудь новое!

Уходя поздно ночью отъ Фесенко, я чувствовалъ себя переполненнымъ массой новыхъ мыслей, свѣдѣній и впечатлѣній.

V.

Наше сближеніе, послѣ описанной продолжительной бесѣды, пошло чрезвычайно быстро. Фесенко не только дѣлился со мною своими взглядами и впечатлѣніями, но много разсказывалъ и о своемъ прошломъ. Между прочимъ, онъ сообщилъ мнѣ, что выбралъ Кіевъ своимъ мѣстожительствомъ, когда на границѣ жандармы предложили ему указать городъ, въ которомъ онъ желаетъ поселиться, потому что желалъ быть вблизи проф. Зибера. Разсказывая мнѣ довольно подробно о своемъ знакомствѣ съ нимъ, Фесенко чрезвычайно расхваливалъ его за то, что онъ тогда являлся едва ли не единственнымъ профессоромъ не только въ Россіи, но и во всемъ цивилизованномъ мірѣ, рѣшившимся открыто, съ университетской каѳедры, проповѣдывать взгляды Маркса. Однако, между этими единственными тогда — если не во всей Россіи, то, во всякомъ случаѣ, въ Кіевѣ,—горячими поклонниками Маркса существовали и большія разногласія, которыя касались, главнымъ образомъ, ихъ взглядовъ на практическую дѣятельность. Проф. Зиберъ, будучи ярымъ марксистомъ, тѣмъ не менѣе отрицалъ примѣненіе воззрѣній основателя научнаго

соціализма на практикѣ. По его мнѣнію, капиталистическій процессъ самъ собою, безъ посторонняго воздѣйствія, долженъ привести къ собственной гибели и къ замѣнѣ его новымъ, коллективистическимъ строемъ. Поэтому, онъ не придавалъ значенія ни классовой борьбѣ пролетаріата вообще, ни дѣятельности рабочихъ партій въ частности. Къ попыткамъ же нашей передовой молодежи „распропагандировать народъ" Зиберъ относился болѣе чѣмъ отрицательно. По поводу этихъ разногласій между ними, по словамъ Фесенко, и происходили горячіе споры.

Не помню, во время какого именно моего свиданія съ Фесенко,—во всякомъ случаѣ довольно скоро послѣ нашего перваго знакомства,—онъ предложилъ мнѣ выпить брудершафтъ. Въ его отношеніяхъ ко мнѣ не было ни малѣйшаго намека на покровительственный тонъ. Наоборотъ, со мною онъ былъ всегда простъ и откровененъ, а потому я вскорѣ совсѣмъ пересталъ чувствовать различіе въ нашихъ лѣтахъ. Въ особенности расположило меня къ нему его теплое отношеніе къ моимъ соплеменникамъ.

Рекомендуя меня, Эмме, очевидно, не счелъ нужнымъ сообщить о моей національности. Когда же, разсказывая о томъ, какимъ образомъ я сталъ соціалистомъ, мнѣ пришлось упомянуть о моемъ происхожденіи, Фесенко съ удивленіемъ воскликнулъ:

— Такъ вы еврей! А я принималъ васъ за потомка обрусѣвшихъ нѣмцевъ. Ну, очень радъ,—мнѣ евреи нравятся: съ юныхъ лѣтъ мнѣ часто приходилось встрѣчать симпатичныхъ евреевъ.

Въ его словахъ не чувствовалось ни малѣйшаго преувеличенія. Какъ потомъ мнѣ не разъ пришлось убѣдиться, онъ, дѣйствительно, не путемъ только головного процесса, а по непосредственному чувству относился хорошо къ евреямъ, что̀, признаюсь, мнѣ было очень пріятно.

Теперь не помню также, во время которой изъ нашихъ встрѣчъ,—онѣ быстро слѣдовали одна за другой,—онъ открылъ мнѣ выработанный имъ „планъ" дѣятельности въ народѣ.

Уже при второмъ моемъ свиданіи съ Фесенко можно было догадаться, что у него имѣется нѣчто въ запасѣ, чего онъ не считалъ возможнымъ сразу открыть мнѣ вслѣдствіе принятой въ нашей средѣ конспиративности, особенно усилившейся послѣ доноса Трудницкаго, и что онъ рѣшилъ подождать съ этимъ до болѣе близкаго ознакомленія со мною. Но недолго подвергалъ онъ меня испытанію: не прошло, быть можетъ, недѣли или двухъ

послѣ первой нашей встрѣчи, какъ я уже былъ посвященъ во всѣ детали задуманнаго имъ плана.

Помню, у насъ зашла рѣчь о причинахъ неудачъ, постигшихъ революціонную молодежь, которая весной того года массами пошла „въ народъ“ и вскорѣ затѣмъ очутилась въ тюрьмахъ, въ Петропавловской крѣпости и въ другихъ мѣстахъ заключенія.

— Конечно, Трудницкій въ сильной степени приложилъ въ этомъ случаѣ свою руку,—сказалъ Фесенко.—Но, не будь его предательства, все же, я увѣренъ, это движеніе потерпѣло бы неудачу. Избранный какъ бакунистами, такъ и лавристами способъ дѣятельности не могъ не привести къ полному фіаско, такъ какъ онъ основанъ былъ на совершенномъ незнаніи нашихъ крестьянъ — на чрезвычайной ихъ идеализаціи. Совсѣмъ иное дѣло—приверженцы нашихъ раціоналистическихъ сектъ. Они не жили подъ гнетомъ крѣпостного права, ихъ сознанія не затемняли наши попы; обрушивавшіяся на нихъ преслѣдованія со стороны правительства не только развили въ нихъ недовольство и готовность къ протесту, но также сплотили ихъ воедино, сдѣлавъ ихъ куда болѣе солидарными и альтруистичными, чѣмъ каковы православные крестьяне. Необходимо, поэтому, ареной своего воздѣйствія избрать наиболѣе передовыя секты.

Многое еще излагалъ по этому поводу Фесенко, но здѣсь я повторять всего не буду, такъ какъ отчасти коснулся уже этого въ другомъ мѣстѣ [1]), а кое о чемъ мнѣ придется сообщить ниже. Замѣчу только пока, что съ нашей современной точки зрѣнія придуманный имъ планъ дѣятельности „въ народѣ“ былъ ничуть не менѣе утопиченъ, чѣмъ пріемы „бакунистовъ“ и „лавристовъ“. Скажу также, что, какъ впослѣдствіи оказалось, почти одновременно съ Фесенко, въ двухъ противоположныхъ концахъ Россіи: въ Петербургѣ—Кравчинскій и Рогачевъ, въ Одессѣ—Иванъ Ковальскій и И. Дробязгинъ,—также выбрали ареной дѣятельности раціоналистическія секты. Общія условія эпохи наталкивали людей, исходившихъ совсѣмъ не изъ однѣхъ и тѣхъ же посылокъ, на одинаковые планы, отчего послѣдніе не становились ни правильными, ни осуществимыми.

VI.

Сближаясь съ Фесенко, я въ то же время знакомилъ его со своими товарищами. Одной бесѣды съ каждымъ изъ нихъ было

[1]) См. „Вѣстн. Евр.“ 1910 г. (№ 10). „Какъ мы въ народъ ходили“.

достаточно, чтобы они тутъ же рѣшили оставить учебныя заведенія, отказаться отъ всякой карьеры и посвятить себя дѣятельности среди народа. Конечно, почва заранѣе была уже подготовлена, какъ общими условіями, такъ отчасти примѣрами моимъ и моего товарища Іосифа Щ. Все же сильно было и вліяніе Фесенко, если эти молодые люди сразу рѣшались сдѣлать нерѣдко чрезвычайно трудный для нихъ шагъ. Приведу одинъ характерный случай.

Среди моихъ товарищей по гимназіи былъ въ послѣднемъ классѣ замѣчательно способный и умный юноша, сынъ крестьянина, Лаврентьевъ. Нашелся какой-то благотворитель, который согласился давать ему средства для ученья. Въ гимназіи онъ шелъ среди первыхъ учениковъ и считался кандидатомъ на медаль. Когда началось движеніе „въ народъ", Лаврентьевъ примкнулъ къ новому теченію, но ему, случайно получившему возможность учиться, не хотѣлось разстаться съ карьерой, о которой онъ давно уже мечталъ, и вновь вернуться въ свою же среду. Понимая всю драматичность его положенія, мы нисколько не старались на него подѣйствовать. Но, познакомившись съ Фесенко, онъ, послѣ первой же съ нимъ бесѣды, заявилъ о принятомъ имъ рѣшеніи послѣдовать примѣру другихъ.

— Если до сихъ поръ я колебался,—сказалъ онъ,—то причиной этому было нежеланіе огорчать отца: онъ былъ крѣпостнымъ еще сравнительно такъ недавно, и теперь онъ все мечтаетъ, что я, его сынъ, буду докторомъ или адвокатомъ,—словомъ, „бариномъ". Дѣлать нечего: придется разбить его мечты; сегодня же подамъ просьбу объ увольненіи.

Дѣйствительно, онъ въ тотъ же день подалъ прошеніе и вскорѣ затѣмъ уѣхалъ на время къ себѣ на родину, съ тѣмъ, какъ онъ объяснилъ, чтобы примирить своего отца съ принятымъ имъ рѣшеніемъ. Мы, его товарищи, были очень обрадованы его рѣшеніемъ, такъ какъ считали его большимъ пріобрѣтеніемъ для нашего лагеря, а разъ онъ „сжегъ за собою корабли", возвращеніе его „въ буржуазный лагерь" уже затруднено. Что же касается огорченія его размечтавшагося отца, то, признаться, мы нисколько о томъ не жалѣли. „Чего жалѣть отдѣльныхъ людей, разъ весь народъ такъ страдаетъ"? И меньше всего мы были способны чувствовать состраданіе къ крестьянину, желавшему видѣть своего сына „бариномъ".

Съѣздивъ на родину, Лаврентьевъ вернулся въ сопровожденіи своей сестры—простой, малограмотной дѣвушки, ставшей, подъ его вліяніемъ, также соціалисткою и пожелавшей вмѣстѣ

со всѣми нами „пойти въ народъ“! Чтобы родители не мѣшали осуществленію ея намѣренія, она и братъ заявили имъ, что для нея въ Кіевѣ нашлось хорошее мѣсто, въ качествѣ прислуги.

Не буду говорить здѣсь о другихъ лицахъ, съ которыми я познакомилъ Фесенко, такъ какъ они большею частью рѣшительно ничѣмъ не выдѣлялись. Довольно скоро пріѣхали три товарища Фесенко, изъ числа тѣхъ, которыхъ онъ пригласилъ прибыть въ Кіевъ. Объ одномъ изъ нихъ—Свѣтловѣ—мнѣ пришлось уже упомянуть въ очеркѣ: „Какъ мы въ народъ ходили“.

Онъ оцѣнивалъ всѣхъ своихъ товарищей исключительно съ точки зрѣнія ихъ пригодности къ дѣятельности въ народѣ. Бѣда, если по его мнѣнію, данное лицо не соотвѣтствовало его идеалу,—если оно не способно было къ тяжелому физическому труду и ко всякимъ лишеніямъ, а также если оно внѣшностью или манерами не походило на крестьянина. Къ такому субъекту Свѣтловъ прямо питалъ глубокое сожалѣніе, смѣшанное съ большой дозой искренняго презрѣнія,—словно то было несчастное, больное существо, къ тому же одержимое самыми ужасными пороками. За то, если накинутая на кого-нибудь изъ насъ поддевка дѣлала его похожимъ на крестьянина, по лицу Свѣтлова разливалось такое довольство, какъ будто онъ Богъ вѣсть что получилъ.

Будучи такъ же, какъ Фесенко и Лизогубъ, студентомъ послѣдняго курса юридическаго факультета, Свѣтловъ одновременно съ ними оставилъ университетъ, но не послѣдовалъ за ними за границу, а прямо отправился въ народъ, гдѣ дотого „опростился“, что дѣйствительно мало сохранилъ въ себѣ интеллигентскаго. Бесѣдуя съ нимъ, не вѣрилось, что предъ тобою почти кандидатъ правъ,—до того рѣчь его была проста, а мысли несложны. Являясь полной противоположностью Фесенко, онъ не питалъ къ послѣднему ни симпатіи, ни особеннаго уваженія; между ними существовали довольно натянутыя отношенія. Подчасъ онъ бывалъ чрезвычайно придирчивъ, раздражителенъ и несправедливъ, что отчасти объяснялось состояніемъ его здоровья: онъ нерѣдко прихварывалъ и, вообще выглядѣлъ слабымъ, тщедушнымъ человѣкомъ.

Полной противоположностью Свѣтлову представлялся пріѣхавшій одновременно съ нимъ другъ его Соколовъ: онъ не былъ узкимъ, одностороннимъ и все, кромѣ крестьянъ, забывшимъ человѣкомъ. Умный отъ природы, очень энергичный, Соколовъ всегда былъ въ веселомъ настроеніи, любилъ пошутить и разсказать анекдотъ изъ крестьянской жизни или изъ жизни духо-

венства, которая ему, сыну священника, была хорошо извѣстна. Общими съ Свѣтловымъ были у него преданность народнымъ интересамъ и „опрощеніе“: онъ также, даже живя въ Кіевѣ, не разставался съ крестьянскимъ платьемъ и его тоже нельзя было принять за интеллигента. Эти-то два лица, въ большей степени, чѣмъ кто-либо другой въ нашемъ кружкѣ, достигли того идеала „опрощенія“, который такъ высоко цѣнился нами и, увы! далеко не легко давался многимъ.

VII.

Подъ руководствомъ Фесенко мы, члены создавшагося такимъ образомъ кружка, — насъ было человѣкъ двадцать, — занимались „теоретической подготовкой“ къ дѣятельности среди сектантовъ. Она состояла въ чтеніи сообща съ Фесенко лекцій проф. Зибера по политической экономіи; сверхъ того мы читали что̀ могли достать о сектантахъ, а также Библію. Свѣтловъ съ Соколовымъ, какъ люди, „вполнѣ опытные“, къ тому же „основательно изучившіе на практикѣ нашъ народъ“ (замѣчу въ скобкахъ — въ сущности втеченіе одного лѣта), занимались нашей та̀къ сказать „шлифовкой“: они наставляли насъ, новичковъ, какъ слѣдуетъ себя вести въ народѣ при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ, иллюстрируя свои совѣты случаями изъ ихъ дѣятельности.

Для насъ, совершенно зеленыхъ юнцовъ, такія наставленія были не безполезны, но само собою разумѣется, что этой „подготовки“ было недостаточно для того, чтобы выработать изъ насъ подходящихъ работниковъ для предстоявшей намъ сложной и трудной дѣятельности. Въ этомъ многіе изъ насъ вскорѣ убѣдились на опытѣ.

„Планъ“, придуманный Фесенкой, состоялъ въ слѣдующемъ: мы должны, разселившись, по собственному выбору, среди разныхъ приверженцевъ раціоналистическихъ сектъ, повести себя такимъ образомъ, чтобы сектанты уговаривали насъ присоединиться къ ихъ вѣроученію. Не поддаваясь ихъ увѣщаніямъ, хотя прямо ихъ и не отвергая, мы должны были, въ свою очередь, стараться привлечь ихъ на свою сторону. Затѣмъ, наиболѣе толковымъ и распропагандированнымъ нами членамъ этихъ сектъ слѣдовало открыть наши истинныя цѣли и стремленія. А тѣхъ, которые оказались бы особенно развитыми, смышленными и дѣльными, необходимо было направлять, въ качествѣ самостоятельныхъ пропагандистовъ и агитаторовъ, къ другимъ сектантамъ.

При столь ловкомъ и искусномъ образѣ дѣйствій, какъ намъ тогда казалось, можно было въ сравнительно короткій срокъ превратить если не всѣхъ сторонниковъ раціоналистическихъ сектъ, то значительную ихъ часть, въ сознательныхъ соціалистовъ!

И этотъ „планъ“ Фесенко, человѣкъ положительный, серьезный и умный, а за нимъ и всѣ мы, остальные, среди которыхъ были бородатые и толковые люди,—вовсе не считали „утопіею“, „химерой“, „фантасмагоріей!“

VIII.

Большая комната съ землянымъ поломъ и грязноватыми, давно небѣлеными стѣнами, съ одной кроватью и двумя-тремя простыми стульями и столомъ,—такова была „общая квартира“, въ которой помѣщалось большинство членовъ нашего кружка. Фесенко, какъ состоявшій подъ надзоромъ полиціи и, слѣдовательно, всегда ожидавшій визита жандармовъ, продолжалъ жить въ прежней своей комнаткѣ; также и нѣкоторые изъ остальныхъ, вслѣдствіе разныхъ причинъ, помѣщались отдѣльно.

Единственная кровать предоставлена была нерѣдко хворавшему Свѣтлову; всѣ остальные обитатели квартиры ночью располагались на полу, подостлавъ подъ себя что попало. Питались мы преимущественно чаемъ съ хлѣбомъ, да колбасой, и лишь изрѣдка отправлялись въ какой-нибудь дешевый трактиръ, отчасти за тѣмъ, чтобы поѣсть щей съ кашей, главнымъ же образомъ—имѣя въ виду провести время въ средѣ рабочаго люда. Такого режима мы держались не потому, что не располагали средствами для лучшей жизни, а вслѣдствіе желанія заранѣе „закалить себя“, въ виду предстоявшей намъ дѣятельности.

Живя въ этой обстановкѣ, въ ожиданіи наступленія весны, мы, въ сущности, ничего не дѣлали. Заниматься серьезно было почти совершенно невозможно, и время проходило, главнымъ образомъ, въ разговорахъ. Даже сближаться, завязывать знакомства и сношенія съ тѣми людьми изъ народа, которыхъ мы встрѣчали въ трактирахъ, намъ казалось излишнимъ, да и не безопаснымъ въ полицейскомъ отношеніи, въ виду предстоявшей намъ болѣе важной задачи. Со мною, напримѣръ, произошелъ такой курьезъ.

До встрѣчи съ Фесенко я пытался завязать сношенія съ рабочими и вести среди нихъ пропаганду. Сошедшись съ этимъ марксистомъ, я долженъ былъ отказаться отъ всякихъ такихъ намѣ-

реній. Будучи въ теоріи послѣдователемъ Маркса, Фесенко на практикѣ отдавалъ сектантамъ преимущество передъ фабричными и заводскими рабочими. Причиной такой его непослѣдовательности было то, что онъ, при всемъ отрицательномъ своемъ отношеніи ко взглядамъ Лаврова и Бакунина, въ концѣ концовъ все же подчинялся господствовавшему тогда въ Россіи мнѣнію, что преобладающую роль въ долженствовавшей будто бы вскорѣ произойти революціи будутъ играть не рабочіе, а крестьяне. Рабочихъ же тогда одни считали слоемъ, въ сильной степени „испорченнымъ городской жизнью", а другіе не придавали имъ самостоятельнаго значенія, въ виду ничтожнаго тогда количества ихъ въ Россіи, въ лучшемъ случаѣ допуская, что рабочіе могутъ служить связующимъ звеномъ между интеллигентами и крестьянами для распространенія среди послѣднихъ соціалистическихъ идей.

Въ этомъ отношеніи Фесенко не составлялъ исключенія: знакомство съ „Капиталомъ" не имѣло рѣшительно никакого вліянія на сдѣланный имъ выборъ плана практической дѣятельности. Это знакомство дало ему, правда, возможность уяснить себѣ ходъ капиталистическаго процесса въ передовыхъ западно-европейскихъ странахъ и отчасти помогло ему разобраться во многихъ невѣрныхъ взглядахъ Лаврова и Бакунина; но оно нисколько не предостерегло его отъ другихъ, самостоятельно надуманныхъ имъ ошибокъ.

Если таковы были противорѣчія у наиболѣе солиднаго и образованнаго члена и вмѣстѣ основателя описываемаго мною кружка, то нетрудно себѣ представить, какая смѣсь понятій господствовала въ нашихъ головахъ! Доказательствомъ этого можетъ отчасти служить слѣдующая сценка.

Хотя Фесенко нерѣдко высмѣивалъ бесѣды о томъ, какъ и что будетъ организовано въ соціалистическомъ государствѣ, тѣмъ не менѣе разговоры и споры на эту тему поднимались среди насъ по любому случаю. Положимъ, мимо оконъ нашей квартиры, промчались пожарные.

— А въ будущемъ строѣ останется пожарная команда?— спрашиваетъ кто-нибудь, не обращаясь ни къ кому въ частности.

— Ничто изъ современнаго не останется!—увѣреннымъ тономъ заявляетъ другой.—Все современное должно быть уничтожено!

— Да, такъ! Но пожары будутъ, вѣдь, случаться и при самомъ совершенномъ строѣ; кто ихъ тушить будетъ?—спрашиваетъ третій.

— Всѣ здоровые люди обязаны будутъ являться на мѣсто пожара, какъ это теперь уже отчасти практикуется кое-гдѣ на Западѣ, напр. въ Швейцаріи,—поясняетъ лицо, побывавшее въ Цюрихѣ.

— А если кто изъ лѣни или трусости не прибудетъ? Съ него какъ взыскивать будутъ? Вѣдь ни тюремъ, ни полиціи тогда не будетъ?—продолжаетъ допытывать какой-нибудь любознательный юноша.

— Общественное презрѣніе будетъ сильнѣе на всѣхъ дѣйствовать, чѣмъ существующія теперь всевозможныя наказанія!—продолжаетъ поучать человѣкъ, видимо, много думавшій или, вѣрнѣе говорившій объ этомъ вопросѣ.

— Возможно, однако, что нѣкоторые останутся совершенно равнодушными къ мнѣнію остальныхъ согражданъ; что же съ ними станутъ дѣлать? — не унимается какой-нибудь любитель столь интереснаго разговора.

— Такихъ, во всякомъ случаѣ, будетъ меньшинство, и на нихъ можно будетъ смотрѣть, какъ на людей ненормальныхъ—больныхъ, калѣкъ и т. п.

И юноши, и люди среднихъ лѣтъ съ одинаковымъ оживленіемъ принимали участіе въ подобныхъ дебатахъ, такъ какъ и тѣ, и другіе были увѣрены, что этотъ привлекательный „будущій строй", въ которомъ „каждый будетъ получать по потребностямъ, а исполнять по способностямъ", не за горами и, если не сами мы, то слѣдующее поколѣніе навѣрно увидитъ его наступленіе...

IX.

Мы разстались съ Лизогубомъ въ тотъ моментъ, когда жандармы отправили его въ черниговское его имѣніе. Невыразимо тяжело ему было жить тамъ: мѣстная полиція, вслѣдствіе приказанія свыше, чинила самый строгій надзоръ за нимъ, слѣдила за каждымъ его шагомъ, задерживала всякаго пріѣзжаго и пр. Эта назойливая слѣжка не только чрезвычайно раздражала Лизогуба, но фактически лишала его возможности что-либо дѣлать. Между тѣмъ, ставъ, послѣ смерти отца, обладателемъ значительнаго состоянія, Лизогубъ не считалъ себя въ правѣ, въ общихъ интересахъ, какимъ-нибудь неосторожнымъ поступкомъ вызвать противъ себя исключительную мѣру, вродѣ учрежденія опеки надъ его имѣніемъ. Онъ, поэтому, былъ принужденъ не только жить въ деревнѣ, вдали отъ близкихъ, безъ всякаго дѣла, но

также покорно подчиняться мелочнымъ и крайне нелѣпымъ придиркамъ разныхъ старостъ, сотскихъ и десятскихъ.

Сношенія его съ Фесенко были чрезвычайно затруднены, но все же почти никогда не прерывались. Для этого друзья пускались на всевозможныя хитрости. По возможности Фесенко старался держать Лизогуба въ курсѣ дѣлъ. Само собою разумѣется, онъ числился членомъ нашего кружка, хотя фактически роль его ограничивалась только снабженіемъ насъ необходимыми для осуществленія нашей цѣли средствами.

Кромѣ Фесенко и трехъ пріѣхавшихъ изъ Петербурга старыхъ товарищей, изъ новыхъ членовъ свидѣться съ Лизогубомъ удалось только мнѣ да еще одному товарищу. Свиданія съ нимъ считались чрезвычайно рискованными предпріятіями, а потому обставлялись большой конспираціей. Когда въ письмѣ къ Фесенко Лизогубъ выразилъ желаніе со мною познакомиться, я отправился, согласно сообщенной имъ инструкціи, по желѣзной дорогѣ на указанную имъ станцію, отстоявшую въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ его деревни, съ такимъ разсчетомъ, чтобы пріѣхать туда вечеромъ. Выйдя на заднее крыльцо, мнѣ слѣдовало окликнуть кучера Селифана. Однако, пріѣхавъ туда въ указанное Лизогубомъ время, я никого не нашелъ на станціонномъ дворѣ. Обстоятельство это меня тѣмъ болѣе встревожило, что, разсчитывая получить деньги отъ Лизогуба, я не захватилъ съ собою ни копѣйки, такъ что не могъ даже купить билета на обратную поѣздку. Вещей съ собою я также не взялъ никакихъ. Къ тому же станція находилась вдали отъ деревни.

Полагая, что Селифанъ могъ почему-либо опоздать, я растянулся на скамьѣ, какъ бы въ ожиданіи ночного поѣзда. Вскорѣ затѣмъ я увидѣлъ пришедшаго со двора довольно просто одѣтаго человѣка, съ ружьемъ за плечами, который о чемъ-то сталъ распрашивать начальника станціи. Не желая часто выходить во дворъ, чтобы навѣдываться, не пріѣхалъ ли Селифанъ, я обратился къ этому человѣку съ вопросомъ, не видѣлъ ли онъ во дворѣ подводы съ кучеромъ?

— Идемъ за мной!—услыхалъ я въ отвѣтъ шепотъ.

— Вы—Селифанъ?—спросилъ я тѣмъ же голосомъ.

— Нѣтъ, я—Дмитрій!

Оказалось, что уже послѣ отправки письма съ инструкціею Лизогубъ, не желая подвергнуть меня риску поѣздкой къ нему въ деревню, измѣнилъ свой планъ и подъ предлогомъ охоты, захвативъ ружье, отправился, за пятьдесятъ съ чѣмъ-то верстъ

пѣшкомъ на желѣзно-дорожную станцію, но немного опоздалъ къ приходу поѣзда.

Была довольно прохладная ночь; стояла ранняя весна, и снѣгъ не вездѣ еще стаялъ. Между тѣмъ, намъ некуда было зайти, чтобы погрѣться и закусить. Мы, поэтому, принуждены были всю ночь напролетъ гулять по полямъ, изрѣдка присаживаясь на подмерзшемъ бугоркѣ, а то и просто на землѣ. Чтобы разсмотрѣть наши лица, мы освѣщали другъ друга спичками.

Ему было лѣтъ 25-26 на видъ. Средняго роста, съ небольшой бѣлокурой бородкой, тонкій, статный, Лизогубъ походилъ на военнаго. Въ его наружности не было ничего привлекательнаго, тѣмъ болѣе — выразительнаго; скорѣе онъ производилъ впечатлѣніе человѣка совершенно зауряднаго, неоригинальнаго и ничѣмъ рѣшительно непримѣчательнаго. Только послѣ продолжительнаго знакомства удавалось замѣтить, что подъ этой простой внѣшностью скрывается удивительный, рѣдкій человѣкъ.

Безъ всякихъ предупрежденій онъ прямо сталъ говорить мнѣ „ты", и наша бесѣда сразу приняла самый непринужденный характеръ, словно мы давно знали другъ друга. Такъ, въ сущности, оно и было, потому что Фесенко познакомилъ его со мною въ письмахъ, а меня съ нимъ—путемъ устныхъ разсказовъ. Отчасти благодаря подготовленной почвѣ, но также и вслѣдствіе склада характера Лизогуба, мнѣ въ одну эту ночь удалось узнать его больше, чѣмъ при другихъ условіяхъ это бываетъ послѣ продолжительнаго знакомства.

Какъ и Фесенко, Лизогубъ нисколько не идеализировалъ нашихъ крестьянъ. Помню, съ какимъ тихимъ и вмѣстѣ добродушнымъ смѣхомъ онъ разсказывалъ мнѣ о разныхъ случаяхъ, когда его односельчане старались его провести, чтобы получить отъ него ту или иную выгоду и какъ его же они называли „дурнемъ", когда это имъ удавалось. Но Лизогубъ тутъ же съ грустной ноткой въ голосѣ прибавлялъ, что отъ аналогичныхъ пріемовъ не свободенъ нерѣдко и свой же братъ, интеллигентъ, пускающійся на мелкія хитрости, чтобы получить отъ него какую-нибудь незначительную сумму подъ тѣмъ или инымъ вымышленнымъ предлогомъ. Впослѣдствіи въ такихъ случаяхъ онъ безъ всякой злобы, но прямо говорилъ: „ну, зачѣмъ вы говорите неправду и пускаетесь на хитрости?"

Строгій до чрезвычайности къ себѣ самому, Лизогубъ былъ необыкновенно снисходителенъ ко всевозможнымъ слабостямъ другихъ. Извѣстный его ригоризмъ, впослѣдствіи вызывавшій

нерѣдко насмѣшки товарищей, обусловливался не столько реакціею, происшедшей въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ соціалистомъ, противъ прежняго барскаго образа жизни, сколько поистинѣ благоговѣйнымъ отношеніемъ его къ поставленной имъ себѣ цѣли—посвятить себя и свои средства дѣлу освобожденія обездоленныхъ массъ. Эта цѣль заполнила всѣ его помыслы и стремленія, ставъ для него своего рода религіею. Обладая огромными матеріальными средствами, онъ въ буквальномъ смыслѣ слова отказывалъ себѣ въ самомъ необходимомъ.

Много говорили мы съ нимъ въ ту ночь о нашихъ задачахъ вообще и о „планѣ" Фесенко—въ частности. Какъ и у всѣхъ насъ, въ немъ этотъ планъ также не вызывалъ никакихъ сомнѣній; наоборотъ, онъ и ему казался разумнымъ, цѣлесообразнымъ и практичнымъ.

Мы разстались съ первыми проблесками утра. Впослѣдствіи мнѣ еще много разъ приходилось съ нимъ встрѣчаться.

X.

Юношески-восторженное, почти благоговѣйное отношеніе, которое вначалѣ вызывалъ во мнѣ Фесенко, по мѣрѣ болѣе близкаго моего съ нимъ знакомства совершенно исчезло, такъ какъ мнѣ и всѣмъ другимъ пришлось убѣдиться, что, наряду съ крупными достоинствами, онъ имѣлъ также и немало недостатковъ. Главными изъ нихъ являлись крайняя его требовательность, придирчивость и несправедливое отношеніе ко многимъ товарищамъ.

Въ началѣ каждаго знакомства Фесенко склоненъ былъ видѣть въ новомъ человѣкѣ много такого, что у послѣдняго имѣлось лишь въ самыхъ микроскопическихъ дозахъ. Убѣдившись въ своей ошибкѣ, но самъ не сознавая этого или, во всякомъ случаѣ, не признавая этого вслухъ, Фесенко всю вину валилъ на данное лицо и не только свергалъ имъ же высоко поднятаго человѣка стремглавъ внизъ, но и самъ, опускаясь за нимъ туда, надѣлялъ его еще тяжелыми ударами.

Характеръ ли его, въ связи съ его болѣзненностью, или, неудовлетворенность сложившимися условіями его жизни, были тому причиной, но временами Фесенко бывалъ крайне несимпатиченъ. Считая себя значительно выше всѣхъ насъ,—что и было справедливо и что онъ самъ рѣзко подчеркивалъ,—онъ не выносилъ ни малѣйшихъ противорѣчій. Несогласіе съ нимъ немедленно

приводило его въ чрезвычайное раздраженіе. А тогда онъ не зналъ уже никакого удержа и сыпалъ колкости и рѣзкости безъ конца. Его манера спорить, даже когда по существу онъ бывалъ правъ, являлась столь грубой, что никто изъ присутствовавшихъ и непричастныхъ къ диспуту лицъ не становился на его сторону, что, въ свою очередь, чрезвычайно его злило.

Начавшись со Свѣтлова, у котораго, какъ я уже упомянулъ, никогда, вѣроятно, не было расположенія къ Фесенко, рѣзкія столкновенія по поводу тѣхъ или другихъ разногласій произошли у него со многими другими. Когда Фесенко совершенно недвусмысленно давалъ понять, своему противнику, что считаетъ его человѣкомъ „ограниченнымъ", „неразвитымъ", а то и прямо „ничтожествомъ", тотъ обижался и въ запальчивости, въ свою очередь, отвѣчалъ грубостями. Къ концу зимы, за исключеніемъ трехъ-четырехъ лицъ, въ числѣ которыхъ были я, мой товарищъ Іосифъ и Лаврентьевъ, со всѣми остальными Фесенко вовсе пересталъ разговаривать. Нечего и говорить о томъ, что занятія его съ нами политической экономіею прекратились чуть-ли не на одной изъ первыхъ лекцій. Онъ совсѣмъ пересталъ бывать на общей квартирѣ. Въ созданномъ имъ же кружкѣ отношенія между нимъ и большинствомъ установились не только натянутыя, но совершенно невозможныя. Всѣ, поэтому, съ нетерпѣніемъ ждали скорѣйшаго наступленія весны, когда можно будетъ двинуться къ сектантамъ.

Задолго до нашего выступленія „въ народъ", составились, по взаимному соглашенію, группы, избравшія для себя ту или иную раціоналистическую секту. Наибольшее число товарищей отправилось разыскивать такъ называемыхъ „бѣгуновъ", которыхъ имѣвшіеся у насъ источники изображали самыми интересными и привлекательными чертами: они, молъ, не признавали существующаго государственнаго строя, отказывались отъ воинской повинности и отъ уплаты податей, не признавали паспортовъ и пр. Словомъ, они представлялись намъ если не вполнѣ сознательными соціалистами, то во всякомъ случаѣ очень близкими намъ по своему духу и настроенію. Бѣда была лишь въ томъ, что наши источники не указывали, гдѣ обрѣтаются эти интересные сектанты! Лица, избравшія „бѣгуновъ", отправились на авось въ низовья Волги, въ надеждѣ какъ-нибудь тамъ разыскать этихъ протестантовъ изъ народа.

Нѣсколько меньшее число членовъ, преимущественно малороссы, направились къ штундистамъ, мѣсто жительства и ученіе которыхъ были хорошо намъ извѣстны. Наконецъ, человѣка три

или четыре остановили свой выборъ на молоканахъ. Въ числѣ послѣднихъ, какъ уже описано мною въ другомъ очеркѣ, былъ я съ товарищемъ Іосифомъ.

Эту же секту избралъ также и Фесенко, но, отчасти вслѣдствіе упомянутыхъ выше натянутыхъ отношеній, отчасти вслѣдствіе желанія не быть никѣмъ и ничѣмъ связаннымъ въ своей работѣ, онъ не составилъ никакой группы и не избралъ себѣ компаньона.

Рѣшивъ пойти къ молоканамъ, Фесенко нисколько не безпокоился о томъ, что имъ дана была подписка о невыѣздѣ изъ Кіева. Онъ не взялъ съ собою, какъ это сдѣлали всѣ остальные, фальшиваго паспорта, а ограничился собственнымъ своимъ метрическимъ свидѣтельствомъ, изъ котораго видно было, кто онъ по происхожденію, откуда родомъ и сколькихъ лѣтъ; такой документъ въ то время во многихъ случаяхъ считался вполнѣ достаточнымъ. Фесенко не нарядился также, какъ другіе, въ крестьянское платье, а лишь натянулъ на себя какой-то длинный балахонъ, въ которомъ выглядѣлъ не то прасоломъ, не то послушникомъ. Онъ былъ увѣренъ, что въ этомъ видѣ ему, въ случаѣ ареста, скорѣе удастся выпутаться изъ бѣды, чѣмъ еслибы онъ попался съ фальшивымъ паспортомъ и въ крестьянскомъ платьѣ. Это предположеніе его, какъ мы увидимъ, вполнѣ оправдалось.

Живя въ теченіе лѣта у молоканъ, я рѣшительно ничего не зналъ о томъ, что сталось со всѣми остальными товарищами. По возвращеніи осенью въ Кіевъ, я засталъ тамъ нѣкоторыхъ изъ отправившихся искать „бѣгуновъ“, а также и изъ побывавшихъ у штундистовъ. Оказалось, что послѣ тщетныхъ розысковъ сторонниковъ любопытной секты въ Царицынѣ, Астрахани и другихъ мѣстахъ, эта группа товарищей должна была вернуться обратно ни съ чѣмъ, даже не увидѣвъ ни единаго „бѣгуна“. Счастливѣе были наши „хохлы“: имъ удалось лицезрѣть избранныхъ ими сектантовъ, но о результатахъ своей дѣятельности среди штундистовъ они почему-то избѣгали говорить и лишь изъ намековъ, выраженій и словечекъ можно было догадаться, что ихъ постигла какая-то неудача. Никого изъ штундистовъ они на нашу сторону не перетянули.

Единственнымъ положительнымъ результатомъ „хожденія въ народъ“ нашего кружка было то, что почти всѣ его члены вернулись цѣлыми и невредимыми. Никакихъ „основъ“ мы не подорвали, и все осталось въ прежнемъ видѣ. Между тѣмъ, будь мы тогда арестованы и раскрой правительство нашъ „планъ“,

всѣ мы—подобно тому, какъ это тогда случалось съ такими же кружками,—очутились бы на каторгѣ.

О судьбѣ одного лишь Фесенко долгое время никто изъ насъ ничего не зналъ. Только годъ спустя отъ него самого я услыхалъ о случившемся съ нимъ траги-комическомъ происшествіи.

Въ майскій день прибылъ онъ въ какое-то селеніе одной изъ южныхъ губерній,—въ точности не помню, какой именно,—гдѣ, согласно источникамъ, должны были находиться сторонники избранной имъ секты. Въ тотъ же вечеръ его повели на собраніе, на которомъ онъ долженъ былъ предъ всѣми изложить свои воззрѣнія. Какъ бывшій семинаристъ, прекрасно знавшій священныя книги, Фесенко сыпалъ цитатами, толкуя тексты, конечно, по-своему. Онъ нарисовалъ предъ слушателями мрачную картину современнаго положенія трудящагося населенія и указалъ имъ на грядущій идеалъ. Увлекаясь самъ своей проповѣдью, онъ увлекъ и свою аудиторію. Слушатели поражены были его познаніями, краснорѣчіемъ, а также и внѣшностью его, напоминавшею пророка. Наконецъ, онъ до того экзальтировалъ впечатлительныхъ сектантовъ, что многіе изъ нихъ пришли въ неимовѣрный экстазъ. Затѣмъ произошло нѣчто совершенно невѣроятное и, во всякомъ случаѣ, вполнѣ неожиданное для нашего яраго послѣдователя Маркса, выступившаго въ роли религіознаго проповѣдника: подхвативъ Фесенко на руки, сектанты стали вертѣться съ нимъ по избѣ, сопровождая свои движенія радостными восклицаніями: „Онъ пришелъ! Онъ тутъ! Онъ съ нами!“

Въ то же время на дворѣ разыгралось совсѣмъ иного рода происшествіе. Кромѣ этихъ сектантовъ, оказавшихся не молоканами, а „шелопутами“ или, можетъ быть, какъ-нибудь иначе называющимися,—въ селѣ было много и православныхъ крестьянъ. Между тѣми и другими, какъ это всегда происходитъ въ подобныхъ случаяхъ,—была непрерывная и ожесточенная вражда. Замѣтивъ у оконъ и у входа въ избу, гдѣ состоялось собраніе, большое скопленіе сектантовъ, которые, за отсутствіемъ мѣстъ, не могли попасть внутрь, православные заинтересовались тѣмъ, что тамъ происходитъ. Сектанты, понятно, не подпускали ихъ близко; послѣдовалъ обмѣнъ ругательствъ, закончившійся, конечно, „взаимнымъ мордобитіемъ“. На „мѣсто происшествія“ не замедлили явиться власти, которыя, узнавъ, что къ раскольникамъ явился новый „проповѣдникъ“, вошли въ избу какъ разъ въ то время, когда тамъ происходило общее ликованіе и веселье. Оказалось, что какой-то вполнѣ освѣдомленный сектантъ предсказалъ скорое прибытіе „пророка“, ко-

торому всѣми примѣтами и чертами нашъ марксистъ вполнѣ соотвѣтствовалъ.

Само собою разумѣется, что власти не постѣснялись тутъ же арестовать этого „пророка". Затѣмъ пошло мыканье его по полицейскимъ участкамъ и тюрьмамъ. На допросахъ Фесенко показывалъ, что отправился онъ къ сектантамъ съ чисто научной цѣлью, для ознакомленія съ ихъ вѣроученіемъ и бытомъ, и не его вина въ томъ, что они приняли его за пророка. Хотя жандармы въ сильной степени сомнѣвались въ правдивости его разсказа, но, за отсутствіемъ прямыхъ противъ него уликъ, имъ пришлось, около года спустя послѣ ареста, освободить его.

Разсказывая мнѣ весной 1876 г. объ этомъ удивительномъ съ нимъ приключеніи, онъ самъ разражался громкимъ смѣхомъ. На этомъ закончилась его попытка превратить сектантовъ въ соціалистовъ.

XI.

По выходѣ изъ тюрьмы, Фесенко остался въ Петербургѣ, гдѣ мы вскорѣ съ нимъ вновь свидѣлись. О его дѣятельности тамъ я знаю немногое. Кажется, не безъ его участія возникъ новый кружокъ, впослѣдствіи отчасти вошедшій въ организацію „Земля и Воля". Насколько я могъ замѣтить, встрѣчаясь съ членами этого кружка во время двухъ-трехъ-недѣльнаго моего пребыванія въ Петербургѣ, Фесенко и тамъ игралъ очень видную роль, хотя и не былъ главнымъ вожакомъ. Послѣ неудачной своей попытки, онъ уже болѣе не собирался въ народъ, а принялся за занятіе съ рабочими, что̀ больше всего соотвѣтствовало его взглядамъ. Объ успѣшности этихъ его занятій мы имѣемъ слѣдующій отзывъ столь компетентнаго судьи, какъ Г. В. Плехановъ. „Существенную пользу рабочіе могли выносить только изъ лекцій политической экономіи покойнаго И. Ѳ. Фесенко. Этотъ, къ сожалѣнію, слишкомъ рано умершій человѣкъ очень недурно зналъ выбранный имъ предметъ и умѣлъ изложить его общедоступно и увлекательно. Но лекціи его продолжались всего нѣсколько мѣсяцевъ" [1]).

Продолжать эти занятія ему помѣшала болѣзнь, въ сильной степени развившаяся у него вслѣдствіе его пребыванія въ тюрьмѣ. Врачи настаивали на необходимости переселиться на югъ, но

---

[1]) „Русскій рабочій въ револ. движеніи", изд. „Пролетарій", стр. 19.

исполнить это ему, за отсутствіемъ средствъ, не скоро удалось. Только зимой 1877 г. онъ получилъ возможность, вмѣстѣ съ женой, перебраться въ Одессу, гдѣ онъ получилъ мѣсто учителя при какомъ-то пріютѣ. Но тяжкая болѣзнь развивалась все далѣе. Не смотря на сильные ея приступы, заставлявшіе его подолгу не вставать съ постели, Фесенко, какъ разсказывали мнѣ одесситы, продолжалъ заниматься распространеніемъ взглядовъ Маркса. Когда вѣсть объ этой его дѣятельности дошла до жандармовъ, рѣшено было отправить его въ Сибирь. Явившіеся для выполненія этого распоряженія жандармы нашли его прикованнымъ болѣзнью къ постели. Пришлось отложить отправку на нѣкоторое время. Такъ повторялось нѣсколько разъ. Наконецъ, пришло приказаніе взять его, хотя бы и больного. Но на этотъ разъ его нашли уже мертвымъ. Онъ умеръ весной 1881-го года, тридцати-пяти лѣтъ отъ роду.

Немногое могу прибавить объ остальныхъ упомянутыхъ мною въ этомъ очеркѣ лицахъ. Лизогубъ, какъ извѣстно, за два года до смерти Фесенко, былъ казненъ въ Одессѣ. Лаврентьевъ, подавшій, какъ потомъ оказалось, лишь просьбу объ отпускѣ вслѣдствіе болѣзни, по возвращеніи „изъ народа", выдержалъ окончательный экзаменъ и поступилъ въ университетъ. Вскорѣ затѣмъ онъ умеръ, совсѣмъ молодымъ. Изъ остальныхъ членовъ кіевскаго кружка четверо впослѣдствіи по разнымъ процессамъ попали на каторгу. Свѣтловъ, Соколовъ и нѣкоторые другіе совсѣмъ сошли со сцены.

Левъ Дейчъ.

ИЗГНАНІЕ

Въ школѣ я учился хорошо, но равнодушно. Хорошо и въ университетѣ, хотя не могъ понять, что университетъ—храмъ, alma mater и пр. Ходилъ на лекціи, сдавалъ зачеты. Когда пришло время, продѣлалъ въ коммиссіи, что надо, и такъ какъ не добивался этого, кончилъ чуть не первымъ.

Я родомъ изъ хорошаго круга Москвы: у насъ бывали профессора, адвокаты, писатели, и сначала предполагалось, что меня оставятъ при университетѣ; но я записался помощникомъ къ крупному адвокату, изъ либеральныхъ—онъ составилъ себѣ имя въ политическихъ процессахъ. Казалось, что и я буду хорошимъ адвокатомъ, защитникомъ угнетенныхъ и подписчикомъ прогрессивныхъ газетъ. На самомъ дѣлѣ, былъ я молодъ, довольно здоровъ, образованъ, неглупъ. Даже говорилъ сносно. Что же до аккуратности и честности, то тутъ просто превосходно: о, кліентскихъ денегъ я бы не растратилъ, и по клубамъ не картежничалъ. Такъ и смотрѣлъ на меня патронъ. Я и самъ зналъ это за собой; и когда товарищи вздыхали слегка завистливо, предполагая, что за звѣздой я самъ пройду въ звѣзды—я этого не отрицалъ, но сіянье моего маэстро мало меня воодушевляло. Да, зарабатывать тридцать тысячъ пріятно; но сколько для этого нужно возиться съ кліентами, препираться съ предсѣдателями и прокурорами, сколько болтать банальностей и говорить: „мы, передовая адвокатура“—все это не особенно хорошо. Однако, я старался и работалъ. Долженъ сознаться, что хотя и не былъ въ ту пору ребенкомъ, родители и въ этомъ имѣли на меня большое вліяніе. Дѣло простое: я ихъ любилъ. Они были люди добрые и честные, съ опредѣленнымъ взглядомъ на жизнь. Огорчать ихъ

мнѣ не нравилось; и во многомъ жизнь моя—человѣка средняго, неяркаго—опредѣлялась ими. Было принято работать, бывать въ симфоническомъ, посѣщать журфиксы въ двухъ-трехъ домахъ—почтенныхъ и серьезныхъ. Я работалъ и посѣщалъ. Принимали и мы, по пятницамъ; и молодежь, которую подбирала мать, была тоже интеллигентная и серьезная. Такъ что—странно сказать!—на женитьбу мою мать оказала извѣстное вліяніе.

Съ Анетой мы познакомились на семейномъ торжествѣ, у друзей отца; мать дальновидно пригласила ее къ намъ. Мы встрѣчались на нашихъ собраніяхъ, на публичныхъ лекціяхъ, премьерахъ Художественнаго театра; и эта дѣвушка—горячая брюнетка, крѣпкая, довольно сильная,—заняла мое воображеніе. Она была дочерью профессора; занималась на курсахъ и слыла умницей и милой. Все шло само собой; меньше чѣмъ въ годъ мы оказались женихомъ и невѣстой. Матери наши шептались, радовались; я имѣлъ право въ сумеркахъ цѣловать ее въ шею, и я чувствовалъ, что это молодое и жизненное существо владѣетъ мною цѣликомъ.

Такъ я женился—сдѣлался взрослымъ. Анета была отличной женой, это несомнѣнно; она любила меня бурно, съ здоровой силой ея возраста, но была тактична и, главное, умна. Я зналъ, что кромѣ страсти на каждомъ шагу встрѣчу въ ней помощника, опору, вѣрнаго друга. И я очень ее любилъ. Мнѣ нравился блескъ ея глазъ, нѣжная кожа, нѣсколько по-еврейски вьющіеся волосы. Голосъ у нея былъ низкій и бархатный. Этимъ голосомъ она одинаково хорошо говорила съ кухаркой, торговалась, высказывала просвѣщенные взгляды, порицала модернизмъ и для меня находила въ словахъ ласковые оттѣнки.

Мною она правила превосходно. Въ самомъ дѣлѣ: хотя я не жилъ теперь съ родителями, но въ домѣ у насъ былъ тотъ же порядокъ, культурность и интеллигентность. Мы жили въ небольшой квартирѣ, но съ лифтомъ и ванной; никогда передъ обѣдомъ не пахло чадомъ; не было ссоръ съ прислугой, часто такихъ унизительныхъ. Даже не было гостиной съ декадентской мебелью, не висѣло „Bien être“, и только Бёклинъ все же былъ: Анета полагала, что для молодого либеральнаго адвоката это вполнѣ умѣстно. И вообще во всемъ: въ одеждѣ, питаніи (Анета была склонна къ вегетаріанству), въ разныхъ мелочахъ чувствовалась рука твердая и знающая, пусть молодая. Мама у насъ бывала нерѣдко. Съ ней Анета тоже ладила; мама ее любила, и даже ея многоопытный взглядъ не улавливалъ въ нашей жизни крупныхъ промаховъ. Иногда, цѣлуя меня на прощанье, мать гово-

рила: „Береги свою жену, Александръ, она у тебя кладъ“. Сколько могъ, я и берегъ ее, и по указанію Анеты мы снова ѣздили—то слушать Оленину д'Альгеймъ, то старинную музыку, то даже на лекціи Бердяева (мистицизмъ она не одобряла, но желала быть au courant всего). Она продолжала и курсы, по филологическому отдѣленію; сдавала зачеты, изучала исторію искусства и разъ даже пришла въ ужасъ, когда знакомый студентъ у насъ на четвергѣ сказалъ, что не знаетъ, кто былъ Фра-Анджелико.

Эти четверги, какъ прежде въ родительскомъ домѣ, были обдуманными и „порядочными“. Приглашала Анета оставленныхъ при университетѣ, кое-кого изъ моихъ товарищей по работѣ, умныхъ барышенъ и дамъ. Пили чай за столомъ съ яркимъ никкелевымъ самоваромъ, tisch-läufer'омъ, печеньями. Разговаривали объ общественныхъ новостяхъ; говорили, что „реакція уже обнаруживаетъ внутреннюю несостоятельность“, разсказывали о политическихъ процессахъ, касались университета, спорили о модныхъ романахъ, и въ одиннадцать ужинали à la fourchette, съ двумя бутылками медока. Впрочемъ, я говорилъ мало; никогда я не былъ особенно разговорчивъ, съ гостями держался даже нѣсколько нескладно, за что̀ Анета меня укоряла. „Ты такой умный и образованный человѣкъ, Александръ, но въ обществѣ ты какъ-то прячешься. Нѣкоторые даже думаютъ, что ты гордый. А между тѣмъ, у насъ бываетъ не кто-нибудь... да и вообще, я не думаю, чтобы это было вѣрно“. И она ласково цѣловала меня. „Что̀ ты, что̀ ты, какая тамъ гордость“... Я пугался и увѣрялъ, что просто характеръ у меня замкнутый. И дѣйствительно, никакой гордости во мнѣ не было, это чьи-то выдумки.

Какъ полагается, въ свое время Анета забеременѣла. Мнѣ это нравилось. Сначала она нервничала, нѣсколько разъ плакала и раздражалась; но съ четвертаго мѣсяца стала, наоборотъ, ровной, тихой, какъ-то внутренно довольной. Начала полнѣть, терять дѣвичій обликъ, но появилось и нѣчто новое, по своему очень хорошее: въ ней показалась молодая матрона, пышное цвѣтеніе женскаго существа. Иногда сіяло въ ея глазахъ нѣчто не отъ нея зависящее, точно радость самой жизни, выполняющей свою роль. Я боялся за нее послѣдніе мѣсяцы—чтобы не случилось чего; но Анета была еще аккуратнѣй въ своемъ дѣлѣ, чѣмъ я въ моемъ; своевременно она легла въ лѣчебницу и, мужественно перенеся страданія, въ февралѣ родила дочь.

Съ ея появленіемъ квартира стала намъ мала. Мы переѣхали на новую, на Пречистенскомъ бульварѣ. Появилась въ домѣ няня,

и Лизочка, сама того не вѣдая, еще съ пеленокъ усилила у насъ партію женщинъ и семейный бытъ.

Дочь я полюбилъ—не съ первыхъ дней, а позже, когда стало пробуждаться въ ней сознаніе; когда что-то материнское, смѣшанное съ моимъ, глянуло изъ ея глазъ, я ощутилъ ту сладкую жуткость, которую чувствуетъ человѣкъ передъ тайной. Я видѣлъ, что и Анета смотритъ на нее особенно, и вѣрно она еще острѣй чуяла въ Лизочкѣ *свое*, оживленную часть *себя*, чѣмъ я.

Но и неуловимое нѣчто легло въ отношеніяхъ жены ко мнѣ; да и моихъ къ ней. Мы точно оба возмужали, выросли; тѣ ноты любви романтической и вздыхательной, которыя все же въ насъ были, какъ-то поблекли. Рѣзче во мнѣ подчеркнулся мужъ, въ ней—жена. Ея власть надо мной возросла—въ области жизненной, практической. И напротивъ, душевно я сталъ дальше. Росъ заработокъ, и патронъ былъ мною доволенъ; скоро я долженъ былъ стать присяжнымъ повѣреннымъ, самъ прикармливать молодежь.

Но во мнѣ всетаки не было солидности. Иной разъ, вернувшись изъ суда, я вдругъ уходилъ изъ дому, яко бы по дѣламъ, а на самомъ дѣлѣ просто бродить по Пречистенскому бульвару; выходилъ къ Христу-Спасителю и зачѣмъ-то сидѣлъ на набережной, смотрѣлъ, какъ блестятъ въ Кремлѣ главы, какъ Москва-рѣка шумитъ подъ Каменнымъ мостомъ. Даже Замоскворѣчье мнѣ нравилось: то-есть не само оно, а теплый вѣтеръ, летѣвшій оттуда, съ юга, голубыя дали, какіе-то воображаемые края тамъ, за Чернымъ моремъ и Крымомъ. Это бродяжничество, глупыя весеннія мечты такъ не шли ко мнѣ, порядочному человѣку въ тридцать лѣтъ, мужу, отцу семейства—я это понималъ и самъ стѣснялся. Но ясно, что во мнѣ, какъ всегда было, съ дѣтства, подъ однимъ человѣкомъ сидѣлъ другой, который мало кому былъ замѣтенъ. Почему я не говорилъ объ этомъ Анетѣ? Вѣдь я могъ бы найти нужныя слова, и она, вѣрно, поняла бы меня и не посмѣялась. Но я все же не говорилъ. Не то чтобъ я недовѣрялъ, — меня смущала ея спокойная дѣловитость, умъ, то, что всегда, во всемъ права была она. Вѣроятно, и тутъ оказалось бы такъ же.

И когда я возвращался, а она съ двоюродной своей сестрой Машурой, гимназисткой, возилась съ Лизочкой, мнѣ становилось слегка неловко, но я умалчивалъ. „Дядя“,—говорила Машура:— „нынче Лизочка разговаривала по телефону! Какая смѣшная! Сняла трубку и сказала: „слушаю“. Машура смѣялась, такъ что вздрагивали рѣсницы ея черныхъ глазъ, и цѣловала Лизочку.

Анета усмѣхалась. „Да, Александръ, она растетъ. Вотъ смотри—скоро и учиться будетъ“. Я тоже улыбался, тоже радовался, и таскалъ на себѣ это милое, маленькое существо. „Кто-то ты будешь“—думалъ я, глядя ей въ глазки.—„Славянская дѣвушка, съ туманными мечтами, слабая, изъ нѣжнаго, легкоплавкаго воска? Или умная посредственность? Или длинноногая коза, вѣтреница, дѣвица стиль модернъ“? Лизочка накручивала усъ на пальчикъ и дергала. Иногда разсматривала мнѣ глаза, закрывала и открывала вѣки, какъ будто хотѣла разобрать получше, что это за инструментъ.

Лѣто того года мы жили на взморьѣ, а осенью—осени въ моей жизни всегда тяжелы—я испыталъ большое горе: умеръ мой отецъ, а черезъ два мѣсяца мать, видимо отъ потрясеній. Я былъ человѣкомъ здоровымъ и довольно крѣпкимъ; но это меня пошатнуло. Вдругъ я почувствовалъ, что навсегда умерло мое дѣтство, юность. Я остался самымъ старшимъ—и уже вполнѣ зрѣлымъ.

Надо сказать, что и въ другомъ отношеніи этотъ годъ былъ годомъ перелома, круто измѣнившаго нашу жизнь. Я разумѣю революцію, которая какъ разъ теперь подошла.

Это было странное время. Что бы потомъ ни говорили, сколько горькаго ни осталось отъ нея, всетаки нѣкоторыхъ моментовъ нельзя забыть: были минуты, когда казалось, что надъ нашей жизнью встало нѣчто огромное, всенародное. Пусть за это расплачивались дорого. Можетъ быть жизнь этимъ и красна.

Какъ и всѣ въ нашемъ обществѣ, мы съ Анетой попали въ полосу собраній, банкетовъ, возбужденія и „поддержанія“. Анета—дѣловито и умно, я—менѣе складно и больше въ тѣни. Анета доставала билеты, сажала меня на банкетахъ куда слѣдуетъ, сіяла своими черными умными глазами, покойно, всегда интересно вела разговоръ и на сторонѣ собирала деньги; устраивала лекціи, вела знакомства въ нѣкоторомъ отношеніи предосудительныя—думаю, ее можно было назвать честнымъ диллетантомъ революціи.

Мой патронъ былъ членомъ крестьянскаго союза. Спустя нѣкоторое время я попалъ туда же, и особеннаго вліянія не имѣлъ, но разсматривался какъ близкій человѣкъ большого человѣка. Раза два засѣданія происходили на моей квартирѣ (и тутъ Анета проявляла тактъ и солидную любезность). До извѣстной степени я самъ увлекался новыми дѣлами: вѣянье свободы, никогда невиданные раньше люди, оттѣнокъ заговора, сладостное нервное напряженіе — все это внесло въ мою жизнь новыя краски—

какъ-то приподняло и раздвинуло ее. И въ Анетѣ мнѣ нѣкоторыя черты стали дороже: то, что она всегда рядомъ со мной—такой добрый товарищъ, что она по временамъ такъ прекрасно блеститъ глазами и одушевляется мыслью о народѣ, справедливости, не задумываясь рискуетъ, выполняя какія-то порученія таинственныхъ людей, даетъ имъ пріютъ и поддержку. „Все это хорошо,—думалъ я,—пожалуй, даже очень хорошо".

— Ну, а если-бы тебя арестовали? — спросилъ я разъ, когда она вернулась откуда-то взволнованная, съ тѣмъ острымъ запахомъ молодости и крѣпости, который сильнѣе чувствуется въ минуты возбужденія.

— Я чуть не попалась, ты знаешь? Тамъ была засада, но я вывернулась, сказала, что къ сосѣдямъ.

И, смѣясь, она разсказывала объ избѣгнутой опасности какъ здоровый охотникъ, сдѣлавшій счастливый выстрѣлъ.

— И сослали бы, чтожъ подѣлать...—Ея взглядъ говорилъ: „Только бы съ тобой!" Я ее крѣпко поцѣловалъ: ну, я бы ее не бросилъ.

Разумѣется, даромъ намъ это не прошло. Разъ позвалъ меня патронъ и сказалъ: „Плохо дѣло, Александръ Иванычъ. На цугундеръ насъ съ вами. Вотъ вамъ паспортъ, я себѣ уже досталъ—и айда. Лучше Парижъ, чѣмъ тундры сѣвера-съ". Я не былъ особенно удивленъ, но все же это было неожиданно. „Мѣшкать вамъ не совѣтую, какъ-нибудь проживемъ и въ Парижѣ". Онъ прибавилъ, что насъ арестуютъ не сегодня-завтра. Я отправился домой, и рѣшили мы съ Анетой такъ, что я провожу ее съ Лизочкой въ Смоленскъ, къ сестрѣ, а самъ, не останавливаясь, махну въ Парижъ. Она же пріѣдетъ черезъ мѣсяцъ—ей почему-то не хотѣлось уѣзжать сразу.

Пятаго апрѣля мы тронулись, съ Брестскаго вокзала. Анета внѣшне была покойна, но волновалась, я чувствовалъ. На меня тоже нашло раздумье. Поѣздъ шелъ мимо Ваганькова, мимо скачекъ, потомъ медленно поползъ къ Кунцеву, среди широкихъ, развернувшихся равнинъ. Въ Москвѣ блестѣли кой-гдѣ стекла, талый снѣгъ синѣлъ по овражкамъ, а надъ Воробьевыми горами голубѣло небо чистое—такое милое и далекое весеннимъ вечеромъ! Я думалъ о томъ, что вѣдь это мой городъ и моя страна. Увижу ли я когда-нибудь эти равнины, осинки и березы, полуварварскую Москву, полуварварскій свой народъ? Я, самъ потомокъ скиѳовъ? Но вѣдь къ этой странѣ, къ этому народу я приросъ крѣпко; нечего стѣсняться, я люблю его любовью неистребимой, какъ любилъ своихъ стариковъ, чьи кости

остались въ этой землѣ. Можетъ быть, это глупо, но мнѣ захотѣлось вдругъ увезти съ собой горсточку этого бѣднаго суглинка.

Мы проѣхали благополучно. Я сдалъ Анету сестрѣ, а самъ отправился далѣе. Остановился я въ первый разъ въ Кельнѣ, и переночевалъ тамъ, такъ какъ очень усталъ. Все понравилось мнѣ въ этомъ городѣ: и узкія улицы, и старина, и соборъ, равнаго которому я никогда не видѣлъ, и ресторанъ съ витражами, гдѣ я пилъ рейнвейнъ, и самъ Рейнъ. Въ старонѣмецкихъ городахъ вспоминаешь охотно Тургенева, Асю, можетъ быть Гейне.

Помню, вечеромъ я сидѣлъ у себя на балконѣ. По Рейну бѣжали огоньки—пароходики; подъ гигантскимъ мостомъ онъ гудѣлъ глухо и внушительно. Вода лилась подъ его черные быки какъ въ вѣчность, и такой же представилась мнѣ наша жизнь, въ частности моя, направленная чьей-то мощной рукой по новому руслу — и неизвѣстно куда мчащаяся. Здѣсь, среди древняго города, въ одиночествѣ, я могъ яснѣе, какъ мнѣ казалось, оцѣнить ее и сказать о ней слово. Было ли хорошо, или плохо, что мое существованіе мѣняется? Я не могъ сказать. Но одно мнѣ чувствовалось: если бы не пришла революція, новое и жуткое, что было въ ней, я скоро сталъ бы задыхаться въ своей благоустроенной клѣткѣ. Такъ что можетъ быть и хорошо, что въ Парижѣ меня ждетъ безпокойная жизнь, полная тревогъ, неожиданностей, тягостей. Что же, я буду политическимъ эмигрантомъ? Про себя я улыбнулся. Хорошо, я люблю свою страну, ея свободу, но политикъ ли я? Что я: членъ партіи, орудіе центральныхъ комитетовъ, демагогъ? Но вѣдь это до смѣшного не такъ. „Что же тамъ будетъ?—думалъ я.—Чѣмъ я буду жить?“ Я такъ ничего и не надумалъ, а той теплой весенней ночью снова бродилъ по Кельну, слушалъ его смутный гулъ, вдыхалъ запахи—смѣсь легкой сигары съ овощами, или свѣжей листвы на бульварахъ, видѣлъ, какъ дробятся звѣзды въ блѣдномъ Рейнѣ и соборъ темнѣетъ.

Такъ, ни до чего не додумавшись, я уѣхалъ на другой день въ Парижъ—къ тому новому, чего никакъ не представлялъ себѣ заранѣе. Парижъ просто казался мнѣ туманнымъ гигантомъ, нѣсколько жуткимъ.

Но жуткаго въ немъ ничего не оказалось. Явилась Анета; подъ ея руководствомъ все сразу приняло нормальное теченіе, только на заграничный манеръ.

Анета устроила насъ въ улицѣ Vavin, близъ Люксембурга.

Мы сняли небольшую квартиру, разумѣется съ каминомъ и часами на немъ, съ огромной кроватью въ спальнѣ, съ жалюзи, узкой винтовой лѣстницей и Альфонсиной, которая смотрѣла на насъ сверху внизъ. Но Анета быстро прибрала ее къ рукамъ, и бытъ нашъ, къ великому удивленію прислуги, да и моему также, принялъ сразу французскій характеръ: за завтракомъ пили плохенькое вино, ѣли овощи и кусочекъ gigot de mouton; во время обѣдали, ходили въ кафе, не пили даже почти чая и только иногда земляки приходили и смущали Альфонсину: я-же съ ними не сошелся.

Я вѣдь оказался въ Парижѣ въ видѣ политическаго изгнанника. Какъ въ Москвѣ нѣкогда у насъ бывали либералы, такъ теперь появились эсъ-эры, эсъ-де и синдикалисты, послѣднее слово революціонной техники.

Такъ какъ я ни къ кому не примкнулъ, то на меня скоро перестали обращать вниманіе и адресовались больше къ Анетѣ: я просто недалекій мужъ, съ которымъ нечего церемониться. Да они были и правы: вѣрно — меня мало занимали ихъ партійныя распри. Дастъ ли Богъ побѣду меньшевикамъ, большевикамъ или отзовистамъ, меня мало интересовало. Я слѣдилъ за Россіей, болѣлъ за бѣдный свой народъ, бѣдную страну, о которой судили здѣсь вкривь и вкось, съ преувеличеніями, ходульными словами, часто свысока и рѣдко съ любовью—и свое положеніе оцѣнивалъ такъ: родину я не предамъ нигдѣ, ни подъ какимъ небомъ не забуду я русскихъ полей, перелѣсковъ, Москвы, взгляда русской женщины. Но вѣдь надо сознаться, что здѣсь я только потерпѣвшій аварію, и сколько ни тоскуй, я не внесу свѣта и радости въ свой далекій край. Можетъ быть, меня захватило уныніе, всегда слѣдующее за неудачами, можетъ быть, во мнѣ никогда не было борца—я не знаю, но чувствовалъ я такъ. Разумѣется, жизнь сдѣлала въ Россіи послѣдняго времени большой сдвигъ, и эта же жизнь, по законамъ, ей даннымъ, проведетъ нашу страну туда, куда нужно исторіи. Но ни я, ни тѣ маленькіе люди, которыхъ я видѣлъ теперь, ничего не увидятъ и ничего не сдѣлаютъ. Ихъ горсть, они ото всего отрѣзаны, въ большинствѣ недаровиты; лучшіе изъ нихъ несчастны, худшіе ничтожны. Тяжела ихъ судьба.

Между тѣмъ мой патронъ и здѣсь поставилъ свою работу на твердую почву. Мы открыли въ Парижѣ бюро, какъ бы консультаціонно-адвокатское, и дѣла наши пошли недурно. Кліенты у насъ были и изъ русскихъ, и французы. Всѣхъ мы обслуживали по возможности тщательно; работать приходилось довольно.

Но всетаки у меня было время, и интересъ былъ къ Парижу, къ чужой жизни.

Какъ и многимъ—Парижъ показался мнѣ лучше его обитателей. Есть величіе въ этомъ сухощавомъ, трудовомъ и очень мужественномъ городѣ. Онъ—для людей крѣпкихъ и немечтательныхъ, но онъ имѣетъ свое, ни на что непохожее. Есть въ немъ площади мірового значенія, есть мѣста, гдѣ можно чувствовать Революцію, Наполеона; есть священныя мансарды—кельи Руссо и Бальзаковъ.

Весь же складъ и духъ жизни тутъ суровѣе, пустѣй, чѣмъ у насъ. Здѣсь абсолютно всѣ знаютъ, чего хотятъ—хотятъ осуществимаго и средняго, и добиваются его, при трудѣ и усердіи. Власть, деньги, наслажденія опредѣляютъ здѣшнюю жизнь съ черствостью, которой не знаемъ мы. Потому тутъ мы всегда въ загонѣ и всегда побѣжденные. Потому, съ другой стороны, намъ дышать здѣсь нелегко. Чтобы быть принятымъ геніемъ здѣшней жизни, надо съ молодыхъ лѣтъ назначить себѣ размѣръ ренты, которую хочешь получать къ старости: и на этомъ построить бытіе.

У меня было такое чувство, что и политики, и ученые, и рабочіе, и купцы—всѣ живутъ такъ. Не такова, конечно, русская эмиграція: но въ ней все-же мало интереснаго и много горькаго. Такъ что ни тѣ, ни другіе не могутъ дать образца жизни. А между тѣмъ мнѣ, надѣявшемуся, что новое пахнетъ освѣжающе, тяжело было видѣть, что все и вокругъ, да и у насъ какъ-то ниже уровня послѣднихъ мѣсяцевъ въ Россіи. При этомъ меня удивляла Анета. Какъ нравилось ей въ Россіи маршировать въ ногу съ революціей, такъ тутъ она легко вошла въ эту чужую жизнь — гдѣ тоже, конечно, были страшныя слова, синдикалисты и эсъ-эры, но уже все совершенно безопасное, безвредное и прѣсное. Здѣсь не было воодушевленія. Да мнѣ казалось, что и не къ этому, въ концѣ концовъ, лежитъ ея сердце—а къ вліянію, къ желанію имѣть въ хорошей квартирѣ хорошее (съ именами) общество радикальной окраски. Это вѣдь тоже цѣль, тоже такая достижимая цѣль! И мнѣ почему-то стало представляться, что хорошо бы Анетѣ быть замужемъ не за мною, а за какимъ-нибудь пріятнымъ французомъ демократическаго толка, который бы служилъ въ министерствѣ общественныхъ работъ и надѣялся подъ старость получить директора департамента. Но все это — непремѣнно съ хорошими словами и пользой для народа. Я увѣренъ, что Анета была бъ ему отличной помощницей. Она устроила бы салонъ разъ въ десять шикарнѣе нашего.

Такимъ образомъ, чѣмъ дальше шла наша жизнь, тѣмъ менѣе она мнѣ нравилась. И къ концу года, проведеннаго въ Парижѣ, я сталъ замѣчать въ себѣ мысли, раньше не приходившія мнѣ. Я сталъ задумываться надъ тѣмъ, что всегда безпокоило людей и будетъ вѣчно ихъ безпокоить: такъ ли я жилъ и живу, какъ надо, и если не такъ, то какъ именно долженъ жить. Мои разсужденія приблизительно таковы: я уже въ зрѣломъ возрастѣ, я мужъ, отецъ, членъ общества. Но что собственно я сдѣлалъ? Я любилъ, когда былъ молодъ, это во мнѣ естественное дѣйствіе силъ природы; у меня есть дочь, результатъ дѣйствія этихъ силъ. Есть дѣло, которое я дѣлаю потому, что среди людей моего общества считалось приличнымъ, чтобы я выбралъ интеллигентный и либеральный видъ труда. Но вѣдь я его не люблю, надо сознаться. Неужели свою жизнь, половина которой ужъ прошла, я употреблю на добываніе денегъ, комфорта, извѣстности, что ли? Неужели послѣ rue Vavin будетъ rive droite, „приличная" жизнь, двуспальныя постели, хорошее вино, дородность... Изъ-за чего же тогда стоило хлопотать? Не скрою, что мнѣ хотѣлось чего-то бо́льшаго, высокаго — быть можетъ творчества, или служенія цѣнностямъ, какъ говорятъ люди умные, стоящимъ надъ жизнью. Но я не имѣлъ никакого Божьяго дара, могъ только завидовать (это единственные, кому я завидовалъ въ Парижѣ) тѣмъ мансарднымъ художникамъ, философамъ, писателямъ, которые тоже знаютъ свой путь, но путь которыхъ—безконеченъ, и тѣ, кто идетъ по немъ, подобны крестоносцамъ. Помню, что случайно, размышляя въ этомъ настроеніи, я раскрылъ старенькое Евангеліе, сохранившееся у меня съ дѣтскихъ лѣтъ, и прочелъ: „Ибо я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцемъ его, и дочь съ матерью ея, и невѣстку со свекровью ея. И враги человѣку домашніе его". Эти слова поразили меня. Мнѣ показалось, что они направлены прямо противъ Анеты и Лизочки. И хотя я зналъ ихъ глубокую правдивость вообще, въ примѣненіи къ данному они показались мнѣ чрезмѣрно суровыми. „Чѣмъ же Лизочка-то виновата", думалъ я, глядя, какъ она, подросшая и слегка офранцуженная, скачетъ въ Люксембургскомъ саду, ловитъ diabolo, играетъ въ мячъ. „Вся тяжесть лежитъ на насъ съ Анетой, а она просто милое дитя, птичка". И я бралъ ее подмышки, щекоталъ, подымалъ вверхъ, на забаву ея французскимъ друзьямъ. Потомъ мы ходили съ ней къ фонтану кормить рыбокъ. Рыбки, такія жъ маленькія, какъ она сама, сбивались къ намъ кучей, а она бросала имъ корочки, бормотала: „tiens, les poissons qui mangent". Иногда мы садились на верхушку омнибуса у Одеона

и ѣздили кататься по Парижу. Лизочка прижималась ко мнѣ, точно жутко ей было среди этихъ тысячъ людей, фіакровъ, автобусовъ, мчавшихся во всѣ стороны—но и занятно движеніе необычайнаго города. На rive droite я покупалъ ей конфеты—такъ ужъ это было заведено — и назадъ мы катили по метро—тоже нѣчто, заставлявшее Лизочку обмирать. Но когда пролетали надъ Сеной, она восторженно всматривалась въ Эйфелеву башню: тамъ я почувствовалъ, до какой степени въ духѣ дѣтей эта башня.

Между тѣмъ Анета, какъ мнѣ казалось, стала замѣчать, что не все ладно въ нашей жизни, т.-е. вѣрнѣе—въ моей. Нѣсколько разъ даже спрашивала она: „что съ тобой, Александръ?“ Я не очень былъ расположенъ говорить, да и тѣмъ положеніе мое было неудобно, что я не умѣлъ выразить въ точной формѣ предметъ своего недовольства. Анета-же любила точность. Въ концѣ одного нашего разговора она вдругъ вспыхнула и сказала: „ну да, понимаю... ты просто разлюбилъ меня“. Это было невѣрно, нескладно, и по-женски, но разъ она додумалась до такой вещи, сбить ее почти нельзя было. Тутъ я почувствовалъ, что намъ нанесенъ сильный ударъ. „Я понимаю“, говорила Анета, и глаза ея блестѣли по-новому, какъ-то холодно, чуждо,—„тебѣ просто со мной неинтересно, потому ты уходишь куда-то, потому ты измѣнился“. Я старался ее разубѣдить, но она замыкалась, говорила: „оставь“—съ такимъ видомъ, что вся моя энергія падала. Разъ, вернувшись откуда-то, я засталъ ее лежащей на диванѣ, головой въ подушку. Я присѣлъ къ ней и хотѣлъ поцѣловать въ шею, какъ дѣлалъ нѣкогда, женихомъ, но она вскочила—глаза ея были заплаканы и прекрасны,—молнія блеснула въ нихъ; она крикнула:

— Уйди! Все пропало! Я тебя тоже не люблю. Все пропало, все, все!

Она пробѣжала къ себѣ въ комнату и заперлась. Вечеромъ прислала мнѣ письмо, гдѣ было больше печали и чувства, чѣмъ я склоненъ былъ ждать. Она писала, что давно уже, почти со времени рожденія Лизочки, стала замѣчать во мнѣ перемѣну,—очевидно она прискучила и не можетъ дать той жизни, которая мнѣ нужна. Въ виду этого она предоставляетъ мнѣ свободу дѣйствій, и *если я, быть можетъ, кого-нибудь люблю*, чтобы я сказалъ прямо: мы разойдемся. Ночь мы оба почти не спали. А на утро было объясненіе, убѣдившее Анету, что я никого кромѣ нея не люблю и не любилъ. Но полнаго мира оно не дало, ибо остались у насъ какіе-то рифы, темные и опасные пункты, къ которымъ оба мы не рѣшались приблизиться.

Началась жизнь, которая была, конечно, хуже прежней, такъ

какъ ушло изъ нея всякое тепло и ласка. Анета видимо тяготилась домомъ и искала случая уйти куда-нибудь, и какъ можно на дольше. Появилось у насъ нѣкоторое запустѣніе, чего раньше не было. Анета не интересовалась даже Лизочкой, и та приходила дѣлиться школьными радостями ко мнѣ: за диктовку она получила четыре, а за „держаніе"—такъ она называла поведеніе—пять.

— Отчего нѣтъ мамы?—спрашивала она.

— Мама въ русской колоніи. Тамъ сегодня вечеръ.

— А ты почему не въ русской колоніи?

Я не могъ объяснить ей, что дѣло не въ русской колоніи, а что мама тоскуетъ, да и отецъ тоже. И, уложивъ ее спать, я садился и ждалъ Анету.

Снова и снова задавалъ я себѣ вопросъ: что же, какъ же? Устраивается ли моя жизнь, или разрушается? Что она начала разрушаться—это я видѣлъ на каждомъ шагу. Что выйдетъ изъ этого—не могъ предвидѣть, и помню, что меня тянуло въ такіе вечера къ Евангелію. О, какая это странная книга! Я никогда не былъ мистикомъ, а Евангеліе цѣнилъ какъ-то холодновато: можетъ быть, оно слишкомъ было затемнено еще со школьныхъ временъ. Но теперь, когда я сталъ перечитывать давно забытыя, удивительныя слова, мнѣ вдругъ стало казаться, что это, правда, сверхъестественное писаніе. Я читалъ когда-то діалоги Платона, и Сократъ, къ которому душа моя никогда особенно не лежала, былъ мнѣ весь виденъ, весь ясенъ, какъ и его ученикъ; ясны были и величайшіе поэты—Гете, Данте. Кто же собственно Христосъ? Этого я не вмѣщалъ. Я только чувствовалъ, что сердце мое открывается необычайному сіянію Евангелія—вѣроятно вѣчному сіянію—покорявшему милліоны—быть можетъ именно тогда, когда начинали они терять истинный жизненный путь. Ибо за всѣмъ грохотомъ культуръ, войнъ, переворотовъ и цивилизацій есть еще малая вещь—человѣческое сердце, которое ищетъ незыблемаго всегда, сколько бы ни опьяняли его успѣхи и движеніе жизни. Такой вѣчно-живой водой представлялось мнѣ Евангеліе. Если оно не указывало точнаго пути (или я не умѣлъ опредѣлить его)—то во всякомъ случаѣ подымало и возвышало необыкновенно. И утѣшало.

Возвращалась Анета, цѣловала меня на ночь и уходила къ себѣ. Я зналъ, что ночами она плохо спитъ. Видимо, тяжелыя чувства мучили ее часто; и помочь ей было трудно. Иногда она глядѣла на меня, разговаривала будто и ласково, но думала о

другомъ, и помню, разъ среди пустого разговора вдругъ болѣзненно сморщилась и сказала:

— Ты самъ это началъ. Ты, ты. Я всегда была тебѣ вѣрной женой.—И расплакалась.

Тогда я сталъ догадываться кой о чемъ такомъ, чего раньше не подозрѣвалъ.

Именно, я замѣтилъ, что Анета исчезаетъ слишкомъ часто. Странно, почему она пристрастилась къ русской библіотекѣ, которую раньше не любила, и почему пересталъ бывать у насъ Берто, французъ-синдикалистъ съ великолѣпной бородой, какъ у Жореса.

Я началъ наблюдать съ этой новой позиціи, и скоро убѣдился, что дѣйствительно это такъ. Несомнѣнно, у Анеты, быть можетъ подъ вліяніемъ оскорбленнаго самолюбія, завязался романъ. Какъ я отнесся къ этому? Вотъ вопросъ! Конечно, я самъ способствовалъ его возникновенію; вѣрно и то, что во многомъ я относился къ Анетѣ критически и, пожалуй, иронически. И все-таки мнѣ было тяжело. Какою бы она ни была, и какимъ бы я ни былъ, все же въ прошломъ у насъ любовь, годы прожитые вмѣстѣ и та неопредѣленная, темная симпатія, которую скрѣпляютъ тысячи мелочей, вмѣстѣ пережитыхъ.

Была весна—парижская весна съ цвѣтами, элегантностью, остротой. Прянѣй запахъ сигаръ на улицѣ, возбужденнѣй толпа, блѣдно-голубѣетъ небо надъ Люксембургскимъ садомъ, и легкія стада дѣтей чище и изящнѣе. Этой весной я, какъ и Анета, уходилъ изъ дому часто и надолго. Работалъ мало, слонялся по кафе, бульварамъ—безцѣльно.

Помню, разъ игралъ въ Café de la Régence въ шахматы со старичкомъ французомъ, однимъ изъ случайныхъ знакомыхъ, которые вдругъ появляются и исчезаютъ въ великомъ одиночествѣ столицъ. Въ двѣнадцать мы кончили, выпили кофе и пошли бродить. Добрались до fortifications и вступили въ Булонскій лѣсъ. Здѣсь звѣзды стали виднѣе, и та сутолка и вѣчный гулъ, что заливаютъ въ Парижѣ, остались сзади. Было очень тихо. Надъ городомъ голубѣло зарево; лебеди дремали въ прудахъ и въ одномъ изъ нихъ отражались огни ресторана: онъ сіялъ электричествомъ въ глубокой мглѣ парка.

— Этотъ лѣсъ вырубили пруссаки, — сказалъ мой спутникъ.—Во время осады. Видите, осталось очень мало старыхъ деревьевъ. Это было давно, — прибавилъ онъ, вздохнувъ: — я тогда былъ молодымъ.—И онъ разсказывалъ мнѣ, какъ былъ молодъ, защищалъ Парижъ, сталъ коммунаромъ и едва не по-

гибъ. „Насъ всѣхъ перебили и разогнали, но я вспоминаю о томъ времени радостно, да, я вамъ скажу, радостно. Потому что тогда я очень любилъ Францію, Парижъ—это несомнѣнно. И я проливалъ за нихъ кровь". Онъ похлопалъ себя по рукѣ, куда былъ раненъ. „А теперь я бульвардье, я тоже люблю свой Парижъ, но теперь умерли уже всѣ мои товарищи, и я самъ—ветеранъ прежнихъ временъ; да, это такъ".

Онъ говорилъ, что не примирился и не примирится съ обществомъ сытыхъ и сильныхъ, предпочитаетъ вести жизнь полунищенскую, но быть свободнымъ. „Лѣтомъ я ухожу иногда странствовать",—прибавилъ онъ.—„Я родомъ изъ Прованса, и когда въ конторѣ мнѣ даютъ отпускъ, я ухожу бродить по югу. Я ѣду въ четвертомъ классѣ, а тамъ иду пѣшкомъ. Это даетъ радость моей жизни". Я взглянулъ на его сухощавую, крѣпкую фигуру, и мнѣ показалось, что этотъ человѣкъ несетъ въ себѣ, правда, вызовъ всей прочной и налаженной жизни, которая здѣсь течетъ. „Отправимтесь однажды со мной",—сказалъ онъ.—„Я буду вамъ проводникомъ, и притомъ — онъ улыбнулся и взглянулъ на меня,—мнѣ кажется, хотя я и знаю васъ мало, что вы изъ нашихъ". „Изъ какихъ же это?"—спросилъ я.—Онъ подумалъ: „Изъ vagabonds, странниковъ". Выпилъ ли онъ больше нормы, или весна возбудила его, но онъ говорилъ много, иногда любопытно, и главное, какъ мнѣ казалось, вѣрно меня понялъ. Мы бродили долго, видѣли, какъ пронесся запоздалый поѣздъ кольцевой дороги, встрѣчали одинокіе автомобили, и когда возвращались, звѣзды гасли, и надъ трудовымъ Парижемъ блѣднѣла заря. Мы рѣшили вмѣстѣ путешествовать пѣшкомъ по югу, если не этимъ лѣтомъ, то слѣдующимъ. Все это было довольно удивительно, и быть можетъ нелѣпо, но я ясно знаю, что та ночь сыграла въ моей жизни извѣстную роль.

Ближайшимъ лѣтомъ мы не выполнили плана: мы съ Анетой, какъ всегда, уѣзжали на океанъ. Это должно было произойти въ іюнѣ, а въ маѣ пріѣхала Машура съ мужемъ, московскимъ доцентомъ. Она чуть располнѣла, стала крѣпче и имѣла видъ женщины. Мнѣ она напомнила перемѣну, какая произошла съ Анетой послѣ замужества. Даже тотъ тонъ появился—какъ бы все знающій и солидный. Но все же она была очень мила, черные глаза ея были такъ же огромны и прекрасны. Часто онѣ запирались съ Анетой, и пока доцентъ сидѣлъ въ библіотекѣ, вели разговоры—я догадывался о чемъ. Иногда мы гуляли вмѣстѣ по Парижу, я показывалъ ей кое-что, и чувствовалъ, что однажды у насъ произойдетъ разговоръ. Я не ошибся. Это случилось въ

Лувръ, когда, послѣ долгихъ скитаній, мы сѣли на диванчикъ въ какой-то пустынной залѣ. Машура начала съ того, что она давно чувствуетъ, что между нами неладно. Я согласился. „Ты долженъ простить Анету",—сказала она; вѣки ея задрожали. Мнѣ показалось, что сейчасъ она заплачетъ. „Позволь, за что прощать?" Тогда, путаясь, она стала объяснять то, что я уже зналъ—т.-е. о синдикалистѣ,—доказывая, что это пустякъ, увлеченіе въ пику мнѣ, что можетъ быть я и самъ виноватъ больше, чѣмъ думаю, что я забросилъ Анету и пр. Я смотрѣлъ въ ея милое лицо; я понималъ, что мы говоримъ о разномъ, и врядъ ли поймемъ другъ друга, и думалъ, что вѣрно и этимъ чернымъ глазамъ придется пережить подобное. „Отчего ты не хочешь подойти ближе, согрѣть ее? Развѣ ты не видишь, какъ она страдаетъ? Вѣдь я не узнала васъ обоихъ!" Она вздохнула. „Ахъ, думала ли я, когда вы уѣзжали изъ Москвы, что такъ все будетъ?" „Милая Машура",—сказалъ я.—„Я самъ тогда ничего не думалъ и мало что зналъ. Но ты ошибаешься, полагая, что виноватъ синдикалистъ". Я чуть не сказалъ ей, что я наканунѣ полной ломки своей жизни, что Анета и семья—лишь часть этой перемѣны и что мое изгнаніе изъ общества и жизни, которую я до сихъ поръ велъ—не ограничено изгнаніемъ изъ Россіи, а пойдетъ дальше, что прахъ и суета достаточно уже владѣли мною. Но я все-таки этого не сказалъ. Можетъ быть оттого, что это было еще слишкомъ хрупкой моей мыслью, я не могъ бы точно отвѣтить, что именно собираюсь сдѣлать: но что нельзя жить попрежнему,—было ясно.

Итакъ, разговоръ не привелъ ни къ чему. Все осталось по старому, такъ же неясно и запутано; но теперь и Машура оказалась втянутой въ нашу исторію. Возможно—потому она и измѣнила намѣреніе ѣхать съ мужемъ въ Россію, а рѣшила жить съ нами у океана.

Не долженъ ли я сказать, что изъ всѣхъ періодовъ моей жизни эти два мѣсяца въ Сулакѣ были самыми странными? Должно быть—такъ. Они были мѣсяцами прощанія, перелома. Когда жизненная полоса изжита, начинается другая — человѣку и радостно, и горько. Онъ приподнятъ, въ туманѣ, и нѣсколько экзальтированъ. Кажется, что сейчасъ онъ сдѣлаетъ удивительный шагъ, но и въ прежнемъ есть вещи, съ которыми тяжело разстаться.

Я помню нашу сѣрую дачу, зеленыя волны океана — такія широкія, покойныя волны, отражавшія вѣчность,—и упругій вѣтеръ. Нигдѣ нѣтъ такого вѣтра! Помню лѣтнія платья Анеты, Машуры, Машурины глаза, ставшіе еще темнѣе и печальнѣй,

Лизочку на морскомъ берегу, даже синдикалиста въ бѣлыхъ штанахъ—все это сохранилось въ моей памяти. Одинокія прогулки далеко за Сулакъ, по берегу; тамъ можно было часами дремать на пескѣ, слушая океанъ, глядя, какъ бѣгутъ безбрежныя облака. Тамъ я испыталъ то удаленіе отъ людей и жизни, какъ бы возвращеніе къ первоистоку, которое, вѣроятно, знали пустынники и основатели монастырей. Здѣсь не чувствовалъ я, что я адвокатъ, членъ общества и человѣкъ, одѣтый соотвѣтственно модѣ; пользуясь словами святого Франциска, я могъ бы сказать: мой братъ—океанъ, милыя мои сестры—облака, травы, водоросли. Здѣсь я такъ же былъ нагъ и душевно простъ, какъ дѣти, рыбы, бабочки. Иногда я читалъ вслухъ Евангеліе. Какъ подходитъ эта книга къ безлюдному океану, къ солнцу, жегшему мнѣ спину! Напримѣръ, сказано, что когда Христосъ проходилъ близъ моря Галилейскаго, то увидѣлъ двухъ братьевъ; они закидывали сѣти—быть можетъ, какъ вонъ тѣ рыбаки, что тянутъ канатъ. Онъ сказалъ: „идите за Мною, Я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ". Они оставили сѣти, жизнь, промыселъ, друзей и ближнихъ и навсегда ушли съ Нимъ. Какъ просто и какъ удивительно! Увидѣли, услышали — и *ушли*. А Іоаннъ и Іаковъ, съ отцомъ ихъ Зеведеемъ, *починяли* сѣти, и тоже на Его зовъ ушли. Что это были за люди? Какъ они чувствовали? Этого я раньше никогда не понималъ. Но теперь мнѣ, малому человѣку, которому неловко даже говорить о себѣ, мнѣ казалось, что если бы я услышалъ такой голосъ, то—почемъ знать?—можетъ и я бы ушелъ, позабывъ о патронѣ, Парижѣ, Анетѣ, Лизочкѣ. Но ко мнѣ никто не приходилъ, и я опредѣленно не зналъ, во имя чего ухожу. Потому что не былъ ни соціалистомъ, ни анархистомъ, ни христіаниномъ и только жаждалъ быть чѣмъ-то.

Что же касается Анеты, то Машурины надежды не оправдались: видимо, привязанность ея къ синдикалисту крѣпла. Я этому не удивлялся: человѣку, а особенно женщинѣ, жить не прилѣпившись трудно, и когда началось мое удаленіе изъ ея сердца, оно должно было отдаться другому. Встрѣчая ее въ своемъ домѣ, за столомъ, иногда на пляжѣ, у кабинокъ съ Лизочкой, я смотрѣлъ на нее какъ на добрую знакомую, съ которой нѣкогда былъ очень близокъ. Только минутами просыпалось былое, она напоминала мнѣ Москву, мою первую, все же яркую и искреннюю любовь, стариковъ, благословлявшихъ нашъ бракъ — тогда я старался уйти подальше, къ холмамъ, откуда были видны дюны и далекіе паруса рыбацкихъ лодокъ.

Однажды—это было въ концѣ іюля,—я ужиналъ вечеромъ въ

ресторанѣ, одинъ, довольно поздно. Потомъ ушелъ гулять; и у меня было такое чувство, будто я нескоро вернусь. Да и дома въ этотъ день все имѣло какой-то странный видъ: Анета была возбужденной, что-то хлопотала, перекладывала наспѣхъ вещи — вообще атмосфера явно ненормальная.

Какъ всегда, я шелъ берегомъ моря. Выдалась рѣдкая ночь: такъ было тихо. Закатъ угасъ уже, звѣзды вышли своими легіонами смѣло, и казалось, имъ какъ-то радостнѣй сіять надъ такимъ тихимъ воднымъ зеркаломъ. Я шелъ немало, до одного своего любимаго мѣста: огромнаго камня, такъ заросшаго мохомъ, что на немъ можно было лежать какъ въ постели. Я такъ и сдѣлалъ. Рядомъ со мной былъ мой океанъ, чуть шипѣвшій по песку: можетъ быть, лишь мое ухо и слышало, какъ лопались его пузырьки. Думалъ я о жизни, океанѣ и Евангеліи, которое читалъ сегодня утромъ. Мой взоръ останавливался на медузѣ, принесенной къ берегу, видной при свѣтѣ звѣздъ; иногда любовался свѣченіемъ, лѣтней флуоресценціей воды. Незамѣтно я заснулъ. Сколько спалъ, не знаю, но проснулся внезапно — и сѣлъ: мнѣ казалось, что кто-то есть рядомъ. Взглянувъ направо, увидѣлъ я свѣтлую фигуру, задумчиво двигавшуюся по берегу; что это было, я не могъ понять. Призракъ, галлюцинація? Потомъ такъ же медленно незнакомый сталъ удаляться, — прямо по поверхности океана, съ тѣмъ же задумчиво-покойнымъ видомъ. Помню, мнѣ не было страшно, и я не задалъ себѣ даже вопроса, кто это? зачѣмъ? почему? Занимался разсвѣтъ, тонкій паръ дымился надъ водой, и далеко, сквозь его легкую пелену, виднѣлся зеленый огонь пассажирскаго парохода. Я всталъ и отправился домой. Мнѣ хотѣлось пѣть какой-то псаломъ, или божественный стихъ — читать вслухъ строки Евангелія.

У балкона меня встрѣтила Машура. По ея виду я понялъ, что случилось нѣчто особенное. Я угадалъ. Запинаясь и волнуясь сообщила она мнѣ, что этой ночью уѣхала Анета съ Лизочкой.

Конечно, такъ это и должно было быть. Въ короткой запискѣ она писала, что не можетъ больше выносить такой жизни, любитъ Берто и ко мнѣ не вернется. Надѣется, что Лизочка не станетъ предметомъ раздоровъ; жить она будетъ у нея, но если захочу, я въ любое время могу видѣть дочь. Прилагался адресъ: Парижъ, и т. д.

Разумѣется, мнѣ не было весело. Особенно жаль стало Лизочку, т.-е. жаль, что ея нѣтъ со мной, и не будетъ. Будетъ ли она помнить обо мнѣ, или забудетъ черезъ нѣсколько дней, и

совсѣмъ офранцузится въ рукахъ г. Берто? Вѣрнѣе—послѣднее. Слишкомъ она еще веселая звѣрушка, живущая мгновеньемъ. А можетъ быть даже хорошо, что она именно такая. Несомнѣнно, жить ей будетъ легче.

Къ вечеру, несмотря на старанія Машуры, меня охватила тоска. Я старался бороться; внушалъ себѣ, что нельзя же малодушничать съ первыхъ шаговъ. Это не помогало—и въ результатѣ я рѣшилъ уѣхать съ этого океана: все здѣсь стало для меня чужимъ, ненужнымъ. Я распрощался съ Машурой, тронувшейся въ Россію, и переселился въ Парижъ.

Не стану описывать послѣднихъ мѣсяцевъ этого лѣта, и зимы, проведенной въ Парижѣ въ одиночествѣ. Скажу только, что этотъ странный городъ далъ мнѣ гораздо больше крѣпости и душевныхъ силъ, чѣмъ я предполагалъ, и то время я прожилъ въ иномъ самочувствіи, чѣмъ раньше. До весны я работалъ еще у патрона, но уже зналъ, что это дѣло—конченное: меня занимало другое. Я снова читалъ Евангеліе; затѣмъ мнѣ удалось достать книги по сектантству и расколу въ Россіи, и вмѣстѣ съ ростшимъ чувствомъ ко Христу я сталъ раздумывать о томъ, какъ направить свою жизнь туда, куда хотѣлось бы. Несомнѣнно—живи я лѣтъ пятьсотъ назадъ, я бы ушелъ въ монастырь. Но сейчасъ въ монастырь не хотѣлось, и вообще я не зналъ, какъ быть. Думалъ и о духоборахъ, о томъ, не уѣхать ли въ Америку, или пробраться на Кавказъ къ молоканамъ. Это было осуществимѣе, хотя Америка пугала: никогда я ее не любилъ. Во всякомъ случаѣ, лѣтомъ мы со старымъ французомъ должны были путешествовать по югу, и уже потомъ дѣйствовать.

Знаю одно: эту зиму я жилъ тверже, достойнѣе, хотя часто меня посѣщали сомнѣнья. Они состояли въ томъ, что всетаки я не настоящій христіанинъ, и вообще у меня нѣтъ незыблемыхъ вѣрованій, служенію которымъ я посвятилъ бы жизнь. Я разсуждалъ: хорошо, сейчасъ тебѣ кажется, что жизнь въ міру плоха и тяжела. Но ты можешь полюбить, встрѣтить подругу, которая дастъ тебѣ больше, чѣмъ Анета. Устанешь къ извѣстному возрасту, будешь страдать отъ бѣдности, которая теперь предстоитъ. Да и мало ли что вообще можетъ произойти? Что будетъ, если захочешь вернуться, но уже тщетно?

Всѣ эти размышленія правильны, и всѣ они — отголоски прежней жизни и прежняго человѣка во мнѣ. Въ концѣ я рѣшилъ такъ: пусть, что будетъ, то будетъ. Въ маѣ я отказываюсь у патрона, мы ѣдемъ въ Провансъ и Италію, а оттуда я — въ Россію. Пускай меня арестуютъ и сажаютъ въ тюрьму, я отбуду

наказанье и поступлю туда, куда склонится мое сердце: въ сектанты ли, въ анархисты или просто въ незамѣтные одинокіе люди, великое преимущество которыхъ: свобода отъ *всѣхъ* и отъ *всего*.

Такъ оно и вышло. Передъ отъѣздомъ я зашелъ къ Анетѣ. Меня встрѣтила красивая дама французскаго вида—и въ первый моментъ будто не узнала меня. Потомъ въ лицѣ у ней что-то дрогнуло, но она быстро овладѣла собой, и мы разговаривали какъ добрые знакомые; она, глядя на меня и разспрашивая о планахъ, видъ имѣла серьезный и соболѣзнующій: видимо, я казался слегка „тронутымъ". Я же улыбался. Мнѣ казалось, что съ этимъ синдикалистомъ Анета обрѣла, наконецъ, себя, и дальнѣйшая ея жизнь представлялась такой ясной, прочной и пріятной. О, несомнѣнно, и квартира, и порядокъ здѣсь безконечно выше чѣмъ у насъ—впереди всему этому предстоитъ еще расти. Анета будетъ вѣрной женой, хозяйкой, синдикалисткой и доброй матерью: хотя возможно — синдикалистскаго ребенка сейчасъ у ней и не будетъ. Онъ появится года черезъ три, когда позволятъ обстоятельства.

Теперь всѣ мои дѣла, все, что привязывало къ старой жизни, было кончено. Скоро пепелище мое заростетъ новой травой, новые люди будутъ окружать мою дочь и изгладятъ воспоминаніе о какомъ-то отцѣ, русскомъ. Во всемъ своя сила, свой законъ.

Когда, черезъ два дня мы выѣзжали утромъ изъ Парижа, было солнечно, блистательная весна. За городомъ развернулись поля, тонувшія въ свѣтѣ, и въ окно пахнуло вѣтромъ, ширью; я смотрѣлъ на болтавшихъ въ нашемъ отдѣленіи солдатъ и торговокъ, на этотъ веселый и крѣпкій простой народъ, который теперь будетъ мнѣ ближе, — чувство простора и радости наполнило меня. Точно міръ раздвинулся и я вдохнулъ его истинный ароматъ. Стараясь сдѣлать это незамѣтно, я открылъ маленькое Евангеліе на одномъ изъ любимыхъ мѣстъ: „Ибо тѣсны врата и узокъ путь, ведущіе въ жизнь, и немногіе находятъ его". Нашелъ ли его я? Этого я не могъ сказать, но мнѣ кажется, что во всякомъ случаѣ я поступилъ правильно, предпринявъ свой исходъ — сколь бы онъ ни казался страннымъ и нелѣпымъ Анетѣ, патрону и другимъ. Что же будетъ дальше — увидимъ: что Богъ пошлетъ.

Бор. Зайцевъ.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ
ЭРНСТА ЦАНА[1])

1.

Реквіемъ.

Хижина стоитъ на берегу Фирвальштедскаго озера, въ одномъ изъ тѣхъ уголковъ, гдѣ солнце показывается только въ полдень, гдѣ никогда не останавливаются пароходы, которые порой захлестываетъ буря черными волнами, но куда никогда не достигаетъ прибой бурныхъ волнъ моря житейскаго. Хижина снаружи темносѣраго цвѣта, крыта тесомъ, съ выдвижными ставнями и маленькими окнами, въ которыя виденъ плоскій зеленый берегъ, шепчущіе тростники и за ними озеро.

Узенькая тропинка ведетъ позади дома къ озеру, гдѣ въ тростникѣ спрятанъ челнокъ. Челнокъ приводитъ рыбака, живущаго въ хижинѣ, Либерія Инфангера, къ людямъ—когда у него является желаніе ихъ видѣть. По другую сторону тропинки—лѣсъ и гора, а дальше сѣрая крутая стѣна. Кто вскарабкается на эту стѣну, тотъ подойдетъ къ самымъ вершинамъ, у подножія которыхъ пріютилась рыбачья хижина—къ вершинамъ, на которыхъ царитъ вѣчная зима. Ихъ бѣлыя головы окружены блистающимъ

---

[1]) Эрнстъ Цанъ сравнительно молодой писатель, родомъ изъ Швейцаріи. Въ Штутгартѣ выходитъ полное собраніе его сочиненій, пользующихся большимъ успѣхомъ и въ Германіи. Печатаемые ниже его разсказы заимствованы изъ его послѣдней книги: „Die da kommen und gehen. Ein Buch von Menschen“.

ореоломъ и передъ ихъ красотой умолкаютъ шумливые люди въ долинѣ.

Больше я вамъ ничего не скажу объ этой хижинѣ, чтобъ вы изъ любопытства не вздумали разыскивать ее. Могу только сообщить еще, что по близости есть деревня и бѣлый большой монастырь. Но не ходите разыскивать рыбака Либеріуса. То, что я могу сказать красиваго о немъ и объ его домѣ, красиво только потому, что вокругъ человѣка и дома—великая тишина. Если же туда придете вы, люди, съ вашимъ любопытствомъ и жалостью, или хотя бы даже съ привѣтомъ и любовью, вы либо напугаете рыбака—и тогда онъ убѣжитъ въ горы, либо сумѣете внушить ему довѣріе—и тогда онъ отшлифуется въ вашемъ цивилизованномъ обществѣ, начнетъ завидовать вашей широкой жизни, и его собственный глухой уголокъ станетъ ему чужимъ.

Рыбакъ Либерій Инфангеръ средняго роста, худощавый, съ черной, круглой, коротко подстриженной бородой. Онъ не красивъ, но и не безобразенъ; да никому и въ голову не придетъ задумываться надъ вопросомъ, красивъ онъ или некрасивъ. Точно также никому въ голову не придетъ дивиться его силѣ, какъ мы иногда дивимся силѣ горцевъ. У него крѣпкіе мускулы и жилистыя сильныя руки, которыя и въ бурю умѣютъ справляться съ челнокомъ.

Была у него жена—какъ всѣ здѣшнія женщины, скромная, изъ небогатой семьи. Родомъ она была изъ сосѣдней деревни, куда рыбакъ сбывалъ часть наловленной рыбы. Взялъ онъ ее замужъ по семнадцатому году. Исторія ихъ любви не длинна и не заключаетъ въ себѣ ничего необычайнаго. Началась она съ танцевъ на храмовомъ праздникѣ; потомъ было два-три тайныхъ свиданія; потомъ свадьба; потомъ совмѣстная жизнь, ничѣмъ не отличавшаяся отъ жизни другихъ супружескихъ паръ, сговорившихся дѣлить и горе, и радость. Жили они между собой хорошо, быть можетъ получше другихъ, потому что мѣсто глухое и сосѣдей по близости не было. Изидора радовалась, что мужъ ея не пьетъ, какъ пили дома ея отецъ и братья, видѣла, какой онъ старательный и бережливый, и почти невольно слѣдовала его примѣру. Были въ немъ кое-какія странности, было упрямство—результатъ одинокой жизни, но особенныхъ хлопотъ и огорченій это ей не доставляло. А когда чудаковатость переходила въ воркотню—то вѣдь и у нея былъ языкъ, и она не оставалась въ долгу. Когда дѣло доходило до ссоры и брани, Либерій ругался основательно, какъ истый мужикъ. Но вѣдь и Изидора выражалась не болѣе изысканно, чѣмъ прочія дере-

венскія женщины. Такъ что вы, пожалуйста, не ищите въ нихъ какого-нибудь особеннаго аристократизма и не воображайте, что это какіе-нибудь особенные люди, какихъ другихъ и не сыщешь. Ничего подобнаго. На моей родинѣ вы въ каждой деревушкѣ найдете такого Либерія и такую Изидору. Но разсказъ мой начинается лишь съ того дня, когда Либерій повезъ жену къ доктору, въ Швицъ, потому что она уже нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ страшно кашляла и задыхалась. Это было какъ разъ въ первую годовщину ихъ свадьбы.

Докторъ въ Швицѣ, широко извѣстный по всей округѣ, обладавшій не только обширными знаніями и практикой, но и добросовѣстностью и добрымъ сердцемъ, полнымъ любви къ людямъ, нѣкоторое время пристально вглядывался въ мужа и жену поверхъ очковъ: онъ усвоилъ себѣ привычку изучать не только паціента, но и тѣхъ, съ кѣмъ ему приходится жить. Потомъ улыбнулся, потому что въ четѣ Инфангеровъ особенно бросались въ глаза растерянность и робость, которыя онъ привыкъ видѣть въ своихъ паціентахъ-крестьянахъ. Но, выслушавъ Изидору, онъ пересталъ улыбаться.

— Вы еще молоды, голубушка, — сказалъ онъ ей, внимательно вглядываясь въ ея лицо.—Скажите, у васъ въ семьѣ кто-нибудь хворалъ такъ, какъ вы?

Изидора отвѣтила, что такая же хворь была у ея отца, и у одной изъ сестеръ тоже, но та умерла.

Докторъ кивнулъ головой и самодовольно подумалъ, какъ онъ хорошо знаетъ свѣтъ: сплошь и рядомъ больные посмѣиваются надъ другими, умершими отъ той же болѣзни, какой страдаютъ они, какъ будто глупо было съ ихъ стороны умереть отъ такихъ пустяковъ. Затѣмъ, онъ указалъ Изидорѣ нѣсколько простыхъ средствъ для сохраненія и возстановленія силъ. А Либерію сказалъ:—Кормите получше свою жену и хорошенько берегите ее.

И распахнулъ передъ ними дверь. Но когда они уже были на лѣстницѣ, докторъ, стоявшій на порогѣ, глядя имъ вслѣдъ, еще разъ позвалъ къ себѣ Инфангера. Видъ у него былъ задумчивый, какъ будто онъ сейчасъ только и неохотно отвелъ взоръ отъ фигуры удалявшейся Изидоры.

— У васъ очень нѣжная, хрупкая жена, Инфангеръ,—сказалъ онъ.

Тотъ немножко смутился, немножко обрадовался. Ему вспомнилось, какъ тогда, на храмовомъ праздникѣ, парни наперерывъ увивались за Изидорой, и какъ ему польстило, что она изъ всѣхъ выбрала своимъ кавалеромъ его. Но прежде чѣмъ

онъ что-нибудь успѣлъ отвѣтить, докторъ продолжалъ: — Надо вамъ знать, что дѣло-то съ ней обстоитъ не совсѣмъ благополучно. Она у васъ очень хрупкая, вы этого не забывайте.

И съ этими словами отпустилъ его. Докторъ зналъ крестьянъ, зналъ, какъ мало они считаются съ болѣзнями и больными, и нарочно иногда съ грубой откровенностью раскрывалъ имъ глаза, зная, что иначе они были бы способны требовать отъ человѣка, какъ отъ скота, крайняго напряженія силъ и заставить его работать, пока онъ не свалится.

Либерій вышелъ вслѣдъ за женою на лѣстницу, а потомъ и на улицу. Когда она спросила, что ему еще сказалъ докторъ, онъ, хотя еще и самъ не вполнѣ уяснилъ себѣ смыслъ докторскихъ словъ — мужики вѣдь туго соображаютъ, — но все-же инстинктивно почувствовалъ, что женѣ его незачѣмъ знать всей правды.

— Сказалъ, чтобъ ты не слишкомъ много работала, не утомляла себя.

И они пошли рядомъ. Либерій былъ неразговорчивъ, погруженъ въ свои мысли. Разокъ-другой онъ оглянулся на докторскій домъ и увидалъ доктора, стоявшаго съ женою у открытаго окна. Докторъ и докторша смотрѣли имъ вслѣдъ, и нетрудно было догадаться, что они говорили о нихъ, при чемъ, по выраженію лица и жестамъ, видно было, что они относятся съ большимъ интересомъ и участіемъ къ Изидорѣ. Либерій вторично возгордился: вѣдь это его женѣ люди смотрятъ вслѣдъ, какъ будто она не вѣсть какая важная особа.

Затѣмъ, они пошли дальше, закусили и къ вечеру вернулись къ тому мѣсту, гдѣ Либерій привязалъ свой челнокъ. Ночевать въ городѣ имъ не хотѣлось. Изидора усѣлась на носу неуклюжаго сѣраго челна, а Либерій взялся за весло. И вотъ тутъ-то, на обратномъ пути, и произошелъ въ рыбакѣ тотъ переворотъ, о которомъ я хочу разсказать.

Пока еще съ берега доносились до нихъ городскіе звуки и голоса, они вели между собой разговоръ о видѣнномъ въ городѣ, о переѣздѣ, о разныхъ домашнихъ дѣлахъ, которыя они оставили недодѣланными. Но, когда дома и пристань слились въ одну сѣрую массу, они оба смолкли. Либерій снялъ съ себя пиджакъ и жилетъ, засучилъ до локтей рукава и, стоя въ челнѣ, равномѣрно и быстро гребъ. Дѣлалъ онъ это совсѣмъ машинально, такъ какъ и путь, и работа были ему хорошо знакомы. Мысли его, медлительныя, тягучія, нѣсколько разъ возвращались въ Швицъ къ доктору и, наконецъ, сосредо-

точились цѣликомъ на сидѣвшей передъ нимъ Изидорѣ. На ней было ея праздничное черное платье. Простенькое, даже безъ рюшки у ворота, оно было наглухо застегнуто до самой шеи, и охватывало тонкія кисти рукъ. И, можетъ-быть оттого, что платье было черное, особенно бросалась въ глаза бѣлизна шеи. Либерій никогда раньше не задумывался надъ тѣмъ, какая у его жены нѣжная и бѣленькая шейка. А теперь—гляди-ка, вѣдь она прямо красавица, особенно сейчасъ, въ этомъ призрачномъ свѣтѣ сумерекъ. Пышные темные волосы, темные глаза, а носъ, подбородокъ, уши — почти прозрачно-бѣлые. Либерій изумился. Потомъ ему какъ будто что-то вспало на умъ.

— Тебѣ не холодно?—спросилъ онъ жену.

Она улыбнулась вопросу, засмѣялась даже: она не привыкла, чтобъ о ней такъ заботились. И вмѣстѣ съ тѣмъ ей стало вдругъ такъ хорошо, словно солнышко пригрѣло ей спину. И постепенно у нея явилось такое ощущеніе, что сегодня не простой будничный день, а праздникъ. Необычно было, безъ всякаго дѣла, просто такъ, кататься по озеру. И мужъ такой ласковый. Ей было такъ хорошо, что лучшаго нельзя и желать.

Либерій бросилъ весло, перешелъ къ ней и накинулъ ей на плечи свой собственный пиджакъ, застегнувъ его подъ подбородкомъ.

— Ну, такъ можно ѣхать хоть цѣлую ночь, — улыбнулась она.

— Хорошо на водѣ,—отвѣтилъ онъ и снова взялся за весло.

Тяжелое деревянное весло беззвучно погружалось и снова поднималось кверху. Нерѣдко бурное, озеро казалось теперь какъ будто уснувшимъ.

Его крутые, каменистые берега вырисовывались особенно четко; недвижны были и кусты, выросшіе изъ этихъ сѣрыхъ стѣнъ. Стройныя ели застыли на высокихъ утесахъ. Даже два-три облачка, бѣлѣвшія надъ горами, не двигались и не плыли, а какъ будто приросли къ вершинамъ.

— Пора уже спать,—сказала Изидора и начала шопотомъ читать „Ave Maria“.

До дому было уже недалеко. На монастырской колокольнѣ звонили въ колоколъ. Звуки неслись имъ навстрѣчу, какъ будто падали около нихъ въ тихую воду и продолжали звучать тамъ въ глубинѣ. Такъ, подъ колокольный звонъ, они ѣхали послѣднюю часть дороги.

Либерій помогъ женѣ выйти изъ лодки. Потомъ наносилъ

воды, которую она носила обыкновенно сама изъ колодца когда же стемнѣло, онъ усѣлся на скамеечку передъ домомъ и кликнувъ жену, усадилъ ее рядомъ съ собой.

Съ этого дня для обоихъ началась какая-то особенная, безмятежно-спокойная жизнь. Сначала это шло отъ Либерія. Замѣтивъ, съ какимъ участіемъ отнесся врачъ къ Изидорѣ, онъ обрадовался: ему стало пріятно, что у него такая жена. И, чѣмъ дальше, тѣмъ пріятнѣе. Быть-можетъ, эта радость обладанія ею и не разрослась бы такъ сильно, еслибы наряду съ нею въ душѣ рыбака не жилъ страхъ скорой утраты и еслибы сама жена его въ эти дни не старалась выказать себя съ лучшей стороны. Его ласковое, заботливое отношеніе оживило и въ ней любовь, которая еще не успѣла остыть и растратиться по мелочамъ. За всякую маленькую услугу она спѣшила отплатить ему двумя. Каждый изъ нихъ наперерывъ старался угодить другому, доставить ему удовольствіе, и это придавало дому особый уютъ. Впереди было еще цѣлое лѣто,—а когда же и жить, и радоваться жизни, какъ не лѣтомъ? Изидора чувствовала себя хорошо, если не считать надоѣдливаго кашля и того, что она быстро уставала отъ всякаго дѣла. Какъ и прежде, она справляла всю домашнюю работу и ухаживала за маленькимъ садикомъ, теперь полнымъ пестрыхъ цвѣтовъ.

Удовлетворенность, наполнявшая души обоихъ, скрашивала для нихъ и маленькій бѣдный домикъ, и садикъ, сплошь заросшій цвѣтами. Все это принадлежало имъ, и они представлялись сами себѣ богачами. Безмолвные, но радостные, обходили они свои владѣнія, порою безсознательно дотрогиваясь до какого-нибудь куста или цвѣтка, и имъ отрадно было сознавать, что цвѣтокъ этотъ растетъ въ ихъ саду. Порой, когда они входили въ низкую горницу, горячая кровь волной приливала имъ къ сердцу, такъ имъ казалось здѣсь свѣтло, хорошо и уютно. Комнатка, словно двумя глазами, смотрѣла двумя окошечками на озеро, на которомъ постоянно мѣнялся свѣтъ—ясный утромъ, горячій въ полдень, таинственный вечеромъ, пламенный въ тяжелый лѣтній зной и почти гаснущій во время грозы. Нерѣдко, когда разыгравшаяся на озерѣ буря не позволяла рыбаку ѣхать на ловлю, мужъ и жена вмѣстѣ сидѣли у окна и смотрѣли на озеро. И, въ то время, какъ дождь хлесталъ по стѣнамъ и громъ перекатывался отъ горы къ горѣ, глухо ворча, какъ великанъ, запертый въ подземную темницу, они сидѣли у окна: Изидора—съ работой, Либерій—съ трубкой, почти не разговаривая между собою и не испытывая потребности выражать свои мысли словами.

Въ эти недѣли имъ совсѣмъ не хотѣлось видѣть людей. Когда Либерій уѣзжалъ продавать наловленную рыбу, жена его оставалась дома. По воскресеньямъ оба шли въ церковь. Тутъ они разговаривали съ знакомыми изъ сосѣдней деревни, и съ виду ничѣмъ не отличались отъ нихъ, но, сами того не замѣчая, спѣшили вернуться домой.

Лѣто могло бы смѣло погостить еще недѣльки двѣ, когда погода вдругъ круто перемѣнилась. Начались холодные дожди, сильныя грозы. Затѣмъ выпалъ снѣгъ на горахъ и вплоть до нижнихъ пастбищъ; рѣзкій вѣтеръ свисталъ надъ озеромъ. Изидора все жаловалась, что ей холодно, и кашляла сильнѣе прежняго, потомъ слегла. Либерій поѣхалъ къ доктору въ Швицъ. Тотъ далъ ему новыхъ лекарствъ, но тутъ же предупредилъ:

„Имѣйте въ виду, что жена ваша уже недолго останется съ вами". Изидора, однако, поправилась. Но теперь, когда Либерій иной разъ украдкой взглядывалъ на нее, она вдругъ начинала казаться ему чужой.

Порою онъ даже испытывалъ легкій страхъ передъ нею, но еще больше прежняго старался быть поближе къ ней. Когда ея не было съ нимъ, ему становилось какъ-то не по себѣ, хоть онъ и не отдавалъ себѣ отчета—почему. Не то, чтобъ между ними была какая-нибудь особенная нѣжность: это не въ обычаѣ у крестьянъ. Каждый былъ занятъ своей работой или своими мыслями. И разговаривали они между собою по-прежнему грубо; но вспыльчивый рыбакъ мгновенно овладѣвалъ собою при одномъ взглядѣ на жену, и оба все время словно боялись, какъ бы чѣмъ нибудь не согрѣшить, хотя бы привычнымъ для обоихъ браннымъ словомъ. Благоговѣйный страхъ передъ чѣмъ-то великимъ, таинственнымъ, надвигавшимся на нихъ, дѣлалъ обоихъ тихими и особенно добрыми.

Неожиданно установились теплые осенніе дни. Воздухъ былъ необычайно прозраченъ и ясенъ. Хижина вся словно купалась въ свѣтѣ. Горы какъ будто еще выросли и небо раздвинулось. Медленно ползли облака, одинокія и безшумныя. Почти также безшумно скользилъ по озеру челнокъ рыбака, ежедневно, какъ и прежде, выѣзжавшаго на ловитву, теперь—всегда въ сопровожденіи Изидоры. Либерій забрасывалъ неводъ и вытягивалъ его изъ воды, или же часами сидѣлъ съ удочкою въ рукѣ, и почти всегда думалъ теперь о женѣ—о томъ, какъ странно, что этотъ другой человѣкъ, рядомъ съ нимъ сидящій въ лодкѣ, еще такой молодой, уже наканунѣ того, чтобъ уйти изъ этого міра. Онъ смотрѣлъ на этотъ окружающій міръ и ему было жалко

Изидоры, которая должна уйти изъ него. И потому именно, и родныя горы, и вечеръ, и день казались ему краше, чѣмъ когда-либо. Взоръ его сталъ какъ-то глубже; какой-то теплый свѣтъ появился въ его глазахъ. И постепенно оба—и Либерій и Изидора наполнились этимъ теплымъ свѣтомъ.

Когда въ монастырѣ начинали звонить къ вечернѣ, они направляли челнокъ обратно къ берегу. И хорошо было скользить по влагѣ озера, вглядываясь въ даль, постепенно окутывавшуюся туманомъ.

Въ одинъ изъ такихъ дней молодая женщина чувствовала себя особенно слабой. Но солнце свѣтило такъ ослѣпительно ярко, что она не захотѣла остаться дома. Нѣсколько часовъ они провели на озерѣ. Либерій окуталъ одѣяломъ худенькую полудѣтскую фигурку своей спутницы и направилъ челнокъ къ берегу. Неожиданно изъ монастыря донеслось пѣніе. Хоръ монахинь репетировалъ заупокойную обѣдню. Сначала гудѣлъ органъ. Потомъ, словно вырвавшись изъ какихъ-то темныхъ глубинъ, звуки органа покрыли голоса монахинь, пѣвшихъ „Requiem aeternam dona eis". Звуки исходили сначала изъ глухого гудѣнія органа, потомъ какъ бы изъ сѣрыхъ стѣнъ монастыря, и точно широкими взмахами крыльевъ разносились по озеру. И, казалось, пѣснь плыветъ по водѣ, замирая вдали, и поетъ прибрежнымъ утесамъ: „Вѣчный покой" и летитъ въ высь, теряясь въ поднебесьѣ. Requiem! Requiem aeternam dona eis!

Либерій увѣренно правилъ весломъ. Изидора, съежившись, сидѣла на кормѣ, кутаясь въ одѣяло. Та же тишина, была въ нихъ и надъ ними...

Въ эту ночь кончилась земная жизнь Изидоры. Смерть ея была такъ безболѣзненна, что рыбакъ только утромъ замѣтилъ, что она мертва. Какъ будто и своимъ уходомъ она не хотѣла нарушить великой тишины и покоя, наполнявшихъ хижину и жизнь обитавшихъ въ ней.

Либерій похоронилъ ее. Держалъ онъ себя на похоронахъ совершенно такъ же, какъ всякій другой крестьянинъ, у котораго умерла жена; толковалъ о ея смерти съ знакомыми изъ сосѣдней деревни. „Да, вотъ оно какія дѣла. Впрочемъ, вѣдь мы давно это знали".

Это было жесткое слово. Послѣ похоронъ онъ зашелъ въ трактиръ выпить стаканчикъ. Шелъ домой, заложивши руки въ карманы и, какъ только вошелъ въ свою хижину, сейчасъ же усѣлся за починку сѣти, какъ будто его только на минуту оторвали отъ этой работы.

И все-же — все-же, въ томъ уголкѣ на берегу озера, гдѣ стоитъ хижина рыбака Либерія, царитъ все та же торжественная, странная тишина. И въ хижинѣ, и въ немъ самомъ. Когда видишь его со стороны, суховатаго, жилистаго, загорѣлаго, съ угловатыми и рѣзкими чертами лица, обросшаго, словно мохомъ, круглой черной бородой и похожими на шерсть черными волосами, не вѣрится этому. А между тѣмъ — это такъ. Какая-то особая мечтательность въ немъ, какая-то молитвенная благоговѣйность. Съ тѣхъ поръ, какъ я случайно нашелъ дорогу къ его хижинѣ и къ его дружбѣ, я иной разъ подолгу живу у него. Не потому, чтобы онъ былъ интересный собесѣдникъ или, вообще, чѣмъ-нибудь замѣчателенъ. Мы иной разъ часами молча сидимъ съ нимъ въ лодкѣ, или въ хижинѣ. Но какъ разъ въ молчаніи это и сказывается: какая-то тихая, зачарованная покорность, которую наложила на него и на его домъ тяжкая болѣзнь Изидоры, спокойное отсутствіе желаній, какая-то особенная радость дарамъ преходящаго мига. Онъ еще живетъ и дышетъ, но сознаетъ и чувствуетъ близость Смерти.

2.

Встрѣча.

Кристофъ Штадтманъ выколачивалъ молоточкомъ кожу. Солнце, припекавшее на улицѣ бѣлую мостовую, не могло всей жгучестью своихъ лучей проникнуть въ сапожную мастерскую, лежавшую ниже улицы. Ему удавалось только бросить отраженіе окна, въ видѣ узкаго, длиннаго, свѣтящагося четыреугольника, на сѣро-зеленую деревянную стѣну.

Канарейка, висѣвшая въ клѣткѣ какъ разъ возлѣ этого солнечнаго четырехугольника, все же обрадовалась и запѣла. Кристофъ сидѣлъ согнувшись, въ зеленомъ передникѣ, въ стоптанныхъ туфляхъ. Старательно и ловко дѣлалъ онъ свое дѣло, не поднимая глазъ, когда камни надъ его окномъ звенѣли подъ ногой у прохожаго, тѣнь котораго таинственно скользила по мастерской. Только когда у дверей пугливо задребезжалъ звонокъ, словно внезапно разбуженный отъ уютной дремы, онъ медленно поднялъ голову съ торчавшими кверху жесткими волосами и повернулъ ее къ двери, въ ожиданіи посѣтительницы, спускавшейся къ нему по узенькой и крутой деревянной лѣсенкѣ. Миніатюрныя ножки увѣренно и граціозно сту-

пали на слегка скрипѣвшія подъ ними ступени. Вслѣдъ за ножками появилась молодая стройная фигура въ синемъ платьѣ, и вскорѣ Кристофъ Штадтманъ увидалъ передъ собою узенькое личико съ живыми свѣжими красками и мягкими каштановыми волосами, заплетенными въ косы и обвитыми вокругъ головки, точно красивая рамка.

Молодой сапожникъ не поднялся навстрѣчу ей съ своего табурета—посѣтители въ мастерской были часты, и онъ не привыкъ отрываться для нихъ отъ работы,—но все же онъ положилъ молотокъ, и на поклонъ вошедшей отвѣтилъ привѣтливо: „Здравствуйте, барышня“.

„Барышня“ вынула пакетъ изъ принесеннаго съ собою соломеннаго мѣшка и протянула его сапожнику. Въ пакетѣ была пара башмаковъ, не очень изящнаго покроя и грубой кожи, но все же хорошенькихъ и, видимо, принадлежавшихъ самой посѣтительницѣ. На діалектѣ, не похожемъ на тотъ, на которомъ говорилъ самъ сапожникъ, она стала просить Кристофа какъ можно скорѣе починить ей башмаки. Когда же тотъ, ласково, но съ видомъ сомнѣнія покачалъ головою и заговорилъ о томъ, что у него много спѣшной работы, она нѣсколько смущенно пояснила, что она здѣсь въ городѣ не надолго, и башмаки ей необходимы; безъ нихъ она не можетъ вернуться домой. Тутъ только Кристофъ приглядѣлся внимательнѣе къ своей заказчицѣ—и по всему обличью ея, рѣшилъ, что она не здѣшняя: должно быть изъ какого-нибудь горнаго кантона, гдѣ женщины выше ростомъ и стройнѣе, и выше держатъ голову. Платье незнакомки было не съ высокимъ воротникомъ, какъ носятъ горожанки, а съ небольшимъ вырѣзомъ, изящно обрамленнымъ бѣлой шелковой косынкой, падавшей треугольничкомъ сзади. Изъ-подъ косыночки виднѣлась почти столь же бѣлая шея, благородный рисунокъ которой и бѣлизна составляли такой изящный красивый контрастъ съ темными волосами.

Въ радостномъ изумленіи Кристофъ невольно раскрылъ глаза, замѣтивъ, какъ привлекательна была внѣшность незнакомки. Онъ невольно всталъ и въ его спокойной учтивости теперь уже сквозило желаніе угодить.

— Барышня, должно-быть, пріѣхала къ намъ на праздникъ стрѣлковъ? — освѣдомился онъ, ссылаясь на ея слова, что она въ городѣ всего на нѣсколько дней.

— Вовсе нѣтъ, — возразила она улыбаясь. Ей стало даже смѣшно: мыслимо-ли, чтобы дѣвушка поѣхала въ другой городъ изъ-за праздника стрѣлковъ?

Но онъ совершенно серьезно и нѣсколько наставительнымъ тономъ сталъ объяснять ей, что это для города большая честь: швейцарскіе стрѣлки именно здѣсь будутъ справлять свой праздникъ. Онъ объяснилъ ей, что по этому случаю въ ихъ городъ стекается масса народу со всѣхъ концовъ Швейцаріи, и городокъ, съ своей стороны, всячески старается повеселить и порадовать своихъ гостей. Его горячность заставила дѣвушку повнимательнѣе приглядѣться къ молодому сапожнику, и взоръ ея не безъ удовольствія остановился на немъ. Онъ былъ рослый и сильный, съ необычайно живыми карими глазами; по его статной фигурѣ вы никогда не угадали бы, что онъ ведетъ сидячую жизнь.

Его смуглое, съ черными усиками, лицо еще усиливало впечатлѣніе молодой, здоровой мощи, производимое всей его фигурой. Неожиданно для самихъ себя, они скоро вступили въ гораздо болѣе оживленный разговоръ, чѣмъ обыкновенно бываетъ между ремесленникомъ и его заказчиками. Затѣмъ Кристофъ взялъ свою книгу, куда онъ вписывалъ заказы, и попросилъ посѣтительницу назвать себя. Твердымъ, немного неуклюжимъ почеркомъ, онъ старательно вывелъ: „Марія Кавицель“ и тотчасъ же вернулся къ прерванному разговору.

— Да, да, барышня, — говорилъ онъ,—въ этихъ дѣлахъ я таки знаю толкъ и въ воскресенье самъ думаю принять участіе въ состязаніи.

— Значитъ, вы тоже стрѣлокъ? — спросила дѣвушка и повернулась, собираясь уходить.

Но онъ, увлеченный разговоромъ, знакомъ удержалъ ее и подошелъ къ небольшому шкафчику чернаго дерева, висѣвшему на стѣнѣ, въ глубинѣ мастерской.—Разумѣется, я стрѣлокъ,— подтвердилъ онъ не безъ гордости и отперъ шкафчикъ, приглашая Марію Кавицель подойти ближе.

Въ ящикѣ, выложенномъ чернымъ бархатомъ, лежало съ полдюжины кубковъ различной величины — все призы, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ полученные Кристофомъ Штадтманомъ за стрѣльбу.

Дѣвушка осмотрѣла серебряные кубки, съ бо̀льшимъ почтеніемъ перевела взглядъ на ихъ обладателя и созналась сама себѣ, что ружье должно быть ему очень къ лицу и что онъ, со своей могучей фигурой и задорно блестящими глазами—настоящій типъ храбраго защитника отечества. Она ушла изъ мастерской съ сознаніемъ, что случайно сдѣлала интересное и пріятное знакомство—и ушла, пожалуй, болѣе радостной, чѣмъ пришла, невольно унося въ памяти образъ молодого ремесленника-стрѣлка.

По уходѣ заказчицы, Кристофъ Штадтманъ снова усѣлся на свой табуретъ и взялся за прерванную работу. Но уже не могъ работать такъ усердно, какъ раньше. Молотокъ нерѣдко лежалъ безъ употребленія рядомъ съ отдыхавшей рукой, и молодой сапожникъ не разъ ловилъ себя на томъ, что, задумавшись, сидитъ сложа руки и смотритъ въ окно или же, прислушиваясь къ дребезжанію звонка, воображаетъ, что это опять идетъ къ нему Марія Кавицель. Кончилось тѣмъ, что онъ вынулъ изъ отложеннаго пакета ея башмачки, оглядѣлъ ихъ любовно и тотчасъ же принялся за ихъ починку. И сердце его радостно билось при мысли, что онъ работаетъ для такой молодой и красивой дѣвушки.

Миновало утро, насталъ полдень. Ровно въ двѣнадцать отворилась дверь, ведущая изъ мастерской въ жилую комнату, и на порогѣ появилась средняго роста, опрятно одѣтая, уже немолодая женщина съ умнымъ и спокойнымъ лицомъ и съ просѣдью въ волосахъ. Это была г-жа Штадтманъ, спокойно и ласково звавшая мужа обѣдать.

Кристофъ Штадтманъ, круглый сирота, безъ гроша за душой, былъ отданъ старостой своей деревни въ ученье къ сапожнику Вазеру. Мальчикъ оказался способнымъ и хорошимъ работникомъ, вскорѣ заслужилъ довѣріе своего мастера, человѣка болѣзненнаго и хилаго, и сравнительно очень рано сдѣлался его подмастерьемъ и правой рукой. Когда Вазеръ умеръ, вдова его, знавшая подмастерья за хорошаго, надежнаго человѣка, предложила ему завѣдывать мастерской. Кристофъ, раскинувъ умомъ, сообразилъ, что и для него выгодно оставаться въ дѣлѣ, которое приноситъ хорошій доходъ. Отношенія съ хозяиномъ и съ хозяйкой у него и раньше были очень дружественныя. Такими же дружественными остались они, послѣ смерти Вазера, между Кристофомъ и хозяйкой, славной, честной и пригожей женщиной, лѣтъ на десять старше его. И никто, и менѣе всѣхъ наиболѣе близко заинтересованныя лица, не удивился, когда два года спустя, соблюдая каждый свою выгоду, они повѣнчались. Жили они дружно, согласно. Мина Штадтманъ хозяйничала, вела книги, завѣдуя не сложной счетной частью ихъ дѣла, и мало бывала на людяхъ, довольствуясь тѣмъ небольшимъ кругомъ дѣятельности, который отвела ей судьба. Она съумѣла устроить своему юному мужу такую удобную, спокойную и пріятную жизнь, что у того никогда не проскальзывало ни малѣйшаго желанія перемѣны. Дѣтей у нея не было, какъ и отъ перваго брака. Тѣмъ легче имъ

было улучшать свое матеріальное положеніе и условія своей жизни. Сознаніе, что они богатѣютъ, еще увеличивало довольство Кристофа, хорошо помнившаго, въ какой нищетѣ онъ жилъ въ дѣтствѣ.

Но теперь въ жизнь Кристофа Штадтмана вошла другая женщина—молодая, стройная дѣвушка, Марія Кавицель. Съ виду ничто не измѣнилось. Юный сапожникъ былъ по-прежнему ровенъ и ласковъ съ женой, и старѣющая женщина даже не замѣчала, что мужъ ея сталъ разсѣянъ и порой сидитъ, сложа руки, задумчиво глядя вдаль. А между тѣмъ, когда что-нибудь внезапно вырывало его изъ этой задумчивости, смуглыя щеки Кристофа вспыхивали, какъ будто его поймали на чемъ-то дурномъ. Откуда же было знать фрау Минѣ, что тамъ внизу, въ мастерской стоитъ пара дѣвичьихъ башмачковъ, особенно старательно и быстро починенныхъ, и тотъ, кто чинилъ ихъ такъ тщательно, съ безсознательной тревогой и нетерпѣніемъ ждетъ не дождется, когда за ними придетъ ихъ обладательница.

Марія Кавицель пришла днемъ позже, чѣмъ назначила, и на этотъ разъ не яснымъ утромъ, а подъ вечеръ, когда уже смерклось.

Дѣло было подъ праздникъ, въ субботу. Фрау Мина была занята уборкой и чисткой въ комнатѣ за мастерской, гдѣ они жили, а мужъ ея сидѣлъ на своемъ табуретѣ и уже собирался шабашить, такъ какъ почти всѣ заказы на воскресенье были уже готовы и сданы.

Кристофъ и то ужъ дивился, что это не показывается его молоденькая заказчица. Его почти раздражало это: зачѣмъ же было такъ упрашивать его, чтобы онъ скорѣе починилъ? И тутъ же онъ начиналъ выговаривать себѣ: быть можетъ тогда, внезапно заинтересовавшись дѣвушкой, онъ былъ безсознательно слишкомъ назойливъ или черезчуръ разболтался... Погруженный въ мысли о ней, волнуемый внутренней смутной тревогой, онъ даже испугался немного и вздрогнулъ, когда у дверей задребезжалъ звонокъ и на лѣстницѣ появилась Марія. Лицо ея раскраснѣлось, какъ-бы отъ волненія; темные глаза блестѣли еще ярче.

— Не очень поздно?—спросила она, нѣсколько сконфуженно здороваясь, и сейчасъ же принялась объяснять, что родственники, у которыхъ она гоститъ, наканунѣ предприняли съ ней большую прогулку за городъ, поздно вернулись, и она никакъ не могла зайти, но теперь у нея уже всѣ вещи уложены, и завтра она уѣзжаетъ.

Отъ одного ея появленія досада молодого сапожника сразу разсѣялась. Когда же она заговорила съ нимъ такъ ласково и

какъ-будто прося прощенія, это какъ-то странно его взволновало, и его лицо тоже вспыхнуло смуглымъ румянцемъ. Онъ началъ завертывать въ бумагу ея башмаки, но руки плохо его слушались и дѣло не клеилось, а самъ тѣмъ временемъ разспрашивалъ ее, куда-же она уѣзжаетъ: назадъ, въ свои горы?

Она улыбнулась, не понимая вопроса; тогда онъ объяснилъ ей, что, судя по ея фамиліи, онъ предполагаетъ, что она изъ какого-нибудь горнаго кантона.

— Это вѣрно, — сказала она. — Но только она давно уже живетъ въ деревнѣ, по ту сторону горы, къ которой примыкаетъ съ запада городъ. Отецъ ея—кузнецъ, и они такъ хорошо сжились съ равнинами Восточной Швейцаріи, что она стала имъ второю родиной.

Когда Марія назвала хорошо знакомую ему деревню, Кристофъ насторожился.

— Такъ вѣдь вамъ, значитъ, завтра придется проходить какъ разъ черезъ ту площадь, гдѣ стрѣлки справляютъ свой праздникъ?

— Я знаю,—сказала она. И оба вдругъ покраснѣли, какъ будто каждый прочелъ и угадалъ мысли другого, и у каждаго, какъ молнія, мелькнула мысль о возможности еще разъ встрѣтиться.

— Вы завтра пойдете на стрѣльбу?—сконфуженно спросила Марія.

Вмѣсто отвѣта Кристофъ освѣдомился, когда именно она думаетъ пойти домой. Она отвѣтила, что выйдетъ не слишкомъ рано, но все-же такъ, чтобы къ полудню быть дома, а до ихъ деревни три часа ходьбы. Тогда онъ сказалъ, что къ этому времени онъ уже навѣрное будетъ на стрѣльбищѣ.

— Я буду поглядывать, не идете-ли вы, и воспользуюсь случаемъ еще разъ попрощаться съ вами.

Почти безсознательно и потому именно, что оба смутились и растерялись, они въ сущности условились еще разъ встрѣтиться. Тѣмъ временемъ башмаки были упакованы и пакетъ перевязанъ веревкой. Марія взяла его, вынула изъ кармана кошелекъ и спросила, сколько стоитъ починка. Этотъ маленькій инцидентъ, вполнѣ естественный между ремесленникомъ и заказчицей, опять странно смутилъ обоихъ. У Кристофа было такое чувство, какъ будто онъ не можетъ допустить, чтобъ эта рука заплатила ему за работу, которая была для него радостью. А Маріи, прекрасно замѣтившей его смущеніе, тоже было какъ-то совѣстно и казалось какъ-то унизительнымъ стоять передъ нимъ съ раскрытымъ кошелькомъ. Въ концѣ концовъ, молодой сапожникъ,

весь красный, какъ ракъ, пробормоталъ что-то о томъ, что „трудъ не великъ“ и „работы такъ мало, что объ этомъ и говорить не стоитъ“. Марія еще больше сконфузилась и, конечно, запротестовала. Въ это время отворилась задняя дверь мастерской и вошла фрау Мина.

Пожилая женщина, съ открытымъ, добродушнымъ лицомъ, привѣтливо поклонилась незнакомой барышнѣ и, видимо не желая мѣшать дѣловому разговору своего мужа съ заказчицей, отошла къ комоду, стоящему у стѣны и начала рыться въ немъ.

На лицѣ Маріи выразилось удивленіе. Взглядъ ея вопросительно остановился на Кристофѣ и затѣмъ невольно скользнулъ ниже, къ смуглой рукѣ, ища на ней кольцо, которое должно было объяснить ей, въ какомъ соотношеніи находится сапожный мастеръ къ только что вошедшей женщинѣ. И сейчасъ же она удивилась, какъ она раньше не замѣтила этого кольца, хоть и узенькаго, потертаго, но все-же блестѣвшаго на жесткомъ пальцѣ сапожника. Безъ объясненій она поняла, что видитъ передъ собой жену Кристофа. Это внезапное открытіе такъ смутило ее, что она даже забыла объ уплатѣ. Она поблѣднѣла и отступила назадъ къ лѣсенкѣ, но при этомъ еще разъ посмотрѣла въ лицо сапожнику; тотъ съ своей стороны невольно поднялъ глаза. Она замѣтила смущеніе и въ его лицѣ, но скоро честность взяла верхъ, и каріе глаза смотрѣли на нее уже искренно и прямо, почти улыбаясь. Взглядъ этотъ ясно, безъ словъ, говорилъ ей: зачѣмъ же мнѣ скрывать отъ тебя, дѣвушка, что ты мнѣ нравишься, когда я еще молодъ, не гоняюсь за женщинами и ничего мнѣ отъ тебя не нужно, какъ только радоваться, глядя на тебя и вспоминая тебя. Какъ-то странно успокоенная этимъ правдивымъ, искреннимъ взглядомъ, Марія почувствовала приливъ еще большей симпатіи къ молодому сапожнику. Кротко и серьезно пожелала она ему доброй ночи, поблагодарила за то, что онъ во время сдѣлалъ работу, и, привѣтливо поклонившись его женѣ, вышла изъ мастерской.

Кристофъ, проводивъ ее, снова усѣлся на свой табуретъ. Фрау Мина подошла къ нему и спросила безъ особеннаго интереса, кто эта заказчица. Кристофъ спокойно разсказалъ женѣ, что онъ зналъ о ней.

Фрау Мина тотчасъ же перевела разговоръ на то, для чего она пришла въ мастерскую, и, ни единаго фальшиваго звука не внесъ этотъ маленькій инцидентъ въ отношенія обоихъ супруговъ.

Нельзя отрицать, что въ этотъ вечеръ, несмотря на все благоразуміе и самыя добрыя намѣренія, какъ Марія Кавицель, такъ и мейстеръ Кристофъ, передъ тѣмъ, какъ уснуть, думали о многомъ, и мысли ихъ были далеко не такъ невинны, какъ внѣшнее ихъ поведеніе. Каждый изъ нихъ невольно думалъ о другомъ, невольно радовался, вызывая въ памяти его образъ, и имъ не удавалось подавить въ себѣ нетерпѣнія и любопытства при мысли о завтрашнемъ днѣ и о томъ, сведетъ ли онъ снова ихъ вмѣстѣ.

Настало воскресенье. Фрау Мина подивилась, что мужъ ея, въ праздники обыкновенно пользовавшійся случаемъ подольше поспать, поднялся ни свѣтъ ни заря, и съ лукавой улыбкой замѣтила, что праздникъ стрѣлковъ — его единственная страсть. Стрѣлокъ облачился въ свѣтлый костюмъ, на голову надѣлъ легкую войлочную шапочку, закинулъ ружье за плечо и, хотя идти еще было совсѣмъ не время, зашагалъ черезъ весь городъ по направленію къ стрѣльбищу. Утро было веселое, свѣтлое, сулившее яркій день. Утреннее солнышко весело озаряло выкрашенные въ свѣтлую краску дома и бѣлыя пыльныя улицы. Городъ обрамляли холмы и лѣса въ новомъ весеннемъ уборѣ. Далекія очертанія горъ и линія горизонта были окутаны легкой дымкой. Озеро лежало синее и неподвижное, межъ зеленѣющихъ береговъ, и краски воды представляли такой же чудесный контрастъ съ мягкой муравою прибрежныхъ луговъ, какъ ослѣпительно бѣлыя стѣны городскихъ зданій—съ нѣжнымъ, полнымъ просвѣтовъ весеннимъ уборомъ лѣсовъ. Изъ каждаго сада неслось навстрѣчу Кристофу радостное пѣніе птичекъ. На улицахъ было большое движеніе. Въ особенности много виднѣлось стрѣлковъ; съ ружьемъ за плечами, съ билетикомъ на право участія въ стрѣльбѣ, заткнутымъ за ленту на шляпѣ, всѣ они направлялись за городъ, къ стрѣльбищу. Порой раздавалась музыка. Это выступали ферейны, съ знаменами, развѣваемыми свѣжимъ утреннимъ вѣтеркомъ. Потомъ всѣ шумные звуки покрылъ веселый перезвонъ колоколовъ. Это въ церквяхъ благовѣстили къ ранней обѣднѣ.

Кристофъ Штадтманъ прислушивался къ колокольному звону. Звуки точно плыли въ чистомъ, пронизанномъ свѣтомъ воздухѣ. И была какая-то праздничная, торжественная жизнь въ этихъ звукахъ, не спускавшихся до полныхъ будничной жизни улицъ. Они невольно возносили душу надъ тѣмъ, чѣмъ жили эти улицы. Молодой сапожникъ шелъ ясный и радостный, какъ никогда,

словно самъ пронизанный солнечнымъ свѣтомъ. Онъ самъ не узналъ бы себя, еслибъ сумѣлъ осознать свое душевное состояніе.

Онъ все время тревожился, какъ бы не встрѣтить кого-нибудь изъ своихъ многочисленныхъ знакомыхъ; въ эти минуты ничто бы не могло быть ему непріятнѣе, какъ быть вынужденнымъ вести разговоръ, который оторвалъ бы его отъ его мыслей. Поэтому онъ смотрѣлъ прямо передъ собой, не глядя по сторонамъ, и все ускорялъ шагъ. Онъ ужъ почти забылъ, что у него за плечами ружье и что идетъ онъ на праздникъ стрѣлковъ, въ надеждѣ взять призъ. Онъ думалъ о домѣ и о той, кого ждалъ. О домѣ ему напоминалъ его собственный, необычно нарядный костюмъ—блестящая черная шляпа, пестрый галстучекъ, красиво выдѣлявшійся на бѣлоснѣжной манишкѣ—все это было заранѣе тщательно вычищено и приготовлено заботливой любовной рукой, и Кристофъ не безъ удовольствія вспоминалъ о томъ, какъ онъ, проснувшись, нашелъ уже все готовымъ. Весело и ласково снаряжала его жена, всегда довольная, когда онъ можетъ доставить себѣ какое-нибудь удовольствіе. Хотя она и старалась не показать этого, а все же онъ видѣлъ, съ какой гордостью она смотрѣла ему вслѣдъ. Онъ почувствовалъ сердечное уваженіе къ этой женщинѣ, и у него стало какъ-то особенно хорошо на душѣ. И, тѣмъ не менѣе, въ немъ жило ожиданіе, которое нѣтъ-нѣтъ да и всколыхнетъ горячей волной мирную гладь души. Чѣмъ ближе къ стрѣльбищу, тѣмъ эти набѣгавшія волны становились бурнѣй и крупнѣе.

Онъ уже видѣлъ флаги, развѣвавшіеся на высокихъ шестахъ—бѣлые съ синимъ и красные съ бѣлымъ. Вскорѣ улицы кончились, дома отступили назадъ, и Кристофъ очутился на обширной зеленой равнинѣ. Людей здѣсь было еще немного, и они терялись на огромной площади стрѣльбища. Тамъ и сямъ стрѣлки стояли отдѣльными группами или бродили въ проходахъ между балаганами, которые всѣ тѣснились въ одномъ мѣстѣ; третьи, наконецъ, осматривали стрѣлковый клубъ — съ иголочки новое зданіе, съ ослѣпительно бѣлыми, блестящими на солнцѣ стѣнами, все изукрашенное веселыми яркими флагами. Состязаніе еще не началось; ждали, когда отойдетъ обѣдня. Но уже начинала прибывать публика—мужчины въ темныхъ костюмахъ, разряженныя по праздничному женщины и дѣвушки. Живой потопъ все шире переливался изъ городскихъ улицъ на залитую солнцемъ равнину.

До сихъ поръ ничто не нарушало раздумья Кристофа Штадтмана. Но теперь его начинала угнетать эта пестрая, яркая кар-

тина праздника, ослѣпительно-яркая бѣлизна шатровъ и изумрудная зелень широкаго луга. Ему стала непріятна вся эта праздничная суета и даже состязаніе въ стрѣльбѣ, участіемъ въ которомъ онъ прежде такъ гордился. Ему вдругъ захотѣлось уйти куда-нибудь подальше. Онъ невольно сошелъ съ дороги прямо на траву и остановился поодоль отъ всѣхъ другихъ пѣшеходовъ.

Взоръ его блуждалъ по лѣсистымъ холмамъ, замыкавшимъ площадь стрѣльбища съ запада. Тамъ, съ краю, налѣво, переваливая черезъ гребень холма, шла лѣсомъ тропинка, ведущая въ ту деревню, куда Марія Кавицель думаетъ нынче направить свой путь. Для него вдругъ стало несомнѣннымъ, что и ему предстоитъ идти по этой тропинкѣ, что онъ для этого и пришелъ сюда, а совсѣмъ не для праздника. Медленно зашагалъ онъ по травѣ, свернулъ на дорогу, отлого поднимавшуюся въ гору и обсаженную фруктовыми деревьями, и очутился на той дорожкѣ, которой искалъ. И тогда только оглянулся назадъ. Стрѣльбище осталось далеко внизу. Развѣвались по вѣтру флаги. Кристофу казалось, что онъ слышитъ, какъ хлопаетъ вѣтеръ надутымъ холстомъ. Вотъ донеслись сперва глухіе, потомъ все болѣе громкіе звуки духовыхъ инструментовъ: это входилъ на площадь оркестръ музыкантовъ.

Тамъ, гдѣ стоялъ Кристофъ, было прохладнѣе, чѣмъ на равнинѣ. Свѣжій вѣтеръ шелестилъ листьями фруктовыхъ деревьевъ. Медленно, опустивъ голову, шелъ Кристофъ Штадтманъ дальше. Дорога была безлюдная, какъ это, вообще бываетъ въ праздничные дни съ тропинками, по которымъ и безъ того мало ходятъ. Молодому человѣку пришло въ голову, что Марія Кавицель, быть можетъ, поднялась еще раньше его и уже прошла здѣсь; но эта мысль не огорчила его. Онъ ничего не ждалъ отъ этой встрѣчи: въ немъ была только какая-то праздничная торжественность, тихая радость при мысли, что онъ идетъ той же дорогой, какой уже прошла сегодня или пройдетъ Марія. Тишина возростала по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ лѣсу. Вѣтеръ улегся; стало жарко.

Кристофъ сѣлъ на камень, на опушкѣ молодого буковаго лѣса. Онъ снялъ шляпу и поставилъ ружье рядомъ съ собой на землю. Потомъ задумчиво провелъ рукою по волосамъ. Никогда онъ еще не испытывалъ такого страннаго настроенія. Всѣ, самые тихіе звуки лѣса были внятны его слуху—и жужжаніе мухъ, и пѣніе крохотныхъ жучковъ, и шорохъ прошлогоднихъ листьевъ, разворошенныхъ пробѣжавшей по нимъ мышью или ящерицей. Но на дорогѣ было такъ тихо, какъ будто по ней уже недѣли

и мѣсяцы никто не ходилъ. Для Кристофа Штадтмана это была только дорога, по которой ходитъ Марія. И ему чудилось, что она лишь недавно прошла по ней, и тонкая рука ея отстранила вонъ ту вѣтку, загораживавшую дорогу, и вся ея милая дѣвичья фигура скрылась вонъ тамъ, между деревьями, гдѣ дорога загибаетъ вправо и постепенно теряется въ таинственномъ зеленомъ сумракѣ. То вдругъ ему казалось, что она поднимается въ гору съ зеленыхъ луговъ и идетъ къ нему, вся облитая яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, любуясь пестрымъ цвѣточнымъ ковромъ, усѣявшимъ лугъ, и вокругъ нея вьется рой мотыльковъ. И такъ отчетливо онъ различалъ каждую линію этой стройной, темной фигуры, вырисовывавшейся на свѣтломъ фонѣ...

Ждать пришлось недолго: вскорѣ появилась и сама Марія. Совершенно такъ, какъ онъ видѣлъ ее въ своихъ мысляхъ, шла она, вся облитая яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, и въ первый моментъ онъ не зналъ, греза это или дѣйствительность. И робко смотрѣлъ на приближавшуюся.

На ней было то самое синее платье, въ которомъ онъ въ первый разъ увидѣлъ ее, и шелковый бѣлый платочекъ, свободно развѣвавшійся по спинѣ. На фонѣ яркаго, горячаго свѣта еще красивѣе выдѣлялся контрастъ между блестящими темными волосами и тонкой бѣлой дѣвичьей шейкой.

Въ рукахъ она несла корзиночку съ крышкой, плетеную изъ черной и бѣлой соломы. Корзиночку она повѣсила себѣ на руку и рядомъ съ ней шляпу, которую сняла, какъ только вышла изъ города.

Марія скоро замѣтила сидѣвшаго у дороги. На минуту щеки ея вспыхнули; она наморщила лобъ и замедлила шаги, какъ будто не зная, идти ли ей дальше. Потомъ, стыдливо потупившись, продолжала путь. Она замѣтила, что Кристофъ Штадтманъ поднялся ей на встрѣчу и ждетъ ее въ смиренной, почти сконфуженной позѣ. Это сразу ее успокоило, и она обрадовалась, что еще разъ встрѣтилась съ нимъ. Она ободрилась, подняла голову и привѣтливо кивнула ему. Онъ сдѣлалъ шага два ей навстрѣчу и они поздоровались за руку.

— Вы уже съ праздника?—спросила Марія.

Онъ отрицательно покачалъ головой и, не объясняя, какъ онъ попалъ сюда, молвилъ:

— Если позволите, я немного провожу васъ.

Она опять вскинула на него глаза, въ которыхъ мелькнуло недовѣріе, но, увидавъ его спокойное, открытое лицо, весело отвѣтила:

— Да—пожалуйста.

И маленькая пауза между этими двумя словами ясно показала ему, что ея первоначальное недовѣріе исчезло и смѣнилось искренней радостью.

Сначала они шли молча, лишь отъ времени до времени обмѣниваясь съ трудомъ придуманной фразой. Но постепенно стѣсненіе и неловкость между ними исчезли. Слишкомъ открытое было лицо у Кристофа, чтобы долго чувствовать себя съ нимъ неловко. Онъ видѣлъ, что дѣвушка конфузится, и самъ находилъ нѣсколько страннымъ, что они, такъ мало знакомые, идутъ теперь рядомъ. И потому испытывалъ потребность объяснить это и своей спутницѣ, и самому себѣ.

— Какъ иногда люди быстро знакомятся,—замѣтилъ онъ.— Вотъ мы съ вами идемъ вмѣстѣ по лѣсу, а вѣдь видѣлись мы только два раза и можетъ быть никогда больше не встрѣтимся.

Марія задумчиво кивнула головой. Онъ сталъ весело и оживленно разсказывать о себѣ, безсознательно стремясь показать ей, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло. Онъ началъ съ своего дѣтства, проведеннаго въ нищетѣ, перешелъ къ своему вступленію въ мастерскую мейстера Вазера и съ благодарностью помянулъ добрымъ словомъ покойнаго, который былъ для него всегда вѣрнымъ другомъ. Потомъ, поблескивая своими умными карими глазами, замѣтилъ, что у каждаго человѣка есть свое честолюбіе и желаніе выйти въ люди, и разсказалъ, какъ онъ ухватился обѣими руками за подходящій случай, когда вдова его хозяина скромно и даже черезчуръ смиренно, но ясно дала ему понять, что отъ него зависитъ стать хозяиномъ и въ домѣ, и въ мастерской. И наконецъ, заговорилъ о фрау Минѣ—быть можетъ, все еще подъ впечатлѣніемъ той доброты и заботливости, какую онъ видѣлъ отъ нея нынче утромъ. Онъ не скрылъ, что жена много старше его, но всѣ слова его о ней звучали уваженіемъ и благодарностью и дѣлали честь его доброму сердцу. Марія не могла не замѣтить, что онъ охотно и съ радостью выставляетъ въ самомъ лучшемъ свѣтѣ свою бывшую хозяйку и теперешнюю жену. Но именно эти старанія выдавали, что втайнѣ что-то тяготитъ его совѣсть, что въ чемъ-то онъ чувствуетъ себя виноватымъ передъ женой и старается это загладить, воздавая ей должное. Какъ ни молода была Марія Кавицель, какъ ни мало она знала жизнь, все же она обладала той чуткостью сердца и умѣньемъ разбираться въ самой себѣ, которыя позволяютъ угадывать движенія души у другихъ людей. И вскорѣ она почувствовала, что то, о чемъ она догадывалась, не рѣ-

шаясь въ этомъ признаться самой себѣ, подтверждается: Кристофъ чувствуетъ влеченіе къ ней. Въ ней самой росла симпатія къ ея спутнику; бесѣдуя съ нимъ, она все больше убѣждалась, что онъ хорошій, честный человѣкъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ теплѣе звучали коротенькія фразы, которыми она время отъ времени прерывала его разсказъ; порой она вскидывала длинныя рѣсницы и останавливала на шедшемъ съ нею рядомъ молодомъ человѣкѣ ласковый, дружескій взглядъ. Это спокойное и безсознательно ласковое отношеніе, въ свою очередь, позволяло молодому стрѣлку догадываться, что онъ ей не противенъ, и отъ этой мысли у него пылали лобъ и щеки. Они еще не успѣли углубиться въ лѣсъ, какъ обоихъ уже охватило никогда раньше не испытанное блаженное чувство. Почти не разговаривая, они шли рядомъ, и только взоры ихъ, изрѣдка встрѣчаясь, говорили внятнымъ языкомъ объ ихъ радости.

Лѣсная тропинка почти сплошь шла подъ навѣсомъ густой листвы. Лишь изрѣдка яркій солнечный лучъ побѣдоносно прокладывалъ себѣ путь сквозь этотъ навѣсъ. И тогда оба, почувствовавъ его жаркую ласку на своихъ щекахъ, начинали хвалить чудесный день, не зная, что онъ кажется имъ вдвое свѣтлѣе и краше отъ того солнца, которое они несли въ самихъ себѣ. Они шли долго и медленно. Марія собиралась къ полудню вернуться домой, но уже было за полдень, когда лѣсъ неожиданно кончился и они снова, какъ передъ вступленіемъ въ него, очутились передъ зеленымъ, залитымъ солнечными лучами лугомъ. Безчисленное множество пестрыхъ, разноцвѣтныхъ мотыльковъ рѣяли надъ этимъ лугомъ, одѣтымъ въ самый роскошный весенній уборъ изъ желтыхъ, синихъ и алыхъ цвѣтовъ. Такъ странно было, только что выйдя изъ тѣнистаго безмолвія лѣса, смотрѣть на эти богатства, разсыпанныя щедрою рукою жаркаго лѣта по зеленому лугу. Казалось, передъ ними открылся иной, роскошнѣйшій міръ. Марія и ея спутникъ невольно замедлили шагъ. Кристофъ взглянулъ на часы. „Мнѣ надо назадъ“.—Въ эту минуту шелковый платочекъ, который Марія немного спустила съ плечъ на ходу, совсѣмъ развязавшись, соскользнулъ на землю. Кристофъ поднялъ его, и Марія тотчасъ же протянула руку, чтобъ взять его. И тутъ у обоихъ мелькнула одновременно одна и та же мысль.

Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ Кристофъ Штадтманъ медлилъ возвратить платочекъ: онъ лежалъ на его жесткой загорѣлой ладони, такой мягкій и нѣжный, и пальцамъ было такъ пріятно прикосновеніе бѣлаго шелка, что имъ трудно и жалко было разстаться съ нимъ. И Маріи вдругъ показалось, что слѣ-

довало бы оставить ему платочекъ, въ благодарность за его дружеское и ничего не требующее вниманіе. Такимъ образомъ у обоихъ моментально явилась потребность сдѣлать платочекъ какъ бы внѣшнимъ знакомъ воспоминанія объ этой прогулкѣ, доставившей имъ столько радости, и, вообще, объ ихъ краткомъ знакомствѣ. Но это былъ только моментъ. Затѣмъ Марія взяла платочекъ изъ рукъ Штадтмана и надѣла его себѣ на шею.

Съ яснымъ взоромъ она подала на прощанье руку своему спутнику и поблагодарила за то, что онъ шелъ съ нею.

— Быть можетъ, мы когда-нибудь и встрѣтимся, — сказала она.

— Все возможно,—подтвердилъ Кристофъ Штадтманъ.

Пока они говорили, рука Маріи лежала въ его рукѣ. Потомъ дѣвушка повернулась и пошла. Кристофъ еще стоялъ, глядя ей вслѣдъ. Жаркое солнце заливало свѣтомъ ея высокую гибкую фигуру, изящными темными линіями вырисовывавшуюся на роскошномъ фонѣ цвѣтущаго луга. Блестѣли на солнцѣ темные волосы, а на шеѣ бѣлѣлъ шелковый бѣлый платочекъ.

Кристофъ Штадтманъ вернулся на стрѣльбище гораздо быстрѣй, чѣмъ шелъ оттуда. Отъ лѣсной ли прохлады, или же отъ сознанія, что изъ страны грезъ онъ снова вернулся къ дѣйствительности, но только тревога сбѣжала съ его чела и онъ опять сталъ ясенъ и веселъ, какъ прежде. Онъ разыскалъ товарищей, принялъ участіе въ состязаніи и весь день находился въ томъ особенномъ праздничномъ настроеніи, какое испытываешь только изрѣдка, послѣ особенно хорошо проведеннаго дня. Однако, — потому ли, что ему въ этотъ день не везло, или можетъ быть рука и глазъ были менѣе обыкновеннаго увѣрены,—никакихъ трофеевъ въ этотъ день онъ домой не принесъ. Пріятели наперерывъ поддразнивали его неудачей, да и фрау Мина посмѣялась надъ нимъ материнскимъ, не обиднымъ смѣхомъ, когда онъ пришелъ домой съ пустыми руками. Онъ посмотрѣлъ ей прямо въ глаза. „Ну, ничего, это мы еще наверстаемъ“.

И началъ разсказывать ей о праздникѣ, о балаганахъ, о знакомыхъ, которыхъ онъ встрѣтилъ. Скромная, разсудительная женщина, сама не искавшая развлеченій, охотно слушала и радовалась, что мужъ ея повеселился. Никакая тѣнь не омрачила свѣтлаго спокойствія супруговъ и довольства ихъ своею жизнью. И впослѣдствіи ему не суждено было омрачиться.

Мужъ и жена усердно работали, упрочивая свое благосостояніе. Фрау Мина заботилась о своемъ мужѣ, а тотъ охотно принималъ это и радовался, что о немъ заботятся. Онъ былъ старательный и прилежный работникъ; у него не хватало времени уноситься мыслями за стѣны своей мастерской—и судьба щадила его, не позволяя желать того, что находилось за предѣлами круга его жизни. Лишь порою всплывало въ его душѣ воспоминаніе, поднимавшее его надъ повседневностью. И тогда смуглое лицо его вспыхивало густымъ румянцемъ, и въ глазахъ появлялся какой-то особенный блескъ. Тогда ему чудился въ окнѣ его мастерской стройный дѣвичій силуетъ, или же зеленая укромная лѣсная тропинка и самъ онъ, идущій по этой тропинкѣ, рядомъ съ стройною дѣвушкой. Онъ тихонько улыбался этимъ воспоминаніямъ—улыбался радостно, быть можетъ иногда съ едва замѣтною грустью... Года шли своей чередой, а воспоминаніе не блѣднѣло. И даже когда онъ сталъ сѣдымъ старикомъ, оно оставалось свѣжимъ и яркимъ, какъ въ первый день. Онъ чувствовалъ, что это воспоминаніе удивительно скрасило его спокойную, мирную жизнь. И порою онъ спрашивалъ себя, сохранилось ли такое воспоминаніе у Маріи Кавицель, которой онъ никогда больше не видалъ и о которой даже ничего не слыхалъ. Улыбается ли она тихонько про себя этому воспоминанію? И ему казалось, что и изъ ея памяти оно изгладиться не могло.

3.

Маленькая весна.

Урсула Ц'граггенъ стояла въ саду главнаго судьи Келлера. Никого другого по близости не было видно. Большой сѣрый домъ съ сѣрыми ставнями, старинный, безъ новомодныхъ верандъ и балконовъ, словно вымеръ; и въ саду тоже какъ-будто никого не было—никого, кромѣ Весны. Зато Весна выглядывала отовсюду—и изъ темныхъ кустовъ, и изъ-за стройныхъ елей и бѣлыхъ березокъ; казалось, она только что легкой поступью прошла по изумрудной лужайкѣ, тонкой рукой касаясь бѣлыхъ цвѣтовъ, трепетно раскачивавшихся взадъ и впередъ на сѣро-зеленомъ кустѣ. Небо сіяло; деревья въ Келлеровскомъ саду, казалось, спѣшили расти, чтобы стать поближе къ нему. Высокія и тихія стояли они, словно замершія въ нѣмомъ благоговѣніи—и всѣ разомъ испуганно вздрагивали, когда какая-нибудь птица, чирикнувъ,

срывалась съ вѣтки. Съ минуту послѣ того вѣтви тревожно колыхались, словно перешептывались между собою.

Урсула Ц'граггенъ неуклюже и робко переставляла ноги, обутыя въ грубые башмаки, по сѣрой дорожкѣ, усыпанной гравіемъ. Она не знала, можно-ли итти туда, куда она шла. Кухарка сказала ей, что съ террассы видны горы, а такъ какъ въ домѣ все уснуло и ей нечего было дѣлать, ей захотѣлось пойти посмотрѣть, правда-ли это. И она шла дальше, робѣя и сердясь на то, что гравій скрипитъ у нея подъ ногами.

Солнце свѣтило на черное платье Урсулы, и теперь ясно было видно, какое оно бѣдное, безъ всякой отдѣлки, проношенное до нитокъ и короткое: оно едва доходило ей до края неуклюжихъ башмаковъ, такъ что при ходьбѣ иной разъ выглядывалъ черный чулокъ. Только у ворота была пришита бѣлая рюшка, красиво обрамлявшая тонкую шею. Лицо Урсулы было узкое и бѣлое; тоненькій носикъ и часть щекъ покрыты веснушками. Но лобъ былъ чистый—на лбу веснушекъ не было. Урсула вытягивала шею и озиралась вокругъ. Глаза ея, темные и сидѣвшіе глубоко въ орбитахъ, были большіе и казались пронизанными солнечнымъ свѣтомъ, когда она, приподнимаясь на цыпочки, искала взглядомъ террасу. Вскорѣ она разглядѣла сложенную изъ круглыхъ красныхъ кирпичей ограду, которою замыкался садъ. За оградой былъ широкій просторъ.

Дѣвушка, какъ бы въ замѣшательствѣ, поднесла руку, огрубѣвшую отъ работы, но узкую и съ тонкими пальчиками, къ подбородку. Рука потрогала лицо и соскользнула на шею къ пряди огненно-рыжихъ волосъ, выбившихся изъ свободно заплетенной косы, обвитой вокругъ головы.

Дѣвушка медленно пригладила ее, поправила волоса и пошла дальше, нагибаясь впередъ верхней частью туловища, словно что-то высматривая или подстерегая. Но вотъ она у широкой дорожки, которая идетъ возлѣ ограды. Еще два шага, и она у самыхъ перилъ. Она подошла къ нимъ вплотную и оперлась обѣими руками на широкую верхнюю каменную плиту. И перегнулась черезъ нее, жадно вглядываясь въ открывшуюся передъ нею картину. Внизу было безчисленное множество крышъ, дымящіяся трубы, мѣстами сады или пустыя мѣста; кое-гдѣ высокая башня. Но, выбравшись изъ этого лабиринта домовъ, взглядъ падалъ на длинную блестящую полосу голубоватой воды, обрамленной съ обѣихъ сторонъ красивыми холмами, разроставшимися къ югу. Они терялись въ могучей группѣ горъ, таинственно вздымавшихся надъ блестящею далью.

Какъ здѣсь крыша на крышу и башня на башню, такъ тамъ громоздилась вершина на вершину. Иныя были такъ высоки, что, казалось, подпирали собою небо, и снѣгъ, покрывавшій ихъ, блестѣлъ какъ-то особенно ярко.

— Урнскихъ горъ отсюда не видно,—сказалъ чей-то голосъ надъ самымъ ухомъ Урсулы.

Она испугалась, отпрянула назадъ, опустила руки и вся зардѣлась румянцемъ.

— Я сейчасъ пойду опять въ комнаты,—застѣнчиво пролепетала она.

— Можешь побыть и здѣсь, если это доставляетъ тебѣ удовольствіе,—возразилъ Эрнстъ-Рудольфъ Келлеръ младшій, чопорный и почти такой же застѣнчивый, какъ крестьянская дѣвушка, стоявшая съ нимъ рядомъ.

Онъ былъ купецъ, но на немъ былъ длиннополый черный сюртукъ, какъ на священникѣ, и высокій стоячій воротничекъ, подпиравшій гладко-выбритый подбородокъ. Онъ присѣлъ на стѣну, барабаня бѣлыми пальцами по камню и сбоку поглядывая на дѣвушку; но какъ только она поворачивалась къ нему лицомъ, онъ опускалъ глаза. Онъ былъ рослый и стройный, но угловатый въ движеніяхъ; казалось, у него вставлена была палка въ позвоночникъ, такъ натянуто онъ держался, высоко неся голову и не сгибая шеи. Лицо у него было блѣдное и въ морщинахъ, хотя онъ былъ еще молодъ. У него были коротко подстриженные черные усики и красивые гладко-зачесанные черные волосы.

— Ты тоскуешь по дому?—спросилъ онъ Урсулу.

— Нѣтъ,—отвѣтила она, но при этомъ смотрѣла поверхъ его, куда-то вдаль, и глаза ея говорили другое.

Теперь она сообразила, откуда онъ взялся. Направо, на возвышеніи, стояла небольшая оранжерейка. На столикѣ возлѣ лежала раскрытая книга. Навѣрное онъ тамъ сидѣлъ и читалъ.

— Сколько времени ты уже здѣсь?

— Недѣлю,—отвѣтила она.

И обоимъ одновременно вспомнилась первая ихъ встрѣча. Главный судья Келлеръ, съ женою и сыномъ, провелъ два лѣтнихъ мѣсяца въ Амштегѣ и тутъ познакомился съ семьею Урсулы; и тутъ же госпожа Келлеръ наняла Урсулу въ услуженіе—дома вѣдь оставалось еще девять человѣкъ ребятъ.

Въ то время Эрнстъ-Рудольфъ не обратилъ никакого вниманія на Урсулу и даже не замѣтилъ, что мать его сговорилась съ ней. Только теперь онъ разглядѣлъ ее и удивился,—во-пер-

выхъ тому, что она, хоть и въ крестьянскомъ платьѣ, и конфузливая, и неловкая, но все же хорошенькая и нѣжная; во-вторыхъ тому, что въ ея глазахъ такое странное выраженіе боязливаго, затаеннаго горя.

Онъ догадывался, что здѣсь въ городѣ она чувствуетъ себя затерянной, и что ее тянетъ домой, хоть дома ей жилось и не сладко. Ему невольно вспомнился ея отецъ, высокій, чернобородый, съ грубымъ голосомъ. Соглашаясь отпустить дочь, онъ грубо сказалъ: „Разумѣется, дѣти должны сами пробивать себѣ дорогу въ жизни". Онъ какъ будто захлопнулъ дверь на задвижку за уходящей изъ дому дочерью: смотри, молъ, не вздумай вернуться обратно домой. Вспомнилась ему и мѣстность, откуда была родомъ Урсула. Онъ былъ не мечтатель и кругъ жизни его былъ очень тѣсенъ. Единственное честолюбіе его было — преуспѣвать въ своемъ дѣлѣ; единственное, чѣмъ онъ безсознательно гордился — что онъ, Эрнстъ-Рудольфъ Келлеръ, старожилъ городка св. Феликса. Но, когда ему вспоминались вакаціи, проведенныя въ Амштегѣ, у него становилось тепло на душѣ. Какъ тамъ горы вздымались къ самому небу, какой бѣлизной блистали вѣчные снѣга въ Мадеранской долинѣ! Какъ шумѣли высокія сосны отъ горнаго вѣтра, какъ безшумно красиво плыли надъ вершинами облака!.. При одномъ воспоминаніи объ этомъ глаза Эрнста-Рудольфа шире раскрылись, стали оживленнѣе и блестящѣе. Онъ опять повернулся къ Урсулѣ.

— Хорошо у васъ, тамъ!

Она кивнула головой, и алыя губы ея дрогнули.

— Лавина на Бристонѣ лежала еще вонъ какъ высоко, когда мы пріѣхали,—продолжалъ онъ, показывая рукой, какъ высоко лежалъ снѣгъ,—вровень съ крышею дома.

— Она всегда медленно таетъ,—сказала Урсула.

Они начали перебирать детали картины горной природы, милой сердцу обоихъ, и невольно оба увлеклись. У каждаго остались въ памяти свои наблюденія. Они долго и оживленно бесѣдовали между собой, не запинаясь и не смущаясь. Лицо Урсулы зарумянилось. Большіе глаза смотрѣли теперь веселѣе. Но первая же пауза въ разговорѣ напомнила ей, съ кѣмъ она говоритъ и что она стоитъ въ хозяйскомъ саду, гдѣ ей вовсе не мѣсто.

— Мнѣ пора идти,—пролепетала она смущенно.

Онъ ея не удерживалъ. И самъ онъ сконфузился и сталъ опять неловокъ и чопоренъ.

— Прощайте,—сказала она, еще разъ застѣнчиво и немного

подобострастно взглянувъ на него, и затѣмъ пошла къ дому, тѣми же мелкими, боязливыми шажками, какъ и раньше.

Онъ былъ такой неумѣлый, что даже не зналъ, какъ обойтись съ ней поласковѣе, какъ подбодрить ее, чтобъ она чувствовала себя у нихъ, какъ дома — а между тѣмъ онъ очень этого желалъ. Онъ поднялъ голову, когда молодая дѣвушка ужъ почти скрылась за деревьями. Солнце горѣло на ея ярко-рыжихъ волосахъ, и бѣлый профиль казался свѣтящимся. Онъ подивился, какъ она непохожа на здѣшнихъ дѣвушекъ; потомъ ему вспомнилось, что онъ и въ книгахъ читалъ и самъ замѣтилъ, что въ горахъ, рядомъ съ коренастыми, топорными, словно изъ камня высѣченными мужчинами, нерѣдко встрѣчаются такія утонченно красивыя и стройныя женщины.

Въ домѣ главнаго судьи Келлера всѣ собрались за столомъ. Комната выходила на западъ; высокія деревья темнили окна, вдобавокъ завѣшенныя тяжелыми зелеными портьерами. Мебель была тяжелая: черные стулья, съ рѣзными высокими спинками; зеркало и буфетъ тоже были окаймлены красивой старинной рѣзьбой. Скатерть и посуда странно выдѣлялись своей бѣлизной на темномъ фонѣ. Во главѣ стола сидѣлъ самъ главный судья; по лѣвую руку — его жена, по правую — молодая особа съ тонкими, даже острыми чертами лица и тоненькими ручками; рядомъ съ нею—Эрнстъ-Рудольфъ. Они вели между собою спокойный разговоръ, въ которомъ наиболѣе оживленное участіе принимала племянница Келлеровъ, фрейлейнъ Бетти Финслеръ; главный судья довольно равнодушно улыбался въ отвѣтъ на слова племянницы, больше сѣрыми глазами, чѣмъ ртомъ, не прикрытымъ ни усами, ни бородой; госпожа Келлеръ по временамъ вставляла спокойное, обдуманное слово. Эрнстъ-Рудольфъ лишь изрѣдка вмѣшивался въ разговоръ, вставляя увѣреннымъ тономъ какое-нибудь лаконическое, но мѣткое замѣчаніе. На всѣхъ лежала печать какой-то особенной праздничной торжественности—какъ всегда, когда за столомъ появлялась фрейлейнъ Бетти. Она хоть и была на нѣсколько мѣсяцевъ старше своего двадцати-четырехлѣтняго двоюроднаго брата, но всѣ уже знали, что это—его будущая невѣста. Не оглашалось это только потому, что банковское дѣло Эрнста-Рудольфа было еще въ самомъ началѣ, и ему нужно было поставить его на ноги, прежде чѣмъ обзаводиться семьей. Да и не въ обычаѣ было у именитыхъ бюргеровъ здѣшняго города рано жениться: въ этомъ, какъ во всемъ остальномъ, они долго раз-

думывали и взвѣшивали, прежде чѣмъ принять какое-либо рѣшеніе. Впрочемъ, Бетти и Эрнстъ-Рудольфъ были вполнѣ подходящею парой—оба хорошаго, стараго рода, оба немного чопорные, но съ проницательнымъ и острымъ умомъ, скрывавшимся подъ внѣшнею сдержанностью. Эрнстъ-Рудольфъ, пожалуй, и самъ не могъ бы сказать, какимъ образомъ впервые возникъ этотъ планъ его женитьбы. Онъ былъ слишкомъ угловатъ и неуклюжъ, чтобы самому искать общества другихъ дѣвушекъ, въ особенности молоденькихъ и рѣзвыхъ, и до сихъ поръ не зналъ никакихъ сердечныхъ волненій; поэтому, когда ему намѣтили невѣсту, онъ съ легкимъ сердцемъ сталъ привыкать къ роли будущаго жениха.

Сначала разговоръ шелъ о семейныхъ дѣлахъ, но теперь жена судьи обратилась къ гостьѣ съ вопросомъ: замѣтила ли она дѣвушку, которая прислуживала имъ за столомъ? Да, замѣтила: конечно, новая горничная еще очень неотесана—видно, что она недавно изъ деревни. Госпожа Келлеръ—довольно полная, но видная и въ своемъ черномъ шелковомъ платьѣ даже смотрѣвшая знатной дамой—немного чопорно выпрямилась и начала разсказывать о семьѣ Урсулы Ц'граггенъ. Тѣмъ временемъ дверь отворилась; вошла Урсула и съ ней другая служанка постарше, франтоватая и, видимо, болѣе опытная. Обѣ были въ черныхъ платьяхъ и бѣлыхъ передникахъ. Урсула была блѣдна и руки ея дрожали, когда она ставила на столъ, стоявшій въ глубинѣ комнаты, принесенныя ею два блюда. Другая служанка вполголоса и знаками наставляла ее, какъ и кому сперва подавать, и молодая дѣвушка слушала внимательно, широко раскрывая глаза. Несмотря на ея смущеніе и неловкость, всѣмъ бросилась въ глаза ея миловидность и въ особенности красивая посадка головы, обвитой роскошными огненно-рыжими косами. Сидѣвшіе за столомъ все время незамѣтно слѣдили за нею.

Когда она, въ своихъ неуклюжихъ башмакахъ, споткнулась, запнувшись ногой объ одинъ изъ ковровъ, которыми былъ устланъ полъ, дамы переглянулись между собой и усмѣхнулись.

Главный судья всталъ, чтобы откупорить стоявшую въ сторонкѣ бутылку вина: этого онъ никогда не поручалъ слугамъ. Это былъ человѣкъ поразительно высокаго роста, сильно гнувшійся на ходу, съ строгими, рѣзкими чертами лица и, густыми сѣдѣющими волосами; брови у него были такія же густыя, но черныя. Онъ обратился къ Урсулѣ съ вопросомъ, какъ ей нравится въ городѣ, въ намѣреніи подбодрить ее. Но дѣвушка, и безъ того страшно боявшаяся стараго барина, такъ оробѣла отъ этого неожиданнаго вопроса, что сдѣлала неловкое движеніе:

расплескала компотъ изъ фруктовъ, который она собиралась подать, и какъ ни старалась удержать въ рукахъ блюдо, оно выскользнуло и упало на полъ.

Главный судья нахмурился. Супруга его слегка вскрикнула и величественно поднялась со стула. Фрейлейнъ Бетти посмотрѣла на свое платье, на которое попало нѣсколько капель, и, сердито поморщившись, въ свою очередь встала, чтобы замыть пятна горячей водой, которую ей услужливо поспѣшила подать болѣе находчивая старшая горничная.

Съ минуту Урсула стояла растерянная. Вся краска сбѣжала съ ея лица; темные глаза смотрѣли испуганно. Неожиданно къ ней подошелъ Эрнстъ-Рудольфъ, чопорно нагнулся всей своей тощей фигурой, по обыкновенію не сгибая спины, и поднялъ обѣ половинки разбитаго блюда, лежавшія на полу. Выпрямляясь, онъ бросилъ Урсулѣ ободряющій, необычный для него веселый взглядъ и сказалъ: „за ученье всегда платятъ. Это, навѣрное, не послѣднее разбитое блюдо, Урсула Ц'граггенъ". Этими немногими словами онъ помогъ ей преодолѣть смущеніе.

Она снова обрѣла способность рѣчи и тихонько пролепетала извиненіе, котораго никто не слушалъ. Но, когда Келлеръ младшій комическимъ жестомъ вручилъ ей черепки, она невольно тоже улыбнулась. Онъ относился къ случившемуся какъ къ такой бездѣлицѣ, что и она совсѣмъ успокоилась и вышла изъ комнаты, пока ея товарка спѣшила изгладить слѣды этой маленькой катастрофы.

Тѣмъ временемъ господа усѣлись снова за столъ. Главный судья, нѣсколько раздраженный помѣхой спокойному теченію обѣда, наставительно замѣтилъ старшей горничной, чтобы она не допускала эту деревенщину служить за столомъ, пока та не научится бережно обходиться съ посудой.

Фрейлейнъ Бетти омыла свои тонкія руки въ поданной ей мискѣ съ теплой водой, граціозно подержала надъ миской тонкіе пальчики, пока съ нихъ стекала вода и также осторожно и старательно осушила ихъ полотенцемъ; къ этому времени въ ней уже улеглись послѣдніе слѣды волненія, вызваннаго этимъ маленькимъ инцидентомъ. Успокоилась и госпожа Келлеръ, лицо которой сначала выражало презрѣніе и досаду на неловкость новой служанки. Она начала грызть миндалинки, обмѣнялась съ гостьей двумя-тремя фразами о происшедшемъ и вдругъ, тихонько разсмѣялась, вспомнивъ, какъ Эрнстъ-Рудольфъ поспѣшилъ на помощь „деревенщинѣ". И еще долго потомъ улыбалась. И даже пошутила надъ сыномъ: „Ты совсѣмъ по товарищески выручилъ ее".

А сынъ сидѣлъ и смотрѣлъ прямо передъ собой, задумчиво улыбаясь, и выраженіе лица у него было какое-то странно-довольное. Онъ и чувствовалъ себя не такъ, какъ всегда. Нежданный шумъ и суета, ворвавшіеся въ тихую, размѣренную жизнь этого дома, подѣйствовали на него благотворно. Ему самому было неясно—почему, но міръ, въ которомъ онъ жилъ, внезапно показался ему не такимъ, какъ всегда. Какіе они, въ сущности, смѣшные, всѣ четверо, сидящіе за столомъ, такъ чопорно, на вытяжку, старательно подавляя въ себѣ всякія чувства, взвѣшивая и разсчитывая каждое движеніе, каждое слово, избѣгая всякаго шума и тщательно отстраняясь отъ всего, что не красиво и не аристократично. И вдругъ, такой пассажъ! Даже отрадно, что могла случиться такая вещь въ домѣ, гдѣ все идетъ аккуратнымъ, заранѣе размѣреннымъ ходомъ. Словно бомба взорвалась въ столовой, и всѣ четверо, ненавидящіе волненія, нервно повскакали съ мѣстъ и на нѣсколько секундъ утратили свою обычную, милую сердцу ихъ сдержанность.

Эрнстъ-Рудольфъ смотрѣлъ прямо передъ собой и улыбался. Но это была лишь маленькая экскурсія мысли въ область, обыкновенно чуждую ему. Когда мать его и фрейлейнъ Бетти одновременно поднялись, чтобы идти въ гостиную, онъ ужъ опять былъ прежнимъ, самимъ собой: учтиво отворилъ дверь передъ дамами, послѣдовалъ за отцомъ, который присоединился къ дамамъ, и, въ ожиданіи кофе, чопорно, на вытяжку присѣлъ на кончикъ легкаго, золоченаго стула, напротивъ своей тоненькой, какъ спичка, невѣсты.

Въ саду было темно, но деревья всетаки можно было отличить отъ кустовъ, и усыпанныя гравіемъ дорожки слабо бѣлѣли на темно-зеленомъ фонѣ дерновыхъ лужаекъ. Деревья и кусты стояли почти недвижные; стройные силуеты ихъ, тянущіеся ввысь, давали картину какого-то зачарованнаго покоя. А надъ садомъ было высокое, звѣздное небо. Но по ту сторону террасы было свѣтлѣе, какъ будто въ саду была ночь, а мѣстность за садомъ озарялась какимъ-то скрытымъ свѣтомъ. Свѣтъ этотъ исходилъ не только отъ фонарей, освѣщавшихъ улицы города св. Феликса, и отъ освѣщенныхъ оконъ домовъ, бросавшихъ красный отблескъ въ ночную тьму. Слѣва, надъ холмами, стоялъ мѣсяцъ и лилъ спокойный, чистый свѣтъ на церковь св. Феликса, на городъ, на длинное озеро и на далекія горы. Уличный шумъ не доходилъ вглубь Келлеровскаго сада; да и на улицахъ шумъ уже стихалъ. Зубчатыя крыши и отдѣльныя башенки тамъ, внизу,

выдѣлялись тяжелыми сѣрыми массами изъ ночного мрака. Блестѣли въ лунномъ свѣтѣ воды озера. Но далекія горы, съ снѣговыми вершинами, громоздились на югѣ какъ второй каменный городъ, только болѣе могучій и величавый сказочный, съ гигантскими зданіями и глубоко врѣзанными мрачными улицами.

Эрнстъ-Рудольфъ вышелъ въ садъ. Онъ поздно вернулся изъ своей конторы, но зато вернулся довольный, такъ какъ дѣло его замѣтно развивалось; поужиналъ вмѣстѣ съ отцомъ и матерью, и вышелъ подышать свѣжимъ воздухомъ, безъ всякой цѣли, просто потому, что пріятно было пройтись по саду послѣ труднаго рабочаго дня. Онъ, какъ всегда, былъ въ черномъ, безукоризненно сшитомъ костюмѣ, но руки держалъ въ карманахъ, и оттого сюртукъ его по бокамъ образовывалъ смѣшныя складки. Онъ не намѣревался заходить далеко, но залитая свѣтомъ часть сада по ту сторону террасы манила его къ себѣ. По пути ему вспомнилось, какъ онъ засталъ тамъ, на террасѣ, дѣвушку изъ кантона Ури, какъ она стояла и тоскующими глазами смотрѣла на горы. Была ли она тамъ послѣ того еще разъ? Бѣдняжка! она все еще не излѣчилась отъ своей тоски по родинѣ, все время ходитъ блѣдная и съ заплаканными глазами. Занятый этими мыслями, онъ углубился въ густую заросль кустовъ. Неожиданно зашуршалъ гравій; мимо него проскользнула и скрылась во тьмѣ чья-то фигура. Эрнстъ-Рудольфъ даже остановился отъ удивленія. Это, должно быть, та дѣвушка. Она прямо больна тоскою по родинѣ. Это было такъ необычно, что даже его вывело изъ свойственной ему сдержанности и душевнаго равновѣсія. Сердце его тихонько стучало. Но все же онъ не ускорилъ шаговъ и не спѣша приближался къ террасѣ. Еще издали онъ разглядѣлъ Урсулу. Она была, какъ въ комнатахъ, съ непокрытой головою, только передникъ сняла. Неожиданно она обернулась и насторожилась. Быть-можетъ, она тоже увидала его, или услыхала его шаги. И, сорвавшись съ мѣста, бросилась бѣжать.

Но онъ сказалъ ей: „Куда ты? Останься“. И, видя, что она не слушается, окликнулъ: „Урсула!“

Должно быть, ей послышался приказъ въ его голосѣ. И она вернулась. Она была совсѣмъ такая же, какъ давеча днемъ, только личико казалось еще у́же и глаза были заплаканы; но въ призрачной дымкѣ—отблескѣ луннаго свѣта, который еще не дошелъ сюда,—странные волосы ея отливали какимъ-то особеннымъ блескомъ. И опять, какъ тогда, выбившіяся пряди волосъ падали ей на щеки. Эти пряди и выраженіе измученности въ

исхудаломъ лицѣ придавали всему ея облику что-то странное, тоскующее, голодное.

— Тебя все еще тянетъ домой?—спросилъ онъ, когда она робко приблизилась.

Она только головою кивнула и плотнѣй сжала тонкія губы.

Эрнстъ-Рудольфъ не зналъ, что съ нимъ сталось. Ночь ли была виною тому, зачарованное ли безмолвіе сада, или же бѣлый міръ, уснувшій въ лунномъ свѣтѣ, тамъ, внизу, — но только онъ былъ самъ не свой. Сердце его билось часто и сильно, какая-то нѣжная, теплая радость волной заливала грудь.

— Ничего. Это пройдетъ, — сказалъ онъ Урсулѣ. — Тебѣ вѣдь не худо у насъ живется?

Она положила руку на перила, которыя теперь уже озаряла луна. Въ бѣломъ свѣтѣ эта огрубѣлая, но красивая и тонкая рука казалась изящной и въ то же время страдальческой. Неожиданно Урсула подняла голову. Ей вспомнилось, какъ добръ былъ давеча къ ней молодой баринъ, когда она, неуклюжая, уронила блюдо въ столовой. И теперь его голосъ звучалъ добротой и ободреніемъ. Она посмотрѣла на него, и глаза ея снова наполнились слезами и тонкія губы дрогнули:

— Я завтра уйду отсюда,—тихо сказала она.

Онъ почувствовалъ, что это было невольное и неожиданное для нея самой признаніе.

— Вы только никому не говорите,—по дѣтски попросила она.

— Уйдешь?—повторилъ онъ.—Но какъ же ты...

Она перебила его.

— Поѣздъ идетъ рано утромъ.—И съ важностью добавила:—На дорогу у меня денегъ хватитъ.

Онъ хотѣлъ отговорить ее, доказать, что нужно покориться судьбѣ—хотѣлъ, наконецъ, вышутить ее, но не находилъ подходящихъ словъ.

— Никогда я не научусь тому, что тутъ у васъ нужно дѣлать,—говорила она, печально глядя вдаль.

А онъ смотрѣлъ на ея огорченное кроткое личико, тонкій профиль и странные, отливавшіе золотомъ волосы.

— Отецъ будетъ бить меня, когда я вернусь,—продолжала она,—но я не могу—*не могу* оставаться здѣсь!..

Рука ея все еще лежала на камнѣ, озаренная луннымъ свѣтомъ.

Горы вдали выдѣлялись все отчетливѣе; надъ ними теперь было свѣтло почти какъ днемъ. Онѣ вырастали изъ грани, гдѣ сливалось небо съ землей, еще величавѣй и прекраснѣй, чѣмъ днемъ, и отъ нихъ шло какое-то таинственное сіяніе; а между

ихъ покрытыми снѣгомъ вершинами, въ просвѣтахъ неба, тамъ и сямъ мерцали маленькія далекія звѣздочки. Садъ былъ объятъ глубокою тишиной. Порой чувствовалось какъ будто легкое движеніе воздуха, словно дыханіе ночи,—но такое слабое, что оно не шевелило пушистыхъ волосковъ на вискахъ молодой дѣвушки.

Эрнстъ-Рудольфъ все еще не зналъ, что сказать, и разсѣянно гладилъ руку Урсулы. Гладилъ потому, что ему было жалко ея, а помочь ей онъ не умѣлъ. Почувствовавъ прикосновеніе, она опять повернулась къ нему—быть можетъ, вдругъ испугавшись, что она нечаянно выдала себя; но возлѣ него ей было хорошо и легко. Она посмотрѣла на него, и глаза ихъ встрѣтились. Какъ это вышло—они сами не знали. Урсула вся поблѣднѣла. Потомъ взяла обѣими руками правую руку Эрнста-Рудольфа и гладила ее, и говорила:

— Не правда-ли, вы никому не скажете?

И, когда онъ, растерянно, отвѣтилъ:—„Нѣтъ, нѣтъ",—она потупилась и отошла. Шла она на цыпочкахъ. Но гравій все же скрипѣлъ.

На одной изъ башенъ часы пробили десять. Вдали откликнулись другіе. Съ минуту воздухъ гудѣлъ отъ ровныхъ, постепенно замиравшихъ ударовъ. Прежде, чѣмъ скрыться въ кустахъ, Урсула еще разъ оглянулась на него, пугливо и на одно только мгновеніе; потомъ нерѣшительно повернулась и пошла.

Эрнстъ-Рудольфъ сидѣлъ на стѣнѣ и весь дрожалъ внутренней дрожью. Что такое случилось? — Ничего. А, между тѣмъ, ночь была какая-то особенная, небывало прекрасная.

Онъ тихонько вздохнулъ, провелъ рукой по лбу. И пошелъ назадъ въ комнаты.

Онъ никому не сказалъ, что дѣвушка изъ кантона Ури хочетъ сбѣжать домой, и не сталъ ей мѣшать. Когда, на другое утро, хватились Урсулы Ц'граггенъ, и ея, дѣйствительно, не оказалось, онъ спокойно высказалъ предположеніе, что она, можетъ быть, ушла домой, такъ какъ чувствовала, что къ ихъ дому она не подходитъ. При этомъ онъ держался особенно прямо и даже какъ бы съ нѣкоторымъ легкимъ налетомъ самодовольства отъ сознанія высокой порядочности своего дома и съ едва уловимымъ оттѣнкомъ презрѣнія къ тому, что *не подходитъ* къ такой обстановкѣ. Главный судья телеграфировалъ въ Амштегъ. Къ вечеру пришелъ отвѣтъ: Урсула вернулась домой и не хочетъ больше служить у нихъ.

— Ну что-жъ, ея дѣло,—сказалъ старикъ, пожимая плечами; взялъ газету, началъ читать и моментально забылъ объ Урсулѣ.

— Неблагодарный народъ!—замѣтила его супруга, обращаясь къ сыну. Она позвонила горничную, справилась, взяла ли Урсула свои вещи и не захватила ли чего другого, затѣмъ надменно сказала: — Разъ въ жизни выпалъ дѣвушкѣ случай хорошо устроиться; но—если она сама не хочетъ... И, гордо закинувъ голову, выплыла изъ комнаты.

Эрнстъ-Рудольфъ былъ всецѣло на ея сторонѣ. Онъ уже совершенно забылъ, какъ онъ, всего нѣсколько дней тому назадъ, внутренно посмѣивался надъ матерью, надъ самимъ собой и надъ другими. Онъ провелъ непріятную ночь, безъ сна, все время ощущая внутри странную дрожь, вспоминая тихую ночь, и далекое сіяніе горъ, и прекрасное молодое лицо съ страдальческими глазами. А онъ былъ далеко не любитель волненій, тревогъ и ярко проявлявшихся чувствъ. Гораздо лучше, когда мысли идутъ по проторенным, гладкимъ дорогамъ, когда стараешься избѣгать всего, что не входитъ въ узкій кругъ твоей повседневной жизни.

Эрнстъ-Рудольфъ и въ дальнѣйшемъ держался того же взгляда на жизнь. Его сразу хорошо поставленное дѣло, да еще подъ такою почтенною фирмой, разросталось со дня на день, и уже въ слѣдующемъ году онъ могъ ввести въ свой домъ хозяйкой фрейлейнъ Бетти. Изъ нихъ вышла весьма почтенная супружеская чета, строго выполнявшая всѣ обязанности и обычаи старожиловъ города св. Феликса; и даже въ томъ другомъ, большомъ городѣ, гдѣ они потомъ поселились, всѣ относились къ нимъ съ глубокимъ уваженіемъ. И никто не замѣчалъ, никому и въ голову не приходило, что чопорный, всегда сдержанный, всегда одѣтый въ черное господинъ съ умнымъ лицомъ, вращавшійся въ строго замкнутомъ кругу и, казалось, ничѣмъ другимъ не интересовавшійся, порой ощущалъ нѣчто, нарушавшее его душевное равновѣсіе. А, между тѣмъ, это „нѣчто“ жило въ немъ и не уйдетъ отъ него и до старости, до гробовой доски. Это было воспоминаніе: шелестъ кустовъ въ темномъ саду, лунный свѣтъ, далекое сіяніе горъ. Изъ-за кустовъ выходитъ дѣвушка въ простенькомъ платьѣ и, облокотившись рукою на стѣну, смотритъ вдаль...

Воспоминаніе исчезаетъ и приходитъ снова, иной разъ по нѣсколько разъ въ недѣлю, иной разъ по мѣсяцамъ не возвращается. И всегда звучитъ для него прекрасною, далекою пѣсней.

Маленькая весна однажды коснулась мимолетной лаской и чопорного педанта, Эрнста-Рудольфа Келлера.

Перев. съ нѣм. З. Журавская.

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРѢЧА

ОЧЕРКЪ

Посвящается памяти учителя П. Ф. Лесгафта.

I.

У каждаго человѣка, если онъ не лишенъ способности мыслить и чувствовать, бываютъ иногда тяжелые моменты сомнѣній, разочарованья въ жизни, въ людяхъ и дѣлѣ, которому онъ отдаетъ свои слабыя силы. Чаще такія минуты переживаетъ человѣкъ, помимо своей воли оторванный отъ привычныхъ для него условій жизни, кинутый враждебной силой въ какой-нибудь медвѣжій уголъ нашего обширнаго отечества.

Гориновъ уже второй годъ находился въ ссылкѣ, и его все чаще и чаще посѣщали сомнѣнья, разочарованье въ жизни и людяхъ. Когда ему становилось особенно тяжело, онъ замыкался въ себѣ, по цѣлымъ недѣлямъ не выходилъ изъ своего жилища, или же, взявъ ружье, отправлялся въ лѣсъ на нѣсколько дней и шатался тамъ до тѣхъ поръ, пока смертельная усталость и отсутствіе пищи не заставляли его возвращаться домой.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ Гориновъ заблудился. Весь день ему пришлось пробираться черезъ густой, почти дѣвственный лѣсъ, и уже солнце садилось, когда онъ выбрался изъ буреломника на луговину. Верстахъ въ двухъ, на берегу отливавшей золотомъ заката рѣчки, прижавшись къ старому сосновому бору, виднѣлся какой-то поселокъ. Мѣстность для Горинова была

совершенно незнакомая. Онъ въ первый разъ попалъ сюда во время своихъ охотничьихъ скитаній.

Очнувшись отъ тяжелыхъ мыслей, цѣлый день терзавшихъ его, Гориновъ только теперь почувствовалъ, какъ сильно онъ усталъ и какъ онъ голоденъ.

„Нечего дѣлать, назадъ возвращаться поздно", подумалъ онъ и прямикомъ направился къ поселку.

Вечерѣло. Надъ рѣчкой стлался легкій туманъ. Пахло сыростью и болотной травой. Послѣдніе лучи заходящаго солнца окрашивали верхушки деревьевъ, выдѣляя на общемъ фонѣ сосноваго лѣса темную бархатистую хвою кедровъ. Пройдя луговину, Гориновъ наткнулся на изгородь, вдоль которой шли колеи дороги. За частымъ березнякомъ не было видно жилья, но гдѣ-то лаяла собака, тянуло дымкомъ, у рѣки слышалось мычанье коровъ. Изгородь кончилась. Гориновъ прошелъ березнякъ и очутился на большомъ выгонѣ, прилегавшемъ къ самому поселку. У крайней избы онъ замѣтилъ кучку людей и направился къ нимъ. На заваленкѣ и на землѣ, въ разныхъ позахъ, сидѣло и лежало болѣе десятка деревенскихъ подростковъ, а въ кругу ихъ находился высокій худощавый старикъ съ кудрявыми сѣдыми волосами. Дѣтямъ онъ что-то разсказывалъ, а тѣ такъ внимательно его слушали, что никто изъ нихъ не замѣтилъ приближенія Горинова.

Остановившись шагахъ въ двадцати, онъ невольно залюбовался интересной картиной. Интеллигентное лицо старика, его фигура и манеры были полны величаваго спокойствія и благородства. Мягко улыбаясь, видимо увлекаясь самъ, старикъ разсказывалъ дѣтямъ о движеніи земли. Но вотъ съ заваленки соскочила небольшая собаченка и съ лаемъ подбѣжала къ Горинову. Льняныя головки ребятъ не сразу повернулись за собакой.

— Чужой кто-то. Охотникъ,—зашептали дѣтскіе голоса.

Гориновъ застѣнчиво подошелъ и поклонился старику.

— Здравствуйте,—отвѣтилъ тотъ и поднялся на встрѣчу.— Добро пожаловать. Откуда?

На пришельца ласково смотрѣли большіе сѣрые глаза, странно молодые на этомъ изрытомъ морщинами лицѣ. Ихъ раньше всего увидѣлъ Гориновъ, а потомъ уже разглядѣлъ высокій лобъ, сѣдую бороду и синюю блузу, въ которую былъ одѣтъ старикъ.

Гориновъ назвалъ село, гдѣ жилъ, и, все еще продолжая смущаться, объяснилъ, что заблудился въ лѣсу на охотѣ.

— Вы не ссыльный?—спросилъ старикъ.

— Я тоже,—продолжалъ онъ.—Очень радъ, будьте моимъ гостемъ.

— Простите, я кажется помѣшалъ вамъ...

— Нѣтъ, что вы... Снимайте амуницію, садитесь, отдохните, а я чаемъ распоряжусь. Пойди-ка, Ваня, — обратился онъ къ одному изъ ребятъ,—добѣги до рѣчки, тамъ Матрена бѣлье полощетъ, зови ее живо сюда, скажи: гость пришелъ.

— Однимъ духомъ,—и Ваня, сверкая босыми ногами, быстро побѣжалъ къ рѣчкѣ, гдѣ слышались звонкіе бабьи голоса.

— Дѣдушка, а когда ты намъ доскажешь про Галдерея этого самаго?

— Галелей, а не Галдерей, не ври, Васютка, — поправилъ мальчугана болѣе старшій.—Галелей,—медленно протянулъ онъ, и вдругъ топнувъ ногой, свирѣпо закричалъ, очевидно, подражая кому-то.

— А все-таки она вертится!

Это было такъ неожиданно и смѣшно, что всѣ, не исключая и Горинова, громко расхохотались.

— Будетъ время, ребятки, окончу, а теперь дайте гостю отдохнуть. Да довольно вамъ,—самъ еле сдерживая смѣхъ, крикнулъ дѣтямъ старикъ.—Маршъ по домамъ!

— До свиданія, дѣдушка. Прощай,—и веселая команда горохомъ разсыпалась по разнымъ направленіямъ, еще долго крича на бѣгу:

— До свиданія, дѣдушка, до свиданія!

II.

Пришла Матрена, здоровая, коренастая сибирячка, и скоро за крашенымъ столомъ въ избѣ Гориновъ сидѣлъ съ гостепріимнымъ хозяиномъ, ѣлъ незатѣйливую пищу и съ аппетитомъ пилъ чай съ жирными сметанными шаньгами.

Старикъ, попыхивая папиросой, ласково ухаживалъ за своимъ гостемъ, съ добродушной улыбкой любуясь его молодымъ, здоровымъ аппетитомъ.

Въ комнатѣ было чисто и уютно. Въ углу стоялъ большой сосновый столъ, заваленный книгами. Среди нихъ находился цѣнный микроскопъ, около него ванночка и различные приборы. На полкахъ по стѣнамъ помѣщались чучела птицъ. Висѣли сачекъ для ловли насѣкомыхъ, ружье, охотничьи и рыбацкія при-

надлежности. Въ простѣнкахъ между оконъ въ рамкахъ изъ березовой коры были развѣшаны портреты русскихъ писателей.

Насытившись, Гориновъ съ любопытствомъ оглядывалъ обстановку комнаты. Его вниманіе привлекъ портретъ съ собственноручной надписью одного извѣстнаго русскаго эмигранта.

— Вы съ нимъ знакомы?—невольно вырвалось у Горинова.

Старикъ ласково улыбнулся.

— Да, знакомъ. Учитель мой въ нѣкоторомъ родѣ, хотя и моложе меня лѣтъ на десять... Знаете что: пойдемте-ка на заваленкѣ посидимъ, а Матрена со стола уберетъ и постели намъ приготовитъ.

Хозяинъ и гость вышли на улицу и сѣли подъ окнами.

Надъ землею спустилась сѣверная свѣтлая ночь. Темной стѣной стоялъ старый боръ, таинственный и тихій. За рѣчкой въ бѣлесоватомъ туманѣ перекликались коростели, скрипя, какъ во время вѣтра поломанная береза. Деревня спала... Оба сидѣли молча, вдыхая теплый влажный воздухъ, насыщенный запахомъ хвои и травъ...

Гориновъ отдыхалъ. Ему было очень хорошо, тихо, покойно. Давно онъ себя такъ не чувствовалъ. Не зная самъ, почему, онъ вспомнилъ юношескіе года, когда онъ почти безъ всякихъ заботъ жилъ въ домѣ своихъ родителей.

— Хорошо здѣсь у васъ.

— Да, ничего. Можно отдохнуть.

— А васъ не тянетъ назадъ, домой, къ старой работѣ, къ людямъ.

— Люди и здѣсь есть,—спокойно отвѣтилъ Горинову старикъ,—а работа моя всегда со мною: была бы природа да люди. Въ тюрьмѣ тяжело было, а здѣсь очень хорошо. Отдыхаю отъ чиновничьей жизни и продолжаю понемногу свою работу.

— А чѣмъ вы занимались прежде?

— Я былъ учителемъ.

— Народнымъ?

— Былъ и народнымъ, но не долго, а большею частью въ различныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ перерывами почти что тридцать лѣтъ.

— Мнѣ кажется,—осторожно сказалъ Гориновъ,—трудно въ Россіи заниматься педагогикой, да и вообще что-либо дѣлать. Всѣ гнетутъ другъ друга, злобствуютъ, мучаютъ. Сколько напрасныхъ страданій, которыя создаютъ себѣ сами же люди. Какую работу ни возьмите, въ ней нѣтъ ни радости, ни удовлетворенія...

Одна тоска!—Послѣднія слова Гориновъ говорилъ почти со слезами. Опять на него нахлынули старыя мысли прошлаго.

— Да, нелегко, — отвѣчалъ старикъ. — Да вы спать-то хотите?—пристально вглядываясь въ лицо гостя, спросилъ онъ.

— Нѣтъ, знаете, совсѣмъ не хочется.

— Не хочется, такъ и ладно, а я вамъ кое-что разскажу изъ своей жизни. Много пришлось мнѣ видѣть и многое перенести. Да и давно не приходилось ни съ кѣмъ говорить по душѣ. Ссыльныхъ вблизи нѣтъ... Ужъ извините старика за болтливость.

III.

— Надо вамъ сказать, очень люблю я свою профессію, учительское дѣло; ребятишекъ люблю, молодежь, да еще природу. Какъ бы мнѣ не было тяжело, что бы ни случилось со мной— увижу дѣтей, или заберусь въ лѣсъ, и пройдетъ мое горе, исчезнетъ тоска и злоба... Новыя силы обрѣтешь, помолодѣешь душою и умомъ... Помню, однажды, давно это было, умерла у меня какая-то тетка—я ее и не зналъ,—и оставила мнѣ немного денегъ. Обрадовался я чрезвычайно. Бросилъ гимназію, гдѣ преподавалъ и открылъ свою собственную школу. Радъ и счастливъ несказанно: буду работать безъ начальства и помѣхи. Набралось ко мнѣ въ школу много ребятишекъ. Живу съ ними прекрасно, учу ихъ, играю съ ними. Правда, округъ ко мнѣ придирается— не по циркулярамъ, дескать, дѣло веду. Но ничего, отписываюсь. Только наконецъ, года черезъ два, пріѣзжаетъ въ городъ попечитель и прямо ко мнѣ. Попалъ онъ во время большой перемѣны. Шумъ, гамъ, возня... Естественно, дѣти, когда играютъ, всегда кричатъ. На ревизора нуль вниманія. А онъ стоитъ, брови удивленно поднялъ, видимо недоволенъ. Только что-то хотѣлъ было мнѣ сказать, какъ одинъ карапузъ, съ разбѣгу поскользнувшись, прямо его превосходительству въ толстое брюхо головой ткнулъ. Охнулъ попечитель да мальчугана-то за ухо, а мальчуганъ кричать: „Отпусти, я нечаянно!“ Пришлось мнѣ вмѣшаться.

— Извините,— говорю, — ваше превосходительство, у насъ не принято дѣтей за уши драть и вообще наказывать.—Промолчалъ попечитель. Пошелъ со мною въ классъ, а былъ мой урокъ естествознанія. Разсказываетъ одинъ мальчикъ про Архимеда; знаете, есть такой разсказъ, какъ онъ свой законъ открылъ. Ребята это очень любятъ, ну и малышъ, разсказывая, отъ удовольствія даже захлебывается.

„Вотъ Архимедъ какъ выскочитъ изъ воды, да голышемъ черезъ весь городъ домой. Нашелъ, кричитъ, нашелъ! Пописалъ что-то на песочкѣ да на дощечкѣ, а потомъ къ царю-то съ короной и пошелъ“.

Не успѣлъ еще досказать, а попечитель спрашиваетъ, строго такъ:

— Какъ царя звали?

Ученики молчатъ, на меня смотрятъ.

— Вы должны это знать. Царя звали Гіеронъ Сиракузскій.

Посмѣялся я въ душѣ тогда. На что, молъ, ребятамъ знать, какъ царя звали. А дѣло-то вышло дрянь. Уѣхалъ попечитель, а немного спустя школу-то у меня и закрыли... Вотъ тебѣ и Гіеронъ Сиракузскій!

Больно и обидно мнѣ было въ то время, пусто въ груди, словно вынули оттуда что-то. Читаю я проклятую бумагу, а самъ чуть не плачу. Жаль школы, жаль ребятишекъ. Не дали работать... Закинулъ ружье за плечи, ушелъ я въ лѣсъ на нѣсколько дней. Хорошо въ лѣсу. Жизни много, свободы. Идешь себѣ по тропѣ, надъ головой зеленое море шумитъ... Одинъ и не одинъ; никого будто нѣтъ, а подъ каждымъ листикомъ жизнь кипитъ. Смотришь кругомъ, прислушиваешься... По часу стоишь на одномъ мѣстѣ, за какимъ-нибудь лѣснымъ жителемъ наблюдаешь... Правда, и здѣсь борьба идетъ, но прямая, открытая; кто сильнѣе да умнѣе, тотъ и правъ, а подлости людской нѣтъ... А дѣтенышей своихъ какъ берегутъ и холятъ всѣ звѣри и птицы! Умереть за нихъ готовы...

Пришлось мнѣ переѣхать въ другой дальній городъ. Долго работы найти не могъ. Что осталось послѣ школы, скоро прожилъ. Голодать приходилось, да я не унывалъ. Я такъ полагаю, что полезно иногда человѣку и поголодать немножко. Только немножко, ибо все же положеніе такое для животнаго неестественное. Какъ это у Некрасова:

Недолгая насъ буря укрѣпляетъ, хоть ею мы мгновенно смущены,
А долгая на вѣки поселяетъ въ душѣ привычки робкой тишины.

Вотъ и долгое голоданіе да неудачи не только робкими насъ дѣлаютъ, но и рабами. Да что говорить, сами, чай, знаете.

Сталъ было я учительствовать въ реальномъ училищѣ, но не поладилъ съ директоромъ; скоро пришлось уйти. Къ счастью, одного стариннаго пріятеля въ предсѣдатели уѣздной земской управы выбрали. Устроилъ онъ меня народнымъ учителемъ въ большомъ селѣ. Дѣло хорошее. Учительствую годъ, другой, третій...

Ребятишки меня любятъ, съ крестьянами я въ дружбѣ. Бывало заходятъ ко мнѣ, бесѣдуютъ о томъ, о семъ, о дѣлахъ своихъ совѣтуются. Вѣдь мужики всякому живому знающему человѣку рады, когда у него на шапкѣ кокарды нѣтъ, и онъ не начальство. Не понравилась моя дружба съ крестьянами земскому начальнику, да и попъ на меня давно уже косился. Народному учителю въ деревнѣ двѣ дороги—или къ попу съ урядникомъ за чаемъ водку пить, или съ мужиками дружбу вести. Такъ ужъ тамъ жизнь складывается — середины-то нѣтъ... Ну, долго ли, коротко ли, только написали на меня доносъ, куда слѣдуетъ. Много всякой гадости было. Наконецъ, несмотря на защиту пріятеля-предсѣдателя, отстранили меня отъ должности, такъ какъ, видите ли, въ силу какого-то параграфа или циркуляра, кто ихъ тамъ разберетъ, лица съ университетскимъ образованіемъ не должны быть допускаемы въ народные учителя. Мыкался я долго, то тамъ, то здѣсь пристроюсь... Всего тяжелѣе и обиднѣе то, что къ дѣтямъ-то привыкнешь, сроднишься съ ними—и вдругъ трахъ... сила-то эта проклятая, гіероны сиракузскіе, ну и пошло все прахомъ.

Познакомился я съ одной семьей. Интеллигентные люди были и состоятельные. Пригласили они меня домашнимъ наставникомъ къ своимъ дѣтямъ и увезли съ собою за границу. Пять лѣтъ я тамъ прожилъ. Побывалъ вездѣ. Со многими хорошими людьми познакомился, вотъ и съ нимъ тоже, чей портретъ у меня на стѣнѣ виситъ. Много пользы мнѣ это знакомство принесло. Раньше какъ-то настоящая жизнь далеко отъ меня была, а тутъ какая-то перемѣна во мнѣ совершилась, и потянуло меня обратно въ Россію. Возвратился домой, на Волгу; получилъ мѣсто учителя въ женской гимназіи. Ничего, живу, даже съ начальствомъ лажу, какъ серьезнѣе на жизнь-то взглянулъ. Сестра при мнѣ, дѣвушка, только-что гимназію кончила; до этого времени она у двоюродной сестры въ другомъ городѣ жила. Бойкая такая, веселая... Молодежь у насъ бываетъ... Разговоры всякіе идутъ. Случалось, и товарищи заграничныхъ моихъ знакомыхъ по дорогѣ заѣзжали; ночки двѣ переночуютъ и опять дальше... Соколы залетные...

А работать въ гимназіи все тяжелѣе дѣлается. Формализмъ, казенщина; не школа, а казарма какая-то. И нашло на меня сомнѣніе. Хотѣлъ я совершенно учительство оставить, да случилось одно обстоятельство... Впрочемъ, можетъ быть надоѣлъ я вамъ стариковской болтовней, да и спать, поди, хотите.

— Нѣтъ, нѣтъ, что вы... Только холодно мнѣ; нервничаю я, что ли,—сказалъ Гориновъ, пожимаясь.

— Да что жъ вы не скажете? Стойте, я вамъ пальто принесу, теплое, стариковское. — И хозяинъ поспѣшно пошелъ въ избу. Черезъ минуту онъ возвратился и какъ ребенка укуталъ Горинова старенькимъ мѣховымъ пальто. Сдѣлалъ онъ это такъ любовно и нѣжно, что смутившійся Гориновъ не нашелъ силы протестовать.

— Вотъ такъ тепло будетъ. А я буду продолжать, если вправду не наскучилъ.

IV.

Была въ пансіонѣ женской гимназіи одна сиротка, въ седьмомъ классѣ училась. Славная такая, и способная; и собою хороша. Стройная, какъ молодая елочка въ лѣсу; дѣвочка еще совсѣмъ. Напоминала она мнѣ одну дѣвушку, дорогую по памяти: старикомъ-то я не всегда былъ. Завидную и страшную участь судьба ей уготовила. Да... И отъ этой дѣвчурки ждалъ я многаго... Сижу это я какъ-то разъ въ своемъ кабинетѣ въ гимназіи, приборы къ уроку физики приготовляю. Вдругъ эта самая дѣвочка, Анютой ее звали, вошла блѣдная такая, сѣла на стулъ, молчитъ. Молчу и я. Часто ко мнѣ молодежь заходила, за совѣтомъ, на начальство пожаловаться или просто такъ отдохнуть... Только взглянулъ я на Анюту, смотрю—совсѣмъ плохо съ ней: глаза закатила, не дышетъ, вотъ-вотъ со стула свалится. Я къ ней.—Что̀ съ вами,—говорю,—дурно?—Воды далъ, эѳиромъ виски потеръ, отошла.

— Вы,—говоритъ,—Александръ Ивановичъ, добрый, дайте мнѣ яду: жить не могу.

Вижу что-то съ ней неладно; въ голосѣ слезы, руки дрожатъ, а въ глазахъ горе не дѣтское.—Хорошо,—отвѣчаю,—хорошо. Приходите сегодня ко мнѣ на квартиру, часика въ четыре.

Послѣ обѣда приходитъ, а мы съ сестрой чай пьемъ съ малиновымъ вареньемъ, какъ сейчасъ помню. Нарочно для гостьи подать велѣлъ малиновое-то варенье... Встрѣчаю я Анюту какъ бы ничего и не было. Угощаемъ мы ее, о постороннихъ вещахъ говоримъ, шутимъ. А пришла она серьезная, спокойная, только большіе глаза блестятъ, на щекахъ румянецъ горитъ. Молчала сперва, а потомъ стала разсказывать, безучастно такъ, словно не о себѣ.

Старикъ на минуту замолчалъ, закурилъ дрожащей рукой папиросу и нѣсколько измѣнившимся голосомъ снова заговорилъ:

— Соблазнилъ ее, видите ли, учитель словесности, чело-

вѣкъ уже пожилой. Ласки въ жизни, должно быть, мало она видѣла. Ну и увлеклась и забеременѣла. А учитель этотъ... знаете, типъ такой есть бабьяго пророка: говоритъ красно, Бальмонта декламируетъ, Ницше цитируетъ. Форменный мерзавецъ. Поманилъ дѣвочку, да и бросилъ... Вижу положеніе дѣйствительно скверное. Родныхъ у дѣвочки нѣтъ, живетъ въ пансіонѣ изъ милости, и въ гимназіи безплатно учится. Сижу, думаю. А сестра уже Анюту въ постель уложила, припадокъ съ ней случился. Немного погодя, смотримъ—она совсѣмъ больная. Сбѣгалъ я за докторомъ, свой онъ былъ человѣкъ, разсказалъ ему все. Осмотрѣлъ онъ больную и нашелъ тифозную горячку.

— Давно,—говоритъ,—уже больна. Удивительно, что раньше не свалилась.

Уговорились мы съ нимъ, и я сейчасъ же къ начальницѣ отправился. Сообщилъ ей, что Анюта въ гостяхъ у моей сестры тифомъ заболѣла; оставляемъ ее мы у себя; я къ знакомымъ переѣду, а за больной сестра ухаживать будетъ; только никому пока приходить нельзя, докторъ не велѣлъ: очень заразительная форма...

А недѣли черезъ двѣ скончалась бѣдняжка. Словно цвѣтокъ рѣдкій погибла, никого не порадовавъ. Передъ смертью въ сознанье пришла, позвала меня. Худенькая такая лежитъ, ручки какъ щепочки, на мальчика похожа,—волосы чудные были, во время болѣзни отрѣзали.

— Милый Александръ Ивановичъ, говорили вы, что хотите бросить учительство... Исполните мою просьбу, продолжайте свою работу, пока можно... Вамъ тяжело, а вѣдь дѣтямъ еще тяжелѣе... Недаромъ мы въ вашъ кабинетъ отдыхать бѣгаемъ... И сколько насъ гибнетъ... Вотъ и я... Обѣщайте, что останетесь.

Вижу—волнуется.

— Хорошо, говорю, Анюточка, успокойтесь, буду вашему брату единицы ставить.

— Да вы не шутите, — строго такъ говоритъ,—слово мнѣ дайте, вотъ при нихъ, — на сестру да на доктора глазами показываетъ.

— Даю, Анюточка,—а у самого слезы такъ и текутъ...

Умерла. Молодежь хоронить собирается. Узналъ я, что негодяй-то этотъ, надъ покойницей который надругался, рѣчь на могилѣ говорить намѣревается. Эдакій подлецъ! Пошелъ я къ нему вмѣстѣ съ докторомъ. А докторъ, надо сказать, человѣкъ былъ энергичный и большой популярностью въ городѣ пользовался... Припугнули мы этого педагога такъ, что не только онъ

изъ города внезапно уѣхалъ, но и учительство совсѣмъ бросилъ.

А смерть Анюточки сблизила насъ тѣснѣе съ докторомъ. Еще кое-кто къ намъ примкнулъ. Живемъ дружно, душа въ душу. Помню обѣщаніе, данное покойницѣ, а друзья мои еще больше утверждаютъ меня въ мысли оставаться учителемъ. Другого, какъ ты — говорятъ, — не найдешь; слово, должно быть знаешь завѣтное,—молодежь къ тебѣ такъ и льнетъ, какъ мухи на патоку".

V.

Незадолго до Японской войны въ городѣ коммерческое училище открылось. Перешелъ я туда изъ гимназіи. Здѣсь работать полегче было. Никто не мѣшаетъ. Купечество только кланяется да благодаритъ. Кабинетъ по естествознанію богатѣйшій.

Началась война. Вижу, съ молодежью что-то необыкновеное творится. Волнуются больше чѣмъ взрослые, газеты читаютъ, общественными науками занимаются, кружки составляютъ, шепчутся. Да нѣтъ, думаю, шалите, отъ меня не скроетесь. Такъ и вышло. Стали собираться на моей квартирѣ: безопаснѣе. Спорятъ, горячатся. Бурлитъ молодое вино — всѣмъ недовольны. Начали съ начальствомъ воевать. Еле-еле ихъ сдерживаемъ. Жалко молодыя силы, если даромъ погибнутъ... Пошло оживленіе и въ обществѣ.

Побили насъ японцы, кончилась война. Тамъ и сямъ забастовки начались, митинги и собранія чуть не каждый день, а молодежь, конечно, еще пуще волнуется.

Собралось какъ-то у меня делегатское собраніе, человѣкъ пятнадцать, и рѣшаютъ произвести забастовку въ училищахъ и гимназіяхъ, да сразу во всѣхъ городахъ, что̀ по Волгѣ находятся. Одна гимназистка тутъ очень горячилась.

— Наши родители,—говоритъ,—буржуи и трусы порядочные. Встряхнуть ихъ надо. Если мы забастуемъ, не захотимъ учиться въ рабской школѣ подъ начальствомъ чиновничьихъ футляровъ, такъ отцы и матери невольно вмѣстѣ съ нами за свободную школу бороться станутъ.

А семинаристъ одинъ замѣчаніе вставляетъ:

— А что ежели, барышня, казаки васъ поколотятъ или, еще хуже, изъ ружья пристрѣлять, что̀ тогда?

— А тогда, — голосъ у дѣвушки звенитъ, глаза искры мечутъ, — тогда наша борьба кровью запечатлѣется и пріобщитъ

насъ, молодежь, къ великому дѣлу славныхъ борцовъ за свободу родины. И стыдно будетъ нашимъ отцамъ и учителямъ. Позоръ ляжетъ на ихъ голову.

Долго спорили, все подробно обдумали, хоть старикамъ впору. Серьезные такіе, сдержанные. Проголосовали закрытой баллотировкой и большинствомъ порѣшили бастовать...

Дня черезъ три по дѣламъ учительскаго союза пришлось мнѣ, старику, проѣхаться по Волгѣ. Въ одномъ городѣ, помимо всего прочаго, надо было мнѣ повидаться съ такою же, какъ наша, молодежью. Сижу это я въ извѣстный часъ на набережной въ садикѣ, курю папиросу, поглядываю. Съ высокаго берега верстъ на тридцать глазъ охватываетъ. Ширина, просторъ. Лѣса золотомъ уже покрыты. За синей дымкой вдали озерки лѣсныя серебрятся, села съ церквами видны, деревни, поселки. А подо мной внизу Волга катитъ мутныя волны. На пристаняхъ шумъ, движеніе, говоръ. „Дубинушка" слышится:

Хорошо наши катаютъ, приговариваютъ,
Молодые кузнецы куютъ, навариваютъ.
Эй, дубинушка, ухнемъ,
Родимая сама пойдетъ,
Подернемъ...

Размечтался я подъ пѣсню. Пойдетъ, думаю, Россія, пойдетъ, родимая...

Подсаживается ко мнѣ молодой человѣкъ въ гимназической формѣ.

— Дѣдушка, сколько времени?—спрашиваетъ.

— Много, отвѣчаю, внучекъ.

Ну, видимъ, что мы именно тѣ и есть, кого другъ другу нужно. Подошли еще двое. Сидимъ, бесѣдуемъ... Переговорили все, что слѣдовало; встаю я, на пароходъ собираюсь.

— А собственно, товарищъ, кто вы такой?—на прощанье одинъ спрашиваетъ.

— Инспекторъ, отвѣчаю,—я въ коммерческомъ инспекторомъ былъ.—Какъ они отъ меня прыснутъ въ сторону, по привычкѣ значитъ и кричатъ:

— Какого чорта они намъ прислали.—Потомъ сконфузились, подошли.—Позвольте, дѣдушка, — говорятъ, — васъ поцѣловать.

Распрощались мы по хорошему. Черезъ недѣлю я уже дома былъ. Въ училищѣ у насъ Богъ знаетъ, что дѣлается. Директоръ больной лежитъ, двумъ преподавателямъ ученики бойкотъ объявили, въ классъ не пускаютъ. Одинъ изъ нихъ—французъ—на урокахъ скабрезные анекдоты разсказывалъ и маленькихъ

мальчиковъ развратить было задумалъ, на домъ ихъ къ себѣ приглашать сталъ. А другой, учитель чистописанія, экспертомъ состоялъ при жандармскомъ управленіи для сличенія почерковъ, ну и сыскомъ занимался, должно быть...

Уполномочилъ меня попечительный совѣтъ замѣстить директора, а вскорѣ послѣ его смерти и оффиціально меня на эту должность избралъ. Тяжеленько мнѣ пришлось, трудное это было время. Конечно, этихъ преподавателей, француза и эксперта, сейчасъ же по боку. Успокоилъ я молодежь въ училищѣ: погодите, молъ, время еще будетъ.

Незадолго передъ 17-мъ октябремъ рѣшена была у учащихся забастовка. Собралъ я тогда педагогическій совѣтъ. Такъ и такъ, говорю, господа сослуживцы, сами видите, что въ Россіи дѣлается. Народъ свободу требуетъ, всѣ волнуются. Тяжело молодежи сейчасъ учиться, да и намъ, учителямъ, нелегко учить; и ихъ, и себя насилуемъ. Навѣрно вы слышали, что не сегодня-завтра учащіеся объявляютъ забастовку и организуютъ демонстрацію съ требованіемъ свободной школы. Что же мы дѣлать будемъ, мы, носящіе высокое званіе учителя? Вѣдь отъ жизни не спрячешься, школьныя двери отъ нея не запрешь. Къ полиціи обращаться ни вы, ни я не захотимъ... Вспомните, господа, Курскъ. Тамъ кровь лилась, кровь дѣтей и юношей. А гдѣ учителя были?—И много я имъ еще сказалъ. Но молчитъ педагогическій совѣтъ. Замолчалъ и я. Наконецъ, одинъ спрашиваетъ, осторожно такъ:

— А какъ вы полагаете, Александръ Ивановичъ, намъ поступить слѣдуетъ?

Улыбнулся я, вижу въ чемъ дѣло.

— Думаю, слѣдуетъ намъ самимъ учениковъ отпустить, передать ихъ попеченію родительскому, такъ какъ, видно, мы, учителя, и сами не знаемъ, что надо дѣлать. Прошу секретаря это предложеніе отъ моего имени въ протоколъ занести. Ну, тутъ всякіе разговоры пошли. Одни говорятъ: отпустить, другіе — нельзя, престижъ педагогическій подрывается; третьи начальства боятся. Однако все же рѣшили на слѣдующій день распустить учениковъ до поры до времени, а самимъ поступать каждому по совѣсти...

Грустно мнѣ было на этомъ совѣтѣ: чиновники передо мной сидятъ, а не люди живые. Одѣваюсь внизу въ шинельной, а швейцаръ Николай какимъ-то особеннымъ интимнымъ тономъ мнѣ говоритъ:

— Дозвольте намъ, Александръ Ивановичъ, со сторожами

учениковъ оберегать; слышно, что они завтра по улицамъ пойдутъ и требованія заявятъ—потому забастовка-съ.

— Да вамъ-то что, Николай, до этого.

— Какъ же-съ, помилуйте, вѣдь я со дня открытія состою при училищѣ. Воспитанниковъ своихъ по именамъ всѣхъ знаю...

VI.

Поздно ночью ко мнѣ пришло трое юношей. Физіономіи у нихъ торжественныя, словно именинники.

— Завтра,—говорятъ,—начинаемъ. У насъ рѣшено, чтобы вы, Александръ Ивановичъ, дома оставались, на улицу цѣлый день не выходили. Больнымъ, что ли, скажитесь.

— Ахъ вы,—говорю,—друзья мои милые! Вѣдь я раньше-то всего учитель, а потомъ уже что другое. Уходите отъ меня, самъ знаю, что мнѣ дѣлать.

Сестра тоже было сунулась: тебѣ нельзя.

— А докторъ,—спрашиваю я ее,—пойдетъ?—Покраснѣла, отвернулась.—Ложитесь-ка вы спать, утро вечера мудренѣе.

Легъ и я, да не спится. Все мнѣ мерещится, какъ дѣтей въ Курскѣ били, копытами топтали. Разгулялись нервы, что ли. Мальчика какого-то маленькаго вижу, въ крови весь, рученками тянетъ, „помогите“, кричитъ... Покойницу Анюту вспомнилъ...

Утромъ всталъ, сунулъ револьверъ въ карманъ и пошелъ въ училище. Не дамъ, думаю, своихъ ребятъ въ обиду. И жутко мнѣ, и радостно. Учитель, говорю я себѣ, учитель... Чему ты училъ? Любви и правдѣ—такъ и доведи свои уроки до конца... Если надо, умри за любовь и правду...

Смутно это я помню, какъ во снѣ. Большая толпа, юноши, дѣвушки и малыя дѣти... Идемъ мы по главной улицѣ. На тротуарахъ народъ сгрудился. Окна отворены, люди смотрятъ. Около меня молодцы какіе-то, семинаристы, ученики фельдшерской школы, сильные, здоровые. Марсельезу поютъ... Рабочіе маленькихъ ребятъ за руку ведутъ... Старуха растрепанная внучку ищетъ. Нашла, обрадовалась, рядомъ пошла... Мои воспитанники знамя несутъ; на красной матеріи бѣлыми буквами вышито: „Да здравствуетъ свободная школа въ свободной Россіи“... Толпа все больше, больше. Гимназистки въ бѣлыхъ передникахъ, словно на актѣ...

Вдругъ топотъ, казаки, команда... Меня держитъ кто-то. Я вырываюсь, впередъ бѣгу, кричу: „не смѣйте, не смѣйте“. Ло-

шадиныя морды надъ самой головой. Кто-то говоритъ: „успокойтесь, никого не тронутъ, не приказано“. Везутъ меня куда-то. Передъ глазами молодыя лица мелькаютъ...

Очнулся я только дома. Дѣйствительно никого не тронули, не били.

Наступило тутъ вскорѣ и 17-ое октября. Манифестъ пришелъ. И хочется вѣрить, и не вѣрится. Организовался родительскій союзъ. Встряхнули дѣти отцовъ и матерей. Учащіеся требованія вырабатываютъ, свободную школу создаютъ. Меня, старика, совсѣмъ затормошили. Полонъ домъ молодежи. Съ одного собранія на другое еле поспѣваешь: и тамъ дѣло, и здѣсь, всюду побывать надо...

Прошелъ медовый мѣсяцъ; опомнилось начальство и начало прижимать. Въ концѣ ноября пришла бумага изъ Питера, что въ должности директора меня не утверждаютъ. Я, пожалуй, и радъ, не по душѣ мнѣ административный постъ занимать, да навязало намъ министерство въ директора человѣка грубаго, самовластнаго. Пріѣхалъ онъ изъ западнаго края, давай новые порядки вводить. На учениковъ кричитъ, бранными словами обзываетъ. Одного мальчика собственноручно изъ класса вытащилъ, куртку на немъ порвалъ. Ученики его сразу бойкотировать стали. По коридору, бывало, ему пройти нельзя: швыряютъ въ него чѣмъ ни попало. Послѣ 17-го октября ученіе-то у насъ наладилось, а тутъ не до занятій, безобразіе полнѣйшее. Собрался педагогическій совѣтъ. Директоръ предлагаетъ исключить нѣсколькихъ учениковъ. Я, признаться сказать, погорячился и многаго рѣзкаго наговорилъ. Спасибо, поддержали сослуживцы, и никого мы исключить не дали. Директоръ какъ будто бы уступилъ, мягче сталъ. А недѣли черезъ двѣ отъ учебнаго начальства бумага пришла съ предложеніемъ отстранить меня совсѣмъ отъ учительства. Было это передъ самымъ почти Рождествомъ. Заволновались ученики, такую бучу подняли, что пришлось ихъ раньше времени распустить на святки. Приготовишки, и тѣ кричатъ:

— Долой директора, хотимъ Александра Ивановича!

Конечно, нечего и говорить, многіе за меня хлопотать пробовали, да ничего не вышло; даже на телеграмму изъ министерства не отвѣчали.

Послѣ Рождества на первомъ же урокѣ, во второмъ классѣ,— добро бы въ старшемъ,—одинъ ученикъ, я и фамиліи его, признаться, до этого времени не зналъ, встаетъ и спрашиваетъ у директора:

— Почему Александръ Ивановичъ изъ училища ушелъ?

Директоръ разсердился, затопалъ, закричалъ, а этотъ мальчуганъ подошелъ къ нему.

— Ну такъ и васъ въ училищѣ не будетъ,—и ударилъ директора по щекѣ, а потомъ обернулся къ классу и кричитъ: Товарищи, уйдемъ!

Соскочили ученики съ партъ, поднялся крикъ, шумъ. Прибѣжали воспитанники старшихъ классовъ, сходку въ залѣ собрали и порѣшили опять объявить забастовку.

Ну, конечно, этотъ господинъ все же остался директоромъ, а дѣти поплатились: многихъ тогда выключили.

Немного погодя арестовали меня, а сестра съ докторомъ за границу уѣхать успѣла. Сидя въ тюрьмѣ, узналъ я любовь дѣтскую. На свиданье со мной дѣтей, конечно, не пускали,—такъ къ тюремной оградѣ въ то мѣсто, откуда окошко мое было видно, каждый день по нѣсколько разъ приходили.

Бывало, то и дѣло кричатъ товарищи:

— Дѣдушка, къ вамъ опять гости пришли.

Влѣзу я на окошко, возьму бинокль,—глаза-то плохо видятъ—и любуюсь на ихъ славныя лица. Руками, платкомъ машутъ, покричатъ, бывало, что-нибудь, да плохо слышно—далеко. Дѣвочки приходили, гимназистки. Помню разъ у одной—казакомъ я ее въ шутку звалъ, здоровая такая, бойкая—съ часовымъ столкновеніе вышло. Смотрю это я въ бинокль—съ кѣмъ-то она разговариваетъ подъ стѣной, а потомъ шубку распахнула, на грудь показываетъ. Кто выше этажемъ сидѣлъ, тому видно—съ часовымъ дѣвица воюетъ:

— Стрѣляй,—говоритъ,—если смѣешь, въ свободнаго человѣка, а я не уйду.

Тюрьма ей апплодируетъ, а я испугался, рукой машу: уходи, дескать. Ушла.

Какъ-то разъ въ серединѣ апрѣля приходитъ ко мнѣ начальникъ тюрьмы, глаза отводитъ и скромно такъ говоритъ, какъ бы стыдясь чего:

— Собирайтесь, Александръ Ивановичъ, сегодня васъ въ Тобольскую губернію высылаютъ—распоряженіе пришло.

Удивился я. Въ первый разъ такъ-то.

— Чего раньше не предупредили! Когда я успѣю?

Помялся смотритель, а потомъ „конфиденціально“ и сообщаетъ:

— Боятся, потому и внезапно. Слухъ прошелъ, будто учащіеся васъ отбить хотятъ.

— Не поѣду, отвѣчаю, сегодня. Ни за что не поѣду, что хотите дѣлайте, такой скандалъ устрою, не рады будете.—Разсердился я очень.

Онъ туда-сюда, убѣждать, упрашивать; наконецъ, говоритъ.

— Хорошо, извольте, только для васъ, Александръ Ивановичъ. Отпишусь, что этапъ уже собранъ; поздно, дескать, предписаніе прислали. А все-таки со слѣдующимъ этапомъ черезъ недѣлю собирайтесь.

VIII.

Послѣдніе дни стали ко мнѣ на свиданіе свободно пускать. Помѣщеніемъ для свиданій служила тюремная школа. И сижу я въ ней со своими дѣтьми, какъ бывало на урокахъ: они на лавочкахъ, а я на стулѣ за столикомъ. Нанесли мнѣ вещей различныхъ, каждый подарокъ на память дѣлаетъ. Одинъ мальченка компасъ подарилъ.

— Зачѣмъ это?—я его спрашиваю.

— А бѣжать, Александръ Ивановичъ, вздумаете.

Папиросъ столько надавали, сигаръ, что, почитай, цѣлый годъ курилъ... Сижу я съ ними, съ этой милой молодежью и по душѣ разговариваемъ. Начальство, надзиратели, хорошо ко мнѣ относились, не мѣшали... Тутъ и маленькія дѣти и взрослые, и мои ученики и изъ другихъ училищъ. Гимназистки цвѣтовъ нанесутъ, на столъ поставятъ, конфетъ, сладостей притащатъ, сами же и поѣдятъ...

Говорю я имъ о наукѣ, о жизни; а то просто такъ молчимъ, другъ на дружку смотримъ, любуемся. Пришелъ ко мнѣ и тотъ мальчуганъ, который пощечину директору далъ; маленькій совсѣмъ, худенькій, нервный. Спрашиваю я его:

— За что это ты, милый, начальство изобидѣлъ?

Онъ покраснѣлъ, слезы сначала на глазахъ показались, блузу свою теребитъ, а потомъ тихонько-то и говоритъ.

— Мало ему еще; онъ злой, нехорошій. На васъ доносъ написалъ. Всѣ ученики на него сердились...

— А меня-то ты какъ знаешь? Я у васъ въ классѣ не преподавалъ.

— А помните, Александръ Ивановичъ, при старомъ еще директорѣ, я французу въ спину тряпкой запалилъ, а директоръ меня за это домой отсылать сталъ. А вы подошли да и говорите: „это нечаянно, я его знаю—онъ славный. Только трусы

да нечестные сзади нападаютъ"... Простите, Александръ Ивановичъ: я тогда не сказался, а вѣдь я французу-то нарочно...

Кругомъ хохочутъ, а малышъ, вижу, кукситься. Я его успокоилъ, обласкалъ.

За день до отправки этапа вызываютъ меня въ неурочное время въ контору. Иду я и знаю, что меня тамъ ждетъ: предупредили знакомые. Сидятъ два педагога съ постными лицами. Поднялись на встрѣчу, сочувственно вздыхаютъ, руки жмутъ... Посидѣли, помолчали. Я жду. Наконецъ, сообщаютъ, что учащіеся всѣхъ заведеній хотятъ устроить мнѣ демонстративные проводы, такъ чтобы я черезъ нихъ, этихъ самихъ педагоговъ, ученикамъ послалъ письменный отказъ—не хочу, молъ, демонстраціи, считаю ее для нихъ и для себя вредной. Хорошо они такъ говорили, ласково, убѣдительно. А я ихъ спрашиваю:

— Отъ кого вы пришли? Учительскій союзъ васъ, что ли, прислалъ, или, быть-можетъ, сама молодежь?

Смутились оба.

— Нѣтъ,—отвѣчаютъ,—сами. Дѣтей намъ жалко.

— Начальство васъ послало, вотъ кто,—директора да начальницы. Гдѣ они раньше-то были? Да и вы тоже, господа педагоги? Небось, когда была демонстрація учащихся въ октябрѣ, такъ вамъ дѣтей не жалко было, къ полиціи обращались, по квартирамъ прятались... Пойдите и плюньте въ глаза начальству, вотъ вамъ мой отвѣтъ.

Выскочили оба изъ конторы, какъ ошпаренные. А помощникъ смотрителя и письмоводитель хохочутъ:

— Ловко вы ихъ, Александръ Ивановичъ, отдѣлали.

На слѣдующій день вызвалъ къ себѣ прокурора; было въ немъ что-то немножко человѣческое, да и дочь его—моя бывшая ученица... Христомъ-богомъ умоляю:

— Поѣзжайте къ губернатору и полицеймейстеру, упросите ихъ ради дочери вашей, чтобы завтра учащихся не трогали. Вѣдь не преступника опаснаго, а учителя своего проводить хотятъ.

— А вы дадите слово,—спрашиваетъ,—никакихъ рѣчей не произносить?

— Даю.

— Да вотъ еще, — продолжаетъ прокуроръ, — по городу слухъ идетъ—молодежь будто отбить васъ у конвоя хочетъ.

— Ерунда,—говорю—не вѣрьте, можете быть покойны.

Наступилъ день отправки этапа. Обошелъ я всѣ камеры, попрощался съ товарищами.

— Скоро—кричатъ они мнѣ—увидимся. Дума амнистію потребуетъ.

— Какъ же—отвѣчаю,—ждите!—А все же и у самого маленькая надежда была, что ненадолго уѣзжаю.

Спустился я въ контору; надзиратели за мной вещи несутъ и тоже увѣренность высказываютъ, что скоро вернусь. Въ коридорѣ этапъ собранъ: двадцать человѣкъ уголовныхъ пересылаютъ.

Отказался я до вокзала пѣшкомъ идти—думаю, дѣтей не видно мнѣ будетъ изъ-за другихъ. Позвали въ тюремный дворъ извозчика, помѣстили меня на него, рядомъ этапный офицеръ сѣлъ... Тронулось шествіе. Впереди полицеймейстеръ съ начальникомъ тюрьмы на парѣ ѣдутъ, а вокругъ нашей пролетки конвойные солдаты съ шашками наголо. Другая цѣпь идетъ съ винтовками, а за ними спереди и съ боковъ казаки, а сзади отрядъ конной полиціи.

Выѣхали мы изъ воротъ тюрьмы. Я такъ и ахнулъ: цѣлый полкъ городовыхъ и околодочныхъ, а на другой сторонѣ, безъ шапокъ, въ мундирахъ разныхъ формъ, учащіеся стоятъ, дѣвочки, дѣвушки, барыни, рабочіе, мастеровые. Тронулись мы шагомъ—скоро-то нельзя, а по обѣимъ сторонамъ улицы дѣти, молодежь и народъ идетъ. Шапками, платками машутъ, цвѣты бросаютъ... Сижу я безъ шляпы, не могу—плачу... День погожій, весна въ самомъ разгарѣ. Молодой листвой пахнетъ. Солнышко ласково улыбается. На сердцѣ тепло, любовно. Хочется во всю грудь крикнуть: славные вы мои, милые!.. Только рукой машу—помню, что слово далъ. А дѣти мнѣ киваютъ: знаемъ, молъ, старый, знаемъ—и тоже, на солнышко хмурясь, улыбаются...

А народу все больше да больше... Сквозь слезы узнаю знакомыя лица. Нѣкоторые съ родителями пришли. И хотя много пожилыхъ людей, а кажется мнѣ, что у толпы одно лицо—молодое, свѣтлое, съ ясными глазами, съ тихой улыбкой... Оглядываюсь по сторонамъ, смотрю, а этапный офицеръ съ извозчика уже слѣзъ, рядомъ пѣшкомъ идетъ. Стыдно ему стало, что ли, вмѣстѣ со мной сидѣть.

Доѣхали до вокзала нескоро—версты три отъ тюрьмы-то. А тамъ молодежи и народу еще больше, и весь вокзалъ полиціей оцѣпленъ. Остановились. Слѣзать надо. Приподнялся я въ пролеткѣ, поклонился на всѣ стороны и уже отъ слезъ ничего не вижу. Слышу только крики:

— До свиданія, Александръ Ивановичъ! до свиданія, дѣдушка! до свиданія, нашъ учитель!

Увели меня куда-то черезъ боковой входъ. На платформу и внутрь вокзала никого не пускаютъ. Съ часъ держали гдѣ-то въ темномъ углу. Наконецъ, помѣстили въ арестантскій вагонъ. Смотрю: съ моими вещами куча свертковъ и кульковъ лежитъ.

— Что это?—спрашиваю у конвойнаго.

— Да все ваше, господинъ учитель,—отвѣчаетъ,—съ утра сегодня носятъ,—а самъ улыбается, молоденькій такой, совсѣмъ мальчикъ.

Тронулся поѣздъ. Я къ оконной рѣшеткѣ лицомъ прильнулъ. Гляжу, а на запасныхъ путяхъ ученики на товарные вагоны влѣзли, шапками машутъ, кричатъ мнѣ:

— Прощай, учитель!

Старикъ замолчалъ.

— Да, такія-то дѣла,—вздохнувъ, тихо произнесъ онъ.

Гориновъ порывисто схватилъ руку стараго учителя и, самъ не отдавая себѣ отчета, поцѣловалъ ее.

— Что вы, что вы? Зачѣмъ это?

— Знаете что, милый Александръ Ивановичъ? Не останусь я здѣсь больше, убѣгу. Буду работать. Вѣдь два года безполезно прошли, да и раньше... Спасибо вамъ, разбудили меня.

— Ну и хорошо, ну и ладно! Утро вечера мудренѣе, а сейчасъ давайте-ка ляжемъ спать. Посмотрите—заря начинается.

Далеко за туманными лугами, гдѣ блѣдно-сѣрое небо сливалось съ темной землей, едва замѣтно алѣла тонкая полоска разсвѣта. Старый лѣсъ просыпался. Легкій утренникъ пробѣгалъ по верхушкамъ деревьевъ, стряхивая съ вѣтокъ капли росы. Пролетѣла стайка утокъ и опустилась гдѣ-то въ озеркѣ за дымящейся рѣчкой. На деревнѣ дѣловито прокричалъ пѣтухъ; ему отозвался другой, третій... За изгородью въ овсахъ забулькала перепелка... Старая собаченка вылѣзла изъ подворотни, потерлась объ уголъ заваленки, лѣниво тявкнула раза два и, сладко потянувшись всѣмъ тѣломъ, улеглась на крылечкѣ...

Аркадій Велскій.

ОЧЕРКИ
СОЦІАЛЬНАГО БЫТА
ФРАНЦІИ

Принудительное отчужденіе и судьба національныхъ имуществъ во Франціи

*(Окончаніе *).*

IV.

Приступимъ теперь къ нашей ближайшей задачѣ: спросимъ себя, кто всего болѣе воспользовался произведенной государствомъ ликвидаціей церковной собственности?

Всѣ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя въ одно слово указываютъ на то, что въ мѣстностяхъ, далеко расположенныхъ отъ крупныхъ торговыхъ, промышленныхъ или административныхъ центровъ, большинство покупателей пришлось на долю мѣстнаго населенія. Даже въ тѣхъ департаментахъ, въ которыхъ находились такіе населенные города какъ Парижъ, Марсель, Ліонъ, Бордо, богатая буржуазія наложила свои руки на одни подгородныя имѣнія, да еще на церковныя строенія, расположенныя въ самомъ городѣ. Очень наглядно это выступаетъ въ отношеніи къ Ліону. Вермаль указываетъ на то, что въ Ліонѣ застроенная собственность церквей и монастырей почти на по-

---

*) См. ноябрь, стр. 270.

ловину перешла къ зажиточнымъ семьямъ города. Въ сосѣднихъ къ нему селеніяхъ, образующихъ такъ называемую „Campagne de Lyon", выдѣленную въ особый округъ, участіе ліонской буржуазіи въ торгахъ сказалось пріобрѣтеніемъ ея членами изъ 952 отчужденныхъ участковъ 185. Но въ далеко расположенномъ отъ Ліона Божолэ, образовавшемъ отдѣльный округъ Виллефранша, изъ 1112 участковъ всего 27 куплены были жителями Ліона [1]).

Въ ближайшихъ окрестностяхъ другого большого центра, Марселя, мы встрѣчаемся съ тѣмъ же переходомъ въ руки богатыхъ негоціантовъ значительной части продаваемыхъ съ торговъ церковныхъ имуществъ. Такъ въ Обань [2]) сосѣдство Марселя сказывается тѣмъ, что въ числѣ лицъ, пріобрѣвшихъ эти имущества, имѣется шесть негоціантовъ, два фабриканта фаянса, одинъ кожевникъ, одинъ капитанъ торговаго судна, два каменьщика-предпринимателя. Кромѣ нихъ мы находимъ только одного покупателя, не принадлежащаго прямо къ буржуазіи; онъ состоитъ на государственной службѣ. Въ округѣ Марселя продано было всего 620 участковъ; изъ нихъ 94 пришлось на долю сельскихъ покупщиковъ. Въ числѣ лицъ, принявшихъ ближайшее участіе въ торгахъ, имѣется нотаріусъ, нѣсколько негоціантовъ и каменьщиковъ-предпринимателей [3]).

Что касается до самого города Марселя, то изъ 526 участковъ, поступившихъ въ немъ на торги, всего четыре оцѣнены были ниже тысячи франковъ, восемнадцать—отъ тысячи до пяти тысячъ, прочіе—выше этой цифры. Купцы, фабриканты, буржуа и собственники, участвуютъ въ торгахъ. Всего на-всего девять покупателей обозначены прозвищемъ „воздѣлыватели". Причислить ихъ къ крестьянамъ-собственникамъ нѣтъ ближайшаго основанія. Они легко могли быть съемщиками чужихъ земель [4]).

За предѣлами марсельскаго округа земли рѣже переходятъ въ руки буржуазіи. Въ числѣ покупателей большинство—„воздѣ-

---

[1]) Fr. Vermale. Essai sur la répartition sociale des biens ecclésiastiques nationalisés, стр. 101 и слѣд.

[2]) Moulin. Département des Bouches du Rhône. Documents relatifs à la vente des biens nationaux, v. I, стр. XLV и слѣд.

[3]) Ibid., стр. LXX.

[4]) Маріонъ не считаетъ возможнымъ передать терминъ cultivateur словами крестьянинъ-воздѣлыватель. Имъ могъ быть, по его мнѣнію, столько же мелкій собственникъ, самъ воздѣлывающій свой участокъ, сколько и крупный, сдающій свои земли въ наемъ, а также фермеръ и пахарь (laboureur). См. Vente des biens nationaux, стр. 40.

лыватели" (cultivateurs) или ремесленники всякаго рода (кузнецы, ткачи, сапожники, лица, промышляющіе извозомъ и т. д. Особую категорію составляютъ сельскіе рабочіе (travailleurs въ отличіе отъ ouvriers) и такъ называемые ménagers, отъ слова ménage—хозяйство; въ нихъ трудно не признать обзаведшихся своимъ хозяйствомъ крестьянъ [1]).

Но и вдали отъ Марселя встрѣчаются случаи скупки продаваемыхъ долей или однимъ зажиточнымъ покупателемъ, или цѣлой компаніей ихъ. Такъ въ Ла-Форъ отчуждено 54 участка, изъ нихъ сорокъ цѣною свыше тысячи ливровъ каждый. Бо̀льшая ихъ часть, а именно 41, поступаютъ въ руки одного жителя Экса, уже владѣющаго двадцатью однимъ участкомъ. Въ Оріоль (Auriol) въ числѣ покупателей мы находимъ три ассоціаціи, составленныя изъ семи человѣкъ. Въ Оронсѣ на торгахъ выступаютъ такія же сообщества изъ 26 и 27 товарищей, все жители Оронса. Въ Барбентанѣ товарищества составлены одно изъ шести другое—изъ десяти, третье—изъ шестидесяти девяти человѣкъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ мѣсто товарищества занимаетъ одинъ скупщикъ, передающій затѣмъ пріобрѣтенные имъ участки тридцати лицамъ, изъ которыхъ почти всѣ—„ménagers", т.-е. „хозяйственные крестьяне" [2]).

Не одни большіе центры торговли и промышленности, но и менѣе значительные города, какъ Эксъ и Тарасконъ, приняли участіе въ ликвидаціи церковныхъ имуществъ. Рядомъ съ воздѣлывателями, ремесленниками и хозяйственными крестьянами, въ округѣ Экса на торги являются негоціанты, собственники, предсѣдатель окружнаго суда, муниципальный чиновникъ, адвокатъ, фабрикантъ бархата, богатый торговецъ изъ Марселя [3]).

Въ округѣ Тараскона проф. Лучицкій насчиталъ 45 буржуа, принявшихъ участіе въ покупкѣ церковныхъ земель. Они составляютъ меньшинство отъ $^1/_4$ до $^1/_5$ всѣхъ покупателей; но ничто не доказываетъ, чтобы перешедшія къ нимъ имущества не превышали этого размѣра. Помимо буржуа, въ числѣ тѣхъ,

---

[1]) Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Eguilles.—Parmi les acquéreurs on relève les noms de 38 cultivateurs.

Fuveau.—1 cultivateur, 1 charretier, 1 charbonnier, 1 maréchal-ferrant et 1 ménager.

Graveson.—4 ménagers, 1 menuisier, 8 travailleurs, 2 tisseurs en toile, 3 négociants.

Lambesc.—22 cultivateurs.

Maillane.—La majorité des cultivateurs sont des ménagers.

[2]) Ibid., стр. XLV—LXX.

[3]) Ibid., стр. XLV.

кому достались отчуждаемыя земли, указаны 82 хозяйственныхъ крестьянина (ménagers), 28 сельскихъ рабочихъ (travailleurs), 22 ремесленника и 62 жителя сосѣднихъ селеній безъ дальнѣйшаго обозначенія ихъ профессіи [1]).

Вліяніе, какое сосѣдство большого города имѣло на распредѣленіе секуляризированныхъ земель, наглядно выступило также на торгахъ, произведенныхъ въ округѣ Бордо.

Съ 5-го ноября 1790-го по конецъ 1793-го года въ немъ произведена была продажа 910 участковъ; изъ нихъ 580 образованы были изъ бывшихъ монастырскихъ земель, 306 изъ земель бѣлаго духовенства; остальные, въ количествѣ 34 вырѣзаны были изъ земель казенныхъ, иначе говоря—изъ государственныхъ доменовъ.

Число покупателей этихъ 910 участковъ достигло цифры 567 человѣкъ. Изъ нихъ 142 принадлежали къ числу негоціантовъ, 78 были купцами, 21—архитекторами, 10—медиками, 8—священниками, 8—юристами (hommes de loi), 3—нотаріусами, 6—артистами, 34 помѣчены подъ рубрикой bourgeois, т.-е. жителей не столько Бордо, сколько его предмѣстій. Они одновременно являются владѣльцами значительныхъ имѣній. Къ покупателямъ принадлежатъ также 2 книгопродавца, 3 инженера, 6 администраторовъ и судей, 4 капитана, командующихъ торговыми судами, одинъ дворянинъ, 17 портныхъ, шляпочниковъ и булочниковъ, 3 мясника, 1 пирожникъ, 54 бочаровъ, плотниковъ, слесарей, воздѣлывателей (cultivateurs) и всякаго рода ремесленниковъ. Профессія 149 не указана. О семнадцати сказано, что это жены или вдовы. Вся отчужденная собственность оцѣнена въ 10.766.830 ливровъ, а продана за 15.116.000 ливровъ, изъ которыхъ 14.501.900 ливровъ уплочены были членами буржуазіи [2]).

Послѣ всего сказаннаго не мудрено, если Минцесу, изучившему судьбу церковныхъ имуществъ въ округахъ, близкихъ къ Версалю и Парижу, т.-е. къ королевской резиденціи и къ столицѣ государства, пришлось также засвидѣтельствовать численный перевѣсъ покупателей изъ средняго сословія [3]).

Спрашивается теперь, въ какой мѣрѣ въ сельскихъ округахъ, расположенныхъ на значительномъ разстояніи отъ большихъ городовъ, отдѣльные классы общества, въ частности крестьянство, участвовали въ пріобрѣтеніи церковныхъ имуществъ?

---

[1]) De la petite propriété en France.

[2]) Marion, стр. 51 и 52.

[3]) Die Nationalgüter-Veraüsserung von Boris Minzers.

Намъ необходимо остановить наше вниманіе на такихъ департаментахъ, или частяхъ департаментовъ, въ которыхъ деревня не испытываетъ вліянія близьлежащаго города.

Такимъ условіямъ отвѣчаетъ департаментъ Шера, далеко расположенный отъ Ліона округъ Божолэ, округъ Либурнъ въ Жирондѣ, округъ Кодебекъ въ департаментѣ Нижней Сены (Нормандія), департаментъ Гара (Gard), округъ Эпиналь въ департаментѣ Вогезовъ.

На какія мысли наводитъ изученіе уже опубликованнаго архивнаго матеріала по вопросу о мобилизаціи церковной собственности въ только-что перечисленныхъ мѣстностяхъ?

Первый выводъ, на которомъ приходится остановиться, тотъ, что всѣ классы общества использовали открывшуюся имъ возможность получить доступъ къ землѣ или расширить границы своихъ владѣній. Мы видѣли, что дворяне и духовные встрѣчаются между покупателями. Королева Марія-Антуанета сама рекомендовала своимъ приближеннымъ пріобрѣтеніе земель, ранѣе принадлежавшихъ монашествующей братіи, епископскимъ столамъ и каноникатамъ [1]). Указывая на то, что въ деревенской части Франціи отчуждаемыя имущества поступали въ продажу мелкими участками, Маріонъ справедливо замѣчаетъ, что и людямъ мало состоятельнымъ легко было удовлетворить желанію сдѣлаться собственникомъ, тѣмъ болѣе, что окончательный разсчетъ разсроченъ былъ на цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ. Въ департаментѣ Шеръ дробленіе церковныхъ имѣній дошло до выдѣла участковъ цѣною въ 60, 50, 30 ливровъ; попадаются даже такіе, оцѣнка которыхъ достигаетъ всего навсего 17, 15, 10, 8 и даже трехъ франковъ. Соотвѣтственно этому крестьяне и ремесленники здѣсь въ бо̀льшемъ числѣ, чѣмъ въ другихъ округахъ, встрѣчаются въ средѣ покупателей [2]). И тѣмъ не менѣе, если не по числу лицъ, то по размѣру пріобрѣтенныхъ владѣній, буржуазія занимаетъ первое мѣсто, а слѣдующее за ней приходится на долю крестьянства.

Въ департаментѣ Шеръ, въ четырехъ округахъ: Сансеръ, Обиньи, Санкуенъ и Віерзонъ, буржуазіей пріобрѣтено земель на сумму 6 милліоновъ сорокъ съ лишнимъ тысячъ ливровъ, а крестьянствомъ—на сумму 1 милліонъ семьсотъ двадцать три тысячи ливровъ или франковъ, т.-е. буржуазія въ три съ лишнимъ раза купила болѣе церковныхъ земель, чѣмъ крестьянство [3]).

---

[1]) Marion, стр. 67 и 69.

[2]) Ibid., стр. 75 и 76.

[3]) Ibid., стр. 77.

На участіе, какое въ распродажѣ церковныхъ имуществъ приняла буржуазія даже въ сельскихъ округахъ, далекихъ отъ столицы, административныхъ или промышленно-торговыхъ центровъ, какъ нельзя лучше указываетъ распредѣленіе секуляризированныхъ имуществъ духовенства между различными классами общества въ такой сравнительно многолюдной сельской общинѣ, какъ Фужерэ. Въ 1793-мъ году администрація округа Бэнъ (Bain), къ которой она была приписана, насчитывала въ ней 4.719 жителей. Фужерэ лежитъ недалеко отъ Редона, съ его знаменитымъ въ Бретани аббатствомъ. Количество церковныхъ земель, распроданныхъ въ Фужерэ въ сравнительно короткій срокъ съ генваря 1791 по осень 1794 г., было настолько значительно, что изъ нихъ можно было образовать нѣсколько десятковъ отдѣльно проданныхъ имѣній. Къ церковнымъ имуществамъ присоединились вскорѣ земли, конфискованныя у переселившихся за границу собственниковъ, по преимуществу дворянъ. Изъ этихъ земель выкроено было до торговъ двадцать четыре участка. Ребилльонъ, посвятившій отдѣльный мемуаръ вопросу о судьбѣ національныхъ имуществъ въ Фужерэ, даетъ общую цифру покупщиковъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ имуществъ. Всѣхъ насчитывается 53. Изъ нихъ всего двѣнадцать не принадлежали къ числу мѣстныхъ уроженцевъ; это были буржуа Ренна и Нанта и крестьяне сосѣднихъ селеній; послѣдніе—въ числѣ всего-на-всего трехъ человѣкъ.

Въ числѣ мѣстныхъ обывателей одинъ пріобрѣлъ земли на сумму въ шестьдесятъ девять тысячъ четыреста ливровъ; затраты прочихъ покупателей были несравненно менѣе значительны. Земля перешла въ руки крестьянъ, купцовъ и буржуа. Ко второй категоріи надо отнесть и двухъ хозяевъ промышленныхъ заведеній: кожевника и фабриканта сержи. Къ буржуа причислены лица либеральныхъ профессій. Количество проданныхъ земель распредѣляется въ слѣдующей пропорціи между различными классами, какъ туземныхъ, такъ и пришлыхъ покупщиковъ. Буржуа Фужерэ, въ числѣ двѣнадцати, пріобрѣли церковныхъ земель на сумму 15.960 ливровъ. Мѣстные купцы — тѣхъ же земель на сумму 7.590 ливровъ. Товарищества, образованныя для совмѣстной покупки земель и состоявшія изъ однихъ только буржуа, уплатили за землю 2.850 ливровъ. Пришлые члены средняго сословія, въ отдѣльности или на правахъ членовъ товариществъ, внесли 11.350 ливровъ. Въ общемъ, изъ проданныхъ имуществъ буржуазіи досталось земель на сумму 37.750 ливровъ. Одинъ дворянинъ Фужерэ также затратилъ—очевидно, съ цѣлью

округлить свое имѣніе,—376 ливровъ. Все же остальное куплено было крестьянами, мѣстными и пришлыми, или каждымъ въ отдѣльности, или товариществами въ нѣсколько человѣкъ, за сумму 9.866 ливровъ. Такимъ образомъ буржуазія пріобрѣла почти въ четверо больше земель, чѣмъ крестьянство.

При распродажѣ имуществъ эмигрантовъ, крестьяне затратили въ общемъ 47.372 ливра, а среднее сословіе—69.385. Слѣдовательно и на этотъ разъ избытокъ затратъ пришелся на сторону буржуазіи [1]).

Сопоставимъ съ этими данными тѣ, какія даютъ намъ акты торговъ въ Божолэ, одномъ изъ трехъ округовъ департамента Роны. Божолэ, какъ уже было указано, не испыталъ на себѣ, при распродажѣ церковныхъ имуществъ, того вліянія, какое оказываетъ лежащій по сосѣдству большой городъ. Этотъ округъ по преимуществу занятъ крестьянами-винодѣлами. Но, какъ на этомъ настаиваетъ мѣстный изслѣдователь Файаръ [2]), сельскіе воздѣлыватели этого округа не могли считаться до революціи собственниками въ современномъ пониманіи этого термина. Ихъ обозначали прозвищемъ habitants (обыватели); владѣли же они землею на правахъ вѣчно-наслѣдственныхъ арендаторовъ (emphytéotes). Титулъ собственности, то, что феодальному праву извѣстно подъ названіемъ dominium eminens, по-французски la directe, принадлежалъ сеньерамъ, получавшимъ отъ „обывателей" крестьянъ цензъ, нерѣдко обозначаемый словомъ servis. Свободныхъ, аллодіальныхъ имуществъ въ Божолэ было мало [3]).

Такъ какъ церковныя имѣнія не представляли здѣсь каждое сплошной массы, а составлены были изъ разсѣянныхъ на значительномъ пространствѣ мызъ или métairies, доставшихся аббатствамъ благодаря дареніямъ и завѣщаніямъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ покупкамъ, то въ примѣненіи къ нимъ сравнительно легко было выполнить требованіе закона 1790-го года и разбить ихъ, безъ ущерба для ихъ хозяйственной эксплуатаціи, на небольшіе участки. Между ними численно преобладаютъ такіе, величина которыхъ отъ двухъ до шести гектаровъ; но имѣлись и меньшіе по размѣру, не свыше двухъ гектаровъ въ каждомъ. Изъ цер-

---

[1]) См. въ „Annales de Bretagne", іюль 1909 г., La vente des biens nationaux dans l'ancienne commune de Fougerai (Ille et Vilaine), par Armand Rebillon. Я пользовался отдѣльнымъ оттискомъ, вышедшимъ у Шампіона. Приведенная мною выкладка имѣется на стр. 21 отдѣльнаго оттиска.

[2]) См. „Revue d'histoire de Lyon", т. III, стр. 378 и слѣд.

[3]) См. Fr. Vermale, стр. 106: „Les terres franches ou alleux étaient très rares (en Beaujolais).

ковныхъ земель образовано было въ общемъ 1.241 участокъ; изъ нихъ 867 уже были проданы къ сентябрю 1791-го года; сдѣлки по отношенію къ остальнымъ растянулись на рядъ лѣтъ, до 1810-го года. Такъ какъ въ Божолэ во второй половинѣ XVIII-го вѣка проведено было немало дорогъ и промышленность сдѣлала большіе успѣхи, въ особенности въ сферѣ текстильнаго производства, и въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Шарльэ, Виллефраншъ, Амплепюи и Тизи, то не мудрено, если въ рукахъ среднихъ классовъ оказались средства, позволившія имъ воспользоваться возможностью выгоднаго помѣщенія въ землю части своихъ сбереженій. Крестьянство, въ свою очередь, окрѣпло имущественно благодаря ряду хорошихъ урожаевъ, начиная съ 1770-го года. Въ приходскихъ наказахъ Божолэ 1789-го года открыто высказано желаніе, чтобы церковныя земли перестали быть „имуществомъ мертвой руки" и поступили въ продажу [1]). Не мудрено, если при первой возможности крестьянство массами устремилось къ пріобрѣтенію недвижимой собственности, предлагаемой ему по сравнительно низкой оцѣнкѣ. Въ числѣ покупщиковъ громадное большинство удовольствовалось пріобрѣтеніемъ каждый всего одного участка. Арендаторы, половники и вообще долгосрочные съемщики земли образовали главное ядро тѣхъ пятисотъ покупателей церковныхъ имуществъ, которыхъ приходится отнесть къ категоріи лицъ, занятыхъ земледѣльческимъ производствомъ.

Рядомъ съ ними мы насчитываемъ между покупателями не менѣе 290 лицъ, къ земледѣлію не причастныхъ (139 изъ нихъ заняты торговлей). Въ позднѣйшихъ по времени сдѣлкахъ, какъ и въ тѣхъ, предметомъ которыхъ были менѣе мелкіе участки, число покупателей изъ средняго сословія ближе подошло къ числу покупателей крестьянъ [2]). Къ сожалѣнію, размѣръ пріобрѣтеннаго крестьянствомъ не могъ быть выраженъ ни числомъ гектаровъ, ни количествомъ затраченныхъ на покупку денегъ; въ противномъ случаѣ оказалось бы, вѣроятно, что хотя покупщиковъ изъ средняго сословія и было меньше, но на ихъ долю пришлась значительнѣйшая часть проданныхъ земель. Вермаль даетъ только число отчужденныхъ участковъ. Изъ 1.081, проданныхъ на первыхъ

---

[1]) Fayard, въ „Revue d'histoire de Lyon, т. III, стр. 101.

[2]) Vermale распредѣлилъ всѣ проданные участки по тремъ группамъ. Первая составлена изъ тѣхъ, которые поступили на торги въ ближайшіе 8 мѣсяцевъ. Остальныя двѣ обнимаютъ собою позднѣйшихъ по времени покупателей. Во второй группѣ стоятъ 193 лица, занятыхъ сельскимъ хозяйствомъ, и 155 ему чуждыхъ, въ третьей 95 первыхъ и 79 вторыхъ (ibid., стр. 122).

порахъ, на долю сельскихъ обывателей пришлось 563, т.-е. нѣсколько болѣе половины. Это не равнозначительно, однако, тому, чтобы половина всѣхъ отчужденныхъ земель перешла къ крестьянству, такъ какъ участки не были одинаковой величины и крестьянство охотнѣе шло на пріобрѣтеніе наиболѣе мелкихъ [1]).

Настаивая на томъ, что церковныя земли перешли почти цѣликомъ въ руки уроженцевъ округа, Вермаль обозначаетъ ихъ словами „tiers-état autochtone". Прозвище средняго сословія они заслужили потому, что между ними, какъ мы видѣли, отсутствуютъ мелкіе крестьяне-собственники [2]).

Перейдемъ къ Южной Франціи, къ департаментамъ устья Роны и Гàра. Въ первомъ, какъ мы видѣли, сосѣдство Марселя увеличиваетъ количество имѣній, перешедшихъ въ руки буржуазіи, но тамъ, гдѣ вліяніе его не даетъ себя чувствовать—а въ этихъ условіяхъ оказываются отдаленныя сельскія общины,—въ числѣ покупателей большинство образуютъ обзаведшіеся хозяйствомъ крестьяне (ménagers), напримѣръ въ Малльянѣ, въ Барбентанѣ, въ Букѣ, въ Бульбонѣ. Рядомъ съ ménagers, покупщиками являются еще cultivateurs—сельскіе воздѣлыватели, напр. въ Ламбескѣ или въ Эйрагѣ [3]). То же можетъ быть сказано, какъ мы видѣли, объ округѣ Тарасконъ, ближе изученномъ профессоромъ Лучицкимъ [4]).

Относительно Гàра мы имѣемъ только общую цифру покупщиковъ церковныхъ земель. Она равняется 2.725. Приводящій ее Рувьеръ говоритъ: между покупщиками, рядомъ съ простонародьемъ или крестьянами (roturiers ou simples paysans), встрѣчаются и дворяне съ самыми громкими именами. Изъ алфавитнаго указателя именъ пріобрѣтателей, составленнаго тѣмъ же Рувьеръ, видно, что банкиры Нима, члены Тулузскаго парламента, муниципальныя власти Монтелсье, адвокаты Бокера, королевскіе судьи, городскія головы, собственники домовъ въ Нимѣ, Бокерѣ и другихъ мѣстахъ, не разъ выступали на торгахъ, платя нерѣдко сотни тысячъ ливровъ за пріобрѣтаемыя имѣнія [5]). Рядомъ

---

[1]) Я привелъ цифры, относящіяся къ первой серіи проданныхъ имуществъ. Во второй указаны 976 кусковъ (lots); изъ нихъ менѣе трети (305) достались сельскимъ классамъ. Въ третьей серіи насчитывается 249 кусковъ, изъ которыхъ 122, т.-е. менѣе половины, достались поселянамъ.

[2]) Ibid., стр. 125, 126, 127.

[3]) Ibid., стр. 124 и 132.

[4]) Moulin, т. I, стр. XLI и слѣд. Louchitzky, De la petite propriété paysanne. Ссылка на него у Moulin, стр. LXXI.

[5]) Affourtit, Louis l'aîné, banquier à Nimes, покупаетъ на сумму 136.000 ливровъ (Rouvière, стр. 63).

съ ними въ спискѣ покупателей стоятъ негоціанты, промышленники и ремесленники всякаго рода отъ бочара и булочника до пастуха включительно. Это означаетъ, что и здѣсь среднее сословіе выступило конкуррентомъ сельскихъ классовъ и оспаривало у нихъ землю [1]).

Послѣ сказаннаго насъ едва ли можетъ поразить тотъ выводъ, къ которому приходятъ, независимо другъ отъ друга, Лекарпантье и Маріонъ, первый—на основаніи изученія актовъ отчужденія національныхъ имуществъ въ округѣ Кодебекъ въ Нормандіи, второй—на основаніи однохарактерныхъ данныхъ изъ архива Жиронды. Лекарпантье говоритъ: продажа національныхъ имуществъ имѣла послѣдствіемъ передачу ихъ въ руки и безъ того богатой землею буржуазіи; она позволила также нѣкоторымъ крупнымъ сельскимъ воздѣлывателямъ сдѣлаться собственниками земель, ранѣе снимавшихся ими въ аренду; ремесленникамъ же селъ и городовъ открылась благодаря ей возможность пріобрѣсть небольшіе участки или хижины (masures) въ мѣстѣ ихъ поселенія [2]).

Съ большей осторожностью Маріонъ выражаетъ сходную мысль въ словахъ: „при продажѣ церковныхъ имуществъ рѣзко выступаетъ перевѣсъ буржуазіи надъ простонародьемъ, какъ въ отношеніи къ числу пріобрѣтателей, такъ и въ отношеніи къ количеству купленныхъ земель“? [3])

Въ общемъ таково заключеніе, къ которому приводитъ насъ и все предшествующее изложеніе; но у Лекарпантье оно выражено слишкомъ категорично и не вполнѣ оправдывается имъ же приводимыми фактами. Начать съ того, что въ округѣ Кодебекъ церковная собственность представляла величину не особенно значительную, всего на всего 6% всей воздѣлываемой площади [4]), а потому самому въ немъ не могла развернуться во всей ея широтѣ затѣянная національнымъ собраніемъ демократизація собственности. Важенъ другой выводъ, дѣлаемый Лекарпантье на основаніи того же матеріала, а именно тотъ, что ни по числу купленныхъ тѣмъ или другимъ классомъ участковъ, ни по числу самихъ покупщиковъ нельзя еще вынести сужденія о томъ, въ чью пользу произведены были торги. Въ Кодебекѣ 1/10 покупщиковъ пріобрѣтаетъ 3/5 всѣхъ отчуждаемыхъ земель, а 9/10 тѣхъ же покупателей сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всего 2/5 отчу-

---

[1]) Ibid., стр. 19, 66 и слѣдующія.
[2]) Lecarpentier, стр. 24.
[3]) Marion, стр. 41.
[4]) Lecarpentier, стр. 24.

ждаемой площади [1]). Это доказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что мелкая крестьянская собственность въ значительной степени создалась подъ вліяніемъ того распоряженія, какое французская палата сдѣлала относительно секуляризированныхъ ею земель церкви. Откуда могла взяться масса тѣхъ мелкихъ покупателей, которые довольствовались пріобрѣтеніемъ участковъ отъ 1 до 4 гектаровъ? А ихъ Лекарпантье насчитываетъ 750, что составляетъ пять шестыхъ всего числа лицъ (900), сдѣлавшихся собственниками благодаря распродажѣ земельнаго фонда духовенства въ Кодебекѣ. Это, разумѣется, еще не доказываетъ того, чтобы въ числѣ крестьянъ покупщиковъ не было и значительнаго числа такихъ, которые только округляли свои старые участки. Но меньшинство участковъ величиною отъ 4 до 6 гектаровъ очевидно пріобрѣтались не исключительно съ цѣлью прирѣзки новыхъ земель къ прежнимъ. Они шли на образованіе скорѣе средней, чѣмъ мелкой собственности, т.-е. служили на пользу не сельскому батрачеству, а тому деревенскому мѣщанству, которое во французскихъ источникахъ означается въ наше время терминомъ tiers-état rural, а въ XVIII вѣкѣ—менѣе опредѣленнымъ выраженіемъ cultivateurs или habitants (воздѣлывателей и обывателей) [2]).

Гораздо осторожнѣе развиваетъ свою основную мысль Маріонъ. Онъ наведенъ былъ на нее разборомъ актовъ, касающихся торговъ въ округѣ Либурнъ въ деп. Жиронды. Онъ провѣрилъ ее затѣмъ на данныхъ о продажѣ церковныхъ имуществъ въ другихъ округахъ того же департамента. Если тѣ, которыя относятся къ Бордо и его ближайшей округѣ, не могутъ быть приводимы для иллюстраціи болѣе или менѣе общихъ условій, въ какихъ происходила распродажа церковныхъ имуществъ, въ виду, какъ мы видѣли, близости многолюднаго и богатаго города, то того же нельзя сказать о матеріалѣ, освѣщающемъ ходъ операціи въ округѣ Либурнъ. Съ 26-го ноября 1790-го года по 11 Фримера второго года республики продано было здѣсь 258 участковъ; изъ нихъ 117 — среднему сословію, 12—пахарямъ (laboureurs) или земледѣльцамъ, 4 — винодѣламъ, 5—бочарамъ, 3—мельникамъ, 7—кузнецамъ, ткачамъ, плотникамъ и т. д.; остальное пошло обывателямъ Либурна, мелкимъ собственникамъ и крестьянамъ [3]). Что буржуазіи досталась львиная доля, слѣдуетъ изъ того, что ею уплочено было за купленныя земли 2.163.970 лив-

[1]) Ibid., стр. 22.

[2]) Ср. выкладки, дѣлаемыя Лекарпантье на стр. 20 и 21.

[3]) Ibid., стр. 44.

ровъ; простонародье же (classe populaire) уплатило всего 683.080 ливровъ. Но что тѣмъ не менѣе часть проданнаго пошла на образованіе или расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, слѣдуетъ изъ того, что нѣкоторыя мызы (métairies), нерѣдко всего въ 78 или 80 денныхъ участковъ, разбитые на 24 „lôts", или дѣлянокъ, и оцѣненные всѣ вмѣстѣ въ 85 съ половиною тысячъ ливровъ, куплены были сосѣднимъ сельскимъ людомъ, изъ котораго многіе не могли даже расписаться, за безграмотностью.

Маріонъ приводитъ нѣсколько однохарактерныхъ примѣровъ. То 63 денныхъ участка служатъ предметомъ 16 самостоятельныхъ продажъ, то размѣръ отчуждаемаго падаетъ еще ниже и 37 денныхъ участка образуютъ 14 маленькихъ имѣній, пріобрѣтаемыхъ, въ числѣ другихъ, не только „пахарями" (laboureurs), но и поденщиками (journaliers). Особенно много образовано было мелкихъ участковъ изъ церковныхъ земель, пріуроченныхъ къ приходамъ (les biens des cures). Нѣкоторые изъ этихъ участковъ были всего частью journal (onces et lattes) и продавались за сотню съ лишнимъ ливровъ (низшая плата—130 ливр.). Въ очень многихъ случаяхъ, замѣчаетъ Маріонъ, эти ничтожные куски куплены были мѣстными мелкими собственниками съ цѣлью округленія. И все же общій выводъ гласитъ: въ округѣ Либурнъ на долю простонародья пришлась лишь весьма ничтожная часть отчужденныхъ имуществъ.

Тоже было и въ другихъ округахъ, въ Кадильякѣ, въ Леспаррѣ. Въ первомъ буржуазія купила земли на сумму 658,495 ливровъ, а рабочіе и крестьяне вмѣстѣ — всего на 168,025 ливровъ. Во второмъ буржуазія участвовала въ торгахъ на сумму въ 1,224,255 ливровъ, рабочіе же—всего на сумму 132,754 ливра [1]).

Въ центральныхъ департаментахъ Франціи, напримѣръ въ Авейронѣ, Канталѣ, Лозерѣ, Пюи-де-Домѣ и Верхней Вьеннѣ, крестьянство повидимому въ большей степени участвовало въ торгахъ, чѣмъ въ ранѣе разсмотрѣнныхъ нами мѣстностяхъ. Англадъ, на основаніи поисковъ, произведенныхъ имъ въ архивахъ этихъ департаментовъ, приходитъ къ заключенію, что имѣнія поступили въ продажу мелкими участками, которые покупались въ отдѣльности приблизительно равнымъ числомъ пріобрѣтателей. Такъ имѣнія аббатства Бонневаль въ Авейронѣ разбиты были на 92 доли и перешли къ 81 лицу. Земли епископіи въ Родецѣ сдѣлались предметомъ 30 отдѣльныхъ торговъ и куплены были

[1]) Marion, стр. 47, 48, 49.

32 лицами. Во всемъ Авейронѣ 40 крупныхъ имѣній перешли въ руки 877 лицъ. Въ округѣ Родецъ мы наблюдаемъ то же явленіе. 411 человѣкъ пріобрѣтаютъ 491 отдѣльныхъ участка, образовавшихся благодаря дробленію поступившихъ въ продажу имуществъ.

Наконецъ то же надо повторить и о продажахъ, произведенныхъ во всѣхъ прочихъ департаментахъ, выше нами перечисленныхъ. Въ округѣ Клермонъ, напримѣръ, число отчужденій, произведенныхъ до 4-го года республики, равняется 2,052, число же пріобрѣтателей—1291. Большинство довольствуется покупкой одного участка, но встрѣчаются лица, пріобрѣтающія десятки ихъ (одинъ—35 участковъ, два—13, 3—11 и т. д.). Купившій 31 участокъ затратилъ въ общемъ около 39000 ливровъ на ихъ пріобрѣтеніе. Въ Канталѣ число продажъ 345, а число пріобрѣтателей 297. Въ Верхней Вьеннѣ 441 отчужденіе и 331 покупщика. Самыя крупныя затраты на пріобрѣтеніе церковныхъ земель не превышаютъ 65000 ливровъ [1]).

Общій выводъ, очевидно, тотъ, что продажей воспользовалось въ большинствѣ случаевъ мѣстное населеніе, ядро котораго составляло крестьянство; это не устраняло возможности перехода части земли въ руки зажиточной мѣстной буржуазіи.

Мы закончимъ этотъ рядъ цифровыхъ данныхъ указаніемъ на количество земель, перешедшихъ по торгамъ къ сельскимъ производителямъ въ округѣ Эпиналь, принадлежащемъ къ департаменту Вогезовъ. Въ числѣ покупателей, которыхъ насчитывается 540, двѣсти сорокъ четыре обозначены прозвищами воздѣлывателей (cultivateurs) и батраковъ (manoeuvres); для ста сорока шести другихъ профессія не обозначена; большинство ихъ принадлежитъ къ сельскимъ обывателямъ. Самую многочисленную группу образуютъ покупатели изъ среды ремесленниковъ (artisans):—54 человѣка; купцы и негоціанты слѣдуютъ за ними въ числѣ 14 человѣкъ; владѣльцевъ кузницъ и мельниковъ насчитывается десять и то же число представляютъ кабатчики; пять человѣкъ обозначены собственниками, духовныхъ—14, чиновниковъ, юристовъ и преподавателей—30. Въ спискѣ покупателей стоятъ и три общины (municipalités). Не вполнѣ оправдывается приводимымъ матеріаломъ заявленіе издателя, что четыре пятыхъ всѣхъ покупщиковъ—сельскіе жители. Размѣръ затратъ, сдѣланныхъ буржуазіей, дворянствомъ и крестьянами, на пріобрѣтеніе посту-

---

[1]) Maurice Anglade. De la sécularisation des biens du clergé sous la Révolution. Paris, 1901, стр. 182, 185, 187, 189.

пившихъ на торги участковъ, не указанъ. Такимъ образомъ нѣтъ увѣренности, что и въ этомъ отношеніи перевѣсъ остался на сторонѣ крестьянъ. Но за то не остается сомнѣнія въ томъ, что мѣстное населеніе воспользовалось открывшимся ему доступомъ къ землѣ и расширило соотвѣтственно размѣры своихъ владѣній. Мелкая и средняя собственность отъ этого могла только выиграть [1]).

Какой же, спрашивается, выводъ получается въ концѣ концовъ изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами данныхъ? Повидимому—тотъ, что ликвидація церковной собственности обогатила буржуазію, позволила имѣвшемуся уже на лицо, но еще не особенно многочисленному классу крестьянъ-собственниковъ округлить свои участки и открыло доступъ къ землѣ ремесленникамъ, рабочимъ и батракамъ. Многіе изъ нихъ благодаря участію въ торгахъ могли перейти въ положеніе мелкихъ крестьянъ-собственниковъ.

V.

Всѣ тѣ, кому пришлось заниматься вопросомъ о судьбѣ національныхъ имуществъ, въ одно слово указываютъ на то, что при отчужденіи земель, конфискованныхъ у эмигрантовъ, дробленіе имѣній на небольшіе участки проведено было въ гораздо большей степени, чѣмъ при распоряженіи церковной собственностью.

Законами іюня и іюля мѣсяцевъ 1793-го года Конвентъ напомнилъ о необходимости сдѣлать доступнымъ пріобрѣтеніе этихъ земель людьми небогатыми. На основаніи данныхъ, собранныхъ въ архивахъ Жиронды и Шера, Маріонъ слѣдующимъ образомъ изображаетъ ходъ работъ, предшествовавшихъ поступленію имѣній на торги. Изъ нихъ выдѣляли прежде всего усадьбу съ хозяйственными постройками и отъ двухъ-третей до трехъ-пятыхъ земель, подлежащихъ обработкѣ. Изъ всего этого образовывали одинъ, а иногда и нѣсколько самостоятельныхъ участковъ. Вся остальная площадь дробилась затѣмъ на куски въ 1, 2, 3, а иногда и въ 8 и 10 денныхъ участка (journaux), которые подлежали продажѣ каждый въ отдѣльности [2]).

Маріонъ признаетъ, что такой порядокъ въ значительной степени содѣйствовалъ, какъ онъ выражается, демократизаціи

---

[1]) Schwab, стр. LXXI и слѣд.

[2]) Marion, стр. 181.

собственности [1]). Онъ подкрѣпляетъ затѣмъ свое утвержденіе рядомъ примѣровъ. Приведши составъ имѣнія и указавъ на общественное положеніе покупщиковъ, онъ почти всегда заканчиваетъ заявленіемъ, что большинство покупателей мелкихъ долей были „мѣстные крестьяне“ или „земледѣльцы общины и сосѣднихъ къ ней селеній“ [2]). Иногда онъ еще опредѣленнѣе выражаетъ ту же мысль, говоря: почти все имѣніе перешло въ руки сельскаго населенія (population rurale) [3]). Но встрѣчаются, разумѣется, и исключенія—случаи, когда „большинство покупателей составлено изъ лицъ средняго сословія“ [4]), или когда имѣніе переходитъ въ равной мѣрѣ и къ той, и къ другой группѣ покупателей: къ буржуа, съ одной стороны, къ рабочимъ и крестьянамъ—съ другой [5]).

„Дробленіе имѣній—замѣчаетъ Маріонъ,—произведено было не въ одномъ округѣ Либурнъ, гдѣ мелкая собственность пользовалась и ранѣе широкимъ распространеніемъ, но и во всѣхъ другихъ округахъ Жиронды“. Это въ свою очередь иллюстрируется имъ многими примѣрами. Изъ нихъ нерѣдко слѣдуетъ, что земли эмигрантовъ переходили въ обычномъ порядкѣ къ сельскимъ воздѣлывателямъ, при чемъ наиболѣе зажиточные изъ нихъ „покупали много“, остальные же принуждены были довольствоваться „пріобрѣтеніемъ мелкихъ кусковъ“ (quelques parcelles) [6]). Задержкой на пути дробленія земельной собственности эмигрантовъ явился довольно частый выкупъ отчуждаемыхъ участковъ лицами, принадлежащими къ семьѣ выѣхавшаго за-границу дворянина [7]).

Признавая значительное участіе „воздѣлывателей“ (cultivateurs), крестьянъ (paysans) и ремесленниковъ (artisans) въ покупкѣ имуществъ эмигрантовъ, Маріонъ ставитъ вопросъ о томъ, имъ ли досталась наибольшая доля въ этомъ новомъ распредѣленіи собственности. Чтобы высказаться опредѣленно на этотъ счетъ, необходимо, по его мнѣнію, сдѣлать подсчеты болѣе или менѣе широкаго масштаба. Въ виду этого Маріонъ пускается въ вычисленія, касающіяся цѣлыхъ округовъ, съ одной стороны деревенскихъ (ruraux), какъ Бургъ и Ла Реоль, съ другой—на половину деревенскихъ, на половину городскихъ, какъ округъ

---

[1]) Ibid., стр. 187.
[2]) Ibid., стр. 188 и 189.
[3]) Ibid., стр. 191.
[4]) Ibid. На той же страницѣ внизу.
[5]) Ibid., стр. 192.
[6]) Ibid., стр. 193.
[7]) Ibid., стр. 194.

Либурнъ. Въ результатѣ всѣхъ выкладокъ получены имъ слѣдующія цифры. Въ округѣ Бургъ изъ 431 продажи, 258 пошли на пользу „воздѣлывателей", винодѣловъ и рабочихъ, 118—на пользу буржуазіи. Въ округѣ Ла Реоль буржуазія воспользовалась всего 236 участками; остальные, въ числѣ 488, доставили возможность „воздѣлывателямъ", крестьянамъ и рабочимъ расширить предѣлы своего землевладѣнія. Въ округѣ Либурнъ 1041 продажа сдѣланы сельскимъ жителямъ, 420 — буржуазіи, 55 — лицамъ, профессію которыхъ трудно было опредѣлить по актамъ [1]). Изъ простого сопоставленія этихъ цифръ нельзя, однако, вывести заключенія, сколько земли пріобрѣтено было простонародьемъ, а сколько—среднимъ сословіемъ. Оказывается, напримѣръ, что въ округѣ Бургъ 1.464 денныхъ участка достались сельскимъ классамъ, а 1.723—городскимъ; въ округѣ Ла Реоль 1.948 „journaux"—первымъ и 2.521—вторымъ, въ округѣ же Либурнъ расхожденіе между цифрами пріобрѣтеній, сдѣланныхъ деревенскимъ населеніемъ и буржуазіей, было менѣе значительно: первое получило 2.848 journaux, вторая—3.115 [2]). Перевѣсъ, такимъ образомъ, остался на сторонѣ буржуазіи, но перевѣсъ не столь замѣтный, какъ при покупкѣ церковной собственности. Маріонъ говоритъ о приблизительно равномъ участіи сельскихъ и городскихъ обывателей въ раздѣлѣ дворянскихъ имѣній [3]).

Но признать это, еще не значитъ доказать, что крестьянство сосредоточило въ своихъ рукахъ половину или около того прежней сеньёріальной собственности. Въ составъ сельскихъ классовъ входили и „сельскіе воздѣлыватели", и мѣщане-ремесленники, и имѣвшіеся уже на лицо крестьяне-собственники, и владѣвшіе одними усадьбами батраки (manoeuvres). Маріонъ склоняется къ той мысли, что покупки пошли въ значительной степени на округленіе уже существующихъ имѣній, что рѣчь шла въ большинствѣ случаевъ о прирѣзкѣ крестьянами-собственниками къ своимъ участкамъ тѣхъ или другихъ мелкихъ кусковъ, дотолѣ остававшихся въ рукахъ сеньёра [4]). Чтобы опредѣлить имущественное положеніе покупателей, Маріонъ обратился къ двумъ источникамъ: къ налоговымъ свиткамъ въ годы, предшествовавшіе

---

[1]) Ibid., стр. 196 и 197.

[2]) Ibid., стр. 197 и 198.

[3]) Il semblerait donc qu'il y ait eu à peu près égalité entre les deux classes, avec une très légère différence en faveur de la bourgeoisie. Sensiblement distancé dans les ventes de première origine, le peuple prit certainement sa revanche en conquérant presque l'égalité dans les ventes de seconde (ibid., стр. 198).

[4]) Ibid., стр. 199.

революціи и слѣдовавшіе за нею, и къ спискамъ избирательнымъ, въ которые вносились, на правахъ активныхъ гражданъ, одни плательщики прямой подати въ размѣрѣ не менѣе трехдневнаго заработка. Налоговые свертки (rôles d'impôts), какъ и можно было ожидать, оказались неполными [1]), и къ тому же „не достаточно опредѣленными въ своихъ указаніяхъ" [2]). Пришлось, поэтому, остановиться по преимуществу на спискахъ избирателей, восполняя ихъ списками выборщиковъ, которыми по закону могли быть одни лица, платившія въ казну прямого налога на сумму, равную десяти-дневному заработку.

При сопоставленіи съ этими списками купчихъ или, точнѣе, „данныхъ", оказалось, что наиболѣе зажиточные и были главнѣйшими покупателями имуществъ эмигрантовъ въ сельской средѣ; это были люди, способные стать не только избирателями, но и выборщиками. А это равнозначительно признанію, что пріобрѣвшіе продаваемыя съ торговъ имущества и до революціи были людьми наиболѣе зажиточными въ деревнѣ, т.-е., прибавимъ мы отъ себя, они принадлежали къ тому „среднему сословію селъ", которому до нѣкоторой степени отвѣчаетъ нѣмецкое понятіе „Grossbauerthum" и наше „кулачество" [3]).

Маріонъ предостерегаетъ, однако, читателя отъ того преувеличенія, которое состояло бы въ признаніи, что революція содѣйствовала своей распродажей дворянскихъ имѣній только обогащенію тѣхъ, кто уже были собственниками. Немало было, говоритъ онъ, покупокъ, сдѣланныхъ людьми, затрачивавшими на нихъ не болѣе 500 ливровъ. Эта сумма признавалась правительствомъ минимумомъ того, чѣмъ нужно было владѣть для участія въ торгахъ [1]). По этой причинѣ законъ 13-го сентября 1793 г. предписалъ комиссарамъ, завѣдовавшимъ оцѣнкой и дробленіемъ имѣній, поступавшихъ на торги, озаботиться тѣмъ, чтобы въ селахъ, не имѣющихъ общинныхъ имуществъ, отцы семействъ имѣли возможность пріобрѣсть часть земель эмигрантовъ уплатой не болѣе пятисотъ ливровъ. Маріонъ на нѣсколькихъ примѣрахъ показываетъ, какъ мало воспользовались этой льготой тѣ, въ пользу

---

[1]) Les rôles d'impôts sont malheureusement fort peu nombreux dans la Gironde (Ibid., стр. 200).

[2]) См. Ibid., стр. 200 и 201.

[3]) Были случаи, когда покупщиками являлись лица и съ меньшимъ достаткомъ. Въ Verteuil муниципальныя власти составили списокъ лицъ, не имѣющихъ и 500 ливровъ. Имъ облегчена была покупка. Оказалось, что ихъ въ данной мѣстности 31 и что шесть изъ нихъ уже ранѣе купили землю у правительства. (Ibid., стр. 202, прим.).

кого она была сдѣлана. Въ цѣлыхъ округахъ оказывалось менѣе двухъ десятковъ людей, покупавшихъ такіе мелкіе участки, иногда въ складчину; немногіе въ состояніи были удержать ихъ за собою [1]).

Въ отличіе отъ Жиронды, съ ея большимъ торговымъ центромъ, съ преобладающимъ въ ней винодѣліемъ и значительнымъ числомъ готовыхъ округлять свои владѣнія крестьянъ-собственниковъ, департаментъ Шеръ, почти всецѣло занятый хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, къ тому же далеко расположенный отъ мѣстъ скопленія богатства и населенія, представилъ въ отношеніи къ судьбѣ имѣній, отобранныхъ у эмигрантовъ, ту характерную черту, что въ немъ крестьянство и вообще сельскіе классы поставили наибольшее число покупателей. Маріонъ резюмируетъ результаты своего детальнаго анализа актовъ продажи слѣдующимъ образомъ.

Въ Шерѣ, гдѣ конфискованныя имущества поступили въ продажу въ числѣ всего-на-всего 84, тогда какъ въ Жирондѣ ихъ насчитываютъ 334, дробленіе доведено было кое-гдѣ до распыленія (émiettement), такъ что даже бѣднѣйшіе получили возможность серьезнаго участія въ торгахъ. Но такихъ покупателей, которые пожелали бы воспользоваться закономъ 13-го сентября 1793 г., все же почти не оказалось [2]). Многія имѣнія пришлось продать полностью и они перешли въ руки средняго сословія или пріобрѣтены были крупными и средними собственниками. Что же касается до остальныхъ, то покупателями ихъ въ большинствѣ случаевъ явились крестьяне, по преимуществу зажиточные; низшіе слои сельскаго люда приняли въ этомъ дѣлѣ сравнительно малое участіе. Число крестьянъ-покупателей рѣшительно превосходитъ число лицъ изъ буржуазіи; но это не мѣшаетъ тому, что въ рукахъ послѣднихъ все же сосредоточивается болѣе половины отчуждаемой собственности [3]). Нѣсколько цифръ послужатъ подтвержденіемъ сказанному. Въ округѣ Буржъ происходитъ продажа 361 участка; 200 пріобрѣтаетъ буржуазія, 150—простонародье. Прибавимъ, что въ числѣ двухсотъ, купленныхъ среднимъ сословіемъ, 151 представляютъ сплошныя имѣнія, не подвергшіяся никакимъ урѣзкамъ [4]). Въ округѣ Віерзонъ отчуждено 248 участковъ (110 цѣльныхъ имѣній, 138 отдѣльныхъ кусковъ ихъ). Изъ 248 участковъ буржуазіи досталось 167, а крестья-

[1]) Ibid., стр. 204 и 205.
[2]) Marion, стр. 219 и 220.
[3]) Стр. 228.
[4]) Ibid., стр. 220.

намъ 79. Изъ числа послѣднихъ за 42 не было уплачено болѣе 500 ливровъ [1]). Въ округѣ Обиньи послѣдовало всего-на-всего 21 отчужденіе (9 имѣній и 12 кусковъ имѣній). Большинство покупателей составили мѣстные собственники и купцы. Рабочій людъ въ слабой степени участвовалъ въ торгахъ [2]). Въ округѣ Сансерръ, гдѣ, по утвержденію Маріона, распространена была мелкая собственность, изъ 240 продажъ буржуазія участвовала только въ 48. Цѣльныхъ имѣній поступило на торги 37, кусковъ же ихъ продано 208 [3]). Въ округѣ Санкоенъ 358 продажъ (108 цѣльныхъ имѣній, 250 кусковъ ихъ; изъ нихъ 1/4 цѣной въ 500 ливровъ). Дробленіе достигло самыхъ широкихъ размѣровъ по отношенію къ пахотямъ и сѣнокосамъ. Покупателями кусковъ были по преимуществу крестьяне [4]).

Посмотримъ теперь, въ какихъ условіяхъ произведена была распродажа имуществъ эмигрантовъ въ другихъ частяхъ Франціи.

Маріонъ дѣлаетъ то вѣрное замѣчаніе, что судьба имуществъ эмигрантовъ подверглась еще меньшему разслѣдованію, чѣмъ судьба секуляризированной церковной собственности. Поэтому въ сочиненіяхъ, посвященныхъ продажѣ національныхъ имуществъ, земли, конфискованныя у дворянства, или не выдѣляются въ особую группу, или о нихъ вовсе не заходитъ рѣчи. Исключеніе составляетъ недавно отпечатанная въ „Революціонныхъ Анналахъ", издаваемыхъ Маттіесомъ [5]), статья о продажѣ національныхъ имуществъ въ присоединенной къ Франціи Савойѣ. Отчужденія происходятъ въ эпоху директоріи, въ 1795 г., и касаются одного округа Шамбери. Жители этого города являются главными покупщиками; имѣнія не дробятся на части, а поступаютъ на торги въ полномъ составѣ. Въ это время филантропическія соображенія и желаніе демократизировать собственность уже успѣли отойти на задній планъ, уступая мѣсто заботѣ о финансовой сторонѣ всей операціи. Серьезными покупщиками могли быть только люди со средствами, покупавшіе землю съ цѣлью наживы. Немудрено, если для нихъ не приходилось дробить имѣній на мелкія доли. Немудрено также, если къ крестьянскому и рабочему населенію перешло здѣсь лишь весьма мало земель, отобранныхъ у эмигрантовъ. Въ кантонѣ Дезъ-Этель, какъ и въ кантонѣ Монмеліанъ, горожане Шамбери пріобрѣ-

---

[1]) Ibid., стр. 221.
[2]) Ibid., 222, 224.
[3]) Ibid., стр. 224.
[4]) Ibid., стр. 226.
[5]) Annales révolutionnaires. Парижъ, іюль-сентябрь 1911, стр. 498 и 499.

таютъ цѣлыя имѣнія, нерѣдко по высокой цѣнѣ и съ спекулятивными цѣлями. Встрѣчаются случаи, когда покупателями выступаютъ товарищества. Это повторяется особенно тогда, когда отчуждаемыя земли значительны и требуютъ большихъ затратъ [1]).

То же можетъ быть сказано и по отношенію къ актамъ отчужденія, воспослѣдовавшимъ на протяженіи всей Франціи, въ частности въ департаментахъ Жиронды и Шера, въ годы, слѣдовавшіе за революціонной разрухой 1793 и 1794 гг., какъ на это опредѣленно указываетъ Маріонъ. Законы 28 Вентоза и 6 Флореаля четвертаго года республики (1796 г.) отложили въ сторону всякую иную заботу, кромѣ той, какую вызывало печальное состояніе французскихъ финансовъ. Такъ, въ Жирондѣ въ эти годы на 982 случая отчужденія приходится всего 136, въ которыхъ предметомъ продажи были не имѣнія, а отрѣзанные отъ нихъ куски. Покупателями въ громадномъ большинствѣ случаевъ оказались буржуа, коммерсанты, поставщики арміи и спекулянты [2]).

Но между этими двумя крайними сроками—концомъ Законодательнаго собранія и образованіемъ правительства Директоріи,—тянется періодъ усиленной продажи имуществъ эмигрантовъ по правиламъ, предписаннымъ закономъ 1793-го года, т.-е. съ обязательнымъ дробленіемъ имѣній на мелкія доли, допускавшимъ пріобрѣтеніе ихъ людьми не особенно состоятельными, въ томъ числѣ крестьянами, ремесленниками и рабочими, столько же сельскими, сколько и городскими. Весь вопросъ въ томъ, насколько соблюдалось это правило? Въ нѣкоторыхъ департаментахъ, повидимому, не особенно строго, въ другихъ—наоборотъ. Списки покупателей, отпечатанные Рувьеромъ, свидѣтельствуютъ о значительномъ дробленіи имѣній въ Гарѣ. Въ Тарнѣ, въ двадцати трехъ общинахъ, входившихъ въ составъ стариннаго консулата Кордъ, послѣдовало 173 случая отчужденія; число покупателей равнялось 150; большинство ихъ составили крестьяне и другіе сельскіе воздѣлыватели (cultivateurs) [3]). Въ округѣ Труа почти всѣ отчужденія, были не продажами сплошныхъ имѣній, а тѣхъ кусковъ, на которые они были разбиты [4]). Въ деп. Уазы дробленіе пошло такъ далеко, что изъ 71 арпана (имѣніе Magneville) образовано было 53 отдѣльно отчуждаемыхъ участка [5]).

---

[1]) Ibid., стр. 496, 499, 501 и 510.
[2]) Marion, стр. 276.
[3]) См. Portal. Histoire de Cordes, 1902 г.
[4]) Babeau. Troyes pendant la Révolution, II, 458.
[5]) Victor du Bled. Revue des deux mondes, 1-го декабря 1904-го года.

На нихъ очевидно не могло явиться другихъ покупателей, кромѣ мѣстныхъ крестьянъ.

Общій выводъ, на который наводятъ эти, далеко впрочемъ не многочисленныя данныя—тотъ, что при отчужденіи имуществъ эмигрантовъ для крестьянъ, въ виду незначительности затратъ, обусловленной мелкимъ размѣромъ отчуждаемыхъ участковъ, явилась бо́льшая возможность удовлетворить своему исконному запросу на землю.

Нельзя отрицать, поэтому, того, что распродажа національныхъ имуществъ до нѣкоторой степени содѣйствовала демократизаціи собственности, на которую она отчасти была разсчитана. Она въ меньшей степени можетъ считаться выгодной финансовой операціей. Расплата, растянутая на долгіе годы, воспослѣдовала, въ большинствѣ случаевъ, въ періодъ полнаго паденія курса ассигнацій. Это особенно справедливо въ примѣненіи къ имуществамъ, конфискованнымъ у эмигрантовъ и у лицъ, осужденныхъ революціонными судами. Леонъ Швабъ правъ, поэтому, говоря, что такъ какъ церковныя имущества отчуждены были дороже оцѣнки и расплата по нимъ воспослѣдовала въ періодъ времени, когда ассигнаціи еще не потеряли всей своей цѣны, то правительство получило нѣкоторую выгоду отъ ихъ распродажи. Иное дѣло — имущества эмигрантовъ, за которыя покупателямъ пришлось разсчитываться въ то время, когда, какъ въ четвертый годъ республики, ассигнаціи почти ничего не стоили [1]). Къ тому же выводу приходитъ и Маріонъ [2]).

Если государство на чемъ-либо выиграло въ прямомъ значеніи этого слова, то на лѣсахъ, входившихъ въ составъ поступившихъ въ его руки имѣній. Оно выиграло, сохранивъ ихъ за собою, отказавшись отъ мысли объ ихъ отчужденіи. Но съ нимъ вмѣстѣ выиграла и вся страна, избѣжавшая такимъ образомъ дальнѣйшаго развитія того обезлѣсенья, на которое не разъ жалуются въ 1789 г. наказы средняго сословія и, въ частности, сельскихъ приходовъ.

Максимъ Ковалевскій.

---

[1]) Schwab, стр. LXXVII.

[2]) Marion, стр. 104 и 105.

БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВѢКЪ

Повѣсть Арнольда Беннета.

(Arnold Bennett: «A great man».)

(Окончаніе.)

XXI *).

Онъ больше узнаетъ женщинъ.

Когда Генри отдалъ номерокъ и получилъ свое пальто, онъ увидѣлъ въ вестибюлѣ Джеральдину: лакей освѣдомлялся у нея, взять ли ей крытый или открытый экипажъ. Генри не могъ отдать себѣ отчета, сошла ли она внизъ раньше или послѣ него: все было какъ-то смутно.

— Намъ по дорогѣ,—сказалъ онъ.—Не могу ли я довезти васъ до дому?

Блестящая идея о томъ, что имъ по дорогѣ, пришла ему внезапно въ голову.

Джеральдина, не отвѣчая, взглянула на него. Она бросила на него печальный взглядъ изъ-подъ бѣлаго шарфа, окутывавшаго ея золотые волосы и кивнула головой.

У подъѣзда стоялъ экипажъ. Они сѣли рядомъ, тѣснясь каждый къ краю, и старый толстый извозчикъ, красное лицо котораго глядѣло на нихъ съ высокихъ козелъ, дернулъ вожжами. Было очень туманно, но фонари можно было всетаки разглядѣть.

Джеральдина закашлялась.

— Ужасная гадость эти туманы!—замѣтилъ Генри.

---

*) См. ноябрь, стр. 230.

Она молчала.

— Они рѣдко начинаются такъ рано, какъ въ этомъ году,— продолжалъ онъ;—я думаю, что это предвѣщаетъ скверную зиму.

Она все молчала.

Вдругъ Генри замѣтилъ, что ея плечи вздрагиваютъ, еще и еще, и наконецъ онъ услышалъ сдавленный плачъ. Это прелестное существо, эта независимая, сильная, опытная и очаровательная женщина плакала... да, она горько рыдала. И притомъ извозчичьи кареты такъ малы: она была такъ близко. Генри почувствовалъ въ этотъ моментъ наслажденіе, почти мучительное. Въ этотъ моментъ онъ больше узналъ о женщинахъ, чѣмъ за всю свою предыдущую жизнь. Онъ понялъ, что ея слезы имѣютъ какое-то отношеніе къ его „Бѣдствію отъ роста", но какое? Онъ не могъ точно опредѣлить.

— Что̀ такое? — спросилъ онъ взволнованно. — Вамъ нехорошо?

— Мнѣ такъ... такъ... стыдно,—всхлипнула она, вытирая глаза комочкомъ кружева.

— Стыдно? Отчего?

— Я познакомила васъ съ ней. Это моя вина...

— Но какая вина?

— Да во всемъ томъ ужасномъ, что̀ произошло.

И она снова зарыдала.

— Ахъ, да это вѣдь вздоръ!—сказалъ кротко Генри.—Не надо думать объ этомъ.

— Вы не знаете, какъ мнѣ это тяжело,—начала она снова.

— Забудьте, ради Бога,—сталъ онъ уговаривать ее.—Онъ не хотѣлъ оскорбить меня.

— Дѣло не столько въ оскорбленіи,—проговорила она, снова со слезами,—а въ томъ, что онъ такъ... такъ... посмѣлъ выразиться о вашей книгѣ. Вы не можете себѣ представить, до чего меня это волнуетъ.

— Ну, полноте! — ободрялъ ее Генри. — Да что̀ въ моей книгѣ особеннаго?

— Она — ваша, — отвѣтила Джеральдина и заплакала съ тихимъ женскимъ упорствомъ.

Кругомъ была тьма. Экипажъ нырнулъ въ сплошное море чернаго, густого тумана. Не слышно было ни звука, кромѣ медленнаго топота лошадиныхъ копытъ. Они были какъ бы отрѣзаны отъ всего міра. Казалось, общество, традиціи, приличія— все это перестало существовать: не было на свѣтѣ ничего кромѣ нихъ, сидящихъ въ экипажѣ.

У Генри въ карманѣ пальто была коробка спичекъ. Онъ зажегъ одну, освѣтилъ ихъ маленькую каютку и увидѣлъ лицо Джеральдины. Вокругъ глазъ у нея были маленькія черныя пятнышки—благодаря слезамъ, туману и комочку кружева. И эти маленькія пятнышки показались ему безконечно милыми, прелестными и трогательными. А глаза ея глядѣли робко и довѣрчиво, точно говорили: „Я только слабая женщина, а ты—большой, сильный, умный, талантливый человѣкъ; единственная моя заслуга въ томъ, что я знаю, какъ ты благороденъ и великъ душой!“ И вмѣстѣ съ робостью въ ея взглядѣ было еще что-то, бросившее его въ жаръ и трепетъ. Все это онъ увидѣлъ при свѣтѣ одной спички...

Прощай, мать! прощай, тетя Анни! прощай, корректность, осторожность, выжиданіе! Прощай все! Генри бросилъ спичку и, крѣпко прижавъ къ себѣ Джеральдину, сталъ цѣловать ея заплаканные глаза.

О, единственный восторгъ нѣжнаго объятія! Оно казалось вѣчностью. А въ вѣчности незачѣмъ зажигать спички.

Слѣдующимъ явленіемъ внѣшняго міра была полоса яркаго свѣта, проникшая въ окно того, что̀ было въ концѣ концовъ обыкновеннымъ, прозаическимъ кэбомъ. Дверь отворилась.

— Вамъ лучше бы выйти здѣсь, — сказалъ извозчикъ, разглядывая ихъ.

— Почему?—спросилъ Генри.

— Почему? — повторилъ извозчикъ ворчливо. — А вотъ позвольте васъ спросить: знаете вы, гдѣ мы сейчасъ находимся?

— Нѣтъ, не знаю,—сказалъ Генри.

— То-то и есть! И я, хоть убейте меня, не знаю. Вотъ взяли бы фонарчикъ и пошли разузнать. Я? Нѣтъ, я не пойду. Я лошадь не оставлю. Еще чего добраго потеряешь ее!

Генри пришлось вылѣзть изъ кэба и, вооружившись фонаремъ, окунуться въ таинственную мглу. Пробираясь ощупью, онъ набрелъ на перила и нѣсколько ступенекъ, и взобравшись по нимъ, увидѣлъ звѣзду, оказавшуюся попросту лампой у подъѣзда. Онъ открылъ дверь и увидѣлъ лакея.

— Скажите, пожалуйста, что̀ это за улица?—спросилъ онъ у лакея.

— Улица Мальборо,—отвѣтилъ тотъ.

— А-а, вотъ какъ! Спасибо,—сказалъ Генри.

— Ну, что-жъ, — проворчалъ извозчикъ, когда Генри уда-

лось благополучно добраться до него,—это для васъ не подходитъ. Вамъ, пожалуй, въ самый Букингэмскій дворецъ хочется.

Слышенъ былъ въ отдаленіи топотъ другихъ копытъ—очевидно, еще проѣзжавшіе, заблудившіеся въ туманѣ.

Извозчикъ обѣщалъ постараться добраться какъ-нибудь до Чэрингъ-Кросса, ведя лошадь за поводья, но дальше онъ не тронется ни на шагъ ни за какія деньги.

Путешествіе было богато волненіями, и когда въ концѣ концовъ лошадь твердо ступила обѣими передними ногами на ступеньки отеля „Золотого Креста", извозчикъ объявилъ, что это будетъ конечной цѣлью путешествія.

— Можете здѣсь переночевать,—посовѣтовалъ онъ своимъ сѣдокамъ.—Домой вамъ сегодня ужъ не добраться. И получить мнѣ слѣдуетъ съ васъ пять шиллинговъ, сэръ: я старался какъ могъ.

— Вамъ... тебѣ придется переночевать здѣсь, — шепнулъ Генри Джеральдинѣ, прежде чѣмъ отворить дверь отеля.—А я,—быстро прибавилъ онъ,—пойду въ Морлей: это тутъ за угломъ, такъ что я дорогу найду.

— Хорошо, милый,—согласилась она.—Такъ, конечно, будетъ лучше всего.

— У тебя подъ глазами черно отъ тумана,—сказалъ онъ.

— Правда?—спросила она, вытирая глаза. — Спасибо, что сказалъ.

И они вошли.

— Скверная погода нынче, — привѣтствовалъ ихъ портье.

— Да, ужасно, — сказалъ Генри. — Вотъ дамѣ нужна комната. У васъ есть свободная?

— Есть, сэръ.

У подножья лѣстницы они пожали другъ другу руки и мысленно обнялись.

— Покойной ночи,—сказалъ Генри.

Но поднявшись три или четыре ступеньки вверхъ, Джеральдина вдругъ остановилась и потомъ, улыбаясь, сошла снова къ нему.

— У меня съ собой только шиллингъ или два,—прошептала она.—Не можешь ли дать мнѣ въ займы немножко денегъ, чтобы я могла заплатить по счету?

Генри вынулъ соверенъ. Послѣ поцѣлуя въ кэбѣ ничто никогда не доставляло ему такого наслажденія, какъ передача Джеральдинѣ этой золотой монеты. Этотъ фактъ, такой простой

и естественный, казалось, скрѣплялъ то, что произошло въ кэбѣ. И Генри хотѣлось осыпать Джеральдину золотомъ.

Когда онъ, полный радости, слѣдилъ за дѣвушкой, поднимавшейся по лѣстницѣ, тайный уголокъ его мозга думалъ: если бы кто-нибудь два часа тому назадъ сказалъ мнѣ, что въ полночь я буду женихомъ очаровательнѣйшей женщины, я бы отвѣтилъ ему, что онъ не въ своемъ умѣ!..

Генри рѣшительно повернулся, чтобы идти къ Морлею, и внезапно столкнулся съ m-r Dolbiac, который по странной случайности стоялъ тоже внизу лѣстницы и смотрѣлъ вверхъ.

— А, отважный юноша!—сказалъ фамильярно m-r Dolbiac.— Помнишь marrons glacés?

Генри взглянулъ на него, ошеломленный, и густо покраснѣлъ.

— Не узнаешь? Забылъ меня?—сказалъ m-r Dolbiac.

— Кузенъ Томъ?

— Онъ самый и есть! — сказалъ m-r Dolbiac. — Удивляешься?

Генри великодушно пожалъ его руку.

— Я страшно радъ видѣть тебя,—началъ онъ и прибавилъ, желая быть свѣтскимъ человѣкомъ:—Давай пойдемъ вспрыснуть встрѣчу. Ты здѣсь остановился?

Итакъ, эпизодъ у м-съ Эштонъ Портвей былъ одною изъ шутокъ кузена Тома, и Генри принялъ его, какъ таковую, съ полнымъ добродушіемъ.

— Скажи, это ты, конечно, прислалъ мнѣ ту шуточную телеграмму изъ Парижа?—спросилъ онъ.

Въ курительной Томъ разсказалъ ему, что онъ отрастилъ себѣ бороду по требованію природы и перемѣнилъ фамилію по требованію искусства. Генри въ свою очередь, разсказалъ ему о себѣ и о Джеральдинѣ.

На другое утро, довольно поздно, когда Генри вернулся домой въ Доусъ-Родъ, онъ засталъ тамъ Тома. Даже больше: Томъ успѣлъ уже разсказать обѣимъ тетушкамъ, и въ крайне возвышенномъ стилѣ, объ обрученіи Генри. Ситуація для Генри была чрезвычайно деликатная; но какъ бы то ни было, мать и тетка успѣли уже оправиться отъ неожиданности. Имъ былъ извѣстенъ фактъ, а это много значитъ. Томъ остался вѣренъ себѣ. Вѣдь его спеціальностью было создавать деликатныя ситуаціи. Обѣ тетушки были очень рады видѣть его, да еще въ такомъ расцвѣтѣ. Онѣ избавили его отъ неудобныхъ вопросовъ, и онъ разсказалъ только то, что хотѣлъ. Прошлое ушло—и Богъ

съ нимъ! Онѣ даже не сказали Генри объ инцидентѣ съ десятью фунтами при исчезновеніи Тома.

— *Она* будетъ сегодня вечеромъ здѣсь, — сказалъ Генри послѣ завтрака, обращаясь къ матери.

— Я очень рада,—отвѣтила мать.

— Мы будемъ счастливы познакомиться съ нею,—сказала тетя Анни.

XXII.

Разлука.

Удивленіе Генри по поводу того, что онъ сталъ женихомъ самой очаровательной женщины въ свѣтѣ, стало постепенно ослабѣвать и дня черезъ три совсѣмъ исчезло. Вглядываясь въ прошлое, онъ теперь видѣлъ, что отношенія его съ Джеральдиной росли и крѣпли съ самаго начала знакомства, даже въ тотъ періодъ, когда въ нихъ ощущалась нѣкоторая неискренность и напряженность. Ему припоминались разныя странныя вещи о любви, о которыхъ онъ читалъ въ книгахъ и которыя раньше казались ему невѣроятными; теперь же онѣ являлись точнымъ комментаріемъ къ сценѣ въ кэбѣ, напримѣръ.

Генри былъ очень счастливъ и гордъ своимъ счастьемъ; онъ испытывалъ снисходительную жалость ко всѣмъ молодымъ людямъ, которые, имѣя неправильный взглядъ на женщинъ, пренебрегли возможностью обручиться.

Ему казалось, что онъ устроится и будетъ жить въ состояніи вѣчнаго блаженства рядомъ съ прекраснѣйшей женщиной въ свѣтѣ, въ богатствѣ, почетѣ и извѣстности; и казалось ему, что жизнь не готовитъ для него никакихъ иныхъ испытаній...

Однажды послѣ обѣда онъ повелъ Тома къ Джеральдинѣ, чтобы познакомить ихъ другъ съ другомъ настоящимъ образомъ. Задача была не изъ пріятныхъ, принимая во вниманіе роль Тома въ печальномъ инцидентѣ у м-съ Портвей, также то, что въ Доусъ-Родѣ Джеральдина не имѣла блестящаго успѣха. Вышло какъ-то такъ, что, очутившись тамъ, она имѣла гордый видъ орхидеи, затесавшейся въ пучокъ скромныхъ фіалокъ; фіалки, по самому свойству своему, хранили въ себѣ молчаливое порицаніе прелестей орхидеи, а орхидея не могла долго цвѣсти въ ихъ средѣ. Тѣмъ не менѣе, м-съ Найтъ и тетя Анни отозвались о Джеральдинѣ, что она очень мила и умна, а Джеральдина

сказала ему, что его мать и тетка—премилыя старыя дамы. Теперь Джеральдинѣ предстояло испытаніе другого рода. Генри надѣялся на лучшіе результаты. Вѣдь изъ того, что Джеральдина не вызвала восторга въ Доусъ-Родѣ, еще вовсе не слѣдовало, что она оставитъ холоднымъ и Тома. Нѣтъ, Генри положительно не могъ допустить, чтобы Томъ не поддался ея очарованію!

Второй, менѣе важный, вопросъ смущалъ Генри, когда они поднимались по лѣстницѣ въ квартиру Джеральдины: поцѣловать ли ее въ присутствіи Тома?

Ему казалось, что при данныхъ обстоятельствахъ и въ присутствіи близкаго родственника это является не только его правомъ, но даже обязанностью. „Я поцѣлую ее!",—рѣшилъ онъ. И такъ и сдѣлалъ. Сошло вполнѣ благополучно. „Какъ я могъ сомнѣваться и колебаться?"—думалъ онъ, чувствуя себя радостнымъ и гордымъ. Онъ замѣтилъ, что Тому Джеральдина очень понравилась. Въ глазахъ Тома онъ читалъ: „Да ты вовсе не такъ глупъ, какъ можно было ожидать".

Джеральдина побранила Тома за его поведеніе у м-съ Портвей. Томъ отвѣтилъ ей такъ, какъ онъ умѣлъ отвѣчать. Поговорили еще обо всемъ дружески-уютно, и наконецъ Джеральдина обратилась къ Генри:

— Милый другъ, я получила дурныя извѣстія.—И она протянула ему письмо отъ своего брата изъ Лейчестера, гдѣ онъ писалъ, что двое старшихъ его дѣтей лежатъ въ скарлатинѣ; кромѣ того есть еще маленькій ребенокъ, которому всего три дня отъ роду, и мать совершенно безсильна помочь... не можетъ ли Джеральдина пріѣхать выручить изъ бѣды?

— Ты поѣдешь?—спросилъ Генри.

— Разумѣется,—сказала она.—Я уже поговорила съ мистеромъ Снайдеромъ и телеграфировала брату, что пріѣду завтра.

Она говорила необыкновенно категорическимъ и рѣшительнымъ тономъ, словно на свѣтѣ нѣтъ такихъ вещей, какъ любовь и блаженство и какъ-будто она знаетъ, что жизнь—не шутка.

— А какъ же я?—спросилъ Генри, думая о томъ, что она готова жертвовать своимъ и его счастьемъ ради ухода за людьми, которые не въ состояніи справиться сами!

— Ты? ты будешь какъ всегда,—отвѣтила она тѣмъ же тономъ.

— Можно мнѣ будетъ поѣхать туда, къ тебѣ?—предложилъ онъ.

Джеральдина разсмѣялась коротко, какъ смѣются шуткѣ—и Генри ничего не оставалось, какъ тоже разсмѣяться.

— Это при четырехъ-то больныхъ на рукахъ! — воскликнула она.

— А сколько времени ты останешься тамъ?—спросилъ онъ.

— Милый! какъ же мнѣ знать?

— Знаешь что, Генри. Поѣзжай со мной лучше всего въ Парижъ недѣли на двѣ,—сказалъ Томъ.—Я хочу ѣхать послѣзавтра.

Теперь Генри разсмѣялся, какъ-будто услышалъ шутку. Но, къ его удивленію, Джеральдина сказала:—Да, да, конечно! Какая хорошая мысль! Мнѣ хочется, чтобы ты развлекся, а въ Парижѣ такъ много интереснаго! Ты бывалъ уже тамъ, неправда ли?

— Нѣтъ, никогда,—отвѣтилъ Генри. — Я вообще не былъ ни разу за границей.

— Никогда? Вотъ видишь? Значитъ надо ѣхать.

У Генри не было ни малѣйшаго желанія ѣхать въ Парижъ. Ему была непріятна мысль, что онъ будетъ наслаждаться Парижемъ въ то самое время, какъ Джеральдина будетъ день и ночь ухаживать за больными.

— Серьезно, ты долженъ поѣхать! — продолжалъ Томъ.— Тебѣ, писателю, надо видѣть побольше! Памятники Парижа, геній французской націи! А бумага, конверты и марки тамъ имѣются, увѣряю тебя, какъ и въ Лондонѣ. Письмо, опущенное въ ящикъ въ Парижѣ до шести часовъ, придетъ въ Лейчестеръ на слѣдующій день, послѣ обѣда. Развѣ я не правъ, миссъ Фостеръ?

Джеральдина улыбнулась.

— Нѣтъ,—сказалъ Генри,—я не поѣду; я не могу.

— Но я хочу этого, — произнесла спокойно Джеральдина.

И Генри, къ изумленію своему, видѣлъ, что она, дѣйствительно, хочетъ этого. Ей нравилось, что пока она будетъ страдать и мучиться въ Лейчестерѣ, онъ будетъ бродить по Парижу и его будетъ терзать мысль о ея героизмѣ.

Но онъ подумалъ, что онъ, мужчина, не станетъ поддаваться такимъ женскимъ странностямъ.

— А моя работа?—спросилъ онъ.

— Работа отъ этого только выиграетъ, — твердо отвѣтила Джеральдина.

Генри подумалъ, что съ женскими странностями надо обращаться осторожно. Отчего не уступить? Ей это доставитъ удовольствіе. А если бы онъ хотѣлъ, то могъ бы, дѣйствительно, настоять на своемъ.

Такимъ образомъ поѣздка была рѣшена.

— Я ѣду только потому, что ты этого хочешь, — сказалъ Генри печально, провожая невѣсту на слѣдующее утро на вокзалъ.

— Да, я знаю, — отвѣтила она, — и это такъ славно съ твоей стороны. Но тебѣ надо имѣть кого-нибудь, кто бы тебя раскачивалъ, милый.

„Вотъ какъ! — подумалъ онъ. — Я не зналъ".

Его мать и тетка были изумлены неожиданностью путешествія. Но имъ удалось убѣдить Генри въ томъ, что онѣ теперь готовы ко всякимъ неожиданностямъ.

XXIII.

Cosette.

Пріѣхавъ въ Парижъ, Томъ и Генри остановились въ „Грандъ-отелѣ". Идея принадлежала Тому. Хотя онъ и зналъ всѣ недостатки отеля, его публику, его репутацію, но онъ признавалъ за нимъ одно достоинство: когда живешь въ „Грандъ-отелѣ", то знаешь, гдѣ находишься, — говорилъ онъ. У Тома была своя студія со спальней въ Монмартрѣ, но переходъ туда онъ отложилъ до слѣдующаго дня, отчасти изъ-за того, что тамъ не ждали его, отчасти, чтобы побыть съ Генри.

Послѣ поздняго обѣда они заняли столикъ въ Café de la Paix, наблюдали вечернее оживленіе бульвара и болтали. Генри узналъ — не изъ прямого утвержденія, а изъ разныхъ признаковъ, — что Томъ имѣлъ положеніе въ художественныхъ кругахъ Парижа. О Салонѣ онъ говорилъ такъ, точно зналъ его, какъ свои пять пальцевъ; кромѣ того, онъ упомянулъ случайно, что нѣсколько его вещей находилось въ Люксембургскомъ музеѣ. Какъ это ни странно, но космополитическая извѣстность Тома — если ее вообще можно было назвать извѣстностью въ сравненіи съ популярностью Генри — вызвала зависть въ душѣ Генри. Ему тоже захотѣлось стать извѣстнымъ въ Парижѣ и быть какъ у себя дома въ двухъ столицахъ! Прежде чѣмъ они разстались, Томъ занялъ у Генри золотой, и этотъ обычный для Тома актъ страннымъ образомъ уменьшилъ зависть Генри.

На слѣдующій день Генри хотѣлъ съ утра начать систематическій обзоръ памятниковъ Парижа и ознакомленіе съ „геніемъ французской націи". Но Тома немыслимо было поднять съ постели. Въ одиннадцать часовъ Генри, вооруженный планомъ и англійской способностью оріентироваться, отправился одинъ бродить

по городу и, преуспѣвъ, вернулся въ половинѣ второго. Въ половинѣ третьяго Томъ былъ склоненъ уже подумать о томъ, что пора вставать, а Генри опять ушелъ и пропадалъ до четырехъ въ мѣстности между Moulin Rouge и Sacré Coeur. Когда онъ снова вернулся въ гостинницу, Томъ не только всталъ, но успѣлъ уже уйти, оставивъ записку, что будетъ къ шести часамъ. Генри въ ожиданіи его ходилъ вверхъ и внизъ по бульвару, выпилъ чаю въ автоматическомъ ресторанѣ и снова бродилъ. Ему казалось, что ожиданію этому не будетъ конца.

Стемнѣло. Вдоль всего бульвара, высоко надъ домами и внизу у досокъ съ названіемъ улицъ загорѣлись и замелькали красными и зелеными огнями электрическія рекламы, приглашавшія пить такой-то ликеръ и пойти въ такое-то учрежденіе, гдѣ вы найдете послѣднее слово развлеченія. Особенно запало въ воображеніе Генри одно имя, которое волшебно вспыхивало золотыми буквами на темно-синемъ небѣ, затѣмъ потухало и снова загоралось красными: это было—Folies-Bergère. А вотъ и другія—„Casino de Paris", „Scala", „Eldorado"—вспыхиваютъ огненной дугой высоко въ воздухѣ или внезапно зажигаются на колоннѣ среди улицы. И глядя на все это,—на эти надписи, на увеличенные портреты красавицъ, выглядывавшихъ отовсюду, на медленно двигавшуюся густую толпу на троттуарѣ, на множество столиковъ въ кафэ, на невѣроятныя иллюстраціи въ газетныхъ кіоскахъ, и вдыхая въ себя воздухъ, казалось, полный веселаго легкомыслія, Генри чувствовалъ, что несомнѣнно Парижъ — не вполнѣ подходящее мѣсто для молодого человѣка, имѣющаго невѣсту.

Въ шесть часовъ о Томѣ не было еще и помину. Онъ явился въ половинѣ восьмого, сознаваясь, что немножко опоздалъ и сказалъ, что одинъ пріятель далъ ему билеты на первое представленіе новаго обозрѣнія сегодня въ Folies-Bergère.

— Ну, а теперь, когда мы одни, можемъ поболтать, mon petit,—сказала Cosette.

— Да,—согласился Генри.

— Dolbiac сказалъ мнѣ, что вы очень богаты... une vogue épatante... Я бы не сказала этого... Но какіе у васъ красивыя уши!—воскликнула она, съ восхищеніемъ глядя на его лѣвое ухо.

„Ну, что жъ,—размышлялъ Генри,—*она* сама настаивала на поѣздкѣ въ Парижъ. Я не хотѣлъ ѣхать".

Они были одни, и вмѣстѣ съ тѣмъ не одни. Они занимали

ложу въ шумномъ, биткомъ набитомъ залѣ Folies Bergère. Но эта ложа была столь же отлична отъ ложи въ англійскомъ театрѣ, какъ отъ скамьи въ методистской часовнѣ. Отъ другихъ ложъ, отъ креселъ и отъ давки променуара она отдѣлялась бѣлыми перегородками, не выше обыкновенной трости. Въ ней находилось четыре нумерованныхъ стула. Генри и Cosette заняли два, а два другіе остались свободны. Томъ привелъ Генри въ эту ложу, какъ агнца, и здѣсь ихъ очевидно поджидали двѣ молодыя, удивительно интересныя дамы. Томъ представилъ ихъ опѣшившему Генри въ качествѣ Лулу и Cosette, артистокъ театра Capucines. Лулу была маленькая блондинка и не говорила по-англійски. Cosette была высокаго роста, стройная брюнетка и улыбаясь медленно говорила на языкѣ, который иногда казался Генри похожимъ на англійскій. По ея словамъ, выучилась она ему въ Ирландіи, гдѣ она получила воспитаніе во французскомъ монастырѣ. У нея только-что закончился долгій ангажементъ въ театрѣ Capucines и черезъ двѣ недѣли долженъ былъ состояться ея выходъ въ „Scala“: сейчасъ же она свободна, какъ птица.

Cosette, Лулу и Томъ стали обсуждать что-то по-французски, на неуловимомъ для Генри языкѣ, который лился неудержимо, точно мельничный потокъ; они ежеминутно кланялись и отвѣчали на поклоны знакомыхъ изъ партера и выходили въ променуаръ. Въ концѣ-концовъ Томъ съ Лулу ушли изъ ложи къ какимъ-то друзьямъ въ фойе. Новое „обозрѣніе“, очевидно, ихъ мало интересовало.

— Не бойся,—сказалъ Томъ, уходя, своему кузену,—она тебя не съѣстъ!

— Не безпокойся обо мнѣ,—холодно отвѣтилъ Генри.

Онъ замѣтилъ, что Cosette во многихъ отношеніяхъ нарушала англійскій кодексъ, касающійся женской наружности и туалета. И наблюденіе это повліяло на него въ такомъ смыслѣ, что англійскій кодексъ показался ему отжившимъ и нѣсколько провинціальнымъ.

Cosette носила огромную бѣлую шляпу съ очень пышными перьями и нѣсколькими большими бѣлыми розами между полями шляпы и ея черными волосами. Волосы были совсѣмъ черные, съ синеватымъ отливомъ; одинъ большой локонъ спускался низко на̀ лобъ. На ней было вечернее кружевное платье декольте и бѣлыя перчатки до локтя. На шеѣ нитка жемчуга. Генри поразило соединеніе вечерняго туалета съ шляпой, но въ театрѣ было много другихъ дамъ, такъ же точно нарушавшихъ англійскій кодексъ, и онъ пришелъ къ выводу, что хотя обычай этотъ

и странный, но все же имѣетъ свои преимущества. Цвѣтъ лица Cosette своей смѣлостью превосходилъ всякое англійское дерзновеніе. Губы ея были очевидно ярко накрашены, брови получили нѣкоторую помощь, а однажды Cosette съ самымъ невиннымъ видомъ вынула изъ своего ридикюля маленькое зеркальце, посмотрѣлась въ него, затѣмъ попудрила свой подбородокъ крошечной пуховкой и улыбнулась Генри. И Генри одобрилъ это. Онъ былъ вынужденъ признать хотя искусственную и декадентскую, но тѣмъ не менѣе безспорную прелесть пудры и румянъ.

Cosette нельзя было назвать красивой. Чертами лица она не могла равняться съ Джеральдиной. Ея интеллектуальность, безъ сомнѣнія, была не очень высокаго качества. Но въ другихъ отношеніяхъ, Cosette была, въ сравненіи съ Джеральдиной, тѣмъ же, чѣмъ была Джеральдина сравнительно съ тетей Анни. Ея платье было чудомъ, шляпа — вторымъ чудомъ, прическа — третьимъ. А когда она сняла перчатку—эти кольца, эти ногти! А носки ея туфель—все въ ней было законченно! Вообще, Джеральдина могла бы поучиться у нея искусству быть настоящей женщиной. Джеральдина была развита и не скрывала этого; однимъ изъ ея орудій была серьезность. Но Cosette знала нѣчто лучшее. Cosette умѣла окружить васъ чѣмъ-то неуловимымъ, способнымъ сильнѣе очаровывать чѣмъ даже умъ Жоржъ-Зандъ. А Парижъ—или то, что является приманкой Парижа для англичанъ,—былъ открытой книгой для этой двадцатичетырехлѣтней женщины. Ничто не было для нея тайной. Ее ничто не поражало, не шокировало. Необычнымъ ей казалось только полное невѣжество Генри во всякихъ интересныхъ дѣлахъ.

— Ну, что же ты думаешь о французскомъ обозрѣніи, сынъ мой?—спросилъ Томъ, вернувшись вмѣстѣ съ Лулу въ ложу.

— Право не знаю,—отвѣтилъ Генри,—я не смотрѣлъ. Мы болтали. Только музыка адски оглушительная!

Онъ казался себѣ почти такимъ же парижаниномъ, какъ Томъ.

— Tiens!—защебетала Cosette, обращаясь къ Лулу и показывая ей на Генри.—Regarde-moi ces oreilles. Sont jolies. Pas?

Скоро Томъ и Генри оставили театръ, и Генри разстался съ Cosette съ смѣшаннымъ чувствомъ сожалѣнія и облегченія. Можетъ быть, не придется больше никогда видѣть ее. Да и Джеральдина...

На другой день Томъ предложилъ пойти посмотрѣть Люксембургскій музей. Оказалось, что онъ не солгалъ: дѣйствительно, въ одной изъ залъ видное мѣсто занимала огромная, въ нату-

ральную величину, статуя Сафо, помѣченная именемъ Dolbiac. На Генри она произвела сильное впечатлѣніе. Томъ тоже воодушевился и объяснилъ своему кузену всѣ красоты своего произведенія.

— Что̀ еще интересно здѣсь посмотрѣть?—спросилъ Генри, когда этотъ сюжетъ показался исчерпаннымъ.

— Больше ничего,—презрительно отвѣчалъ Томъ.

Они ушли. Такъ началось и закончилось изученіе Генри достопримѣчательностей Парижа.

XXIV.

Успѣхи въ безпутствѣ.

— Faites vos jeux, messieurs, — сказалъ главный крупье стола.

Пальцы Генри нащупали въ карманѣ одинокую пятифранковую монету, большую, массивную, соблазнительную.

Да, онъ былъ въ Монте-Карло. Ему самому трудно вѣрилось, но это было такъ. Томъ привезъ его сюда. У Тома была странная особенность: хотя онъ лгалъ такъ же часто, какъ нѣкоторые люди поправляютъ свои воротнички, но самыя дикія его утвержденія какимъ-то образомъ оказывались правдой. Такъ, его работа въ самомъ дѣлѣ была пріобрѣтена Люксембургскимъ музеемъ и выставлена тамъ. Такъ же точно, въ Монте-Карло онъ пріѣхалъ въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы писать портретъ одной графини изъ Сициліи, и за очень большую цѣну — и Генри вѣрилъ ему, хотя и не видалъ этой графини. Вообще, въ характерѣ Тома было многое такого, что̀ ускользало отъ пониманія Генри. Генри заплатилъ все по счету въ Грандъ-отелѣ, далъ Тому въ займы сначала соверенъ, затѣмъ еще одинъ, затѣмъ пяти-фунтовую бумажку и, вѣроятно, вынужденъ былъ бы одинъ оплатить всѣ расходы дорогого путешествія въ поѣздѣ-люксъ, если бы не спросилъ предусмотрительно у Тома денегъ на билетъ. Генри зналъ, хотя никто и не говорилъ ему объ этомъ, что давать Тому деньги—все равно, что выбросить ихъ на улицу. По дорогѣ въ Монте-Карло Томъ признался ему, съ шутливой ироніей въ голосѣ, что онъ живетъ въ Парижѣ до тѣхъ поръ, пока не начинаютъ надоѣдать кредиторы; затѣмъ переѣзжаетъ куда-нибудь, въ Римъ или Лондонъ, пока эти города не становятся непріятны благодаря другимъ кредиторамъ, и тогда онъ возвращается въ Парижъ.

Генри выслушалъ это признаніе молча.

Когда поѣздъ приближался къ Монте-Карло раннимъ, розовато-яснымъ утромъ, Генри замѣтилъ, что Томъ смотритъ въ окно на мелькающій ландшафтъ и слезы блестятъ у него на глазахъ, а кофе его стоитъ нетронутымъ.

— Что такое?—простодушно спросилъ Генри.

Томъ сердито повернулся къ нему.

— Несчастный ты оселъ! — сказалъ онъ, — неужели ты не чувствуешь, какъ это все дивно хорошо!

И это замѣчаніе Генри выслушалъ тоже молча.

— Ты признаешь себя въ самомъ дѣлѣ большимъ талантомъ?—спросилъ Томъ.

Генри разсмѣялся.

— Нѣтъ, я не шучу,—продолжалъ Томъ настойчиво. — По совѣсти, считаешь ли ты себя большимъ талантомъ? Я себя— да. А ты какъ? Скажи мнѣ откровенно.

— Не знаю, право,—отвѣтилъ Генри.

— Не можетъ быть. Ты знаешь,—настаивалъ Томъ.—Говори правду. Считаешь ли ты себя, напримѣръ, равнымъ по силѣ Джорджу Эліоту?

Генри колебался. Серьезность тона Тома обязывала къ искренности.

— Это, знаешь, непріятный вопросъ, — произнесъ онъ наконецъ.

Томъ неожиданно разразился громкимъ смѣхомъ:

— Отважный мой юноша, ты проглотилъ пилюлю. Ты всегда это дѣлалъ и всегда будешь дѣлать. Въ тебѣ есть что-то великолѣпное, свѣжее и милое, какъ дѣтская глупость.

И это третье замѣчаніе Генри тоже принялъ молча.

На второй день пребыванія въ Монте-Карло Томъ оставилъ Генри билетъ для входа въ игорные залы, а самъ пошелъ къ своей сициліанской графинѣ. Былъ только двѣнадцатый часъ утра и народу у рулеточныхъ столовъ было еще мало; два стола, гдѣ шла игра въ trente et quarante, даже еще не открывали своихъ дѣйствій. Войдя въ залъ, Генри нѣсколько минутъ былъ погруженъ въ нѣмое созерцаніе: онъ дивился великолѣпнымъ жестамъ, съ которыми крупье бросали на зеленую скатерть золотыя монеты и бумажки, и ловкости главнаго крупье, вертѣвшаго шарикъ между большимъ и среднимъ пальцами. Возлѣ стола было человѣкъ тридцать-сорокъ, всѣ торжественные и напряженные; многіе изъ нихъ записывали на маленькихъ бумажкахъ номера, на которые палъ выигрышъ.

„Какіе дураки!“—подумалъ Генри.—Они знаютъ, что Казино зарабатываетъ въ день не меньше двухъ тысячъ, знаютъ, что шансы противъ нихъ—и все-таки они надѣются выиграть!“

Въ самый моментъ этихъ размышленій по поводу людской глупости Генри нащупалъ у себя въ карманѣ пятифранковую монету. Не поставить ли ее? просто для того, чтобы потомъ имѣть право сказать, что онъ тоже игралъ въ Монте-Карло. Ерунда! насколько эффектнѣе было бы удостовѣрить, что онъ былъ у столовъ, но не участвовалъ въ игрѣ!.. Но онъ чувствовалъ, что что-то въ немъ сильнѣе здраваго смысла и заставитъ его поставить эти пять франковъ. Онъ оглядѣлся, не наблюдаетъ ли кто за нимъ? Нѣтъ. Онъ рѣшилъ поставить, но какъ? Генри вспомнилъ статью о рулеткѣ, которую онъ читалъ однажды; въ разсчетѣ онъ былъ силенъ, и очень ясно понялъ принципы игры. И теперь онъ подумалъ, съ обычной своей точностью: „Я подожду, пока красное выиграетъ четыре раза подрядъ и тогда поставлю на черное“.

„Глупости какія,—говорилъ въ немъ голосъ логики и разсудка.—Если красное выиграло четыре раза или хотя бы даже сорокъ разъ подрядъ, то чѣмъ это гарантируетъ выигрышъ чернаго при слѣдующемъ поворотѣ?“ Но другой голосъ упрямо повторялъ: „Все равно. Я знаю, что это должно быть такъ“.

Пришлось ждать довольно долго. Наконецъ, красное выиграло четыре раза подрядъ. Генри почувствовалъ волненіе и жаръ въ головѣ. Онъ вынулъ большую монету изъ кармана и снова опустилъ ее назадъ. Вотъ уже крупье завертѣлъ шарикъ и объявилъ игру открытой и въ тотъ самый моментъ, какъ онъ объявилъ торжественно: „Rien ne va plus!“ Генри опять вынулъ свою монету и, дѣлая надъ собой усиліе, перегнулся черезъ стараго господина впереди него и бросилъ ее на черное. Онъ покраснѣлъ; ему казалось, что всѣ кругомъ смотрятъ на него насмѣшливо.

— Quatre. Noir, pair et manque,—закричалъ крупье.

Черное выиграло.

Сердце Генри стучало, какъ молотъ. Онъ боялся, какъ бы кто-нибудь изъ негодяевъ, которые, по словамъ читанной имъ статьи, наводняютъ залы, не перегнулся черезъ его плечо и не овладѣлъ бы его выигрышемъ. Онъ насторожился. Крупье бросилъ къ его пятифранковой монетѣ другую, такого же достоинства, и Генри взялъ ихъ съ напускнымъ спокойствіемъ. Ему уже не было такъ жарко и дышалось свободнѣе. „Пустяки, въ

сущности,—подумалъ онъ.—Очевидно, эта система вѣрна. Буду держаться ея, буду выигрывать".

Старый господинъ, сидѣвшій впереди Генри, вскорѣ поднялся и ушелъ, и Генри занялъ его стулъ. Черезъ полчаса у него было уже двадцать франковъ; робость его исчезла; ему даже казалось, что онъ здѣсь игралъ много, много разъ.

— Поставьте это за меня,—произнесъ возлѣ него женскій голосъ. Онъ быстро обернулся: это былъ голосъ Cosette. И вправду: вотъ она улыбается позади его стула, нарядно и восхитительно одѣтая и протягиваетъ затянутую въ перчатку руку съ французской кредитной бумажкой.

— Когда вы пріѣхали?—спросилъ онъ громко, крайне изумленный.

— Ш-ш,—улыбаясь напомнила она ему о нарушеніи правилъ игорной залы.—Поставьте, пожалуйста, это за меня.

Это былъ билетъ въ тысячу франковъ.

— Все сразу?—спросилъ онъ.

— Да.

— Но куда.

— Куда хотите,—прошептала она.—Вамъ везетъ. Вы принесете счастье.

Онъ самъ не зналъ что̀ дѣлаетъ; все завертѣлось у него въ мозгу и такъ какъ черное было ближе къ нему, онъ бросилъ бумажку туда. Крупье на концѣ стола подобралъ ее и объявилъ: „Billet de mille francs". Затѣмъ, когда было уже поздно мѣнять, Генри вспомнилъ, что черное уже выиграло три раза подрядъ. Но черезъ мгновенье оно опять выиграло.

— Теперь я начинаю понимать власть этой игры надъ людьми,—подумалъ Генри.

— Оставьте ихъ тамъ,—сказала Cosette, показывая на два билета по тысячѣ франковъ каждый.—Я хочу продолжать.

Черное опять выиграло.

— Оставьте ихъ тамъ,—сказала Cosette, показывая на четыре билета по тысячѣ франковъ.—Я говорила, что вы принесете счастье.

И они радостно улыбнулись другъ другу.

Черное снова выиграло.

Cosette продолжала ставить на него. Такой методъ игры совершенно противорѣчилъ теоріи Генри. Тѣмъ не менѣе, вопреки всякой вѣроятности, черное выигрывало по прежнему. Когда передъ Генри лежало шестнадцать тысячъ франковъ, крупье рѣзко за-

мѣтилъ ему что-то и онъ съ помощью Cosette понялъ, что максимумъ ставки—двѣнадцать тысячъ франковъ.

— Поставьте четыре тысячи на нечетныя,—сказала Cosette,— А? Какъ вы думаете.

— Нѣтъ,—сказалъ Генри.—Четныя.

И вышло опять четыре.

Не успѣли они оглянуться, какъ онъ выигралъ для Cosette шестнадцать тысячъ франковъ, т.-е. шестьсотъ сорокъ фунтовъ, а весь выигрышъ равнялся тысячѣ двумъ стамъ сорока фунтамъ.

Публика была заинтересована. Теперь, дѣйствительно, на него смотрѣли со всѣхъ сторонъ.

— Скажите какое-нибудь число, — прошептала Cosette.— Закройте глаза и скажите.

— Двадцать-четыре, — сказалъ Генри. Она сказала ему какъ-то, что ей столько лѣтъ.

— Bien. Voilá huit louis!—воскликнула она, раскрывая свой кошелечекъ изъ золотого плетенья; онъ взялъ эти восемь золотыхъ и поставилъ ихъ на цифру двадцать-четыре. Восемь билетовъ по тысячѣ франковъ каждый остались на четныхъ номерахъ. Остальные лежали скомканные въ карманѣ у Генри.

Двадцать-четыре выиграло. Въ это утро все время шло черное. „Mais c'est épatant!“ — бормотали кругомъ ошеломленные зрители.

Крупье отсчитывалъ безчисленное количество бумажекъ и блестящихъ, золотыхъ, благородныхъ стофранковыхъ монетъ. Генри не могъ сообразить точно всей суммы, но смутно чувствовалъ, что онъ выигралъ для Cosette еще около трехсотъ фунтовъ.

— Теперь пойдетъ красное, я думаю,—подумалъ онъ, вздыхая.

И, чувствуя себя завзятымъ habitué рулетки, онъ сказалъ, обращаясь къ крупье, по-французски: „Maximum Rouge“

— Maximum Rouge,—повторилъ крупье.

И тотчасъ же красное поле покрылось ставками многихъ людей, которые рѣшили пріобщиться къ счастью Генри.

И красное выиграло; вышла цифра четырнадцать.

Генри былъ такъ поглощенъ всѣмъ происходящимъ, что не замѣтилъ переговоровъ между двумя крупье посреди стола. Банкъ былъ сорванъ, и моментально вѣсть объ этомъ облетѣла всѣ залы.

— Идемъ, — сказала Cosette, какъ только Генри получилъ выигрышъ. И она нервно тянула его за рукавъ.

„Я сорвалъ банкъ въ Монте-Карло! — думалъ онъ, когда они выходили изъ роскошнаго вестибюля казино. — Я сорвалъ банкъ! Я!“

Еслибы онъ получилъ право на императорскій престолъ въ Китаѣ, врядъ ли онъ могъ бы испытывать бо́льшую гордость.

Случайно вспомнилась ему опять та же статья о рулеткѣ. Въ ней сказано было, что осторожные люди, выигравъ большую сумму, идутъ прямо въ банкъ и по возможности явно для публики вносятъ ее на текущій счетъ чтобы предупредить любителей ночныхъ посѣщеній, что имъ нечего безпокоиться.

— Не позавтракать ли намъ? — предложила Cosette, пока Генри получалъ свою шляпу.

— Нѣтъ, еще не сейчасъ, — сказалъ онъ съ важностью.

Въ банкѣ оказалось, что онъ наигралъ для Козетты шестьдесятъ-три тысячи франковъ.

— Ахъ, милый, — прошептала она въ порывѣ восторга и, несмотря на присутствіе чиновника, запечатлѣла легкій поцѣлуй на его ухѣ.—Вѣдь три тысячи вы мнѣ оставите, правда?—спросила она тономъ балованнаго ребенка.

Онъ милостиво разрѣшилъ ей это, а шестьдесятъ тысячъ были внесены на ея имя.

— Угостите меня завтракомъ? — щебетала она, когда они вышли изъ банка на улицу.

Они позавтракали въ Hôtel de Paris.

Въ этотъ день Генри былъ сильно возбужденъ, но не отъ шампанскаго, которое они выпили. Они сидѣли на террасѣ. На дворѣ стоялъ декабрь, но похоже было на іюнь въ Англіи. Радость жизни, красота природы, прелесть женщинъ и ихъ туалетовъ опьянили Генри. Онъ не думалъ ни о прошломъ, ни о будущемъ—онъ весь отдавался настоящему. Онъ не задавалъ себѣ даже вопроса—для чего, въ сущности, Cosette пріѣхала въ Монте-Карло? Она разсказала ему, что съ ней здѣсь Лулу, которой тоже захотѣлось поѣхать, но у Лулу мигрень и она въ постели; она же, Cosette, никогда не страдаетъ мигренью и, вообще, не болѣетъ. А солнце въ это время золотило холмы Италіи, море ласково нѣжилось въ его лучахъ... Какое чудо! какъ прекрасна земля! Генри почти понималъ теперь, отчего Томъ плакалъ между Каннъ и Ниццей.

Рѣшено было обѣдать вечеромъ всѣмъ вмѣстѣ, если только Лулу оправится, а Томъ не исчезнетъ съ горизонта. Генри обѣщался раздобыть его. Cosette объявила, что должна пойти посмотрѣть, что̀ дѣлаетъ Лулу, и они разстались на нѣсколько часовъ.

— Mon petit!—бросила она ему вслѣдъ.

Генри пошелъ въ Hôtel des Anglais, но Тома тамъ не видали. Генри вернулся въ сады при Казино. Садовники покрывали дорогіе цвѣты полотномъ. Онъ смотрѣлъ, какъ они продѣлывали это, потомъ зѣвнулъ. Отъ скуки онъ рѣшилъ зайти на полчаса въ казино посмотрѣть, какъ идетъ игра.

Воздухъ въ залѣ былъ тяжелый и спертый. Генри выбралъ другой столъ, подальше отъ его утренняго тріумфа и сѣлъ, чтобы наблюдать. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже убѣдилъ себя, что лучше ему самому немножко поиграть. И онъ началъ игру, чувствуя себя великаномъ среди пигмеевъ. Въ пять оборотовъ онъ проигралъ двѣсти франковъ.

— Держись, ничего!—ободрялъ онъ самого себя.

Вѣдь пустяки въ самомъ дѣлѣ двѣсти франковъ для человѣка, который только-что выигралъ шестьдесятъ три тысячи франковъ. Впрочемъ, выигрышъ былъ не его. Зато именно онъ, Генри, заплатилъ за лёнчъ въ Hôtel de Paris шестьдесятъ пять франковъ, онъ же далъ Тому въ займы сто семьдесятъ пять франковъ и заплатилъ за него по счету въ Парижѣ. Генри уѣхалъ изъ Англіи, имѣя въ карманѣ ровно пятьдесятъ пять фунтовъ—сумма, казалось ему, совершенно достаточная для его расходовъ на континентѣ.

А теперь надо было обдумать положеніе.

У него былъ обратный билетъ изъ Монте-Карло въ Парижъ, а также изъ Парижа въ Лондонъ. Въ отелѣ надо заплатить, вѣроятно, франковъ пятьдесятъ, а на лицо у него былъ стофранковый билетъ, двѣ бумажки по пятьдесятъ франковъ, немножко французскаго золота и серебра и англійской мелочи.

Онъ продолжалъ игру по своей безошибочной системѣ и проигралъ еще полсотни.

„Я могу занять немного денегъ у Cosette,—подумалъ онъ.—Вѣдь я выигралъ для нея всю эту кучу“.

— Вздоръ! ты знаешь самъ прекрасно, что не можешь просить у нея денегъ. Именно потому и не можешь,—говорилъ ему голосъ разсудка,—что выигралъ ихъ для нея. Она можетъ подумать, что ты ради этого и старался.

„Ну, тогда я могу занять у Тома“,—подумалъ онъ.

— Томъ!?—лаконически, но многозначительно сказалъ ему разсудокъ.

— Я могу телеграфировать Снайдеру,—сказалъ онъ себѣ.

— Это было бы немножко неловко,—продолжалъ тотъ же неумолимый голосъ,—требовать денегъ изъ Монте-Карло!

Генри рѣшительно взялъ стофранковый билетъ и поставилъ

его на красное; руки и ноги у него были холодны какъ ледъ. Онъ поклялся, что эта ставка будетъ послѣдней. Выиграло черное.

Генри поклялся, а онъ умѣлъ держать свое слово. Онъ тотчасъ же удалился изъ казино, но шелъ неувѣренной, слабой поступью человѣка, получившаго неожиданный ударъ прямо въ лицо, или лунатика, проснувшагося на краю пропасти.

Онъ заплатилъ по счету въ гостинницѣ и спросилъ, когда идетъ слѣдующій поѣздъ въ Парижъ. Оказалось, въ этотъ день такого поѣзда уже не было,—былъ только поѣздъ въ Марсель. Онъ рѣшилъ поѣхать въ немъ. Куда бы то ни было, но уѣхать. Онъ не попрощался ни съ кѣмъ, не оставилъ ни записокъ, не далъ никакихъ объясненій. Онъ просто поѣхалъ на вокзалъ и сѣлъ въ вагонъ. На слѣдующій день въ часъ онъ пріѣхалъ въ Лондонъ съ пятью пенсами въ карманѣ. Два пенса пришлось отдать за храненіе багажа, а три пенса стоилъ переѣздъ по подземной желѣзной дорогѣ до Черингъ-Кросса. Добравшись туда, онъ прошелъ уже пѣшкомъ къ Марку Снайдеру и взялъ у него соверенъ. Контора, финансировавшая Снайдера, была въ этотъ моментъ закрыта, и этотъ соверенъ составлялъ всю наличную собственность Марка Снайдера.

Генри былъ радъ, что вѣсть объ его заграничныхъ похожденіяхъ не дошла до Лондона; во всякомъ случаѣ Маркъ Снайдеръ еще ничего не зналъ. Узнаетъ, конечно, скоро. Утромъ въ парижскихъ газетахъ Генри прочелъ: „М-ръ Генри Ш. Найтъ, извѣстный молодой англійскій романистъ, вчера сорвалъ банкъ въ Монте-Карло. Повидимому, онъ велъ игру въ сообществѣ съ mademoiselle Cosette, извѣстной парижской дивой, которая тоже посѣтила чудный уголокъ Ривьеры. Говорятъ, что ихъ общій выигрышъ превысилъ сто шестьдесятъ тысячъ франковъ.

Упоминаніе о Cosette вызвало Генри на размышленія о Джеральдинѣ. Было похоже на то, какъ будто ему приходилось вернуться къ сѣрымъ буднямъ послѣ сладкой сказки путешествія.

Однимъ Генри гордился: своей твердостью. Какъ онъ рѣшительно бросилъ Монте-Карло, Cosette, Лулу, Тома и всѣ соблазны! И было чѣмъ гордиться.

XXV.

Новая жизнь.

Оба они были крайне нервно настроены. Хотя они были женаты самымъ форменнымъ и законнымъ образомъ, хотя новая

квартира была великолѣпна и удобна чрезвычайно, хотя въ банкѣ у нихъ лежала сумма въ семь тысячъ фунтовъ стерлинговъ, хотя совѣсть у нихъ была чиста, а обстановка нарядна, — все же Генри и Джеральдина были очень нервно настроены, сидя въ гостиной и поджидая появленіе м-съ Найтъ и тети Анни, приглашенныхъ къ чаю и къ обѣду.

Это было на третій день послѣ возвращенія ихъ изъ таинственнаго свадебнаго путешествія.

— Хочешь одну штучку, дорогой мой? — сказала Джеральдина, протягивая ему конфекту изъ цвѣтной коробки, стоявшей возлѣ нея. И Генри взялъ ее зубами изъ хорошенькихъ пальчиковъ жены.—Вкусныя, правда?—пробормотала она, и онъ подтвердилъ, что да.

Джеральдина, несомнѣнно, была очаровательна, хотя и въ англійскомъ вкусѣ. Мысли о Cosette, раньше кружившіяся въ головѣ Генри съ такой поразительной легкостью и быстротой, которую можно сравнить только съ бѣгомъ фламинго по зеленой англійской лужайкѣ, теперь почти вовсе перестали смущать его. Стоило ему только вообразить себѣ встрѣчу ихъ обѣихъ, какъ тотчасъ же становились очевидны преимущества Джеральдины.

Многое случилось со временъ Cosette.

Прежде всего, въ видѣ естественной реакціи противъ своего легкомыслія, онъ рѣшилъ быть чрезвычайно серьезнымъ и держать себя соотвѣтственно. Сильно укрѣпила его въ этомъ намѣреніи статья, появившаяся въ одномъ изъ журналовъ и озаглавленная „Творчество Генри Шекспира Найта". Статья выяснила ему, какъ онъ талантливъ, и онъ былъ наивно и искренно благодаренъ за откровеніе. Попутно, статья эта навела его на мысль, что красивѣе было бы подписываться своимъ полнымъ именемъ, чѣмъ сокращать второе, и онъ рѣшилъ поставить на слѣдующей своей книгѣ: „Генри Шекспиръ Найтъ". Вообще, статья эта сильно укрѣпила въ немъ сознаніе высшей одаренности, сознаніе долга передъ многочисленной публикой.

Онъ забросилъ раньше начатую имъ повѣсть и началъ писать новую, гдѣ герой, подпавшій несчастной страсти къ азартной игрѣ, спасенъ любовью чистой молодой дѣвушки. Дѣйствіе происходило сначала въ Парижѣ, потомъ въ поѣздѣ-люксъ, и наконецъ въ Монте-Карло. Одною изъ самыхъ эффектныхъ сценъ была лунная ночь на яхтѣ въ Средиземномъ морѣ, гдѣ Вероника убѣждаетъ Герберта бросить въ море шальныя деньги — выигрышъ въ шестьсотъ шестьдесятъ три тысячи франковъ, хотя этотъ отказъ и оставилъ бы Герберта безъ гроша.

Джеральдина наблюдала за работой Генри надъ этимъ романомъ и была вполнѣ удовлетворена. Она не находила въ немъ недостатковъ. Когда Генри читалъ ей главу за главой, она не сводила съ него большихъ глазъ, въ которыхъ свѣтилось восхищеніе.

— Угадай, какъ я озаглавлю романъ?—спросилъ онъ у нея однажды оживленно.

— Я не знаю,—сказала она.

— „Красное и Черное", — сказалъ Генри. — Правда, красивое заглавіе?

— Да, — согласилась она.—Но оно уже не ново. — Она разсказала ему о романѣ Стендаля, о которомъ онъ никогда не слыхалъ.

— Ну, что-же?—воскликнулъ Генри, нѣсколько сбитый съ позиціи.—Во-первыхъ, Стендаль былъ французъ, а во-вторыхъ, въ его книгѣ дѣло не идетъ объ игрѣ; и поэтому мнѣ кажется, что я могу остаться при своемъ заглавіи. Мнѣ оно пришло въ голову самостоятельно, увѣряю тебя.

— Да я вѣрю тебѣ, дорогой мой, — успокоила его Джеральдина.

— Но ты полагаешь, что лучше всетаки измѣнить его?

Джеральдина смотрѣла себѣ подъ ноги.

— Видишь ли,—прошептала она,—Стендаль былъ, дѣйствительно, большой писатель.

Генри эти слова ошеломили. Она произнесла ихъ такъ, что онъ не былъ вполнѣ увѣренъ, хотѣла ли она сказать: „Стендаль былъ, дѣйствительно, *большой* писатель". Или: „Стендаль былъ, *дѣйствительно*, большой писатель". Первое удареніе—еще ничего; но второе... Ему припомнились слова Тома въ вагонѣ. И онъ почувствовалъ на этотъ разъ яснѣе, чѣмъ когда-либо,—что въ Джеральдинѣ было нѣчто странное, чего онъ никогда не могъ раскусить и не раскуситъ.

— А что̀, если бы назвать его „Черное и красное?" Идетъ такъ?—спросилъ онъ растерянно.

— Можно, конечно, но звучитъ оно не такъ хорошо,—отвѣтила она.

— Нашелъ, нашелъ! — воскликнулъ вдругъ Генри восторженно.—Вотъ какъ: „Моровое повѣтріе". Подразумѣвается, конечно, Монте-Карло.

— Великолѣпно!—съ восхищеніемъ отвѣтила она.—Ты неподражаемо выдумываешь заглавія.

Книга была успѣшно закончена, рукопись черезъ Марка

Снайдера отослана въ издательство Макалистэръ и оттуда пришелъ чекъ на крупную сумму при письмѣ, полномъ комплиментовъ. Фирма объявила, что въ ихъ ежемѣсячникѣ въ непродолжительномъ времени будутъ напечатаны первыя главы большого романа м-ра Генри Шекспира Найта: „Моровое повѣтріе", который будетъ тянуться впродолженіи года. Въ Америкѣ романъ издавался выпусками. Въ то же время въ большой ежедневной газетѣ появилось интервью съ Генри, созданное, очевидно, при содѣйствіи фирмы Макалистэръ. „Совершенно вѣрно,—говорилъ Генри въ этомъ интервью,—что я поѣхалъ въ Монте-Карло съ цѣлью собрать на мѣстѣ наблюденія для своего романа. Но разсказы въ газетахъ о томъ, какъ я сорвалъ банкъ, сильно преувеличены. Конечно, я игралъ отчасти для того, чтобы быть въ состояніи понять переживанія своего героя. Надо замѣтить, что я былъ въ Монте-Карло вмѣстѣ съ моимъ кузеномъ, m-r Дольбіакомъ, извѣстнымъ скульпторомъ. M-r Dolbiac — свой человѣкъ въ парижскомъ артистическомъ обществѣ. Случайно онъ познакомилъ меня съ извѣстной парижской пѣвицей, бывшей тоже въ Монте-Карло. Съ ней-то мнѣ и случилось играть за однимъ столомъ. Время отъ времени я ставилъ за нее ставки — вотъ и все. Правда, у нея было необыкновенное счастье въ игрѣ, но банкъ былъ сорванъ въ сущности соединенными усиліями многихъ лицъ изъ публики. Вотъ и вся исторія—и я боюсь, что она представляется гораздо менѣе интересной и увлекательной, чѣмъ тѣ слухи, которые ходили о ней. Даму эту я съ того дня не видѣлъ".

Послѣ этого все его время и мысли были заняты предстоящей свадьбой. Мать и тетя Анни не принимали почти никакого участія въ приготовленіяхъ къ этому событію: онѣ держались совершенно пассивно. Миръ между сторонами былъ полный, но старшее поколѣніе придерживалось нейтралитета. Чувствовалось, что взгляды и вкусы Джеральдины и старшаго поколѣнія кореннымъ образомъ расходятся, а Генри дѣлалъ все, что хотѣла Джеральдина. Будущіе супруги совѣтовались съ Маркомъ Снайдеромъ, какъ имъ устроить свою жизнь.

— Можемъ ли мы разсчитывать на бюджетъ въ двѣ тысячи фунтовъ?—спросили они его.

— Конечно,—сказалъ онъ,—и даже вчетверо больше. Рукопись „Морового повѣтрія" въ это время была у него въ рукахъ.

— Если такъ, то будемъ считать три тысячи,—сказала Джеральдина Генри. И она обдумала устройство квартиры въ этомъ масштабѣ. Генри не сказалъ матери и теткѣ, что цѣна

квартиры была триста фунтовъ въ годъ, что меблировка стоила больше тысячи и что на туалеты Джеральдины онъ долженъ былъ давать двѣсти фунтовъ въ годъ. Онъ боялся, чтобы съ матерью не случился ударъ, а съ тетей Анни—нервный припадокъ.

Вѣнчаніе происходило въ церкви. Не это, конечно, было причиной тайнаго огорченія м-съ Найтъ и тети Анни: всѣ почтенные методисты вѣнчаются въ церкви. Глубоко огорчалъ ихъ тотъ фактъ, что Генри скрылъ даже отъ матери, куда они поѣдутъ послѣ свадьбы. Онъ сказалъ только, что Джеральдинѣ хочется ѣхать въ Парижъ, но что онъ противъ этого.—„И совершенно правильно", — замѣтила тетя Анни. И послѣ вѣнчанія новобрачные исчезли на двѣ недѣли неизвѣстно куда.

Теперь они снова появились на горизонтѣ и съ помощью четырехъ человѣкъ прислуги должны были привѣтствовать и угостить у себя м-съ Найтъ и тетю Анни.

Вотъ, наконецъ, послышался звонокъ.

— Приготовься встрѣтить тяжелую кавалерію,—сказала Джеральдина, чинно сидя на зеленомъ креслѣ посреди огромной гостинной.

Но, замѣтивъ выраженіе лица Генри, она быстро вскочила и, подбѣжавъ къ нему, звучно поцѣловала его между глазъ.

— Глупышъ мой, я не думала ничего дурного!—прошептала она, очаровательно ласкаясь къ нему. Онъ улыбнулся. Она помчалась назадъ къ своему креслу и въ тотъ же моментъ дверь отворилась.

— М-ръ Доксей,—провозгласила молодая горничная, строго одѣтая въ черное съ бѣлымъ и глубоко проникнутая сознаніемъ важности своихъ господъ. Въ гостинную вошелъ маленькій Доксей, такой же невзрачный и ничтожный съ виду, какъ и раньше и явно пораженный великолѣпіемъ обстановки.

— Ахъ, милый Доксей! — воскликнула хозяйка, — какъ вы хорошо сдѣлали, что отыскали насъ такъ скоро!

— Здравствуйте, Доксей. Какъ живете? — сказалъ Генри, поднимаясь.

— Спасибо. Радъ васъ видѣть,—сказалъ Доксей, осторожно ставя свой цилиндръ на стулъ.—Надѣюсь, что я не помѣшалъ вамъ? Я на минутку. Сегодня цѣлая компанія собирается въ Hôtel Cecil. У меня къ вамъ дѣло, дружище, — обратился онъ къ Генри.—Я перечиталъ теперь вашу „Любовь въ Вавилонѣ" и подумалъ, что изъ нея можно было бы сдѣлать недурную пьеску — изъ эпизода съ картиной, знаете? Я подѣлился этой

мыслью съ Пильгримомъ, директоромъ Принцъ-театра, и онъ ухватился за нее руками и ногами.

— Т.-е. вамъ кажется, что онъ ухватился,—вставила Джеральдина.

— Нѣтъ, оно дѣйствительно такъ и есть,—продолжалъ Доксей послѣ короткой паузы.—Я увѣренъ въ этомъ. Я набросалъ планъ. Теперь за вами остановка: если вы дадите разрѣшеніе, поставите свое имя и согласитесь участвовать въ прибыляхъ, то я живо состряпую эту штуку.

— Значитъ, пьесу?—сказалъ Генри.

Доксей кивнулъ головой.

— Театръ—это, знаете ли, первое дѣло.

— Что̀ вы хотите этимъ сказать?

— Да то, что онъ даетъ много денегъ, дружище. Конечно, не одноактныя пьесы, а длинныя. Но чтобы дойти до длинныхъ, надо начать съ короткихъ.

— Знаете, что мы сдѣлаемъ?—сказалъ Генри.—Напишите сначала, а я просмотрю потомъ и рѣшу.

— Какъ хотите. Можно и такъ, — сказалъ Доксей. — А какъ же насчетъ прибылей?

— Если будетъ доходъ, то я ничего не имѣю противъ половинной доли,—отвѣтилъ Генри.

— Такъ,—протянулъ Доксей.—Имѣйте въ виду, что нѣкоторый опытъ и знаніе сцены у меня есть.

Его имя было одно изъ тѣхъ, которыя появляются изрѣдка въ театральной хроникѣ. О такихъ авторахъ говорится, что они передѣлали для сцены ту или другую вещь, вовсе не предназначавшуюся для сцены; но до сихъ поръ имя Доксея не попало на афиши ни разу, если не считать благотворительнаго утра, когда великій Джонъ Пильгримъ прочиталъ стихи, спеціально для этого случая написанные Альфредомъ Доксеемъ.

— А какъ же насчетъ имени, мой милый?—спросила Джеральдина мужа, скромно подсказывая ему свое мнѣніе, какъ и подобаетъ женѣ въ присутствіи третьяго лица.

— Ну, это понятно, — сказалъ Генри,—конечно, имя м-ра Доксея въ качествѣ одного изъ авторовъ должно стоять вмѣстѣ съ моимъ, непремѣнно.

— Дорогой мой, — шепнула ему Джеральдина послѣ ухода Доксея,—ты меня удивилъ! Тебѣ положительно не нужно агента.

Генри засмѣялся.

— Что-то слишкомъ ужъ часто онъ повторяетъ „дружище“,— сказалъ онъ.—Съ какой стати?

— Онъ всетаки добродушный и безвредный человѣкъ,—сказала примирительно Джеральдина.

Они сидѣли нѣкоторое время молча.

— Робинзонъ зарабатываетъ пятнадцать тысячъ въ годъ пьесами,—задумчиво произнесла Джеральдина.

— Въ самомъ дѣлѣ?—протянулъ Генри.

Въ это время послышалось приближеніе „тяжелой артиллеріи“.

— Я очень рада, что Сара все еще у насъ,—сказала м-съ Найтъ.—Теперь куда труднѣе достать порядочную прислугу, чѣмъ это было въ мое время.

Было пять часовъ. Они кончали чай. Печенью всѣхъ сортовъ отдали должное; поахали и повздыхали, дивясь изяществу и роскоши обстановки, и теперь дамы изъ Доусъ-Рода коснулись самой животрепещущей темы.

— Не такъ ужъ трудно достать, если держать нѣсколько,—сказала Джеральдина.—Онѣ не любятъ быть однѣ и скучаютъ.

— Сколько будетъ у васъ?—спросила тетя Анни.

— Сорокъ,—отозвался Генри изъ-за газетнаго листа.

— Не говори глупостей, милый,—запротестовала Джеральдина. Сидя у чайнаго прибора между двумя пожилыми женщинами въ черномъ и сѣромъ, она казалась Генри такой юной, прелестной, драгоцѣнной и умной. — У меня сейчасъ четверо.

— Четверо!—повторила тетя Анни, ошеломленная.

— Но, Анни, чтожъ такое?—воскликнула м-съ Найтъ.

Джеральдина съ интересомъ и уваженіемъ взглянула на м-съ Найтъ.

— Но вамъ, конечно, очень трудно справляться съ ними всѣми?—спросила тетя Анни.

— Нѣтъ,—отвѣтила Джеральдина.—Вовсе нѣтъ. Я никогда не волнуюсь изъ-за прислуги. Я просто говорю имъ всѣмъ, что̀ буду требовать отъ нихъ. Если они исполняютъ это—превосходно. Если нѣтъ, то они должны уйти. Каждый день я посвящаю часъ хозяйственнымъ дѣламъ. Больше заниматься этимъ у меня нѣтъ времени.

— Она любитъ ѣздить на лифтѣ вверхъ и внизъ. Вотъ чѣмъ она занята,—объяснилъ Генри.

Джеральдина закрыла мужу ротъ рукой и заставила его замолчать. Это была милая сценка, и примирила посѣтительницъ со многимъ.

Мать Генри сказала вдругъ необычайно сухимъ тономъ, который у нея являлся только въ рѣдкихъ случаяхъ:

— Ты мнѣ еще ничего не разсказалъ о вашемъ свадебномъ путешествіи, Генри.

— Ты забыла, сестра,—сказала тетя Анни,—что это секретъ.

— Теперь уже нѣтъ! нѣтъ!—радостно воскликнула Джеральдина.—Хорошо, мы вамъ разскажемъ. Какъ вы думаете, куда мы поѣхали, попрощавшись съ вами?.. Въ Савой-отель.

— Какъ такъ?—спросила наивно м-съ Найтъ.

— И свой медовый мѣсяцъ мы провели тамъ, въ самомъ центрѣ Лондона. Мы назвались иностранцами и увидѣли все то, чего лондонцы никогда въ жизни не видали. Развѣ это не хорошая мысль?

— Я... я, право не знаю,—сказала м-съ Найтъ.

— Это немножко странно... для свадебнаго путешествія,—замѣтила тетя Анни.

— Можетъ быть... но это было очаровательно!—продолжала Джеральдина.—Каждый вечеръ мы ѣздили въ театръ, въ оперу, жили въ самомъ шикарномъ отелѣ и видѣли все, что только можно видѣть—даже Тоуэръ и галлерею Тэта. Мы наслаждались каждымъ моментомъ.

— И подумайте, какая экономія на путевые расходы!—вставилъ Генри, покачивая дверь то въ одну, то въ другую сторону.

— Да, это, такъ,—согласилась тетя Анни.

— Мы ѣздили во всѣ стороны, куда только ходятъ омнибусы,—разсказывалъ Генри,—одинъ разъ мы добрались даже до Фульгама.

— Ну, знаете,—сказала колко м-съ Найтъ,—какъ же вы могли не заглянуть тогда къ намъ?

— Но, мама,—попыталась объяснить Джеральдина,—вѣдь, это испортило бы все.

— Испортило бы что?—спросила м-съ Найтъ.—Вы были въ трехъ минутахъ ходьбы отъ нашего дома. И не зашли! Подумать только: а я сидѣла и воображала, что они за границей!

XXVI.

Онъ не волнуется.

— Да,—сказалъ Генри искусственно спокойнымъ тономъ, когда онъ прочиталъ сценическую передѣлку Доксея изъ „Любви въ Вавилонѣ“.—Получилась хорошенькая вещица.

— Я радъ, что она вамъ по вкусу, дружище, — сказалъ Доксей.

Они сидѣли въ кабинетѣ Генри, передъ его большимъ американскимъ рабочимъ столомъ.

— Нѣкоторыя мѣста надо сгладить,—продолжалъ Генри.— Но я исправлю это.

— Не можете ли вы сдѣлать это сегодня?—спросилъ Доксей.

— Почему?

— Потому что, я знаю, Пильгриму до зарѣза нужна одноактная штука для съѣзда, и онъ хочетъ ее сразу поставить на афишу. Я бы хотѣлъ отдать ему это завтра...

— Такъ я вамъ отошлю ее сегодня вечеромъ,—сказалъ Генри.—Но я долженъ повидать м-ра Пильгрима, прежде чѣмъ это дѣло будетъ рѣшено окончательно.

— О, конечно,—согласился м-ръ Доксей.—Конечно. Я скажу ему.

Генри въ какихъ-нибудь полчаса смягчилъ нѣкоторую грубость пера своего сотрудника. Этотъ маленькій драматическій опытъ вызвалъ въ немъ необычайный приливъ мыслей. Ему казалось, что онъ сможетъ писать для сцены едва ли не лучше м-ра Доксей, и ему представлялись уже въ будущемъ новые лавры. Онъ зналъ изъ газетъ, что англійская драма переживаетъ кризисъ, и онъ рѣшилъ помочь ей выйти изъ этого положенія. Только что въ іюльскомъ номерѣ журнала Макалистэра появилось начало „Морового повѣтрія“ и было необыкновенно тепло встрѣчено публикой и печатью; это, конечно, только еще больше укрѣпило въ Генри вѣру въ успѣхъ. И онъ готовился великодушно протянуть руку помощи, чтобы поднять падающее искусство.

Тѣмъ не менѣе, когда Генри вошелъ въ подъѣздъ Принцъ-театра, для переговоровъ съ Пильгримомъ, онъ чувствовалъ такое смущеніе, точно свѣтъ никогда не слыхалъ о немъ.

Онъ сказалъ капельдинеру, что у него назначено свиданіе съ м-ромъ Пильгримомъ. Капельдинеръ оглядѣлъ его, отпилъ глотокъ молока съ коньякомъ и сказалъ, что справится, принимаетъ ли м-ръ Пильгримъ сейчасъ постороннихъ. Переходъ изъ вестибюля театра до кабинета м-ра Пильгрима занялъ ровно четверть часа.

Очутившись наконецъ въ святилищѣ, Генри ясно ощутилъ, что такое настоящая извѣстность, слава, популярность. Передъ нимъ былъ человѣкъ, фигура и голосъ котораго были знакомы каждому театралу въ Англіи и Америкѣ, каждому, кто разсматриваетъ витрины фотографовъ; человѣкъ, который впродолженіе двадцати

пяти лѣтъ владѣлъ толпой, одною улыбкой покорялъ красивѣйшихъ женщинъ, каждый вечеръ передъ двумя тысячами зрителей жилъ, любилъ и умиралъ за родину; человѣкъ, давно уже убѣжденный, что онъ представляетъ собою самое интересное и замѣчательное явленіе въ свѣтѣ. По воззрѣнію м-ра Пильгрима вселенная — рама, а онъ, Джонъ Пильгримъ — картина, выдѣляющаяся изъ нея. Его безчисленные поклонники утвердили въ немъ эту увѣренность.

М-ръ Пильгримъ поклонился Генри разсѣянно, точно въ полуснѣ.

— Какъ фамилія?—прошепталъ онъ, озираясь вокругъ, какъ будто не былъ увѣренъ, что они одни.

Казалось, онъ старался проснуться и вернуться къ дѣйствительности, но безуспѣшно.

Шопотомъ, попрежнему, онъ сообщилъ Генри, что пьеска нравится ему.

— Позвольте,—размышлялъ онъ вслухъ.—Кажется, Доксей говорилъ, что вы написали и другія еще вещи.

— Нѣсколько книгъ,—сообщилъ Генри.

— Книгъ? А-а!—протянулъ м-ръ Пильгримъ, и видъ у него былъ такой, точно онъ старался вообразить, что̀ за штука такая—книги.—Это очень интересно... Романы?

— Да!—сказалъ Генри.

М-ръ Пильгримъ провелъ рукой по своимъ каштановымъ волосамъ, выпрямилъ свой великолѣпный станъ и сказалъ скромнымъ тономъ:

— Вы должны извинить мое невѣжество. Боюсь, что я сильно отсталъ отъ новѣйшей литературы. Я ничего не читаю.— И снова твердо повторилъ:—Я никогда не читаю. Даже газетъ. Гдѣ взять время?—прошепталъ онъ печально.—Дорогой, въ каретѣ я иногда просмотрю вечернія извѣстія—вотъ и все.

М-ръ Пильгримъ всталъ и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ; затѣмъ сказалъ таинственно и значительно:

— У меня лучшій театръ въ Лондонѣ. Даже не въ Лондонѣ, а въ цѣломъ свѣтѣ.

Онъ снова прошелся и остановился.

— Я поставлю вашу вещицу,—прошепталъ онъ.—Да, я ее поставлю.

Генри, запинаясь, поблагодарилъ его.

— Но, конечно, я самъ въ ней играть не буду,—прибавилъ онъ, смѣясь, какъ смѣются люди при встрѣчѣ съ нелѣпо-фантастическимъ предположеніемъ.

— Конечно, нѣтъ,—сказалъ Генри.

— И Джэнъ тоже не будетъ, — сказалъ м-ръ Пильгримъ. Джэнъ Мэпъ была премьерша театра, вертѣвшая въ данное время всѣмъ.

— А каковы же ваши условія, молодой человѣкъ? — спросилъ м-ръ Пильгримъ, скрестивъ на груди руки.—Каковъ вашъ гонораръ?

Генри предусмотрительно навелъ справки и узналъ, какова лучшая цѣна.

— Мои условія—фунтъ со спектакля,—отвѣтилъ онъ.

— Я никогда не плачу за одноактныя вещи больше десяти шиллинговъ со спектакля, — сказалъ категорически м-ръ Пильгримъ.—Никогда. Я не могу иначе.

— Значитъ, это рѣшаетъ вопросъ, м-ръ Пильгримъ,—сказалъ Генри.

— Вы берете десять шиллинговъ?

— Я беру фунтъ. Не меньше. Я скажу, какъ и вы: я не могу иначе.

Джонъ Пильгримъ обнаружилъ нѣкоторый—слабый—интересъ къ странной, даже невѣроятной позиціи Генри.

— Неужели вы намѣрены, — пробормоталъ онъ уныло, — упустить рѣдкій шансъ постановки своей пьесы въ моемъ театрѣ изъ-за какого-то полусоверена?

Генри не успѣлъ отвѣтить на этотъ вопросъ, такъ какъ въ комнату влетѣла Джэнъ Мэпъ. Это была высокая, темноволосая, интересная женщина двадцати пяти лѣтъ. Ее „открылъ“ гдѣ-то самъ Пильгримъ.

— Джэнъ, — сказалъ горестнымъ тономъ Пильгримъ, — это м-ръ Найтъ.

— Не авторъ ли „Морового повѣтрія?“ — спросила она.

— Вы авторъ „Морового повѣтрія?“ — прошепталъ м-ръ Пильгримъ.—Я не знаю, что это за повѣтріе такое.

Когда оказалось, что да, Джэнъ Мэпъ стала экспансивно пожимать руку Генри.

— Я просто обожаю васъ! — сказала она ему. — А ваша „Любовь въ Вавилонѣ“! О, м-ръ Найтъ, какъ вамъ приходятъ въ голову такія интересныя вещи?

Джонъ Пильгримъ опустился въ кресло и закрылъ глаза.

— Вы должны непремѣнно взять эту пьесу, непремѣнно!— закричала актриса, когда она узнала, что дѣло идетъ о пьесѣ, написанной по сюжету „Любви въ Вавилонѣ“.

— Я буду сама играть Энидъ Энстрюзеръ. Вы представляете себѣ меня въ этой роли, м-ръ Найтъ.

— М-ръ Найтъ требуетъ гонорара вдвое больше обычнаго,— вставилъ Пильгримъ, не открывая глазъ.—Онъ хочетъ по фунту со спектакля.

— Пусть такъ и будетъ, — сказала Джэнъ. — Разъ я буду участвовать...

— Но, Джэнъ...

— Я настаиваю,—сказала Джэнъ энергично.

— Ну, что-жъ, дѣло, значитъ, рѣшено, м-ръ Найтъ,—продолжалъ Пильгримъ, по прежнему съ закрытыми глазами и вытянутыми ногами.—Джэнъ настаиваетъ. Вы понимаете—настаиваетъ! Значитъ, ваша взяла. Первую репетицію я назначаю на понедѣльникъ.

Съ этого дня Генри сталъ вести странную жизнь; онъ, что называется, „состоялъ" при театрѣ. Это было существованіе парія или бѣднаго родственника. Доксею положеніе это очень нравилось: хоть на короткое время онъ попалъ въ персоны. Но Генри, избалованный издателями и читающей публикой, неважно чувствовалъ себя въ классической позиціи автора на сценѣ. Ему обидно было замѣчать, что преобладало такое мнѣніе: какъ не бываетъ собаки безъ хвоста, такъ нѣтъ и пьесы безъ автора. Актеры и актрисы — вотъ пьеса; и если они были довольны собой, то автору предоставлялось только право хвалить и соглашаться.

Даже Джэнъ Мэпъ, признанная почитательница Генри, была, по его мнѣнію, жертвой этого ошибочнаго взгляда на вещи. Единственнымъ утѣшеніемъ для него служило то, что она совершенно игнорировала присутствіе Доксея.

Первыя репетиціи привели его въ отчаяніе. Съ первой Генри ушелъ подъ впечатлѣніемъ, что пьеску надо передѣлать всю, отъ начала до конца. Ни одинъ изъ актеровъ не могъ сдѣлать что-либо изъ своей роли, но каждый считалъ, что всѣ прочія роли чрезвычайно благодарны.

На четвертую репетицію явился Джонъ Пильгримъ. Онъ сидѣлъ въ темномъ партерѣ, рядомъ съ Генри, и тихо бормоталъ безъ конца: „Вотъ дней моихъ достойное творенье".

Сцена должна была изображать мастерскую. Джэнъ Мэпъ, въ качествѣ Энидъ Энстрюзеръ, позировала художнику, стоя на возвышеніи.

— Джэнъ,—сказалъ вдругъ м-ръ Пильгримъ,—вы позируете, какъ натурщица.

— Ну такъ что же?—возразила Джэнъ.—Я, вѣдь, и есть натурщица.

— Вовсе нѣтъ,—сказалъ Джонъ.—Вы артистка моего театра и вы должны позировать, какъ артистка.

И вслѣдъ за тѣмъ м-ръ Пильгримъ перешелъ на сцену и сталъ поправлять позу Джэнъ. По случайности прелестный локоть актрисы попалъ ему въ глазъ. Всѣ были испуганы и подавлены, когда м-ръ Пильгримъ опустилъ голову и прижалъ къ глазу платокъ.

— Джэнъ! Джэнъ!—сказалъ онъ своимъ страннымъ, шепчущимъ голосомъ,—я васъ втеченіе двухъ лѣтъ училъ драматическому искусству, а вы не выучились ничему лучшему, какъ угодить мнѣ локтемъ въ глазъ. Репетиція пріостанавливается.

И всѣ разошлись.

На послѣдующихъ репетиціяхъ тоже часто происходили такія нелѣпыя сцены. Тѣмъ не менѣе Генри сталъ привыкать, и когда день премьеры приближался, онъ уже начиналъ думать, что сходство Принцъ-театра съ желтымъ домомъ—только внѣшнее. Съ другой стороны, благодаря газетамъ, обсуждавшимъ предстоящее событіе, Джонъ Пильгримъ проникся большимъ уваженіемъ къ особѣ Генри и выпустилъ анонсы слѣдующаго содержанія:

„Любовь въ Вавилонѣ. Пьеса въ одномъ дѣйствіи, по сюжету знаменитаго романа м-ра Генри Шекспира Найта. Передѣлка Генри Шекспира Найта и Альфреда Доксея. Роль Энидъ Энстрюзеръ исполнитъ миссъ Джэнъ Мэпъ“.

Джеральдина познакомилась съ актрисой и пригласила ее на чай. Затѣмъ Джеральдина наняла коляску за тридцать фунтовъ въ мѣсяцъ. Съ этого дня въ театрѣ Генри стали встрѣчать какъ нельзя болѣе любезно. На послѣднихъ репетиціяхъ, когда Джонъ Пильгримъ не присутствовалъ, слово Генри было на сценѣ закономъ. Актеры разсказывали другъ другу, что онъ зарабатываетъ романами десять тысячъ фунтовъ въ годъ.

— Знаешь ли, старина,—говорилъ одинъ актеръ другому,—всякое на свѣтѣ бываетъ! Но десять тысячъ! Нашъ Джонни и самъ врядъ ли выработаетъ больше. Хотя тратитъ онъ, конечно, больше.

Словомъ, все было бы хорошо. Бѣда была только въ томъ, что вслѣдствіе ѣды въ неурочное время, желудокъ Генри работалъ все хуже и хуже.

— Ты, кажется, не волнуешься, Генри,—сказала Джеральдина, когда онъ вошелъ въ гостинную передъ обѣдомъ, въ день перваго представленія.

— Волнуюсь?—сказалъ Генри.—Нѣтъ. Чего же мнѣ волноваться?

— А если такъ, то отчего же ты забылъ пригладить щеткой волосы, дорогой мой,—спросила она.

Онъ взглянулъ въ зеркало. Да, онъ, дѣйствительно забылъ это сдѣлать.

— Ну, это случайно,—сказалъ онъ и съ аппетитомъ взялся за ѣду.

Джеральдина поѣхала въ театръ. Тамъ она должна была встрѣтиться съ м-съ Найтъ и тетей Анни, въ которыхъ гордость и любопытство одержали верхъ надъ привычнымъ въ ихъ семьѣ предубѣжденіемъ противъ театра: имъ была оставлена литерная ложа. Генри сказалъ, что вечеръ теплый, и ему хочется пойти пѣшкомъ; въ театрѣ они увидятся.

Но каково было изумленіе Генри, когда онъ, подойдя къ самымъ дверямъ театра, понялъ, что онъ не въ силахъ войти. Онъ добросовѣстно старался заставить себя сдѣлать это, но не могъ и вмѣсто того, чтобы войти въ театръ, повернулся и пошелъ назадъ по троттуару.

— Ничего!—думалъ онъ.—Я дойду до цирка, затѣмъ вернусь и тогда уже зайду.

И онъ дошелъ до цирка и вернулся назадъ, но всетаки никакъ не могъ рѣшиться войти въ Принцъ-театръ.

— Чортъ возьми! Ничего подобнаго со мной въ жизни не бывало!—думалъ онъ, очутившись вторично на Пиккадилли.—Почему я не могу войти въ театръ? Я вовсе не волнуюсь. Я ни капли не волнуюсь.

И эта исторія казалась ему до того удивительной, что ему хотѣлось даже разсказать кому-нибудь о ней.

Онъ вошелъ въ баръ и сѣлъ за столикъ. Часы показывали безъ семнадцати минутъ девять. Его пьеса должна была начаться ровно въ половинѣ девятаго. Баръ этотъ, по близости отъ театра, никогда не пустовалъ, но бываютъ въ немъ моменты запустѣнія, и безъ семнадцати девять—былъ именно такой моментъ.

Прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ лакей лѣниво подошелъ къ нему.

— Брэнди съ содовой водой!—заказалъ Генри, хотя отлично зналъ, что этотъ напитокъ вредитъ ему.

Онъ отвелъ глаза отъ часовъ, повторилъ разъ двадцать подрядъ: „Вотъ дней моихъ достойное творенье“, прочиталъ мысленно „God save the king“, отпилъ шесть маленькихъ глотковъ изъ своего бокала и снова взглянулъ на часы. Было всего безъ четырнадцати минутъ девять.

Онъ взглянулъ на барышню за прилавкомъ и прочелъ въ ея взглядѣ: „Если ты воображаешь, что можешь за этимъ стаканомъ просидѣть весь вечеръ, то глубоко ошибаешься. Либо закажи еще, либо освободи мѣсто“. Онъ старался мужественно не обращать вниманія на этотъ нѣмой языкъ; но минуты тянулись, какъ годы. Онъ расплатился и вышелъ. И всетаки было только безъ десяти минутъ девять. Положительно, въ этотъ вечеръ во всемъ былъ странный непорядокъ. Когда Генри подходилъ къ концу короткой улицы, на которую выходитъ дверь на сцену Принцъ-театра, какой-то мужчина громко окликнулъ его. Генри остановился въ нерѣшительности. Мужчина — это былъ одинъ изъ капельдинеровъ — побѣжалъ къ нему навстрѣчу, схватилъ его и потащилъ съ собой.

— Выпейте вотъ это, м-ръ Найтъ,—приказалъ ему капельдинеръ.

— Зачѣмъ?—сказалъ Генри.—Мнѣ очень хорошо.

— Я знаю, что вамъ очень хорошо. Всетаки выпить надо.

И Генри выпилъ виски съ содой.

— Пожалуйте наверхъ,—сказалъ капельдинеръ.—Васъ тамъ дожидаются.

Когда онъ, подъ предводительствомъ запыхавшагося капельдинера, попалъ наконецъ за кулисы, онъ услышалъ паденіе занавѣса и затѣмъ шумъ, ужаснѣе котораго онъ никогда въ жизни не слыхалъ.

— Вотъ, м-ръ Найтъ, пожалуйста, выпейте,—шепнулъ ему кто-то на ухо.—Не волнуйтесь. Это пустяки.

И Генри выпилъ стаканъ портера.

Шумъ продолжался ужасный: онъ то приливалъ, то отливалъ, точно море въ бурю. И вдругъ Джэнъ Мэпъ подбѣжала къ нему стремительно, обняла и поцѣловала его въ губы.

— Идемъ,—закричала она, схватила его за руку и потянула куда-то; яркій свѣтъ ослѣпилъ Генри, а шумъ сталъ почти нестерпимымъ.

— Гдѣ это я слышалъ раньше такой шумъ?—думалъ онъ, чувствуя свою руку въ рукѣ Джэнъ.—Когда это было? Ахъ, да, въ „Альгамбрѣ“!

Вспомнилъ онъ „Альгамбру“ оттого, что замѣтилъ жалкую

фигуру Доксея, покорно слѣдовавшаго за Генри и Джэнъ. Онъ непредусмотрительно сидѣлъ въ другомъ концѣ зрительной залы и ему пришлось обойти весь театръ, чтобы попасть къ рампѣ на вызовы. Несомнѣнно, доля Доксея въ тріумфѣ была меньше половинной.

— Нѣтъ,—сказалъ Генри позже, когда Джеральдина, онъ и Доксей вспрыскивали успѣхъ шампанскимъ въ уборной Джэнъ,— это у меня было не волненіе. Я самъ не знаю, что это было.

Джэнъ сіяла. Успѣхъ превзошелъ всякія ожиданія.

— Знаете что, дружище,—сказалъ Доксей,—мы должны передѣлать „Моровое повѣтріе". Что вы думаете на этотъ счетъ?

— Посмотримъ,—коротко отвѣтилъ Генри.

Послѣ премьеры Генри пролежалъ два дня въ постели. На третій день онъ всталъ и выпилъ немного чаю съ сухаремъ. Зато Джеральдина усиленно кормила его рецензіями газетъ, которыя были великолѣпны. Но еще пріятнѣе была та новость, что Джонъ Пильгримъ поставилъ „Любовь въ Вавилонѣ" на почетное мѣсто: послѣ главной пьесы, въ 10 час. 40 минутъ.

— Скажи, ты думалъ о новомъ предложеніи Доксея?—спросила его Джеральдина.

— Да,—отвѣтилъ Генри,—но оно кажется мнѣ не подходящимъ.

— Отчего, глупышъ мой?—запротестовала Джеральдина.— Успѣхъ будетъ ошеломляющій, послѣ такого начала.

— Да, я знаю, — сказалъ Генри. — Но къ чему мнѣ этотъ Доксей? Слѣдующую пьесу я напишу самъ.

Джеральдина расцѣловала его.

XXVII.

Онъ сокращаетъ свое имя.

Въ одинъ прекрасный день къ Джеральдинѣ понадобилось позвать врача. Генри былъ смущенъ, испуганъ, даже непріятно пораженъ. Но, когда докторъ, осмотрѣвъ Джеральдину, зашелъ въ кабинетъ потолковать съ ея мужемъ, Генри встрѣтилъ его вполнѣ спокойно и сказалъ, что онъ ждалъ этого извѣстія и вообще далъ доктору понять, что онъ нисколько не противъ природы, заботящейся о приращеніи населенія Великобританіи. Затѣмъ разговоръ перешелъ на самого Генри и докторъ сталъ распрашивать о симптомахъ его недомоганья.

— Это чисто нервное,—замѣтилъ докторъ,—чисто нервное.

— Вы такъ предполагаете, докторъ?

— Я увѣренъ въ этомъ.

— Ну, тогда, значитъ, не нужно никакого лѣченія. Надо мириться съ этимъ недугомъ.

— Простите меня,—сказалъ докторъ,—но для нервной диспепсіи существуетъ вполнѣ вѣрное лѣченіе; во всякомъ случаѣ для вашего случая.

— Какое же это?

— Ничего не ѣсть по утрамъ.

— Но я не ѣмъ слишкомъ много,—сказалъ жалобно Генри.

— Нѣтъ, вы ѣдите слишкомъ много,—упорно повторилъ докторъ.—Мы всѣ грѣшны въ этомъ.

— Но у меня хорошій аппетитъ. Если ѣда запаздываетъ, то я прямо боленъ.

— Нѣсколько дней вамъ, конечно, будетъ непріятно,—продолжалъ докторъ,—но черезъ мѣсяцъ вы будете здоровы.

— Вы это говорите серьезно?

— Вполнѣ.

Докторъ пожалъ ему руку и направился къ выходу, но затѣмъ вернулся и прибавилъ:

— И за лёнчемъ старайтесь ѣсть поменьше,—сказалъ онъ.—Помните это.

Черезъ три дня Генри уже объявлялъ всѣмъ: — Я ничего не ѣмъ утромъ. Никакого перваго завтрака. Ѣмъ только два раза въ день.

Знакомые скептически относились къ этому, спорили и раздражали его ужасно. Больше всѣхъ Доксей.

— Погодите, дружище, не долго вытерпите,—сказалъ Доксей, когда пришелъ за гонораромъ.—Многіе пробовали уже это. Но всетаки нѣтъ ничего лучше стараго англійскаго брекфэста. Съ утра подкрѣпиться никогда не вредно!

— Оселъ!—подумалъ Генри и еще болѣе укрѣпился въ желаніи избавиться вообще отъ Доксея.

Заботы о своемъ здоровьѣ помѣшали Генри волноваться по поводу предстоящей Джеральдинѣ опасности. Узнавъ о существованіи лиги противниковъ брекфэста, Генри вступилъ въ ея члены, и черезъ недѣлю вся страна была оповѣщена о томъ, что извѣстный писатель Генри Шекспиръ Найтъ—убѣжденный противникъ англійскаго завтрака. Лига пріобрѣла крупную силу.

Несмотря на все это, Генри отдавалъ почти все свое время своимъ новымъ обязанностямъ драматурга. Онъ втиснулъ фа-

булу двадцати пяти главъ „Морового повѣтрія“ въ четыре дѣйствія и сталъ писать драму безъ помощи Альфреда Доксей. Работа подвигалась отлично; авторъ самъ изумлялся легкости, съ какой онъ мастерилъ ее изъ отдѣльныхъ кусочковъ романа. Третій актъ разыгрывался въ игорныхъ залахъ Монте-Карло; четвертый—происходилъ на палубѣ роскошной яхты на Средиземномъ морѣ, въ чудную лунную ночь. Это были эффекты, неизвѣстные до тѣхъ поръ серьезной англійской драмѣ. Когда Генри, послѣ трехъ мѣсяцевъ работы, привезъ готовую пьесу Джону Пильгриму, тотъ сказалъ:

— Этой пьесы я ждалъ двадцать лѣтъ!

— Такъ вы думаете, она будетъ имѣть успѣхъ?—спросилъ Генри.

— Еще бы! Тутъ я покажу публикѣ, что̀ значитъ постановка,—сказалъ Джонъ Пильгримъ.

Генри заключилъ условіе, по которому долженъ былъ получать десять процентовъ валового сбора. Когда извѣстіе объ этомъ договорѣ появилось въ печати, къ нему явился англійскій агентъ Американскаго театральнаго союза и пріобрѣлъ на тѣхъ же условіяхъ право постановки пьесы въ Америкѣ.

Послѣ этого Пильгримъ сказалъ, что они должны вмѣстѣ прочитать рукопись; онъ научитъ Генри нѣкоторымъ театральнымъ тонкостямъ, которыхъ онъ еще не знаетъ. Генри явился въ театръ въ одиннадцать, какъ было условлено, и прождалъ Пильгрима цѣлыхъ три четверти часа.

— У васъ есть нюхъ, другъ мой, — сказалъ Пильгримъ, переворачивая страницы рукописи.—Вы имѣете этотъ драгоцѣнный, непередаваемый даръ. Но вы слишкомъ любите пояснять. А публика не выноситъ поясненій. Не должно быть длинныхъ рѣчей. Мнѣ сто̀итъ только перелистать пьесу и я уже знаю, годится ли она для сцены или нѣтъ. Если я вижу много тирадъ больше чѣмъ въ четыре строчки, я знаю: будетъ скучно! Не пойдетъ! Вотъ, напримѣръ, здѣсь. Эта рѣчь Вероники у рояля. Скучно. Я чувствую это. Послѣднія двѣ строки должны быть выброшены. Совсѣмъ выброшены!

И говоря это, онъ вычеркнулъ послѣднія двѣ строчки большимъ и властнымъ синимъ карандашемъ.

— Но это невозможно,—запротестовалъ Генри.—Вы ихъ не прочитали.

— Мнѣ незачѣмъ читать ихъ,—сказалъ Джонъ Пильгримъ.—Я зная, что онѣ лишнія. Я знаю, что публика не будетъ слу-

шать ихъ. Дѣйствующія лица должны перекидываться словами. Мячъ надо ловить въ воздухѣ. Ахъ, театръ, театръ!

Онъ остановился и зорко взглянулъ на Генри:

— Вы знаете, какъ я попалъ въ театръ, молодой человѣкъ?— спросилъ онъ.—Нѣтъ? Я разскажу вамъ. Мой отецъ былъ мелкій помѣщикъ и любитель охоты на лисицъ. Фамилія наша одна изъ лучшихъ въ Англіи. Но бѣдны мы были, къ сожалѣнію. Старшій мой братъ пошелъ по хозяйственной части. Второй поступилъ въ армію, а изъ меня хотѣли сдѣлать священника. Я отказался.—Ладно,—сказалъ старикъ-отецъ,—пусть будетъ по твоему, Джэкъ! Не желаешь царствія небеснаго, такъ иди въ самое пекло. Иди на сцену. — И я пошелъ. Да, я пошелъ. Вотъ вамъ сюжетъ для романа, неправда ли?

Между тѣмъ синій карандашъ продолжалъ гулять по пьесѣ. Только подходя къ длиннымъ тирадамъ Герберта, онъ останавливался въ нерѣшительности. Объяснялось это тѣмъ, что Герберта долженъ былъ играть самъ Пильгримъ.—Слишкомъ длинно! Слишкомъ длинно!—шепталъ онъ.—Я чувствую, что это черезчуръ длинно. Но оно какъ будто нужно для дѣйствія. Надо будетъ какъ-нибудь справиться съ этимъ.

Когда они закончили второй актъ, Генри предложилъ сдѣлать перерывъ и позавтракать, но Джонъ Пильгримъ открылъ уже 3-ій актъ и, тыкая въ какую-то строчку своимъ синимъ карандашомъ, воскликнулъ съ горячностью:

— Ахъ, потомъ, потомъ! Смотрите. Вотъ тутъ вашъ Гербертъ говоритъ: „Я знаю, что я глупъ и смѣшонъ“. По моему, это не вяжется съ ролью. Видите ли, когда я штудирую роль, я совершенно вхожу въ нее. Я тогда болѣе глубоко чувствую характеръ лица, чѣмъ чувствуетъ авторъ. Я воображаю себя имъ. И вотъ я не могу себѣ представить Герберта произносящимъ: „Я знаю, что я глупъ и смѣшонъ“. Не самыя слова тутъ неумѣстны, а понимаете... не вычеркнуть ли намъ ихъ?

Нѣсколько дальше Генри вложилъ въ уста Вероники маленькій афоризмъ: „Когда человѣкъ настаиваетъ на своемъ достоинствѣ, то вы можете быть увѣрены, что оно невысокаго калибра“.

— Такого рода мысль скорѣе долженъ былъ бы высказать Гербертъ,—замѣтилъ Пильгримъ.—Женщины не говорятъ такихъ фразъ. Это выйдетъ неправдоподобно. А къ характеру Герберта это вполнѣ подходитъ. Что̀ если бы мы перенесли эту фразу?..

И уже синій карандашъ замелькалъ въ воздухѣ.

— Господи помилуй!—зашепталъ съ испугомъ м-ръ Пиль-

гримъ, когда они закончили 3-ій актъ.—Уже 4 часа. А меня ждали къ двумъ на лёнчъ. Но я всегда забываю о ѣдѣ, когда работаю. Всегда!

А бѣдный Генри не нарушалъ поста съ предыдущаго вечера.

Небывалая популярность Генри Шекспира Найта переживала третій и наиболѣе блестящій періодъ. Слухи объ его новой, удивительной пьесѣ всюду носились въ воздухѣ. Всѣ литературные таланты Англіи и Америки, зарабатывавшіе меньше десяти тысячъ въ годъ, скрежетали зубами и сжимали кулаки въ безсильной зависти.

Словомъ, „Моровому повѣтрію“ несомнѣнно предстоялъ громкій и шумный успѣхъ: но Генри пришла въ голову одна мысль, которую онъ привелъ въ исполненіе и которая еще во много разъ увеличила успѣхъ пьесы. Это была одна изъ тѣхъ мыслей, очень простыхъ, но чрезвычайно оригинальныхъ, которыя даются только избранникамъ.

Въ журналѣ „Моровое повѣтріе“ закончилось печатаніемъ въ іюнѣ мѣсяцѣ. Рѣшено было, что отдѣльное изданіе романа выйдетъ въ августѣ, одновременно въ Англіи и въ Америкѣ. Между тѣмъ Джонъ Пильгримъ предполагалъ открыть сезонъ, именно „Моровымъ повѣтріемъ“, десятаго октября. Идея Генри состояла въ томъ, чтобы отложить выходъ книги на то же число. Маркъ Снайдеръ былъ въ восторгѣ отъ этого проекта и спеціально ради осуществленія его съѣздилъ въ Америку. Заключено было соглашеніе, на основаніи котораго романъ долженъ былъ выйти въ Лондонѣ и Нью-Іоркѣ, а пьеса—представлена въ Принцъ-театрѣ у Пильгрима и въ Мэдисонъ-театрѣ въ Нью-Іоркѣ, одновременно десятаго октября.

Великолѣпіе этой схемы дѣлало честь всему, что есть положительнаго въ англо-саксонской расѣ.

Джонъ Пильгримъ былъ мастеръ по части рекламы—но и его могъ бы многому научить директоръ Мэдисонъ-театра. Фирма Макалистэръ, издававшая романъ Генри, тоже умѣла товаръ лицомъ показать. Словомъ, событіе должно было произойти блистательно.

Между тѣмъ у Генри произошло въ то же время и другое событіе семейнаго характера: Джеральдина родила двухъ близнецовъ, мальчиковъ.

Никакая сила небесная не могла уберечь этихъ близнецовъ отъ любопытства газетъ, и они стали дѣлить несравненную и

невѣроятную популярность, которою пользовался ихъ отецъ, не дѣлая никакихъ усилій съ своей стороны.

Генри обычно отказывался отъ всякихъ интервью, но однажды, въ концѣ сентября, его добродушная натура заставила его поддаться просьбѣ журналиста. Журналистъ этотъ былъ не кто иной, какъ Альфредъ Доксей, поправившій свои дѣла и даже женившійся послѣ успѣха „Любви въ Вавилонѣ", но теперь снова попавшій въ трудное финансовое положеніе. Онъ сказалъ, что можетъ заработать двадцать пять фунтовъ за интервью съ Генри, и Генри пришлось дать его ему. Когда интервью было окончено, Доксей спросилъ Генри, согласенъ ли онъ признать за нимъ половину дохода съ любительскихъ постановокъ „Любви въ Вавилонѣ". Дѣло шло о чекѣ въ пятьдесятъ фунтовъ. И Генри немедленно написалъ его. „Любовь въ Вавилонѣ" выдержала въ Принцъ-театрѣ двѣсти представленія, такъ что авторы получили съ Джона Пильгрима по сто фунтовъ каждый. На сценахъ же любительскихъ драматическихъ обществъ пьеса шла приблизительно сто пятьдесятъ разъ въ годъ, и съ каждаго представленія Генри получалъ гинею.

Утромъ, десятаго октября Генри прогуливался инкогнито по улицамъ Лондона. Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ лежали уже груды экземпляровъ „Морового повѣтрія". Во всѣхъ газетахъ были длинныя рецензіи о немъ. На всѣхъ почти омнибусахъ, на всѣхъ колоннахъ пестрѣли плакаты о пьесѣ.

Около двѣнадцати часовъ Генри проходилъ мимо Принцъ-театра. Два хвоста публики стояли у входовъ къ кассѣ галлереи и балкона; нѣкоторыя дамы, усѣвшись на складныхъ стульяхъ, внимательно читали его романъ, чтобы лучше слѣдить за пьесой.

Нѣсколько часовъ спустя Джонъ Пильгримъ благодарилъ судьбу за успѣхъ, единственный и небывалый даже въ его богатой событіями жизни. И онъ телеграфировалъ лондонскій вердиктъ въ Нью-Іоркскій Мэдисонъ-театръ, гдѣ представленіе этого произведенія искусства должно было только начаться.

— Счастливый это былъ день, когда вы пришли ко мнѣ, молодой человѣкъ,—сказалъ горделивымъ и таинственнымъ шопотомъ Джонъ Пильгримъ.

А вдоль фасада Принцъ-театра все еще сіяла огненная надпись, которую взволнованный монтеръ забылъ потушить:

„Моровое повѣтріе" Шекспира Найта.

XXVIII.

Полный сборъ Принцъ-театра равнялся тремстамъ сорока фунтамъ. Каждую недѣлю „Моровое повѣтріе“ шло шесть разъ вечеромъ и два раза утромъ въ теченіе цѣлаго сезона, и доходъ Генри доходилъ до двухсотъ фунтовъ въ недѣлю. Изъ Америки деньги плыли еще болѣе щедро. Книга расходилась въ колоссальномъ количествѣ экземпляровъ, и заработокъ на ней былъ огромный. Въ общемъ „Моровое повѣтріе“ принесло ему за годъ тридцать восемь тысячъ фунтовъ. Этотъ блестящій успѣхъ смущалъ Генри. Онъ не въ силахъ былъ справиться съ безпрерывно лившимся на него потокомъ денегъ. Онъ былъ точно ребенокъ, отвернувшій кранъ водопровода: онъ не можетъ закрыть его снова и со страхомъ смотритъ, какъ вода заливаетъ полъ все больше и больше и уже пробирается въ его сапожки.

Даже съ помощью сэра Джорджа Поуэлля ему не удавалось вполнѣ успѣшно справиться съ потокомъ денегъ, угрожавшимъ залить его каждую недѣлю. Сэръ Джорджъ, привычный къ такого рода дѣламъ, пробуравилъ одну дырочку въ полу и назвалъ ее „Индійская акціонерная компанія“, провертѣлъ другую и назвалъ ее „Земельный фондъ“, провертѣлъ третью и назвалъ ее еще какъ-то, но все же Генри всегда находился въ опасности. И хуже всего было то, что хотя „Моровое повѣтріе“ еще далеко не завершило всего, что̀ могло совершить, у Генри уже были готовы новая пьеса и новый романъ. Къ счастью, возлѣ него была всегда Джеральдина и много помогала ему въ дѣлахъ.

Съ этого момента эволюція художественной дѣятельности Генри становится неинтересной. Интересны только ростъ его средствъ и перемѣна образа жизни.

Прежде всего, конечно, понадобилось перемѣнить квартиру. Человѣкъ, обремененный годовымъ доходомъ въ сорокъ тысячъ и не гарантированный отъ того, что доходъ этотъ не поднимется до пятидесяти или шестидесяти тысячъ, не можетъ жить въ Эшлей-Гарденъ. Генри переѣхалъ въ великолѣпную виллу на площади Кумберландъ. Ему принадлежала также большая загородная дача. У него появился секретарь, хотя онъ предпочиталъ диктовать свои произведенія въ фонографъ. У его жены тоже была секретарша, главной обязанностью которой было, по видимому, ухаживать за цвѣтами. У близнецовъ была особая *nurse* для каждаго и особая колясочка; но когда они не капризничали,

ихъ сажали въ одну коляску. Въ газетахъ они упоминались всегда съ эпитетомъ „очаровательные“ или „прелестные“. Джеральдина бросила писать и всецѣло занялась денежными дѣлами мужа. Она давала обѣды и устраивала пріемы. Генри въ это не вмѣшивался; онъ дѣлалъ то, что она ему скажетъ, и дѣлалъ это мило. Только одинъ разъ онъ кротко и спокойно, но категорически заявилъ ей, что не уступитъ. Вопросъ шелъ о лакеяхъ и метръ-д'отелѣ, которыхъ Джеральдина намѣревалась нанять.

— Я не могу позволить себѣ имѣть метръ-д'отеля,—сказалъ Генри.

— Но, милый, въ такомъ большомъ домѣ...

— Я не могу позволить себѣ этого,—повторилъ Генри.

— Какъ хочешь, дорогой, конечно!

Онъ въ сущности ровно ничего не имѣлъ противъ метръ-д'отеля; но его мать и тетя Анни часто пріѣзжали къ нимъ пить чай, и это смущало его.

Въ общемъ газеты и журналы были очень милостивы къ Генри, и даже самые суровые органы обнаруживали интересъ къ нему. Каждое утро его секретарь вскрывалъ огромный пакетъ вырѣзокъ. Въ большинствѣ отзывовъ его называли огромнымъ талантомъ, а въ немногихъ—шарлатаномъ. Онъ не былъ ни черезчуръ чувствителенъ, ни злопамятенъ, да и выходки эти такъ легко было объяснить завистью. Но все же иногда присоединеніе къ его имени такого эпитета или намѣренное отсутствіе его имени среди списка, гдѣ оно должно было блистать, казалось ему горькимъ и обиднымъ.

Генри старался держаться своихъ прежнихъ правилъ насчетъ интервью. Но это ему не всегда удавалось. Спросъ на нихъ со стороны публики, особенно американской, былъ черезчуръ великъ. Что же касается фотографовъ, то отъ нихъ не было житья. Его снимали одного, съ Джеральдиной, съ близнецами и со всей семьей, въ профиль и en face.

„И это—слава!“—думалъ онъ иногда. И хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ слава и казалась ему довольно пріятной, все же она не соотвѣтствовала тому, какъ она представлялась ему въ юношескихъ мечтахъ. Онъ чувствовалъ себя до того неизмѣнившимся! Онъ былъ все тотъ же Генри! И въ концѣ концовъ носить онъ могъ только одинъ костюмъ сразу, а что касается ѣды, то ѣлъ онъ меньше, много меньше, чѣмъ во времена Доусъ-Рода. Онъ попрежнему держался принципа ѣсть два раза въ день, ибо слова доктора исполнились: его припадки исчезли. Одно это много способствовало его счастью.

Да, онъ былъ счастливъ, потому что имѣлъ хорошій желудокъ и доброе сердце. Единственной тѣнью его жизни было то, что часто онъ ощущалъ скуку.

— Мнѣ недостаетъ ежедневной утренней поѣздки по подземной,—сказалъ онъ однажды женѣ.—Мнѣ всегда хочется утромъ ѣхать на службу.

— Глупышъ мой!—сказала Джеральдина,—лаская его голосомъ.—Человѣкъ съ твоимъ талантомъ и вдругъ на службу!

Ахъ, этотъ талантъ! Онъ казался ему совершенно непонятнымъ.

— Я просто сажусь и пишу,—думалъ онъ.—А они сходятъ съума.

Мать и тетка обожали Генри, какъ и прежде, но еще больше онѣ обожали близнецовъ. Иногда близнецовъ, принаряженныхъ, возили въ Доусъ-Родъ, гдѣ все было по прежнему; только м-съ Найтъ немного располнѣла, а тетя Анни немного похудѣла. Генри охотно бы давалъ матери фунтовъ пятьдесятъ или около того въ недѣлю, но она ни за что не соглашалась брать больше трехъ: она говорила, что не хочетъ имѣть безпокойства съ слишкомъ большими деньгами.

Въ одинъ прекрасный день Генри прочелъ въ „Times“, что Томъ получилъ отъ французскаго правительства орденъ почетнаго легіона и что онъ избранъ президентомъ Международнаго художественнаго общества, имѣющаго цѣлью устраивать выставки въ Лондонѣ и Парижѣ. И „Times“ излагалъ дѣло такъ, какъ будто почетъ-то былъ оказанъ не Тому, а французскому правительству и Международному художественному обществу.

Откровенно говоря, Генри не могъ понять, какъ это происходитъ. Вѣдь Томъ даже не платитъ долговъ!

— Да что ты? — сказала Джеральдина. — Всѣ знаютъ, что Томъ *въ самомъ дѣлѣ* геніальный художникъ.

Эти слова слегка смутили Генри. И въ головѣ у него снова промелькнула смутная мысль о томъ, что въ словахъ Джеральдины всегда есть нѣчто какъ бы недосказанное, чего онъ никакъ понять не можетъ.

— Должно быть,—разсуждалъ онъ про себя,—всѣ женщины таковы.

Черезъ нѣсколько дней его секретарь подалъ Генри письмо.

— Знаешь что, Джеральдина,—сказалъ онъ взволнованнымъ

голосомъ, прочитавъ его,—какъ тебѣ это нравится? Лига противниковъ брекфеста проситъ меня быть ея президентомъ.

— А ты согласишься?—спросила она.

— О, конечно! — сказалъ Генри. — И я похлопочу, чтобы лига въ будущемъ носила названіе Національной.

— Конечно, это будетъ хорошо, дорогой мой,—улыбнулась Джеральдина.

Перев. съ англ. М. Славинская.

ИЗЪ ИСТОРІИ
ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ
ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ

Николай Александровичъ Добролюбовъ. Его программа.

I.

Желаніемъ поскорѣе высказаться по самымъ разнообразнымъ новымъ и животрепещущимъ вопросамъ отличались многіе критики и публицисты и въ особенности русскіе критики, которые знали, что дожидаться, пока заговорятъ спеціалисты, значитъ иногда совсѣмъ упустить изъ виду многое, о чемъ должно подумать. Невольными энциклопедистами были Бѣлинскій, Чернышевскій, Писаревъ, Михайловскій... и такая энциклопедія, представленная въ видѣ живыхъ статей, имѣла большое культурное значеніе, несмотря на неминуемую неполноту въ теоретическихъ разсужденіяхъ и въ оцѣнкѣ самихъ явленій жизни.

Добролюбовъ долженъ быть выдѣленъ изъ числа такихъ „энциклопедистовъ“: рѣдкій критикъ умѣлъ всегда такъ близко держаться основной темы своихъ размышленій, какъ онъ, несмотря на разнообразіе поводовъ и предметовъ обсужденія. Всѣ его статьи, за вычетомъ, конечно, случайныхъ мелочей, были частями одной единой программы для самовоспитанія интеллигента, призваннаго служить интересамъ народной массы. Этой темѣ принесено въ критикѣ Добролюбова все въ жертву. Она

царитъ одна надъ всѣмъ, собраннымъ имъ, весьма обильнымъ историческимъ и литературнымъ матеріаломъ. Даромъ умственнаго самообузданія Добролюбовъ обладалъ въ большой степени,— исключительной въ его возрастѣ. Онъ умѣлъ экономить силы и сосредоточивать ихъ въ одномъ пунктѣ. Иногда ему это ставятъ въ упрекъ, подозрѣвая его въ маломъ образованіи и въ узости кругозора. Но судить всякаго дѣятеля надо считаясь съ тѣмъ, что онъ сдѣлалъ, а не съ тѣмъ, чего онъ не хотѣлъ, не успѣлъ или не смогъ сдѣлать. Какъ исполнитель задуманнаго плана, Добролюбовъ выше всякихъ упрековъ, и своимъ успѣхомъ онъ былъ во многомъ обязанъ именно этой способности стягивать всѣ мысли къ двумъ, тремъ основнымъ вопросамъ, которые онъ считалъ для своего времени наиболѣе важными. Выдѣлить эти основные вопросы было дѣломъ нелегкимъ, такъ какъ обиліе новыхъ задачъ, и теоретическихъ, и практическихъ, которыя въ тѣ годы со всѣхъ сторонъ обступили образованнаго человѣка, было поражающее. Въ погонѣ за рѣшеніемъ этихъ задачъ легко было растеряться, заблудиться и, потративъ силы на разбросанную работу, пройти мимо нужнѣйшаго.

Для молодого поколѣнія прогрессивнаго образа мыслей самымъ нужнѣйшимъ былъ отвѣтъ на вопросъ — что же теперь дѣлать? Найти сейчасъ же—еще наканунѣ первыхъ реформъ — такое дѣло, которое допустило бы не медленное практическое осуществленіе—было невозможно, и оставалось поэтому лишь набрасывать програму, по которой можно было бы начать къ этому дѣлу готовиться. Самую ясную и удобоисполнимую програму далъ Добролюбовъ.

Она сводилась къ слѣдующимъ очень простымъ положеніямъ: I. Никакое обновленіе общественное и государственное не будетъ прочно, если въ общемъ культурномъ движеніи простой народъ не приметъ участія. II. Народная масса принять участіе въ этомъ движеніи пока не можетъ, такъ какъ она не подготовлена. Ее надо воспитать и образовать, а посему первое, о чемъ надлежитъ подумать, это—о способахъ такого воспитанія и образованія. III. Несмотря на ужасающія условія жизни, въ какихъ народъ жилъ до сихъ поръ, несмотря на темноту, которая его окутала, онъ таитъ въ себѣ великія духовныя силы, большую нравственную чистоту и умственную живость: онъ охотно пойдетъ на встрѣчу всякой попыткѣ искренно съ нимъ сблизиться и съ благодарностью встрѣтитъ тѣхъ, кто отдастъ свой трудъ на служеніе ему. IV. Обязанность пойти на помощь народу лежитъ на русскомъ образованномъ человѣкѣ, который, не ожидая призыва

или ободренія свыше, долженъ отдать этому дѣлу свой свободный трудъ—на какомъ бы посту, оффиціальномъ или вольномъ, человѣкъ ни стоялъ. V. Къ работѣ этой на пользу народа русскій интеллигентъ также не подготовленъ. Дореформенное время исказило въ немъ многія качества, необходимыя для такого подвига. Знаній у него мало, но это еще не главный грѣхъ: опаснѣе всего то, что въ немъ совсѣмъ почти не развито чувство гражданственности; онъ не умѣетъ интенсивно чувствовать, сильно хотѣть, въ немъ нѣтъ достаточнаго сознанія своей цѣны, какъ личности. А между тѣмъ, только при этомъ сознаніи и при наличности сильной воли возможно проводить въ жизнь то, что считаешь справедливымъ и добрымъ. VI. Интеллигентъ долженъ воспитать въ себѣ и, по возможности, въ ближнихъ всѣ эти необходимыя для истиннаго гражданина качества и тогда приступить къ выполненію главной задачи. VII. Воспитаніе и образованіе интеллигента должно начаться съ самонужнѣйшаго — съ выработки характера и темперамента. Не время теперь рѣшать отвлеченные вопросы. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. вопросы религіозные, философскіе и эстетическіе, прямого отношенія къ жизни не имѣютъ, и потому ихъ можно пока сбросить со счетовъ; другіе вопросы, какъ напр. чисто политическіе, заслуживали-бы, конечно, большого вниманія и ими нужно интересоваться, но положеніе дѣлъ въ Россіи таково, что писать о нихъ неудобно, а стремиться провести ихъ въ жизнь—въ особенности радикальные изъ нихъ—врядъ ли возможно. Оставляя всѣ такіе вопросы въ сторонѣ, можно спокойно остановиться на разработкѣ вопросовъ педагогическихъ, т.-е. такихъ, которые будутъ имѣть своей цѣлью воспитаніе гражданина вообще. Нѣтъ нужды пока пристегивать это „гражданское“ воспитаніе непремѣнно къ какому-нибудь опредѣленному политическому исповѣданью; оно можетъ дать свой плодъ и независимо отъ этого, создавая людей съ сильной волей, благородно мыслящихъ, уважающихъ въ себѣ самомъ и въ ближнемъ человѣческое достоинство, людей справедливыхъ и умѣющихъ ставить общее дѣло выше частныхъ интересовъ. VIII. И ближайшей цѣлью такого гражданскаго воспитанія должна быть демократизація ума и сердца въ русской интеллигентной средѣ. Образованный человѣкъ долженъ освободиться отъ всѣхъ привычекъ умственно и общественно привилегированнаго положенія, къ какому его пріучало дореформенное время. Для этого надо только научиться понимать и любить тѣхъ многихъ, безъ поддержки которыхъ культурное и общественное обновленіе немыслимо.

Такова была программа воспитанія новаго человѣка, предложенная Добролюбовымъ. Она была, въ сущности, очень скромной даже по тѣмъ временамъ, такъ какъ среди молодыхъ людей поколѣнія 1855—1861 гг. было не мало такихъ, которые шли гораздо дальше, особенно въ области политическихъ мыслей и требованій. Но для большинства, для огромной массы людей, вступавшей въ жизнь, программа Добролюбова была первымъ легко понятнымъ и исполнимымъ предложеніемъ, съ какимъ обращался къ ней человѣкъ ея же круга.

Само собою разумѣется, что выполненіе этой программы должно было начаться съ послѣднихъ ея параграфовъ, а не съ первыхъ. Чтобы отвѣтить на вопросъ: какъ работать на пользу народной массы, какъ приступить къ ея воспитанію и образованію, какъ использовать таящіяся въ ея нѣдрахъ богатства духа, надо было выждать: при крѣпостномъ состояніи, въ какомъ народъ находился до 1861-го года, и при торжествующемъ старомъ порядкѣ правительственной опеки, нельзя было по этимъ вопросамъ дать никакого практически выполнимаго отвѣта. Только со временемъ, при состоявшейся перемѣнѣ общественнаго строя можно было начать думать о непосредственномъ сближеніи образованнаго человѣка съ массой на почвѣ совмѣстной работы; и тѣ изъ молодыхъ людей поколѣнія 1855—1861 гг., которые съ этимъ соображеніемъ не хотѣли считаться и сразу принялись за работу, дорого заплатили за свою попытку — начать двигать и просвѣщать народную массу, не выжидая удобнаго момента.

Но если первые параграфы программы Добролюбова уходили въ область желаемаго и пока невыполнимаго, то послѣдніе параграфы могли стать немедленно живымъ руководствомъ. Образованный человѣкъ могъ начать себя воспитывать по новой программѣ для грядущаго новаго дѣла. Онъ могъ совершенно свободно начать питать свой умъ современными идеями, могъ начать воспитывать въ себѣ свободную личность, закалять свою волю, развивать въ себѣ чувство гражданское, могъ начать вырабатывать изъ себя демократа въ болѣе общемъ или въ болѣе частномъ смыслѣ.

Къ этой интимной работѣ самовоспитанія молодое поколѣніе 1855—1861 годовъ и приступило подъ руководствомъ Добролюбова.

II.

Статьи Добролюбова имѣютъ свое значеніе какъ талантливый комментарій къ тому или иному выдающемуся литературному явленію; но въ общемъ онѣ — публицистическій трактатъ

на тему, которая поставлена авторомъ независимо отъ всѣхъ предлоговъ, подавшихъ ему поводъ къ бесѣдѣ.

Какъ такой трактатъ мы и будемъ ихъ разсматривать, беря ихъ въ цѣломъ и не придерживаясь хронологическаго порядка въ ихъ опубликованіи, такъ какъ мысль Добролюбова на протяженіи пяти лѣтъ своего развитія не испытала никакихъ ни переломовъ, ни колебаній [1]).

III.

Откровенная смѣлость—одна изъ характерныхъ чертъ публицистики Добролюбова. Касаться вопросовъ государственныхъ и политическихъ и вообще всего, что стояло въ непосредственной связи съ политикой правящей власти, онъ, конечно, не могъ, но онъ всетаки сумѣлъ дать надлежащую оцѣнку всему положенію дѣлъ въ Россіи и не щадилъ красокъ въ обрисовкѣ общественной психики, которая создалась подъ прямымъ давленіемъ господствующаго режима. Перечисляя всяческіе пороки и недостатки образованнаго, или полутемнаго, или совсѣмъ темнаго круга, Добролюбовъ молча произносилъ свой судъ надъ всей системой управленія, надъ тѣмъ воззрѣніемъ „государственнымъ", которое иногда вовсе не совпадаетъ съ воззрѣніемъ народнымъ, т.-е. съ народными интересами (II, 72). Не критикуя государственнаго воззрѣнія въ частностяхъ, нашъ публицистъ всю силу своихъ ударовъ сосредоточилъ на общемъ его результатѣ — на низкомъ уровнѣ умственнаго и нравственнаго развитія страны и на всевозможныхъ болѣзняхъ воли во всѣхъ слояхъ общества. Картина получилась печальная.

Добрыя и талантливыя натуры, которыя несомнѣнно и нерѣдко встрѣчались въ интеллигентномъ обществѣ, искажены и изломаны особенностями привилегированнаго воспитанія (I, 300). Самый привилегированный классъ въ большинствѣ случаевъ ведетъ жизнь самую пустую и безпринципную (I, 349); талантливые люди, гдѣ бы они ни попадались, всего чаще лишены живыхъ началъ жизни; они не имѣютъ достаточно внутренней силы, ума и благородства, чтобы не измѣнить своимъ добрымъ влеченіямъ, не впасть въ апатію, фразерство и даже мошенничество (I, 410—2). Ни проявить усилій, ни плыть противъ теченія они

---

[1]) Ссылки сдѣланы по изданію О. Н. Поповой. (Спб. 1896. Пятое изданіе, въ четырехъ томахъ).

не могутъ и въ лучшемъ смыслѣ остаются стоять на мели (I, 422). Отказъ отъ борьбы въ силу малаго общественнаго интереса—вообще отличительная черта нашего общества. Мы какъ-то очень скоро и внезапно выростаемъ, пресыщаемся, впадаемъ въ разочарованіе, не успѣвши даже хорошенько очароваться. Намъ внезапно дѣлается тѣсно и душно, потому что въ насъ образуются все широкія натуры, а міръ-то нашъ узокъ и низокъ; рванемся мы вдругъ къ чему-нибудь, да потомъ и сядемъ опять, и сидимъ точно Илья Муромецъ, съ полнымъ равнодушіемъ ко всему, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ (I, 405, 406, 410). Желаніе дѣятельнаго добра есть въ насъ, и силы есть, но боязнь, неувѣренность въ своихъ силахъ и наконецъ незнаніе: что дѣлать? постоянно насъ останавливаютъ, и мы, сами не зная какъ, вдругъ оказываемся въ сторонѣ отъ общественной жизни. Среди насъ нѣтъ героевъ... нашъ современный герой всегда останется робкимъ, двойственнымъ, будетъ таиться, выражаться съ разными прикрытіями и экивоками, а кто сохранилъ у насъ силу на геройство, такъ тому незачѣмъ быть героемъ: цѣли настоящей онъ не видитъ, взяться за дѣло не умѣетъ и потому только донкихотствуетъ. А кто понимаетъ, что нужно и какъ нужно, такъ тотъ уже всего себя на это пониманіе и положилъ и въ практической дѣятельности шагу ступить не умѣетъ (III, 279, 283, 284, 292). Симпатичныя, энергическія натуры удовлетворяютъ себя у насъ мелкими и ненужными бравадами, не достигая до настоящаго героизма, т.-е. до отреченія отъ цѣлой массы понятій и практическихъ отношеній, которыми они связаны съ общественной средой. Робость ихъ передъ громадою противныхъ силъ отражается даже на теоретическомъ ихъ развитіи: они боятся или не умѣютъ доходить до корня и, задумывая карать зло, только и бросаются на какое-нибудь мелкое проявленіе его и утомляются страшно, прежде чѣмъ успѣютъ даже подумать объ его источникѣ (III, 286). Если таковы люди, возвышающіеся надъ общимъ уровнемъ, то чего можно ждать отъ массы людей остальныхъ—людей сѣрыхъ, не говоря уже о совсѣмъ темныхъ?

Картина царства этихъ темныхъ людей обрисована Добролюбовымъ какими-то зловѣщими красками (III, 23). Словно онъ хотѣлъ изобразить міръ вѣчнаго отчаянія и мукъ. Но пройдемъ мимо этого царства духовной тьмы и самодурства, которое сильно тѣмъ, что оно признано законнымъ (III, 95), пройдемъ мимо этого міра, въ которомъ личность забита и принижена, подымемся въ сферы жизни болѣе сознательной, — и здѣсь насъ встрѣтятъ люди съ такимъ складомъ ума и характера, кото-

рый не внушитъ намъ довѣрія. Образованныхъ людей у насъ поразительно мало (I, 472); самыя элементарныя истины нравственныя кажутся многимъ изъ насъ открытіями (IV, 351); пристрастіе къ мизернымъ частностямъ мѣшаетъ широкой оцѣнкѣ жизни (III, 288), наивный восторгъ погружаетъ насъ въ самообольщеніе (III, 122), мы готовы гордиться тѣмъ, что „не вредимъ" (III, 327). Наша жизнь не способствуетъ выработкѣ какихъ-нибудь убѣжденій и не даетъ примѣнять ихъ; если мы дѣйствительно убѣждены въ чемъ-нибудь, такъ это въ томъ, что не нужно имѣть нравственныхъ убѣжденій (III, 37). Наше общество не имѣетъ себѣ подобнаго въ безразличности, съ которою оно смотритъ на общественную мораль; нѣтъ въ людяхъ рѣшительности и полноты убѣжденій (III, 328, 392). Съ большей или меньшей долей апатичности и безхарактерности, подъ болѣе или менѣе искусной маской мы сохраняемъ неизмѣнное качество— отвращеніе отъ серьезной и самобытной дѣятельности (II, 500). Бываемъ мы часто рабами чужой воли (II, 502), рѣдко доходимъ до той грани, гдѣ слово становится дѣломъ, гдѣ принципъ сливается съ внутренней потребностью души, исчезаетъ въ ней и дѣлается единственною силою, двигающею человѣкомъ (II, 520). Какъ много среди насъ людей безъ дѣла, которое было бы для нихъ жизненной необходимостью, сердечной святыней, религіей. Все, о чемъ они говорятъ и мечтаютъ — у нихъ чужое, наносное; въ глубинѣ ихъ души коренится одна мечта, одинъ идеалъ—возможно невозмутимый покой, квіетизмъ (II, 519). Сколько мы видимъ людей, которымъ сроду не приходило въ голову ни одного вопроса, не касавшагося ихъ собственной кожи, сколько такихъ, которые безплодно тратятъ всю жизнь въ вопросахъ и сомнѣніяхъ, не пытаясь разрѣшить своей дѣятельностью ни одного изъ нихъ и измѣняющихъ на дѣлѣ даже тѣмъ рѣшеніямъ, которыя ими приняты въ теоріи. Сколько мы видимъ людей, унижающихся передъ тѣми, кого они внутренно презираютъ, смѣющихся надъ тѣмъ, чего боятся, дѣлающихъ то, чего гадость они очень хорошо знаютъ, говорящихъ то, чему сами не вѣрятъ и т. п. (I, 424). Сколько сонновялыхъ (II, 427), невозмутимо молчащихъ (I, 423), родственниковъ Манилова (II, 373), восторженно (II, 374) или самоотверженно глупыхъ (II, 266), платонически либеральныхъ и благородныхъ, пылающихъ платоническою любовью къ общественной дѣятельности (III, 335). И всѣ такіе люди живутъ и плодятся при общемъ положеніи, при которомъ произволъ съ

одной стороны и недостатокъ сознанія правъ своей личности съ другой—явленіе обыденное (III, 439).

Добролюбовъ потратилъ много краснорѣчія и силы на обрисовку этого темнаго фона своей картины. Но, въ общемъ, впечатлѣніе отъ картины получилось далеко не мрачное, такъ какъ во всѣхъ обличительныхъ словахъ чувствовалось не уныніе безсильнаго, а раздраженіе бодраго человѣка. Кромѣ того, и это—главное, публицистъ совершенно открыто заявлялъ, что весь этотъ мракъ—мракъ отходящей ночи, которая должна скоро уступить мѣсто новому дню. И этотъ день не только близокъ, онъ наступаетъ и мы уже вошли въ извѣстную полосу свѣта. Уже выросла другая жизнь, съ другими началами, и хоть далека она, еще и не видна хорошенько, но уже даетъ себя предчувствовать и посылаетъ нехорошія видѣнія темному произволу (III, 449). Русская жизнь дошла наконецъ до того, что добродѣтельныя и почтенныя, но слабыя и безразличныя существа не удовлетворяютъ общественнаго сознанія и признаются никуда не годными. Почувствовалась неотлагаемая потребность въ людяхъ хотя бы и менѣе прекрасныхъ, но болѣе дѣятельныхъ и энергичныхъ (III, 456). У насъ созрѣло сознаніе о томъ, какъ ничтожны всѣ quasi-талантливыя натуры, которыми мы прежде восхищались; прежде онѣ прикрывались разными платьями, украшали себя разными прическами, теперь онѣ разоблачены передъ нами. Вопросъ, что эти люди дѣлаютъ, въ чемъ смыслъ и цѣль ихъ жизни, поставленъ прямо и ясно, потому что теперь уже настало или настаетъ неотлагательно время работы общественной (II, 517). Теперь въ нашемъ обществѣ есть уже мѣсто великимъ идеямъ и сочувствіямъ; новые люди должны освободить насъ отъ пошлости и мелочности, все свѣжее и лучшее въ нашемъ обществѣ ожидаетъ этихъ людей (III, 297, 298). Придетъ же онъ наконецъ, этотъ новый настоящій день. Канунъ недалекъ отъ слѣдующаго за нимъ дня: всего-то какая-нибудь ночь раздѣляетъ ихъ! (III, 299). Бездѣльнымъ людямъ, будь они даже отличные, благородные и умные люди, теперь среди насъ не должно быть мѣста. Теперь даже люди, въ душѣ не любящіе прогрессивныхъ идей, должны показывать видъ, что любятъ ихъ для того, чтобы имѣть доступъ въ порядочное общество (III, 261). Намъ нужны теперь не такіе люди, которые бы еще болѣе „возвышали насъ надъ окружающей дѣйствительностью“, а такіе, которые бы подняли—и насъ научили поднять—самую дѣйствительность до уровня тѣхъ разумныхъ требованій, какія мы уже сознали. Нужны люди дѣла (III, 263), а тѣхъ, кто, дѣла не дѣлая, мѣшаетъ дру-

гимъ—тѣхъ надо преслѣдовать насмѣшкой, пародіей и свисткомъ (III, 343).

Итакъ, новыя времена приближаются, они уже наступили. Какъ бы длиненъ ни былъ списокъ разныхъ общественныхъ пороковъ и недостатковъ, отъ которыхъ страдаетъ русское общество—оно таитъ въ своихъ нѣдрахъ новыя силы, теперь вызванныя къ жизни. Весь вопросъ въ томъ, какъ эти силы развернутся, и вся задача людей идейныхъ и передовыхъ въ томъ, чтобы помочь этимъ силамъ въ ихъ развитіи и указать имъ ближайшую цѣль, къ которой надлежитъ стремиться.

IV.

Образованіе этихъ новыхъ силъ могло быть начато либо по совершенно новой программѣ, либо примѣнительно къ тому кругу идей и чувствъ, въ какомъ образовывались и воспитывались предшествующія поколѣнія. Можно было попытаться использовать въ новыхъ цѣляхъ прежніе, уже сложившіеся взгляды, уже обслѣдованныя области знанія и вѣры—и можно было направить интересъ людей на новыя сферы знанія и постараться привить имъ новую вѣру.

Къ идейнымъ сферамъ, къ которымъ предшествующее поколѣніе питало особенную нѣжность, а именно къ вопросамъ вѣры, идеалистической философіи и эстетики, Добролюбовъ, мы знаемъ, обнаружилъ большую холодность. Самъ онъ, какъ частное лицо, былъ далеко не индифферентенъ къ этимъ отраслямъ духовной дѣятельности человѣка, но въ своихъ статьяхъ онъ не любилъ говорить о нихъ, отчасти потому, что чувствовалъ себя неготовымъ для отрицанія или утвержденія, отчасти потому, что—какъ всѣ молодые люди его лагеря—считалъ и религію, и чисто отвлеченное умозрѣніе, и эстетику косвенно виноватыми въ общемъ просчетѣ русской интеллигенціи недавней формаціи. Но Добролюбовъ не разрѣшалъ себѣ враждебныхъ выходокъ противъ этихъ устоевъ господствовавшаго міропониманія, какъ не разрѣшалъ себѣ и обороны взглядовъ, которые должны придти на смѣну старинѣ.

Вѣру, довольно сильную въ дѣтствѣ, Добролюбовъ скоро утратилъ, и вмѣстѣ съ ней, кажется, и вообще интересъ къ постановкѣ религіозныхъ вопросовъ. Въ его статьяхъ попадаются лишь изрѣдка попытки истолковать религію какъ историческое явленіе (I, 521, 522; II, 347), встрѣчаются ироническія выходки

противъ суевѣрія на религіозной почвѣ (I, 520; II, 560; IV, 153, 246), идетъ рѣчь о свободѣ совѣсти (IV, 31, 33), а также и о возможности соединить политическое возрожденіе съ истиннымъ понятіемъ о духѣ Христова ученія (IV, 228, 236, 253), но обо всемъ этомъ говорится крайне отрывочно и съ большимъ спокойствіемъ: вопросы вѣры очевидно его не волновали.

Не волновали его и вопросы философскіе. По нѣкоторымъ его словамъ было ясно, что онъ—сторонникъ позитивнаго образа мыслей; но нигдѣ онъ не разрѣшалъ себѣ никакой полемики, никакой апологіи. Онъ высказалъ свое неодобреніе дуализму, который отдѣлялъ душу отъ тѣла и тѣмъ самымъ давалъ поводъ ко всевозможнымъ заблужденіямъ метафизической мысли (II, 26, 27); онъ говорилъ о точной наукѣ, которая можетъ избавить насъ отъ этихъ заблужденій и которая согласна съ высшимъ христіанскимъ взглядомъ на личность человѣка, какъ существа „самостоятельно-индивидуальнаго“ (II, 28); онъ говорилъ, очевидно вспоминая Фейербаха, о правильной оцѣнкѣ роли „тѣла“ во всей нашей психической дѣятельности (II, 28, 29); онъ что-то имѣлъ возразить противъ „романтизма и идеализма“, упрекалъ насъ въ томъ, что мы непремѣнно стараемся украсить, облагородить вещи, вмѣсто того, чтобы представлять себѣ ихъ такъ, какъ онѣ есть, и этимъ самымъ навязываемъ на себя такое бремя, котораго и снести не можемъ (II, 32); онъ возражалъ тѣмъ, кто отстаивалъ абсолютную свободу воли человѣка (II, 46); онъ острилъ надъ метафизической психологіей (IV, 636)—однимъ словомъ, при случаѣ онъ давалъ понять, что старыя философскія постройки подлежатъ сносу; но что надо выстроить на мѣстѣ разрушеннаго—объ этомъ Добролюбовъ говорилъ очень глухо. Онъ зналъ, конечно, о томъ направленіи, какое приняла философская мысль на западѣ послѣ того, какъ философскій идеализмъ сказалъ свое послѣднее слово при Гегелѣ и при старѣющемъ Шеллингѣ; онъ зналъ о ростѣ естественныхъ наукъ и привѣтствовалъ его (II, 36, 49; I, 526); о Фейербахѣ онъ также въ своихъ статьяхъ вспомнилъ (I, 527), но настойчиво рекомендовать своимъ читателямъ изученіе той или иной науки, способной дать умозрѣнію наиболѣе прочную основу, онъ воздерживался—хотя науку, какъ таковую, цѣнилъ очень высоко и самъ въ нѣкоторыхъ историческихъ статьяхъ обнаружилъ несомнѣнный талантъ научнаго изслѣдователя.

Онъ часто жаловался на то, что русская наука измельчала и растерялась въ мелочахъ (II, 387), что она вырождается нерѣдко въ псевдо-науку (I, 365), превращается въ крохоборство

(I, 387, II, 62), въ науку касты (I, 392). Онъ желалъ для нея высшихъ, философско-историческихъ соображеній (II, 69), хотя добавлялъ, что ставить теперь такое требованіе еще рано (II, 70). Всѣ эти соображенія онъ высказывалъ, имѣя въ виду преимущественно историческія науки. Исторія была область, въ которой онъ успѣлъ запастись наибольшими знаніями. О томъ, каковы были его познанія въ другихъ наукахъ, „реальныхъ", которыя начинали тогда интересовать умы—нельзя сказать ничего опредѣленнаго, такъ какъ Добролюбовъ, въ отличіе отъ многихъ молодыхъ писателей его времени, не любилъ щеголять ссылками и упоминаніемъ ходкихъ именъ. Какъ бы то ни было, но въ статьяхъ Добролюбова читатель не могъ найти никакой программы для самообразованія по вопросамъ научнымъ, которая позволила бы перейти къ сознательному и систематическому усвоенію современныхъ философскихъ и научныхъ ученій; старыми Добролюбовъ не интересовался, а къ проповѣди новыхъ себя не готовилъ.

Прошелъ Добролюбовъ и мимо всѣхъ эстетическихъ вопросовъ, которые играли такую большую, чуть не первенствующую роль въ духовной жизни старшаго поколѣнія. Съ эстетикой нашъ публицистъ покончилъ смѣло и рѣшительно и, судя по тону, въ какомъ онъ о ней говорилъ, онъ былъ какъ будто на нее сердитъ или ею обиженъ. Но обидѣть она его не могла и расплачивалась она въ данномъ случаѣ, конечно, не за свои грѣхи. „Вопросъ чистаго искусства уже проигранъ фактически; надъ нимъ и хлопотать не стоитъ",—говорилъ Добролюбовъ (III, 343), и этотъ поспѣшный приговоръ служилъ ему оправданіемъ во всемъ его невнимательномъ отношеніи къ трудному вопросу. А Добролюбовъ несомнѣнно отнесся невнимательно къ вопросу о смыслѣ и о значеніи красоты въ нашей жизни. Онъ мало думалъ надъ этой проблемой и въ статьяхъ его нѣтъ и слѣда какихъ-нибудь теоретическихъ доказательствъ правоты его взгляда на искусство или разбора мнѣній, съ нимъ несогласныхъ: онъ не разсуждалъ, а высказывалъ готовыя сентенціи, которыя совсѣмъ не касались вопроса по существу, а подтверждали только одну частную мысль. Мысль эта можетъ быть формулирована такъ: въ настоящее время намъ нужны честные и умные граждане, и у насъ нѣтъ времени говорить о чемъ-либо иномъ, кромѣ ихъ воспитанія; поскольку памятники искусства могутъ служить такому воспитанію, постольку мы и будемъ говорить о нихъ; какую роль само искусство, какъ таковое, играетъ въ жизни, это насъ не интересуетъ; намъ до-

рога лишь сама жизнь, поскольку она отражена въ этомъ искусствѣ. „Поэзія и вообще искусства, какъ и науки, слагаются по жизни, а не жизнь зависитъ отъ поэзіи и все то, что въ поэзіи является лишнимъ противъ жизни, т.-е. не вытекающимъ изъ нея прямо и естественно, все это уродливо и безсмысленно" (I, 467, очевидно—изъ диссертаціи Чернышевскаго). Останавливаясь на этой мысли о зависимости искусства отъ жизни, Добролюбовъ не задалъ себѣ вопроса о томъ, насколько сама жизнь въ свою очередь можетъ зависѣть отъ искусства, т.-е. насколько потребность въ красотѣ можетъ вліять на міросозерцаніе человѣка, а потому и на самую жизнь.

Добролюбовъ понималъ, конечно, что такое упрощеніе вопроса не есть его рѣшеніе, и чистосердечно признавался въ томъ, что *не интересуется* такими вопросами. „Мы не чувствуемъ въ себѣ призванія воспитывать эстетическій вкусъ публики—писалъ онъ (III, 15)—и потому намъ самимъ чрезвычайно скучно браться за школьную указку съ тѣмъ, чтобы пространно и глубокомысленно толковать о тончайшихъ оттѣнкахъ художественности". Но позволительно спросить—а могъ ли онъ толковать глубокомысленно объ этомъ предметѣ? Никакихъ глубокомысленныхъ разсужденій на эту тему въ его статьяхъ не имѣется. Не назовемъ же мы въ самомъ дѣлѣ глубокомысленнымъ то, кажется, единственное опредѣленіе роли искусства въ жизни, какое далъ Добролюбовъ: „значеніе художнической дѣятельности въ ряду другихъ отправленій общественной жизни заключается въ томъ, что образы, созданные художникомъ, собирая въ себѣ, какъ въ фокусѣ, факты дѣйствительной жизни, весьма много способствуютъ составленію и распространенію между людьми правильныхъ понятій о вещахъ" (III, 16)? Тонкій умъ самого Добролюбова не могъ удовлетвориться такой элементарной формулой, и публицистъ чувствовалъ себя виноватымъ: тогда онъ говорилъ, что поднимать вѣчные законы искусства и толковать о художественныхъ красотахъ по поводу современныхъ русскихъ повѣствователей такъ же смѣшно, какъ развивать теорію генералъ-баса въ поощреніе тапера, не сбивающагося съ такта (III, 501). Или онъ утверждалъ, что между истинной поэзіей и истиннымъ знаніемъ, какъ и между художникомъ и мыслителемъ, нѣтъ существенной разницы и, что произведенія поэта и философа должны создаваться подъ вліяніемъ естественныхъ (?), правильныхъ (?) потребностей натуры, что сознаніе нормальнаго (?) порядка вещей должно быть въ каждомъ талантливомъ человѣкѣ ясно и живо, идеалъ его—простъ и разуменъ (III, 435). Иногда Добролюбовъ

начиналъ глумиться надъ задачей, которую отстранялъ отъ себя такъ самовольно и которая все-таки не переставала его тревожить. „Эстетическая критика,—писалъ онъ тогда—сдѣлалась теперь принадлежностью чувствительныхъ барышень". И онъ начиналъ пародировать слабые образцы такой критики (III, 256), какъ будто пародія, да еще неудачныхъ попытокъ, могла что-либо говорить противъ серьезнаго разсужденія на очень серьезную тему.

И странно: самъ Добролюбовъ въ своихъ статьяхъ давалъ нерѣдко образцы очень тонкой эстетической критики и совсѣмъ не для чувствительныхъ барышень (II, 182, 212). Къ числу такихъ принадлежитъ, напр., эстетическая оцѣнка Гончарова (II, 493—5, 494, 495). Но рядомъ съ этимъ много несправедливаго сказано о Пушкинѣ (I, 504—6, 543), и сказано именно потому, что въ Пушкинѣ недостаточно оцѣненъ художникъ.

Добролюбова считаютъ иногда иниціаторомъ похода противъ искусства. Это невѣрно. Онъ не признавалъ служенія красотѣ дѣломъ общественно вреднымъ, какъ признавали это нѣкоторые рьяные радикалы изъ его современниковъ и учениковъ; но несомнѣнно, что въ оцѣнкѣ искусства онъ выдвигалъ лишь стоимость его какъ показателя гражданскаго развитія и какъ удобнаго орудія для гражданскаго воспитанія. Въ особенности на словесное искусство смотрѣлъ Добролюбовъ глазами принципіальнаго утилитариста. Великое значеніе литературы для жизни признать нужно (I, 465) и плоды воображенія могутъ стать предлогомъ серьезнаго и правильнаго обсужденія самой дѣйствительности (I, 470); необходимо только, чтобы художникъ не отставалъ отъ вѣка и чтобы самые существенные вопросы современности служили поводомъ къ его творчеству и выводомъ изъ его твореній. Наша русская литература, при всѣхъ ея красотахъ въ прошломъ и въ настоящемъ, всегда грѣшила тѣмъ, что плелась за жизнью и не умѣла во-время сказать нужнаго слова. Мало сдѣлали наши литераторы (II, 215) даже тогда, когда ставили своей цѣлью пресловутое „обличеніе". Руководить жизнью наша литература не могла (II, 375); она ничего не даетъ намъ, не поднимаетъ ни одного значительнаго вопроса (II, 398); она всегда опаздывала сравнительно съ распоряженіями правительства и даже на вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отзывалась слабо (II, 405). Теперь времена стали серьезнѣе, но литература серьезнѣе не стала (II, 408). Пора же ей наконецъ занять то мѣсто, которое ей принадлежитъ по праву. Въ сущности вѣдь мыслитель и

поэтъ дѣлаютъ одно дѣло. Оба они исходятъ изъ одного начала—дѣйствительной жизни, но только различнымъ образомъ принимаются за дѣло. Мыслитель, замѣчая въ людяхъ, напримѣръ, недовольство настоящимъ ихъ положеніемъ, соображаетъ всѣ факты и старается отыскать новыя начала, которыя бы могли удовлетворить возникающія требованія. Литераторъ-поэтъ, замѣчая тоже недовольство, рисуетъ картину такъ живо, что общее вниманіе, остановленное на ней, само собою наводитъ людей на мысль о томъ, что̀ же именно имъ нужно (III, 432). Въ этомъ „нужномъ" вся цѣнность литературы, поскольку она есть общественное явленіе. И само собою разумѣется, что и критика, которая берется судить объ этой литературѣ, должна говорить лишь о томъ, что̀ дѣйствительно „нужно". „Не надо намъ слова гнилого и празднаго, погружающаго въ самодовольную дремоту и наполняющаго сердце пріятными мечтами; а нужно слово свѣжее и гордое, заставляющее сердце кипѣть отвагою гражданина, увлекающее къ дѣятельности широкой и самобытной (II, 430).

Что касается научныхъ доктринъ и философскаго мышленія новаго типа, на западѣ тогда весьма популярнаго—то Добролюбовъ, признавая всю пользу такихъ доктринъ для современнаго дѣятеля, не бралъ на себя обязанности ихъ пропаганды. Онъ чувствовалъ себя неподготовленнымъ для такой роли просвѣтителя, и кромѣ того онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что это дѣло только выиграетъ въ рукахъ его сотрудниковъ по журналу, въ особенности въ рукахъ того человѣка, которому онъ самъ былъ многимъ обязанъ въ своемъ философскомъ и научномъ развитіи.

Обойдя вопросы образованія, Добролюбовъ приступилъ прямо къ выполненію своихъ обязанностей педагога, воспитателя подростающаго поколѣнія, готовящагося къ гражданскому служенію.

V.

Вопросы этическіе и педагогическіе становились, такимъ образомъ, въ первую очередь. Писать подробный трактатъ о нравственности личной, семейной и общественной Добролюбовъ не собирался и объ „оправданіи добра" съ философской точки зрѣнія не думалъ. Онъ выдвигалъ лишь нѣкоторыя нравственныя положенія, которыя были ему нужны для освѣщенія вопросовъ общественной педагогики. Никакой системы въ разъясненіи этихъ положеній не было; одинъ и тотъ же вопросъ повторялся часто,

съ умысломъ заставить читателя почаще о немъ думать. Нѣтъ нужды перечислять подробно всѣ этическіе вопросы, по которымъ скользилъ нашъ моралистъ. Никакого оригинальнаго освѣщенія онъ имъ не давалъ и всѣ они сводились къ элементарнымъ правиламъ добраго, справедливаго, честнаго и убѣжденнаго отношенія къ вопросамъ жизни и къ людямъ. Были, впрочемъ, въ этихъ экскурсіяхъ въ область прикладной этики нѣкоторыя мысли, на которыхъ Добролюбовъ особенно настаивалъ. Въ числѣ такихъ была, напримѣръ, мысль о томъ, что естественныя стремленія человѣка—всегда добрыя стремленія. „Естественныя стремленія человѣчества,—говорилъ онъ (III, 430),—приведенныя къ самому простому знаменателю, могутъ быть выражены въ двухъ словахъ: чтобы всѣмъ было хорошо. Понятно, что стремясь къ этой цѣли, люди, по самой сущности дѣла, сначала должны были отъ нея удалиться: каждый хотѣлъ, чтобы ему было хорошо и, утверждая свое благо, мѣшалъ другимъ; устроиться же такъ, чтобы одинъ другому не мѣшалъ, не успѣли. Но чѣмъ хуже становится людямъ, тѣмъ они сильнѣе чувствуютъ нужду, чтобы было хорошо. Лишеніемъ не остановишь требованій, а только раздражишь; только принятіе пищи можетъ утолить голодъ. До сихъ поръ поэтому борьба не кончена; естественныя стремленія, то какъ будто заглушаясь, то появляясь сильнѣе, все ищутъ своего удовлетворенія. Въ этомъ состоитъ сущность исторіи“. При такомъ оптимистическомъ взглядѣ на ходъ исторіи оставалось только стремиться къ тому, чтобы люди поскорѣе освобождали въ себѣ свое доброжелательное „естество“ отъ всего, что можетъ затормозить его проявленіе въ жизни. Такой культъ „естественныхъ“ склонностей могъ повести ко многимъ проявленіямъ темперамента, воли и чувства, не вполнѣ согласнымъ съ обычной нравственностью. И дѣйствительно, въ шестидесятыхъ годахъ примѣры такого стремленія быть во всемъ „естественнымъ“ вызывали немало нареканій. Мысли Добролюбова по этому вопросу могли, однако, грѣшить развѣ только излишней простотой и большой довѣрчивостью къ человѣку, такъ какъ въ его представленіи естественное и доброе сливались; „всѣ прекрасныя стремленія, говорилъ онъ, мы признаемъ слѣдствіемъ естественныхъ, нормальныхъ потребностей человѣка. Сущность природы человѣка опредѣлить вкратцѣ довольно мудрено, но что во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, такъ это ея способность къ развитію. Для того, чтобы имѣть возможность развиваться, она требуетъ избѣжанія всякихъ столкновеній и помѣхъ. А для этого она, очевидно, предписываетъ человѣку не

мѣшать и другимъ, потому что иначе онъ и самъ себѣ помѣшаетъ, остановитъ и стѣснитъ себя въ своемъ развитіи. Такимъ образомъ, признавая въ человѣкѣ одну только способность къ развитію и одну только наклонность къ дѣятельности (какого бы то ни было рода) и отдыху, мы изъ этого одного прямо можемъ вывести—съ одной стороны естественное требованіе человѣка, чтобъ его никто не стѣснялъ, чтобъ предоставили ему пользоваться его личными неотъемлемыми средствами и безмездными, никому не принадлежащими благами природы, а съ другой стороны—столь же естественное сознаніе, что и ему не нужно посягать на права другихъ и вредить другой чужой дѣятельности" (III, 322). Такъ просто разрѣшалъ Добролюбовъ иногда запутаннѣйшіе вопросы людскихъ этическихъ взаимоотношеній. Жизнь, конечно, на каждомъ шагу опровергала эту оптимистическую теорію, но Добролюбовъ не унывалъ, полагаясь на силу „естественныхъ" склонностей въ человѣкѣ, и вѣрилъ въ возможность воспитать цѣлое поколѣніе „разумныхъ эгоистовъ", какъ онъ говорилъ—людей, которые съумѣютъ отстоять свои права, не нарушая правъ ближняго, съумѣютъ удовлетворить свои желанія, не ограничивая желаній другихъ. О воспитаніи въ такомъ духѣ онъ говорилъ неоднократно въ своихъ статьяхъ. Принципы, которыхъ онъ держался въ этихъ педагогическихъ статьяхъ, были столь же просты, какъ и его основныя этическія предпосылки: воспитать съ дѣтства людей, которые умѣли бы заступиться за себя, знали бы цѣну своимъ убѣжденіямъ и идеаламъ и доброжелательно и справедливо относились бы къ ближнему. Повторяя выводы Пирогова, Добролюбовъ признавалъ, что воспитаніе совсѣмъ не готовитъ насъ къ борьбѣ съ „ложнымъ" направленіемъ общества; оно не заботится о томъ, чтобы вкоренить въ насъ высшія, человѣческія убѣжденія; оно хлопочетъ только о томъ, чтобы сдѣлать насъ спеціалистами; человѣкъ хочетъ бороться со зломъ и ложью, но онъ не приготовленъ къ борьбѣ, онъ долженъ сначала перевоспитать себя, чтобы выйти на арену бойца (I, 199); мы готовимся жить въ новой сферѣ и старые воспитатели уже не годны, эти воспитатели не только не предвидятъ, а даже просто не понимаютъ потребностей новаго времени и считаютъ ихъ нелѣпостью (I, 203); мы совѣстимся представить себѣ вещи, какъ всѣ онѣ есть и ложный и безплодный идеализмъ приноситъ нашему воспитанію массу вреда. Во всѣхъ требованіяхъ и пріемахъ современнаго воспитанія обнаруживается полное презрѣніе къ органической жизни человѣка, какъ человѣка, а не какъ спеціальной машины (II, 36). Набивая

голову ребенка разными понятіями, которыя выше его соображенія, мы образуемъ не людей съ благородными чувствами, а сентиментальныхъ фразеровъ, совершенно негодныхъ въ практической жизни и безполезныхъ себѣ и другимъ (II, 43); наше воспитаніе хочетъ дѣйствовать на сердце ребенка, не внушая ему здравыхъ понятій и въ результатѣ получается добродушіе по привычкѣ, при совершенной шаткости и безсиліи убѣжденій— а между тѣмъ только та доброта и благородство чувствованій совершенно надежны и могутъ быть истинно полезны, которыя основаны на твердомъ убѣжденіи, на хорошо выработанной мысли (II, 45). Отвратить опасность, которая грозитъ намъ при ошибочности современнаго воспитанія, мы можемъ легко: нужно только довѣриться тѣмъ „естественнымъ" склонностямъ, которыя затаены въ каждомъ человѣкѣ и свободное развитіе которыхъ остановлено нашими педагогическими мудрствованіями. „Воспитаніе, какъ всѣ теоретическія науки, имѣющія предметомъ внутренній міръ человѣка, имѣетъ своею задачей только возбужденіе и проясненіе въ сознаніи того, что уже давно живетъ жизнью непосредственною, безсознательною и безотчетною" (I, 214). Главное, что долженъ имѣть въ виду воспитатель, это уваженіе къ человѣческой природѣ въ ребенкѣ, предоставленіе ему свободнаго, нормальнаго развитія, стараніе внушить ему прежде всего и болѣе всего правильныя понятія о вещахъ, живыя и твердыя убѣжденія, заставить его дѣйствовать сознательно, по уваженію къ добру и правдѣ (I, 218). А такъ какъ природа человѣка предрасполагаетъ человѣка къ добру и „низости и преступленія не лежатъ въ природѣ человѣка и не могутъ быть удѣломъ естественнаго развитія" (III, 49), то на успѣхъ новой системы воспитанія можно вполнѣ надѣяться и правы были тѣ великіе реформаторы человѣческой жизни, которые, какъ Робертъ Овэнъ, говорили съ вызывающей гордостью: „Я предлагаю систему человѣческой жизни во всѣхъ отношеніяхъ противуположную системѣ прошедшей и настоящей—систему, которая произведетъ *новый умъ* и *новую волю* во всемъ человѣчествѣ и каждаго, съ неотразимою необходимостью, приведетъ къ послѣдовательности, разумности, здравому мышленію и здравымъ поступкамъ (IV, 51).

Русскій человѣкъ давно уже доказалъ свою способность охватывать умомъ самыя трудныя задачи и смѣло рѣшать ихъ—но совсѣмъ еще не имѣлъ случая подвергнуть строгому испытанію свою волю или, если такой случай представлялся, то испытанія не выдерживалъ. Если естественныя склонности влекутъ чело-

вѣка къ добру, если господствующее воспитаніе искажаетъ эти склонности, если доказана способность нашего ума одолѣвать всевозможныя теоретическія трудности, то остается лишь позаботиться о выработкѣ нашего характера, темперамента, нашей воли, объ укрѣпленіи въ насъ чувства,—однимъ словомъ о воспитаніи въ насъ *личности*, чтобы быть увѣреннымъ, что съ предстоящей исторической задачей мы справимся. Время требуетъ сильныхъ характеровъ.

Мимо теоретическаго вопроса о значеніи личности въ исторіи и ея зависимости отъ среды Добролюбовъ, конечно, не могъ пройти, но въ этотъ вопросъ онъ не углублялся, такъ какъ вообще не любилъ отвлеченныхъ теоретическихъ тонкостей. Онъ предостерегалъ отъ безразсуднаго поклоненія исключительнымъ личностямъ и протестовалъ противъ уничтоженія значенія личности вообще (II, 5, 6). „Великіе историческіе преобразователи—писалъ онъ (II, 67, 62)—имѣютъ большое вліяніе на развитіе и ходъ историческихъ событій въ свое время и въ своемъ народѣ, но прежде чѣмъ начнется ихъ вліяніе сами они находятся подъ вліяніемъ понятій и правилъ того времени и того общества, на которое потомъ начинаютъ они дѣйствовать силою своего генія. Значеніе этихъ дѣятелей можно уподобить значенію дождя, который благотворно освѣжаетъ землю, но который, однако, составляется все-таки изъ испареній, поднимающихся съ той же земли". Идя дальше въ своихъ разсужденіяхъ на эту тему, Добролюбовъ все больше и больше ограничивалъ кругъ вліянія отдѣльной личности. Не можетъ одинъ, или даже нѣсколько человѣкъ произвести въ массахъ волненіе, къ которому онѣ не приготовлены, которое не бродитъ уже въ умахъ ихъ вслѣдствіе фактовъ прошедшей жизни (II, 124). Личность, даже и великая, составляетъ не болѣе какъ искру, которая можетъ взорвать порохъ, но не воспламенитъ камней и сама тотчасъ потухнетъ, если не встрѣтитъ матеріала, скоро загорающагося (I, 517).

Вопросъ о взаимоотношеніи личности и массы имѣлъ особое значеніе въ годы, когда Добролюбовъ сталъ надъ нимъ думать и жаль, что нашъ критикъ, увлекаемый публицистической тенденціей, прошелъ мимо него такъ поспѣшно, чтобы начать говорить о томъ, что онъ въ немъ считалъ главнымъ, а именно о цѣнности сильной личности для *современной* русской жизни. Но Добролюбовъ, кажется, нѣсколько боялся углубляться въ трудный вопросъ о роли личности; онъ рисковалъ стать передъ дилеммой: либо признать, что масса, надъ воспитаніемъ которой онъ собирался работать, пока еще совсѣмъ не готова для желаннаго

„волненія“ и, что трудъ его пропадетъ даромъ; либо — вопреки теоріи—признать, что сильная личность отнюдь не находится въ такой зависимости отъ массы, какъ ему это подсказывало, главнымъ образомъ, его демократическое чувство. Прогрессисты шестидесятыхъ годовъ въ данномъ случаѣ, дѣйствительно, допускали нѣкоторое несоотвѣтствіе между теоріей и практикой; демократы по образу мыслей, они были большіе индивидуалисты въ области чувства и воли; массовому началу они придавали огромное значеніе въ жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ очень высоко цѣнили личную иниціативу. Только послѣ первыхъ пораженій, которыя пришлось понести ихъ „личнымъ“ теоріямъ, они, въ семидесятыхъ годахъ, стали болѣе считаться съ психикой массы. Добролюбова нельзя причислить къ крайнимъ индивидуалистамъ ультра-радикальнаго типа, хотя и онъ обнаруживалъ большое довѣріе къ сильной личности, не задумываясь надъ тѣмъ, сможетъ ли она выполнить намѣченную програму при данныхъ историческихъ условіяхъ. Такое довѣріе къ личности въ 1855—1861 годахъ было вполнѣ законно, и Добролюбову не пришлось дожить до того времени, когда оно подверглось мучительному испытанію. Его надежда на быстрое торжество разумной и сильной личности надъ всѣми препятствіями, какія жизнь можетъ поставить ея плодотворной дѣятельности, не было затуманено никакими сомнѣніями. Добролюбовъ вѣрилъ, что такая личность есть уже дѣйствующая среди насъ сила, что сама историческая минута требуетъ вмѣшательства такой личности въ ходъ событій.

Теперь на первомъ планѣ стоитъ *иниціатива*—писалъ онъ,—т.-е. способность человѣка самостоятельно, самому по себѣ браться за дѣло. Все какъ-то стремится стать на свои ноги и жить по милости другихъ считаетъ недостойнымъ себя. Такое измѣненіе тенденцій произошло въ обществахъ новыхъ народовъ Европы съ конца XVIII-го столѣтія. Можемъ сказать, что измѣненіе это не миновало отчасти и насъ. Что при такомъ проявленіи личной иниціативы извѣстный сумбуръ въ сужденіяхъ неизбѣженъ—съ этимъ приходится мириться. Только Минерва вышла изъ головы Юпитера во всеоружіи, а наши земныя дѣла всѣ начинаются понемножку, съ ошибками и недостатками, да и сами-то гражданскія общества съ чего начались, какъ не со столпотворенія вавилонскаго (?) (III, 538—9). Въ человѣкѣ ничѣмъ не заглушимо чувство справедливости и правомѣрности и терпѣнію даже самаго убитаго и трусливаго человѣка всегда есть предѣлъ (III, 540). Въ нашемъ обществѣ приниженныхъ очень много, но въ настоящее время во всѣхъ и каждомъ замѣ-

чается стремленіе къ возстановленію человѣческаго достоинства и полноправности. Люди, имѣющіе въ себѣ достаточную долю иниціативы, должны придти на помощь тѣмъ, кто лишены ея (III, 548). Задача прямая и неотложная и, пожалуй, даже нетрудная, потому что куда вы ни оглянитесь, вездѣ вы видите пробужденіе личности, предъявленіе ею своихъ законныхъ правъ, протестъ противъ насилія и произвола, большею частью еще робкій, неопредѣленный, готовый спрятаться, но все-таки уже дающій замѣтить свое существованіе... Крестьяне освобождаются и сами помѣщики, утверждавшіе прежде, что еще рано давать свободу мужику, теперь убѣждаются и сознаются, что пора развязаться съ этимъ вопросомъ, что онъ дѣйствительно созрѣлъ въ народномъ сознаніи. А что же иное лежитъ въ основаніи этого вопроса, какъ не уменьшеніе произвола и не возвышеніе правъ человѣческой личности? Тоже самое и во всѣхъ другихъ реформахъ и улучшеніяхъ, въ финансовыхъ, полицейскихъ и административныхъ преобразованіяхъ, въ заботахъ о правосудіи, въ предположеніяхъ гласнаго судопроизводства, въ уменьшеніи строгости къ раскольникамъ, въ самомъ уничтоженіи откуповъ (1860 г., III, 440—441). Итакъ, пойдемъ навстрѣчу самому времени и станемъ воспитывать въ себѣ разумную и нравственную личность, начнемъ множить въ себѣ силу своихъ чувствъ и воли, станемъ стойкими въ борьбѣ съ тѣмъ, что мы признаемъ зломъ и неправдой. Намъ нужны борцы за идеалы, осуществимые на практикѣ, и теоретики на время могутъ отдохнуть.

Добролюбовъ призывалъ къ такой борьбѣ за права личности одинаково и мужчинъ и женщинъ. Онъ былъ очень высокаго мнѣнія о культурной роли женщины въ обществѣ и принадлежалъ къ числу убѣжденныхъ пропагандистовъ такъ называемаго „женскаго вопроса", хотя и не избралъ его своей спеціальностью. О женскомъ вопросѣ онъ говорилъ мимоходомъ, посвятилъ много теплыхъ, даже восторженныхъ словъ чувству любви (III, 67, 277), подсмѣивался надъ „платонизмомъ" въ этомъ чувствѣ (III, 335), одобрялъ въ любви „свободу" (II, 356—7), требовалъ гуманнаго и справедливаго отношенія къ „падшимъ" (III, 104, 105, 138, 497). Онъ пока еще не звалъ женщину на общественную работу такъ настойчиво, какъ ее стали звать потомъ, но онъ съ горячностью оттѣнялъ примѣры нравственной стойкости и ума въ тѣхъ женщинахъ, которыхъ художники призывали на работу. Онъ преклонялся передъ простотой логики и передъ гармоніей сердца и воли въ Ольгѣ, невѣстѣ Обломова (II, 524), онъ прославлялъ Катерину въ „Грозѣ" за величіе ея

характера (III, 464—84) и Елену въ „Наканунѣ“ за жажду дѣятельнаго добра (III, 268—9). Онъ чувствовалъ, вѣрилъ, что въ молодомъ женскомъ поколѣніи зрѣетъ великій желанный и стойкій помощникъ тѣмъ новымъ людямъ, на которыхъ онъ возлагалъ бремя общественнаго обновленія.

Итакъ, сложный вопросъ о воспитаніи и образованіи новыхъ силъ былъ разрѣшенъ Добролюбовымъ въ очень простой и общепонятной формѣ. Предоставляя своимъ товарищамъ по журналу составлять программы для *самообразованія*, Добролюбовъ набросалъ для своихъ читателей программу *самовоспитанія*. Она сводилась къ несложнымъ правиламъ: отдаться естественнымъ влеченіямъ, добрымъ по существу, имѣть всегда въ виду не столько теорію, сколько практику жизни, опредѣлить точно, что для этой жизни считаешь разумнымъ и добрымъ; напречь всѣ силы воли и чувствъ для проведенія этого добраго и разумнаго въ жизнь; беречься отъ всякихъ искушеній апатіи, разочарованія и сомнѣній; высоко цѣнить въ жизни непосредственное чувство и знать, что только сильная личность можетъ устоять въ житейской борьбѣ и только личная и общественная иниціатива способна омыть насъ отъ старыхъ грѣховъ.

Но пусть такая личность и народится и размножится—что она должна *дѣлать* и какъ ей вторгнуться въ жизнь со своей работой?

VI.

Начертать *программу*, даже выполнимую, было дѣломъ всетаки относительно легкимъ; гораздо труднѣе было указать тѣ области жизни, съ которыхъ должна начаться *работа* и притомъ не идейная, программная работа, а практическая. Добролюбовъ, который всегда такъ высоко цѣнилъ дѣло, лучше чѣмъ кто-либо понималъ, что то, что онъ дѣлаетъ, есть лишь подготовительная работа; и онъ понималъ, что ничѣмъ инымъ, какъ подготовленіемъ, пропедевтикой, его работа и быть не можетъ.

Добролюбовъ умеръ въ годъ первой реформы; за весь періодъ его дѣятельности (1855—1861) внѣшній строй жизни оставался такимъ, какимъ онъ былъ въ дореформенное время. Люди стали свободнѣе думать, свободнѣе говорить, но рѣшительно ни въ одной области жизни не могли они пока проявить личной иниціативы, кромѣ области взаимнаго самообразованія и самовоспитанія. Указать въ эти годы на прямую практическую

работу, которая отозвалась бы не на частностяхъ жизни, а на существенныхъ ея нервахъ, было невозможно.

Добролюбовъ воздержался отъ всякихъ практическихъ совѣтовъ, которые переступали бы границу намѣченной имъ идейной задачи — создать интеллигентные кадры новыхъ людей, *готовящихся* къ общественной и политической роли. Нѣкоторые изъ его современниковъ, въ которыхъ была очень сильна политическая жилка, считали возможнымъ и нужнымъ даже въ эти годы приступить къ прямой борьбѣ съ правительственной системой, къ чисто политической агитаціи среди общества и массы. Такая ранняя практическая дѣятельность успѣха не имѣла и вывела изъ строя многія очень цѣнныя силы. Отъ такихъ практическихъ выступленій, которыя не всегда свидѣтельствуютъ объ отчетливости и глубинѣ политической мысли, Добролюбовъ уберегся потому, что, любящій во всемъ ясность и опредѣленность, онъ за своими политическими взглядами не могъ признать этихъ качествъ.

Въ самомъ дѣлѣ, еслибы мы пожелали — по тѣмъ документамъ, какіе находятся въ нашихъ рукахъ—возстановить образъ чисто политической мысли Добролюбова, мы едва ли могли бы выйти изъ области предположеній. Ни въ письмахъ, ни въ дневникахъ, ни, тѣмъ болѣе, въ статьяхъ Добролюбовъ не оставилъ намъ никакой политической исповѣди, хотя онъ и говорилъ о разныхъ политическихъ ученіяхъ и пріемахъ при случаѣ, въ особенности по поводу европейскихъ событій его времени.

Ходъ политической мысли Добролюбова былъ приблизительно слѣдующій. Въ ранней юности, какъ онъ самъ признавался, ему грезилась „реформаторская", чуть ли не революціонная дѣятельность. Великая цѣль послужить своей родинѣ въ разрѣшеніи великихъ вопросовъ занимала его необыкновенно сильно. Но тогда уже (1855) „онъ ясно видѣлъ и свое настоящее положеніе, и положеніе русскаго народа, и потому не могъ увлекаться обольстительными мечтами". Въ своемъ дневникѣ за 1857-ой годъ Левицкій также разсказалъ, какъ онъ хотѣлъ оборвать одного товарища, который думалъ было щегольнуть красивымъ республиканствомъ и даже коммунизмомъ. Вообще Добролюбовъ не высказывался о желательности какого-нибудь революціоннаго выступленія. Когда онъ говорилъ о томъ, что мы должны пройти тѣмъ же путемъ, что и Европа, что мы на этомъ пути не совершенно избѣгнемъ ошибокъ и уклоненій, онъ утѣшалъ насъ тѣмъ, что этотъ путь будетъ намъ облегченъ опытомъ другихъ народовъ и что наше гражданское развитіе можетъ нѣсколько скорѣе пе-

рейти тѣ фазисы, которые такъ медленно переходило оно въ Западной Европѣ (III, 187). Въ этой исторической справкѣ, которая могла бы допустить подъемъ протеста и повышенную рѣчь, Добролюбовъ проявилъ полное спокойствіе историка, а не пылъ публициста. То же спокойствіе обнаружилъ онъ и тогда, когда говорилъ, что начало нашего пути должно быть совершаемо съ большею рѣшимостью, спѣшностью и твердостью, нежели продолженіе пути, которое мы видимъ теперь у другихъ народовъ (III, 365). И въ этомъ разсужденіи, которое давало поводъ хоть намекнуть на нѣкоторую возможность рѣшительныхъ выступленій, Добролюбовъ уберегся отъ повышеннаго тона. Наконецъ, когда въ частной перепискѣ, гдѣ онъ могъ говорить вполнѣ свободно, онъ касался современнаго русскаго положенія и собирался „написать много и горячо о той мрачной, безсильной, ожесточенно-грустной тишинѣ, которая господствуетъ теперь между нашими лучшими людьми послѣ тѣхъ неумѣренныхъ надеждъ, какимъ мы предались три года тому назадъ"—онъ и здѣсь ни единымъ словомъ не обмолвился о возможности возмездія правящей силѣ (письмо къ Шемановскому, 1858 г.). Тонъ остается спокойнымъ и годъ спустя. „Наши дѣла здѣсь идутъ плоховато: крутой поворотъ ко времени до крымскому совершается быстро и никто не можетъ остановить его" (письмо къ Златовратскому, 1859 г.). Очень характерно въ данномъ случаѣ одно письмо, написанное въ томъ же году (1859) Словутинскому. Корреспондентъ, кажется, разсердился на Добролюбова за такой спокойный тонъ при столь тревожныхъ обстоятельствахъ. И Добролюбовъ ему пишетъ въ свое оправданіе: „Помилуйте, да гдѣ же я говорилъ: „спите, дескать, все пойдетъ хорошо само-собой, вамъ-то собственно нечего и хлопотать: теперь дѣло сдѣлается и помимо васъ?" Ну нѣтъ! никогда я не былъ такимъ правовѣрующимъ въ ходъ историческаго прогресса. Никогда и въ голову мнѣ не приходило убѣждать общество въ необходимости сидѣть смирно, поджавши ручки. Повторяю: дурно я выразился. А мысль моя была вотъ какая: не все же возбуждать общественное сознаніе кукишами ему подъ носъ—слѣдуетъ иногда показать ему, что и само оно что-нибудь да значитъ, потому что, проснувшись отъ долгаго сна, дѣлаетъ же кое-что помаленьку, а коли способно на это, такъ можетъ и гораздо побольше дѣлать. Я убѣжденъ, что старое умиленіе общества никакъ не можетъ уже вернуться, значитъ нѣтъ никакой опасности указать ему на то, что у него тоже есть силы, что оно эти силы кое-гдѣ и кое въ чемъ въ ходъ уже пустило"... Бо̀льшую

умѣренность въ проявленіи темперамента, чѣмъ въ этомъ отвѣтѣ на вопросъ—на что общество способно?—соблюсти было трудно. Политическій темпераментъ нашего публициста испыталъ нѣкоторое колебаніе только въ послѣдніе годы его жизни, когда Добролюбовъ жилъ за границей. Итальянская война за освобожденіе и объединеніе раскипятила его кровь и, разбираясь въ неаполитанскихъ дѣлахъ (IV, 128—184), разрѣшая себѣ попутно довольно ясные намеки на положеніе дѣлъ въ Россіи, онъ съ нескрываемой симпатіей говорилъ о политическомъ переворотѣ и отнюдь не осуждалъ „головорѣзовъ" (IV, 305—6). Но переворотъ въ Италіи былъ произведенъ не интеллигенціей, а самимъ народомъ, и какъ аналогія не могъ быть использованъ.

Считаясь съ тѣмъ матеріаломъ, какимъ мы располагаемъ, мы можемъ сказать съ увѣренностью, что къ революціонной программѣ сердце Добролюбова не лежало. Не былъ онъ поклонникомъ и формъ конституціонныхъ. Что думалъ онъ о возможности введенія этого строя въ Россіи, мы не знаемъ. При обсужденіи конституціонныхъ порядковъ на западѣ, Добролюбовъ не обнаруживалъ никакого восторга и, наоборотъ, часто давалъ волю своей ироніи. Съ особенно ядовитой насмѣшкой относился онъ къ „либераламъ" въ администраціи и въ прессѣ—къ этимъ передовымъ дѣятелямъ и хвалителямъ конституціоннаго строя. Мишенью нападокъ на либераловъ Добролюбовъ выбралъ извѣстнаго итальянскаго дипломата и государственнаго дѣятеля Кавура, къ которому онъ и отнесся такъ безпощадно строго и несправедливо именно потому, что подозрѣвалъ въ немъ типичнѣйшаго оппортуниста и представителя столь ему противнаго „либерализма". Люди этого типа, по мнѣнію Добролюбова, ведутъ особый образъ жизни. Это—„жизнь созерцательнаго, платоническаго либерализма, крошечнаго, умѣреннаго и не иначе переводящагося изъ словъ въ дѣло, какъ тогда, когда уже оставаться въ бездѣйствіи становится невыгодно и даже, пожалуй, опасно. Этакихъ людей много повсюду; можетъ быть, даже мы припомнимъ нѣсколько знакомыхъ въ подобномъ родѣ. Люди эти не настолько тупы, чтобы не понимать дикости нѣкоторыхъ дикихъ вещей, и потому охотно говорятъ противъ этой дичи, говорятъ обыкновенно тѣмъ охотнѣе, чѣмъ менѣе представляется имъ возможности перейти отъ словъ къ дѣлу. Но—или по темпераменту, или по своему внѣшнему положенію—они никакъ не могутъ дойти до послѣднихъ выводовъ, не въ состояніи принять рѣшительныхъ радикальныхъ воззрѣній, которыя честнаго человѣка обязываютъ уже прямо къ дѣятельности, къ пожертвованіямъ... Нѣтъ, девизъ этакихъ людей, не дѣлать

зла (т.-е. какъ они понимаютъ опять) и даже по возможности дѣлать добро, когда это не представляетъ и малѣйшаго риска. Дальше они нейдутъ" (IV, 260—1). Либералы желаютъ, чтобы все улучшалось понемножку, нимало не безпокоя установленнаго порядка; люди этого характера обыкновенно ограничиваются желаніями и надеждами на правительство и ничего не дѣлаютъ для того, чтобы заставить его приступить къ реформѣ (IV, 262). Когда Добролюбовъ писалъ эти строки, онъ врядъ ли думалъ только объ однихъ итальянцахъ.

Конечный выводъ всѣхъ его статей о заграничныхъ дѣлахъ былъ крайне неблагопріятенъ установившимся на западѣ политическимъ порядкамъ. Народъ, благо котораго было на устахъ у всѣхъ, менѣе всѣхъ выигралъ и выигрываетъ отъ всякихъ либеральныхъ программъ и переворотовъ, которыми такія программы проводятся въ жизнь. Народъ подготовлялъ почву и расчищалъ путь для либеральныхъ идей и ихъ проповѣдниковъ, и этотъ народъ не получилъ ничего (IV, 266). Прежде феодалы налегали на мѣщанъ и на поселянъ, теперь же мѣщане освободились и сами стали налегать на поселянъ, не избавивъ ихъ и отъ феодаловъ. И вышло то, что рабочій народъ остался подъ двумя гнетами. Теперь въ рабочихъ классахъ накипаетъ новое неудовольствіе, глухо готовится новая борьба, въ которой могутъ повториться всѣ явленія прежней. Спасутъ-ли Европу отъ этой борьбы гласность, образованность, и прочія блага—за это едвали кто можетъ поручиться (III, 176).

Если все это такъ, то стоитъ-ли придавать особенное значеніе политическимъ формамъ? — могъ спросить Добролюбовъ. Вопросъ былъ однимъ изъ самыхъ трудныхъ, и дать на него отвѣтъ могла не столько логика, сколько темпераментъ людей, въ немъ заинтересованныхъ. Если этотъ темпераментъ не мирился съ постепенностью политическаго развитія и если люди имѣли готовую, радикальную политическую программу, они должны были стать революціонерами. Если они такой программы не имѣли и не хотѣли довольствоваться промежуточными формами политическаго развитія, имъ оставался только одинъ выходъ: не обольщаться призракомъ „свободъ" и ждать, пока наиболѣе заинтересованная въ этихъ свободахъ масса сама установитъ тотъ строй, который всего больше будетъ соотвѣтствовать ея нуждамъ. Что именно въ Россіи эта послѣдняя мысль могла прельстить прогрессиста — вполнѣ понятно: народная масса на западѣ, въ борьбѣ за свои права, обнаружила какъ будто малую стойкость и желанныхъ свободъ не отвоевала; русскій

народъ, до сей минуты закрѣпощенный, не имѣлъ еще случая проявить своихъ силъ, внѣшнихъ и внутреннихъ. Кто можетъ сказать и предугадать, на что онъ способенъ? Быть можетъ ему-то и суждено будетъ разрѣшить трудную политическую задачу, и онъ въ ея рѣшеніи не дастъ себя въ обиду? Народъ, освобожденный и просвѣщенный, можетъ уготовить намъ великія неожиданности.

Говоря разныя колкости по адресу „близорукихъ либераловъ", Добролюбовъ писалъ: „они никакъ не могутъ понять равнодушія человѣка, напр., къ какимъ-нибудь измѣненіямъ въ формѣ правленія; не могутъ простить, если кто съ холодностью приметъ какія-нибудь либеральныя фразы или новыя формы учрежденій. Они никакъ не могутъ дорости до взгляда человѣка, который ищетъ только существеннаго добра, мало обращая вниманія на внѣшнюю форму, въ которой оно можетъ проявиться" (II, 350). Себя самого онъ, очевидно, причислялъ къ людямъ, которые способны дѣлать различіе между сущностью и видимостью.

Въ его размышленіяхъ о видимой людямъ цѣли историческаго процесса благо и счастье народныхъ массъ стояло на первомъ планѣ. Никакой блескъ культурности не прельщалъ его, если эта культурность не была поддержана экономическимъ, умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ массы. Въ своемъ дневникѣ Добролюбовъ однажды записалъ такія строки: „я—отчаянный соціалистъ, хоть сейчасъ готовый вступить въ небогатое общество, съ равными правами и общимъ имуществомъ всѣхъ членовъ... Для меня идеала (политическаго строя) на землѣ еще не существуетъ, кромѣ развѣ демократическаго общества, митингъ котораго описалъ Герценъ". Слова „соціалистъ" и „демократъ"—наиболѣе подходящія, если ужъ какими-нибудь общими словами опредѣлять политическій образъ мыслей Добролюбова. Не надо только эти слова связывать съ какой-нибудь опредѣленной политической программой. Съ ученіями западнаго соціализма, преимущественно утопическаго характера, Добролюбовъ былъ знакомъ если не по оригиналамъ, то по частымъ бесѣдамъ, которыя велись въ тогдашнихъ радикальныхъ кружкахъ. Жизнеописанію одного изъ такихъ соціалистовъ—Овэна—онъ посвятилъ даже цѣлую статью, въ которой высказывалъ сожалѣніе о томъ, что не можетъ пуститься въ общія теоретическія соображенія, въ виду рѣзкаго противорѣчія между принципами Овэна и всѣмъ, что обыкновенно принимается за истину въ нашемъ обществѣ (IV, 63). Судя по тону статьи, Добролюбовъ какъ будто вѣрилъ въ жизнеспособность такихъ утопій, но болѣе точныхъ и полныхъ указаній

на это ни въ его статьяхъ, ни въ его письмахъ не имѣется. Встрѣчаются лишь неоднократно страницы, говорящія о большой симпатіи Добролюбова къ „трудящимся“ классамъ и вообще къ демократическому началу, идущему на смѣну прежней аристократической тенденціи. За такой демократизмъ, послѣдовательно проведенный въ жизнь, Добролюбовъ восхвалялъ государственное устройство Сѣверо-Американскихъ штатовъ (II, 476, 468, 471). Онъ говорилъ объ этомъ устройствѣ такимъ повышеннымъ тономъ, что можно было подумать, будто онъ предлагаетъ его намъ въ образецъ. Неоднократно касался онъ въ своихъ статьяхъ и рабочаго движенія (III, 176), и, само собою разумѣется, говорилъ о немъ такъ, какъ могъ говорить лишь правовѣрный „демократъ“ и „соціалистъ“. И тотъ, и другой вѣроятно подписались бы подъ такимъ взглядомъ на ходъ міровой исторіи: „массы народныя всегда чувствовали, хотя и смутно и какъ-бы инстинктивно, то, что находится теперь въ сознаніи людей образованныхъ и порядочныхъ. Въ глазахъ истинно образованнаго человѣка нѣтъ аристократовъ и демократовъ, нѣтъ бояръ и смердовъ, браминовъ и парій, а есть только люди *трудящіеся* и *дармоѣды*. Уничтоженіе дармоѣдовъ и возвеличеніе труда—вотъ постоянная тенденція исторіи. По степени большаго или меньшаго уваженія къ труду и по умѣнью оцѣнивать трудъ болѣе или менѣе соотвѣтственно его истинной цѣнности можно узнать степень цивилизаціи народа. Степень возможности и распространенія дармоѣдства въ народѣ можетъ служить безошибочнымъ указателемъ большей или меньшей недостаточности его цивилизаціи. Вниманіе историка заслуживаютъ съ одной стороны права рабочихъ классовъ, а съ другой—дармоѣдство во всѣхъ его видахъ—въ печальномъ ли *табу* океанійскихъ дикарей, въ индійскомъ ли браминствѣ, въ персидскомъ ли сатрапствѣ, римскомъ патриціанствѣ, средневѣковой десятинѣ и феодализмѣ; или въ современныхъ откупахъ, взяточничествѣ, казнокрадствѣ, прихлебательствѣ, служебномъ бездѣльничествѣ, крѣпостномъ правѣ, денежныхъ бракахъ, дамахъ-камеліяхъ и другихъ подобныхъ явленіяхъ, которыхъ еще не касалась даже сатира. При разсмотрѣніи всего этого выкажутся и степень распространенія знаній въ народѣ, и степень его нравственной силы. Нигдѣ дармоѣдство не исчезло, но оно постепенно вездѣ уменьшается съ развитіемъ образованности“ (II, 293, 294).

Можно было увлекаться соціалистическими утопіями, много думать о рабочемъ вопросѣ и при случаѣ писать о немъ, можно было высказывать симпатію къ извѣстнымъ демократическимъ

укладамъ государственной жизни, можно было быть принципіальнымъ демократомъ—и всетаки не имѣть политической программы. Въ вопросахъ политики Добролюбовъ и былъ такимъ соціалистомъ и демократомъ общегуманитарнаго типа. Предложить читателю какую-нибудь политическую программу онъ не могъ. Въ революціонеры онъ не годился, конституціонный либерализмъ былъ ему очень подозрителенъ, соціализмъ былъ дорогъ его сердцу, но вѣры въ возможность немедленнаго его насажденія въ Россіи Добролюбовъ не имѣлъ. И на всѣ вопросы о желанномъ политическомъ строѣ, которые онъ самъ себѣ задавалъ въ тиши, онъ, вѣроятно, отвѣчалъ такъ: подождемъ, что скажетъ самъ народъ, на пользу котораго собственно и должны пойти всѣ наши размышленія и наши планы. Пока онъ молчитъ, до тѣхъ поръ рискованно говорить за него; заговоритъ онъ, вѣроятно, очень скоро, и тогда русскій интеллигентъ въ своихъ практическихъ стремленіяхъ станетъ на твердую почву. Теперь же остается вѣрить въ народъ и готовиться къ его пришествію.

VII.

И Добролюбовъ призывалъ къ этой вѣрѣ, и къ встрѣчѣ ожидаемаго союзника. Общій смыслъ того, что онъ писалъ по этому вопросу, сводился къ слѣдующему.

Съ освобожденіемъ крестьянъ и съ общественнымъ броженіемъ, которое становилось замѣтно, начинается новая жизнь и для народной массы и для насъ, для людей образованныхъ. До сихъ поръ мы и народъ жили и дѣйствовали разъединенно; одна сила совсѣмъ не считалась съ другой и даже не знала, какъ живетъ другая. Отнынѣ намъ суждено дѣйствовать сообща, и только совмѣстная и дружная наша работа можетъ дать благіе результаты. Въ прошломъ наиболѣе обиженной и пострадавшей была крестьянская масса. Ею жило государство, на ея счетъ жило интеллигентное общество, но своихъ обязанностей передъ этой массой ни государство, ни мы не выполняли. Долги интеллигенціи передъ народомъ возрастали, и вотъ теперь наступилъ моментъ, когда по нимъ платить должно и можно. Къ счастію нашему, несмотря на ужасающія условія, въ которыхъ народу пришлось жить, онъ сохранилъ здравый смыслъ, нравственное чувство и силу воли—онъ не растерялся, не размякъ, не впалъ въ безвольную апатію, какъ мы, интеллигенты; и если теперь мы начнемъ сближаться съ народомъ и будемъ относиться

къ нему не съ гордыней, а съ подобающимъ признаніемъ его силы, то при этомъ союзѣ мы сами станемъ нравственно сильнѣе и умственно устойчивѣе. Первая и прямая обязанность наша—вступить въ такой союзъ съ народомъ, на равныхъ правахъ съ нимъ. Этотъ союзъ потребуетъ нашего служенія народнымъ интересамъ—задача, далеко не столь простая и легкая, какъ она на первый взглядъ кажется. И прежде, чѣмъ начать служить народу въ той или иной области житейскихъ явленій, намъ необходимо самихъ себя воспитать въ демократическомъ духѣ, чтобы служеніе наше было свободно отъ всякой гордыни. Демократическій духъ—не что иное, какъ широко понятое чувство гражданственности. На появленіе отдѣльныхъ исключительныхъ личностей, готовыхъ для гражданскаго подвига, можно, конечно, и теперь разсчитывать; но при той огромной работѣ, которая насъ ожидаетъ такія исключенія недостаточны или слабы. Необходима массовая работа, и образованную массу хотя-бы среднихъ силъ и способностей надо съорганизовать какъ можно скорѣе. Старшее поколѣніе едвали можетъ вступить въ ея ряды—и вся надежда на поколѣніе молодое, воспитанное въ духѣ демократическомъ, въ новомъ духѣ, соотвѣтствующемъ потребностямъ измѣняющейся гражданской жизни.

VIII.

На великое служеніе призывается теперь именно молодежь.

„Зрѣлые мудрецы“ выказали всѣ наличныя силы, сколько было у нихъ—и оказалось, что они не могутъ стать въ уровень съ современными потребностями. Юноши, доселѣ занимавшіеся вмѣстѣ съ зрѣлыми мудрецами пораженіемъ семидесятилѣтнихъ старцевъ, рѣшились теперь перенести свою критику и на людей пятидесяти и даже сорока лѣтъ (II, 380), и эта критика убѣдила ихъ въ томъ, что начиная съ 1848-го года старшее поколѣніе погружалось въ какую-то апатію и связь его съ жизнью ослабѣвала. Люди этого поколѣнія слишкомъ книжно и слишкомъ гордо взглянули на свое призваніе; они сочли себя чѣмъ-то высшимъ и подумали, что жизнь безъ нихъ обойтись уже вовсе не можетъ. Утвердившись въ такомъ отвлеченномъ и высокопарномъ убѣжденіи, они и не догадались, что жизнь все-таки идетъ своимъ чередомъ, все-таки заявляетъ свои требованія, вырабатываетъ новыя понятія, ставитъ новые вопросы и представляетъ данныя для ихъ разрѣшенія (II, 382). Но зрѣлые люди имѣли все-таки

настолько мужества, чтобы выступить судьями того поколѣнія, которое имъ предшествовало. Современнымъ юношамъ это очень понравилось; они почувствовали сердечное влеченіе къ зрѣлымъ людямъ, такъ рѣзко отвергающимъ ненавистный принципъ безотвѣтственности младшаго передъ старшимъ; они стали съ почтеніемъ прислушиваться къ ихъ мудрымъ рѣчамъ, увидѣли, что говорятся хорошія вещи о правдѣ, чести, просвѣщеніи и т. п. и рѣшили, что несмотря на свой почтенный возрастъ, зрѣлые мудрецы принадлежатъ къ *новому* времени, что они составляютъ одно съ *новымъ* поколѣніемъ, а отъ стараго бѣгутъ какъ отъ заразы. Между двумя поколѣніями заключенъ былъ, безмолвно и сердечно, крѣпкій союзъ противъ третьяго поколѣнія, отжившаго, парализованнаго, охладѣвшаго. Но не прошло и года (1855), какъ молодые люди увидѣли непрочность и безполезность своего союза съ зрѣлыми мудрецами. Во всей пожилой фалангѣ оказалось очень немного именъ, которыя можно бы было поставить во главѣ новаго движенія. Бо́льшая часть прежнихъ дѣятелей, давно уже потерявшая возможность гласнаго выраженія идей и стремленій, совершенно отчаялась въ теченіи этого времени въ дальнѣйшемъ прогрессѣ общества, перестала слѣдить за жизненнымъ движеніемъ событій, сложила руки и осталась въ пассивномъ созерцаніи до тѣхъ поръ, пока сила событій опять не вызвала ихъ къ дѣятельности. Естественно, что они теперь почувствовали себя какъ-то не въ своей тарелкѣ и не знали, что имъ дѣлать и говорить. Начали они съ того, что стали пробовать и разминать свой языкъ, желая убѣдиться, что онъ не разучился произносить человѣческіе звуки. На первый разъ принялись болтать о томъ, что говорить лучше, чѣмъ молчать; потомъ разсказывали о своемъ недавнемъ снѣ и выражали радость о своемъ пробужденіи; затѣмъ жалѣли, что послѣ долгаго сна голова у нихъ не свѣжа, и доказывали, что не нужно спать слишкомъ долго; послѣ того, оглядѣвшись кругомъ себя, замѣчали, что уже день наступилъ и что днемъ нужно работать; далѣе утверждали, что не нужно заставлять людей работать ночью и что работа во тьмѣ прилична только ворамъ и мошенникамъ и т. д. Долго неопытная молодежь рукоплескала заговорившимъ пожилымъ мудрецамъ, какъ рукоплещутъ въ театрѣ выходу любимаго актера зрители, заранѣе убѣжденные, что онъ отлично сыграетъ свою роль. Но съ каждымъ словомъ почтенныхъ дѣятелей все яснѣе обозначалось ихъ безсиліе. Возложивши свои надежды на лучшихъ людей предшествующаго поколѣнія, молодежь увидѣла себя въ положеніи больного человѣка, который обратился

за излеченіемъ къ прославленному доктору, уже лѣтъ за двадцать до того оставившему практику... Живая и свѣжая часть русскаго общества нашла необходимымъ отказаться наконецъ отъ почтенныхъ и умныхъ фразеровъ, вызвавшихся лечить общественныя раны земли русской... Теперь уже всякій гимназистъ, всякій кадетъ, семинаристъ—понимаютъ такія вещи, бывшія тогда доступными только лучшимъ изъ профессоровъ; а они и теперь говорятъ объ этихъ вещахъ съ важностью и съ азартомъ, какъ о предметахъ высшаго философскаго разумѣнія (II, 382—5).

Легко ли было людямъ старшаго поколѣнія читать такія строки? И едва ли Добролюбовъ могъ смягчить ихъ сердца, когда, понижая тонъ, продолжалъ: „Люди *того* поколѣнія, проникнуты были высокими, но нѣсколько отвлеченными стремленіями. Они стремились къ истинѣ, желали добра, ихъ плѣняло все прекрасное; но выше всего былъ для нихъ *принципъ*. Принципомъ же называли общую философскую идею, которую признавали основаніемъ всей своей логики и морали. Страшной мукой сомнѣнія и отрицанія купили они свой принципъ и никогда не могли освободиться отъ его давящаго, мертвящаго вліянія. Что-то пантеистическое было у нихъ въ признаніи принципа: жизнь была для нихъ служеніемъ принципу, человѣкъ—рабомъ принципа; всякій поступокъ, не соображенный съ принципомъ, считался преступленіемъ. Отвлекшись такимъ образомъ отъ дѣйствительной жизни и обрекши себя на служеніе принципу, они не умѣли вѣрно разсчитывать свои силы и взяли на себя гораздо больше, чѣмъ сколько могли сдѣлать. Отсюда вѣчно фальшивое положеніе, вѣчное недовольство собой, вѣчное ободреніе и расшевеливанье себя громкими фразами и вѣчныя неудачи въ практической дѣятельности. Мало по-малу они вошли въ свою пассивную роль и изъ всего прежняго сохранили только юношескую восторженность, да наклонность потолковать съ хорошимъ человѣкомъ о пріятномъ обращеніи и помечтать о мостикѣ черезъ рѣчку. Разумѣется были и есть въ этомъ поколѣніи люди, которые вовсе не подходятъ подъ общую норму, нами указанную. Таковъ былъ Бѣлинскій; таковы были еще пять-шесть человѣкъ, умѣвшихъ довести въ себѣ отвлеченный философскій принципъ до реальной жизненности и истинной, глубокой страстности. Эти люди высшаго разбора, передъ которыми съ изумленіемъ преклонится всякое поколѣніе. Кромѣ ихъ были и другіе сильные люди, умѣвшіе на всю жизнь сохранить „святое недовольство“ и рѣшившіеся продолжать свою борьбу съ обстоятельствами до истощенія послѣднихъ силъ; эти люди всегда

стояли въ уровень съ событіями и какъ только явилась имъ опять возможность дѣйствовать, они радушно и вполнѣ сознательно подали руку молодому поколѣнію" (II, 390—391).

Но какъ бы Добролюбовъ ни золотилъ комплименты, на какія бы исключенія изъ общаго правила онъ ни указывалъ — осужденіе старшаго поколѣнія въ его цѣломъ было высказано имъ рѣшительно и откровенно, такъ же смѣло, какъ и восторженный привѣтъ поколѣнію новому, которое призывалось теперь на работу.

IX.

Добролюбовъ привѣтствовалъ молодежь какъ силу уже сложившуюся, уже окрѣпшую; онъ—правда, съ нѣкоторыми оговорками—предполагалъ въ ней уже существующими всѣ тѣ качества, которыя считалъ желанными и нужными.

Если вѣрить ему, то молодые люди уже и теперь (1858) успѣли усвоить „реалистическій" образъ мыслей и успѣли запастись большими знаніями. „Молодые люди нынѣ не только парацельсовскія мечтанія называютъ, не обинуясь, вздоромъ, но даже находятъ заблужденія у Либиха, читаютъ Молешотта, Дюбуа-Раймона и Фохта, да и тѣмъ еще не вѣрятъ на слово, а стараются провѣрять и даже дополнять ихъ собственными соображеніями. Нынѣшніе молодые люди, если ужъ занимаются естественными науками, то соединяютъ съ этимъ и философію природы, въ которой, опять, слѣдуютъ не Платону, не Окену, даже не Шеллингу, а лучшимъ, наиболѣе смѣлымъ и практическимъ изъ учениковъ Гегеля (I, 526—7)".

И молодежь не только обладаетъ уже вполнѣ современнымъ образомъ мысли, но и характеръ ея уже успѣлъ стать стойкимъ и самостоятельнымъ,—потому что вообще живые инстинкты слишкомъ громко говорятъ въ молодости въ пору пылкой юности; сознаніе личнаго достоинства, личныхъ человѣческихъ правъ слишкомъ ясно въ душѣ, еще не забитой жизненными неудачами; жажда самостоятельной, свободной дѣятельности слишкомъ сильна, чтобы молодымъ людямъ могло нравиться гнилое, тупоумное ученіе о приниженіи личности, объ аскетическомъ, безплодномъ пожертвованіи живою дѣятельностью ради какого-то внѣшняго, невѣдомо кѣмъ и какъ установленнаго принципа о долгѣ и нравственности (III, 315).

Отъ пожилыхъ людей обыкновенно разсыпаются молодому поколѣнію упреки въ холодности, черствости, безстрастіи. Го-

ворятъ, что нынѣшіе люди измельчали, стали неспособны къ высокимъ стремленіямъ, къ благороднымъ увлеченіямъ страсти. Все это, можетъ быть, чрезвычайно справедливо въ отношеніи ко многимъ, даже къ большинству нынѣшнихъ молодыхъ людей... но названіе молодого поколѣнія не надо ограничивать теперешними юношами, а надо распространить его и на тѣхъ, которые находятся еще въ пеленкахъ. Молодые люди, уже заявившіе себя на жизненномъ поприщѣ, принадлежатъ большею частью еще къ промежуточному времени. Ихъ еще смущаетъ принципъ, а между тѣмъ жизнь уже сильнѣе предъявляетъ надъ ними свои права, нежели надъ людьми прошлаго поколѣнія; оттого они часто и шатаются въ обѣ стороны и ничему не могутъ отдаться всей силою души. Но за ними, и отчасти среди нихъ, виднѣется уже другой общественный типъ, типъ людей реальныхъ, съ крѣпкими нервами и здоровымъ воображеніемъ. Они не исключительно привязали себя къ принципу, имѣя возможность и силы повѣрять его и соразмѣрять съ жизнью. Осмотрѣвшись вокругъ себя, они, вмѣсто всѣхъ туманныхъ абстракцій и призраковъ прошедшихъ поколѣній, увидѣли въ мірѣ только человѣка, настоящаго человѣка, состоящаго изъ плоти и крови, съ его дѣйствительными, а не фантастическими отношеніями ко всему внѣшнему міру. Они въ самомъ дѣлѣ стали мельче, если хотите, и потеряли ту стремительную страстность, которою отличалось прошлое поколѣніе; но зато они гораздо тверже и жизненнѣе. Не говоримъ о фанатикахъ, которые всегда были и будутъ какъ исключеніе; но въ общей своей массѣ молодые люди нынѣшняго поколѣнія отличаются спокойствіемъ и тихою твердостью. Это происходитъ въ нихъ прежде всего, разумѣется, оттого, что нервы еще не успѣли разстроиться. Но есть и другая причина: они спустились изъ безграничныхъ сферъ абсолютной мысли и стали въ ближайшее соприкосновеніе съ дѣйствительной жизнью. Люди новаго времени не только поняли, но и прочувствовали, что абсолютнаго въ мірѣ ничего нѣтъ, а все имѣетъ только относительное значеніе. На первомъ планѣ всегда стоитъ у нихъ человѣкъ и его прямое, существенное благо; эта точка зрѣнія отражается во всѣхъ ихъ поступкахъ и сужденіяхъ. Ихъ послѣдняя цѣль—не совершенная, рабская вѣрность отвлеченнымъ высшимъ идеямъ, а принесеніе возможно большей пользы человѣчеству; не тѣ событія обращаютъ на себя особое ихъ вниманіе, которыя имѣютъ характеръ грандіозный и патетическій, а тѣ, которыя сколько-нибудь подвинули благосостояніе массъ человѣчества. Такимъ образомъ стремленія людей новыхъ, ставши гораздо ближе къ

жизни и людямъ, естественно принимаютъ характеръ болѣе мягкій, осторожный, болѣе щадящій, нежели бьющій. Немудрено, разумѣется, проскакать во всю конскую прыть по чистому полю; но ежели вамъ скажутъ, что на дорогѣ въ разныхъ мѣстахъ лежатъ и спятъ ваши братья, которыхъ вы можете растоптать, то, конечно, вы поѣдете нѣсколько осторожнѣе. Такъ обыкновенно и поступаютъ эти люди; мудрено-ли же, что въ нихъ незамѣтно той стремительности, какая отличала людей, руководившихся только принципомъ? Кромѣ всего этого, прибавилась у молодыхъ поколѣній и опытность, которой такъ не доставало прежнимъ. Люди новаго времени приняли отъ своихъ предшественниковъ ихъ убѣжденія какъ готовое наслѣдіе; но тутъ же они приняли и жизненный урокъ ихъ, состоящій въ томъ, что *надрываніе* себя вовсе не есть доказательство великой души, а просто признакъ нервнаго разстройства. Прежніе молодые люди постоянно ставили себя въ положеніе шахматнаго игрока, который желаетъ сдѣлать своему противнику знаменитый *трехъ ходовой матъ*. Нынѣшніе молодые люди считаютъ нелѣпымъ фарсомъ даже удачу этого рода; они хотятъ вести правильную, серьезную игру, они подвигаются понемножку, заранѣе обдумавъ планъ аттаки и безпрестанно слѣдя за всѣми движеніями противника. Они также добьются своего шаха и мата; но ихъ образъ дѣйствій вѣрнѣе, хотя, вначалѣ, игра и не представляетъ ничего блестящаго и поразительнаго. Вообще молодое дѣйствующее поколѣніе нашего времени не умѣетъ блестѣть и шумѣть. Въ его голосѣ, кажется, нѣтъ кричащихъ нотъ, хотя и есть звуки очень сильные и твердые. Даже въ гнѣвѣ оно не кричитъ; тѣмъ менѣе возможенъ для него порывистый крикъ радости или умиленія. За это его упрекаютъ обыкновенно въ безстрастіи и безчувственности—и упрекаютъ несправедливо. Люди нынѣшняго поколѣнія не думаютъ, что они могутъ по произволу передѣлать исторію, не считаютъ себя избавленными отъ вліянія обстоятельствъ; ясное сознаніе своего положенія не допускаетъ ихъ входить въ азартъ и убиваться изъ пустяковъ. Но въ тоже время они вовсе не впадаютъ въ апатію и безчувственность, потому что сознаютъ и свое значеніе. Они смотрятъ на себя какъ на одно изъ колесъ машины, какъ на одно изъ обстоятельствъ, управляющихъ ходомъ міровыхъ событій; они никакимъ кумирамъ не поклоняются, они отстаиваютъ самостоятельность и полноправность своихъ дѣйствій противъ всѣхъ случайно возникающихъ претензій. Они дѣлаютъ свое дѣло ровно и спокойно, не дѣлаютъ ни одного лишняго движенія по своему капризу, а

если и сдѣлаютъ что лишнее, то не гордятся этимъ, а прямо сознаются, что сдѣлали лишнее (II, 391—4).

Вѣрна ли эта характеристика молодого поколѣнія 1859-го года? Были ли тогда выдержка ума и воли и вѣрный подсчетъ своихъ силъ наличными добродѣтелями молодежи, какъ утверждалъ Добролюбовъ? Едва ли. Эти чрезмѣрныя похвалы молодому поколѣнію могли быть извѣстнымъ педагогическимъ пріемомъ, разсчитаннымъ на то, чтобы увѣрить начинавшихъ свою жизнь молодыхъ людей въ томъ, что у нихъ уже есть много единомышленниковъ и союзниковъ — тѣмъ болѣе, что Добролюбовъ въ другихъ случаяхъ, и въ прозѣ, и въ стихахъ, говорилъ, и довольно рѣзко, о разныхъ нежелательныхъ сторонахъ ума и характера современной ему молодежи.

X.

Такова была оцѣнка современнаго положенія, данная Добролюбовымъ. Въ молодыхъ сердцахъ и умахъ она быстро оттѣснила воспоминанія о возвышенныхъ рѣчахъ людей старшаго поколѣнія и понравилась больше, чѣмъ сходная съ ней, но болѣе широкая по замыслу и болѣе тревожная по настроенію публицистика Герцена и его товарищей. И вполнѣ естественно, что побѣда осталась за словомъ простымъ и неперегруженнымъ идеями и чувствами.

Подростало и уже частью подросло новое поколѣніе, которое хотѣло знать, что̀ же надлежитъ дѣлать? На этотъ вопросъ Добролюбовъ далъ отвѣтъ, хоть и скромный, но вполнѣ ясный. Онъ говорилъ, что надо готовиться къ дѣлу, къ самому неотложному дѣлу, которое можетъ въ любой моментъ всей своей тяжестью упасть на насъ, какъ только народъ выйдетъ изъ безправнаго состоянія. И именно на интеллигентныхъ людей, на общество упадетъ эта работа, такъ какъ надежды на благотворную дѣятельность правительства уменьшаются съ каждымъ годомъ. Передъ нами стоитъ задача служенія народу. Выполнить ее какъ должно мы сможемъ лишь при условіи: 1) если мы будемъ знать, что̀ нужно ему, этому великому нашему союзнику въ дѣлѣ обновленія родины и 2) если мы будемъ знать, чѣмъ мы сами должны быть, чтобы стать дѣйствительно его союзникомъ. Чего онъ хочетъ, и что̀ ему нужно — это мы скоро узнаемъ, какъ только онъ самъ заговоритъ и начнетъ двигаться послѣ вѣковой подневольной спячки. Надо вы-

ждать: говорить за него, рѣшать что-либо безъ него, начать ему навязывать свои мысли—не слѣдуетъ. Отложимъ эту часть нашего дѣла—ждать не долго — и отдадимъ всѣ наши силы на выполненіе не менѣе важной части: на воспитаніе и образованіе самихъ себя, на выработку новаго типа служителя народнымъ интересамъ. Выполнить эту часть общей программы возможно, даже при томъ стѣсненномъ общественномъ положеніи, въ какомъ мы находимся. Надо на земной плоскости придвинуться къ народу — къ главной цѣли всѣхъ нашихъ стремленій, а для этого надо твердо стоять на землѣ и умѣть цѣнить земныя насущныя потребности всей сплотившейся въ единое государство массы. Наши предшественники — тѣ слишкомъ высоко витали надъ жизнью. Горизонтъ ихъ мыслей былъ необъятенъ, въ немъ сливалось небесное съ земнымъ, причудливо измышленное съ реальнымъ, дальнее прошлое съ далекимъ будущимъ, и различить на землѣ то мелкое, съ виду ничтожное, но необходимое, безъ чего человѣкъ не можетъ сдѣлать слѣдующаго шага по этапу жизни, этого они не могли, они—искатели вѣчныхъ истинъ, созерцатели Бога, поклонники безплотной красоты и добра, почивающаго въ нѣдрахъ абсолюта. Намъ надо излечиться отъ этой страсти взлетать мыслью такъ высоко и надо пройти хорошую и трезвую школу „реальныхъ" наукъ и позитивнаго мышленія. Строгая наука и новые методы въ рѣшеніи общихъ вопросовъ прикуютъ насъ къ землѣ и мы по ней пойдемъ къ ближайшей цѣли—къ служенію земнымъ интересамъ цѣлой массы людей, которые несчастны именно тѣмъ, что ужасающія земныя условія лишаютъ ихъ возможности проявить таящіяся въ нихъ духовныя силы.

Но для побѣдоноснаго шествія по землѣ мало дисциплинированнаго, трезваго образа мыслей: нуженъ стойкій, выносливый характеръ, нужна желѣзная воля, которая, намѣтивъ себѣ цѣль въ жизни, идетъ къ ней неуклонно въ непоколебимомъ сознаніи своей правоты и съ полнымъ довѣріемъ къ себѣ самой и къ людямъ.

Людей съ такимъ темпераментомъ, характеромъ и волей надо создать. Они несомнѣнно явятся скоро, и хорошимъ урокомъ послужитъ намъ и здѣсь судьба нашихъ ближайшихъ предшественниковъ, которые такъ много говорили о роли личности, объ ея цѣнности и такъ мало были способны поднять ея реальную стоимость. Въ чемъ заключался грѣхъ той личности, которая въ недавнемъ прошломъ была такъ красива и эффектна,—догадаться не трудно. Поставивъ себѣ задачу необъятно широкую и не разсчитавъ своихъ силъ, люди старшаго

поколѣнія должны были постоянно перенапрягать свои нервы и потому быстро устать духомъ и тѣломъ. Они могли быть очень умными людьми и весьма благородными, но для будничной работы не годились: характеромъ, нужнымъ для такой работы, они не обладали, темпераментъ ихъ былъ романтическій, порывистый; они не гнулись, а ломались при встрѣчѣ съ препятствіями, и воля ихъ, порой очень сильная, лишь на короткій срокъ могла выдержать напоръ жизни. Отъ всѣхъ этихъ болѣзней воли и чувствъ можно излечиться, если начать внимательно и систематично воспитывать въ себѣ характеръ, нужный для данной минуты практической и сосредоточенной работы. Такое воспитаніе не потребуетъ отъ человѣка большихъ жертвъ: наоборотъ, оно разрѣшитъ ему болѣе простое, даже болѣе „эгоистическое" отношеніе къ жизни, освободивъ его отъ тираніи разныхъ отвлеченныхъ призраковъ, которые становятся между нимъ и людьми. Надо дать болѣе свободный ходъ естественнымъ склонностямъ, и онѣ сами приведутъ насъ къ добру; надо пріучить себя сильно хотѣть того, что считаешь разумнымъ и добрымъ и не впадать въ истерику ни въ минуту успѣшной работы, ни въ минуту просчета. И наступая, и отступая надо сохранять власть надъ собой, иначе рискуешь впасть въ то противорѣчіе, въ какое впадали недавніе дѣятели, даже самые смѣлые изъ нихъ, когда они метались изъ стороны въ сторону, то кипѣли революціонными страстями, то какъ доктринеры сами себя критиковали и терялись въ сомнѣніяхъ, то какъ сентименталисты готовы были броситься врагу въ объятія. Поэтому-то такіе люди и остались въ одиночествѣ, а наша задача—сплотить возможно скорѣе единомышленниковъ въ тѣсный союзъ. Укрѣпимъ въ себѣ сознаніе нашей цѣнности какъ личности, будемъ цѣнить эту личность въ ближнихъ, изберемъ единую цѣль, достижимую и предъ глазами лежащую, и, объединенные однимъ міросозерцаніемъ и сходной выправкой воли и темперамента — пойдемъ смѣло впередъ по землѣ. Первые люди, которые намъ на этомъ пути попадутся, будутъ наши союзники,—тѣ, которые въ насъ такъ нуждаются и въ которыхъ мы такъ нуждаемся: наши „простые" люди, нашъ народъ. Мы будемъ готовы для служенія ему, а онъ къ тому времени сможетъ сказать намъ, въ чемъ его нужды и каковы его идеалы.

XI.

Молодые люди, прослушавъ такія рѣчи, обращенныя прямо къ нимъ, съ большими похвалами по ихъ адресу, — похвалами,

пока еще мало заслуженными, и потому тѣмъ болѣе лестными,— естественно должны были откликнуться всей душой на призывъ Добролюбова. Все въ этомъ призывѣ казалось имъ яснымъ, неопровержимымъ, обѣщающимъ побѣду и легко выполнимымъ. Одна лишь трудность грозила издали: съ чего и какъ начать свою службу народу, когда онъ наконецъ заговоритъ и зашевелится и когда свершившаяся реформа позволитъ образованному человѣку подойдти къ нему вплотную?

Но пока Добролюбовъ жилъ и дѣйствовалъ, народъ не получалъ еще свободы дѣйствія и рѣчи. Онъ кое-гдѣ глухо или открыто волновался, но, въ общемъ, терпѣливо ждалъ перемѣны своей судьбы. Образованный человѣкъ передового лагеря имѣлъ достаточно времени, чтобы заняться собой.

Подъ руководствомъ Добролюбова онъ занялся самовоспитаніемъ, а программу самообразованія стали вырабатывать для него другіе сотрудники „Современника", во главѣ съ Чернышевскимъ.

Несторъ Котляревскій.

ДВѢ ХОЛЕРЫ

I.

Эта статья о двухъ холерахъ была написана сначала для распространенія среди французскихъ читателей нѣкоторыхъ правилъ гигіены, имѣющихъ для Франціи особенное значеніе. При все уменьшающемся наростаніи населенія въ ней, происходящемъ отъ недостаточной рождаемости, возможно большее сохраненіе жизней является для нея дѣломъ первостепенной важности. Между тѣмъ смертность во Франціи, несмотря на сравнительно меньшее количество дѣтей, больше чѣмъ во многихъ странахъ Европы съ бо̀льшимъ количествомъ рожденій.

Въ виду этого, государственные дѣятели Франціи очень озабочены будущностью страны, которой грозитъ если не вымираніе, то значительное ослабленіе и, пожалуй, перспектива потери части государства или подчиненія болѣе плодовитому и сильному сосѣду. Фактомъ, производящимъ наиболѣе сильное впечатлѣніе, является то, что со времени войны 1870-го года населеніе Франціи увеличилось всего на три милліона, между тѣмъ какъ населеніе Германіи за то же время возросло болѣе чѣмъ на двадцать милліоновъ. Французскіе законодатели назначаютъ комиссіи и всячески стараются побороть глубоко вошедшее въ нравы французовъ нежеланіе имѣть многочисленное потомство. Размноженіе у нихъ подчиняется голосу разсудка и расчету, въ который не входятъ соображенія о будущности и о величіи Франціи. Противъ этого предлагаютъ уменьшеніе податей для родителей, имѣющихъ по нѣскольку дѣтей, налогъ на холостыхъ и бездѣтныхъ и т. под., то есть такія мѣры, которыя конечно не въ состояніи увеличить рождаемости.

Съ точки зрѣнія всеобщаго мира незначительный процентъ увеличенія французскаго населенія составляетъ явленіе желательное, такъ какъ французы—несомнѣнно самый воинственный народъ въ Европѣ, больше всего любящій военную славу. Между тѣмъ, сознаніе своей сравнительной малочисленности безспорно охлаждаетъ ихъ воинственный задоръ. Но зато исчезновеніе Франціи въ будущемъ или же низведеніе ея на низшую степень не можетъ не оказать вреднаго вліянія на судьбы человѣчества. Французы—не только самый воинственный, но въ тоже время и самый талантливый и умный народъ, способный проявить большую иниціативу и потому могущій оказать въ дальнѣйшемъ большія услуги людямъ, стремящимся къ разумному и счастливому существованію.

Въ виду невозможности побудить французовъ къ усиленному размноженію, остается сосредоточить все вниманіе на уменьшеніи среди нихъ смертности. Въ послѣдней одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ смертность отъ холеры дѣтей по первому году, уносящая ежегодно болѣе пятнадцати тысячъ младенцевъ. При такихъ условіяхъ перспектива эпидеміи азіатской холеры, надвигающаяся съ нѣсколькихъ сторонъ, становится особенно страшной. Вотъ почему ознакомленіе французской публики съ современнымъ состояніемъ ученія о дѣтской и объ азіатской холерѣ, съ цѣлью по возможности воспрепятствовать распространенію этихъ болѣзней, вполнѣ своевременно.

Не то въ Россіи. Произведеніе потомства совершается въ ней почти во всѣхъ слояхъ населенія въ силу физіологическаго инстинкта, безъ соображеній экономическаго или эстетическаго свойства. Увеличиваясь, въ среднемъ, на два милліона въ годъ, Россія не можетъ бояться убыли населенія и не вынуждена, поэтому, дрожать надъ жизнью каждаго новорожденнаго, какъ во Франціи. Конечно, въ недалекомъ будущемъ и для Россіи представится вопросъ объ ограниченіи плодовитости и о регулированіи ея раціональными мѣрами. Тогда и вопросъ о дѣтской холерѣ получитъ болѣе непосредственное значеніе, но до этого еще очень далеко.

Съ другой стороны, и вопросъ объ азіатской холерѣ тоже представляется инымъ для Россіи, чѣмъ для Франціи. Первая изъ этихъ странъ только что пережила рядъ эпидемій и надѣется отдохнуть отъ нихъ въ ближайшемъ будущемъ, тогда какъ Франція еще трепещетъ въ ожиданіи холеры.

Хотя вопросъ о двухъ холерахъ и не представляетъ въ настоящую минуту для русскихъ читателей насущнаго практиче-

скаго значенія, тѣмъ не менѣе онъ можетъ показаться интереснымъ тѣмъ изъ нихъ, которые слѣдятъ за успѣхами человѣческой мысли въ борьбѣ съ болѣзнями. Со временемъ и азіатская, и дѣтская холера потеряютъ свое теперешнее значеніе и будутъ сданы въ архивъ, но онѣ навсегда займутъ одну изъ интереснѣйшихъ страницъ въ исторіи культуры.

II.

Съ самаго появленія азіатской холеры въ Европѣ, немного болѣе восьмидесяти лѣтъ тому назадъ, заразный характеръ ея настолько былъ очевиденъ, что никто не сомнѣвался въ томъ, что она распространяется посредствомъ какого-то невидимаго простому глазу вещества, переходящаго отъ человѣка къ человѣку и сообщающагося также изъ внѣшней среды. Въ этомъ отношеніи на холеру смотрѣли совсѣмъ иначе, чѣмъ на много другихъ болѣзней, напримѣръ на чахотку. Послѣднюю приписывали какому-то началу, исходящему извнутри организма, тогда какъ холеру объясняли заразнымъ началомъ, приходящимъ въ организмъ извнѣ. Въ то время никто еще не имѣлъ сколько-нибудь опредѣленнаго понятія о микроскопическихъ возбудителяхъ заразныхъ болѣзней, но уже мысль о нихъ, какъ о причинѣ холеры, носилась въ воздухѣ. Были даже попытки открыть эти существа въ содержимомъ кишечнаго канала холерныхъ больныхъ—попытки, разумѣется, безплодныя, въ виду несовершенства существовавшихъ въ тѣ времена способовъ изслѣдованія. Но задача была уже поставлена правильно. Время отъ времени ученые примѣняли выработанные ими новые методы для отысканія холернаго начала, но прочный результатъ былъ полученъ только тогда, когда скончавшійся въ прошломъ году великій нѣмецкій ученый Робертъ Кохъ взялся за дѣло при помощи усовершенствованной имъ методики изслѣдованія низшихъ микроскопическихъ существъ. Это было въ 1883-мъ году. Въ то время уже было твердо установлено Пастеромъ, что разложеніе органическихъ веществъ въ природѣ, выражающееся въ видѣ ихъ броженія и гніенія, является результатомъ жизнедѣятельности мельчайшихъ микроскопическихъ организмовъ, получившихъ позже общее названіе микробовъ. Пастеромъ было также доказано, что эти существа никогда не зарождаются произвольно, а всегда являются вслѣдствіе размноженія имъ подобныхъ микробовъ.

Выводы эти послужили основой ученія о причинахъ зараз-

ныхъ болѣзней и, опираясь на нихъ, ученые медики, а также Пастеръ съ его учениками, открыли, что сибирская язва и нѣкоторыя другія болѣзни человѣка и домашнихъ животныхъ (нагноеніе, такъ наз. куриная холера и проч.) являются, подобно броженію и гніенію, слѣдствіемъ развитія нѣсколькихъ видовъ микробовъ. Открытіе это сдѣлалось возможнымъ благодаря тому, что Пастеръ придумалъ способъ выращивать бактерій на питательномъ бульонѣ, и развившіеся внѣ организма микробы оказались способными вызывать соотвѣтствующую болѣзнь у опытныхъ животныхъ. Кохъ, начавшій свои изслѣдованія независимо отъ Пастера, пошелъ еще гораздо дальше: онъ придумалъ способъ разведенія бактерій на твердыхъ средахъ, каковы желатинъ и свернувшаяся кровяная сыворотка. Способъ Пастера, очень хорошій для открытія микробовъ, живущихъ изолированно въ крови и въ органахъ, оказался неподходящимъ, когда дѣло шло о нахожденіи болѣзнетворныхъ бактерій, живущихъ въ смѣси съ другими видами. Способъ Коха, наоборотъ, оказался для этихъ случаевъ очень полезнымъ.

Различіе обоихъ методовъ особенно сказалось въ изученіи вопроса о причинѣ холеры. Въ 1883-мъ году были снаряжены двѣ экспедиціи въ Египетъ для разрѣшенія этой задачи. Одна изъ нихъ была организована Пастеромъ, который послалъ нѣсколькихъ своихъ лучшихъ учениковъ, снабдивъ ихъ подробной инструкціей; другая состояла изъ Коха и его двухъ ближайшихъ сотрудниковъ. Первые, пользуясь способомъ Пастера, старались открыть микроба, причиняющаго холеру, въ крови, гдѣ онъ могъ бы быть въ чистомъ видѣ, но не нашли его, такъ какъ онъ въ крови обыкновенно не водится. Кохъ же, благодаря своему методу, позволяющему изолировать микробовъ изъ смѣси ихъ, открылъ въ содержимомъ кишечнаго канала холерныхъ больныхъ особенную маленькую бактерію, изогнутую въ видѣ запятой и очень подвижную. Кохъ особенно настаивалъ на томъ, что эта бактерія встрѣчается исключительно при холерѣ и никогда не находится ни у здоровыхъ людей, ни у людей, одержимыхъ какой бы то ни было другою болѣзнью. Съ этими результатами онъ вернулся въ Берлинъ, гдѣ провозгласилъ, что имъ открыта причина холеры въ видѣ палочки-запятой, попадающей въ кишечный каналъ человѣка и выдѣляющей тамъ свой смертоносный ядъ. Попытки вызвать холеру у животныхъ, давая имъ проглотить массы этихъ запятыхъ, не увѣнчались успѣхомъ, но введеніе ихъ прямо въ полости тѣла показало, что эта бактерія не лишена болѣзнетворности.

На основаніи своихъ изслѣдованій Кохъ пришелъ къ выводу, что холера есть типичная заразная болѣзнь, передающаяся отъ человѣка къ человѣку, а также съ питьемъ и пищей,— болѣзнь, причиняемая открытой имъ бактеріей, относящейся къ группѣ вибріоновъ.

Доказательства, приведенныя Кохомъ въ пользу его теоріи, многимъ, однако, показались неубѣдительными. Противъ нихъ особенно возсталъ Петтенкоферъ. По мнѣнію этого ученаго, считающагося основателемъ научной гигіены, теорія Коха не въ состояніи объяснить того основного факта, что холера связана съ условіями мѣста. Настоящія заразныя болѣзни, каковы оспа, сифилисъ и цѣлый рядъ другихъ, могутъ распространяться повсюду, куда проникаетъ заразное начало. Между тѣмъ холера выбираетъ извѣстныя мѣстности, щадя другія. Такъ напримѣръ, во Франціи въ Версалѣ, находящемся въ двухъ шагахъ отъ Парижа, въ Ліонѣ, лежащемъ на пути между Парижемъ и Марселью, никогда не бывало холерныхъ эпидемій, несмотря на то, что туда неоднократно заѣзжали люди, бѣжавшіе изъ холерныхъ очаговъ и сами заболѣвавшіе холерой. На основаніи теоріи Петтенкофера, заразное начало холеры должно созрѣвать въ почвѣ и переходить въ воздухъ, откуда оно можетъ поступать въ человѣческій организмъ путемъ вдыханія. Между тѣмъ Коховскій вибріонъ есть очень нестойкое существо, которое очень скоро погибаетъ при высыханіи и не можетъ удержаться въ почвѣ.

Вскорѣ послѣ возвращенія Коха изъ его экспедиціи, въ Берлинѣ собралось совѣщаніе ученыхъ по вопросу о холерѣ, на которомъ произошло столкновеніе представителей двухъ школъ гигіены: Петтенкофера, основателя старой школы, и Коха, главы новой школы гигіенистовъ, построенной на ученіи о микробахъ, какъ причинѣ инфекціонныхъ болѣзней. Между ними и ихъ послѣдователями произошелъ очень горячій обмѣнъ мнѣній, послѣ котораго обѣ партіи остались при своемъ. Было очевидно, что вопросъ еще недостаточно разработанъ и что для окончательнаго рѣшенія его необходимы новыя изслѣдованія. Въ виду этого во многихъ лабораторіяхъ закипѣла работа, которая была облегчена тѣмъ, что съ 1884-го года холера снова явилась въ Европу, доставивъ ученымъ обильный матеріалъ. Оказалось, что Коховскій вибріонъ дѣйствительно почти всегда встрѣчается при холерѣ, но вызываетъ ли онъ ее, или только сопровождаетъ— этотъ вопросъ остался подъ сомнѣніемъ, такъ какъ всѣ попытки получить холеру у опытныхъ животныхъ не дали яснаго результата.

Тѣмъ временемъ вспыхнула эпидемія 1892-го года. Съ особенной силой и быстротой она развилась въ Гамбургѣ. Бактеріологи снова съ усиленнымъ рвеніемъ принялись за изученіе холеры и вскорѣ установили, что Коховская запятая встрѣчается дѣйствительно у огромнаго большинства холерныхъ больныхъ, но не у всѣхъ. И, что особенно важно, оказалось, что этотъ вибріонъ находится нерѣдко и у совершенно здоровыхъ людей.

Такъ какъ казалось совершенно невѣроятнымъ, чтобы человѣческій организмъ могъ заключать въ себѣ множество заразы безъ всякаго ущерба, то сомнѣніе въ роли Коховскаго вибріона получило новую почву. Главный противникъ Коха — Петтенкоферъ, — чтобы разъ навсегда рѣшить сложный вопросъ, выпилъ огромное количество этихъ бактерій, убѣжденный въ томъ, что онѣ не вызовутъ у него холеры. Къ сожалѣнію, этотъ смѣлый опытъ не далъ достаточно яснаго результата. У Петтенкофера не развилось настоящей холеры со всѣми ея признаками, но онъ и не остался совершенно невредимъ, такъ какъ у него обнаружилось легкое недомоганіе, не мѣшавшее ему, однако, продолжать свои обычныя занятія и къ тому же прошедшее очень скоро.

Опытъ этотъ, вмѣсто того, чтобы окончательно разъяснить вопросъ о причинѣ холеры, лишь подлилъ масла въ огонь. Петтенкоферъ заключилъ изъ него, что разъ Коховскій вибріонъ, выпитый въ неизмѣримо большемъ количествѣ чѣмъ то, которое можетъ быть проглочено съ водою при естественныхъ условіяхъ зараженія, неспособенъ вызвать настоящую холеру, то, очевидно, онъ не можетъ быть причиной ея. Кохъ же, наоборотъ, увидѣлъ въ опытѣ своего противника доказательство въ пользу своей теоріи. Петтенкоферъ, по его мнѣнію, заболѣлъ холерой, хотя и въ очень легкой формѣ, какъ это наблюдается нерѣдко во время всякой холерной эпидеміи.

Тутъ очевидно скрывалось какое-то недоразумѣніе, которое было въ высшей степени желательно разъяснить для блага человѣчества и науки. Не зависитъ ли ничтожное вліяніе вибріона, проглоченнаго Петтенкоферомъ изъ разводки въ бульонѣ, сравнительно съ его дѣйствіемъ на людей, проглатывающихъ эту бактерію изъ другого источника (содержимаго кишечнаго канала или воды) оттого, что вибріонъ ослабляется въ бульонѣ? Если это предположеніе справедливо, то нельзя ли было бы воспользоваться этимъ ослабленіемъ для предохраненія людей отъ холеры? Въ этомъ смыслѣ говорили нѣкоторые опыты испанскаго

ученаго Феррана, который предлагалъ пить разводку вибріона съ цѣлью закрѣпить организмъ противъ холеры.

Для разрѣшенія этой задачи не оставалось другого средства, какъ продѣлать нѣсколько опытовъ на людяхъ. Это и было предпринято въ 1893-мъ году, въ моей лабораторіи Пастеровскаго Института. Первые опыты показали, что Коховскій вибріонъ или не вызываетъ никакого дѣйствія, или же обусловливаетъ ничтожное недомоганіе, еще гораздо слабѣйшее чѣмъ то, которымъ захворалъ Петтенкоферъ. Этотъ результатъ какъ бы подтверждалъ предположеніе о возможности предохранительнаго вліянія вибріона, выращеннаго на искусственной средѣ. Но въ дальнѣйшемъ оно натолкнулось на очень существенное возраженіе. Въ одномъ изъ послѣдующихъ опытовъ девятнадцатилѣтній юноша, проглотившій разводку, выбранную какъ образчикъ наиболѣе ослабленнаго коховскаго вибріона нашей коллекціи, на другой же день заболѣлъ тяжелой формой настоящей азіатской холеры, со всѣми ея угрожающими проявленіями. Несмотря на зловѣщее предсказаніе врачей, рѣшившихъ, что больной не проживетъ двухъ дней, онъ окончательно поправился, доказавъ своимъ опытомъ невозможность разсчитывать на предохранительное дѣйствіе „ослабленныхъ“ разводокъ вибріона. Но зато онъ доказалъ разъ навсегда самымъ несомнѣннымъ образомъ, что эта бактерія есть дѣйствительно причина азіатской холеры. Другіе опыты и нѣсколько наблюденій надъ лицами, изучавшими холернаго вибріона и заболѣвшими холерою, еще болѣе укрѣпили убѣжденіе въ его болѣзнетворномъ дѣйствіи.

Въ виду этого уже не теорія Коха должна была приспобляться къ выводамъ Петтенкофера, а на оборотъ. Фактъ существованія мѣстностей, невоспріимчивыхъ къ холернымъ эпидеміямъ, долженъ былъ быть приведенъ въ соглашеніе съ свойствами холернаго вибріона. Такъ какъ послѣдній ни при какихъ условіяхъ не даетъ стойкихъ формъ (споръ) и скоро погибаетъ въ землѣ, то предположеніе о созрѣваніи холерной заразы въ почвѣ должно быть отвергнуто. Связь эпидемій съ мѣстностью до сихъ поръ еще не объяснена окончательно, но весьма вѣроятно, что она зависитъ отъ различія бактеріальной флоры кишечнаго канала у обитателей различныхъ мѣстъ. Если эта флора благопріятствуетъ вибріону, то онъ сможетъ вызвать холеру; если же она, на оборотъ, ему противна, то холера не разовьется. Различіемъ кишечной флоры объясняется вѣроятно и то, что нѣкоторые люди очень легко заболѣваютъ холерой, тогда какъ другіе остаются здоровы несмотря на поглощеніе хо-

лерныхъ вибріоновъ, какъ мы это видѣли въ опытахъ, о которыхъ было сказано выше.

Свойства холернаго вибріона объясняютъ развитіе холеры и даютъ въ руки средство бороться противъ нея. Попадая съ питьемъ или пищей, этотъ микробъ заводится главнымъ образомъ въ тонкихъ кишкахъ, гдѣ онъ выдѣляетъ сильно дѣйствующій ядъ. Этотъ послѣдній легко всасывается въ кровь и производитъ общее отравленіе, тогда какъ самъ вибріонъ, за нѣкоторыми исключеніями, остается въ кишкахъ.

Будучи существомъ очень хрупкимъ, холерный вибріонъ не выдерживаетъ ни полнаго высыханія, ни дѣйствія на него жара, начиная отъ пятидесяти градусовъ. Въ виду перваго изъ этихъ свойствъ, холерой нельзя заразиться черезъ воздухъ, какъ думали раньше и какъ это особенно проповѣдывалъ Петтенкоферъ. Ею также нельзя заразиться съ питьемъ и пищей, подвергшимся нагрѣванію до указанной температуры. Отсюда правило для предохраненія отъ холеры: не пить и не ѣсть сырыхъ напитковъ и сырой пищи во всѣхъ случаяхъ, когда незагрязненность ихъ холерными вибріонами не несомнѣнна. Чаще всего зараженіе происходитъ посредствомъ воды, содержащей холерныхъ вибріоновъ, а затѣмъ посредствомъ сырой пищи. Въ послѣднюю эпидемію въ Марсели, развившуюся нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, вода въ городѣ была найдена вполнѣ здоровой. Зараженіе происходило, по всей вѣроятности, посредствомъ морскихъ моллюсковъ, привезенныхъ изъ Италіи, гдѣ въ то время господствовала холера. Такъ думаютъ потому, что холерные случаи наблюдались исключительно въ семействахъ, гдѣ завѣдомо ѣли этихъ животныхъ въ сыромъ видѣ.

Извѣстны случаи, когда холерой заражались чрезъ пищу, бывшую ранѣе нагрѣтой, но потомъ остуженную и загрязненную нечистыми руками. Въ этомъ отношеніи особенно опасны холодный бульонъ и студень. Во время недавней эпидеміи въ Египтѣ одна старуха, болѣвшая желудкомъ и не принимавшая поэтому никакой сырой пищи и питья, умерла отъ холеры, заразившись холоднымъ бульономъ, приготовленнымъ поваромъ, имѣвшимъ легкое недомоганіе холернаго происхожденія. Во время послѣдней эпидеміи въ Петербургѣ было наблюдаемо нѣсколько вспышекъ послѣ употребленія въ пищу студня, къ которому прикасались нечистыя руки прислуги.

Въ этихъ случаяхъ холеры главную роль играютъ такъ называемые „носители холерныхъ вибріоновъ“, которые сами могутъ оставаться совершенно здоровыми или же обнаруживать

лишь ничтожное недомоганіе, и тѣмъ не менѣе передавать воспріимчивымъ людямъ смертельную холеру. Соблюденіе основного правила: не ѣсть простывшей пищи, если безупречная чистота ея подвержена хоть малѣйшему сомнѣнію, гарантируетъ и противъ этихъ носителей холерной заразы.

Въ мѣстахъ, нерѣдко подвергающихся холерѣ, населеніе мало-мальски разумное уже привыкло къ этимъ мѣрамъ, которыя не представляютъ особенной трудности. Во время моего пребыванія въ Петербургѣ во время эпидеміи 1909-го года я видѣлъ, что даже люди бѣдныхъ классовъ въ состояніи успѣшно бороться предупредительными мѣрами. Я распрашивалъ извозчиковъ, почтальоновъ и проч. объ этомъ и убѣдился, что они, въ общемъ, стоятъ на вѣрномъ пути. По крайней мѣрѣ они признавали, что главнымъ источникомъ холеры является непереваренная вода и что ея нужно избѣгать. Въ трактирахъ и въ семьяхъ они пили остуженную воду изъ самовара и тѣмъ избѣгали холеры.

Такъ какъ эти предохранительныя мѣры дѣйствительны и противъ другихъ заболѣваній кишечнаго канала, какъ тифъ съ его спутниками — паратифами, дизентерія и проч. (я предполагаю даже, что онѣ полезны и противъ рака пищеварительныхъ органовъ), то возможное распространеніе ихъ въ высшей степени желательно, даже помимо періодовъ эпидемій. Онѣ, къ тому же, дѣлаютъ излишними предохранительныя прививки, которыя вообще не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ. Это особенно сказалось во время послѣдней петербургской холеры.

Предупредить холерное заболѣваніе вышеприведенными мѣрами не трудно; вылѣчить же его—большею частью превышаетъ силы медицинской науки. Многочисленныя попытки примѣнить къ холерѣ леченіе кровяной сывороткой лошадей, подвергавшихся долгое время впрыскиванію холерныхъ вибріоновъ и ихъ яда, не дали достаточно убѣдительныхъ результатовъ. Въ самомъ началѣ заболѣванія эта сыворотка бываетъ полезна, но въ случаяхъ вполнѣ развившейся холеры она оказывается недѣйствительной, какъ это было замѣчено и въ недавнюю вспышку холеры въ Марсели. На другія лѣкарства отъ холеры тоже нельзя разсчитывать съ увѣренностью, такъ что всю борьбу противъ нея слѣдуетъ сосредоточить на мѣрахъ личнаго предохраненія, вообще болѣе вѣрныхъ, чѣмъ мѣропріятія властей. Осмотръ пассажировъ, карантины и проч. могутъ лишь въ незначительной степени мѣшать распространенію холеры.

III.

Разъясненіе причины азіатской холеры должно было отразиться и на изслѣдованіи другихъ болѣзней кишечнаго канала. Послѣ открытія Коховскаго вибріона, казалось, будетъ нетрудно найти и микроба, причиняющаго холеру дѣтей-сосуновъ. Попытки въ этомъ направленіи, однако, вскорѣ натолкнулись на существенныя препятствія. Несмотря на тщательныя изслѣдованія, не удалось найти какого-нибудь особеннаго микроба, свойственнаго дѣтской холерѣ. Поэтому ученые стали по очереди приписывать всѣмъ бактеріямъ, находимымъ въ кишечномъ каналѣ больныхъ дѣтей, роль возбудителя этой болѣзни. Изъ этого ничего прочнаго не получилось, вслѣдствіе чего развился усиленный скептицизмъ относительно инфекціонной природы дѣтской холеры. Дѣтскіе врачи стали искать рѣшеніе вопроса на другомъ пути. Они вскорѣ рѣшили, что дѣтская холера не есть болѣзнь, причиняемая какими-нибудь микробами, а обусловливается отравленіемъ продуктами пищеваренія. Подъ вліяніемъ лѣтней жары получается еще родъ солнечнаго удара, не находящагося ни въ какой связи съ бактеріями, не играющими, по ихъ мнѣнію, вообще никакой роли въ дѣтской холерѣ.

Теорія эта была очень сочувственно принята большинствомъ дѣтскихъ врачей и легла въ основаніе ихъ мѣропріятій противъ болѣзни. Но на этомъ наука, разумѣется, не могла остановиться, такъ какъ слишкомъ бросалось въ глаза противорѣчіе теоріи съ прочно установленными принципами ученія объ инфекціонныхъ болѣзняхъ.

Прежде всего нужно было рѣшить вопросъ, есть-ли дѣйствительно дѣтская холера инфекціонная болѣзнь, или нѣтъ.

Для этого путь, оказавшійся столь плодотворнымъ въ изученіи азіатской холеры, не могъ быть пригоденъ. Въ самомъ дѣлѣ, немыслимо дѣлать опыты на дѣтяхъ, даже и для разрѣшенія самыхъ важныхъ задачъ врачебной науки. Ученые могутъ сколько угодно подвергать себя подобнымъ опытамъ, но никогда не рѣшатся подвергать имъ другихъ, особенно дѣтей. Поэтому нужно было помириться съ этимъ обстоятельствомъ и искать рѣшенія вопроса на животныхъ. Къ счастію, молодыя шимпанзе и еще болѣе молодые кролики-сосуны оказались способными воспринять дѣтскую холеру. Достаточно дать имъ проглотить немного кишечнаго содержимаго дѣтей, больныхъ дѣтской холерой, чтобы

по прошествіи одного или немногихъ дней получить у нихъ подобное же заболѣваніе. Лѣтняя жара тутъ ни при чемъ, такъ какъ названныя животныя заболѣваютъ и въ нежаркое время года, да къ тому же шимпанзе, обитателей тропическихъ странъ, не удивишь и самой сильной жарой нашихъ широтъ.

Итакъ, дѣтская холера должна быть отнесена къ разряду инфекціонныхъ болѣзней; слѣдовательно причина ея должна приходить извнѣ, въ видѣ какого-нибудь микроба. Поиски въ этомъ направленіи привели къ выводу, что главная роль въ этой болѣзни выпадаетъ на бактерію, очень распространенную въ природѣ и давно описанную подъ именемъ *Протея*. Ее нѣсколько разъ находили и въ дѣтской холерѣ, но приписывали ей лишь ограниченное значеніе, думая, что рядомъ съ ней участвуютъ и другія бактеріи. Наши же изслѣдованія, произведенныя въ Парижѣ въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, убѣдили въ очень большомъ распространеніи Протея. Такъ, нынѣшнимъ лѣтомъ, когда дѣтская холера дала себя знать очень чувствительно, изъ 76 случаевъ я нашелъ Протея въ 75-ти. И при азіатской холерѣ встрѣчаются тоже, хотя и рѣдко, примѣры, въ которыхъ не удается изолировать холернаго вибріона.

Уже раньше было доказано, что Протей принадлежитъ къ числу вредныхъ микробовъ. Проглоченный маленькими кроликами и молодыми шимпанзе, онъ причиняетъ имъ тяжелую, нерѣдко смертельную болѣзнь. Вырощенный въ коровьемъ молокѣ, онъ выдѣляетъ ядъ, отравляющій и убивающій молодыхъ кроликовъ. Вся сумма данныхъ относительно Протея не оставляетъ сомнѣнія въ его существенной роли въ дѣтской холерѣ. Таковъ выводъ изъ изслѣдованій, произведенныхъ мною въ Парижѣ. Но подтверждается ли онъ и въ другихъ мѣстностяхъ?

По моей просьбѣ, обращенной къ моимъ прежнимъ ученикамъ, нѣкоторые изъ нихъ стали изслѣдовать дѣтскія кишечно-желудочныя заболѣванія далеко отъ Парижа. П. В. Циклинская нашла Протея въ Москвѣ, въ кишечномъ содержимомъ больныхъ дѣтей-сосуновъ, въ половинѣ случаевъ. Я думаю, что, примѣняя усовершенствованные способы изслѣдованія, ей удастся находить его чаще. Сужу на основаніи того, что Дистазо нашелъ Протея нынѣшнимъ лѣтомъ въ Лондонѣ во *всѣхъ* случаяхъ дѣтской холеры. Въ Петербургѣ, по изслѣдованіямъ госпожи Горвицъ, Протей оказался рѣдкимъ гостемъ, но въ этомъ нельзя усмотрѣть противорѣчія основному правилу, такъ какъ Петербургъ отличается отсутствіемъ эпидемій дѣтской холеры, въ противоположность Парижу, Лондону и Москвѣ. Въ немъ наблю-

даются большею частью лишь единичные случаи этой болѣзни. Я основываюсь при этомъ на свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ мнѣ докторомъ В. И. Яковлевымъ.

Цѣлый рядъ фактовъ указываетъ на Протея (Bacillus proteus), какъ на главнаго виновника эпидемической дѣтской холеры. Для полнаго доказательства этого недостаетъ только опыта надъ дѣтьми-сосунами, которымъ были бы даны чистыя разводки Протея въ искусственной средѣ. Этотъ пробѣлъ можетъ быть хотя отчасти пополненъ сравненіемъ съ данными, полученными въ опытахъ съ азіатской холерой на человѣкѣ. Мы видѣли выше, что поглощеніе разводки Коховскаго вибріона у нѣкоторыхъ людей проходитъ совершенно безнаказанно, тогда какъ у другихъ оно вызываетъ легкое холероподобное заболѣваніе или же настоящую тяжелую холеру. То же, по всей вѣроятности, приложимо и къ дѣтской холерѣ. Протей находится не только въ опасныхъ случаяхъ этой болѣзни, но и въ самыхъ легкихъ проявленіяхъ ея. Иногда онъ встрѣчается и у совершенно здоровыхъ дѣтей, хотя разумѣется гораздо рѣже чѣмъ у больныхъ.

На основаніи всего сказаннаго не подлежитъ сомнѣнію, что въ борьбѣ противъ дѣтской холеры необходимо считаться съ Протеемъ. Поэтому нужно, прежде всего, ознакомиться съ его природой, мѣстомъ нахожденія и путями проникновенія въ дѣтскій организмъ.

Подобно холерному вибріону, Протей принадлежитъ къ числу очень мелкихъ, очень подвижныхъ и очень нестойкихъ бактерій. Онъ не изогнутъ въ видѣ запятой, какъ первый, а представляется въ видѣ прямой, короткой или болѣе или менѣе удлиненной палочки, густо обсаженной мерцательными рѣсничками. Но, какъ и вибріонъ Коха, Протей не производитъ стойкихъ формъ—споръ (или, правильнѣе, эндоспоръ), и поэтому не выдерживаетъ продолжительнаго высушиванія и нагрѣванія до 50 градусовъ Цельсія и выше. Вслѣдствіе этого онъ не уживается въ пыли. Для ребенка, поэтому, нѣтъ опасности заразиться имъ чрезъ воздухъ. Протей очень рѣдко встрѣчается въ водѣ (по крайней мѣрѣ въ парижской), которая тоже не служитъ источникомъ зараженія. Онъ попадаетъ въ организмъ ребенка-сосуна съ пищей. Но какимъ образомъ можетъ онъ проникнуть туда, особенно когда ребенокъ кормится исключительно грудью, что, какъ мы видѣли, не гарантируетъ его отъ дѣтской холеры?

Самое обычное и постоянное мѣстонахожденіе Протея — конскій и прочій навозы. По изслѣдованіямъ Шукевича, произведеннымъ въ Парижѣ въ моей лабораторіи, этотъ микробъ на-

ходится всегда въ кишечномъ содержимомъ лошадей. Разбрасываемый повсюду, конскій навозъ привлекаетъ мухъ, особенно въ жаркое время года. Оттуда эти назойливыя насѣкомыя переносятъ Протея на излюбленныя ими пищевыя вещества, между которыми на первомъ планѣ стоятъ сыры, а затѣмъ пахучіе и сладкіе фрукты и ягоды—дыни, бананы, земляника и т. п.

Я былъ недавно свидѣтелемъ того, какъ это случается на дѣлѣ. Проходя въ жаркій лѣтній день мимо булочной, я увидѣлъ черезъ окно много мухъ, копошащихся на маленькомъ хлѣбцѣ, посыпанномъ сахаромъ. Булочница, къ которой я зашелъ, чтобы купить его, съ гордостью объяснила мнѣ, что этотъ хлѣбъ очень вкусенъ. Я, разумѣется, употребилъ его для изслѣдованія и, посѣявъ обсахаренную корку на питательныя среды, на другой же день нашелъ массу Протеевъ, очевидно перенесенныхъ мухами на хлѣбъ изъ навоза, изобиловавшаго на улицѣ.

Но, скажутъ намъ, дѣти по первому году не ѣдятъ всѣхъ этихъ вещей. Они питаются или груднымъ молокомъ, или же молокомъ коровьимъ, козьимъ, кобыльимъ и проч. А какъ разъ въ молокѣ Протей встрѣчается очень рѣдко. Канту, который изслѣдовалъ этотъ вопросъ въ моей лабораторіи, изъ числа двухсотъ пробъ молока, взятыхъ въ различныхъ кварталахъ Парижа, нашелъ его всего въ семи. Этотъ фактъ служитъ доказательствомъ тому, что кормленіе дѣтей грудью или вполнѣ стерилизованнымъ коровьимъ молокомъ не обезпечиваетъ ихъ отъ дѣтской холеры, такъ какъ Протей, очевидно, долженъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ попадать не съ молокомъ, а инымъ путемъ. Этотъ путь представляютъ носители или, лучше, носительницы Протеевъ. Матери и другія лица, ухаживающія за дѣтьми, заражаются этимъ вреднымъ микробомъ посредствомъ сыровъ, фруктовъ и сластей. Не заболѣвая сами, онѣ переносятъ его нечистыми руками на руки и лицо младенцевъ, у которыхъ онъ вызываетъ холеру. Мухи, садясь на маленькихъ дѣтей, тоже могутъ заражать ихъ своими запачканными навозомъ лапками.

Подобно тому, что мы видѣли относительно азіатской холеры, и борьба противъ холеры дѣтей должна быть обоснована на знакомствѣ съ Протеемъ. Необходимо не только принимать мѣры противъ загрязненія молока и сосокъ, подвергая ихъ кипяченію, но также употреблять всѣ средства къ тому, чтобы воспрепятствовать проникновенію Протея посредствомъ рукъ людей, ухаживающихъ за дѣтьми, и посредствомъ лапокъ мухъ, садящихся на дѣтей. Для этого лучше всего мыть руки и груди, если чистота ихъ не внѣ сомнѣнія, прежде чѣмъ прикоснуться къ ре-

бенку или дать ему грудь, а противъ мухъ очень полезенъ пологъ изъ тонкой матеріи около кроватки.

Указанныя мѣры должны быть полезны и тогда, если бы нѣкоторые случаи дѣтской холеры были обусловлены не Протеемъ, а какимъ-либо другимъ микробомъ. По словамъ многоуважаемаго доктора В. И. Яковлева, завѣдывающаго бактеріологическими изслѣдованіями городской лабораторіи, въ Петербургѣ наблюдаются случаи этой болѣзни, гдѣ вмѣсто Протея находятъ такъ называемую бактерію синяго гноя, выдѣляющую синезеленую краску. Эта бактерія нерѣдко водится на кожѣ совершенно здоровыхъ людей; проникая въ кишечный каналъ маленькихъ дѣтей, она способна вызвать у нихъ опасное, иногда смертельное заболѣваніе.

Послѣ нѣкотораго навыка, мѣры противъ обѣихъ холеръ и противъ заболѣваній пищеварительныхъ органовъ вообще должны войти во всеобщее употребленіе и стать могучимъ орудіемъ сохраненія жизни. При введеніи обезараживающихъ повязокъ, находилось сначала даже немало хирурговъ, находившихъ ихъ неудобными и трудно примѣнимыми на практикѣ. Но съ теченіемъ времени вышеупомянутыя мѣры сдѣлались настолько общимъ достояніемъ, что теперь многія матери и даже прислуга уже хорошо ознакомились съ ними. Для искорененія большей части болѣзней кишечнаго канала полезно, поэтому, возможно большее распространеніе свѣдѣній о нихъ и о способахъ борьбы съ ними. Въ этомъ отношеніи журналы, газеты и публичныя чтенія должны оказать большую услугу.

Къ тому времени, когда въ Россіи назрѣетъ необходимость усиленно бороться противъ дѣтской холеры, когда размноженіе людей значительно уменьшится противъ теперешняго, нужно надѣяться, что свѣдѣнія о ней, необходимыя для борьбы, станутъ уже вполнѣ общимъ достояніемъ.

Вообще со временемъ число болѣзней должно уменьшиться въ значительной степени. Обѣ холеры отойдутъ въ область исторіи и мысль о нихъ станетъ вызывать не паническій страхъ, какъ теперь, а увѣренность въ пользѣ положительнаго знанія. Въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, когда болѣзни не будутъ въ такой степени какъ теперь угрожать людямъ, когда медицинскія и другія задачи общественной жизни будутъ удовлетворительно разрѣшены, люди, способные къ высшимъ формамъ дѣятельности, смогутъ спокойнѣе и лучше чѣмъ теперь предаться искусству и теоретической наукѣ.

Севръ, 3 (16) ноября 1911. Ил. Мечниковъ.

НАЧАЛО
ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ КАМПАНІИ

I.

Продовольственная кампанія нынѣшняго года, которая въ отдѣльныхъ раіонахъ грозитъ быть не менѣе тяжелой, чѣмъ въ памятныя эпохи 1891-го и 1906-го годовъ, началась при довольно необычныхъ условіяхъ: организація помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая, была съ самаго начала властно выдвинута изъ рамокъ дѣйствующаго продовольственнаго устава. Въ засѣданіи Государственной Думы 2-го ноября предсѣдатель совѣта министровъ, отвѣчая на „сакраментальную формулу запроса", внесеннаго группой трудовиковъ, спокойно констатировалъ, что мѣры, принятыя правительствомъ въ борьбѣ съ голодомъ, дѣйствительно не соотвѣтствуютъ существующимъ узаконеніямъ. Сосредоточивъ все свое вниманіе на защитѣ цѣлесообразности прдовольственной политики, г. Коковцовъ, очевидно, не считалъ нужнымъ защищать ее съ формальной стороны. Salus populi—suprema lex... По мнѣнію правительства, отказъ отъ устарѣвшихъ правилъ 1900-го года былъ продиктованъ настойчивой государственной обходимостью.

Такой поворотъ въ продовольственной политикѣ самъ по себѣ отнюдь не представляется неожиданнымъ. „Временныя правила 12-го іюня 1900-го года по обезпеченію продовольственныхъ потребностей сельскихъ обывателей", созданныя въ переходную эпоху съ ея наиболѣе ярко выраженнымъ недовѣріемъ къ земству, постепенно утратили своихъ сторонниковъ въ рядахъ бюрократіи. Финансовые результаты продовольственныхъ кампаній, которыя съ 1900-го

года находились въ завѣдываніи правительства, оказались еще менѣе удачными, чѣмъ прежніе; въ правительственныхъ кругахъ постепенно крѣпло убѣжденіе въ нецѣлесообразности основного средства помощи голодающему населенію—продовольственной ссуды. Два года тому назадъ были сдѣланы попытки намѣтить иныя основанія продовольственной организаціи. Выработанный министерствомъ проектъ вновь передавалъ всѣ дѣла продовольствія въ руки земскихъ учрежденій, правда, при широкомъ контролѣ со стороны администраціи; вмѣсто общественной засыпки хлѣба, вводилъ систему „самопомощи", индивидуальность хлѣбныхъ запасовъ; наконецъ, вмѣсто продовольственныхъ ссудъ клалъ во главу угла общественныя работы для трудоспособнаго населенія и благотворительную помощь для населенія нетрудоспособнаго. Переданный на заключеніе земскихъ собраній, проектъ этотъ былъ встрѣченъ ими далеко несочувственно. Дѣло изданія новаго продовольственнаго устава затормозилось: очевидно, приходилось вырабатывать среднюю линію, на которой можно было бы примирить требованія правительства и требованія земскаго большинства, которыя — въ этомъ у правительства не могло быть сомнѣнія — найдутъ энергичную поддержку и въ третьей Государственной Думѣ.

Но вотъ, какъ всегда, неожиданно, послѣ двухъ урожайныхъ лѣтъ, пришелъ годъ неурожайный. Совѣтъ министровъ еще въ іюлѣ мѣсяцѣ рѣшился въ нынѣшнемъ году направить продовольственную помощь по новому руслу: вмѣсто выдачи ссудъ — общественныя работы.

Организація общественныхъ работъ не составляетъ у насъ совершенной новости въ исторіи борьбы съ голодовками. Не говоря уже о голодѣ 1891-го года, когда общественныя работы, организованныя ген. Анненковымъ, стяжали себѣ такую печальную извѣстность, въ теченіе послѣдняго десятилѣтія этотъ видъ продовольственной помощи занималъ все болѣе видное мѣсто въ числѣ другихъ „подсобныхъ мѣропріятій" по борьбѣ съ послѣдствіями неурожая. Въ продовольственную кампанію 1906—1907 гг. на общественныя работы было ассигновано болѣе 7-ми милліоновъ рублей; и онѣ производились на широкомъ пространствѣ 13-ти неурожайныхъ губерній. И въ оффиціальной литературѣ по продовольственному вопросу выступали горячіе защитники принципа общественныхъ работъ, особенно изъ среды дѣятелей комитета трудовой помощи.

Создать, путемъ общественныхъ работъ, новые способы производительнаго приложенія крестьянскаго труда—въ тѣ мѣсяцы, когда онъ не находитъ и не можетъ найти себѣ другого примѣненія,—направить трудъ деревни, хотя бы только въ неурожайные годы, на экономически полезныя для нея же предпріятія,—развѣ теоретически, сама

по себѣ, это не привлекательная, широкая задача? Мы, однако, врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что увлеченіе правительства общественными работами было больше всего обусловлено соображеніями иного характера. И бывшій, и нынѣшній предсѣдатели совѣта министровъ одинаково отрицательно относились къ системѣ продовольственыхъ ссудъ, этого „царскаго пайка", который только „развращаетъ" населеніе, пріучая его надѣяться на даровую помощь государства. Новая система продовольствія, въ видѣ организаціи общественныхъ работъ, должна была, съ ихъ точки зрѣнія, воспитать населеніе, искоренять въ немъ привычку во всемъ расчитывать на государственную помощь. Объяснительная записка къ проекту продовольственнаго устава 1909-го года совершенно отчетливо формулируетъ это положеніе: „продовольственное законодательство, при надлежащей его постановкѣ, помимо ближайшей своей цѣли—оказать помощь населенію во время неурожая, должно преслѣдовать также задачу воспитанія народныхъ массъ".

II.

Изъ рѣчи предсѣдателя совѣта министровъ въ Государственной Думѣ, мы теперь точно знаемъ, что въ началѣ продовольственной кампаніи эта двоякая задача была поставлена въ грандіозномъ масштабѣ: предполагалось организовать общественныя работы для всего трудоспособнаго населенія неурожайныхъ губерній на громадномъ пространствѣ отъ Тобольска и Омска до Симбирска и Читы, на сумму болѣе 40 милліоновъ рублей. Это былъ по меньшей мѣрѣ, смѣлый и рѣшительный планъ: втеченіе двухъ или, maximum, трехъ мѣсяцевъ произвести самыя разнообразныя хозяйственныя работы, на заработокъ съ которыхъ могло бы втеченіе года прокормиться восьмимилліонное населеніе, и достигнуть этого при помощи той административно-продовольственной организаціи, которая въ прошлые годы не могла справиться съ гораздо болѣе легкой задачей—выдачей продовольственныхъ ссудъ!

Уже съ самаго начала продовольственной кампаніи было ясно, что на мѣстахъ, а тѣмъ болѣе въ центрѣ, не имѣется никакого выработаннаго плана. Циркулярной телеграммой предсѣдатель совѣта министровъ, Столыпинъ, предписалъ губернаторамъ поставить на первую очередь производство гидротехническихъ работъ. Такое распоряженіе не могло не вызвать въ началѣ извѣстную растерянность въ рядахъ мѣстной администраціи, въ особенности въ неземскихъ, сибирскихъ губерніяхъ, гдѣ раньше не производилось общественныхъ работъ. Копать въ степи колодцы, пруды, водоемы, оказалось на мѣстахъ

много сложнѣе, чѣмъ представлялось въ Петербургѣ: для этого требовались хотя бы самыя поверхностныя, предварительныя изслѣдованія и подготовленный техническій персоналъ—а ихъ-то и не хватило. Работы второй категоріи, которыя естественно были выдвинуты вслѣдъ за гидротехническими—работы дорожныя—также начались безъ всякаго общаго плана, особенно въ тѣхъ районахъ, гдѣ онѣ не находились въ завѣдываніи земскаго дорожнаго отдѣла. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, которые мы пока не хотимъ обобщать, экономическая, да и всякая иная разумная цѣль начатыхъ работъ, совершенно отступала назадъ передъ другой поставленной задачей: борьбой съ народнымъ тунеядствомъ, и мѣстная администрація спѣшила только поскорѣе выполнить петербургскія распоряженія. Копали по обѣимъ сторонамъ дороги глубокія канавы и землю выкидывали на дорогу, которая послѣ такой починки, представляла непролазное болото, какъ это бывало въ Сибири. Выкапывали пруды внутри села, а затѣмъ, въ виду санитарной опасности такого рода водоемовъ, бросали работу или засыпали прудъ землей, какъ это имѣло мѣсто въ Симбирской губерніи. Конечно, можно указать отдѣльные районы, гдѣ общественныя работы были поставлены болѣе хозяйственно и раціонально; это, прежде всего, Саратовская губернія, гдѣ опытъ прошлой продовольственной кампаніи и энергичное участіе губернскаго земства въ общественныхъ работахъ уберегли отъ совершенно непростительныхъ ошибокъ. Нѣсколько систематичнѣе были поставлены общественныя работы и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣйствовали уполномоченные комитета трудовой помощи. Однако и комитету приходилось проектировать работы очень спѣшно, не составляя никакихъ предварительныхъ смѣтъ и постоянно испытывая нужду не только въ техническомъ персоналѣ, но и въ простыхъ десятникахъ. Такимъ образомъ большое и сложное дѣло общественныхъ работъ, заказанное по телеграфу изъ Петербурга, велось почти совершенно въ темную, безъ всякаго, хотя бы приблизительнаго учета техническихъ и накладныхъ расходовъ — да и по всѣмъ условіямъ его постановки, очевидно, не могло вестись иначе [1]).

Если хозяйственная сторона общественныхъ работъ оказалась, въ большинствѣ случаевъ, неудовлетворительной, то въ меньшей еще степени были достигнуты тѣ цѣли народнаго продовольствія, которыя

---

[1]) Тѣ общія данныя, которыя были приведены въ Государственной Думѣ предсѣдателемъ совѣта министровъ и по которымъ техническіе и накладные расходы должны поглотить менѣе 5% всей ассигновки на общественныя работы, очевидно основаны только на очень гадательныхъ предположеніяхъ и не отвѣчаютъ результатамъ прошлой кампаніи, когда накладные расходы по веденію общественныхъ работъ въ разныхъ губерніяхъ колебались отъ 17% до 45%.

были поставлены въ началѣ кампаніи. Пока шла переписка съ Петербургомъ, пока наспѣхъ, но все же намѣчались нѣкоторые планы производства работъ и улаживались серьезныя тренія между администраціей и земствомъ, съ началомъ работъ почти вездѣ запоздали и только исключительно теплая осень позволила продолжить ихъ до болѣе поздняго срока. И все-таки общій итогъ получился болѣе чѣмъ скромный. На основаніи свѣдѣній, доставленныхъ губернаторами, предсѣдатель совѣта министровъ сообщилъ Государственной Думѣ, что только въ одной четверти тѣхъ селеній, гдѣ предполагалось произвести работы, онѣ были фактически начаты къ 23-му октября; общая сумма выданной заработной платы къ тому же времени выразилась въ 5,5 милліоновъ рублей, то-есть составляла одну восьмую того, что предполагалось въ началѣ. Если принять, вслѣдъ за предсѣдателемъ совѣта министровъ, что на общественныхъ работахъ къ 23 октября находилось около 200 тысячъ человѣкъ, то, очевидно, средній заработокъ одного рабочаго, безразлично—коннаго или пѣшаго, за всю осеннюю кампанію не достигаетъ 5 рублей. Менѣе суммарныя свѣдѣнія, которыми мы располагаемъ о величинѣ заработка на общественныхъ работахъ, также совершенно ясно говорятъ о томъ, что онѣ ни въ какомъ случаѣ не могли удовлетворить собой продовольственной нужды. Колеблясь по разнымъ районамъ отъ 2 до 8 рублей, онъ только какъ исключеніе, въ нѣкоторыхъ селахъ Саратовской губерніи достигаетъ 18 рублей на каждаго работника. Но при оцѣнкѣ даже этой максимальной цифры необходимо имѣть въ виду, что далеко не все населеніе данной деревни могло принять участіе въ устроенныхъ для нея работахъ. Такъ, въ той же Саратовской губерніи волостное начальство не допускало къ землянымъ работамъ безлошадныхъ крестьянъ или не имѣющихъ своихъ тачекъ и своего инструмента. Да и вообще всѣ грабарскія работы, несмотря на кажущуюся ихъ простоту, оказались далеко непривычными для самарскаго или оренбургскаго мужика. При сдѣльной платѣ въ 1 р. 20 коп.—2 рубля за кубическую сажень,—а принципъ сдѣльной оплаты труда, несмотря на возраженія земскихъ собраній, проводился почти всѣми комитетами общественныхъ работъ—копачи часто вырабатывали 40, 30, а при особенно тяжелыхъ условіяхъ только 20 копѣекъ въ день. Немудрено, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно когда работы производились далеко, верстъ за 20 и 30 отъ деревни, населеніе не шло на работы. Въ другихъ мѣстахъ, видя на дѣлѣ всю дезорганизацію общественныхъ работъ, напуганные темными слухами, которые не находили опроверженія, крестьяне отказывались понять смыслъ новой начальственной затѣи и предпочитали не работать, а ждать казеннаго пособія. Конечно, такія явленія обобщать не приходится: въ

общемъ и цѣломъ былъ скорѣе недостатокъ въ организованныхъ работахъ, чѣмъ нежеланіе принять въ нихъ участіе. Нужда гнала на работы, а въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ цѣли проэктировавшихся работъ были близки и понятны крестьянству, и само населеніе энергично настаивало на ихъ производствѣ. И всетаки желаніе правительства ограничить продовольственную помощь однѣми общественными работами вызвало и недовѣріе, и недовольство; слишкомъ очевидна была явная неравномѣрность въ распредѣленіи этой помощи между отдѣльными деревнями и отдѣльными семьями, гдѣ число работниковъ не соотвѣтствовало числу ѣдоковъ.

Этотъ взглядъ непригодности общественныхъ работъ, какъ универсальнаго продовольственнаго мѣропріятія, постепенно получилъ признаніе и среди мѣстныхъ органовъ администраціи. Если въ началѣ сентября мѣсяца новый курсъ продовольственной политики проводился непреклонно (напр. въ Оренбургской губерніи земскіе начальники отказывали въ выдачѣ ранѣе разрѣшенныхъ ссудъ), то вскорѣ и на мѣстахъ, и въ центрѣ намѣтился переломъ. Правительство, по заявленію предсѣдателя совѣта министровъ въ Думѣ, пришло къ выводу, что общественныя работы не могутъ быть организованы въ размѣрѣ достаточномъ для удовлетворенія всей продовольственной нужды. Мы сейчасъ не хотимъ касаться вопроса, поскольку эта перемѣна курса была предпринята подъ давленіемъ очевидной логики фактовъ или была вызвана смѣной руководителя правительственной политики. Одно несомнѣнно: послѣ пересмотра вопроса въ совѣтѣ министровъ, выдача продовольственныхъ ссудъ была признана допустимой. Въ этомъ — несомнѣнный, хотя пока только и отрицательный успѣхъ такъ своеобразно начатой продовольственной кампаніи. Какъ ни очевидны недостатки дѣйствующей до сихъ поръ продовольственной системы, полная замѣна ссудъ общественными работами грозила создать для населенія очень тяжелыя жизненныя условія.

III.

Если въ дѣлѣ организаціи общественныхъ работъ правительство пошло въ разрѣзъ съ дѣйствующимъ продовольственнымъ уставомъ, то въ вопросѣ объ участіи земства въ продовольственной кампаніи оно отступило только отъ буквы закона, сохранивъ его основную антиземскую тенденцію. Общественныя работы, какъ и всѣ другіе побочные виды продовольственной помощи, по временнымъ правиламъ 1900-го года входятъ въ кругъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій; однако, выдвинутыя въ нынѣшнемъ году на первый планъ среди дру-

гихъ продовольственныхъ мѣропріятій, онѣ были переданы въ распоряженіе губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ по общественнымъ работамъ, этихъ новыхъ смѣшанныхъ административныхъ присутствій, а земству въ ихъ организаціи была отведена чисто служебная роль: оно должно было предоставить въ распоряженіе административныхъ органовъ свои техническія силы и средства.

Уже начало новой продовольственной кампаніи ознаменовалось столкновеніями земства и правительства въ продовольственномъ вопросѣ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ чрезвычайныя губернскія собранія самарское, казанское, уфимское рѣшительно критиковали новый курсъ продовольственной политики, указывая, что при данныхъ условіяхъ продовольственная помощь не можетъ исчерпываться общественными работами, и требуя иной ихъ организаціи. Правительство въ то время еще не было склонно идти на уступки въ главномъ пунктѣ своей программы. Что же касается организаціи общественныхъ работъ, то здѣсь между земствомъ и администраціей установились въ разныхъ губерніяхъ и уѣздахъ весьма различныя отношенія, не основанныя ни на какомъ единомъ правовомъ основаніи, а возникшія изъ случайной комбинаціи мѣстныхъ силъ и сложнаго сплетенія служебныхъ и личныхъ отношеній.

Такъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Уфимской губ., послѣ того какъ были отвергнуты выработанныя земствомъ основанія для веденія общественныхъ работъ, земство совершенно устранилось отъ нихъ, не желая брать на себя отвѣтственности передъ населеніемъ за неудачную постановку дѣла. Въ губерніяхъ Саратовской и Симбирской земскія управы играли роль подрядчиковъ въ устройствѣ общественныхъ работъ, тогда какъ общее завѣдываніе дѣломъ лежало на администраціи. Наконецъ, въ Казанской губерніи администрація совершенно неожиданно отступила передъ энергичнымъ протестомъ земскихъ дѣятелей; съ разрѣшенія продовольственнаго совѣщанія, дѣло общественныхъ работъ было передано, въ началѣ сентября, въ распоряженіе губернской земской управы. Однако, завѣдуя технической и хозяйственной частью общественныхъ работъ, земство и въ данномъ случаѣ оказалось устраненнымъ отъ важнѣйшей стороны продовольственной операціи. Составленіе списковъ нуждающихся, допускаемыхъ на общественныя работы, опредѣленіе продолжительности права ихъ на работу, выдача заработанныхъ денегъ — все это находится въ рукахъ земскихъ начальниковъ, т. е. фактически въ рукахъ волостной администраціи. „Волость“ въ настоящее время является тѣмъ близкимъ къ населенію исполнительнымъ органомъ, на которомъ держится вся наша продовольственная организація. Исторія общественныхъ работъ нынѣшней осени отчетливо показала, какъ плохо и медленно спра-

зляется эта организація съ порученнымъ ей дѣломъ, и отмѣтила прямыя злоупотребленія со стороны волостныхъ и сельскихъ властей. Очень часто волостные старшины оказывались plus royalistes que le roi: уже послѣ отмѣны извѣстнаго августовскаго циркуляра саратовскаго губернатора о взысканіи части окладныхъ сборовъ съ населенія, занятаго на общественныхъ работахъ, волостные старшины продолжали вычитывать недоимки изъ заработной платы „общественныхъ работниковъ"; это подтверждается новымъ циркуляромъ губернатора. Та же самая практика, судя по газетнымъ сообщеніямъ [1]), установилась и въ Казанской губерніи. Всѣ эти факты свидѣтельствуютъ о томъ, что если бы общественныя работы оставались попрежнему въ рукахъ земства, онѣ могли бы дать нѣсколько лучшіе результаты въ смыслѣ удовлетворенія продовольственной нужды населенія.

Желаніе правительства подчинить своему безусловному распоряженію и контролю организацію продовольственной помощи распространялось не только на однѣ общественныя работы. Устройство безплатныхъ столовыхъ въ Самарской губерніи также осталось въ рукахъ крестьянскихъ учрежденій, опять таки потому, что земство не согласилось организовывать ихъ на тѣхъ основаніяхъ, которыя были выработаны администраціей, и допускать въ столовыя только крестьянъ, внесенныхъ волостными правленіями въ списки нуждающихся. Эта тенденція подчинить строгому контролю благотворительную помощь косвенно сказалось и въ заявленіи предсѣдателя совѣта министровъ въ Государственной Думѣ, что „благотворительную помощь населенію возьметъ на себя организація Краснаго Креста".

Почти одновременно въ печати („Русское Слово" № 251), была оглашена бесѣда предсѣдателя междувѣдомственнаго продовольственнаго совѣщанія съ представителями общественныхъ организацій: онъ въ свою очередь совѣтовалъ имъ примкнуть къ дѣятельности „Краснаго Креста". Очевидно подъ этимъ полуоффиціальнымъ флагомъ „благотворительная помощь" вполнѣ допускается... И въ то же время министръ внутреннихъ дѣлъ не разрѣшаетъ пироговскому обществу врачей устройство въ голодающихъ мѣстностяхъ врачебно-санитарныхъ и питательныхъ пунктовъ, находя это совершенно излишнимъ. По сообщенію („Русскихъ Вѣдомостей" № 257), вопросъ о созывѣ съѣзда общеземской организаціи подлежитъ рѣшенію продовольственнаго совѣщанія, а послѣднее все никакъ не соберется постановить такое рѣшеніе. Что все это значитъ? Неужели все еще боятся, что борьба общества съ голодомъ можетъ превратиться въ борьбу съ правитель-

---

[1]) См. „Русскія Вѣдомости" № 257.

ствомъ? И гдѣ же тутъ истинная государственная политика, даже съ точки зрѣнія простого благоразумія? Если нынѣшній годъ оффиціально признается болѣе благополучнымъ, чѣмъ 1906-ой, то не могутъ ли обѣ правительственныя фантазіи, одна изъ которыхъ, къ счастью, уже оставлена,—прокормить все голодное населеніе однѣми общественными работами, и устранить отъ продовольственнаго дѣла живыя общественныя силы, которыми оно только и можетъ держаться,—не могутъ ли онѣ создать еще худшія условія народнаго продовольствія, чѣмъ было пять лѣтъ тому назадъ? Вѣдь не даромъ говорится: „неурожай отъ Бога, а голодъ отъ людей".

Н. Якушкинъ.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ СОЮЗОВЪ РАБОТОДАТЕЛЕЙ ВЪ РОССІИ

Работодательскіе союзы возникли у насъ только въ теченіе послѣднихъ пяти-шести лѣтъ. Это не значитъ, что у насъ до тѣхъ поръ не было организацій, защищавшихъ позицію предпринимателей въ рабочемъ вопросѣ: этимъ занимались, при отсутствіи спеціальныхъ организацій, предпринимательскіе союзы другихъ категорій—союзы оффиціальнаго представительства промышленности и торговли (биржевые комитеты и комитеты торговли и мануфактуръ), такъ называемые союзы для защиты „общихъ" интересовъ (съѣзды, общества промышленниковъ и т. п.). Но у насъ не было спеціальныхъ работодательскихъ союзовъ, т.-е. союзовъ, ставящихъ своей *исключительной* задачей защиту интересовъ предпринимателей въ качествѣ работодателей. Если у насъ были попытки созданія работодательскихъ союзовъ и до 1905-го года, то эти попытки никогда не имѣли успѣха. Только мощное рабочее движеніе 1905-6 г. и связанное съ нимъ развитіе профессіональныхъ рабочихъ союзовъ вызвало къ жизни работодательскіе союзы. Газетная хроника этого времени пестритъ сообщеніями о возникающихъ въ разныхъ городахъ имперіи работодательскихъ союзахъ. Въ это же время возникаютъ и самыя крупныя изъ организацій этого рода—С.-Петербургскій союзъ фабрикантовъ и заводчиковъ и общество фабрикантовъ и заводчиковъ московскаго промышленнаго района. Въ 1905 г. образуется Рижское общество фабрикантовъ и заводчиковъ; въ Екатеринбургѣ начинаетъ дѣйствовать союзъ подъ аналогичнымъ названіемъ. Въ 1906 г. въ Москвѣ со-

зывается съѣздъ для обсужденія проекта работодательскаго союза центральнаго промышленнаго района; возникаютъ общество донскихъ заводчиковъ и фабрикантовъ, союзъ ревельскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ, либавское общество фабрикантовъ и заводчиковъ и цѣлый рядъ другихъ работодательскихъ союзовъ, объединяющихъ предпринимателей опредѣленнаго района, независимо отъ отрасли промышленности и торговли. Въ это же время возникаютъ работодательскіе союзы по отдѣльнымъ отраслямъ промышленности. Зарождаются союзы типографовъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Тифлисѣ и другихъ городахъ; организуются въ работодательскіе союзы владѣльцы ремесленныхъ заведеній—портные, парикмахеры, столяры и т. п. Движеніе захватываетъ и представителей средней и мелкой промышленности и торговли. Какъ выяснила анкета „Торгово-Промышленной Газеты", движеніе приказчиковъ послужило сильнымъ толчкомъ къ объединенію среднихъ и мелкихъ предпринимателей. Этимъ же движеніемъ обусловливается характеръ дѣятельности такихъ союзовъ въ 1906—07 гг.: главное ихъ вниманіе было направлено на урегулированіе приказщичьяго и рабочаго вопросовъ. Многіе изъ такъ называемыхъ предпринимательскихъ союзовъ для защиты „общихъ" интересовъ въ періодъ 1905—07-го года отодвигаютъ на задній планъ всѣ другіе вопросы и превращаются на время въ типичные работодательскіе союзы. Не подлежитъ, такимъ образомъ, никакому сомнѣнію—да это подтверждается и иниціаторами союзовъ работодателей,—что *работодательское движеніе вызвано рабочимъ движеніемъ.* И въ этомъ отношеніи исторія нашихъ работодательскихъ союзовъ служитъ иллюстраціей къ выставленному Кесслеромъ положенію: „рабочій союзъ предшествуетъ работодательскому" [1]).

Если обратиться къ разсмотрѣнію дѣятельности и организаціи союзовъ работодателей въ Россіи [2]), то придется, прежде всего, указать на то, что общеимперскаго органа для объединенія нашихъ работодательскихъ союзовъ не имѣется. Нѣкоторые изъ нихъ входятъ въ составъ съѣздовъ представителей промышленности и торговли, но *спеціальнаго* общеимперскаго органа у насъ нѣтъ. На организаціонномъ съѣздѣ представителей промышленности и торговли весною 1906 г. долженъ былъ быть предметомъ обсужденія выработанный при ближайшемъ участіи И. А. Ясюнинскаго проектъ общеимперскаго союза работодателей [3]). Этотъ проектъ, однако, не только не получилъ осу-

---

[1]) Kessler, „Die deutschen Arbeitgeberverbände". Лейпцигъ. 1907, стр. 20.

[2]) Дѣятельность работодательскихъ союзовъ—преимущественно спб. союза фабрикантовъ и заводчиковъ—разсмотрѣна А. Ерманскимъ въ статьѣ „Работодательскіе союзы" („Соврем. Міръ" 1909, XII).

[3]) „Торг.-Пром. Газ." 1906 г., № 83.

ществленія, но даже не былъ подвергнутъ разсмотрѣнію, такъ какъ, въ виду событій того времени, самое обсужденіе его было признано нецѣлесообразнымъ.

Если у насъ нѣтъ общеимперскаго работодательскаго союза, то у насъ не ощущается недостатка въ работодательскихъ союзахъ, объединяющихъ предпринимателей наиболѣе промышленныхъ областей имперіи. Остановимся на исторіи возникновенія нѣкоторыхъ изъ союзовъ этой категоріи.

Въ октябрѣ 1905 г. на съѣздѣ фабрикантовъ и заводчиковъ московскаго района обсуждался вопросъ о мѣрахъ борьбы съ рабочимъ движеніемъ. Нѣкоторые изъ участниковъ высказались за созданіе работодательскаго союза. Разработка проекта такого союза была поручена спеціальной коммиссіи изъ 58 лицъ, и въ результатѣ работъ этой коммиссіи явился проектъ устава союза фабрикантовъ и заводчиковъ центральнаго промышленнаго района. Въ выработкѣ этого устава принимала дѣятельное участіе коммиссія по рабочему вопросу при московскомъ биржевомъ комитетѣ. По утвержденіи устава администраціей коммиссія предполагала созвать на 17-ое апрѣля 1906 г. съѣздъ владѣльцевъ и представителей московскихъ и примыкающихъ къ Москвѣ фабрикъ и заводовъ. Въ организаціонное бюро съѣзда вошли видные представители московской промышленности, напр. Кнопъ и Четвериковъ. Но, въ виду рабочаго движенія и неспокойнаго времени, учредительный съѣздъ пришлось отложить, а самый союзъ открылъ свои дѣйствія нѣсколькими мѣсяцами позже.

Другой крупный работодательскій союзъ—с.-петербургское общество фабрикантовъ и заводчиковъ—возникъ въ 1906 г. и въ слѣдующемъ году слился съ обществомъ для содѣйствія улучшенію и развитію фабрично-заводской промышленности. Это общество является союзомъ работодательскимъ [1]).

Въ 1906 г. въ Бѣлостокѣ возникъ работодательскій союзъ по иниціативѣ и при ближайшемъ содѣйствіи тамошняго генералъ-губернатора. Подъ его предсѣдательствомъ состоялось собраніе, посвященное вопросу объ урегулированіи отношеній между фабрикантами и рабочими. Въ цѣляхъ предотвращенія дальнѣйшихъ забастовокъ, генералъ-губернаторъ предложилъ фабрикантамъ избрать изъ своей среды коммиссію, на обязанности которой лежало бы попеченіе о нормальномъ теченіи промышленной жизни и составленіе устава работодательскаго союза. Эта коммиссія разработала уставъ союза бѣлостокскихъ фабрикантовъ, пользуясь для этого матеріалами, присланными работодательскими организаціями Берлина, Москвы и Варшавы.

---

[1]) См. отчетъ его за 1897—1907 гг. (Спб., 1908).

Въ 1906 г., по иниціативѣ спб. общества для содѣйствія улучшенію и развитію фабрично-заводской промышленности, обсуждался проектъ работодательскаго союза сѣвернаго промышленнаго района по образцу московскаго. О работодательскихъ союзахъ съ спеціальной цѣлью — борьбы съ забастовками и увеличенія рабочаго времени—сообщаютъ изъ Варшавы и Риги.

Въ концѣ 1906 г. въ Петербургѣ возникаетъ союзъ металлозаводчиковъ сѣвернаго района. Этотъ союзъ главной задачей своей дѣятельности считаетъ наступательную борьбу съ рабочимъ движеніемъ. Средствомъ для этого былъ избранъ полный и частичный локаутъ. Одновременно съ этимъ союзъ основалъ страховой фондъ, путемъ отчисленія 3% съ ежегодной прибыли каждаго входящаго въ составъ союза предпріятія.

Въ томъ же 1906 г. создаются областные работодательскіе союзы въ Лодзи, Варшавѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ.

Какова же организація и дѣятельность работодательскихъ союзовъ? Для отвѣта на этотъ вопросъ разсмотримъ нѣсколько работодательскихъ союзовъ разныхъ типовъ. Начнемъ съ спб. общества фабрикантовъ и заводчиковъ, учрежденнаго, какъ сказано въ его уставѣ, „для повсемѣстнаго въ Россіи изученія, развитія и защиты интересовъ промышленности, для изслѣдованія и улучшенія условій труда и производства, а равнымъ образомъ для изученія условій и для развитія сбыта продуктовъ“. Однако, весь уставъ свидѣтельствуетъ о томъ, что задачи общества формулируются не вышеприведеннымъ § 1-мъ, а § 3-мъ. Согласно этому параграфу, общество принимаетъ мѣры къ устраненію, путемъ соглашенія или третейскаго разбирательства, недоразумѣній, возникающихъ между нанимателемъ и нанимаемымъ; учреждаетъ примирительныя камеры, вырабатываетъ нормальныя таксы и другія условія труда для разныхъ отраслей промышленности; ходатайствуетъ объ изданіи новыхъ и измѣненіи существующихъ законовъ; выдаетъ пособія и оказываетъ поддержку своимъ членамъ въ случаѣ стачекъ; открываетъ конторы по пріисканію рабочихъ рукъ; устраиваетъ библіотеки, школы и т. д. Денежныя средства общества составляются изъ вступительнаго членскаго взноса, уплачиваемаго въ размѣрѣ 10 коп. съ каждаго рабочаго, изъ ежегоднаго членскаго взноса и изъ другихъ источниковъ. Въ числѣ спеціальныхъ капиталовъ общества имѣются капиталы для оказанія помощи членамъ въ случаѣ забастовки. По большинству вопросовъ, обсуждаемыхъ въ обществѣ, члены пользуются не одинаковыми правами; право голоса обусловливается размѣромъ ежегоднаго членскаго взноса. Управленіе дѣлами общества возлагается на совѣтъ и общее собраніе членовъ. Для защиты интересовъ работодателей отдѣльныхъ

отраслей промышленности при обществѣ образованы отдѣлы. Каждый членъ отдѣла, въ случаѣ забастовки рабочихъ на его фабрикѣ или заводѣ, въ правѣ обращаться въ совѣтъ отдѣла съ просьбой о назначеніи ему субсидіи. О всякой забастовкѣ рабочихъ члены обязаны немедленно сообщить въ совѣтъ отдѣла. Если членъ отдѣла считаетъ себя въ правѣ получить вознагражденіе за понесенные убытки изъ спеціальнаго капитала, то онъ подаетъ объ этомъ заявленіе въ совѣтъ. Совѣтъ, по полученіи такого заявленія, созываетъ особую коммиссію для разсмотрѣнія правъ членовъ на возмѣщеніе убытковъ. Эта коммиссія, въ теченіе 48 часовъ, должна высказать свое отношеніе къ заявленію члена, а также опредѣлить размѣры причитающагося ему вознагражденія. Окончательное рѣшеніе вопроса о возмѣщеніи убытковъ отъ забастовки принадлежитъ собранію членовъ отдѣла, которое руководится при этомъ заключеніемъ коммиссіи.

Дѣятельность общества фабрикантовъ и заводчиковъ началась, собственно говоря, еще въ 1905 г., когда спб. общество для содѣйствія улучшенію и развитію фабрично-заводской промышленности, по направленію своей дѣятельности, приняло характеръ работодательскаго союза. Въ этомъ году дѣятельность общества дошла до большаго напряженія; оно имѣло 184 засѣданія, вмѣсто обычныхъ 25—40. Обсуждались вопросы, возникавшіе въ связи съ забастовками и требованіями рабочихъ: сокращеніе рабочаго времени, плата за время забастовки, общая тактика во время забастовокъ, участіе въ коммиссіи по рабочему вопросу подъ предсѣдательствомъ Шидловскаго, конвенція въ цѣляхъ объединенія дѣйствій фабрикантовъ и заводчиковъ для противодѣйствія введенію восьмичасового рабочаго дня, согласованіе условій работъ на казенныхъ и частныхъ заводахъ, регистрація стачекъ. Въ 1906-мъ году общество работало еще болѣе усиленно, и преимущественно надъ тѣми же вопросами: оно имѣло 221 засѣданіе. Тогда же былъ составленъ проектъ общества фабрикантовъ и заводчиковъ, такъ какъ было признано, что созданіе работодательскаго союза является потребностью времени.

Въ 1907-мъ году общество нѣсколько измѣнило направленіе своей дѣятельности. Это объясняется тѣмъ, что данный годъ былъ болѣе спокойный. Особенное вниманіе общество удѣлило вопросамъ рабочаго законодательства, въ связи съ происходившими въ министерствѣ торговли совѣщаніями по обсужденію законопроектовъ о продолжительности рабочаго времени, о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, отъ болѣзни и врачебной помощи. Всѣ эти законопроекты подвергались детальному обсужденію на засѣданіяхъ общества, представители котораго съ достаточной силой и энергіей, по словамъ отчета, вели защиту интересовъ предпринимателей въ правитель-

ственныхъ совѣщаніяхъ. Цѣлый рядъ циркуляровъ, изданныхъ обществомъ для свѣдѣнія своихъ членовъ, посвященъ судебнымъ рѣшеніямъ по дѣламъ о забастовкахъ. Помимо гласныхъ циркуляровъ, обществомъ издаются еще секретные, съ содержаніемъ которыхъ мы, къ сожалѣнію, лишены были возможности ознакомиться. При обществѣ была организована секція хромолитографовъ. По случаю забастовки на одномъ изъ предпріятій этого отдѣла было постановлено оказать поддержку потерпѣвшему члену прямымъ возмѣщеніемъ части убытковъ, которые понесло предпріятіе. Обсуждая случаи фабричнаго террора, общество постановило фабрики въ такихъ случаяхъ закрывать и всѣхъ рабочихъ разсчитывать съ уплатой лишь за отработанное время. Разсчитанные рабочіе не должны приниматься на службу впредь до выясненія дѣйствительныхъ виновниковъ насилія. Механическій отдѣлъ общества издалъ „Справочную книжку по нѣкоторымъ вопросамъ о наймѣ и расчетѣ рабочихъ на фабрики и заводы". Въ этой книжкѣ рекомендуется примѣненіе однообразныхъ нормъ при наймѣ и расчетѣ рабочихъ. Тотъ же отдѣлъ разработалъ проектъ посреднической конторы, въ задачи которой входитъ составленіе кадра вполнѣ надежныхъ рабочихъ и поднятіе фабрично-заводской дисциплины. На собраніи членовъ отдѣла было принято постановленіе, направленное противъ рабочихъ, не являющихся въ мастерскія въ дни политическихъ праздниковъ и демонстрацій. При отдѣлѣ работала коммиссія по составленію нормальной расчетной книжки и правилъ внутренняго распорядка. Текстильный отдѣлъ обсуждалъ проектъ учрежденія вспомогательнаго фонда на случай забастовокъ и выработалъ нормальныя расцѣночныя таблицы. Въ этомъ же отдѣлѣ обсуждались вопросы объ урегулированіи рабочаго времени и заработной платы и о мѣрахъ противодѣйствія самовольному оставленію рабочими своихъ мастерскихъ. Въ 1909-мъ году общество, помимо вопросовъ, связанныхъ съ отношеніями къ рабочимъ, принимало участіе въ обсужденіи реформы акціонернаго законодательства, проекта положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ, обложенія промышленности и торговли и т. п. Въ томъ же году обществомъ была издана книга: „Къ предстоящему страхованію рабочихъ". Открылъ свою дѣятельность справочный отдѣлъ по найму рабочихъ. Общій характеръ дѣятельности общества въ 1909 и 1910 гг. обусловленъ, съ одной стороны, обсужденіемъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ цѣлаго ряда вопросовъ, затрагивающихъ интересы предпринимателей, съ другой стороны—упадкомъ рабочаго движенія. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что, несмотря на нѣсколько измѣнившійся характеръ дѣятельности спб. общества фабрикантовъ и заводчиковъ, оно является все же типичнымъ работодательскимъ союзомъ.

Уставъ общества заводчиковъ и фабрикантовъ московскаго промышленнаго района (это общество не слѣдуетъ смѣшивать съ о-вомъ заводчиковъ и фабрикантовъ центральнаго промышленнаго района) зарегистрованъ въ маѣ 1907-го года и напоминаетъ уже извѣстный намъ уставъ Спб. о-ва фабрикантовъ и заводчиковъ. Въ задачи этого общества, помимо изученія развитія и защиты интересовъ промышленности, входитъ устраненіе недоразумѣній между нанимателями и нанимаемыми, учрежденіе примирительныхъ камеръ, разработка нормальныхъ таксъ, выдача пособій въ случаѣ забастовокъ, принятіе всѣхъ необходимыхъ мѣръ противъ забастовщиковъ и т. п. Въ члены о-ва принимаются всѣ лица и учрежденія, уплачивающія промысловый налогъ и занимающіяся фабрично-заводскимъ производствомъ, если въ ихъ предпріятіяхъ, находящихся въ Москвѣ и Московскомъ уѣздѣ, числится не менѣе 50 рабочихъ. Права членовъ и здѣсь обусловливаются размѣромъ членскаго взноса: крупнымъ предпріятіямъ при рѣшеніи дѣлъ отдается предпочтеніе. Задачи отдѣловъ, существующихъ при Московскомъ о-вѣ тождественны съ задачами отдѣловъ Спб. о-ва фабрикантовъ и заводчиковъ.

Въ отчетѣ московскаго союза за 1909 г. мы находимъ обширную характеристику рабочаго движенія. Указывая на неорганизованность этого движенія, на то, что русскія стачки принимаютъ стихійный характеръ, авторы отчета приводятъ статистику стачекъ въ Россіи за послѣдніе годы. Далѣе указывается на трудность дѣлать какія-либо предположенія на счетъ возможности и формы проявленія рабочаго движенія въ будущемъ и говорится о томъ, что теперешнее положеніе не можетъ служить правильнымъ показателемъ установившихся отношеній между рабочими и предпринимателями. Однако ослабленіе рабочаго движенія внесло нѣкоторыя измѣненія въ дѣятельность о-ва въ 1909-мъ году. Ему приходилось обсуждать, главнымъ образомъ, общепромышленные вопросы: фабричное законодательство, врачебную помощь рабочимъ, реформы таможеннаго законодательства, земское обложеніе, изысканіе мѣръ для борьбы съ неплатежами и т. п. Значительное вниманіе удѣлялось разногласіямъ между фабричной инспекціей и предпринимателями. О-во принимаетъ дѣятельное участіе въ совѣщаніяхъ по вопросамъ фабричнаго законодательства, промысловаго обложенія и т. д. Подобно Спб. о-ву фабрикантовъ и заводчиковъ, оно выполняетъ роль посредника при наймѣ рабочихъ. Спеціальное бюро общества выполняетъ посредническія функціи въ этомъ дѣлѣ путемъ выдачи справокъ по всѣмъ запросамъ при наймѣ рабочихъ, не представляющихъ удовлетворительнаго аттестата съ прежняго мѣста. При обществѣ дѣйствуетъ консультаціонное бюро для оказанія юридической помощи его членамъ. Если въ предпріятіяхъ нѣкоторыхъ

членовъ о-ва вводятся новыя правила внутренняго распорядка и условій найма, то они составляются по разработанной о-вомъ схемѣ. Правила и условія найма, до представленія ихъ фабричной инспекціи, разсматриваются консультаціоннымъ бюро, которое вноситъ въ нихъ соотвѣтствующія измѣненія. При забастовкахъ консультаціонное бюро указаніями и совѣтами помогаетъ администраціи предпріятій, чтобы не давать рабочимъ основанія къ предъявленію исковъ къ предпринимателямъ. Для информаціи своихъ членовъ о забастовкахъ, о-во издаетъ бюллетени подъ названіемъ: „Рабочее движеніе за такой-то періодъ времени". Возьмемъ, для примѣра, бюллетень № 12 (Май — Сентябрь 1909 г.). Первый отдѣлъ его посвященъ забастовкамъ. Указывая на то, что забастовки въ настоящее время не носятъ того стихійнаго характера, какой онѣ имѣли въ 1905—1906 гг., бюллетень отмѣчаетъ, что во многихъ мѣстахъ тѣмъ не менѣе проявились какъ групповыя, такъ и частичныя забастовки. Далѣе слѣдуетъ перечисленіе этихъ забастовокъ по отдѣльнымъ промышленнымъ районамъ имперіи. Указывается на то, что весьма крупнымъ факторомъ въ ослабленіи интенсивности рабочаго движенія явилась бо̀льшая сплоченность работодателей, что видно по цѣлому ряду локаутовъ, предпринятыхъ въ Царствѣ Польскомъ и въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Приводится также сравнительная статистика забастовокъ въ Западно-Европейскихъ государствахъ и въ Россіи. Второй отдѣлъ бюллетеня посвященъ профессіональному движенію рабочихъ. Излагая исторію профессіональныхъ союзовъ за послѣдніе 3—4 года, бюллетень даетъ характеристику союзовъ, существующихъ въ настоящее время, перечисляетъ издаваемые ими органы и отмѣчаетъ главные тормазы развитія профессіональнаго движенія. Затѣмъ слѣдуетъ характеристика просвѣтительныхъ учрежденій и клубовъ, создаваемыхъ рабочими. Этотъ отдѣлъ заканчивается обзоромъ успѣховъ профессіональнаго движенія рабочихъ на Западѣ. Третій отдѣлъ бюллетеня характеризуетъ дѣятельность предпринимателей въ рабочемъ вопросѣ. Тутъ мы находимъ свѣдѣнія объ измѣненіяхъ въ фабричномъ законодательствѣ, сдѣланныхъ по иниціативѣ какъ о-ва заводчиковъ и фабрикантовъ Московскаго промышленнаго района, такъ и другихъ работодательскихъ союзовъ. Заканчивается бюллетень отдѣломъ о рабочемъ движеніи на Западѣ. Здѣсь мы находимъ характеристику всеобщей забастовки въ Швеціи и мѣръ борьбы съ нею со стороны работодателей.

Еще до возникновенія общества фабрикантовъ и заводчиковъ Московскаго промышленнаго района былъ утвержденъ уставъ о-ва фабрикантовъ и заводчиковъ центральнаго промышленнаго района. Дѣятельность о-ва распространяется на губерніи Владимірскую, Калужскую, Костромскую, Орловскую, Нижегородскую, Рязанскую, Смоленскую,

Тверскую, Тульскую, Ярославскую и Московскую. Общество руководится принципомъ „содѣйствія объединенными силами росту отечественной промышленности и противодѣйствія всему, что задерживало бы ея нормальное развитіе“. Оно считаетъ своей обязанностью „заботится о благѣ рабочихъ“; но вмѣстѣ съ тѣмъ „всѣ члены о-ва обязаны принимать мѣры для борьбы съ притязаніями рабочихъ“. Для осуществленія этого основного „принципа“ о-во устанавливаетъ слѣдующую программу дѣятельности: 1. Обезпеченіе взаимной поддержки и содѣйствіе членамъ о-ва въ ихъ борьбѣ съ требованіями о повышеніи заработной платы и въ иныхъ вопросахъ, возникающихъ изъ отношеній между работодателями и рабочими. 2. Осуществленіе мѣръ предупрежденія забастовокъ и улаженіе взаимныхъ конфликтовъ путемъ учрежденія примирительныхъ камеръ. 3. Матеріальная, юридическая и всякаго рода иная помощь членамъ о-ва при забастовкахъ. 4. Принятіе общихъ, обязательныхъ для всѣхъ членовъ о-ва мѣръ, какъ въ дѣлѣ предупрежденія забастовокъ, такъ и въ борьбѣ съ ними, не исключая и локаутовъ. 5. Установленіе расцѣнокъ и условій найма рабочихъ. Общество ставитъ себѣ задачей образованіе мѣстныхъ отдѣловъ въ районѣ своего дѣйствія. При обществѣ существуетъ спеціальный капиталъ для возмѣщенія убытковъ отъ забастовокъ. При исчисленіи этихъ убытковъ совѣтъ о-ва руководится выработанными правилами. Въ кругъ дѣятельности о-ва входятъ также и страховыя операціи по вознагражденію членовъ о-ва за убытки, происшедшіе отъ порчи машинъ и товаровъ при внезапной забастовкѣ. Для этой цѣли имѣется особый страховой капиталъ. Всякій членъ общества при вступленіи въ союзъ даетъ письменное обязательство подчиняться всѣмъ статьямъ устава и постановленіямъ общихъ собраній. При вступленіи въ о-во новый членъ обязуется доставить правленію свѣдѣнія о заработной платѣ по всѣмъ отдѣламъ и категоріямъ своего предпріятія и о правилахъ внутренняго распорядка. При возникновеніи забастовки всякій членъ о-ва обязанъ въ трехдневный срокъ извѣстить объ этомъ правленіе о-ва и представить копію требованій рабочихъ. При окончаніи забастовки въ правленіе должны быть доставлены свѣдѣнія о тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ состоялось соглашеніе. Правила устава, нарушеніе коихъ влечетъ за собой исключеніе изъ о-ва, касаются уплаты за дни забастовокъ (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда она производится въ силу судебнаго рѣшенія); измѣненія членами о-ва продолжительности нормальнаго рабочаго времени и условій работы, установленныхъ правленіемъ о-ва; допущенія вмѣшательства рабочихъ депутатовъ, какъ постояннаго органа, въ установленіе расцѣнокъ, условій найма и увольненія рабочихъ. Цѣлый рядъ другихъ нарушеній устава влечетъ за собой оштрафованіе членовъ.

Таковы главные принципы дѣятельности общества заводчиковъ и фабрикантовъ центральнаго промышленнаго района. Съ 1907 г.—времени возникновенія о-ва фабрикантовъ и заводчиковъ Московскаго промышленнаго района—дѣятельность работодательскаго союза центральнаго промышленнаго района заслоняется дѣятельностью Московскаго союза.

Разсмотрѣнные нами работодательскіе союзы защищаютъ интересы предпринимателей *всѣхъ* отраслей промышленности даннаго района. Другую категорію составляютъ союзы, обнимающіе *отдѣльныя* отрасли промышленности. Таковы, напримѣръ, о-во фабрикантовъ парфюмернаго производства, о-во фабрикантовъ кондитерскаго производства, о-во типо-литографовъ [1]).

Московское о-во фабрикантовъ парфюмернаго производства входитъ въ составъ союза работодателей Московскаго промышленнаго района. Оно имѣетъ цѣлью объединеніе всѣхъ фабрикантовъ парфюмернаго производства 1) для урегулированія ихъ взаимныхъ отношеній и для поддержки при забастовкахъ и спорахъ съ рабочими; 2) для борьбы съ агитаціей и съ мѣрами, направленными противъ „свободы" промышленности и „свободы" дѣйствій; 3) для обезпеченія взаимной поддержки и содѣйствія членамъ о-ва въ ихъ борьбѣ съ требованіями повышенія заработка и уменьшенія рабочаго времени. Общество стремится, далѣе, къ урегулированію отношеній работодателей къ ихъ служащимъ и рабочимъ и къ нормировкѣ заработной платы. Съ этой цѣлью совѣтъ о-ва устанавливаетъ однообразную продолжительность рабочаго времени и разрабатываетъ правила внутренняго распорядка въ парфюмерномъ производствѣ. Средства общества составляются изъ основныхъ и ежегодныхъ взносовъ. Основной взносъ, служащій для покрытія убытковъ отъ забастовокъ, исчисляется помноженіемъ на 24 суммы операціонныхъ расходовъ одного забастовочнаго дня, а операціонные расходы исчисляются согласно особымъ правиламъ. Всякій членъ общества даетъ письменное обязательство точно выполнять требованія устава и безусловно подчиняться всѣмъ постановленіямъ общихъ собраній и исполнительныхъ органовъ общества. Члены о-ва обязуются не разрѣшать самостоятельно вопросовъ, возникающихъ изъ взаимоотношеній работодателей и рабочихъ: эти вопросы подлежатъ компетенціи общества или его исполнительныхъ органовъ. О

---

[1]) Многіе работодательскіе союзы, къ которымъ авторъ обращался съ просьбой сообщить о своей дѣятельности, либо въ этой просьбѣ отказывали, либо ограничивались присылкой устава, добавляя, что свѣдѣнія о дѣятельности союза не публикуются. Это обстоятельство — въ виду почти полнаго отсутствія фактическаго матеріала о дѣятельности работодательскихъ союзовъ въ нашей литературѣ—необходимо принять во вниманіе.

всякомъ происшествіи въ парфюмерномъ производствѣ, имѣющемъ болѣе или менѣе важное значеніе, члены о-ва должны доводить до свѣдѣнія правленія. Если общее собраніе объявитъ локаутъ, членъ о-ва обязанъ закрыть свою фабрику. О всякой забастовкѣ доводится немедленно до свѣдѣнія правленія. Общество исключаетъ и штрафуетъ своихъ членовъ въ тѣхъ же случаяхъ, что и общество фабрикантовъ и заводчиковъ центр. пром. района.

Московское о-во фабрикантовъ кондитерскаго производства руководится въ своей дѣятельности тѣми же принципами, какъ упомянутый союзъ работодателей парфюмернаго производства.

Рижское о-во фабрикантовъ, открывшее свои дѣйствія въ началѣ 1906 года, построено на нѣсколько иныхъ началахъ. При о-вѣ имѣется особый комитетъ, спеціальной задачей котораго является установленіе однообразнаго способа дѣйствій работодателей по отношенію къ рабочимъ.

Рабочее движеніе особенно сильно коснулось графической промышленности, рабочіе которой всегда стояли во главѣ движенія. Вполнѣ понятно, поэтому, что въ средѣ работодательскихъ союзовъ по отдѣльнымъ отраслямъ промышленности одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ союзамъ типо-литографовъ.

Однимъ изъ наиболѣе значительныхъ союзовъ этой отрасли промышленности является Московское общество типо-литографовъ, основанное 10-го ноября 1905 г.. Задачи этого общества чрезвычайно обширны. Стремясь, между прочимъ, къ нормировкѣ продажныхъ цѣнъ, оно по всему характеру своей дѣятельности является союзомъ работодателей. Цѣли общества—объединеніе типо-литографовъ и защита ихъ экономическихъ и профессіональныхъ интересовъ; установленіе тѣсной связи между членами о-ва, для взаимной поддержки при забастовкахъ и спорахъ съ рабочими; противодѣйствіе агитаціи и мѣрамъ, направленнымъ противъ „свободы“ промышленности и „свободы“ дѣйствій; установленіе нормальныхъ заработныхъ платъ и условій труда. Всякій, вступающій въ члены о-ва, даетъ формальное обязательство подчиняться постановленіямъ союза, въ обезпеченіе чего уплачивается единовременный взносъ. О всякомъ происшествіи въ типо-литографскомъ дѣлѣ члены о-ва обязаны извѣщать правленіе. Неисполненіе постановленія о-ва можетъ повлечь за собой исключеніе изъ числа членовъ. Для возмѣщенія убытковъ отъ забастовокъ при о-вѣ учрежденъ спеціальный капиталъ, составляемый изъ членскихъ взносовъ. Каждый членъ о-ва имѣетъ право на полученіе извѣстной суммы изъ этого капитала, въ случаѣ забастовки въ его предпріятіи. Въ числѣ мѣръ борьбы о-ва съ забастовками имѣется и локаутъ, который можетъ быть объявленъ въ случаѣ забастовки въ предпріятіи одного изъ

членовъ. Если общее собраніе союза не считаетъ цѣлесообразнымъ прибѣгать къ локауту, заказы, имѣющіеся въ предпріятіи, рабочіе котораго забастовали, выполняются другими участниками общества. Безусловно воспрещается членамъ о-ва платить рабочимъ за дни забастовокъ, самостоятельно измѣнять условія работы, допускать вмѣшательство рабочихъ въ устройство внутренняго распорядка. Подробно разработанныя правила найма рабочихъ въ мастерскія членовъ Московскаго общества типо-литографовъ регулируютъ вопросы о порядкѣ зачисленія на работу, о заработной платѣ, сверхъурочной работѣ, праздникахъ, пребываніи на работѣ и т. д.

Въ Петербургѣ, помимо союза владѣльцевъ печатныхъ заведеній, открывшаго свои дѣйствія въ концѣ 1905 г., образовался въ 1906 г. еще второй союзъ работодателей-типографовъ, черезъ годъ слившійся съ первымъ. Спб. союзъ типо-литографовъ, открывшій свои дѣйствія въ 1906 г., напоминаетъ Московское О-во типо-литографовъ. Членами союза подписанъ договоръ, въ которомъ они обязуются путемъ ограниченія взаимной конкурренціи и удешевленія издержекъ производства оказывать другъ другу поддержку въ борьбѣ съ союзомъ рабочихъ. Тѣ работы, которыя находятся въ рукахъ отдѣльныхъ владѣльцевъ, не должны быть предметомъ конкурренціи. Разногласія между рабочими и владѣльцами предпріятій разрѣшаются исполнительными органами союза. Для возмѣщенія убытковъ отъ забастовокъ образуется денежный фондъ [1]). Харьковское О-во типо-литографовъ, лодзинское О-во владѣльцевъ печатныхъ заведеній, тифлисскій и прибалтійскій союзъ работодателей той же отрасли производства построены, въ общемъ, на однихъ и тѣхъ же началахъ и, отличаясь въ частностяхъ, напоминаютъ по своей организаціи и дѣятельности московское о-во типо-литографовъ.

Интересный образецъ работодательскаго союза представляетъ собою Виленское торгово-промышленное общество, распространяющее свои дѣйствія на всѣ отрасли торговли и промышленности. Несмотря на то, что общество ставитъ своей задачей развитіе и укрѣпленіе сознанія солидарности предпринимателей, въ видахъ огражденія экономическихъ ихъ интересовъ, а также поднятіе экономическаго благосостоянія г. Вильны, вся организація и дѣятельность этого о-ва свидѣтельствуетъ о томъ, что мы имѣемъ дѣло съ типичнымъ работодательскимъ союзомъ. Оно стремится къ урегулированію недоразумѣній между работодателями и рабочими и къ огражденію и защитѣ работодателей отъ требованій и насилій со стороны рабочихъ. При о-вѣ существуетъ фондъ для выдачи ссудъ работодателямъ во время забастовокъ. О-во

---

[1]) „Торг.-Пром. Газ.“ 1906, № 129.

оказываетъ также всякое содѣйствіе рабочимъ, не желающимъ принимать участіе въ забастовкѣ. Въ члены о-ва принимаются владѣльцы торговыхъ, промышленныхъ и ремесленныхъ предпріятій. Всѣ члены обязаны принимать къ предупрежденію забастовокъ мѣры, предписываемыя обществомъ; въ противномъ случаѣ они лишаются права на полученіе вознагражденія за убытки отъ забастовки. Каждый членъ о-ва вноситъ годичный вкладъ въ размѣрѣ отъ 50 до 1.000 рублей для образованія фонда по выдачѣ ссудъ. Въ случаѣ забастовки каждый членъ о-ва получаетъ вознагражденіе въ размѣрѣ 10% внесеннаго имъ годичнаго вклада. Мелкіе промышленники, ремесленники и торговцы однѣхъ и тѣхъ же отраслей производства вступаютъ въ о-во, соединяясь въ группы (не болѣе пяти лицъ въ каждой). Въ случаѣ забастовки вознагражденіе выдается всей группѣ въ размѣрѣ 10% внесеннаго ею вклада. Всѣ предпріятія раздѣляются на 4 разряда: торговыя, фабрично-заводскія, банкирскія и коммиссіонныя, ремесленныя. Въ случаѣ возникновенія забастовки члены того разряда, въ одномъ изъ предпріятій котораго произошла забастовка, вносятъ въ кассу о-ва ежедневно до 1% своего годичнаго вклада. Если эти взносы окажутся недостаточными къ дополнительнымъ взносамъ привлекаются и члены другихъ разрядовъ. При возникновеніи забастовки члены о-ва немедленно доводятъ до свѣдѣнія правленія какъ о мотивахъ ея, такъ и о предъявленныхъ требованіяхъ. Съ момента возникновенія забастовки и предъявленія требованій, члены о-ва не въ правѣ вступать съ рабочими и служащими въ какіе-либо переговоры или соглашенія помимо правленія о-ва. Въ случаѣ невозможности достигнуть примиренія сторонъ при забастовкѣ, правленіе устраиваетъ совѣщаніе изъ владѣльцевъ однородныхъ предпріятій и свѣдущихъ лицъ. Постановленія совѣщанія обязательны для всѣхъ членовъ, при чемъ правленіе, въ обезпеченіе исполненія рѣшеній совѣщанія, можетъ потребовать отъ участниковъ его денежныхъ залоговъ. Правленіе о-ва разсматриваетъ предъявленныя рабочими требованія и является вообще исполнительнымъ органомъ союза.

Работодательскіе союзы имѣются и въ области ремеслъ. Отличительныя черты союзовъ владѣльцевъ ремесленныхъ предпріятій, поскольку объ этомъ можно судить по находившимся въ нашемъ распоряженіи матеріаламъ, — незначительный членскій взносъ и отсутствіе постояннаго фонда для возмѣщенія убытковъ отъ забастовокъ. Обычно въ случаѣ забастовки созываются экстренныя собранія членовъ, которыя обсуждаютъ дальнѣйшую тактику работодателей. Уставы союзовъ этой категоріи устанавливаютъ однообразныя условія труда въ мастерскихъ членовъ союза.

Если движеніе предпринимателей послѣднихъ лѣтъ создало союзы

работодателей наступательнаго „боевого“ характера, то намъ извѣстны и союзы, стремящіеся къ мирному улаженію промышленныхъ конфликтовъ. Эта высшая стадія въ развитіи работодательскаго движенія проявлялась въ дѣятельности теперь уже не существующаго о-ва для защиты интересовъ и развитія одесской промышленности, преобразовавшагося въ о-во фабрикантовъ и заводчиковъ.

Вышеприведенными данными для характеристики работодательскихъ союзовъ въ Россіи приходится ограничиться, главнымъ образомъ, по соображеніямъ двоякаго рода. Во-первыхъ, многіе работодательскіе союзы, намъ извѣстные, отчетовъ и свѣдѣній о своей дѣятельности не печатаютъ и вообще не сообщаютъ. Вторая причина — поразительная бѣдность нашей профессіональной рабочей печати, которая, находясь въ невыносимыхъ условіяхъ, лишена возможности дѣятельностью работодательскихъ союзовъ, больше всего затрагивающихъ интересы рабочихъ союзовъ. Если органы профессіональнаго рабочаго движенія за періодъ 1905—7 гг. и даютъ нѣкоторыя указанія на существованіе работодательскихъ организацій и намѣчаютъ вѣхи, по которымъ можно вести изученіе ихъ дѣятельности, то тѣ немногочисленные органы, которые уцѣлѣли за послѣдніе три года, въ этомъ отношеніи почти ничего не даютъ.

Какъ бы то ни было, разсмотрѣнныя выше данныя позволяютъ придти къ тому выводу, что съ 1905 г. у насъ возникаютъ работодательные союзы, успѣвшіе объединить предпринимателей различныхъ отраслей промышленности и торговли. Эти союзы, существуя въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи, являются, вмѣстѣ съ предпринимательскими союзами другихъ категорій—картелями и союзами для защиты „общихъ“ интересовъ — нагляднымъ доказательствомъ тѣхъ огромныхъ успѣховъ, которые сдѣлало предпринимательское движеніе, за послѣднія пять-шесть лѣтъ, въ „конституціонной“ Россіи.

Евг. Лурье.

О ПАЦИФИЗМѢ

П. Н. Милюковъ. Вооруженный миръ и ограниченіе вооруженій. Спб., 911. Изданіе С.-Петербургскаго общества мира. Ц. 60 к.

Интересная книжка П. Н. Милюкова составилась изъ лекцій, читанныхъ имъ въ разныхъ городахъ на тему о сущности и задачахъ пацифизма. Общественное движеніе въ пользу мира, какъ весьма

убѣдительно доказываетъ авторъ, имѣетъ свою основу не въ доводахъ отвлеченной морали, а въ реальныхъ требованіяхъ жизни; оно неизбѣжно „вытекаетъ изъ психологіи цивилизованнаго человѣчества и неудержимо входитъ въ жизнь, побѣждая стихійное сопротивленіе отживающихъ предразсудковъ и заинтересованное противодѣйствіе круговъ, живущихъ войною и военными настроеніями". Въ русскомъ обществѣ эти воинственные предразсудки и интересы не нуждаются даже въ опроверженіи: они слишкомъ слабы у насъ сами по себѣ и не находятъ почвы ни въ общемъ міросозерцаніи народа, ни въ традиціяхъ и стремленіяхъ правящихъ сферъ.

Воинственность вообще не свойственна русской политикѣ по отношенію къ великимъ западно-европейскимъ націямъ. Наши патріоты всегда соблюдали скромную сдержанность и даже угодливость, когда дѣло шло о Германіи или Австро-Венгріи, и позволяли себѣ быть рѣзкими и грубыми только относительно небольшихъ національностей, входящихъ въ составъ Россійской имперіи. Наше дипломатическое вѣдомство отличалось скорѣе чрезмѣрною заботливостью о чужихъ интересахъ, чѣмъ корыстною разсчетливостью и національнымъ эгоизмомъ; оно охотно подчинялось иностраннымъ, преимущественно нѣмецкимъ вліяніямъ, и проявляло предпріимчивость обыкновенно лишь въ томъ направленіи, которое одобрялось или поощрялось въ Берлинѣ или Вѣнѣ. Любопытно, что въ вопросѣ объ австрійской аннексіи двухъ турецкихъ провинцій неудачная тактика русской дипломатіи гораздо рѣзче осуждалась либеральною оппозиціею, чѣмъ консерваторами и націоналистами. Въ одномъ мѣстѣ своей книги П. Н. Милюковъ, упоминая объ этой дипломатической неудачѣ, объясняетъ ее недостаточною подготовленностью Россіи въ военномъ и финансовомъ отношеніяхъ. У насъ, говоритъ онъ, не замѣчается тѣсной взаимной зависимости между финансами, обороною и внѣшней политикою. „Мы недавно видѣли примѣръ,—и онъ только-что повторился, когда наша внѣшняя политика забѣжала впередъ нашихъ мѣръ по государственной оборонѣ — и принуждена была съ большимъ ущербомъ для достоинства государства ретироваться на позиціи, совсѣмъ не заготовленныя заранѣе" (стр. 10).

Быть можетъ, такое объясненіе не соотвѣтствуетъ тѣмъ идеямъ пацифизма, которыя излагаются и поддерживаются авторомъ, но оно наглядно свидѣтельствуетъ о крайней трудности или даже невозможности отрѣшиться отъ извѣстныхъ традиціонныхъ понятій въ вопросахъ практической политики. Если наша дипломатія потерпѣла пораженіе только потому, что не имѣла за собою достаточной военной силы, то, значитъ, боевая готовность дѣйствительно необходима для успѣховъ внѣшней политики, и слѣдовательно дорого стоющія воору-

женія имѣютъ для себя разумное оправданіе, съ точки зрѣнія реальныхъ интересовъ государства. Намъ думается, однако, что грѣхъ нашей политики заключался не въ томъ, что она „забѣжала впередъ нашихъ мѣръ по государственной оборонѣ", а въ неясности преслѣдуемыхъ цѣлей, въ отсутствіи опредѣленной программы, въ несогласованности принимаемыхъ мѣръ съ условіями даннаго международнаго положенія. При болѣе правильномъ пониманіи этихъ условій А. П. Извольскій не предпринималъ бы безнадежной дипломатической кампаніи противъ Австро-Венгріи, а при болѣе обдуманной оцѣнкѣ международныхъ задачъ и интересовъ Россіи онъ не возбуждалъ бы вопроса объ открытіи Босфора и Дарданеллъ для русскаго военнаго флота и вмѣстѣ съ тѣмъ для болѣе могущественныхъ флотовъ другихъ державъ. Не будь этихъ ошибочныхъ и ненужныхъ дипломатическихъ предпріятій, не было бы и пораженія нашей политики, и если А. П. Извольскій долженъ былъ отступить, то это отступленіе могло быть только полезно для государства и вовсе не было связано съ „большимъ ущербомъ" для его достоинства. Самое выраженіе: „достоинство государства" является въ подобныхъ случаяхъ двусмысленнымъ и обоюдоострымъ. Достоинство государства не зависитъ отъ ошибокъ отдѣльныхъ министровъ и не опредѣляется средствами государственной обороны. Многія войны мотивировались необходимостью оградить или возстановить честь и достоинство націи, и массы людей посылались на закланіе подъ предлогомъ удовлетворенія чувствъ, которыя были имъ совершенно чужды.

Въ разбираемой книжкѣ собрано множество данныхъ, характеризующихъ современное состояніе „вооруженнаго мира". Военные бюджеты повсюду поглощаютъ огромную, все болѣе возростающую долю средствъ, добываемыхъ отъ народа. Въ Англіи расходы на флотъ за послѣднюю четверть вѣка увеличились почти вчетверо. Въ Германіи тратилось на армію въ началѣ семидесятыхъ годовъ 320 милліоновъ марокъ, въ 1906-мъ году—752 милліона, а въ 1908 г.—уже 855 милліоновъ; на флотъ въ 1872—1875 гг. 36 милліоновъ, а въ 1910 г.—443 милліона, т. е. въ двѣнадцать разъ больше. Въ 1878-мъ году государственный долгъ Германіи составлялъ всего 72 милліона марокъ, а теперь онъ доходитъ почти до пяти милліардовъ. Въ 1883-мъ году вооруженія стоили Европѣ около трехъ милліардовъ, а въ 1903 г.—не менѣе шести милліардовъ; теперь же они обходятся приблизительно въ десять милліардовъ марокъ. „Если прибавить всѣ косвенные и не поддающіеся точному учету расходы, то общая стоимость вооруженій должна составить цифру въ два или три раза бо̀льшую,—отъ девятнадцати до тридцати милліардовъ ежегодно". Лихорадочное соперничество между державами по части вооруженій принимало

иногда характеръ какого-то колоссальнаго спорта; таково было состязаніе между Германіею и Англіею въ области судостроенія, со времени постройки „дредноутовъ". На судахъ новаго типа ставились орудія, изъ которыхъ каждый выстрѣлъ выбрасывалъ снаряды вѣсомъ до десяти тысячъ фунтовъ и болѣе; самыя орудія выдерживаютъ лишь ограниченное количество выстрѣловъ подобнаго рода. Въ спеціальной литературѣ высказывалась мысль, что „война, наконецъ, уничтожитъ сама себя и станетъ невозможна именно въ силу своей дороговизны и разрушительности". Эта идея проводилась, между прочимъ, въ шеститомномъ сочиненіи покойнаго И. С. Бліоха, которое, какъ извѣстно, дало первый толчокъ проекту созыва особой международной конференціи для сокращенія дальнѣйшихъ вооруженій. Между тѣмъ послѣ первой Гаагской конференціи англо-германское судостроительное состязаніе еще болѣе усилилось; за десятилѣтіе съ 1900 по 1910 г. германскій военный флотъ, по количеству тоннъ водоизмѣщенія, увеличился въ пять съ половиною разъ, сѣверо-американскій—въ пять разъ, японскій—болѣе чѣмъ втрое, а британскій—вдвое.

Противъ кого вооружались съ такою поспѣшностью великія державы? Еще двѣнадцать или пятнадцать лѣтъ тому назадъ господствовало убѣжденіе, что предстоитъ великая, рѣшительная борьба между Англіею и Россіею. Теперь объ этой неизбѣжной будто бы англо-русской войнѣ никто уже не говоритъ болѣе. „Наоборотъ, вырисовывается совершенно неожиданно новая возможность—возможность грядущей борьбы между Англіею и Германіею,—какъ говорятъ военные авторитеты, тоже неизбѣжной. Опасность эта настолько реальна, настолько существенна, что кромѣ соревнованія въ постройкѣ новыхъ судовъ Англія выражаетъ свой страхъ въ цѣломъ рядѣ новыхъ предохранительныхъ мѣръ..." (стр. 63). Пройдетъ нѣсколько лѣтъ — и англо-германская война покажется уже, пожалуй, столь же мало вѣроятною, какъ война между Англіею и Франціею, также считавшаяся еще сравнительно недавно вполнѣ возможною. Но опасность войны не слабѣетъ отъ того, что воинственныя комбинаціи мѣняются и враждебные порывы, направленные въ какую-нибудь одну сторону, проходятъ съ теченіемъ времени. Въ нѣмецкой литературѣ и журналистикѣ, какъ указываетъ П. Н. Милюковъ, систематически развиваются и поддерживаются широкіе планы будущаго военнаго торжества надъ другими націями—планы территоріальныхъ пріобрѣтеній и захватовъ, способныхъ удовлетворить честолюбіе нѣмецкихъ патріотовъ. Тѣмъ не менѣе авторъ полагаетъ, что завоевательная война въ Европѣ „рѣшительно вышла изъ моды". Европейская война—говоритъ онъ—„до такой степени противорѣчила бы современному со-

стоянію взаимныхъ европейскихъ культурныхъ связей и высокой сложности европейскаго народнаго хозяйства и международнаго обмѣна, что одна мысль о ней вызываетъ все болѣе рѣшительное осужденіе общественнаго мнѣнія передовыхъ націй". Притомъ внѣшняя политика все болѣе „выходитъ изъ сферы тайныхъ кабинетныхъ интригъ и становится доступною контролю общественнаго мнѣнія"; на нее не оказываютъ уже прежняго вліянія „произволъ и капризъ властителей, личныя увлеченія людей, стоящихъ у кормила правленія" и т. п. Такимъ образомъ, создается „благопріятная обстановка для мирнаго разрѣшенія разногласій между народами", и движеніе въ пользу постояннаго мира пріобрѣтаетъ надежную почву. Къ сожалѣнію, событія иногда опровергаютъ наши оптимистическіе выводы. Такъ напримѣръ, современная Италія, управляемая просвѣщенными и разсудительными людьми, обнаружила вдругъ воинственные инстинкты, которыхъ никто въ ней не предполагалъ. Новѣйшія разоблаченія относительно марокскаго кризиса доказываютъ, что даже такія высококультурныя и по существу миролюбивыя націи, какъ германская и британская, подвергались риску кровавой катастрофы, вопреки всѣмъ могущественнымъ вліяніямъ разумнаго общественнаго мнѣнія.

Политическій строй государствъ, къ сожалѣнію, недостаточно принимается во вниманіе при обсужденіи вопроса объ условіяхъ постояннаго мира въ Европѣ. Военный классъ, фактически господствующій въ Германіи и имѣющій своего высшаго представителя въ лицѣ императора, не можетъ самъ себя сократить, ограничить свои полномочія и лишить себя надежды на успѣшное примѣненіе своихъ техническихъ и иныхъ преимуществъ передъ иностранными арміями; онъ естественно стремится сохранить для себя свободный путь къ подвигамъ, ведущимъ къ побѣдѣ и военной славѣ. Оттого война всегда возможна для Германіи, хотя она и противорѣчила бы всему складу культурной нѣмецкой жизни, всѣмъ интересамъ, стремленіямъ, понятіямъ и привычкамъ трудящагося нѣмецкаго народа. Для того, чтобы война дѣйствительно вышла изъ моды и перестала держать Европу подъ страхомъ кровавыхъ ужасовъ, необходимо коренное преобразованіе великихъ европейскихъ державъ въ демократическомъ духѣ. Огромное большинство трудящагося населенія вездѣ стоитъ безусловно за мирное разрѣшеніе всякихъ международныхъ споровъ и разногласій; оно въ принципѣ отрицаетъ войну и служитъ вѣрнѣйшимъ оплотомъ новѣйшаго движенія въ пользу мира.

Общественное движеніе пацифизма разсматривается авторомъ въ трехъ послѣдовательныхъ стадіяхъ—въ видѣ дѣятельности „обществъ мира", попытокъ правовой международной организаціи, при помощи съѣздовъ представителей парламентовъ разныхъ странъ, и, наконецъ,

въ формѣ оффиціальныхъ международныхъ конференцій, созываемыхъ въ Гаагѣ. Въ заключеніе П. Н. Милюковъ знакомитъ русскихъ читателей съ поучительнымъ содержаніемъ англійской книги Нормана Энджеля о „великой иллюзіи"—иллюзіи выгодности успѣшной войны при современныхъ условіяхъ культурнаго быта. Конечно, не трудно было доказать, что для націи въ цѣломъ даже удачная война только разорительна и не приноситъ государству никакой реальной пользы; но для непосредственныхъ побѣдителей, для властныхъ вождей и для высшаго командного состава арміи, какъ и для руководящихъ правительственныхъ дѣятелей, побѣдоносная война, хотя бы убійственная для народа, остается по прежнему величайшимъ благомъ, предметомъ завѣтныхъ честолюбивыхъ мечтаній, источникомъ политическаго возвышенія, внѣшняго блеска и могущества. Самая несчастная война обогащаетъ хозяевъ и участниковъ металлургической промышленности, владѣльцевъ судостроительныхъ предпріятій, подрядчиковъ и поставщиковъ военнаго вѣдомства, предпринимателей и дѣльцовъ всякаго ранга, привыкшихъ пользоваться покровительствомъ правящихъ сферъ и влiять на общественное мнѣніе черезъ посредство услужливыхъ органовъ печати. Пренебреженіе къ этой важной практической сторонѣ вопроса о мирѣ и войнѣ въ такихъ государствахъ, какъ Германская имперія, составляетъ несомнѣнно слабую сторону современнаго пацифизма.

Л. Слонимскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

— Общество любителей россійской словесности при московскомъ университетѣ 1811—1911. Историческая записка и матеріалы за сто лѣтъ. М. 1911. Ц. 2 р.

— 1811—1911. Словарь членовъ Общества любителей Россійской словесности при моск. университетѣ. М. 1911. Ц. 3 р.

Общество любителей россійской словесности отпраздновало 22-го октября столѣтіе своего существованія и ко дню юбилея выпустило историческую записку и словарь членовъ. Записка составлена Н. М. Мендельсономъ и, по богатству содержанія и по разнообразію затронутыхъ въ ней виднѣйшихъ дѣятелей русскаго слова и просвѣщенія, представляетъ много любопытнаго для исторіи русской литературы и культуры. Возникновеніе Общества связано съ литературнымъ оживленіемъ „дней Александровыхъ прекраснаго начала".

Первый предсѣдатель Общества, проф. Прокоповичъ-Антонскій, на первомъ засѣданіи обращался къ сочленамъ съ призывомъ: „обратите прилежное вниманіе на Отечественную Словесность: слава и могущество народовъ возвышается Словомъ; въ немъ печать и безсмертіе Великихъ". Не всегда одинаково оживленно и дѣятельно было общество. Съ самаго начала оно ограничивало свои задачи развитіемъ языка и твердо стало на защиту классическихъ началъ. Скоро оно „въ старинномъ вѣкѣ запоздало", и когда въ концѣ двадцатыхъ годовъ членомъ его былъ избранъ Н. А. Полевой, это избраніе было поводомъ къ выходу изъ членовъ С. Т. Аксакова и А. Ѳ. Мерзлякова. 23 декабря 1829 г. въ члены общества были одновременно избраны Пушкинъ, Баратынскій, композиторъ Верстовскій и... Ѳаддей Булгаринъ. „Воля ваша: это пощечина, — писалъ по этому поводу Пушкинъ.—Вѣрю, что общество, въ этомъ случаѣ, поступило какъ Фамусовъ, не имѣя намѣренія оскорбить меня. *„Я всякому, ты знаешь, радъ"*. Но долгъ мой былъ немедленно возвратить присланный дипломъ; я того не сдѣлалъ потому, что тогда мнѣ было не до дипломовъ, но ужъ имѣть сношеніе съ обществомъ любителей я не въ состояніи". Съ тридцатыхъ годовъ дѣятельность Общества замерла, а съ 1837-го вплоть до 1858-го года оно даже и вовсе фактически не существовало. На порогѣ освобожденія крестьянъ вспомнили о правѣ свободнаго слова, принадлежавшемъ Обществу по уставу, и воскресили Общество, какъ „новаго Лазаря изъ гроба", К. Аксаковъ, А. Хомяковъ, М. Лонгиновъ и М. А. Максимовичъ. Общество любителей, подъ предсѣдательствомъ Хомякова, становится однимъ изъ видныхъ центровъ умственной жизни Москвы, и по мысли его вдохновителей должно было „стремиться къ тому, чтобы образовать изъ себя въ Москвѣ общественную академію въ параллель петербургской казенной. Предметъ ея—языкъ и словесность, но послѣдняя не въ томъ ограниченномъ смыслѣ, какъ понималось пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Общество должно слѣдить за успѣхами литературы, служить для нея зеркаломъ, отчасти руководствомъ. Критическія обозрѣнія—безпристрастныя, стоящія выше партій—должны быть постояннымъ чтеніемъ на публичныхъ собраніяхъ. Языкъ и его исторія должны быть предметомъ тщательной разработки. И эта академія должна быть не scribens только, пишущая, но и legens, читающая". Въ число членовъ вошли, рядомъ съ стариками тридцатыхъ-сороковыхъ годовъ, Островскій, Тютчевъ, Левъ Толстой, Тургеневъ, Фетъ, Писемскій, А. Толстой, Полонскій. Задачи Общества въ области изученія словесности связывались съ чисто гражданскими интересами. „Мы стараемся связать — говорилъ теперь въ Обществѣ одинъ изъ его дѣятельнѣйшихъ сочленовъ, впослѣдствіи увы!, ярост-

ный гонитель (по должности начальника главнаго управленія печати) русскаго свободнаго слова, Лонгиновъ,—связать въ общій узелъ исторію литературы съ исторіей политической и гражданской и общественной, которая находитъ въ первой любопытныя и важныя объясненія, такъ что всѣ эти, повидимому, разнородныя части необходимы для созданія полной, гармонической картины минувшаго". Лонгиновъ указывалъ, далѣе, на особое значеніе литературы именно у насъ, гдѣ нѣтъ другихъ органовъ, „чтобъ заявлять свои требованія или карать общественное зло", гдѣ въ силу этого лучшіе писатели были въ то же время лучшими слугами отечества, лучшими гражданами, лучшими людьми своего времени. Программа новой академіи до извѣстной степени осуществлялась при Хомяковѣ и въ научныхъ изданіяхъ Общества (словарь Даля, сборникъ пѣсенъ Кирѣевскаго), и въ собраніяхъ Общества, въ которыхъ живо чувствовался общественно литературный подъемъ эпохи. Затѣмъ дѣятельность общества замѣтно снова ослабѣваетъ, что надо объяснить какъ тѣми препонами, которыя ему ставились, такъ и принятой имъ въ концѣ шестидесятыхъ и въ семидесятыхъ годахъ славянофильско-націоналистической окраской. Послѣдняя четверть вѣка въ жизни Общества, когда во главѣ его стояли С. Юрьевъ, Н. Тихонравовъ, Н. Стороженко и А. Веселовскій, характеризуется широкимъ развитіемъ дѣятельности общества, въ связи съ рядомъ знаменательныхъ юбилеевъ: здѣсь достаточно назвать открытіе памятниковъ Пушкина и Гоголя. Но въ то же время общество становится предметомъ разнообразныхъ административныхъ воздѣйствій, лѣтопись которыхъ является лучшимъ показателемъ подлиннаго положенія у насъ литературы и науки. Такъ, въ мартѣ 1887-го года попечитель московскаго учебнаго округа въ слѣдующихъ, не вполнѣ грамотныхъ, выраженіяхъ предлагаетъ предсѣдателю Общества увѣдомлять о предметахъ занятій публичныхъ засѣданій: „Въ тѣхъ случаяхъ, когда вмѣсто прочтенія произведеній изящной литературы предполагается какое-либо чтеніе изъ области наукъ, *то* покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, представлять мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и программу предполагаемаго чтенія". Въ 1891 г. попечитель графъ Капнистъ остался недоволенъ чтеніемъ въ Обществѣ разсказа Мачтета „Личарда" и статьи г. Иванова „Романтизмъ" нашихъ дней". Онъ наставлялъ Общество, что эти статьи „по содержанію своему не должны быть отнесены къ художественнымъ произведеніямъ россійской беллетристики и, обнародываемыя въ публичныхъ засѣданіяхъ Общества, посѣщаемыхъ преимущественно учащеюся молодежью, могутъ содѣйствовать распространенію въ ней различнаго рода превратныхъ взглядовъ, чувствъ и стремленій". Предсѣдатель Н. Тихонравовъ сложилъ было свое званіе послѣ этого пассажа, но общество

упросило его не оставлять своего поста въ трудную минуту. Еще болѣе безцеремонно было послѣдовавшее вскорѣ (4 января 1892 г.) предложеніе министра народнаго просвѣщенія Обществу „во избѣжаніе нареканій... которыя не только могутъ нарушить безмятежный ходъ занятій этого Общества, но и повести къ закрытію его“, „не принимать отъ графа Л. Н. Толстого и г. В. Соловьева никакихъ рефератовъ и статей для прочтенія въ семъ Обществѣ“. Во время пушкинскихъ торжествъ 1899-го года оберъ-полиціймейстеръ Треповъ потребовалъ представленія ему сначала копіи знаменитаго адреса юридическаго общества, читаннаго Муромцевымъ (адресъ, какъ извѣстно, повлекъ за собою закрытіе юридическаго общества), потомъ текста рѣчей В. Е. Якушкина и И. И. Иванова. „Надъ Обществомъ была готова разразиться гроза,—читаемъ въ запискѣ:—она миновала его, но ея не избѣгли нѣкоторые изъ его членовъ“. „Сборникъ О-ва люб. слов.“ на 1891 годъ былъ заарестованъ и выпущенъ въ свѣтъ лишь послѣ того, какъ изъ него вырѣзали статью Ивана Аксакова: „Чему должны мы научиться?“, такъ и не увидѣвшую свѣта. Обществу не разрѣшено было открыть подписку на надгробный памятникъ своему скончавшемуся предсѣдателю С. Юрьеву и учредить премію его имени за лучшіе переводы классическихъ драматическихъ произведеній... Въ дополненіе къ исторической запискѣ надо указать, что и въ наши дни Обществу приходится отказываться отъ нѣкоторыхъ засѣданій, вслѣдствіе произвольныхъ требованій администраціи, имѣющихъ въ виду установить цензуру надъ содержаніемъ рѣчей и даже надъ личностью референтовъ-членовъ Общества. Вслѣдствіе такихъ требованій не могли состояться въ 1911-мъ юбилейномъ году засѣданія въ память 19 февраля и въ память Бѣлинскаго... Какъ бы то ни было, историческая записка справедливо указываетъ на положительныя заслуги Общества, вызвавшаго въ разное время къ жизни цѣнныя работы по изученію языка и словесности, откликавшагося на всѣ горести и радости родной литературы и отдавшаго много труда и заботъ по увѣковѣченію памяти Пушкина и Гоголя.

Къ исторической запискѣ приложены списки учредителей и членовъ Общества, уставы, программы засѣданій и списокъ изданій Общества.

Самостоятельную и весьма цѣнную работу представляетъ „Словарь членовъ Общества“, составленный его давнимъ сочленомъ, извѣстнымъ библіографомъ Д. Д. Языковымъ. Въ основу словаря легли, между прочимъ—что и дѣлаетъ его особенно цѣннымъ—біо- и библіографическія свѣдѣнія, доставленныя о себѣ болѣе чѣмъ сотней его теперешнихъ членовъ; нѣкоторыя данныя появляются въ печати впервые. Свѣдѣнія автобіографическаго происхожденія вносились въ словарь,

обычно, полностью; что касается другихъ данныхъ, то чѣмъ извѣстнѣе писатель, тѣмъ меньше давалось о немъ свѣдѣній общаго характера, а отмѣчалось лишь его отношенія къ Обществу. Иногда и эти послѣднія замѣтки разрастаются до размѣра любопытныхъ историко-литературныхъ справокъ.

— И. С. Никитинъ. Полное собраніе сочиненій въ одномъ томѣ, подъ редакціей М. О. Гершензона. Изданіе А. С. Панафидиной. М. 1912. Цѣна 80 коп.

— Полное собраніе сочиненій И. С. Никитина. М. „Современное Книгоиздательство". 1911. Цѣна 70 коп.

Пятидесятилѣтіе со дня смерти Никитина вызвало, пока, появленіе двухъ названныхъ собраній его сочиненій (если не считать нѣсколько раньше вышедшаго сытинскаго изданія, представляющаго лишь удешевленное повтореніе извѣстнаго, крайне неудовлетворительнаго шамовскаго изданія). Эти новыя дешевыя полныя собранія дѣлаютъ произведенія Никитина доступными самымъ широкимъ кругамъ давно полюбившей его читательской массы. Изданію подъ редакціей М. Гершензона должно быть отдано преимущество, какъ болѣе удовлетворяющему, въ поставленныхъ редакторомъ предѣлахъ, требованіямъ точности и полноты текста. Въ новое изданіе вошло около 70 новыхъ стихотвореній, отыскавшихся въ архивѣ П. И. Щукина, въ современной Никитину тетрадкѣ; въ ней оказались многія стихотворенія поэта, переписанныя непосредственно съ подлинниковъ, частью немедленно вслѣдъ за возникновеніемъ пьесъ. Въ той же тетрадкѣ оказалось и много автографовъ самого Никитина, подаренныхъ имъ собственнику тетрадки (Брюханову или Дуракову, какъ думаетъ г. Гершензонъ). Новыя стихотворенія относятся къ раннему періоду творчества поэта, къ 1849—55 годамъ; существенно новаго они даютъ немного, большая часть ихъ подражательна, но есть и очень искреннія и задушевныя вещи, какъ напр. „Воспоминаніе о дѣтствѣ". При внесеніи въ собраніе разныхъ редакцій произведеній поэта, редакторъ руководился правиломъ давать цѣликомъ первоначальную *первую* редакцію, какъ наиболѣе поэтически законную въ лирическомъ творчествѣ, и окончательную, послѣднюю по времени, исполняя тѣмъ волю поэта, не разъ существенно перерабатывавшаго свои стихи, иногда съ измѣненіемъ сюжета и характера. Это, конечно, не даетъ полной картины творчества поэта, но отъ изданія, предназначеннаго для широкихъ круговъ, нельзя требовать той безусловной полноты, какая возможна въ чисто научномъ, академическомъ изданіи. Нѣкоторыя стихотворенія приведены и въ трехъ редакціяхъ, когда оказывалась на лицо редакція промежуточная, существенно отличная отъ первой и послѣдней. Здѣсь же собраны и письма Никитина; не вхо-

дили изъ нихъ въ составъ прежнихъ изданій только два письма къ Краевскому (напечатанныя нами въ октябрьской книгѣ „Вѣстника Европы") и одно къ графинѣ Толстой. Къ книгѣ приложенъ рядъ иллюстрацій и снимковъ съ рукописей поэта и статья о Никитинѣ, заключающая біографическія свѣдѣнія. Можно пожалѣть о краткости ея и объ отсутствіи въ ней освѣщенія художественнаго творчества Никитина. Другія, предстоящія еще изданія Никитина могутъ значительно дополнить все собранное г. Гершензономъ. Самое цѣнное въ этомъ отношеніи, какъ мы слышали—матеріалы, открытые А. Г. Фоминымъ у наслѣдниковъ извѣстнаго друга Никитина Н. Второва. Но и то, что сдѣлано г. Гершензономъ, представляетъ весьма цѣнный вкладъ въ доступную публикѣ сокровищницу русскихъ классиковъ.

Въ основу изданія „Современнаго Книгоиздательства" положенъ шамовскій текстъ, лишь свѣренный съ прежними изданіями 1856, 59 и 69 годовъ. Свѣрки съ рукописными оригиналами не было сдѣлано совсѣмъ; никакихъ варіантовъ (кромѣ „Кулака" и „Моленія о чашѣ", данныхъ въ двухъ редакціяхъ) не имѣется. Собранію предпосланъ критико-біографическій очеркъ, составленный В. Н. Мировымъ—очеркъ претенціозный и мѣстами даже фактически невѣрный. „Освобожденіе, хотя бы и не полное, 23 милліоновъ людей,—читаемъ у г. Мирова, не затронуло въ душѣ поэта никакихъ струнъ, не вырвало ни звука изъ его лиры... Никитину, къ сожалѣнію, не пришлось принять активнаго участія въ этой освободительной борьбѣ; все величіе этой новой работы, ея важность и сложность прошли, пожалуй, мимо его вниманія". Не говоря о косвенныхъ общихъ откликахъ Никитина на самый жгучій вопросъ той поры, въ рядѣ его лирическихъ стихотвореній, внушенныхъ освободительнымъ періодомъ, о которыхъ упоминаетъ и самъ г. Мировъ, можно назвать „Погостъ", какъ стихотвореніе, навѣянное непосредственно радостнымъ ожиданіемъ объявленія воли, и указать на письмо отъ начала марта 1861 года, въ которомъ Никитинъ говоритъ съ одушевленіемъ объ освобожденіи крестьянъ и другихъ реформахъ: „Поймите, какое свѣтлое будущее ожидаетъ наше потомство, какая лежитъ передъ нимъ широкая дорога! У меня дыханіе захватываетъ отъ восторга, когда я объ этомъ думаю"... Столь невнимательно прочитавшій Никитина, г. Мировъ съ еще большей развязностью выступаетъ въ предисловіи къ „новымъ стихотвореніямъ", перепечатаннымъ, въ приложеніи, изъ гершензоновскаго изданія. Онъ говоритъ здѣсь о „вопіющей несправедливости" г. Щукина, предоставившаго тетрадь никитинскихъ стихотвореній гг. Гершензону и Фомину и отказавшаго въ этой любезности „Современному Книгоиздательству", при чемъ доходитъ до какихъ-то намековъ на то, что „рукопись затерялась"—вѣроятно отъ чрезмѣрно усердной работы

надъ ней... Въ предисловіи „Современное Книгоиздательство“ говоритъ о томъ, что его изданіе предназначается для самыхъ широкихъ демократическихъ круговъ читателей, преимущественно для рабочихъ и крестьянъ. Для этихъ круговъ по цѣнѣ столь же доступно неизмѣримо болѣе цѣнное по внутреннимъ достоинствамъ и полнотѣ изданіе, редактированное г. Гершензономъ.—Ч. В—скій.

— Библіотека русскихъ критиковъ. II. Первое собраніе сочиненій Н. А. Добролюбова въ четырехъ томахъ, подъ редакціей М. К. Лемке. Изд. А. С. Панафидиной. Спб. 1912 г. Ц. 5 р.

До сихъ поръ у насъ было семь изданій Добролюбова, которыя перепечатывались одно съ другого почти безъ перемѣнъ и далеко не отличались полнотой. Теперь русское общество, наконецъ, получитъ полное, научно обработанное собраніе сочиненій знаменитаго критика. Уже одна обширность новаго изданія, сравнительно съ прежними (четыре большихъ тома убористой печати въ два столбца) свидѣтельствуетъ о его полнотѣ. Число помѣщенныхъ въ немъ статей Добролюбова больше чѣмъ вдвое превосходитъ число появившихся въ прежнихъ изданіяхъ. Къ 210 общеизвѣстнымъ статьямъ прибавлено 182 напечатанныхъ при жизни Добролюбова, но не попавшихъ ни въ одно изданіе, и 55 еще нигдѣ не напечатанныхъ, добытыхъ редакторомъ изъ разныхъ рукъ.

Но полнота новаго изданія далеко не исчерпываетъ его достоинствъ. Редакторъ его, М. К. Лемке превосходно выполнилъ весьма трудную и отвѣтственную работу. Во-первыхъ, онъ тщательно свѣрилъ два текста Добролюбовскихъ статей—какъ онѣ печатались въ „Современникѣ“ и въ первомъ изданіи, подготовленномъ Чернышевскимъ,—и привелъ въ своемъ изданіи болѣе полный текстъ, заключивъ въ скобки то, что въ свое время вытравлялось цензурой. Такимъ образомъ, мы получили возможность сопоставить то, что *могъ* говорить своимъ современникамъ Добролюбовъ, съ тѣмъ, что онъ *хотѣлъ* имъ сказать... А это очень важно, какъ для пониманія психологіи Добролюбова, такъ и для характеристики цензурныхъ нравовъ того времени, когда физіономія писателя уродовалась до неузнаваемости. Во-вторыхъ, г. Лемке каждой изъ значительныхъ статей Добролюбова предпослалъ свою историко-литературную замѣтку, поясняющую условія и обстоятельства, сопровождавшія появленіе статьи. Эти замѣтки, иногда очень обширныя, предназначаются для широкой публики, съ цѣлью приблизить Добролюбова къ современному читателю и сдѣлать его болѣе популярнымъ; но приводимыя въ нихъ новыя данныя несомнѣнно представляютъ интересъ и для изслѣдователя-спеціалиста. Вообще, матеріалъ, заключающійся во вступительныхъ замѣткахъ

Лемке и въ его біографическомъ очеркѣ такъ свѣжъ и богатъ, что даетъ намъ почти *новаго* Добролюбова.

Съ особенной полнотой представленъ наиболѣе важный періодъ въ жизни Добролюбова — его сотрудничество въ „Современникѣ". Сложная борьба двухъ поколѣній,—старшаго, либеральнаго и молодого, радикальнаго, получившаго отъ своихъ противниковъ кличку „рыцарей свистопляски", впервые обрисована такъ тщательно и ярко. Самый выдающійся эпизодъ этой борьбы—ссора молодыхъ радикаловъ съ Герценомъ, помѣстившимъ въ „Колоколѣ" рѣзкую статью противъ „Современника": „Very dangerous!!!", гдѣ не только подвергалась рѣзкой критикѣ вся дѣятельность „свистуновъ", но и самому „Современнику" бросались горькія обвиненія. Впервые приводимый у г. Лемке отрывокъ Добролюбовскаго дневника показываетъ, какъ реагировалъ на это юный ригористъ, всегда сохранявшій наружное хладнокровіе. Онъ не хотѣлъ вѣрить выходкѣ Герцена, пока не увидѣлъ „Колокола" собственными глазами. „Если это правда,—пишетъ онъ,—то Герценъ человѣкъ вовсе не серьезный: такъ легкомысленно судить о людяхъ въ печати ужасно дико..." Далѣе Добролюбовъ говоритъ, что онъ „лично не очень убитъ неблаговоленіемъ Герцена" и готовъ „съ нимъ помѣряться, если на то пойдетъ", но вотъ Некрасовъ „обезпокоенъ за журналъ", въ виду сильнаго вліянія Герцена на читателей; поэтому нужно, „если намекъ, дѣйствительно есть, чтобы Герценъ печатно же отъ него отказался и взялъ назадъ свои слова..." Результатомъ этого инцидента была поѣздка Чернышевскаго въ Лондонъ. Тамъ произошелъ весьма любопытный разговоръ, записанный лишь впослѣдствіи, со словъ Чернышевскаго въ Сибири. Онъ рисуетъ сущность идейнаго разногласія двухъ поколѣній. Радикалы изъ „Современника нападали на Герцена за чисто „либеральный" характеръ его обличеній, направленныхъ на лица, а не на государственный строй. А Герценъ не могъ простить своимъ противникамъ ихъ рѣзкихъ нападеній на почтенныхъ и полезныхъ людей и, конечно, не согласился взять обратно своихъ словъ о „Современникѣ". Каждая сторона обвиняла другую въ томъ, что она играетъ въ руку правительства (Пол. соб. соч. Добролюбова, подъ ред. Лемке, т. III, замѣтка № 298).

Вопреки мнѣнію другихъ біографовъ, считающихъ, что Добролюбовъ началъ сотрудничество въ „Совр." съ 1856 г., М. К. Лемке предлагаетъ считать такимъ началомъ 54-ый годъ, когда, въ V кн. „Современника" была помѣщена статья „Бѣдность — не порокъ", будто бы принадлежащая Добролюбову. Съ этимъ предположеніемъ врядъ ли можно согласиться, такъ какъ г. Лемке приводитъ въ его пользу только *косвенныя* данныя, напр. то соображеніе, что этой статьи,

раньше приписываемой Чернышевскому, въ бумагахъ послѣдняго не оказалось (замѣтки М. К. Лемке, № 1, т. I, соч. Добр. стр. 2). Нетрудно привести еще больше такихъ же косвенныхъ противоположныхъ соображеній. Главное изъ нихъ—то, что весной 54-го года Добролюбову было совсѣмъ не до того, чтобы писать или хлопотать о помѣщеніи своей статьи въ журналѣ. Въ это время умерла его мать; онъ былъ такъ потрясенъ и подавленъ, что даже необходимыя институтскія занятія запустилъ и съ безпокойствомъ думалъ о предстоящихъ экзаменахъ. Кромѣ того, помѣщеніе первой его статьи въ „Современникѣ" было бы такимъ крупнымъ фактомъ для Добролюбова, что онъ не умолчалъ бы о немъ въ письмахъ — если не къ отцу, то хоть къ другимъ лицамъ, напр. къ Кострову, которому онъ сообщалъ о своихъ дѣлахъ подробно и который въ то время его уговаривалъ не предаваться скорби, а приняться за занятія.

Весьма интересны всѣ новые факты, рисующіе взаимныя отношенія Чернышевскаго и Добролюбова. Но мнѣ кажется, что М. К. Лемке впадаетъ въ преувеличеніе и даже въ противорѣчіе съ самимъ собой, отстаивая полную независимость Добролюбова и отрицая всякое вліяніе на него Чернышевскаго. С. А. Венгеровъ вполнѣ правъ, называя Чернышевскаго „духовнымъ отцомъ" Добролюбова (конечно, въ смыслѣ преемственности идей), и это нисколько не исключаетъ послѣдующаго обратнаго вліянія Добролюбова на Чернышевскаго. М. К. Лемке въ біографическомъ очеркѣ самъ говоритъ о томъ впечатлѣніи, которое произвели, въ свое время, „Очерки гоголевскаго періода" на студентовъ института, въ томъ числѣ и на Добролюбова, а затѣмъ подробно останавливается на томъ вліяніи, которое оказало на ходъ развитія Добролюбова непосредственное знакомство съ Чернышевскимъ и ихъ первыя бесѣды (см. LXXVII).—Е. Колтановская.

— А. Принсъ. Защита общества и преобразованіе уголовнаго права. Переводъ Е. Маркеловой, подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. Г. С. Фельдштейна. М. 1912. Ц. 1 р.

Редакторъ перевода названной выше книги справедливо замѣчаетъ, что огромный интересъ, представляемый трудомъ Принса, вызывается главнымъ образомъ попыткой автора перейти отъ общихъ построеній соціологической школы къ практическому преобразованію уголовнаго права. Первая часть книги заключаетъ въ себѣ анализъ и критику понятія о нормальномъ человѣкѣ и выясненіе позиціи, занимаемой авторомъ по отношенію къ детерминизму и индетерминизму. Нормальный или средній человѣкъ, по мнѣнію Принса—не что иное какъ математическая формула. „Мы встрѣчаемъ упряжныхъ лошадей, бѣговыхъ, верховыхъ, заводскихъ жеребцовъ-производителей; упряж-

ная лошадь различается смотря по тому, что она должна везти—повозку пивовара, пушечный лафетъ, наемный извощичій экипажъ, роскошную карету; но нѣтъ средней лошади, и средняя лошадь была бы неспособна ни къ одной изъ этихъ цѣлей. Такъ же точно нѣтъ средняго человѣка, нѣтъ нормальнаго человѣка". Классическая школа уголовнаго права, съ ея упрощающими формулами, не соотвѣтствующими многообразію жизни, совершенно ошибочно игнорируетъ промежуточныя ступени и всѣхъ преступниковъ дѣлитъ на двѣ категоріи: вмѣняемыхъ и невмѣняемыхъ. Авторъ высказывается и противъ концепціи свободы воли, какъ ничѣмъ не обусловленнаго произвола, и противъ фаталистическаго детерминизма, который представляетъ себѣ развитіе судебной драмы столь же предопредѣленнымъ, какъ траэкторія планеты въ небесномъ пространствѣ. Въ насъ есть атавистическія черты, вліяніе которыхъ отражается на ходѣ нашей жизни; слѣд., нужно признать нѣкоторую внутреннюю необходимость нашихъ поступковъ. Но въ насъ есть также способность сопротивленія средѣ, наша дѣятельность стремится къ опредѣленной цѣли; поэтому мы должны допустить долю внутренней свободы поведенія. Принсъ какъ бы тяготится путами теоретическихъ построеній. Уголовное право—настойчиво подчеркиваетъ онъ,—не имѣетъ безусловнаго характера: оно водворяетъ относительный порядокъ въ человѣческомъ обществѣ, въ предѣлахъ возможности гарантируетъ личность, жизнь, собственность, честь гражданъ. Оградить возможно полнѣе общественную безопасность и въ то же время сократить до minimum'а индивидуальныя страданія—такова высокая миссія государства, осуществляющаго требованія соціальной защиты. Но для того, чтобы подойти къ разрѣшенію этой задачи, необходимо пересмотрѣть тѣ основы, на которыхъ государство зиждетъ свою карательную дѣятельность. Рамки классической школы стали слишкомъ тѣсными, и наша карательная система не отвѣчаетъ требованіямъ времени. На мѣсто прежняго критерія—преступнаго дѣянія, подвергшагося преслѣдованію,—слѣдуетъ поставить критерій соціально-юридическій: опасное состояніе преступника. Господствующій карательный строй страдаетъ чрезвычайнымъ схематизмомъ, сообразуя строгость и снисходительность не съ мѣрой конкретной соціальной необходимости, а съ отвлеченными, далекими отъ жизни принципами.—Рѣшительность нѣкоторыхъ замѣчаній Принса вызываетъ, однако, серіозное недоумѣніе. Нельзя, напр., согласиться съ его утвержденіемъ, что современные суды ограничиваются примѣненіемъ выраженной въ текстѣ кодекса юридической формулы, не принимая во вниманіе ни образа жизни, ни среды, инстинктовъ, ни психической природы осужденнаго.

Опасное состояніе преступника съ особой ясностью можно кон-

статировать въ преступникѣ рецидивистѣ. Поэтому Принсъ привѣтствуетъ ту мѣру, которую приняло, напр., новое норвежское уголовное уложеніе: признаніе судомъ рецидивиста особенно опаснымъ влечетъ за собою возможность оставленія его въ заключеніи сверхъ опредѣленнаго въ законѣ срока на столько времени, насколько это необходимо, съ тѣмъ, однако, чтобы дополнительное заключеніе не превышало 15 лѣтъ. Къ ссылкѣ рецидивистовъ Принсъ относится скорѣе отрицательно. Живѣйшій интересъ представляетъ анализъ опаснаго состоянія умственно и нравственно дефектныхъ преступниковъ. Здѣсь даже горячій адептъ классической школы почувствуетъ остроту и мѣткость аргументаціи бельгійскаго криминалиста. Несомнѣнно, что сводить сложнѣйшую проблему борьбы съ преступностью такъ называемыхъ дефектныхъ къ вопросу о смягченной отвѣтственности и наказуемости невозможно. На ряду съ душевно-больными мы видимъ массу неврастениковъ, истериковъ, эпилептиковъ, неуравновѣшенныхъ, алкоголиковъ, которые весьма часто сталкиваются съ уголовнымъ закономъ и для которыхъ настоятельно необходимы учрежденія, (maisons de préservation ou de garde), *качественно* отличныя какъ отъ обыкновенныхъ тюремъ, такъ и отъ больницъ для умалишенныхъ. — Столь же интересна послѣдняя часть книги, въ которой авторъ разсматриваетъ вопросъ объ опасномъ состояніи лица до совершенія преступленія. Статистика преступности всѣхъ странъ показываетъ, что дѣло спасенія взрослыхъ преступниковъ не приводитъ къ цѣли, такъ какъ предпринимается слишкомъ поздно. Необходимо взяться за самый корень зла. Принсъ доказываетъ право публичной власти примѣнять мѣры предохраненія къ дѣтямъ, еще не вступавшимъ въ конфликтъ съ закономъ, если они ненормальны, дефектны, брошены въ среду падшихъ людей. Передовыя страны уже вступили на эту дорогу: такъ, въ Пенсильваніи учрежденъ пріютъ для дефектныхъ дѣтей, Evelyn School, гдѣ содержится 1000 дѣтей. Учреждаются особые институты для ненормальныхъ дѣтей и въ Бельгіи. Свои положенія, когда это возможно, Принсъ подкрѣпляетъ цифрами статистики, пользуясь при этомъ данными самыхъ послѣднихъ лѣтъ. Это еще болѣе увеличиваетъ цѣнность книги.

Редакторъ перевода замѣчаетъ, что трудъ Принса, написанный пламеннымъ языкомъ, значительно теряетъ въ передачѣ. Къ сожалѣнію, переводъ въ данномъ случаѣ не вполнѣ удовлетворяетъ и болѣе скромному требованію точной и ясной передачи оригинала. Принсъ говоритъ, напримѣръ: „L'introduction dans le droit pénal du principe de la défense sociale et de la notion d'état dangereux a pour conséquence de combler ces lacunes", — а въ переводѣ значится слѣдующее: „Начатки уголовнаго права (!), построеннаго на принципѣ

защиты общества и понятіи опаснаго состоянія, постулируютъ исправленіе такихъ недостатковъ" (стр. 103). У автора: „Il est logique de la réserver (рѣшеніе вопроса объ опасномъ состояніи) à des juridictions supérieurs, Cours d'assises ou Cours d'appel, et de déférer au jugement de ces Cours les individus dont l'état est présumé dangereux, même par d'autres tribunaux", а въ переводѣ: „вполнѣ логично сохранить высшую юрисдикцію (?) ассизовъ и апелляціоннаго суда и представлять на ихъ разрѣшеніе *помимо другихъ судовъ* (?) дѣла всѣхъ лицъ, состояніе которыхъ предполагается опаснымъ" (стр. 120).—Несмотря на указанные дефекты, переводъ, въ общемъ, довольно удовлетворителенъ.—Ал. Маклецовъ.

— И. М. Козьминыхъ-Ланинъ. Заработки фабричныхъ рабочихъ Московской губерніи, Москва. 1911.

Главнѣйшимъ источникомъ массовыхъ свѣдѣній по фабрично-заводской статистикѣ вообще и о заработкахъ фабрично-заводскихъ рабочихъ въ частности служатъ оффиціальные отчеты фабричной инспекціи, горнаго департамента и главнаго управленія неокладныхъ сборовъ (о производствахъ, не обложенныхъ акцизомъ); дополнительными матеріалами, во многомъ превосходящими по цѣнности главные, являются изданія совѣта съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи и бакинскихъ нефтепромышленниковъ. Въ сторонѣ стоитъ оффиціальное, весьма широко задуманное изслѣдованіе о состояніи промышленности въ 1900 г., печатающееся повторное изслѣдованіе того же предмета, отнесенное къ новѣйшему времени, и изданія нѣкоторыхъ земствъ. Изъ числа послѣднихъ исключительное положеніе занимаютъ работы московскаго губернскаго земства, основанныя на данныхъ, собранныхъ въ 80-хъ годахъ и извѣстныя большой публикѣ благодаря книгѣ д-ра Дементьева „Фабрика, что она даетъ населенію и что беретъ у него".

Указанный въ заголовкѣ трудъ фабричнаго инспектора московской губерніи, г. Козьминыхъ-Ланина является второй неоффиціальной работой, посвященной московскому фабричному рабочему, матеріалами для которой, впрочемъ, кромѣ наблюденій самого автора, служили данныя, собранныя фабричными инспекторами. Помимо правительственной или земской иниціативы невозможно собраніе массоваго матеріала по вопросамъ фабричной статистики относительно центральнаго района, гдѣ отсутствуютъ организаціи промышленниковъ, подобныя бакинской или южныхъ горнопромышленниковъ. Книга г. К.-Ланина состоитъ изъ 34-хъ таблицъ, съ краткимъ пояснительнымъ текстомъ. Таблицы обнимаютъ свѣдѣнія (относящіяся къ ноябрю мѣсяцу 1908 г.) о числѣ рабочихъ мужского и женскаго пола по крупнымъ отдѣламъ производствъ, съ подраздѣленіемъ ихъ по спеціально-

стямъ, о количествѣ проработанныхъ ими въ ноябрѣ мѣсяцѣ дней и о суммѣ полученнаго вознагражденія, съ подраздѣленіемъ мѣсячнаго заработка по его высотѣ. Разсматриваемое изданіе является, такимъ образомъ, подготовительной ступенью къ изслѣдованію вопроса о заработкахъ рабочихъ, заключая удобно сгруппированный для этого и подъитоженный матеріалъ, съ выводомъ среднихъ и процентныхъ отношеній. Излишне говорить о цѣнности подобныхъ работъ, дающихъ хотя бы для одного важнаго промышленнаго раіона матеріалъ нѣсколько аналогичный тому, какой въ изобиліи собранъ земствами относительно хозяйственнаго положенія земледѣльцевъ. Нельзя, поэтому, не пожелать скорѣйшаго завершенія задуманнаго авторомъ труда, имѣющаго охватить еще продолжительность рабочаго года и рабочаго дня, формы заработной платы, артельное харчеваніе и нѣкоторыя другія стороны положенія фабричныхъ рабочихъ, и выразить вмѣстѣ съ тѣмъ надежду, что издаваемыя работы не сдѣлаются преждевременнымъ достояніемъ архивовъ, какъ это случилось, напр., съ богатымъ изслѣдованіемъ мин-ва финансовъ о положеніи промышленности въ 1900 г. Обстоятельные матеріалы, изданные и имѣющіе быть изданными г. Козьминыхъ-Ланинымъ, должны подвергнуться разработкѣ частныхъ изслѣдователей, хотя бы въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ обрабатываются земскія данныя о крестьянскомъ хозяйствѣ.

— Александръ Н. Закъ. Крестьянскій поземельный банкъ. 1883—910. Москва. 1911.

Исторія и дѣятельность крестьянскаго банка разсматривается въ названномъ трудѣ г. Зака въ связи съ общей экономической политикой правительства, какъ одно изъ ея орудій. По этому предмету авторъ пришелъ къ слѣдующему заключенію, во многомъ опредѣлившему планъ разработки избранной имъ темы. И при основаніи крестьянскаго банка, и въ послѣдующей эволюціи этого учрежденія, — говоритъ г. Закъ—„мы встрѣчаемся съ тѣмъ фактомъ, что дѣятельность его регулировалась отнюдь не потребностями крестьянскаго населенія, а почти исключительно могущественными интересами помѣстнаго землевладѣнія, пережившаго и переживающаго тяжелый экономическій кризисъ, обусловившій длящуюся тенденцію къ ликвидаціи своей земельной собственности“, и находившаго наиболѣе выгодныхъ покупателей въ крестьянскомъ сословіи, страдающемъ отъ малоземелья, но не имѣющемъ средствъ для пріобрѣтенія нужныхъ ему угодій. Эта помѣщичья тенденція аграрной политики правительства была, по мнѣнію г. Зака, причиной того, что послѣднее долго не принимало никакихъ мѣръ къ ослабленію крестьянскаго малоземелья путемъ поднятія техники крестьянскаго хозяйства; а новѣйшее усиленное вниманіе его къ этому средству воздѣйствія на экономи-

ческое положеніе крестьянъ вызвано опять-таки не крестьянскими, а помѣщичьими интересами. „Революціонное движеніе обусловило созданіе консервативныхъ Grossbauer'овъ, на которыхъ могло бы опереться правительство, а категорическій отказъ крупнаго землевладѣнія передать свои земли крестьянамъ поставилъ правительство въ необходимость искать другого выхода изъ крестьянскаго кризиса: оно взяло своимъ орудіемъ интенсификацію крестьянскаго хозяйства". (стр. 565). Что учрежденіе банка для содѣйствія крестьянамъ въ пріобрѣтеніи земли выгодно для продавцовъ послѣдней—понятно безъ особыхъ разъясненій; что въ исторіи крестьянскаго банка игралъ роль мотивъ помѣщичьихъ интересовъ—признается, кажется, всѣми; но положеніе это въ столь рѣзкой формулировкѣ автора нельзя считать доказаннымъ въ его книгѣ. Между тѣмъ, сосредоточивъ свою мысль на данномъ факторѣ, авторъ упустилъ изъ вида политическіе мотивы учрежденія крестьянскаго банка—желаніе показать, что правительство не остается нечувствительнымъ къ бѣдственному положенію народа, служившему въ то время объектомъ революціонной агитаціи. Тотъ же мотивъ одновременно вызвалъ и нѣкоторые шаги къ введенію фабричнаго законодательства. Между тѣмъ, политическимъ мотивамъ—да и то въ иной формулировкѣ—авторъ въ своей объемистой книгѣ отвелъ буквально лишь нѣсколько строкъ (стр. 50).

Соотвѣтственно указанному выше взгляду г. Закъ, при выясненіи условій основанія и преобразованія Крестьянскаго банка, останавливается на положеніи не только крестьянскаго, но и помѣщичьяго землевладѣнія, и на тѣхъ мнѣніяхъ, которыя высказывались по тому и другому предмету въ земскихъ собраніяхъ и частью въ литературѣ. Въ отдѣлахъ, посвященныхъ спеціально крестьянскому банку, авторъ, кромѣ общаго обзора дѣятельности банка и достигнутыхъ имъ результатовъ, подробно останавливается на такихъ важныхъ вопросахъ, какъ колебаніе доплатъ изъ средствъ покупщиковъ земли къ ссудѣ изъ крестьянскаго банка, движеніе цѣнъ на землю, пріобрѣтаемую при содѣйствіи банка, движеніе недоимочности по банковымъ платежамъ,—пытаясь не безъ успѣха выяснить зависимость даннаго явленія отъ общихъ условій экономической жизни страны и, въ частности, отъ политики крестьянскаго банка. Эти вопросы, впрочемъ, обстоятельно разрабатываются лишь относительно перваго періода дѣятельности крестьянскаго банка (до 1895 г.); отдѣлъ книги, посвященный второму періоду этой дѣятельности, имѣетъ болѣе статистико-описательный, чѣмъ разъяснительный характеръ. Что же касается той части работы автора, въ которой онъ разсматриваетъ новѣйшую, землеустроительную дѣятельность крестьянскаго банка, и пытается оцѣнить общесоціальныя послѣдствія современной аграрной политики прави-

тельства, то она обнаруживаетъ недостаточную подготовленность къ освѣщенію столь общихъ и сложныхъ вопросовъ. Но это не можетъ служить препятствіемъ къ широкому распространенію цѣннаго труда по аграрной политикѣ русскаго правительства.—В. В.

— Д-ръ А. Н. Бобровъ. Очеркъ борьбы съ туберкулезомъ въ Россіи. Одесса, 1911 г. Ц. 90 коп.

Книжка д-ра А. Н. Боброва является прекраснымъ дополненіемъ къ книгѣ д-ра Ф. М. Блюменталя, о которой недавно шла рѣчь въ „Вѣстникѣ Европы". Д-ръ Блюменталь знакомитъ насъ съ постановкой борьбы съ туберкулезомъ въ разныхъ государствахъ Европы; д-ръ Бобровъ посвящаетъ свой очеркъ положенію того же вопроса въ Россіи. Отмѣчая, что противотуберкулезное движеніе направляется у насъ по пути, проложенному въ Западной Европѣ, авторъ указываетъ, что этому движенію слѣдовало бы придать оригинальный характеръ, такъ какъ Россія располагаетъ могучимъ и профилактическимъ, и лѣчебнымъ средствомъ противъ туберкулеза въ видѣ кумыса. Для правильной борьбы съ туберкулезомъ необходимъ точный учетъ больныхъ этой болѣзнью; между тѣмъ, регистрація какъ заболѣваній, такъ и смертныхъ случаевъ отъ туберкулеза поставлена у насъ крайне неудовлетворительно. Туберкулезъ до сихъ поръ не включенъ въ число тѣхъ болѣзней, о которыхъ обязательно донесеніе. Далеко не точная цифра отчета Главнаго управленія врачебнаго инспектора за 1908 г. устанавливаетъ въ Россіи 812.000 туберкулезныхъ больныхъ. Первые шаги русскаго противотуберкулезнаго движенія относятся еще къ концу 50-ыхъ годовъ прошлаго столѣтія, когда д-ромъ Постниковымъ была открыта первая кумысолѣчебница. Въ настоящее время существуетъ всероссійская лига для борьбы съ этой болѣзнью. Россія принимаетъ участіе въ международной противотуберкулезной организаціи. Не считая провинціальныхъ отдѣловъ всероссійской лиги, у насъ имѣется до 20-ти спеціальныхъ обществъ для борьбы съ бугорчаткой, а вмѣстѣ съ отдѣлами лиги и разными коммиссіями—до 45-ти спеціальныхъ организацій. Но, по словамъ автора, изъ ихъ числа только 8—10 успѣли сдѣлать хоть кое-что въ борьбѣ съ туберкулезомъ. Авторъ даетъ очеркъ русскихъ санаторій, колоній для дѣтей и кумысолѣчебныхъ заведеній общественнаго характера. Всѣхъ санаторій у насъ свыше 30-ти; наиболѣе острымъ недостаткомъ ихъ является недоступность для людей неимущихъ. Спеціально народныхъ санаторій у насъ пока нѣтъ. Книжку д-ра Боброва можно рекомендовать всѣмъ интересующимся развитіемъ у насъ дѣла борьбы съ туберкулезомъ.

— Справочная книга по Архангельскому городскому общественному управленію. 1870—1910 гг. Архангельскъ, 1910 г. Цѣна 3 р.

Настоящая книга — объемистый томъ въ 700 съ лишнимъ страницъ—является какъ бы отчетомъ городского управленія за 40-лѣтній періодъ его дѣятельности и съ этой стороны представляетъ интересъ, какъ первый, если не ошибаемся, опытъ такого рода. Помимо свѣдѣній справочнаго характера, краткаго историческаго очерка развитія общественнаго самоуправленія въ городахъ имперіи и въ частности въ Архангельскѣ и приходо-расходныхъ смѣтъ за истекшій періодъ, въ книгѣ приводятся всѣ вопросы, разрѣшавшіеся городскимъ управленіемъ за указанное время; по каждому вопросу дается краткій общій очеркъ его развитія и современнаго положенія, а затѣмъ въ хронологическомъ порядкѣ приводятся журнальныя постановленія думы. Подобные обзоры могутъ сослужить большую службу при составленіи новаго городового положенія.

— Водопроводы русскихъ городовъ. Инженера-технолога Ф. А. Данилова. Москва. 1911 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дѣло водоснабженія въ русскихъ городахъ находится еще въ зачаточномъ состояніи. По даннымъ, собраннымъ главнымъ врачебнымъ управленіемъ, изъ 762 городовъ Европейской Россіи водопроводы оборудованы въ 149 городахъ, канализаціи—въ 27; изъ 121 города Царства Польскаго водопроводы имѣются въ 9 городахъ, канализація—въ 5. На Кавказѣ изъ 103 городовъ имѣютъ водопроводы 7 городовъ, канализацію—6; въ Сибири только 2 города изъ 50-ти располагаютъ водопроводомъ; изъ 46-городовъ Средне-Азіатской Россіи водопроводы устроены только въ пяти. Въ общемъ во всей странѣ насчитывается 1.082 города, изъ которыхъ только въ 192 существуютъ водопроводы, а канализація—лишь въ 38. Приведенныя цифры показываютъ, что только 17,7% нашихъ городовъ поставлены въ смыслѣ водоснабженія въ болѣе или менѣе удовлетворительныя условія. Постояннымъ бюро водопроводныхъ съѣздовъ устроена была анкета по данному вопросу, и Ф. А. Даниловымъ обработаны отвѣты 60 городовъ. Города, въ изложеніи автора, расположены въ нисходящемъ порядкѣ, по количеству воды, доставляемой водопроводомъ въ теченіе года. Въ книгѣ г. Данилова можно найти все, что такъ или иначе характеризуетъ водопроводы съ финансовой, технической и санитарной стороны. — В. Б—ъ.

— Проф. В. Арнольди. По островамъ Малайскаго Архипелага. Впечатлѣнія и наблюденія натуралиста. Москва. 1911. 218 стр. Ц. 1 р. 80 к.

Для основательнаго и систематическаго знакомства съ тропической природой еще въ сравнительно недавнее время приходилось снаря-

жать дорого стоившія и продолжительныя экспедиціи, принять участіе въ которыхъ было удѣломъ лишь немногихъ. Переворотъ въ такомъ неблагопріятномъ для широкаго круга натуралистовъ положеніи дѣлъ произвелъ ботаническій садъ, съ его лабораторіями, въ Бейтензоргѣ, на о. Явѣ. Изъ первоначально небольшого учрежденія этотъ садъ, благодаря энергіи своего директора, извѣстнаго ботаника Трейба, развился за 30 лѣтъ его управленія (съ 1880 г.) въ цѣлый департаментъ земледѣлія Нидерландской Индіи. Въ настоящее время департаментъ этотъ обнимаетъ собою рядъ отдѣльныхъ первоклассныхъ учрежденій, во главѣ которыхъ стоятъ спеціальные завѣдующіе: научный ботаническій садъ, ботаническій музей, библіотеки, музей прикладной ботаники, лабораторія для иностранныхъ ученыхъ, лабораторіи фармакологическая, растительно-патологическая, физіологическая, почвенно-бактеріологическая, химическая, лабораторія испытанія волокнистыхъ веществъ, чая, кофе, табака, риса, зоологическій музей, опытныя станціи, горный садъ въ окрестностяхъ, школы садоводства и агрономіи, типографія для многочисленныхъ изданій департамента (какъ чисто научныхъ, такъ и по прикладнымъ вопросамъ). Устройство разнообразныхъ научныхъ лабораторій въ сравнительно небольшомъ городѣ, окруженномъ тропическимъ лѣсомъ, позволяетъ дѣлать ихъ базой для ряда экскурсій. Давно уже, поэтому, Бейтензоргъ сталъ мѣстомъ паломничества натуралистовъ Европы и Америки. Лишь очень недавно стали появляться научно оборудованныя лабораторіи въ другихъ тропическихъ странахъ, напр. въ Амони въ нѣм. Вост. Африкѣ, на верхнемъ Нилѣ и т. д. Число русскихъ посѣтителей въ Бейтензоргѣ было сначала очень невелико и случайно, пока въ концѣ 90-хъ гг. наша Академія Наукъ не учредила стипендію (въ 2000 руб.), предназначенную спеціально для поѣздокъ на Яву и выдаваемую каждые два года, при чемъ посылаются поочередно то зоологъ, то ботаникъ. Послѣднимъ изъ стипендіатовъ, въ 1909 г., былъ профессоръ ботаники въ харковскомъ университетѣ Арнольди, которому и принадлежитъ разбираемая нами книга. Это—увлекательно написанное описаніе путешествія автора изъ Харькова на Яву, жизни въ Бейтензоргѣ, мелкихъ экскурсій оттуда, большого путешествія на острова Ару, возвращенія изъ Явы черезъ Японію и Сибирь. Для русскаго человѣка, въ противоположность англичанамъ и многимъ другимъ европейцамъ, путешествіе въ тропики часто составляетъ цѣлую эпоху, и картины тамошней природы навсегда остаются у него въ памяти. Помимо богатыхъ и пестрыхъ внѣшнихъ впечатлѣній, тихая научная работа въ лабораторіи, среди тропической обстановки, является сама по себѣ своеобразной и глубоко интересной. Г. Арнольди—истинный любитель и

знатокъ природы. Хотя почти на каждой страницѣ замѣтно, что авторъ—спеціалистъ-ботаникъ, но ботаническая часть книги изложена настолько общедоступно и интересно, что общее впечатлѣніе отъ нея только выигрываетъ. Много мѣста удѣлено описанію видѣнныхъ авторомъ народностей и ихъ жизни, характеристикѣ городовъ, жизни на океанскихъ пароходахъ, полному приключеній путешествію на туземныхъ лодкахъ по дикимъ мѣстностямъ восточной части Малайскаго Архипелага. Множество отлично исполненныхъ фототипій и нѣсколько картъ дополняютъ текстъ. Въ общемъ книга представляетъ собою цѣнный вкладъ въ ту литературу путешествій натуралистовъ, которая беретъ начало съ безсмертной книги Дарвина: „Путешествіе на кораблѣ Бигль".

— М. Шотеліусъ. Бактеріи, заразныя болѣзни и борьба съ ними. Переводъ прив. доц. Моск. Унив. А. И. Абрикосова. Москва, 1912. (съ 50 рис.). Ц. 2 р. 50 к.

Настоящая книга—переводъ послѣдняго изданія сочиненія Шоттеліуса (1909), съ нѣкоторыми измѣненіями, внесенными переводчикомъ. Несмотря на солидность и ясность изложенія, книгу Шоттеліуса нельзя назвать вполнѣ удачной. Русскому ея переводу вредитъ игнорированіе въ ней большинства данныхъ, собранныхъ не-германскими изслѣдователями. Достаточно понятными можно считать отдѣлы, посвященные Шоттеліусомъ описанію бактерій вообще, значенію ихъ въ природѣ и отношенію ихъ къ человѣку; неясными и незаконченными представляются тѣ мѣста книги, гдѣ говорится о научныхъ теоріяхъ иммунитета и серотерапіи. Въ общемъ обзорѣ главнѣйшихъ инфекціонныхъ болѣзней, ихъ причинъ и борьбы съ ними цѣлость изложенія нарушается вставками, иногда черезчуръ патетическими, заимствованными изъ клиническихъ описаній данной болѣзни въ сочиненіяхъ разныхъ врачей или въ оффиціальныхъ изданіяхъ. Добавленія къ тексту Шоттеліуса, сдѣланныя переводчикомъ, вопреки обычаю нигдѣ не отмѣчены. Весьма возможно, что въ отдѣлахъ техники и въ описаніи микроскопа переводчику принадлежатъ мѣста, напечатанныя петитомъ; но въ главахъ о химіотерапіи или о протозоологическихъ болѣзняхъ, гдѣ, по словамъ г. Абрикосова, имъ также сдѣланы добавленія, совершенно нельзя отличить ихъ отъ текста самого Шоттеліуса. Врядъ ли послѣдній будетъ благодаренъ переводчику за подобное отношеніе къ оригиналу, а съ другой стороны оно можетъ повредить и переводчику, такъ какъ иныя неудачныя выраженія, безъ знанія нѣмецкаго текста, можно поставить на его счетъ, напр. черезчуръ общее и рискованное замѣчаніе (на стр. 144): „нужно замѣтить, что у насъ люди умираютъ больше оттого, что они ѣдятъ слишкомъ много, а не потому, что они ѣдятъ слишкомъ мало". Странно также встрѣ-

титься въ русскомъ изданіи съ какимъ-то городомъ „Фрейбургомъ въ Баваріи“ (предисловіе автора, стр. X и XI). Обычное сокращенное нѣмецкое обозначеніе *Freiburg i. B.* относится къ университетскому городу Фрейбургу въ Брейзгау (въ вел. герцогствѣ Баденскомъ). Стоимость книги нельзя не признать высокой. До извѣстной степени она объясняется наличностью 32 таблицъ на мѣловой бумагѣ, частью цвѣтныхъ; но не всѣ рисунки удачны, нѣкоторые же (напр. бациллы проказы въ кожѣ, стр. 284) далеки отъ того, что можно видѣть въ каждомъ спеціальномъ учебникѣ бактеріологіи или терапіи. Вообще изъ книги Шоттеліуса читатель, незнакомый съ медициной, вынесетъ мало для себя полезнаго, а знакомому съ затрагиваемыми въ ней вопросами она покажется слишкомъ популярной.—А. Щ.

— Emile Haumant. Pouchkine. Парижъ, 1911.

„Мы знаемъ отъ Мицкевича, — предупреждаетъ своего читателя авторъ,—что Пушкинъ вращается „вокругъ солнца — Байрона“; отъ Меримэ, что онъ послѣдній изъ грековъ; отъ Брандеса, что его поэзія пахнетъ негромъ; отъ Мельхіора Вогюэ, что онъ принадлежитъ всему человѣчеству. Однако, русскіе считаютъ его вполнѣ своимъ. Этотъ эскизъ покажетъ, чѣмъ онъ не былъ: что онъ такое, обнаружится, можетъ быть, и не совсѣмъ отчетливо. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, хорошо передать прелесть его стиховъ. „Пошлякъ вашъ поэтъ“,—говорилъ Флоберъ Тургеневу, который ему его переводилъ. Почему же этотъ отзывъ не помѣшалъ мнѣ написать эту книгу? Конечно, потому, что если любишь Пушкина, то не можешь примириться съ тѣмъ, что онъ остается въ тѣни, позади другихъ русскихъ, менѣе достойныхъ нашего почитанія. Къ тому же нужно разсчитывать на болѣе терпѣливыхъ (sic!) читателей, чѣмъ Флоберъ“. Противорѣчивость такихъ мнѣній, какъ огульно-отрицательный и до брани рѣзкій отзывъ Флобера, котораго съ Пушкинымъ знакомилъ не рядовой переводчикъ, а вдохновенный художникъ, или туманно-восторженное восклицаніе Вогюэ, достаточно ясно показываетъ, какъ трудно говорить о Пушкинѣ въ Европѣ, въ особенности во Франціи, которая всего менѣе знаетъ Россію, хотя всего ближе знакома Россіи. По нѣкоторымъ особенностямъ своего творчества, Тургеневъ, и, въ еще сильнѣйшей степени, Достоевскій, вошли въ число écrivains francisés; относительно популяренъ Лермонтовъ, и остается темнымъ для французскихъ читателей лишь „солнце русской поэзіи“, несмотря на изрядное количество переводовъ изъ Пушкина (о нихъ есть любопытное изслѣдованіе В. Шульца: „Пушкинъ въ переводѣ французскихъ писателей“— Древн. и Нов. Россія“ 1880 г. и отд.) Г. Оманъ взялъ на себя трудную, но зато благодарную задачу—познакомить французскую публику

съ исторіей жизни и съ творчествомъ Пушкина и явить ей его поэтическій ликъ. Соотвѣтственно этимъ цѣлямъ, его работа распадается на три части: біографическій очеркъ, характеристику творчества и общую оцѣнку поэта, при чемъ самый объемъ книжки (двѣсти съ чѣмъ-то маленькихъ страничекъ) требовалъ отъ автора особенной сжатости, подчеркивающей существенное и устраняющей все лишнее.

Прежде всего бросается въ глаза плохое знакомство автора съ спеціальной литературой, отъ движенія которой онъ отсталъ на много лѣтъ, и неумѣнье разбираться въ источникахъ, благодаря чему онъ на каждомъ шагу впадаетъ въ ошибки, приписывая Пушкину то небывалый заѣздъ къ Мертваго въ 1811 г. (стр. 24), то сомнительные стишки о саранчѣ (стр. 82). Объ А. П. Куницынѣ, который, по свидѣтельству Пушкина, создавалъ людей въ своихъ ученикахъ, „воспитывалъ ихъ пламень", г. Оманъ, усиливая къ худшему и безъ того пристрастный отзывъ М. А. Корфа, говоритъ, что онъ „безъ конца диктовалъ одинъ и тотъ же курсъ, написанный разъ навсегда". Не лучшаго мнѣнія авторъ и о другихъ лицейскихъ преподавателяхъ, дѣлая исключеніе почему-то въ пользу одного только Будри, рѣшительно ничѣмъ не выдававшагося. О Чаадаевѣ авторъ только и находитъ возможнымъ сказать, что „его впослѣдствіи прославилъ его пессимизмъ". Г. Оманъ ошибается, думая, что въ описаніи Одессы („Онѣгинъ") выведены супруги Ризничъ. По недостатку пониманія существовавшихъ отношеній и по незнанію добытыхъ и сопоставленныхъ въ послѣдніе годы матеріаловъ, онъ рѣшительно становится на сторону графа Воронцова въ его ссорѣ съ Пушкинымъ и столь же рѣшительно отвергаетъ увлеченіе Пушкина Воронцовой (кстати, гдѣ это авторъ нашелъ у Пушкина „самыя непочтительныя выраженія о Воронцовой"? признаемся, мы такихъ не встрѣчали). Вообще г. Оманъ видно, не познакомился даже какъ слѣдуетъ съ письмами Пушкина,— но зато съ полнымъ довѣріемъ цитируетъ смѣхотворно-лживый разсказъ о проѣздѣ Пушкина въ 1824 г. черезъ Могилевъ-на-Днѣпрѣ и называетъ казненнаго декабриста Муравьева-Апостола „другомъ или корреспондентомъ" Пушкина. Забывая письма, автобіографическія замѣтки и стихи Пушкина, г. Оманъ отрицаетъ его сочувствіе боровшимся за свою судьбу грекамъ, перепутываетъ подробности послѣдняго столкновенія Пушкина съ Дантесомъ, обнаруживаетъ мѣстами непростительное незнакомство съ хронологіей. Мы потому остановились на фактахъ, что они (помимо своего несомнѣннаго абсолютнаго значенія) особенно занимали французскаго біографа, совершенно не обратившаго вниманія, напримѣръ, на Пушкина-критика, на его прозаическій стиль, но не упустившаго многаго множества фактическихъ мелочей, безъ которыхъ легко обошлась бы и болѣе объемистая работа. Безпоря-

дочно и случайно надерганные изъ разныхъ источниковъ и необработанные критически факты составили слабый и блѣдный очеркъ внѣшней жизни Пушкина, который даже знающему русскому читателю, могущему самостоятельно добавить многое незамѣченное или неоцѣненное авторомъ, не даетъ никакого представленія объ обликѣ поэта. Что же говорить о французскомъ читателѣ, знающемъ такихъ мастеровъ литературнаго портрета, какъ напр. Сентъ-Бевъ! Критическій „анализъ" сводится у г. Омана къ дѣтски лепечущему, неумѣлому, запутывающемуся въ подробностяхъ и упускающему главное пересказу содержанія нѣкоторыхъ произведеній Пушкина.

Не съумѣвъ нарисовать сносно даже внѣшнюю жизнь Пушкина (а для этого у насъ сдѣлано такъ много), г. Оманъ подавно не смогъ изобразить художника-Пушкина и показать въ немъ мыслителя, не заинтересовался его литературными и историческими воззрѣніями. Вотъ одинъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ добросовѣстнаго, но отъ того не менѣе печальнаго, непониманія: „сколько стиховъ, за которые Пушкина упрекали, въ сущности—не что иное, какъ поэтическій переводъ той „молитвы объ умиленіи сердца владыки", которую возносила за него Арина!" Пушкинъ не былъ бы тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, еслибы былъ способенъ на такіе „переводы". Онъ славилъ Николая I съ тою же искренностью, съ какою посылалъ дружескій привѣтъ „во глубину сибирскихъ рудъ"; самое драгоцѣнное въ немъ—его непререкаемая искренность, органическая неспособность ко лжи, и думать о немъ иначе—значитъ не понимать ни его поэзію, ни его личность. Но для самого г. Омана такое истолкованіе или, вѣрнѣе, искаженіе Пушкина вполнѣ вяжется съ жалкимъ выводомъ, къ которому онъ пришелъ. Пушкинъ, по его мнѣнію, „совсѣмъ не народный поэтъ; его творчество слишкомъ много (?!) обязано другимъ странамъ". Онъ вообще человѣкъ „французской культуры" (стр. 82); „въ большей части своего творчества онъ французъ, и весьма опредѣленной эпохи, именно Андре Шенье". Доказательствъ этому Оманъ не приводитъ никакихъ, да мудрено ихъ отъ него и требовать. Еслибы авторъ прослѣдилъ съ подобающимъ вниманіемъ и затѣмъ сколько-нибудь продумалъ тѣ самыя „сужденія Пушкина о Европѣ", о которыхъ упоминаетъ вскользь, еслибы онъ принялъ во вниманіе отрицательные, рѣзкіе отзывы Пушкина о французской литературѣ и французскомъ національномъ характерѣ, еслибы, наконецъ, посчитался съ очевиднымъ фактомъ вліянія Пушкина на великую литературу, въ которой подъ лучами его генія возникли Тургеневъ и Толстой, онъ зачеркнулъ бы свою неудачную работу, которая не нужна ни нашей литературѣ, ни французской. Въ области высшаго, духовнаго пониманія

это та же „развѣсистая клюква“, тотъ же анекдотическій „ломоть жаренаго самовара“.—Н. Лернеръ.

Въ теченіе ноября мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Аксаковъ, С. Т.—Воспоминанія. Изд. „Польза“. Москва. Цѣна 20 коп.

Алтаевъ, А.—Веселый вечеръ. Сборникъ игръ, шутокъ, разск. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1911 г. Цѣна 80 коп.

Амфитеатровъ, А. В.—Собраніе соч. Т. IX. Дождя отшумѣвшаго капли. Изд. „Просвѣщеніе“. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

А—овъ, В. П.—Григорій Отрепьевъ. Драма. Спб. Цѣна 50 коп.

Арельскій, Грааль.—Голубой ажуръ. Стихи. Спб, 1911 г. Цѣна 50 коп.

Барановъ, Е. и *Казмановъ*, Ф. — Толстой живъ. Изд. „Читатель“. Москва, 1911 г. Цѣна 50 коп.

Баранцевичъ, К. С. — Чужакъ. Пов. и разск. Изд. т-ва А. Ф. Марксъ. Спб. Цѣна 1 р.

——— На волю Божью. Разсказы и наброски. Изд. т-ва А. Ф. Марксъ. Спб. Цѣна 1 р.

——— Тихое счастье. Повѣсти и разсказы. Изд. т-ва А. Ф. Марксъ. Спб. Цѣна 1 р.

Бебель, А. — Мемуары. Часть вторая. Вып. первый. Изд. Н. Н. Клочкова. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

——— Часть вторая. Вып. второй. Цѣна 1 р. 50 коп.

Берлинраутъ, Л. Я. и *Раскинъ*, М. С. — Еврейское населеніе г. Вологды. Москва, 1911 г. Цѣна 40 коп.

Брюсовъ, Валерій.—Далекіе и близкіе. Изд. „Скорпіонъ“. Москва, 1912 г. Цѣна 2 р.

Бѣлинскій, В. Г. — Статьи о Пушкинѣ. Изд—во „Польза“. Москва. Цѣна 30 коп.

В. В.—Очерки крестьянскаго хозяйства. Статьи 1882—86 гг. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р.

Василевскій, Л. М.—Стихи. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р.

Вегеновъ, В.—Пѣсни нищеты. Спб., 1911 г. Цѣна 50 коп.

Вентцель, К. Н. — Этика и педагогика творческой личности. Т. I. Этика творч. личности. Изд. К. И. Тихомирова. Москва, 1911 г. Цѣна 2 р.

——— Этика и педагогика творческой личности. Томъ II. Педагогика творч. личности. Изд. К. И. Тихомирова. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Водовозова, Е. Н.—На зарѣ жизни. Воспоминанія. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р.

Волгинъ, Вяч.—Судьбы англійскаго крестьянства. Изд. московскаго о—ва грамотности. Москва, 1911 г. Цѣна 15 коп.

Гессе, Г.—Петеръ Каменциндъ.—Романъ.—Перев. съ нѣм. Изд. „Польза“. Москва. Цѣна 20 коп.

Гейбергъ, Гуннаръ.—Собраніе сочиненій. Томъ I-й. Балконъ. Трагедія любви. Большой выигрышъ. Перев. съ норв. Изд. К. Ф. Некрасова. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

Гейерстамъ, Густавъ.—Голова медузы. Пер. со шведскаго. Изд. „Польза“. Москва. Цѣна 30 коп.

Гротъ, К. Я.—Пушкинскій лицей. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Деккеръ, Германъ, д-ръ. — Исторія развитія ребенка. Пер. съ нѣм. Спб., 1911 г. Цѣна 60 коп.

Державинъ, Г. Р.—Стихотворенія. Историко-литературная библіотека. Спб., 1911 г. Цѣна 30 коп.

Добролюбовъ, Н. А. — Первое полное собраніе сочиненій въ 4-хъ томахъ. Подъ ред. М. К. Лемке, съ его вступительными замѣтками къ каждой статьѣ, примѣч. и біограф. очеркомъ. Спб., 1912 г. Цѣна за 4 тома 5 р.

Зубовскій, Юрій. — Изъ городского окна. Стихотвор. Изд. „Лукоморье". Кіевъ. 1911 г. Цѣна 85 к.

Игнатьевъ, Е. И. — Наука о небѣ и землѣ, общедоступно изложенная. Изд. А. С. Суворина. Спб., 1912 г. Цѣна 5 р.

Іозефсонъ, И. А., д-ръ. — Женщина и мать. Изд. „Альфа". Спб., 1912 г. Цѣна 1 р.

Каблуковъ, Н. — Пособіе къ ознакомленію съ условіями и пріемами собиранія и разработки свѣд. при земско-статистическихъ изслѣдованіяхъ. Изданіе Г. А. Лемана. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Кирова, Е.—Картины жизни. Изд. 2-е. Изюмъ, 1912 г. Цѣна 60 коп.

——— Воспоминанія артистки. Харьковъ, 1912 г. Цѣна 10 коп.

Корецкій, Н. В.—Пѣсни ночи. 2-е изданіе. Т-во „Художественной печати". Спб., 1911 г. Ц. 1 р.

Крюковъ, Н. А. — Аргентина. Сельское хозяйство. Изданіе департамента земледѣлія. Спб., 1911 г.

Ладыженскій, В.—Разсказы. Изд. 2-е. Т-во „Общественная Польза". Спб., 1912 г. Цѣна 1 р.

Ломоносовъ, М. В.—Избр. соч. Вильна, 1912 г. Цѣна 30 коп.

Ловелъ, проф. — Марсъ и жизнь на немъ. Перев. съ англ. Одесса, 1912 г. Цѣна 2 р.

Луначарскій, А.—Религія и соціализмъ. Томъ II. Изд. „Шиповника". Спб., 1911 г. Цѣна 3 р.

Маркеловъ, Г. И.—Философія и наука. Введеніе въ философію. Изд. „Общ. Польза". Спб., 1912 г. Цѣна 50 коп.

——— Личность, какъ культурно-историческое явленіе. Этюды по исторіи индивидуализма. Т. I. Изд. „Общ. Польза". Спб., 1912 г. Цѣна 2 р.

Мопассанъ-де Гюи.—Собраніе сочиненій. Т. XXIV. Туанъ и др. разсказы. Перев. съ франц. Изд. „Шиповника". Спб. Цѣна 1 р.

Майкельсонъ, А. А. — Свѣтовыя волны и ихъ примѣненія. Пер. съ англ. Одесса, 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Мюллеръ, I. П.—Моя система для дѣтей. Москва, 1911 г. Цѣна 75 коп.

Невѣжинъ, П. М.—Собраніе сочиненій. Томъ XII-й. Повѣсти и разсказы. Изд. „Просвѣщеніе". Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Нечаевъ, А. П. — Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія. Изд. 2-е. Томъ второй. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 80 коп.

Никитинъ, И. С. — Дневникъ семинариста. Изд. „Польза". Цѣна 10 коп.

——— Кулакъ. Цѣна 10 коп.

——— Полное собр. сочин. „Современное книгоиздательство". Москва. Цѣна 70 коп.

Обуховъ, А. М.—Принципъ единой школы (критическій очеркъ). Москва. Цѣна 20 коп.

Первовъ, П. Д. — Проложеніе перваго телеграфа черезъ океанъ. Москва, 1911 г. Цѣна 35 коп.

Рудневъ, Я. И.—Учебникъ географіи для народныхъ школъ. Спб., 1911 г. Цѣна 60 коп.

Руссобтовскій, М.—Историческое освѣщеніе финляндскаго вопроса. 2-е изд. О. Н. Поповой. Спб. 1912 г. Цѣна 1 р.

Руссо, Жанъ-Жакъ.—Эмиль или о воспитаніи. Изд. 2-е. К. И. Тихомирова. Пер. съ франц. Москва, 1911 г. Цѣна 3 р. 50 коп.

Сажинъ, И. В., д-ръ мед.—Умѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ или полное воздержаніе отъ нихъ. Изд. 2-е. Спб., 1911 г. Цѣна 15 коп.

С. Г. Б.—Общедоступные бесѣды по сельскому хозяйству. Москва, 1910 г. Цѣна 20 коп.

——— Область мышленія и предѣлы дѣйствительности. Цѣна 25 коп.

——— Этнографическіе этюды. Цѣна 25 коп.

——— Картины изъ сельской жизни. Цѣна 10 коп.

——— Воспитаніе, какъ главный факторъ прогресса. Цѣна 20 коп.

Соловьевъ, Вл. С. — Собр. соч. Томъ первый. Второе изданіе. Т-во „Просвѣщеніе". Спб., 1911 г. Цѣна 2 р.

Сологубъ, Федоръ.—Отрокъ Линъ и др. Изд. „Польза". Цѣна 10 коп.

Сукенниковъ, М.—Пьесы. Изд. „Ars." Спб., 1912 г. Цѣна 1 р.

Сысоева, Е. К. — Исторія маленькой дѣвочки. Изданіе пятое. Т-во „Просвѣщеніе". Спб., 1911 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Тенеромо, И. — Живыя слова Л. Н. Толстого. Изданіе К. И. Тихомирова. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Титовъ, А. А. — Счастливые острова. Новая Зеландія. Изд. москов. о-ва грам. Москва, 1911 г. Цѣна 10 коп.

Толстой, Л. Н. — Для дѣтей. Книжка I. Кавказскій плѣнникъ и др. разсказы. Изд. „Польза". Москва. Цѣна 10 коп.

——— Книжка II. Басни, былины и разсказы изъ естественной исторіи. Цѣна 10 коп.

——— Посмертныя художественныя произведенія. Т. I. Изд. А. Л. Толстой. Москва, 1911 г.

Уальдъ, Оскаръ. — Герцогиня падуанская. Драма въ 5 д. Перев. съ англ. Изд. „Польза". Москва. Цѣна 10 коп.

Черный Саша. — Сатиры и лирика. Книга вторая. Изд. „Шиповника". Спб. Цѣна 1 р. 25 коп.

Шапиръ, Ольга.—Собр. соч. Авдотьины дочки. Изд. „Просвѣщеніе". Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Шиловъ, Алексѣй.—Правда о тотализаторѣ. Москва, 1912 г. Цѣна 30 коп.

Щегловъ, Иванъ.—Народъ и театръ. Изд. П. П. Сойкина. Спб. Цѣна 3 р.

Фрейдъ, С. — Психологія сна. Пер. съ нѣм. Москва, 1912 г. Цѣна 40 коп.

Baring, Maurice.—The russian people. London.

— Экономическо-статистическій сборникъ. Вып. II. Кредитная кооперація въ Московскомъ уѣздѣ. Изд. статистич. отдѣл. Москов. уѣздн. зем. управы. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

— Изъ жизни Л. Н. Толстого. Снимки работы исключительно гр. С. А. Толстой. Въ пользу погорѣлыхъ окрестностей Ясной Поляны.

— Вѣстникъ харьковскаго историко-филологич. о-ва. Вып. I. Харьковъ, 1911 г. Цѣна 50 коп.

— Примѣрные каталоги, выработанные библіотечной коммиссіей москов. о-ва грамотности. Москва, 1911 г.

— Страдальцы за землю русскую: патріархъ Гермогенъ и троицкій архимандритъ Діонисій. Москва, 1911 г.

— Матеріалы по обслѣд. туз. и русскаго хозяйства и землепольз. въ Семирѣченской области. Томъ I. Вып. I. Спб., 1911 г.

— Военная энциклопедія. Т. VII. Изд. т-ва И. Д. Сытина. Спб., 1911 г.

— Pontus E. Sahlbeck. Die Regierungsform Schwedens. Berlin. 1911 г.

— Календарь для студентовъ на 1911—12 г. Изд. Отто Кирхнеръ. Спб.

— Календарь для юристовъ на 1912 г. Изд. Отто Кирхнеръ. Спб.

— Отчетъ о дѣятельности центр. ком. евр. колониз. о-ва въ 1910 г.

— Кредитная кооперація въ чертѣ еврейской осѣдлости. Спб., 1911 г.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Новый бытъ провинціи. — Современныя „шутки“ и „игры“. — Кровь и жестокости, какъ роковая духовная зараза. — Охота на человѣка въ Лодзи. — „Волжская вольница“.—Разбойная шайка въ Тамбовской губерніи и сочувствіе къ ней населенія.— Истязатель помощникъ пристава.—Тревожное настроеніе деревни.—Заклятый кругъ жизни.

Вѣроятно, воспитаніе цѣлой страны, цѣлой націи идетъ по тѣмъ же основнымъ психологическимъ путямъ, какъ и воспитаніе отдѣльнаго человѣка. Если, предположимъ, какого-либо человѣка, начиная съ юнаго возраста, въ продолженіе многихъ лѣтъ оскорбляютъ, заушаютъ, истязуютъ, подвергаютъ на каждомъ шагу издѣвательствамъ, обидамъ, наказаніямъ, то нетрудно представить себѣ, сколько въ его душѣ накопится отвѣтнаго озлобленія, желанія мести, недовѣрія ко всему міру. Самый суровый воспитатель заявитъ, что, какъ бы ни была порочна по склонностямъ натура воспитанника, все же неразумно и нецѣлесообразно дѣйствовать на него исключительно окриками, поркой, карцеромъ и другими наказаніями. И всякій педагогъ съ полной убѣжденностью скажетъ, что отъ воспитанника, вышедшаго изъ такой школы, слѣдуетъ ждать дикихъ и неожиданныхъ поступковъ. Его психика переломана, изуродована, отравлена злобой и отчаяніемъ. Онъ жалокъ и опасенъ. Даже шутки, смѣхъ и забавы его,—если онъ сохранилъ къ нимъ способность,—могутъ вызывать тревогу и безпокойство въ нормальныхъ людяхъ. Въ переломанной психикѣ шутка и жестокость, игра и преступленіе весьма часто оказываются въ странной близости, въ какой-то особой, причинной связанности.

Разумѣется, жизнь страны или націи безмѣрно сложнѣе отдѣльнаго человѣческаго существованія. Однако, различіе заключается, надо думать, главнымъ образомъ въ количествѣ и разнообразіи жизненныхъ проявленій. Составная душа страны имѣетъ элементами души людей, и цѣлое не можетъ далеко уйти отъ главныхъ свойствъ своихъ составныхъ частей. Психологическіе пути развитія или упадка общества, его воспитанія или его развращенія подвержены, несомнѣнно, законамъ, сходнымъ съ законами, управляющими жизнью отдѣльнаго человѣка. И вотъ, когда въ послѣднее время наблюдаешь въ жизни страны изъ недѣли въ недѣлю, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ факты нелѣпые, очень часто безсмысленные и далекіе отъ обычной житейской логики, то невольно заключаешь, что эти новыя, повсемѣстныя явленія должны вытекать изъ какой-то новой, всенародной психологіи.

Читаешь, напримѣръ, о такой „шуткѣ". Какой-то молодой человѣкъ спокойно и не спѣша ѣстъ въ кондитерской пирожки. Кончилъ ѣсть, молча сидитъ, странно озирается. Подходитъ лакей: „Позвольте получить". Молодой человѣкъ встаетъ, смотритъ на лакея, на буфетчика, на посѣтителей, вынимаетъ изъ кармана револьверъ и грозно на всѣхъ кричитъ: „Руки вверхъ!" Всѣ присутствующіе, напуганные, ошеломленные, поспѣшно поднимаютъ руки. И лакей, и буфетчикъ воздѣваютъ руки. А молодой человѣкъ нѣсколько минутъ смотритъ на нихъ съ мрачной угрозой и медленно выходитъ изъ кондитерской. Вполнѣ современная „шутка". Ее нельзя вообразить себѣ въ прежней Россіи. Изъ-за пирожковъ поставить себя — жуткую грань смертельной опасности, рисковать вызвать свалку, с рѣльбу, а затѣмъ попасть подъ судъ, который ужъ пріобрѣлъ страшную привычку сочетать криминальный возгласъ: „Руки вверхъ" съ возмездіемъ за него и его послѣдствія смертной казнью.

Въ Луганскѣ недавно, какъ сообщаютъ газеты, пьяный городовой бродилъ по базару. Ходилъ, глядѣлъ на людей, а потомъ вынулъ револьверъ и сталъ стрѣлять въ толпу. Вызвали полицію, забрали буяна въ участокъ. И онъ давалъ объясненіе своего неожиданнаго поступка: „хотѣлъ попугать". Тоже, слѣдовательно, „шутка", современная, бытовая „шутка".

Еще одну „шутку" отмѣчаетъ „Южный Край": „Членъ тимской земской управы, дворянинъ А. А. Обольяниновъ обратился къ курскому губернатору и прокурору окружного суда съ прошеніемъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится слѣдующее: „Въ мое отсутствіе произошло нѣчто ужасное, не поддающееся описанію. Семья моя, состоящая изъ трехъ человѣкъ дѣтей и жены, жестоко оскорблена назначенными для охраны стражниками и урядниками. Дѣти избиты,

надъ ними издѣвались, а жена оскорблена. Приставъ же Черниковъ, къ которому обратились за содѣйствіемъ, ничего не предпринялъ, но лишь продолжалъ тѣ же мученія. Картина истязаній рисуется такъ. Безъ всякой вины и повода стражники набросились на сына Александра, ударомъ по головѣ сбили съ ногъ и выхватили бывшія у него деньги. Когда сыну сдѣлалось дурно, вмѣсто помощи—снова толчки, а затѣмъ брань: „Ты, стерва, сволочь, мерзавецъ, не смѣешь передъ нами сидѣть... Подымайся... Мы тебѣ покажемъ дворянство...“ Вскорѣ къ мѣсту расправы прибыла моя жена съ остальными дѣтьми. Всѣ они подверглись той же участи. Жена заявила: „Вы присланы не для разбоевъ, а для охраны. Какъ вы смѣете издѣваться надъ ни въ чемъ неповинными дворянами?“ Въ отвѣтъ снова избіеніе, а затѣмъ: „Мы покажемъ тебѣ дворянство... Пошла вонъ отсюда; ты для насъ стара...“ Собрался народъ. Въ суматохѣ жена моя незамѣтно скрылась и сообщила мѣстнымъ властямъ. Дѣтей же снова избили, а затѣмъ заставили подписаться подъ протоколомъ, содержаніе котораго никому неизвѣстно. Подъ конвоемъ дѣтей повели въ арестантскую. Дорогой снова били, приговаривая: „Вотъ когда въ наши руки попались дворяне“. Посадили дѣтей въ свинятникъ“. Жалоба г. Обольянинова возымѣла дѣйствіе, и губернаторъ М. Э. Гильхенъ распорядился о строжайшемъ слѣдствіи. Въ настоящее время жена г. Обольянинова на порогѣ къ умопомѣшательству“.

О томъ, что стражники и урядники „шутятъ“ и издѣваются надъ крестьянами, достаточно извѣстно. Многочисленные случаи уже прошли чрезъ судъ и чрезъ газеты. Еще больше, конечно, осталось неотмѣченныхъ и невсплывшихъ на поверхность жизни, еле освѣщенную мерцающимъ свѣтомъ гласности. Но, хотя деревня и хранитъ мрачное, вынужденное молчаніе, общество уже знаетъ большую и повсемѣстную численность этихъ „шутокъ“. Гораздо новѣе и неожиданнѣе отмѣченная „шутка“ надъ дворянами. Вполнѣ понятно негодованіе дворянина Обольянинова, — негодованіе, которое льется черезъ рамки привычной рѣчи, не можетъ найти достаточно сильныхъ, рѣзкихъ и яркихъ словъ, чтобы выразить весь гнѣвъ, все ошеломленіе, все потрясеніе дворянской души. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, логика, гдѣ смыслъ, хоть какой-нибудь смыслъ въ этомъ нелѣпомъ событіи? Стражниковъ и урядниковъ приглашаютъ охранять дворянское семейство, а они избиваютъ это самое семейство. Совершая это, едва ли даже истязатели надѣялись на безнаказанность, которою отчасти объясняются безудержныя „шутки“ на деревнѣ. Эти новѣйшія, неожиданныя „шутки“ знаменательны именно своей нелѣпостью, нелогичностью и необъяснимостью. Это—штрихи новѣйшей бытовой психологіи.

На ряду съ новыми „шутками“ нынѣшнее время принесло и свои

„игры". Подлинныя, дѣтскія игры, освѣщенныя только кровавымъ огнемъ современной жизни. Уже нѣсколько лѣтъ приходится читать въ газетахъ, съ промежутками въ мѣсяцъ, въ два или въ двѣ-три недѣли, что здѣсь или тамъ обнаружена новая дѣтская „игра". Малолѣтніе мальчики и дѣвочки играютъ въ смертную казнь. „Преступника" судятъ и приговариваютъ къ повѣшенію. Потомъ по настоящему дѣлаютъ петлю и вѣшаютъ товарища на деревѣ или на заборѣ. Были случаи со смертельнымъ исходомъ; были случаи, когда во-время подоспѣвшіе взрослые вынимали изъ петли полуживого „преступника". Послѣдній отмѣченный газетами случай дѣтской „игры" былъ вполнѣ и детально современенъ: дѣти разыграли покушеніе на Столыпина и потомъ судили убійцу Богрова. Онъ былъ приговоренъ къ повѣшенію, приговоръ немедленно привели въ исполненіе, и только счастливый случай спасъ малыша отъ неминуемой смерти. Лѣтъ десять тому назадъ никто бы не повѣрилъ, что могутъ существовать такія „игры", невѣроятныя, нечеловѣческія. А теперь онѣ стали возможными—возможными среди дѣтей.

Недавно въ Саратовѣ судили нѣсколькихъ мальчиковъ. Они завели продолжительную игру въ сыщиковъ и разбойниковъ, разсуждали объ экспропріаціяхъ, о предателяхъ, о шпіонахъ и провокаторахъ. Потомъ рѣшили, что одинъ изъ мальчиковъ—„предатель". Завели его въ горы, завлекли въ пещеру и убили. Этотъ случай многія газеты склонны объяснять вліяніемъ „пинкертоновщины". Дѣти и молодежь жадно набрасываются на зловредную литературу съ увлекательными героями, въ родѣ Шерлока Холмса, Ната Пинкертона, Арсена Люпена и всякихъ ловкихъ пройдохъ, жуликовъ, сыщиковъ, растлителей, святотатцевъ и т. д. Дѣти,—разсуждаютъ газеты,—начитываются этой литературы, и какъ раньше, подъ вліяніемъ Купера, Майнъ-Рида или Жюля Верна, бѣгали „въ Америку", такъ теперь пробуютъ, играючи, перевоплощаться въ сыщиковъ и грабителей. Доля правды въ этихъ предположеніяхъ, вѣроятно, имѣется, но не полная правда и даже, слѣдуетъ думать, не очень значительная ея часть. Литература не только вліяетъ на публику: она прежде всего сама является естественнымъ порожденіемъ вкусовъ и требованій читателей. Большимъ распространеніемъ пользуются всегда именно тѣ книжныя идеи и образы, для которыхъ уже богато подготовлена почва въ дѣйствительности. Майнъ-Ридъ и Жюль Вернъ не нуждались въ такой предварительной подготовкѣ почвы для своихъ произведеній. Они воспѣвали красоту и увлекательность путешествій, описывали дикую природу, живописный бытъ дикарей, приключенія охотниковъ за дикими звѣрями; все это всегда совпадало, совпадаетъ и долго еще будетъ совпадать съ туманными, но жаркими мечтами дѣтскаго возраста. Но когда и кѣмъ

подготовленъ успѣхъ произведеній съ неестественными для дѣтскихъ душъ приключеніями сыщиковъ, душегубовъ, экспропріаторовъ, съ этой невѣроятной „игрой“ въ смертную казнь, съ этой нешуточной, а дѣйствительной, смертельной расправой съ „предателемъ“-товарищемъ? Это—новѣйшая психологія, результатъ самыхъ послѣднихъ лѣтъ нашей невеселой жизни.

Недавно, всего три-четыре года назадъ, когда психологія новаго „быта“ только еще поблескивала мрачными чертами, а не давила ихъ сплошной массой, возможны были рѣзкіе, увѣренные споры.

— Это вы,—говорили справа,—вашей революціей породили экспропріаціи, безпорядки, развалъ жизни. Наши репрессіи неизбѣжны. Онѣ образумятъ зарвавшихся, водворятъ порядокъ, и жизнь потечетъ гладко и ровно по прежнему.

— Это вы, — говорили слѣва, — длительной жестокостью стараго режима довели страну до революціи. Это вы не пошли навстрѣчу справедливымъ требованіямъ общества и всей страны, это вы до сихъ поръ терроризируете населеніе непрерывными репрессіями. Это вы создали и развалъ, и всеобщее озлобленіе.

Теперь, когда экспропріацій нѣтъ, а повсюду практикуется откровенный разбой, когда за черной завѣсой террора проявилось лицо Азефа, а изъ тайниковъ охраны вдругъ выскочилъ съ револьверомъ Богровъ, когда истязанія, жестокость и смерть сдѣлались въ населеніи предметомъ „шутокъ“ и даже „игръ“, когда на крайнемъ революціонномъ флангѣ стали сомнѣваться въ цѣлесообразности террора, а на правительственномъ флангѣ принуждены подвергать сенаторской ревизіи охранныя отдѣленія, — теперь уже не такъ легко разбирать мрачную національную бѣду справа или слѣва и приклеивать на ней революціонную или реакціонную объяснительную марку. Въ туманѣ междуусобной свалки какъ будто начинаетъ мелькать мысль болѣе искренняго, болѣе крупнаго и покаяннаго содержанія. Становится яснымъ, что въ населеніи гуляетъ какая-то духовная зараза, которая кривитъ и уродуетъ бытовую психологію. Она стала подтачивать въ привычной и обязательной морали перегородку за перегородкой. Она помрачила въ юности стыдливость, а у взрослыхъ ослабила задерживающіе центры, и мы присутствовали при необычайной, отвратительной волнѣ половыхъ преступленій, трагическихъ увлеченій, насилій надъ малолѣтними и надъ старостью. А въ литературѣ отвѣтною, мутною волной прокатилась порнографія. Загадочная духовная зараза увеличила до устрашающихъ размѣровъ число убійствъ и самоубійствъ. Она ввела въ жизнь новыя, современныя трагедіи, драмы, комедіи и фарсы, освѣщая ихъ одинаковымъ краснымъ огнемъ. Она сблизила и смѣшала въ кошмарную смѣсь слезы и смѣхъ.

Она пустила въ жизнь смерть и конвульсіи страданій, какъ предметъ бытовой „шутки“ и дѣтской „игры“. Этого уже нельзя не видѣть, нельзя скрыть. И постепенно должна народиться отрезвляющая мысль: „Откуда же все это пошло?“

Исторія и наука могли бы подсказать отвѣтъ. Онѣ могли бы разъяснить, какую ужасную, одурманивающую, заколдовывающую власть имѣетъ длительная жестокость, съ наглядностью пытокъ, страданій и истязаній. И особенно—какое помрачающее безуміе порождаетъ пролитая человѣческая кровь. Онѣ могли бы безчисленными историческими и научными примѣрами доказать, какъ жестокости надъ человѣкомъ, пытки и раны, конвульсіи страданій и льющаяся кровь приглушаютъ въ близкихъ наблюдателяхъ духовную тонкость, совѣстливость и разумъ и поднимаютъ откуда-то съ темнаго дна души звѣриные инстинкты, звѣриную похоть, жажду дѣятельной жестокости, жажду „игры“ въ жестокость, стремленіе къ сладострастію въ жестокости и къ жестокости въ сладострастіи.

Исторія и наука могли бы это разъяснить... Но зачѣмъ эти разъясненія, когда собственнымъ, длительнымъ, горькимъ опытомъ мы приходимъ къ тѣмъ же выводамъ? Кровь лилась и льется, а черезъ страну ползетъ въ красномъ ореолѣ духовная зараза, помрачая сознаніе взрослыхъ, расшатывая нравственность юношества, одурманивая дѣтское воображеніе...

Газеты подносятъ одинъ за другимъ знаменательные факты новой бытовой психологіи. Коснемся нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ Лодзи, 21-го октября, около 4-хъ часовъ вечера, агенты сыскной полиціи замѣтили на Петроковской ул., неизвѣстныхъ, которые имъ показались подозрительными. Когда агенты хотѣли ихъ задержать, тѣ, отстрѣливаясь, стали убѣгать: одинъ — на Зеленую, остальные — на Короткую ул. Стоящіе на углу Зеленой околоточный и городовой начали стрѣлять по убѣгающему; послѣдній отвѣтилъ стрѣльбой и скрылся въ д. № 6-й на Зеленой улицѣ. Вскорѣ на мѣсто происшествія прибыли полицейскія власти. Домъ № 6 былъ окруженъ большимъ отрядомъ городовыхъ, и началась осада. Осажденный засѣлъ на чердакѣ и оттуда стрѣлялъ въ отряды полиціи. Почти двое сутокъ шла пальба изъ револьверовъ, ружей, пулеметовъ. Опасности подвергались сотни людей, паника овладѣла цѣлымъ городомъ. Выпущено было до шести тысячъ пуль. И все для того, чтобы арестовать одного человѣка. Какъ будто нельзя было сдѣлать это проще и спокойнѣе. Съ обѣихъ сторонъ тутъ было какое-то невыразимое ожесточеніе. На человѣка охотились, какъ на дикаго звѣря, какъ на тигра. И онъ, съ своей стороны, отбивался, какъ отъ дикихъ звѣрей, яростно, безъ

надежды на успѣхъ. Была съ обѣихъ сторонъ какъ будто кровавая „игра“, кошмарный спортъ.

А вотъ другого сорта „игра“, долгая и сложная, но также до самаго конца освѣщенная краснымъ огнемъ. Саратовскія газеты сообщаютъ:

„10-го октября въ Саратовѣ въ военно-окружномъ судѣ разбиралось громкое дѣло многочисленной шайки экспропріаторовъ, извѣстной подъ названіемъ „волжской вольницы“. Волжская вольница“ составилась въ такъ называемое „смутное время“ 1906-го и 1907-го годовъ. Оперировала она главнымъ образомъ въ предѣлахъ Сердобскаго уѣзда, Саратовской губерніи. Организаторомъ, главаремъ и вдохновителемъ „волжской вольницы“ былъ бѣглый административно-ссыльный Нарымскаго края, крестьянинъ Сердобскаго уѣзда Калачевъ. Въ составъ „вольницы“ входили, между прочимъ, также служившій въ то время въ полиціи дворянинъ Полубояриновъ и сердобскій помѣщикъ, прапорщикъ запаса артиллеріи, Алексѣй Михайловичъ Устиновъ, въ лѣсной дачѣ котораго находилась штабъ-квартира „перваго среди равныхъ“, какъ называли Калачева его товарищи по шайкѣ. Впервые „волжская вольница“ заявила о своемъ существованіи 6-го августа 1906-го года, напавъ въ селѣ Камзолкѣ, сокольской волости, на казенную винную лавку. Забравъ изъ кассы свыше 500 рублей, атаманъ „вольницы“ сдѣлалъ въ книгѣ отмѣтку, что деньги эти имъ „конфискованы“ на нужды „пострадавшихъ борцовъ“. Послѣ перваго „дѣла“ Калачовъ одѣлъ, обулъ и вооружилъ свою „вольницу“, но снова выступилъ съ нею лишь весной 1907-го года. „Вольница“ поставила своей цѣлью, главнымъ образомъ, осуществленіе мести по отношенію къ деревенскимъ „черносотенцамъ“ и „міроѣдамъ“, которыхъ Калачевъ и его товарищи считали предателями участниковъ „народнаго дѣла“. Полиція долго тщетно гонялась за неуловимой „вольницей“, которую дворянинъ Полубояриновъ, служа письмоводителемъ у пристава Пурпурова, оповѣщалъ о всѣхъ мѣропріятіяхъ властей. Этимъ обстоятельствомъ, да еще тѣмъ, что крестьянская масса охотно укрывала „вольницу“ въ своихъ домахъ, подпольяхъ, овинахъ, сѣновалахъ и баняхъ,—и объясняется столь продолжительное существованіе калачевской ватаги. Разгромъ „волжской вольницы“ начался съ ареста ея члена Тренькина, который выдалъ мѣстонахожденіе штабъ-квартиры Калачева, а также раскрылъ глаза полиціи относительно роли дворянина Полубояринова. Послѣдній былъ немедленно арестованъ, а устиновскій лѣсъ оцѣпленъ отрядомъ стражниковъ. Во время перестрѣлки были убиты изъ „вольницы“ Курочкинъ и Зинкинъ. Калачевъ переодѣлся стражникомъ, смѣшался съ ловившимъ его отрядомъ и такимъ образомъ очутился внѣ опасности. Гибель

для него пришла съ другой стороны. Онъ сошелся съ невѣстой своего товарища Митина. Послѣдній пригласилъ атамана придти къ нему въ домъ, якобы для свиданія съ любимой имъ женщиной. А когда Калачевъ явился, то онъ схватилъ топоръ и зарубилъ обидчика. Осиротѣвшая „вольница" привела убійцу въ лѣсъ и здѣсь приговорила къ смерти. „Правая рука" убитаго атамана, Курихинъ, отрубилъ ему голову.—Теперь я вполнѣ понимаю, что и роль палача бываетъ иногда и почетна и пріятна,—сказалъ онъ, толкнувъ ногой обезглавленный трупъ товарища. Послѣ этого Курихинъ былъ избранъ атаманомъ „волжской вольницы", дни которой, однако, уже были сочтены. Полиція гонялась за нею по пятамъ, и наконецъ ей удалось окончательно ликвидировать „волжскую вольницу", заманивъ въ засаду Курихина и пятерыхъ главныхъ его сподвижниковъ. Курихинъ и три его товарища были убиты. Изъ всѣхъ арестованныхъ по дѣлу „волжской вольницы" дожили до суда 49 подсудимыхъ, а остальные частью умерли въ тюрьмѣ отъ ранъ и отъ другихъ болѣзней, частью осуждены по другимъ дѣламъ и казнены. Что касается „шефа" волжской вольницы, какъ называли нѣкоторые помѣщика Устинова, то дѣло о немъ выдѣлено въ особое производство".

Когда подумаешь, на какой почвѣ и отъ какихъ причинъ возникаютъ эти средневѣковыя шайки, то начинаетъ невольно мелькать устрашающая мысль: „Не является ли всякая карающая жестокость, откуда бы она ни исходила, своего рода борьбой съ гидрой, у которой на мѣсто одной отрубленной головы выростаютъ двѣ новыхъ"?.. Но какъ бы ни было ошеломляюще возникновеніе и продолжительное существованіе, въ двадцатомъ вѣкѣ и въ центрѣ Россіи, поистинѣ средневѣковыхъ шаекъ, съ первобытной, откровенной жестокостью, съ безпощадными убійствами и грабежами, — еще поразительнѣе, что такія шайки встрѣчаютъ пособничество и укрывательство среди населенія. Онѣ выростаютъ какъ бы органически изъ самого быта. А если это въ значительной степени такъ, то, разумѣется, дѣло можетъ свестись къ такому трагическому и безвыходному результату, что каждая переловленная, перестрѣлянная или переказненная шайка будетъ, дѣйствительно, напоминать возрождающуюся въ удвоенномъ видѣ голову гидры.

Отношеніе населенія къ подвигамъ разбойной шайки еще рельефнѣе выступаетъ въ судебномъ дѣлѣ, о которомъ даетъ подробный отчетъ тамбовскій корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей":

„4 дня палата съ участіемъ сословныхъ представителей слушала дѣло о разбойной шайкѣ Жарикова, оперировавшей въ 1909-мъ году въ Кирсановскомъ уѣздѣ и совершившей рядъ дерзкихъ и безнаказанныхъ грабежей въ предѣлахъ двухъ-трехъ волостей. На скамьѣ

подсудимыхъ—45 человѣкъ, изъ которыхъ 9 главныхъ грабителей—подъ конвоемъ, а остальные—крестьяне-соучастники и укрыватели. Свидѣтелей—170 человѣкъ.

11-го октября 1909 г., въ 6 часовъ вечера, въ с. Екатеринопольскомъ было сдѣлано шайкой грабителей нападеніе на лавку кр. Рязанова. Съ револьверами въ рукахъ грабители обыскали всю избу Рязанова и забрали 1.120 руб. Вокругъ лавки Рязанова собрался народъ. Одинъ изъ грабителей сталъ въ окно бросать въ толпу конфекты. Тогда изъ толпы закричали: „Что же, вы попользовались, а намъ-то? Дай-ка намъ ситцу!“ Одинъ изъ разбойниковъ выбросилъ на улицу охапку матерій и крикнулъ: „Идите, берите!“ Тогда толпа мужиковъ, бабъ и дѣтей, съ криками по адресу грабителей: „Спасибо вамъ, изъ-за него (лавочника) мы страдаемъ; у него для церкви не нашлось денегъ, а для покупки себѣ земли нашлись!“, ворвалась въ лавку и стала расхищать товаръ. Чтобы лавочникъ не видѣлъ, кто у него растаскиваетъ добро, крестьяне попросили грабителей „арестовать“ его въ заднюю комнату, что̀ послѣдними и было исполнено. Когда грабители стали уже отъѣзжать, лавочникъ отперъ какъ-то дверь. Тогда крестьяне бросились къ грабителямъ съ криками: „Братцы, помогите, онъ отперся!“ Грабители слѣзли съ лошадей и опять заперли лавочника. Всего у лавочника расхищено товаровъ, по его словамъ, на 5 тыс. руб.

Ограбивъ лавочника разбойники сѣли на первыхъ попавшихся въ деревнѣ лошадей и отправились въ сосѣднее село за семь верстъ. Подъѣхавъ къ дому священника, они съ револьверами въ рукахъ заставили отворить двери, обыскали сундуки и взяли 21 руб. Жена священника выбѣжала на улицу; грабители стали стрѣлять, а потомъ сѣли на лошадей и уѣхали дальше. Въ 10 ч. вечера они подъѣхали къ волостному правленію (за семь верстъ отъ предыдущаго села). Заперевъ здѣсь сторожа въ кутузку, грабители перерыли и взломали всѣ сундуки, столы, шкафы. Взяли 207 руб. и на 8 руб. гербовыхъ марокъ, забрали паспортные бланки, штемпеля, печати, три берданки; сожгли двѣсти тридцать дѣлъ волостного суда за послѣдній годъ, три продовольственныхъ книги, двѣ кассовыхъ, всѣ дѣла, циркуляры, бумаги волостного правленія, списки по мобилизаціи нижнихъ чиновъ и уничтожили до сорока частныхъ писемъ въ почтовомъ ящикѣ.

Черезъ одиннадцать дней, въ праздникъ Казанской Божіей Матери, тѣ же пять или шесть грабителей еще засвѣтло, въ четыре часа, появились въ с. Курдюкахъ той же волости и приступили къ разгрому казенной винной лавки: выбили окна, влѣзли внутрь, заставили продавца отдать всѣ имѣвшіяся у него деньги, и въ досадѣ, что только-что въ это утро сборщикъ забралъ всю полуторатысячную

выручку, стали бить посуду съ виномъ. Въ это время вокругъ лавки собрался народъ. Одинъ изъ грабителей вынесъ нѣсколько бутылокъ вина на улицу и сказалъ толпѣ: „Берите, у васъ нынче праздникъ; я для васъ доброе дѣло сегодня сдѣлаю; сожгу кассовую книгу вашего правленія, сожгу хлѣбную книгу, и вы не будете платить ни податей, ни продовольственныхъ". Толпа, главнымъ образомъ подростки и бабы, бросилась въ лавку и стала разбирать вино. Всего было расхищено сто сорокъ ведеръ водки. Однимъ изъ первыхъ и рьяныхъ расхитителей былъ мѣстный волостной судья.

Когда началось дѣло, губернаторъ, для возстановленія интересовъ фиска, распорядился наложить на общество с. Курдюковъ штрафъ въ полторы тысячи рублей, каковыя деньги полиція понудительно и немедленно собрала. Впрочемъ это распоряженіе было впослѣдствіи отмѣнено и деньги крестьянамъ возвращены, такъ что акцизное вѣдомство выступало уже гражданскимъ истцомъ въ процессѣ.

Слѣдующее нападеніе шайки было сдѣлано 3-го ноября на домъ священника въ с. Кипецъ. Здѣсь была убита сестра священника, раненъ братъ, полковникъ въ отставкѣ, думавшій оказать сопротивленіе грабителямъ; грабители не нашли денегъ, хотя перерыли весь домъ.

27-го ноября грабители, въ числѣ шести человѣкъ, появились опять въ с. Леонтьевкѣ, гдѣ они ограбили перваго священника. Подъѣхавъ часовъ въ шесть вечера къ дому кр. Баранова, кассира мѣстнаго ссудо-сберегательнаго товарищества, сдѣлали выстрѣлъ въ окно и выломали ставню. Не заставъ самого Баранова дома, они перерыли всѣ сундуки въ избѣ и, взявъ его дочь и сына, поѣхали искать ихъ отца въ сельскую управу. Не найдя и тамъ Баранова, грабители, заперевъ сельскаго писаря въ сборной и взявъ съ собою сторожа, направились къ дому кр. Хахаева, гдѣ происходило засѣданіе двадцати пяти участниковъ товарищества, подъ предсѣдательствомъ священника. Всѣ повинуясь приказу грабителей, подняли руки вверхъ, но не хотѣли сразу выдать деньги, только-что привезенныя для раздачи изъ Тамбова. Подозвавъ къ себѣ сельскаго старосту Козьмина, атаманъ поставилъ его въ уголъ и произвелъ въ него шесть выстрѣловъ, объявивъ, что онъ разстрѣлянъ отъ имени губернскаго комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ изъ Тамбова „за истязаніе христіанъ и какъ соучастникъ правительства". Послѣ этого всѣ деньги были выданы грабителямъ. Шайка готовила еще нападеніе на ст. Кирсаново, но оно не удалось. Атаманъ грабителей, Жариковъ, былъ убитъ въ перестрѣлкѣ со стражниками, и шайка распалась.

Несмотря на то, что шайка Жарикова оперировала въ тѣсныхъ предѣлахъ Кирсановскаго уѣзда около полугода, несмотря на ея ма-

лочисленность,—всего въ пять-шесть человѣкъ,—на дерзость грабежей, доходившую до открытаго заявленія передъ толпой, что они пойдутъ грабить волостное правленіе, несмотря на многочисленный составъ полиціи, шайка долго оставалась неуловимой.

Приговоромъ судебной палаты девять главныхъ подсудимыхъ приговорены къ каторжнымъ работамъ отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ каждый; одинъ укрыватель—къ тремъ съ половиной годамъ арестантскихъ отдѣленій; всѣ остальные подсудимые крестьяне, въ числѣ тридцати четырехъ человѣкъ, оправданы".

Эта толпа крестьянъ, эти мужики, подростки, бабы, дѣти, простирающіе просительныя руки къ грабителямъ, чтобы подѣлились съ ними награбленнымъ добромъ, эта смѣсь въ разбойникахъ изувѣрскихъ чувствъ, проявившаяся въ рядѣ убійствъ и насилій, и сантиментальныхъ побужденій напоить деревню въ праздникъ даровымъ виномъ, одѣлить конфектами, а также успокоить сожженіемъ долговыхъ книгъ, — все это, взятое въ бытовомъ переплетеніи, поражаетъ и ошеломляетъ своей, такъ сказать, неестественной естественностью. Значитъ, деревня нисколько не поражена, нисколько не удивлена, не терроризирована тѣмъ, что рядомъ съ ней звѣрствуетъ шайка разбойниковъ. Наоборотъ, она ей симпатизируетъ, укрываетъ ее, помогаетъ ей, пользуется ея преступленіями. Можно подумать, что разбойныя шайки—естественный плодъ нынѣшней деревни. Необходимо, слѣдовательно, спохватиться и обслѣдовать, когда и какимъ образомъ доведена деревня до такого состоянія. И надо лечить, оздоровлять именно эту народную почву, а не только тушить огонь огнемъ, вылавливая и истребляя разбойничьи шайки.

Полезно также обслѣдовать и то, что творится около деревни, въ средѣ провинціальной мелкой власти. Духовная зараза создаетъ и здѣсь сходный съ разбойными настроеніями бытъ. Елисаветградскій корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей" сообщаетъ: „7-го ноября въ выѣздной сессіи одесской судебной палаты начался разборъ громкаго процесса, въ которомъ обвиняются въ цѣломъ рядѣ звѣрскихъ истязаній съ цѣлью вымогательства бывшій помощникъ пристава Чернявскій, завѣдывавшій сыскной частью въ Александрійскомъ уѣздѣ, урядникъ Панченко и еще десять другихъ участниковъ. Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ. Въ январѣ 1909 г. въ село Красноселье Александрійскаго уѣзда прибылъ для раскрытія разныхъ преступленій, совершенныхъ въ названномъ уѣздѣ, завѣдывавшій сыскной частью Александрійскаго уѣзда пом. прист. С. Чернявскій. Послѣдній вскорѣ арестовалъ по подозрѣнію въ совершеніи преступленій и заключилъ подъ стражу мѣстныхъ жителей Ф. Бевза, М. Головко, Г. Писаренко, Коноплю, С. Брайко, И. Богаченко, И. Пухальскаго, Н. Лехана и

Х. Гаркаваго, а засимъ въ январѣ же и февралѣ мѣсяцахъ подвергалъ аресту многихъ другихъ лицъ, которыхъ оговаривали названные выше арестованные. Задерживая оговоренныхъ лицъ, Чернявскій опрашивалъ ихъ, причемъ требовалъ сознаться и выдать участниковъ. Когда кто-либо изъ нихъ не сознавался, Чернявскій угрожалъ побоями, говоря, напримѣръ, нѣкоторымъ изъ нихъ; „У меня есть такая баня, гдѣ тебя попарятъ, и ты сознаешься"; затѣмъ дѣлалъ распоряженіе отправить его „въ первый нумеръ посовѣтоваться" или же „въ баню попариться", и послѣ такого распоряженія допрашиваемаго сажали въ кордегардію, гдѣ находились указанные выше арестованные Ф. Бевзъ и др., которые набрасывались на вновь задержаннаго и подвергали его жестокимъ побоямъ, требуя сознанія. Задержанныхъ били кулаками, ногами и резиной, а у крестьянъ Мазуренко, Горянаго, Цегелькина и Рунянко вырывали волосы на головѣ, изъ бороды и усовъ; А. Жарко и Спиваку вгоняли въ уши вату и солому, и ковыряли, пока не показывалась кровь; кромѣ того А. Жарко жгли огнемъ; П. Горянаго совали головой въ парашу съ нечистотами. Задержанныхъ били по получасу сряду, до потери сознанія, а затѣмъ отливали водой и вели на допросъ къ Чернявскому; если они снова не сознавались, ихъ опять по распоряженію того же Чернявскаго отправляли въ кордегардію, гдѣ тѣ же лица продолжали причинять имъ всякаго рода насилія, пока не сознавались; задержанныхъ били съ перерывами въ теченіе нѣсколькихъ дней, а нѣкоторыхъ—и нѣсколько недѣль. Къ насилію присоединяли и издѣвательства: такъ, напримѣръ, М. Скорика заставляли пѣть, танцовать и лаять собакой. Во время причиненія арестованнымъ такого рода насилій Чернявскій, въ большинствѣ случаевъ, находился въ сосѣдней съ кордегардіей комнатѣ, дѣлая видъ, что не слышитъ крика избиваемыхъ; иногда же онъ заходилъ и отдавалъ приказанія: „бить лучше", „не давать кричать", „прибрать въ сторону избитаго и очистить мѣсто для вновь задержаннаго". Подстрекая М. Головко и другихъ къ избіенію задержанныхъ, Чернявскій въ то же время старался скрыть свое участіе въ этомъ, для чего въ присутствіи постороннихъ подходилъ на крикъ избиваемаго къ двери и кричалъ, зачѣмъ это они заводятъ драку, но, зайдя въ кордегардію, набрасывался самъ и билъ долго, чтобы такъ не кричали. Съ этой цѣлью арестованныхъ валили на землю, набрасывали имъ на голову одежды, а затѣмъ наносили побои. Чтобы поощрять занимавшихся избіеніемъ арестантовъ, Чернявскій давалъ имъ денегъ на водку, которую они тамъ же распивали, угощалъ ихъ папиросами, разрѣшалъ имъ играть въ карты. Чернявскій и лица, участвовавшія въ причиненіи насилія задержаннымъ, не ограничивались однимъ требованіемъ сознаться въ совершеніи того или другого

преступленія, а часто присоединяли къ этому требованіе дать извѣстную сумму денегъ и оговорить богатыхъ людей. Въ такихъ случаяхъ они обѣщали прекратить насиліе и отпустить домой. Чтобы избавиться отъ насилія, нѣкоторые изъ задержанныхъ сознавались въ преступленіяхъ, которыхъ въ дѣйствительности не совершали, а иногда и въ такихъ преступленіяхъ, которыя вообще не были совершены. По разслѣдованіи оказалось, что Чернявскимъ производились истязанія главнымъ образомъ не съ цѣлью раскрыть преступленія, а для полученія съ арестованныхъ денежнаго выкупа за освобожденіе... Административнымъ разслѣдованіемъ установлено, что Чернявскій путемъ угрозъ и причиненія насилія получилъ отъ крестьянъ: И. Дона за освобожденіе—200 руб., съ Ивана Дмитренко—250 руб., отъ М. Спивака—150 руб., Е. Костянецкаго—150 р., съ Г. Выбойченко и И. Цымбала—400 руб., съ А. Калевскаго за освобожденіе сына Зуся—150 р., съ Л. Топлянскаго—500 руб. Земскими врачами при освидѣтельствованіи избитыхъ обнаружены были у арестованныхъ сильные кровоподтеки въ области обѣихъ лопатокъ, глубокія кровоизліянія въ различныхъ частяхъ тѣла, болѣзненность почекъ, грудной клѣтки и реберъ. У Л. Мазуренко, напр., сплошной кровоподтекъ темени и глазъ, у П. Черниченко — переломъ правыхъ реберъ, у М. Спивака—переломъ ребра и разрывъ барабанной перепонки съ остатками запекшейся крови. Сильные побои получили М. Рупенко (опухлость внутреннихъ органовъ), А. Жарко, С. Курятенко, И. Филиппенко, М. Кроль, В. Цегельникъ и др. По заключенію экспертовъ-врачей, нанесенные всѣмъ упомянутымъ лицамъ побои сопровождались особымъ мученіемъ и жестокостью. Обвиняемые Ив. Бугаченко и Ф. Бевзъ признали себя виновными, а остальные объяснили, что принимали участіе въ истязаніи задержанныхъ по приказанію и подъ руководствомъ пом. прист. Чернявскаго".

Телеграммой въ „Русскомъ Словѣ" сообщается конецъ судебнаго дѣла. Главный обвиняемый, бывшій помощникъ пристава Чернявскій, и двое крестьянъ-истязателей приговорены къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія: первый—на полтора года, послѣдніе—на одинъ годъ каждый, съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ; урядникъ Панченко—къ аресту при полиціи на два мѣсяца; четверо—въ тюрьму на сроки отъ трехъ мѣсяцевъ до года. Одинъ оправданъ. Исполненіе приговора надъ Чернявскимъ пріостановлено впредь до разбора въ окружномъ судѣ и судебной палатѣ нѣсколькихъ другихъ аналогичнымъ съ настоящимъ дѣлъ. Чернявскій, тутъ же внесшій залогъ въ 300 руб., оставленъ на свободѣ. Гражданскіе иски потерпѣвшихъ отклонены.

Конечно, выплывшій черезъ судъ на свѣтъ гласности помощникъ

пристава Чернявскій не одинокъ въ своемъ мірѣ. Газеты, даже при всей значительной для нихъ опасности подобныхъ изобличеній, даютъ достаточное количество жестокихъ фактовъ изъ этой области. Слѣдовательно, кромѣ общихъ суровыхъ репрессій и судебныхъ скорпіоновъ, бокъ о бокъ съ деревней культивируется особая жестокость, и насколько та и другая,—т.-е. бытовая и административная,—разжигаютъ и питаютъ взаимно другъ друга, было-бы полезно и спасительно для страны обслѣдовать.

Между тѣмъ, жизнь приноситъ новые и новые мрачные штрихи, углубляющіе безотрадность картины общенароднаго существованья. Изъ Саратова сообщаютъ „Рѣчи", что „министерство внутреннихъ дѣлъ запросило губернатора о настроеніи въ деревнѣ, въ связи съ недородомъ. Губернаторъ по телеграфу запросилъ о томъ исправниковъ. Всѣ они, за исключеніемъ саратовскаго, отвѣтили, что настроеніе въ деревнѣ очень тревожное. Исправники объясняютъ это не какой-нибудь революціонной агитаціей, а просто недородомъ и столкновеніями на почвѣ выдѣла изъ общины и отношеніями къ завѣдующимъ земельными участками крестьянскаго банка, которые предъявляютъ часто тяжелыя условія для уплаты аренды и т. п. Губернаторъ отправилъ отвѣты исправниковъ въ министерство".

Тучи надъ страной сгущаются, и это настолько очевидно, что и оффиціальная власть уже не убаюкиваетъ себя утѣшительными иллюзіями. Уже начинаютъ оффиціально признавать, что правительственная земельная политика, помимо революціонной агитаціи, вноситъ тревожную смуту въ деревню. А сколько еще разныхъ другихъ причинъ! Пора, давно пора въ нихъ вдуматься. А главное, пора порвать съ старыми методами борьбы, со всѣми этими усиленными охранами, смертными казнями, суровыми карами, окриками и оглушеніемъ населенія. Плоды этого воспитанія, кажется, уже теперь достаточно вразумительны. Жизнь страны идетъ въ какомъ-то кровавомъ колесѣ, гдѣ одна жестокость порождаетъ другую, а другая третью, карательная—мстительную въ населеніи, мстительная—карательную, и такъ безъ конца. Нужно громадное усиліе, чтобы выйти изъ этого рокового круга и разорвать заклятую цѣпь. И, несомнѣнно, государственной власти, какъ организованной и все же до извѣстной степени дисциплинированной силѣ, сдѣлать это легче и возможнѣе.

И. Жилкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

Законопроектъ о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое передъ судомъ Государственнаго Совѣта.—Докладъ профессора Н. Д. Кузнецова.—Отступленіе отъ указа 17-го апрѣля.—Финляндскіе законопроекты въ Государственной Думѣ.—Результаты „преемственности" и „послѣдовательности".—Правые депутаты и крестьяне.—Госуд. Совѣтъ и всеобщее обученіе.

Среди множества голосовъ, раздавшихся въ послѣднее время при обсужденіи и по поводу обсужденія въ Государственномъ Совѣтѣ вѣроисповѣднаго законопроекта, особенное вниманіе обратилъ на себя голосъ профессора московской духовной академіи Н. Д. Кузнецова. Объясняется это какъ оффиціальнымъ его положеніемъ, такъ и составомъ собранія, въ которомъ онъ произнесъ свою первую рѣчь. Приглашенный въ среду завѣдомыхъ противниковъ религіозной свободы, приглашенный, очевидно, въ томъ предположеніи, что имъ будетъ дана научная—т.-е. претендующая на научность—мотивировка предрѣшеннаго взгляда, онъ выступилъ съ совершенно непредвидѣнными заявленіями и оказался для своихъ слушателей камнемъ преткновенія, а не точкой опоры. Какъ и слѣдовало ожидать, неудовольствіе, вызванное независимымъ, прямодушнымъ словомъ, вылилось въ форму наставленій и упрековъ, весьма похожихъ на угрозы. „Послѣ моего сообщенія въ салонѣ графа Бобринскаго", — сказалъ Н. Д. Кузнецовъ одному изъ сотрудниковъ „Новаго Времени",—„ко мнѣ подошелъ одинъ видный въ синодскихъ кругахъ чиновникъ и не безъ язвительности замѣтилъ: ну, къ вашему докладу подписался бы даже покойный Карауловъ. И это сказано было такимъ тономъ, что надо было понимать такъ: и ты со беззаконными вмѣнился! Вчера, какъ мнѣ передаютъ, подобные господа ѣздили по всему городу и, гдѣ только можно было, поднимали вопросъ: удобно ли мнѣ, имѣя такіе взгляды, оставаться профессоромъ церковнаго права?.. Одинъ весьма расположенный ко мнѣ владыка сообщилъ мнѣ, что мой докладъ сильно возбудилъ противъ меня многихъ и что мнѣ лучше было бы его не дѣлать". Глубоко убѣжденный въ своей правотѣ, Н. Д. Кузнецовъ не только не принесъ покаянія, но повторилъ свой докладъ въ клубѣ общественныхъ дѣятелей.

Чѣмъ же, однако, возбудилъ противъ себя почтенный профессоръ властныхъ представителей своего „вѣдомства"? Вѣдь онъ сказалъ, что „въ вопросахъ законодательства, связанныхъ съ религіей, государство не можетъ „принять на себя роль верховнаго начала и

должно считаться съ церковью". Онъ выразилъ сожалѣніе о томъ, что „все вѣроисповѣдное законодательство въ Россіи создано безъ сношенія съ церковью". Государство, по его мнѣнію, „должно было бы спросить церковь, въ лицѣ ея собора", такъ какъ „только этимъ путемъ можно было выполнить велѣніе основныхъ законовъ о признаніи православной церкви господствующею". Еслибы онъ ограничился этими, чисто формальными соображеніями, его не замедлили бы причислить къ авторитетнымъ толкователямъ церковно-государственныхъ отношеній; но онъ коснулся существа дѣла—и далъ такое рѣшеніе вопроса, которое идетъ въ разрѣзъ съ воззрѣніями высшихъ церковныхъ сферъ. Исходя изъ опредѣленія церкви, какъ нравственно-духовнаго союза свободно входящихъ въ нее и свободно принадлежащихъ къ ней людей, онъ пришелъ къ логическому выводу, что природѣ церкви противорѣчитъ принужденіе. Государство—воскликнулъ онъ,—„должно перестать вторгаться въ область церкви. Принципъ господствующей церкви вовсе не требуетъ нарушенія свободы совѣсти. Въ законѣ слѣдовало бы разрѣшить всякіе переходы (изъ православія), не исключая и перехода въ внѣ-вѣроисповѣдное состояніе. Это необходимо какъ въ интересахъ православной церкви, такъ и для осуществленія принципа свободы совѣсти. Иначе въ православной церкви останутся (т.-е. будутъ считаться пребывающими въ ней) лица, къ ней не принадлежащія, но въ то же время не желающія переходить ни въ одну изъ признанныхъ государствомъ религій, и церковь должна будетъ допускать ихъ къ таинству брака". Итакъ, въ этой части своего доклада г. Кузнецовъ не только сталъ на сторону спорнаго законопроекта, но пошелъ еще дальше, чѣмъ Государственная Дума, остановившаяся передъ легализаціею „внѣвѣроисповѣднаго состоянія". И онъ совершенно правъ: свобода совѣсти не можетъ быть полной, пока выходъ изъ православія обусловленъ вступленіемъ въ другое вѣроисповѣданіе, оффиціально существующее въ государствѣ. Онъ правъ и тогда, когда протестуетъ противъ отожествленія внѣ-вѣроисповѣднаго состоянія съ атеизмомъ. Можно быть глубоко вѣрующимъ человѣкомъ—и не находить себѣ мѣста ни въ одной церкви, ни въ одной конфессіональной общинѣ. Быть внѣ какого бы то ни было опредѣленнаго вѣроисповѣданія—не значитъ еще быть внѣ вѣры. Можно искать и не находить—и нѣтъ причины считать такого ищущаго членомъ церкви, къ которой онъ принадлежитъ по рожденію, но никогда не имѣлъ или теперь не имѣетъ съ нею ничего общаго.

При всей своей широтѣ, мнѣніе г. Кузнецова, разсматриваемое какъ цѣлое, страдаетъ однимъ существенно важнымъ недостаткомъ. Что онъ даетъ одной рукой, то, въ сущности, беретъ назадъ другою.

Отрицая компетенцію государства въ спорномъ вопросѣ, онъ отдаетъ рѣшеніе его на волю вѣдомства, которое, въ лицѣ своихъ высшихъ представителей, стремится не впередъ, а назадъ, къ традиціоннымъ представленіямъ, несовмѣстимымъ даже съ элементарною свободою совѣсти. Правда, г. Кузнецовъ предполагаетъ, что „едва ли удастся повернуть нашихъ законодателей на единственный правильный путь“ (т.-е. на путь разрѣшенія церковью вопросовъ, теперь входящихъ въ число разрѣшаемыхъ государствомъ); но не такъ думаютъ вліятельные іерархи и ихъ свѣтскіе союзники. Доказательствъ этому можно найти сколько угодно въ недавнихъ преніяхъ Государственнаго Совѣта. Предлагая отклонить разсматриваемый Совѣтомъ законопроектъ, архіепископъ варшавскій Николай воскликнулъ: „дѣло это нужно рѣшить не въ Думѣ, гдѣ 80 членовъ иновѣрцевъ, и даже не въ Совѣтѣ, а на церковномъ соборѣ“. Единственнымъ компетентнымъ, въ данномъ случаѣ, учрежденіемъ церковный соборъ признается и въ рѣчи архіепископа новгородскаго Арсенія, и въ рѣчи протоіерея Трегубова, усматривающаго въ законопроектѣ нарушеніе гарантированнаго основнымъ закономъ (ст. 62) первенства и господства православной церкви. И этотъ взглядъ нашелъ поддержку почти въ одной трети присутствовавшихъ членовъ Государственнаго Совѣта: противъ перехода къ постатейному обсужденію законопроекта, т.-е. противъ самаго его принципа, подано было 45 голосовъ (изъ 146). Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что даже послѣ этого голосованія не совсѣмъ и не вездѣ угасла надежда достигнуть „поворота на единственный правильный путь“...

Не менѣе ясно и то, что случилось бы послѣ такого поворота. Объектомъ наиболѣе рѣзкихъ нападеній служилъ, въ Государственномъ Совѣтѣ, не столько самый законопроектъ, сколько его основа и источникъ: указъ 17-го апрѣля 1905-го года. Не всегда его называли прямо; но развѣ не его имѣлъ, напр., въ виду архіепископъ Николай, когда говорилъ, что комитетъ министровъ, въ положеніи, утвержденномъ одновременно съ указомъ 17-го апрѣля, „уравнялъ вѣру истинную съ невѣріемъ, съ ложью, съ заблужденіемъ?“ Развѣ не противъ указа 17-го апрѣля возставалъ архіепископъ Арсеній, утверждая, что „право отступленія отъ православія равнозначуще праву отступленія отъ русской народности?“ Между свѣтскими ораторами наиболѣе откровеннымъ явился г. Стишинскій, прямо заявившій, что указъ 17-го апрѣля — законъ не основной и, слѣдовательно, въ подробностяхъ подлежащій измѣненію, какъ были измѣнены, въ послѣднее время, другіе именные указы [1]). Едва ли, однако, откровенность

[1]) Чтобы подтвердить свое мнѣніе, г. Стишинскій сослался на поправки, внесенныя законодательными учрежденіями въ указѣ 9-го ноября 1906-го года. Онъ

доведена здѣсь до конца; едва ли г. Стишинскій и его единомышленники удовлетворились бы частичными измѣненіями указа 17-го апрѣля. „Я не вѣрю—читаемъ мы въ его рѣчи,—въ прочность закона, который проходитъ нынѣ въ Госуд. Совѣтѣ. Русское національное чувство растетъ и крѣпнетъ, и по мѣрѣ его роста и укрѣпленія прежнею любовью къ православію будутъ согрѣты сердца тѣхъ людей, которые къ нему охладѣли. Тогда настанетъ пора пересмотра этого закона"—пора, которую г. Стишинскій называетъ „лучшимъ будущимъ". Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это „лучшее будущее" наступило бы тотчасъ же, еслибы къ разрѣшенію вѣроисповѣдныхъ вопросовъ была призвана православная церковь. Указъ 17-го апрѣля, низведенный на степень обыкновенныхъ, заурядныхъ именныхъ указовъ, пересталъ бы считаться однимъ изъ тѣхъ пріобрѣтеній, которыя составляютъ неотъемлемое достояніе народа, и подвергся бы переработкѣ въ смыслѣ возвращенія къ порядку, осужденному еще въ указѣ 12-го декабря 1904-го года.

На чемъ же зиждется взглядъ, общій г. Кузнецову и тѣмъ, кто такъ неблагосклонно отнесся къ его докладу—взглядъ, признающій за церковью, а не за свѣтскими законодательными учрежденіями, право регулировать переходъ изъ православія въ другія исповѣданія и опредѣлять юридическія послѣдствія такого перехода? Статья 62-ая основн. законовъ, на которую обыкновенно ссылаются защитники церковной прерогативы, называетъ православную, вѣру первенствующей и господствующей въ россійской имперіи, но не даетъ никакихъ точныхъ указаній на значеніе и смыслъ этого общаго положенія. Толкованіе его, какъ и всякой другой нормы государственнаго права, принадлежитъ исключительно свѣтской законодательной власти, отъ которой зависитъ и его измѣненіе. Въ пользу темы, защищаемой сторонниками „вѣдомства", нельзя ничего извлечь и изъ ст. 65-ой: „въ управленіи церковномъ самодержавная власть дѣйствуетъ посредствомъ св. прав. синода, ею учрежденнаго". Въ область церковнаго управленія входитъ, очевидно, только то, что совершается внутри церкви, въ средѣ лицъ, къ ней принадлежащихъ и признающихъ для себя обязательными ея велѣнія. Не отъ церкви зависитъ, слѣдовательно, опредѣленіе судьбы лицъ, выходящихъ или вышедшихъ изъ ея состава (или изъ состава православнаго духовенства); не церковь должна регламентировать положеніе ихъ въ государствѣ [1]). Именно такъ понимался кругъ дѣйствій

упустилъ изъ вида, что этотъ указъ, изданный на основаніи ст. 87-ой, могъ быть не только измѣненъ въ законодательномъ порядкѣ, но и вовсе отмѣненъ одностороннимъ рѣшеніемъ Гос. Думы или Гос. Совѣта.

[1]) Намъ могутъ замѣтить, что именно теперь синодальное вѣдомство занято составленіемъ новаго законопроекта о лицахъ, переставшихъ принадлежать къ со-

церкви и въ до-конституціонное время. Если синоду принадлежала иногда фактическая иниціатива тѣхъ или другихъ стѣснительныхъ мѣръ, направленныхъ противъ отпадающихъ или отпавшихъ отъ православія, то не имъ, а свѣтскою властью онѣ облекались въ форму закона. Многолѣтняя традиція предрѣшила образъ дѣйствій правительства и въ моментъ перехода отъ одного режима къ другому. Не синоду, а комитету министровъ было поручено исполненіе намѣренія, высказаннаго въ пун. 6-мъ указа 12-го декабря 1904-го года; не синодъ, а комитетъ министровъ подготовилъ изданіе указа 17-го апрѣля; безъ участія синода состоялся манифестъ 17-го октября, выразившій „непреклонную волю" монарха „даровать населенію незыблемыя начала гражданской свободы" на основѣ, между прочимъ, свободы совѣсти. Не случайно свобода совѣсти включена, въ этомъ историческомъ актѣ, въ составъ *гражданской* свободы. Только такой характеръ и можетъ имѣть истинная свобода совѣсти; только государство можетъ искренно признать и достаточно оградить право своихъ гражданъ на открытое, безпрепятственное исповѣданіе свободно усвоенныхъ или свободно выбранныхъ ими религіозныхъ вѣрованій. Отъ церкви этого нельзя ни требовать, ни ожидать; убѣжденная въ безусловной и исключительной правотѣ своего ученія, она не можетъ мириться съ мыслью о самоопредѣленіи отдѣльныхъ лицъ въ религіозной сферѣ, не можетъ, въ особенности, мириться съ нею тогда, когда привыкла, въ теченіе многихъ столѣтій, разсчитывать на постоянно готовую поддержку „свѣтской власти". Великое дѣло 17-го апрѣля было бы неосуществимо, еслибы свѣтская власть поставила его въ зависимость отъ содѣйствія или согласія православной церкви. Если даже теперь, въ виду совершившагося факта, не угасаетъ, въ извѣстной средѣ, надежда на возвращеніе къ старому порядку, то нетрудно себѣ представить, какъ велика была бы вѣротерпимость, октроированная, motu proprio, вѣдомствомъ православнаго исповѣданія.

Особенно яркій свѣтъ на этотъ вопросъ бросаетъ рѣчь архіепископа Николая. Сочувствіе его принадлежитъ, очевидно, системѣ, „чуждой религіознаго индифферентизма, государственной сантиментальности и безпочвеннаго либерализма"—системѣ, „свободной отъ противорѣчій" и основанной на убѣжденіи въ единоспасающемъ значеніи православія. Церковь „не должна давать разрѣшенія на отпа-

---

ставу православнаго духовенства (въ замѣнъ прежняго, не утвержденнаго верховною властью). Но, во-первыхъ, *составленіе* законопроекта нельзя смѣшивать съ *обсужденіемъ* его въ законодательномъ порядкѣ; во вторыхъ, самая роль синодальнаго вѣдомства въ этомъ предварительномъ фазисѣ дѣла, несомнѣнно выходящаго за предѣлы „церковнаго управленія", объясняется случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, а не существомъ церковной прерогативы.

деніе". Въ отпаденіи отъ церкви заключается гибель, которую церковь можетъ терпѣть, но со скорбью и слезами, и въ тоже время „церковь не должна оставлять всякихъ способовъ къ тому, чтобы возвратить назадъ отпавшую овцу". Возмущаясь тѣмъ, что законопроектъ „отдаетъ дѣтей на произволъ безумныхъ родителей, идущихъ на погибель въ заблужденіяхъ", архіепископъ варшавскій восклицаетъ: „пусть маленькихъ дѣтей берутъ на попеченіе церкви, пусть устроятъ для нихъ пріюты при монастыряхъ и храмахъ и здѣсь воспитываютъ этихъ маленькихъ дѣтей, родители которыхъ *ушли въ нечестіе*". Предлагается, слѣдовательно, насильственное отобраніе дѣтей у родителей, т.-е. такая мѣра, которая еще недавно допускалась закономъ, но на которую рѣдко и неохотно рѣшались даже въ разгаръ преслѣдованій противъ старообрядцевъ и сектантовъ! И нужно ли указывать на то, что одна возможность подобной мѣры привела бы къ процвѣтанію лицемѣрія, къ удержанію, номинально, въ числѣ православныхъ множества людей, порвавшихъ съ православіемъ и, можетъ быть, возненавидѣвшихъ его? Безконечно велика пропасть между подобными взглядами и образомъ мыслей проф. Кузнецова—и по истинѣ изумительна наивность, съ которою послѣдній продолжаетъ стоять за единовластіе церкви въ вопросахъ, не содержащихъ въ себѣ, собственно говоря, ничего спеціально церковнаго.

И нельзя сказать, чтобы идея, высказанная архіепископомъ варшавскимъ, осталась безъ вліянія на судьбу вопроса въ Государственномъ Совѣтѣ. Статья 3-я законопроекта, въ редакціи совѣтской коммиссіи, предоставляла несовершеннолѣтнимъ, достигшимъ четырнадцати лѣтъ, родители которыхъ принадлежатъ къ нехристіанскому вѣроученію, право переходить въ христіанское вѣроисповѣданіе или вѣроученіе, съ согласія родителей, или оставшагося въ живыхъ родителя, или вообще тѣхъ лицъ, на чьемъ попеченіи они состоятъ. Большинствомъ голосовъ, въ засѣданіи 16-го ноября, принята поправка къ этой статьѣ, предложенная П. Н. Дурново: необходимость согласія родителей или лицъ ихъ заступающихъ, оставлена въ силѣ, при переходѣ въ православіе, только по отношенію къ *малолѣтнимъ*, не достигшимъ четырнадцати лѣтъ, да и изъ этого правила допущено изъятіе, при наличности „важныхъ къ тому причинъ", съ разрѣшенія св. синода. Узаконена, такимъ образомъ, возможность не только разлада, вносимаго въ семью посторонними лицами, но и прямого вмѣшательства въ семейную жизнь, разъ что оно будетъ санкціонировано высшей церковною властью. Не даромъ въ редакціи, предложенной П. Н. Дурново и принятой Государственнымъ Совѣтомъ, идетъ рѣчь объ *обращеніи* малолѣтнихъ въ православіе: активную роль, въ такихъ случаяхъ, будутъ, конечно, играть, не обращающіеся, а обращающіе, т.-е. члены

православнаго духовенства. Отсюда болѣе чѣмъ вѣроятный разрывъ между родителями и дѣтьми, особенно нежелательный именно въ нѣжномъ возрастѣ послѣднихъ. Понадобятся, можетъ быть, и тѣ пріюты, о которыхъ говорилъ преосвященный варшавскій, но часто ли они окажутся для дѣтей истинной замѣной родительскаго дома? И что, если у дѣтей возникнетъ сожалѣніе о случившемся, тоска по утраченному родному уголку? Возвратъ туда, окажется невозможнымъ, потеря—непоправимой или поправимой только по прошествіи многихъ лѣтъ, путемъ тяжелыхъ, не для всякаго доступныхъ усилій. Нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что, при дѣйствіи излюбленнаго верхней палатой порядка, у насъ въ Россіи не возникнутъ дѣла, напоминающія прогремѣвшій на Западѣ, полвѣка тому назадъ, инцидентъ съ еврейскимъ мальчикомъ Мортарой...

Прямымъ отступленіемъ отъ указа 17-го апрѣля является другая поправка, предложенная членомъ Государственнаго Совѣта Кобылинскимъ и принятая большинствомъ 71 голоса противъ 61. Статья 4-я законопроекта, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ совѣтской коммиссіи, установляла, въ полномъ согласіи съ пунктомъ 2-мъ указа 17-го апрѣля, что, при переходѣ обоихъ супруговъ (или супруга, оставшагося въ живыхъ) изъ одного христіанскаго вѣроисповѣданія въ другое, вмѣстѣ съ ними во всякомъ случаѣ переходятъ дѣти, недостигшія четырнадцатилѣтняго возраста, а факультативно, при собственномъ желаніи и съ согласія родителей (или оставшагося въ живыхъ родителя), и дѣти въ возрастѣ отъ 14 лѣтъ до 21 года. Государственный Совѣтъ нашелъ необходимымъ постановить, что дѣти, крещенныя въ православіи, во всѣхъ случаяхъ подчиняются порядку, опредѣленному въ статьѣ 1-ой, т.-е. могутъ перейти въ другое вѣроисповѣданіе лишь по достиженіи совершеннолѣтія. Нетрудно понять, какими послѣдствіями чреватъ этотъ шагъ назадъ сравнительно съ великимъ актомъ 17-го апрѣля. Въ какое положеніе будутъ поставлены родители, порвавшіе съ православіемъ и вынужденные мириться съ принадлежностью ихъ дѣтей къ оставленной ими церкви? Въ какое положеніе будутъ поставлены и дѣти, если, подростая, они — что въ дружно живущей семьѣ почти неизбѣжно,—все болѣе и болѣе станутъ склоняться на сторону вѣры, исповѣдуемой ихъ родителями? И если за православнымъ духовенствомъ будетъ признано право наблюдать за воспитаніемъ такихъ дѣтей въ духѣ православія или, по меньшей мѣрѣ, за исполненіемъ ими обрядовъ православной церкви, то какихъ конфликтовъ слѣдуетъ ожидать между родителями и лицомъ совершенно имъ чуждымъ или даже враждебнымъ? Много ли выиграетъ церковь, удерживая въ своей средѣ, до поры до времени, людей, не имѣющихъ съ нею, быть можетъ, ничего общаго? Къ какимъ средствамъ при-

дется прибѣгнуть, чтобы обезпечить право священника входить въ домъ, гдѣ его не желаютъ видѣть? Можно ли будетъ обойтись безъ вторженія полиціи и суда въ семью, миръ и тишину въ которой обязано оберегать государство?.. Н. С. Таганцевъ былъ совершенно правъ, заявляя, въ концѣ преній, что Государственный Совѣтъ впалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою: признавъ великія начала указа 17-го апрѣля незыблемыми, онъ пошелъ въ разрѣзъ съ ними по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ и нарушилъ, такимъ образомъ, гармонію и цѣльность одной изъ немногихъ реформъ, осуществленныхъ въ короткую пору расцвѣта нашей политической и общественной жизни.

Если не съ буквой, то съ духомъ указа 17-го апрѣля расходится перемѣна, внесенная Государственнымъ Совѣтомъ въ первую статью законопроекта. Государственная Дума узаконяла переходъ не только въ другое христіанское вѣроисповѣданіе или вѣроученіе, но и въ нехристіанскую религію; Государственный Совѣтъ отклонилъ такое толкованіе свободы совѣсти и ограничилъ, сообразно съ этимъ, предѣлы дѣйствія статьи первой. Напрасно ораторы меньшинства указывали на то, что съ отпаденіемъ ограничительныхъ и карательныхъ мѣръ, служившихъ санкціей противъ перехода въ нехристіанскую вѣру, переходъ этотъ долженъ быть признанъ фактически свободнымъ; напрасно ставилось на видъ, что единственнымъ результатомъ безмолвнаго запрета является фикція, удерживающая въ средѣ христіанской церкви завѣдомыхъ отъ нея отщепенцевъ; большинство усвоило себѣ точку зрѣнія коммиссіи, видѣвшей въ молчаніи закона какъ бы доказательство отрицательнаго отношенія государства и церкви къ религіямъ нехристіанскимъ. Едва ли высока цѣнность подобныхъ соображеній: ясность, въ дѣлѣ законодательства, всегда желательна, и нѣтъ причины бояться свѣта, который она можетъ бросить на дѣйствительное положеніе вещей. Съ этой точки зрѣнія весьма характерно рѣшеніе Государственнаго Совѣта не упоминать о *правѣ* перехода въ другое исповѣданіе, а ограничиться чисто фактическою формулою: *переходъ совершается*.

Ни въ чемъ не улучшивъ думскій законопроектъ, Государственный Совѣтъ внесъ въ него, такимъ образомъ, не мало ухудшеній. Хорошо только то, что онъ не принялъ поправку, предложенную г. Стишинскимъ. Указомъ 17-го апрѣля признано, что отпаденіе отъ православія „не должно влечь за собою какихъ-либо невыгодныхъ въ отношеніи личныхъ или гражданскихъ правъ послѣдствій“, а г. Стишинскій предлагалъ лишить такихъ „ренегатовъ“ правъ государственной службы и права участія въ политическихъ, земскихъ, городскихъ и сословныхъ выборахъ...

„Мы всѣ, господа",—сказалъ предсѣдатель совѣта министровъ въ своей первой рѣчи по финляндскимъ законопроектамъ,—„не успѣли еще привыкнуть къ сознанію необходимости послѣдовательности и преемственности въ нашихъ дѣйствіяхъ. Мы слишкомъ много придаемъ значенія личности, слишкомъ легко допускаемъ мысль о томъ, что каждый преемникъ долженъ несомнѣнно находиться въ противорѣчіи или, по крайней мѣрѣ, въ несогласіи съ его предшественникомъ... Въ вопросахъ, затрагивающихъ жизненные интересы государства, въ вопросахъ, отъ которыхъ зависитъ его цѣлость и единство, его слава и могущество, во всѣхъ коренныхъ вопросахъ удовлетворенія насущныхъ нуждъ русскаго народа не можетъ быть разницы во взглядахъ, не можетъ быть колебаній и несогласій преемника по отношенію къ предшественнику". Опроверженіе этихъ словъ можно найти на каждой страницѣ нашей исторіи. Сплошь и рядомъ, даже въ тѣ времена, когда пульсъ русской государственной жизни бился медленно и вяло, почти не отражая перемѣнъ въ настроеніи общества и народа, преемникъ шелъ другимъ путемъ, чѣмъ предшественникъ. Шишковъ не былъ продолжателемъ кн. Голицына, Муравьевъ не былъ продолжателемъ Киселева, Валуевъ не былъ продолжателемъ Милютина и Ланского. Всѣмъ извѣстно, что̀ означала замѣна Макова Лорисъ-Меликовымъ, Лорисъ-Меликова — Игнатьевымъ, Игнатьева — Д. А. Толстымъ. Кн. Святополкъ-Мирскій былъ столь же мало въ согласіи съ Плеве, какъ гр. Витте — съ г. Булыгинымъ. Само собою разумѣется, что во всѣхъ этихъ случаяхъ „новый курсъ" зависѣлъ не только отъ новаго лица: иначе слагались обстоятельства, иныхъ пріемовъ требовали новыя—или вновь выдвинутыя старыя—задачи. Если, въ первые дни послѣ призыва В. Н. Коковцова на мѣсто П. А. Столыпина, существовало смутное ожиданіе чего-то новаго, иныхъ наполнявшее страхомъ, другихъ—надеждой, то оно коренилось не столько въ расцѣнкѣ личныхъ свойствъ „преемника", сколько въ сознаніи, смутномъ или опредѣленномъ, что „предшественникъ" не достигъ цѣли, что близко было обнаруженіе полной его неудачи. Отнюдь не всегда неизбѣжное, разногласіе между предшественникомъ и преемникомъ въ данномъ случаѣ казалось вѣроятнымъ. Въ области „коренныхъ вопросовъ удовлетворенія насущныхъ нуждъ русскаго народа" разногласіе, и притомъ разногласіе существенное, не только возможно: оно почти неминуемо. Различно понимается самое существо этихъ нуждъ, различно понимаются и способы ихъ удовлетворенія. Возьмемъ, для примѣра, именно тотъ вопросъ, къ которому непосредственно относились слова предсѣдателя совѣта министровъ: вопросъ финляндскій. Сколько разъ измѣнялось отношеніе къ нему русскаго правительства — и какъ быстро происходили эти перемѣны!

Въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія онъ разрѣшался не такъ, какъ въ концѣ того же десятилѣтія, въ 1904-мъ году—не такъ, какъ въ 1905-мъ, въ 1906-мъ году—не такъ, какъ въ 1909-мъ. Еще весьма недавно нынѣшній предсѣдатель совѣта министровъ смотрѣлъ на него иначе, чѣмъ П. А. Столыпинъ. Если въ данномъ случаѣ преемникъ пошелъ по стопамъ предшественника, то объясненіе этому слѣдуетъ искать не въ общихъ соображеніяхъ о политической „послѣдовательности", а въ чемъ-то другомъ — можетъ быть въ томъ положеніи финляндскихъ законопроектовъ, какое засталъ В. Н. Коковцовъ при вступленіи своемъ въ новую должность. Обсужденіе ихъ въ Думѣ было неизбѣжно—и за нихъ стояло тѣсно сплоченное большинство, разрывъ съ которымъ могъ казаться неудобнымъ.

Не останавливаясь подробно на содержаніи финляндскихъ законопроектовъ, первородный грѣхъ которыхъ мы видимъ въ самомъ ихъ происхожденіи—т.-е. въ законѣ 17-го іюня 1910-го года, — отмѣтимъ только двѣ-три черты вызванныхъ ими преній. Предсѣдатель совѣта министровъ началъ свою рѣчь выраженіемъ увѣренности, что отрицательное отношеніе къ законопроектамъ господствуетъ не среди финляндскаго населенія, „вполнѣ сознающаго, что подъ сѣнью русскаго двухглаваго орла оно пріобрѣло матеріальное благополучіе и внутренній миръ", а среди руководящихъ этимъ населеніемъ общественныхъ политическихъ круговъ. Гдѣ же, однако, основанія для такого distinguo? О глубокомъ расхожденіи между населеніемъ и его руководителями можно говорить тамъ, гдѣ народная масса только что призвана къ участію въ политической жизни, тѣмъ болѣе—тамъ, гдѣ дѣйствуетъ искусственно придуманная, узкая избирательная система, отдающая представительство во власть ничтожнаго меньшинства. Ни того, ни другого мы не видимъ въ Финляндіи, давно привыкшей вдумываться въ свои нужды и интересы, а съ 1906-го года обладающей всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Нѣсколько разъ былъ распускаемъ сеймъ—и нѣсколько разъ онъ собирался вновь почти въ томъ же составѣ. За нимъ стоитъ, очевидно, *финскій народъ*—тотъ финскій народъ, къ представителямъ котораго столько разъ обращались русскіе государи. Предполагать, что между народомъ и сеймомъ существуетъ какое-то недоразумѣніе, видѣть на „поверхности финляндскаго общественнаго мнѣнія" какую-то „пѣну", которая рано или поздно спадетъ — значитъ тѣшить себя иллюзіей, всегда опасной въ политической жизни. Иллюзіей кажется намъ и ссылка В. Н. Коковцова на общественное мнѣніе Россіи, давно уже, будто бы, настроенное противъ Финляндіи; но здѣсь труднѣе обнаружить истину, потому что русскому общественному мнѣнію, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, не была

еще дана возможность высказаться по финляндскому вопросу, какъ и по многимъ и многимъ другимъ.

Въ финляндскихъ законопроектахъ соблюдена, по мнѣнію В. Н. Коковцова, та „благожелательность, которую долженъ проявлять русскій народъ по отношенію къ своему небольшому по численности сосѣду". Въ личной благожелательности премьера мы не видимъ никакой причины сомнѣваться; но когда проводятся мѣры, одною стороною признаваемыя несправедливыми и незаконными, для проявленія добрыхъ желаній другой стороны остается немного мѣста. Объ этомъ поспѣшилъ доказать одинъ изъ правыхъ членовъ Думы, назвавъ слова В. Н. Коковцова „глубокою ошибкою". „Доброжелательности" — воскликнулъ онъ,—„у каждаго вѣрноподданаго въ отношеніи обнаглѣвшаго хама быть не можетъ, и съ нашей стороны такой доброжелательности, пока Финляндія не станетъ тѣмъ, чѣмъ она должна быть, не должно быть и конечно не будетъ". Да, именно такъ, а не иначе должны чувствовать и думать поклонники грубой силы, неспособные понять и уважать чужое право—а безъ участія такихъ людей едва ли обойдется примѣненіе финляндскихъ законопроектовъ.

Чтобы судить о значеніи важнѣйшаго изъ двухъ принятыхъ Государственною Думою финляндскихъ законопроектовъ, достаточно напомнить, что русскимъ подданнымъ предоставляются равныя съ финляндскими гражданами права, безъ всякихъ оговорокъ и ограниченій—слѣдовательно и право участія въ выборахъ въ финляндскій сеймъ. Между тѣмъ, по сеймовому уставу, имѣющему значеніе основного закона и не подлежащему измѣненіямъ безъ согласія сейма, это право принадлежитъ только финляндскимъ гражданамъ. И если принять во вниманіе, до какой степени сознательное участіе въ сеймовыхъ выборахъ обусловлено знакомствомъ съ мѣстными условіями и мѣстными языками, то нельзя не придти къ заключенію, что новый порядокъ представляетъ собою не только формальное отступленіе отъ закона... Другія статьи законопроекта идутъ въ разрѣзъ съ общими началами права. Создается новое преступленіе, въ видѣ дополненія не къ финляндскому уголовному уложенію, а къ общеимперскому уложенію о наказаніяхъ, въ Финляндіи вовсе не дѣйствующему. Это преступленіе—„умышленное воспрепятствованіе" примѣненію даннаго закона. Одно изъ двухъ: или такое воспрепятствованіе выражается въ дѣйствіи, запрещенномъ подъ страхомъ наказанія—насиліи, угрозѣ, обманѣ, подлогѣ, превышеніи власти, неисполненіи служебнаго долга; въ такомъ случаѣ оно наказуемо само по себѣ, и въ спеціальномъ постановленіи, его карающемъ, нѣтъ никакой надобности. Или оно не можетъ быть подведено ни подъ одно изъ этихъ дѣйствій — и въ такомъ случаѣ оно теряетъ всякую опредѣленность, предоставляя безграничный просторъ

судейскому произволу. Воспрепятствованіе можетъ тогда быть усмотрѣно въ самыхъ невинныхъ поступкахъ—въ насмѣшкѣ, въ недостаточно любезномъ пріемѣ просителя, въ недостаточно быстромъ исполненіи просьбы. И вотъ, сужденіе о такомъ эластичномъ, спорномъ, иногда неуловимомъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ строго наказуемомъ (maximum кары—тюрьма на время до одного года и четырехъ мѣсяцевъ, съ факультативнымъ запрещеніемъ службы государственной и общественной на срокъ до десяти лѣтъ)—преступленіи передается, вопреки основному правилу о forum delicti commissi, въ судебныя мѣста имперіи, а возбужденіе преслѣдованія возлагается на прокурора петербургской судебной палаты. Въ довершеніе всего, опредѣленныя судомъ личныя наказанія должны быть отбываемы въ предѣлахъ имперіи, т. е. въ русскихъ арестныхъ домахъ и тюрьмахъ, а разрѣшеніе пререканій о подсудности между русскими и финляндскими судами предоставляется общему собранію кассаціонныхъ департаментовъ Сената. Все это дѣлается въ то время, когда поколеблено довѣріе къ безпристрастію и независимости нашихъ судебныхъ установленій, не исключая и Сената... Какъ ни великъ пассивъ третьей Думы, немаловажнымъ прибавленіемъ къ нему является принятіе ею, безъ существенныхъ измѣненій, только что разсмотрѣннаго нами финляндскаго законопроекта.

Возвращаемся къ словамъ В. Н. Коковцова о „послѣдовательности“ и „преемственности“. Трудно было, конечно, ожидать, что бывшій членъ кабинета П. А. Столыпина, ставъ во главѣ министерства, пойдетъ прямо въ разрѣзъ съ политикой своего предшественника; но не исключена была возможность перемѣны въ частностяхъ, не лишенныхъ, однако, существенно важнаго значенія. Такая перемѣна, къ сожалѣнію, не наступила. По прежнему не только постановляются, но и исполняются смертные приговоры; по прежнему штрафуются газеты по распоряженію административной власти; по прежнему запрещаются лекціи и закрываются собранія; по прежнему производятся массовые обыски и аресты. Изъ всѣхъ должностныхъ лицъ, прославившихся въ послѣднее время игнорированьемъ закона и издѣвательствомъ надъ правомъ, удаленъ только одинъ одесскій градоначальникъ, судьба котораго была, по видимому, предрѣшена еще П. А. Столыпинымъ. Всего ярче живучесть старыхъ традицій выразилась въ отношеніи правительства къ общественной и частной помощи голодающимъ. Скажемъ болѣе: здѣсь наблюдается даже рѣшительный шагъ назадъ. Крайне тяжелое впечатлѣніе производитъ сообщеніе о пріемѣ В. Н. Коковцовымъ депутаціи отъ двадцати общественныхъ организацій, объединившихся вокругъ общества охраненія народнаго здравія, для борьбы

съ голодомъ. Предсѣдатель совѣта министровъ объявилъ депутаціи, что совѣтомъ постановлено не разрѣшать никакимъ организаціямъ дѣйствовать самостоятельно и независимо отъ правительства. Можно допустить работу въ пользу голодающихъ только совмѣстно съ Краснымъ Крестомъ или черезъ посредство земскихъ учрежденій, а въ неземскихъ губерніяхъ надо обращаться за разрѣшеніемъ къ мѣстной администраціи. Сборъ пожертвованій можетъ быть допущенъ лишь съ разрѣшенія губернатора, и преимущественно въ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая. Вольное экономическое общество, организовавъ сборъ пожертвованій, поступило незаконно. Общеземская организація не можетъ быть допущена къ борьбѣ съ голодомъ... Нѣсколько дней спустя состоялось послѣднее засѣданіе организаціи соединенныхъ обществъ. Владиміръ Ивановичъ Ковалевскій, продолжавшій переговоры съ В. Н. Коковцовымъ, сообщилъ собранію, что дѣятельность по борьбѣ съ голодомъ запрещена не только организаціи, но и каждому обществу въ отдѣльности. Собраніе постановило считать организацію не закрывшеюся, а временно пріостановившею свою дѣятельность (находящеюся, по остроумному выраженію сенатора С. В. Иванова, въ летаргическомъ снѣ). Единственная, повидимому, уступка, сдѣланная правительствомъ, заключается въ томъ, что обществу охраненія народнаго здравія и общеземской организаціи дозволено производить сборъ пожертвованій, въ пользу голодающихъ по всей Россіи, а общеземской организаціи, сверхъ того, разрѣшено созвать съѣздъ представителей пострадавшихъ земскихъ губерній.

Таково положеніе, созданное для общественной иниціативы въ годину тяжелаго народнаго бѣдствія, созданное при дѣйствіи „обновленнаго строя", шесть лѣтъ спустя послѣ манифеста 17-го октября. Такъ далеко административная опека не шла даже въ прежніе голодные годы. И тогда—напр. въ началѣ и въ концѣ 90-хъ годовъ—частныя и общественныя усилія помочь голодающимъ встрѣчали, на мѣстахъ и въ центрѣ, недоброжелательство и недовѣріе, наталкивались на препятствія, преодолѣть которыя не всегда удавалось—но, въ общемъ, всетаки предпринималось и дѣлалось многое внѣ оффиціальныхъ рамокъ, не подъ оффиціальнымъ флагомъ. Работали и общества, работало, напримѣръ—и очень успѣшно—то самое вольное экономическое общество, выступленіе котораго теперь признается незаконнымъ. При Плеве—при Плеве!—образовалась общеземская организація, сначала преслѣдовавшая другія цѣли, но позднѣе оказавшая большія услуги и въ голодные годы минувшаго десятилѣтія. Въ 1906-мъ году, т.-е. уже при П. А. Столыпинѣ, общество охраненія народнаго здравія—объ этомъ напомнилъ недавно предсѣдатель его, В. О. Губертъ,—дѣйствовало именно такъ, какъ теперь дѣйствовать не можетъ. Въ

настоящее время дѣло доходитъ до того, что на мѣстахъ, по распоряженію начальства, отбираются отъ редакціи газеты деньги, пожертвованныя въ пользу голодающихъ, потому что онѣ должны были поступить къ уполномоченному вольнаго экономическаго общества. Чѣмъ же мотивируется ограничительная политика правительства, не находящая точекъ опоры даже въ печальномъ прошломъ? „Роль общества"—сказалъ предсѣдатель совѣта министровъ—„сводится къ пожертвованіямъ; иначе трудно урегулировать помощь и правильно распредѣлять средства... Пестрая дѣятельность общественной организаціи вообще нежелательна, какъ нецѣлесообразная". Не звучитъ ли здѣсь старая нота пренебреженія къ „ограниченному уму подданныхъ", нота увѣренности, что распоряжаться умѣетъ только власть, а дѣло подвластныхъ—снабжать ее средствами, и только?... Упускается изъ виду, прежде всего, что въ самомъ обществѣ широко распространены совершенно иные взгляды. Приливъ пожертвованій обусловливается, въ значительной степени, тѣмъ, куда они могутъ быть направлены. Одно дѣло—отдавать свои деньги правительственному учрежденію, другое—отдавать ихъ частному обществу или лицу, по собственному выбору, основанному на знакомствѣ съ ихъ дѣятельностью и на полномъ къ нимъ довѣріи. Первый путь—наиболѣе привлекательный для тѣхъ, кому импонируетъ власть, второй—для тѣхъ, кто привыкъ жить собственнымъ умомъ. Если одинаково доступны оба пути, ничто не мѣшаетъ увеличенію числа жертвователей и количества взносовъ; если открытъ только первый путь, и то, и другое неминуемо должно уменьшиться, въ особенности тамъ, гдѣ существуетъ предубѣжденіе противъ оффиціальныхъ раздавателей помощи. А такое предубѣжденіе мѣстами, несомнѣнно, имѣется на лицо; членъ Госуд. Думы Березовскій, бывшій предсѣдатель губернской земской управы, удостовѣрилъ, напримѣръ, въ бесѣдѣ съ В. Н. Коковцовымъ, что Красный Крестъ въ борьбѣ съ послѣдствіями голода не всегда стоитъ на высотѣ положенія. Аналогичный отзывъ мы встрѣчаемъ въ сообщеніи изъ Екатеринбургскаго уѣзда (Пермской губерніи). Не вездѣ, конечно, одинаково усердно и успѣшно дѣйствуютъ и земскія учрежденія. Совершенно лишены основанія, далѣе, ссылки на „пестроту" общественной помощи, на невозможность „урегулировать" работу, идущую изъ разныхъ источниковъ. Пестрота, въ данномъ случаѣ—достоинство, а не недостатокъ. Общественная и частная помощь не замѣняетъ собою оффиціальную, не конкуррируетъ съ нею, а *дополняетъ* ее. Оффиціальная помощь всегда является минимальной—и это не можетъ быть иначе, въ виду громадности средствъ, необходимыхъ для достиженія хотя бы этого минимума; общественная и частная помощь не вынуждена замыкаться въ тѣсные предѣлы. Оффиціальная

помощь считается достигшею своей цѣли, если она предупредила *голоданіе*; общественная и частная помощь можетъ предупредить *разореніе*. Она эластичнѣе, свободнѣе, полнѣе: ей легче примѣняться къ обстоятельствамъ, принимать индивидуальныя формы, создавать новые способы дѣйствій. Ею, напримѣръ—въ лицѣ Льва Толстого,—введены въ обиходъ деревенскія столовыя, оказавшія населенію по-истинѣ неоцѣнимую услугу. Наконецъ, она по самому своему существу сердечнѣе, теплѣе, ближе къ народу; она даетъ просторъ добрымъ чувствамъ, установляетъ тѣсную, прочную связь между дающими и принимающими, знакомитъ наглядно съ народными нуждами, съ общимъ положеніемъ деревни. Именно потому она никогда не пользовалась у насъ сочувствіемъ правительственныхъ сферъ; именно потому, быть можетъ, она тщательно устраняется и въ настоящее время. Сближеніе различныхъ классовъ населенія, отчасти по старой памяти, отчасти на основаніи новыхъ соображеній, признается не только нежелательнымъ, но прямо опаснымъ. Вооруженное съ головы до ногъ противъ всякой пропаганды, правительство всетаки чувствуетъ себя недостаточно отъ нея огражденнымъ—и для того, чтобы предупредить злоупотребленіе правомъ, налагаетъ veto на самое право. Дѣлается это въ ту самую минуту, тогда даже третья Дума—Дума, признавшая, вопреки очевидности [1]), что „правительство *своевременно* озаботилось о принятіи установленныхъ закономъ и практикой прежнихъ лѣтъ мѣръ борьбы съ послѣдствіями неурожая“,—выразила пожеланіе, чтобы „правительство не только не препятствовало мѣстнымъ благотворительнымъ и другимъ частнымъ обществамъ и лицамъ организовывать помощь голодающимъ, но и рекомендовало мѣстнымъ властямъ обращаться въ этомъ отношеніи къ частной помощи“.

Отмѣтимъ одну небольшую, но характерную подробность. Во время преній по продовольственному вопросу деп. Шингаревъ заявилъ, между прочимъ, что предсѣдатель совѣта министровъ нѣсколько недѣль медлилъ назначеніемъ дня пріема представителей соединенной организаціи, желавшихъ получить отъ него полномочіе на безпрепятственную борьбу съ послѣдствіями голода. Оказалось, что это была ошибка (въ допущеніи которой деп. Шингаревъ извинился съ думской каѳедры): на самомъ дѣлѣ аудіенція состоялась черезъ два дня послѣ просьбы о ея назначеніи. Услужливая печать подняла по этому поводу цѣлую бурю, обвиняя г. Шингарева въ злонамѣренной лжи. Это былъ, очевидно, маневръ, имѣвшій цѣлью отклонить вниманіе отъ главнаго и сосредоточить его на сравнительно неважномъ. Суть, очевидно, не въ томъ, какъ скоро была принята депутація, а въ томъ, какой былъ данъ ей отвѣтъ. Ничего не выиграли голодающіе отъ того, что за-

[1]) См. выше, статью: „Начало продовольственной кампаніи“.

ступники ихъ ждали пріема у министра только два дня—и безконечно много потеряли отъ того, что заступничество не привело къ цѣли. Затушевать эту простую истину не удастся никакимъ вспышкамъ „благороднаго негодованія", сшитаго бѣлыми нитками и направленнаго не по адресу.

Продолжительныя пренія по продовольственному вопросу остались безплодными: получивъ одобреніе отъ думскаго большинства, правительство, очевидно, не намѣрено считаться съ принятыми Думою скромными пожеланіями. Одинъ результатъ, тѣмъ не менѣе, этими преніями достигнутъ: благодаря имъ, крестьяне-члены правыхъ партій начинаютъ нѣсколько лучше понимать своихъ мнимыхъ покровителей и благодѣтелей. И дѣйствительно, маска, въ которой обычно всходятъ на трибуну своеобразные друзья народа, нѣсколько разъ сдвигалась настолько, что позволяла взглянуть на ихъ настоящее лицо. Уже при предварительномъ разсмотрѣніи запроса о голодѣ, въ засѣданіи 17-го октября, деп. Марковъ 2-ой объяснялъ сравнительное благоденствіе западныхъ губерній тѣмъ, что тамъ люди дѣйствительно трудятся на землѣ, „чего на Волгѣ не хотятъ дѣлать, ибо на Волгѣ слишкомъ много лодырей". Въ болѣе мягкой формѣ онъ повторилъ ту же мысль и во время преній по существу продовольственнаго вопроса, объясняя бѣдность крестьянства продолжительнымъ зимнимъ „недѣланіемъ" (за отсутствіемъ работы) и выдвигая, въ видѣ панацеи, общественныя работы. По словамъ деп. Келеповскаго, „какъ только появляется недородъ, часть крестьянства складываетъ руки и не работаетъ, въ расчетѣ, что его накормитъ казна". Вопросъ о голодѣ—воскликнулъ тотъ же депутатъ—„будетъ рѣшенъ только тогда, когда ставка на сильныхъ будетъ выиграна, когда вся земля перейдетъ изъ рукъ слабыхъ и пьяныхъ въ руки сильныхъ и трезвыхъ". Подобныя рѣчи вызвали, наконецъ, отпоръ со стороны правыхъ крестьянъ. Деп. Дворяниновъ „положительно возмущенъ" рѣчами деп. Маркова 2-го. „Каждому извѣстно",—воскликнулъ онъ,—„что крестьянство работаетъ въ такую годину, какъ година голода. Я хочу спросить представителей отъ крестьянъ, которые сидятъ за Марковымъ—неужели они будутъ голосовать съ нимъ? Это возмутительно". Въ такомъ же духѣ и тонѣ говорилъ деп. Амосенокъ. „Откуда взялъ Марковъ",—спрашивалъ онъ,—„что крестьяне не работаютъ девять мѣсяцевъ? Чѣмъ бы они питались, еслибы работали только три мѣсяца?.. Люди будутъ до тѣхъ поръ голодать, пока земля будетъ находиться по 20 тысячъ десятинъ въ однѣхъ рукахъ. Земля есть, а пахать не даютъ; поэтому запасовъ у крестьянъ быть не можетъ. Повсемѣстно въ Россіи есть голодающіе крестьяне, вслѣдствіе того, что не на чемъ пахать

и сѣять хлѣбъ, и все вслѣдствіе этихъ господъ наивныхъ [1]) защитниковъ крестьянъ, Марковыхъ, которые всегда на трибуну всходятъ яко бы для защиты интересовъ крестьянъ. Я скажу, пусть имъ не вѣрятъ крестьяне, они только продаютъ крестьянъ въ неволю". Въ заключеніе деп. Амосенокъ выразилъ надежду, что „все-таки есть люди, которые войдутъ въ положеніе, за исключеніемъ Маркова; Марковъ этого никогда не позволитъ". Мысль только-что названнаго нами депутата была подхвачена другимъ правымъ крестьяниномъ, деп. Андрейчукомъ, который въ слѣдующемъ засѣданіи Думы (12-го ноября) предложилъ принять слѣдующую формулу: „Государственная Дума считаетъ необходимымъ, чтобы правительство въ скоромъ времени внесло въ Думу законопроектъ объ установленіи предѣльной нормы количества земли крупнаго землевладѣнія". И вотъ что замѣчательно: при первомъ голосованіи эта формула была принята большинствомъ 125 голосовъ противъ 100, и только при повѣркѣ выходомъ въ двери отклонена ничтожнымъ большинствомъ 135 противъ 129 (при 15 воздержавшихся отъ голосованія). За формулу голосовали, кромѣ оппозиціи, многіе крестьяне и священники, обычно вотирующіе съ большинствомъ. Очевидно, начинаетъ разсѣяваться туманъ, которымъ правыя партіи съумѣли окружить своихъ сочленовъ изъ среды крестьянства. Въ народной массѣ не могли исчезнуть и не исчезли идеи, слишкомъ глубоко заложенныя въ ней всею прошлою ея судьбою. Подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ соображеній о нихъ забыли, на время, отдѣльныя лица — но только забыли: отказаться отъ нихъ было бы равносильно разрыву съ родной средою... Понятно впечатлѣніе, произведенное голосованіемъ формулы деп. Андрейчука: оно прозвучало какъ первое предостереженіе, смутило и напугало какъ „тѣнь грядущихъ событій".

Обсужденіе въ Думѣ продовольственнаго вопроса напомнило лишній разъ о необходимости поспѣшить съ созданіемъ мелкой земской единицы, которая одна только можетъ внести порядокъ и справедливость въ подготовку и распредѣленіе на мѣстахъ продовольственной помощи. Совершенно правъ, поэтому, былъ деп. Кутлеръ, выразившій пожеланіе, чтобы нынѣшній голодъ и затрудненія, встрѣчаемыя въ борьбѣ съ нимъ, побудили Государственный Совѣтъ къ скорѣйшему разсмотрѣнію принятаго Государственною Думою законопроекта о волостномъ земствѣ. Исполненіе этого пожеланія представляется, однако, довольно сомнительнымъ. Судя по свѣдѣніямъ, проникающимъ въ печать, пріемъ волостному земству готовится въ верхней палатѣ недружелюбный.

---

[1]) Деп. Амосенокъ ошибся только въ томъ, что назвалъ г. Маркова „наивнымъ"; ему вѣроятно не совсѣмъ ясенъ смыслъ этого не-русскаго слова.

Какъ и въ Думѣ, противъ него возстанутъ правые всѣхъ оттѣнковъ— и нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что къ нимъ не присоединится часть центра. Весьма возможенъ и „пріемъ отсрочекъ", нерѣдко пускаемый въ ходъ Государственнымъ Совѣтомъ: стоитъ только „медленно поспѣшать" — и законопроектъ, за окончаніемъ полномочій третьей Думы, упадетъ самъ собою. Въ коммиссіи противъ него возражали гг. Дурново, Стишинскій, Нарышкинъ, кн. Лобановъ-Ростовскій, кн. Урусовъ; указывалось и на „неподготовленность" крестьянъ къ „воспріятію" реформы, и на вражду ихъ къ землевладѣльцамъ, на неизбѣжность раззоренія послѣднихъ, на нежелательность учрежденія въ Россіи пятнадцати тысячъ новыхъ „говориленъ". Въ нашихъ глазахъ это отрицательное отношеніе къ мелкой земской единицѣ служитъ лучшимъ доказательствомъ ея необходимости и своевременности: если ея такъ боятся сторонники застоя и регресса, значитъ—она опасна только для нихъ и нужна для народной массы... Теперь, какъ и десять лѣтъ тому назадъ, у мелкой земской единицы есть и противники совершенно другого типа. Искренно преданные интересамъ крестьянства, они опасаются, что при нынѣшнемъ составѣ земскихъ учрежденій, при засиліи земскихъ начальниковъ, при полновластіи администраціи и безправіи народной массы, вновь образованная волость подпадетъ подъ господство худшихъ элементовъ населенія и сдѣлается источникомъ новыхъ бѣдъ и притѣсненій для крестьянства. Безспорно, вполнѣ нормальное развитіе безсословной волости станетъ возможнымъ только тогда, когда произойдетъ коренная перемѣна въ общемъ положеніи дѣлъ, когда государственный строй будетъ обновленнымъ не только по имени; но шагомъ впередъ учрежденіе ея будетъ и теперь, облегчивъ податное бремя, лежащее на крестьянахъ, расширивъ кругъ мѣстныхъ дѣятелей и затруднивъ произвольное вмѣшательство мѣстныхъ властей въ будничную жизнь деревни. Это отлично понимаютъ защитники дворянско-помѣщичьяго statu quo; ихъ оппозиція, въ нашихъ глазахъ—сильнѣйшій аргументъ въ пользу волостного земства.

Государственному Совѣту предстоитъ, въ теченіе нынѣшней сессіи, рѣшить очень крупную задачу: чтобы заканчивающійся черезъ полгода думскій періодъ оставилъ по себѣ хоть сколько-нибудь цѣнное наслѣдство, верхней палатѣ нужно разсмотрѣть и принять, въ сколько-нибудь удовлетворительной формѣ, законопроекты о мѣстномъ судѣ, о волостномъ земствѣ, о страхованіи рабочихъ, о всеобщемъ обученіи, о начальномъ народномъ образованіи. А между тѣмъ весьма возможно, что въ вѣчность канутъ если не всѣ, то многіе изъ нихъ. На такую судьбу еще недавно были обречены, напримѣръ, два послѣдніе законопроекта: коммиссія Государственнаго Совѣта пришла къ заключенію, что нельзя

разсматривать законопроектъ о всеобщемъ начальномъ обученіи, пока не разсмотрѣнъ законопроектъ о начальныхъ училищахъ — законопроектъ настолько обширный и сложный, что покончить съ нимъ въ одну сессію, при способѣ работы, усвоенномъ Госуд. Совѣтомъ, почти невозможно. Теперь положеніе вещей нѣсколько измѣнилось къ лучшему благодаря вмѣшательству предсѣдателя совѣта министровъ. Явясь въ коммиссію, онъ указалъ на неотложный характеръ законопроекта о всеобщемъ начальномъ обученіи, безъ проведенія котораго не могутъ оказаться на лицо средства для давно назрѣвшей реформы. Прежде В. Н. Коковцовъ, исходя изъ чисто финансовыхъ соображеній, былъ скорѣе противникомъ законопроекта; но теперь, ставъ во главѣ кабинета, онъ пришелъ къ заключенію, что Дума поступила правильно, рѣшивъ фиксировать въ бюджетѣ на опредѣленное число лѣтъ впередъ извѣстную сумму для введенія всеобщаго обученія. Коммиссія, выслушавъ премьеръ-министра, поспѣшила отмѣнить свое прежнее рѣшеніе, согласилась не связывать судьбу вопроса о всеобщемъ обученіи съ судьбою общей перемѣны въ организаціи начальнаго образованія и выбрала изъ своей среды, для подготовки доклада, особую подкоммиссію. Составъ этой подкоммиссіи (гг. Шварцъ, Звѣревъ и кн. Урусовъ) предвѣщаетъ мало хорошаго; неутѣшительно и заявленіе В. Н. Коковцова, что правительство стоитъ за сохраненіе компетенціи синода въ области народнаго образованія и находитъ непріемлемымъ постановленіе Думы о сосредоточеніи всего учебнаго дѣла въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что строй начальнаго обученія останется прежній и все ограничится ростомъ числа начальныхъ школъ; но какъ ни недостаточенъ этотъ результатъ, безразличнымъ для развитія народнаго образованія его считать нельзя. Въ расширенныя рамки неизбѣжно вольется новое содержаніе. Отдалить наступленіе давно желанной минуты можно, но предупредить его нельзя.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ

Конечно, вся читающая Россія успѣла уже ознакомиться съ первымъ томомъ посмертныхъ художественныхъ произведеній Льва Николаевича Толстого, въ который вошли, кромѣ „Живого трупа“, двѣ повѣсти, три маленькихъ разсказа и небольшая пьеса для народнаго театра. Издатели литературнаго наслѣдія великаго писателя не при-

держиваются при его обнародованіи хронологическаго порядка и въ первомъ томѣ, рядомъ съ „Дьяволомъ“, написаннымъ еще до „Воскресенья“ и, кажется, даже до „Крейцеровой сонаты“, помѣстили рядъ произведеній, относящихся къ 1900—1910 гг. Это надо очень имѣть въ виду, чтобы не воспринять вновь публикуемыхъ вещей Толстого въ неправильной перспективѣ и въ неправильной связи.

Мнѣ, напримѣръ, представляется далеко не лишеннымъ значенія то обстоятельство, что повѣсть „Дьяволъ“ относится къ эпохѣ „Крейцеровой сонаты“, когда передъ Толстымъ почему-то съ особенной настойчивостью и ужасомъ встала идея непреоборимой власти полового инстинкта надъ человѣкомъ и непримиримой враждебности этого инстинкта съ этическими требованіями нашей духовной природы. Въ теоретическомъ мышленіи Толстого-моралиста человѣкъ раскололся пополамъ: духъ и тѣло, добро и зло, Богъ и Дьяволъ суть начала, другъ друга абсолютно исключающія, и Толстой съ безпощаднымъ ригоризмомъ требуетъ полнаго отреченія отъ плоти, ибо малѣйшая уступка въ этомъ направленіи неизбѣжнымъ, роковымъ образомъ влечетъ къ гибели, согласно съ закономъ: „коготокъ увязъ, всей птичкѣ пропасть“. Въ послѣсловіи къ „Крейцеровой сонатѣ“ Толстой съ изумительнымъ безстрашіемъ доводитъ свою мысль до крайнихъ выводовъ, до прекращенія рода человѣческаго во имя побѣды того, что̀ ему кажется этической правдой. По истинѣ, „fiat justitia, pereat mundus“! Но, дѣлая такое заключеніе, Толстой-моралистъ какъ бы и не замѣчаетъ, что Толстой-художникъ въ самой „Крейцеровой сонатѣ“ говоритъ совсѣмъ иное, учитъ другой правдѣ, жизненной и человѣчной, а потому дѣйствительно глубокой и истинной, и что эта правда художественнаго прозрѣнія дѣлаетъ и скудной, и ненужной непріемлемую логику его теоретическихъ построеній.

Точно также и въ „Дьяволѣ“. Эпиграфъ изъ евангелія, ученіе о соблазняющемъ окѣ и о необходимости его исторгнуть, свидѣтельствуютъ о теоретическомъ заданіи автора. Толстой какъ бы хочетъ иллюстрировать своей повѣстью правильность, а слѣдовательно и возможность того практическаго рецепта, который извлекается изъ этихъ стиховъ обычнымъ аскетическимъ (замѣчу въ скобкахъ—весьма спорнымъ) толкованіемъ. Но, уйдя изъ монастырскихъ стѣнъ отвлеченнаго морализированья на просторъ художественнаго созерцанія истинной природы человѣческой, Толстой показываетъ намъ нѣчто весьма далекое отъ аскетическихъ рецептовъ, и грозное слово объ отсѣченіи правой руки превращается въ жалкую, почти комическую попытку растерявшагося Иртеньева сжечь свой палецъ. „Какой вздоръ! Не это надо дѣлать“,—со смѣхомъ надъ самимъ собой говоритъ Иртеньевъ, бросая нелѣпый опытъ. Но вѣдь такой же точно вздоръ и другой

выходъ, который пробуетъ Иртеньевъ: бѣжать самому отъ привлекающей его женщины или убрать ее куда-нибудь подальше съ глазъ долой. Это—палліативъ, который развѣ на короткое время подѣйствуетъ, а затѣмъ все равно образъ, такъ глубоко внѣдрившійся въ его душу, встанетъ въ воображеніи, распалитъ мысль и замучитъ, доведетъ до безумныхъ порывовъ и поступковъ: „черные блестящіе глаза, грудной голосъ, говорящій „голома́", запахъ чего-то свѣжаго и сильнаго, высокая грудь, поднимающая занавѣску,—и все это въ орѣховой и кленовой чащѣ, облитой яркимъ свѣтомъ"... Не выходъ, конечно, и въ аскетическихъ самоистязаніяхъ Иртеньева, и въ тѣхъ двухъ развязкахъ, которыя далъ Толстой въ двухъ варіантахъ конца повѣсти: ничто не разрѣшается ни самоубійствомъ Иртеньева, ни убійствомъ Степаниды. Не выходъ и та моралистическая мысль, которая не разъ мелькаетъ въ повѣсти,—мысль о томъ, что Иртеньевъ отлично могъ бы обойтись безъ женщины, что къ Степанидѣ, какъ и къ другимъ, его толкала не дѣйствительная потребность, а ложное убѣжденіе, будто бы „безъ этого" нельзя, вредно для здоровья и для работоспособности. Убѣжденіе, конечно, пошлое, и ни къ чему, кромѣ какъ къ пошлостямъ, не ведущее—но пошлость здѣсь въ отношеніи къ факту, а не въ самомъ фактѣ вѣчно творящаго инстинкта, разлитаго во всей природѣ.

Да совсѣмъ и не въ выходѣ тутъ дѣло, не въ рецептѣ, при помощи котораго индивидуальнымъ усиліемъ воли человѣкъ можетъ и долженъ сейчасъ же и радикально измѣнить себя и жизнь. Приступивъ къ работѣ надъ повѣстью съ такимъ заданіемъ, Толстой и тутъ, какъ въ „Живомъ трупѣ", поддался благостной власти художественнаго инстинкта, забылъ о требованіяхъ поучительности и съ неподражаемой силой своего генія далъ строго правдивую, глубокую и потрясающую картину трагическаго боренія силъ въ человѣкѣ,—боренія, не находящаго выхода и ведущаго къ неизбѣжной гибели. И въ этой неразрѣшимости, въ этой гибели раскрывается передъ нами нѣчто неизмѣримо болѣе важное и истинное, чѣмъ всѣ предписанія благонамѣренной морали: мы получаемъ настоящее знаніе природы человѣка и приближаемся къ созерцанію великихъ, трагическихъ законовъ бытія. Мы видимъ, какъ духъ человѣческій, ограниченный въ своемъ теперешнемъ воплощеніи, удрученный бременемъ уже изжитаго прошлаго, несетъ въ себѣ зерно лучшаго будущаго, какъ первые всходы этого благодатнаго посѣва обличаютъ безобразіе плевелъ прошлаго, какъ стремится человѣкъ исторгнуть ихъ изъ своего духа—и не можетъ, и гибнетъ, самой гибелью своей свидѣтельствуя о мертвенности царящей еще пока изжитости и о единой животворности грядущей, еще невидимой, но уже предчувствуемой правды, которой алчетъ душа и безъ которой жить не можетъ. И эта правда,

открывшаяся художнику, оказывается совсѣмъ не тамъ, гдѣ ее видѣлъ суровый моралистъ-схематикъ.

Какія-то тонкія, не сразу замѣчаемыя нити частично связываютъ повѣсть „Дьяволъ“ съ „Живымъ трупомъ“. Я вижу ихъ въ постановкѣ столь мучительнаго для Толстого вопроса о семьѣ въ „средне-высшемъ“ кругѣ. Неистинность, недостаточная внутренняя обоснованность связи, положенной въ основу этой семьи, заставляетъ Ѳедю Протасова бѣжать отъ жены; но какъ разъ фигура Лизы и интимная физіономія Ѳединой семьи остались въ „Живомъ трупѣ“ недорисованными, и намъ приходилось косвеннымъ путемъ догадываться, досказывать то, чего не досказалъ авторъ. Зато Лиза въ „Дьяволѣ“ и созданная ею семья даны со всею выпуклостью и конкретностью искусства и анализа Толстого, и я даже склоненъ думать, что Лиза „Живого трупа“, задуманная первоначально авторомъ совершенно въ иныхъ тонахъ, подверглась вліянію Лизы изъ „Дьявола“, когда Толстой сталъ разрабатывать сцены своей драмы. Въ самомъ дѣлѣ, въ первоначальномъ наброскѣ пьесы Толстой такъ характеризовалъ Лизу: „изящно-скромная въ пріемахъ и одеждѣ, 30-лѣтняя женщина,—слабая, нѣжная, впечатлительная и наивная“. Ни одинъ изъ этихъ эпитетовъ неприложимъ къ Лизѣ, которую мы видимъ теперь на сценѣ. Но всѣ ея настроенія и поступки легко укладываются въ психологическія рамки жены Евгенія Иртеньева. Отсутствіе „изюмины“ въ бракѣ Протасовыхъ и сравнительная легкость, съ которою Лиза замѣняетъ одного мужа другимъ, найдутъ естественное объясненіе, если мы представимъ себѣ Лизу Протасову въ образѣ Лизы Иртеньевой.

Дѣйствительно, какъ состоялся бракъ Иртеньевыхъ? „Почему Евгеній выбралъ Лизу Анненскую? Причинъ была пропасть — и положительныхъ, и отрицательныхъ... Главное же было то, что сближеніе съ ней началось въ такой періодъ, когда Евгеній былъ зрѣлъ къ женитьбѣ. Онъ влюбился потому, что зналъ, что женится“. Итакъ, индивидуальность невѣсты, инстинктивная тяга къ этой именно женщинѣ, а не къ какой-либо другой, ощущеніе органической и необходимой связи именно съ нею,—все это не играло роли въ чувствѣ Иртеньева. Нужна жена—вотъ основной импульсъ, основное движущее настроеніе Евгенія, а локализація этого настроенія на данной индивидуальности — дѣло случая и побочныхъ обстоятельствъ. Съ своей стороны и Лиза „еще съ института, съ пятнадцати лѣтъ постоянно влюблялась во *всѣхъ* привлекательныхъ мужчинъ... Вышедши изъ института, она точно такъ же влюблялась во *всѣхъ* молодыхъ мужчинъ, которыхъ встрѣчала, и, разумѣется, влюбилась въ Евгенія, какъ только узнала его“, но „въ эту же зиму и въ одно и тоже время она уже была влюблена въ двухъ молодыхъ людей и краснѣла

и волновалась не только, когда они входили въ комнату, но когда произносили ихъ имя". Лишь ставъ невѣстой Иртеньева, поцѣловавшись съ нимъ, Лиза забыла о всѣхъ другихъ и „вся млѣла и таяла отъ любви къ нему". Очевидно и тутъ локализація Лизиной влюбленности на Евгеніи совершенно случайна, внутренней необходимостью не обоснована. Сдѣлай ей предложеніе другой молодой и привлекательный человѣкъ, поцѣлуйся она съ другимъ—и она точно также стала бы „вся млѣть и таять отъ любви къ нему", къ этому другому. Итакъ, съ одной стороны потребность жениться *вообще*, съ другой стороны такая же потребность выйти замужъ, да еще случайное стеченіе случайныхъ обстоятельствъ—вотъ и всѣ основанія для брака Лизы и Евгенія, основанія, весьма недостаточныя для того, чтобы совершилась великая и истинная тайна сліянія двухъ въ плоть едину. Это совсѣмъ не та устойчивая, неизмѣнная любовь, при которой

Душа вскрывается до дна,
Яснѣетъ въ ней святая глубина,
Гдѣ все единственно и неслучайно.

Тутъ все случайно, все поверхностно, не задѣваетъ глубины, даже не подозрѣваетъ ея, а въ этой-то глубинѣ и могутъ оказаться дѣйствительно „святыя" начала, которыя, рано или поздно проснувшись, заявятъ свои непререкаемыя права и отомстятъ за ихъ нарушеніе безпощадной трагедіей.

Начавшись неглубоко, безъ истинной связи, брачная жизнь Иртеньевыхъ и дальше строится не на истинной, нерасторжимой близости двухъ личностей, а на житейскомъ опутываніи, хитренькомъ, лукавомъ, подкупающемъ внѣшней ласковостью, заботливостью и скрывающемъ подъ собою отсутствіе настоящей духовной и тѣлесной сліянности. Это не два тѣла и двѣ души, которыя, раскрываясь свободно и привольно, каждая по своему, звучали бы стройнымъ, согласнымъ аккордомъ. Это двѣ несогласованныя индивидуальности, которыя должны какъ-то подлаживаться другъ подъ друга, чѣмъ-то подкупать другъ друга, дѣлать уступки въ одномъ, чтобы заработать барышъ на другомъ,—какой-то невысказанный, даже несознанный контрактъ, но именно контрактъ, а не бракъ, дипломатическій договоръ, который легко можетъ смѣниться войною. „Изюмины" нѣтъ: „умиленія, восторговъ влюбленныхъ не выходило, или выходило очень слабо", а они такъ нужны были Евгенію, не менѣе, чѣмъ Ѳедѣ, и онъ, бѣдный, даже „старался ихъ устраивать"!.. И Евгеній въ этомъ пунктѣ уступаетъ и нѣкоторое время даже не замѣчаетъ, что его индивидуальность не можетъ искренно пойти на эту уступку, не подозрѣваетъ, что рано или поздно неудовлетворенная потребность проснется и безапелляціонно разорветъ въ клочки неписанную конституцію его

семейной жизни. Лиза, конечно, тоже не сознаетъ рокового значенія этого первичнаго несоотвѣтствія между нею и мужемъ, но гдѣ-то въ безсознательной глубинѣ ея души живетъ тревога, какое-то смутное опасеніе, что мужъ непрочно съ нею скованъ, что какая-то другая женщина можетъ дать ему то, чего не можетъ дать жена, и тогда Евгеній будетъ для нея утраченъ. Вотъ непонятный для Лизы смыслъ ея ревности, „которую она сдерживала, не показывала, но отъ которой она часто страдала". Неспособная на настоящую сліянность, Лиза подкупаетъ мужа рабьей приверженностью къ нему, рабьей заботливостью объ его удобствѣ и удовольствіи. Она не дѣлаетъ никакого самостоятельнаго вклада въ ихъ союзъ; „всѣ ея силы душевныя всегда были направлены на то, чтобы узнать, угадать то, что онъ любитъ, и потомъ дѣлать это самое, что бы это ни было и какъ бы трудно это ни было". Въ этомъ отношеніи Лиза достигаетъ высшей виртуозности и умѣетъ создать вокругъ мужа такую атмосферу, въ которой ему весело, пріятно и легко живется. Но вѣдь это все—либо внѣшность, либо поверхностность; это—будничный бытъ, а не „святая глубина" индивидуальности. Это то, что опутываетъ человѣка тысячей мелкихъ нитей и привычекъ, приковываетъ его къ повседневному удобству, развращаетъ въ томъ смыслѣ, что это удобство получаетъ надъ нимъ большую власть и заставляетъ забывать объ истинно важныхъ и истинно нужныхъ вещахъ. Въ концѣ концовъ, сдѣлавъ себя рабой мужа, Лиза дѣлаетъ его самого своимъ рабомъ, и, если остаются еще въ его душѣ свободолюбивые порывы къ чему-то большому, небудничному, настоящему, то уже безкрылы эти порывы и могутъ отлиться только въ форму безсильнаго брюжжанья. Но бываетъ и иначе. Истинная натура можетъ проснуться въ Евгеніи тогда, когда еще не окончательно опутала и обезсилила его паутина повседневности,—и тогда кропотливая работа трудолюбиваго паука разрывается въ клочки.

Нѣчто подобное происходитъ въ семьѣ Иртеньевыхъ, съ тою только разницей, что форма, въ которой Евгеній ощутилъ неистинность своего брака, оказалась ужасной и недопустимой не только съ точки зрѣнія Лизы, но и по всему складу воззрѣній самого Евгенія. Онъ искренно и глубоко усвоилъ принципъ святости брака, но та самая среда, которая внушила ему этотъ принципъ, не съумѣла объяснить ему, что̀ такое бракъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ привила ему рядъ совершенно ложныхъ и непримиримыхъ съ ученіемъ объ истинномъ бракѣ воззрѣній на сближеніе между мужчинами и женщинами вообще. Подавляющее большинство людей превосходно уживается съ этой путаницей понятій и, не имѣя рѣзко очерченной индивидуальности, внутренняго ощущенія правды и лжи, преудобно укладывается въ рамки

вопіющихъ, хотя и общепризнанныхъ, компромиссовъ. Но Евгеній—натура открытая, честная, прямая. То, что по личностямъ менѣе чуткимъ скользитъ, оставляя въ крайнемъ случаѣ лишь легко заживающія царапинки, то ранитъ его глубоко и неисцѣлимо, и потому именно ему трагедіей своей судьбы суждено обличить ложность ходячей правды и утвердить необходимость иной истины, болѣе согласованной съ настоящей природой человѣка. Гибель Евгенія свидѣтельствуетъ, что обычное пониманіе чистоты и разврата, воспринятое и имъ, повергаетъ человѣка, и притомъ дѣйствительно хорошаго, честнаго человѣка, въ неразрѣшимую коллизію и что, слѣдовательно, необходимо искать въ этой области новыхъ путей. Толстой-художникъ насъ учитъ, что пути эти лежатъ не на старой тропѣ ужаса передъ тѣломъ, какъ передъ орудіемъ Діавола, а идутъ черезъ признаніе неразрывной связи тѣла съ духомъ, которые должны дружно стремиться къ полнотѣ свободнаго, внутренне-обоснованнаго самоопредѣленія цѣлокупной личности. Если Отецъ Лжи въ самомъ дѣлѣ когда-нибудь искусилъ Евгенія Иртеньева, то именно толкнувъ его на бракъ съ Лизой, подмѣнивъ истинную влюбленность лживымъ миражемъ. Недаромъ Толстой съ такой нескрываемой антипатіей, иной разъ даже съ презрѣніемъ говоритъ о Лизѣ, объ ея длинной фигурѣ, о желтизнѣ ея лица, подчеркиваетъ что-то надуманное и искусственное въ отношеніяхъ между нею и Евгеніемъ, и наоборотъ,—находитъ теплые, яркіе тона для описанія Степаниды и „веселой, беззаботной любви“ ея съ Иртеньевымъ.

Но еще болѣе, чѣмъ психологической правдивостью и значительностью, блещетъ „Дьяволъ“ художественнымъ совершенствомъ. Архитектура повѣсти необычайно проста и, такъ сказать, кристалльно прозрачна. Нѣтъ не только ни одной сцены, но и ни одной строчки, которая задерживала бы развитіе дѣйствія или отводила бы вниманіе въ сторону. Каждое слово на мѣстѣ, каждая мелочь необходима для полноты картины. Та же печать простоты, ясности и какой-то небывалой полновѣсности лежитъ и на языкѣ Толстого. Ни отвлеченныхъ, алгебраическихъ знаковъ, ни туманныхъ символовъ не знаетъ лексиконъ этой повѣсти. Конкретные, живые, четкіе образы рождаетъ въ мозгу читателя каждая фраза, заставляя видѣть людей ли, природу ли именно такъ, какъ видѣлъ ихъ авторъ, непосредственно передавая психическія переживанія дѣйствующихъ лицъ въ животрепещущей полнотѣ ихъ индивидуальной окраски. Если, вслѣдъ за Толстымъ, признать заразительность искусства основнымъ его признакомъ, то „Дьяволъ“ будетъ какъ разъ образцомъ настоящаго, большого искусства. Съ этой стороны слѣдовало бы языкъ и вообще художественную технику послѣднихъ произведеній Толстого подвергнуть спеціальному

обслѣдованію. Въ нихъ сказывается не только классическое мастерство, вообще присущее Толстому, но, какъ кажется, въ самый расцвѣтъ своего прежняго творчества великій писатель не достигалъ той сконцентрированности, простоты и яркости стиля, какихъ достигъ въ послѣдній періодъ. И, среди туманной расплывчатости и немощной напряженности языка и стиля, господствующихъ въ современной литературѣ, посмертныя произведенія Толстого не только несутъ отдохновеніе читателю, но и послужатъ отличной школой для писателей, если только они смогутъ съ вѣрою и любовью откликнуться на могучій художественный подвигъ этого гиганта нашего искусства.

Взгляните, напримѣръ, съ этой точки зрѣнія на большую, неоконченную, повидимому, повѣсть: „Фальшивый купонъ". Передъ вами десятки фигуръ, захватывающихъ всѣ слои русскаго народа, начиная отъ министровъ и кончая золоторотцами. Тутъ и чиновники, и помѣщики, и духовенство, и крестьяне, и ломовые извозчики, и палачи, и конокрады, и каторжане, и сектанты, и революціонеры, и т. д. И посмотрите, съ какой энергіей и совершенствомъ очерчена каждая фигура, иногда въ нѣсколькихъ словахъ, съ какой легкостью и свободой всѣ онѣ служатъ для раскрытія основной идеи повѣсти, во время выступая на сцену и во время сходя съ нея и успѣвъ за краткія, какъ будто отрывочныя свои появленія съ одинаковой полнотой выявить каждая свою природу и сыграть свою роль въ общемъ построеніи, при чемъ эти двѣ задачи не мѣшаютъ одна другой, а сливаются въ одно гармоническое цѣлое: то самое, что нужно для выясненія идеи, нужно и для выясненія типа, въ совершенно одинаковой степени. Но тутъ я долженъ оговориться: идейное содержаніе „Фальшиваго купона" воспринимается не съ равной силой убѣдительности на всемъ протяженіи повѣсти. Построеніе распадается на двѣ части: грѣхопаденіе и искупленіе. Въ первой части зло, зародившееся въ видѣ ничтожной крупицы въ одной точкѣ жизни, съ стремительной быстротой и ужасающимъ наростаніемъ силы распространяется по жизни, захватывая, заражая и губя одного человѣка за другимъ. Но въ концѣ концовъ эта волна зла сталкивается опять таки въ одной только точкѣ съ крупицею добра, любви, которая оказывается не сломленной, не побѣжденной ураганомъ зла, и эта маленькая, единичная побѣда даетъ толчекъ къ обратному движенію: съ неменьшей стремительностью и мощью добро, любовь и кротость начинаютъ отвоевывать у злобы и насилія одну за другой покоренныя было ими души, и въ конечномъ итогѣ должно было получиться полное возрожденіе всѣхъ, повергнутыхъ первымъ процессомъ въ мракъ духовнаго ослѣпленія. И вотъ, насколько внутренне убѣдительна картина перваго процесса, настолько во второмъ процессѣ, при всей

художественности и правдивости отдѣльныхъ деталей, чувствуется не созерцательно-художественное отраженіе дѣйствительныхъ переживаній автора, а волевое устремленіе его: онъ не видитъ этой побѣды въ жизни или хотя бы въ творческомъ созданіи своего генія, а хочетъ вѣровать въ эту побѣду и не безъ сознательнаго, хотя и благороднаго насилія надъ своимъ творчествомъ старается живописать то, что стало передъ его духовными очами, не какъ фактъ, а только какъ благоговѣйное упованіе.

Ни малѣйшаго намека на какую бы то ни было насильственность или предумышленность нѣтъ въ великолѣпныхъ маленькихъ разсказахъ: „Послѣ бала", „Алеша Горшокъ" и „Что я видѣлъ во снѣ". Это настоящіе перлы художественной правдивости. Восторженныя переживанія влюбленнаго юноши, идеализирующаго не только свою возлюбленную, но и все, что съ нею соприкасается, сталкиваются „послѣ бала" съ жестокой дѣйствительностью, съ ужасной картиной гонянья солдата сквозь строй подъ руководствомъ отца милой дѣвушки, — и любовь, оскорбленная этимъ грубымъ насильничаньемъ, поникла, какъ цвѣтокъ, застигнутый нежданнымъ морозомъ, „пошла на убыль, и такъ и сошла на нѣтъ..." Это взято глубоко вѣрно психологически въ цѣломъ, но еще болѣе совершенны всѣ отдѣльныя части общаго замысла, до самыхъ мельчайшихъ, мелькающихъ черточекъ, до умиленія героя передъ домодѣльными сапогами отца своей возлюбленной. Пять страничекъ умилительной повѣсти о безотвѣтномъ и могучемъ въ своей кротости Алешѣ Горшкѣ поражаютъ почти непонятнымъ богатствомъ необъятнаго содержанія, свободно уложившагося въ эти ничтожные предѣлы. Цѣликомъ даны тутъ самъ Алеша, со всей его біографіей, его отецъ, его хозяинъ купецъ, весь складъ жизни въ домѣ купца, романъ Алеши съ Устиньей, сама Устинья, цѣлое міровоззрѣніе, въ обстановкѣ коего живетъ Алеша, и другое міровоззрѣніе, воплощеніемъ коего является онъ самъ, кажущаяся власть перваго міровоззрѣнія надъ вторымъ и непоколебимая истинность какъ разъ Алешинаго отношенія къ жизни. Попробуйте аналитически раскрыть все, что заключено въ этихъ страничкахъ—и вамъ потребуются цѣлые томы. Но эти томы не будутъ имѣть и сотой доли той убѣдительности, которая есть въ разсказикѣ Толстого, да, кромѣ того, вы тщетно стали бы искать способовъ для выраженія той сути, которая лежитъ въ этомъ разсказѣ и которую дано выразить только геніальному художнику.

Послѣдній разсказъ, „Что я видѣлъ во снѣ" занимаетъ двѣнадцать страницъ, но врядъ ли уступаетъ предыдущему по глубинѣ и обширности содержанія. Опять борьба цѣлыхъ міропониманій, совершающаяся въ душахъ „невольника чести", стараго князя Ш. и его

несчастной дочери. Цѣлый укладъ жизни, изстари устоявшійся, рушится на нашихъ глазахъ подъ наплывомъ глубокихъ потрясеній, вызывающихъ на поверхность души истинную человѣчность, и горячая волна жалости, пониманія чужихъ страданій смываетъ съ сердца кору того жестокаго, формальнаго, злого, что принимается за правду и нравственный долгъ, за устои жизни, но на самомъ дѣлѣ только уродуетъ жизнь и вноситъ въ нее такъ много ненужной, калѣчащей душу боли.

Комедія для народнаго театра: „Отъ ней всѣ качества" написана, несомнѣнно, для иллюстраціи назидательной мысли о вредѣ водки. Но и тутъ геній художника съумѣлъ сочетать заданіе pièce à thèse съ рѣдкостной по жизненности картиной быта и душевныхъ движеній. Художественная техника и въ этомъ, повидимому послѣднемъ произведеніи Толстого (закончено въ іюнѣ 1910 г.) поражаетъ все тѣми же свойствами — мудрой скупостью средствъ, дающей изумительно богатую, полную экспрессію. Не говоря уже о мастерскомъ діалогѣ, обращу вниманіе на характеристики дѣйствующихъ лицъ въ спискѣ въ началѣ пьесы. „Десятскій Тарасъ, 50 лѣтъ, степенный, говоритъ медленно, важничаетъ". „Игнатъ, 40 лѣтъ, балагуръ, веселый, глупый". „Сосѣдъ, 40 лѣтъ, суетливый", и т. д. Ну что еще можно прибавить къ этимъ характеристикамъ? Развѣ не исчерпываются ими эти фигуры во всемъ ихъ внѣшнемъ обликѣ и внутренней сущности? Сейчасъ ищутъ въ искусствѣ большихъ линій и пятенъ, хотятъ, чтобы искусство умѣло извлекать изъ миріадъ признаковъ, какими обладаютъ конкретныя вещи, немногія, характеризующія сущность даннаго явленія или впечатлѣнія, и полагаютъ, что передавъ только эти признаки, эти основныя линіи, достигнутъ наиболѣе интенсивнаго и сконцентрированнаго художественнаго эффекта. Не достигъ ли Толстой въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ этой основной проблемы современныхъ художественныхъ исканій,—онъ, давно уже стоявшій въ сторонѣ отъ мятущейся современности, быть можетъ именно потому, что своимъ геніемъ онъ пророчески предвосхитилъ ея теченіе и ушелъ далеко впередъ по тѣмъ путямъ, по которымъ долго еще будутъ брести, постоянно сбиваясь въ сторону, люди меньшей художественной одаренности. А если это такъ, то, конечно, срокъ нашихъ блужданій можетъ на много сократиться, если мы надлежащимъ образомъ вникнемъ въ наслѣдіе, оставленное намъ „великимъ писателемъ земли русской".

Не могу еще не отмѣтить прекрасныхъ фотографій, приложенныхъ къ первому тому посмертныхъ художественныхъ произведеній Толстого. Особенно замѣчательны снимки Льва Николаевича съ Александрой Львовной и Толстого среди ребятъ на деревенскомъ празд-

никѣ. Вглядитесь въ первой фотографіи въ выраженіе лица Льва Николаевича и въ его руку, лежащую на плечѣ дочери, вчуствуйтесь во второмъ снимкѣ въ эту согнутую старческую спину, въ поворотъ головы и опять-таки въ руку, обнявшую ребенка,—и вы получите какое-то новое знаніе о личности почившаго писателя,—знаніе, трогающее и дѣлающее его какъ-то болѣе близкимъ, роднымъ...

С. Адріановъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Парламентскія рѣчи о марокскомъ соглашеніи.—Разоблаченія относительно опасности европейской войны.—Англійскія дѣла.—Политическій кризисъ въ Персіи.

Марокскій вопросъ имѣлъ странную судьбу: онъ возбудилъ въ Европѣ наибольшую тревогу именно въ тотъ моментъ, когда онъ признанъ окончательно улаженнымъ и переданъ на разсмотрѣніе парламентовъ заинтересованныхъ державъ. Оказалось, во-первыхъ, что опасность войны изъ-за Марокко дѣйствительно угрожала народамъ въ лѣтніе мѣсяцы настоящаго года, вслѣдствіе обострившихся отношеній между Германіею и Англіею, и во-вторыхъ, что вліятельная часть нѣмецкаго общества недовольна миролюбіемъ правительства и сочувствуетъ идеѣ войны.

Засѣданія имперскаго сейма 9—11-го ноября (нов. стиля), посвященныя франко-германской конвенціи относительно Марокко, раскрыли передъ общественнымъ мнѣніемъ нѣкоторыя закулисныя тайны внѣшней политики Германіи. Имперскій канцлеръ, фонъ-Бетманнъ-Голльвегъ, защищалъ достигнутые результаты въ обстоятельной рѣчи, которая была холодно выслушана собраніемъ и не удостоилась даже обычныхъ аплодисментовъ послѣ ея окончанія. Онъ откровенно объяснилъ причины, побудившія статсъ-секретаря по дѣламъ колоній, фонъ-Линдеквиста, выйти въ отставку передъ подписаніемъ соглашенія, и когда онъ приводилъ его скептическіе взгляды на пріобрѣтенія въ области Конго, палата одобрительными возгласами и рукоплесканіями подчеркивала свое согласіе съ доводами ушедшаго статсъ-секретаря. По словамъ канцлера, Германія съ самаго начала стремилась достигнуть чисто-дѣлового соглашенія съ Франціею, безъ участія постороннихъ державъ, путемъ обоюдныхъ уступокъ, и вовсе не имѣла въ виду требовать для себя какую-либо часть территоріи Марокко. Упреки въ слабости, которые высказывались печатью по адресу пра-

вительства, совершенно не соотвѣтствовали обстоятельствамъ. „Во время переговоровъ—продолжалъ ораторъ,—ни съ какой стороны не заявлялось притязаній, несовмѣстныхъ съ честью той или другой изъ участвующихъ державъ, и ни разу не возникало повода къ тому способу дѣйствій, который намъ рекомендовали газеты. Впрочемъ, я вообще не придаю значенія этимъ угрожающимъ жестамъ. Мы живемъ уже не во времена Гомера, когда шумные возгласы и похвальбы составляли необходимую принадлежность каждаго воина. Германія достаточно сильна, чтобы не прибѣгать къ такимъ бутафорскимъ пріемамъ. Германія съумѣетъ взяться за мечъ, когда настанетъ для этого нужный моментъ. Только на этой основѣ возможна иностранная политика".

Бетманнъ-Голльвегъ старался также опровергнуть невѣрныя газетныя свѣдѣнія о роли императора Вильгельма II въ марокскомъ кризисѣ. „Во всѣхъ фазисахъ обсужденія—говорилъ онъ—императоръ требовалъ строгаго проведенія программы, установленной еще въ маѣ текущаго года, въ полномъ убѣжденіи, что всякая политическая мѣра, принимаемая великой державой, можетъ выдвинуть роковой вопросъ о войнѣ или мирѣ, и въ полной готовности заступиться за честь націи съ оружіемъ въ рукахъ. Въ этомъ отношеніи императоръ чувствовалъ себя заодно съ народомъ, который въ продолженіе всего этого времени проникнутъ былъ твердою рѣшимостью защищать противъ всѣхъ свою честь и свои жизненные интересы. Разумѣется само собою, что не было такого момента, когда существовало бы малѣйшее сомнѣніе въ безусловной боевой готовности арміи и флота. Распространявшіеся въ печати слухи, что будто бы въ секретномъ совѣщаніи наша боевая готовность, особенно по морскому вѣдомству, признавалась сомнительною или спорною, не имѣли ничего общаго съ фактами и были просто выдумками". Упомянувъ объ извѣстной рѣчи Ллойда-Джорджа, канцлеръ не отрицалъ произведеннаго ею въ Германіи непріятнаго впечатлѣнія, которое усиливалось тенденціозными комментаріями французской и значительной части англійской печати. Но на политику германскаго правительства эта рѣчь не повліяла и не могла повліять. Мысль о войнѣ для завоеванія южнаго Марокко противорѣчила бы всѣмъ реальнымъ интересамъ и традиціямъ Германіи. „Кто считаетъ задачей Германіи завоеваніе новыхъ подходящихъ земель путемъ войны, тотъ могъ бы съ такимъ-же и, быть можетъ, лучшимъ основаніемъ намѣтить другія земли, кромѣ Марокко, и даже въ предѣлахъ Европы". Подобные фантастическіе планы могли бы только „ослабить международное положеніе имперіи". Въ заключеніе Бетманнъ-Голльвегъ указалъ на важныя политическія послѣдствія состоявшейся миролюбивой сдѣлки съ Франціею.

Во время произнесенія этой рѣчи въ имперскомъ сеймѣ появился въ придворной ложѣ германскій кронпринцъ Фридрихъ-Вильгельмъ, который, къ общему удивленію, сталъ знаками выражать свое неудовольствіе по поводу отдѣльныхъ замѣчаній и выводовъ канцлера; затѣмъ онъ съ явнымъ сочувствіемъ слѣдилъ за объясненіями слѣдующаго оратора, предводителя консервативной партіи, фонъ-Гейдебранда, и подкрѣплялъ его воинственныя фразы кивками головы и ударами руки о барьеръ ложи. По мнѣнію фонъ-Гейдебранда, Германія слишкомъ много уступила Франціи и слишкомъ мало получила взамѣнъ. Она выговорила для себя въ Марокко такія хозяйственныя привилегіи, которыя на практикѣ легко могутъ оказаться фиктивными и притомъ одинаково доступными всѣмъ остальнымъ народамъ. „Гдѣ-же—спрашиваетъ ораторъ—особыя права Германской имперіи послѣ этихъ огромныхъ политическихъ уступокъ? Развѣ мы — только уполномоченные Европы? Неужели мы должны за это приносить особыя жертвы?.. Никакихъ гарантій и ничего окончательнаго мы не видимъ въ заключенномъ договорѣ. Франція чувствуетъ себя очень хорошо при данномъ положеніи. Не уступчивостью мы обезпечимъ себѣ миръ, а только германскимъ мечомъ. Мы должны быть готовы вынуть мечъ въ случаѣ надобности“. Напрасно канцлеръ назвалъ рѣчь Ллойда-Джорджа застольнымъ спичемъ. „Это было заявленіе, сдѣланное послѣ совѣщанія всего министерства и въ такомъ тонѣ, что оно получило для насъ значеніе угрозы, вызова, и притомъ унизительнаго вызова. Это не застольная рѣчь. Нѣмецкій народъ не желаетъ выслушивать подобныя застольныя рѣчи... Нѣмецкій народъ узналъ, гдѣ сидитъ его врагъ. Нѣмецкій народъ знаетъ теперь, кто препятствуетъ ему искать простора въ мірѣ и стремиться занять подобающее мѣсто подъ солнцемъ. Въ такихъ случаяхъ нѣмецкій народъ съумѣетъ дать нѣмецкій отвѣтъ. Тутъ дѣло идетъ о существованіи Германіи... Правящіе имѣютъ право рѣшать, но они имѣютъ къ тому и обязанность, и мы ждемъ отъ нихъ, что они будутъ руководиться чувствомъ чести нѣмецкой націи... Я уполномоченъ отъ имени моихъ политическихъ друзей заявить, что мы готовы, когда страна и наша честь того потребуютъ, принести нужныя жертвы не только кровью, но и имуществомъ. Мы дадимъ, что необходимо будетъ. Пусть возьмутъ, что нужно; мы готовы сдѣлать надлежащіе выводы изъ серьезнаго положенія, но надѣемся, что и правительство вдохновляется тѣми же чувствами... Ничтожна та нація, которая не ставитъ всего на карту для сохраненія своей чести“.

Предводитель консерваторовъ имѣлъ шумный успѣхъ; рѣчь его часто прерывалась одобрительными возгласами и рукоплесканіями. Ему отвѣчалъ Бебель, давшій подобающую оцѣнку патріотическимъ порывамъ

и увѣреніямъ правыхъ. Фонъ-Гейдебрандъ—сказалъ Бебель—говоритъ о своей готовности къ жертвамъ. „Болѣе явной лжи, болѣе грубаго лицемѣрія еще не существовало. Правая и центръ никогда и ни въ чемъ еще не доказали, что они готовы къ жертвамъ. Имперія есть государство богатыхъ. Всего разумнѣе было бы устроить соглашеніе съ Англіею и расширить въ этомъ смыслѣ тройственный союзъ". Бебель оправдывалъ сдержанную политику канцлера, но соглашался съ фонъ-Линдеквистомъ, что пріобрѣтенія въ Конго ничего не стоютъ.

Пока говорилъ вождь нѣмецкой соціалъ-демократіи, кронпринцъ обнаруживалъ нетерпѣніе, демонстративно зѣвалъ, качалъ головой и смѣялся; наконецъ онъ покинулъ залъ засѣданія. Длинную рѣчь произнесъ еще Бассерманъ, глава націоналъ-либераловъ; онъ въ болѣе мягкой и вялой формѣ повторилъ доводы и призывы консервативныхъ патріотовъ. „Мы съ гордыми кораблями пошли въ Агадиръ—заявилъ онъ, между прочимъ,—и взрывъ восторга раздался по всей Германіи, когда этотъ актъ совершился; а теперь мы стоимъ предъ пораженіемъ, которое подтверждается общимъ голосомъ нѣмецкой печати и признается всѣми нѣмецкими партіями... Наши взоры невольно обращаются на армію и флотъ. Мы убѣждены, что наши вооруженныя силы находятся въ полной боевой готовности и что въ каждую данную минуту онѣ могутъ быть пущены въ дѣло. Въ испытанныхъ неудачахъ мы видимъ одно утѣшеніе: въ эти мѣсяцы сразу во всей Германіи проявилось сильное національное чувство и наглядно обнаружилась боевая готовность, при которой каждый въ отдѣльности, когда понадобится, пожертвуетъ своею кровью и имуществомъ за нѣмецкую націю и нѣмецкое отечество. Пусть и за границею примутъ это во вниманіе. Пусть знаютъ, что мы не позволимъ задѣть наше національное достоинство, и что Германія поднимется какъ одинъ человѣкъ, когда нужно будетъ оружіемъ защищать нѣмецкую честь".

Дальнѣйшія пренія представляли уже меньше интереса. Въ засѣданіи 10-го ноября свободомыслящій депутатъ Вимеръ отмѣтилъ странность того факта, что „наслѣдникъ короны открыто, съ трибуны имперскаго сейма, демонстрировалъ противъ политики отвѣтственнаго имперскаго канцлера". По этому поводу антисемитъ Латтманъ высказалъ мнѣніе, что кронпринцъ присутствовалъ въ палатѣ, какъ всякій другой посѣтитель, и воздерживался отъ громкаго выраженія своихъ чувствъ; въ противномъ случаѣ президентъ сдѣлалъ бы ему замѣчаніе,—выражать же мимикою свое настроеніе не запрещается никому изъ публики. Бетманнъ-Голльвегъ подробно возражалъ на рѣчи Гейдебранда и Бассермана, но по существу не прибавилъ ничего новаго къ своимъ прежнимъ объясненіямъ. По его словамъ, воинственныя фразы консервативнаго оратора имѣютъ несомнѣнную связь съ заботою о пред-

стоящихъ парламентскихъ выборахъ: дѣло идетъ лишь о привлеченіи симпатій избирателей, при помощи искусственно возбуждаемой въ народѣ патріотической тревоги. Депутатъ фонъ-Гейдебрандъ съ своей стороны протестовалъ противъ такого толкованія, направленнаго къ ограниченію свободы мнѣній и критики въ парламентѣ.

На третій день, 11-го ноября, выступали главнымъ образомъ представители передовой оппозиціи. Баденскій соціалъ-демократъ Франкъ коснулся нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ, вытекающихъ изъ поведенія „гусарскаго полковника", которому суждено въ будущемъ сдѣлаться императоромъ. „Отъ случая зависитъ,—сказалъ онъ, между прочимъ,— что мы не находимся въ войнѣ съ Франціею. Всѣми силами нужно стремиться къ тому, чтобы демократическое преобразованіе Германіи завершилось къ моменту вступленія кронпринца на престолъ. Въ рукахъ одного человѣка не должна быть сосредоточена сверхчеловѣческая власть и отвѣтственность. Большинство народа твердо желаетъ, чтобы внутреннее положеніе измѣнилось въ Германіи". Вюртембергскій демократъ Гауссманъ осуждалъ неумѣстное „бряцаніе оружіемъ" послѣ того какъ достигнуто мирное соглашеніе. Бебель высмѣивалъ жалобы на то, что Англія не даетъ желательнаго простора нѣмцамъ и мѣшаетъ имъ свободно развивать свою промышленность и торговлю. Въ дѣйствительности Англія — единственная держава, допускающая въ свои предѣлы нѣмецкіе товары безъ охранительныхъ пошлинъ. Нѣмцы могутъ сбывать свои продукты и издѣлія въ Англіи безъ всякахъ стѣсненій, тогда какъ британскіе товары облагаются высокими тарифными платежами при ввозѣ въ Германію. Оттого нѣмцы ввозятъ въ Англію гораздо больше товаровъ, чѣмъ англичане— въ Германскую имперію. Такъ, въ 1910-мъ году, по оффиціальнымъ даннымъ, привозъ въ Германію изъ Англіи составлялъ 766½ милліоновъ марокъ, а нѣмецкій вывозъ въ Англію доходилъ до 1.102 милліоновъ; слѣдовательно, превышеніе вывоза надъ привозомъ опредѣлялось въ 366½ милліоновъ марокъ. Такъ же точно и обширныя британскія колоніи открыты для продуктовъ германской промышленности. Англія имѣетъ, конечно, право оградить себя отъ широкой нѣмецкой конкурренціи покровительственными пошлинами, подобно тому, какъ это дѣлаетъ Германія относительно британскихъ товаровъ; но справедливо ли со стороны нѣмцевъ нападать на притѣсненія Англіи, пока она держится системы „свободныхъ дверей" для внѣшней торговли? Что скажутъ нѣмецкіе патріоты, когда Англія послѣдуетъ, наконецъ, примѣру Германіи и другихъ державъ и введетъ у себя высокій охранительный тарифъ для германскихъ и прочихъ иноземныхъ товаровъ? Бебель закончилъ свою рѣчь опроверженіемъ той мысли, что нѣмецкая соціалъ-демократія стоитъ будто бы за массовую

забастовку въ случаѣ объявленія войны. Послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній другихъ ораторовъ имперскій сеймъ постановилъ передать марокккскій договоръ, съ относящимися къ нему приложеніями, въ бюджетную коммиссію.

Фактическая исторія марокккскихъ переговоровъ была весьма неполно изложена въ засѣданіи коммиссіи, 17-го ноября, статсъ-секретаремъ Кидерленъ-Вехтеромъ. Изъ этого изложенія можно видѣть, что германское правительство съ самаго начала существенно расходилось съ Англіею во взглядахъ на спорный вопросъ и имѣло въ виду дѣйствовать самостоятельно, не считаясь съ воззрѣніями другихъ заинтересованныхъ державъ. При отправленіи военнаго судна въ Агадиръ иностраннымъ кабинетамъ, и въ томъ числѣ лондонскому, было сообщено, что мѣра эта принята для защиты германскихъ подданныхъ въ южной части Марокко и вмѣстѣ съ тѣмъ для открытія отдѣльныхъ переговоровъ съ Франціею, въ виду нарушенія ею алжесирасской конвенціи. По мнѣнію Кидерленъ-Вехтера, не было другого способа, чтобы побудить французовъ вступить въ переговоры, такъ какъ фактически Франція все болѣе укрѣпляла и распространяла свою власть надъ Марокко, и Германіи пришлось бы обратиться къ ней съ ультиматумомъ, который могъ бы привести къ войнѣ. Германское сообщеніе было принято Англіею къ свѣдѣнію, безъ всякихъ, будто бы, возраженій, и только три недѣли спустя, подъ очевиднымъ вліяніемъ враждебныхъ отзывовъ французскихъ и многихъ англійскихъ газетъ, британскій министръ иностранныхъ дѣлъ, сэръ Эдуардъ Грей, высказывалъ свои опасенія относительно послѣдствій пребыванія германскаго судна въ Агадирской гавани, закрытой для иностранныхъ военныхъ кораблей. Германскій посолъ въ Лондонѣ далъ нѣкоторыя успокоительныя объясненія, но въ то же время энергически отстаивалъ право Германіи требовать компенсаціи за Марокко. Кидерленъ-Вехтеръ обвиняетъ правительства Франціи и Англіи въ допущеніи и поощреніи несправедливой и шовинистской газетной кампаніи противъ Германіи. Несмотря на то, что берлинскій кабинетъ отвергалъ приписываемое ему намѣреніе занять Агадиръ или какіе-либо другіе пункты южнаго Марокко, прежнія подозрѣнія упорно поддерживались въ англійской печати и послужили матеріаломъ для памятной рѣчи Ллойда-Джорджа. Эта рѣчь имѣла, будто бы, рѣзко вызывающій и угрожающій характеръ; она возбудила большое волненіе въ Германіи и могла еще сильнѣе разстроить взаимныя отношенія, которыя и безъ того были уже довольно натянуты. Вскорѣ, однако, съ обѣихъ сторонъ настало замѣтное успокоеніе, и франко-германскіе переговоры могли продолжаться безъ задержки.

Значительныя поправки и дополненія къ изложенію Кидерленъ-

Вехтера сдѣланы британскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ его замѣчательно объективной по тону и исчерпывающей по содержанію рѣчи, произнесенной 27-го ноября въ палатѣ общинъ. Германскій статсъ-секретарь пропустилъ въ своемъ обзорѣ одинъ чрезвычайно важный фактъ: что на слѣдующій же день послѣ германскаго сообщенія объ Агадирѣ сэръ Эдуардъ Грей указалъ германскому послу на серьезность положенія и затѣмъ, 4-го іюля, увѣдомилъ его о результатѣ кабинетскаго совѣщанія по этому поводу. Британское правительство съ полною ясностью установило тогда же свою точку зрѣнія: оно не могло отнестись равнодушно къ дѣйствіямъ Германіи и должно было имѣть въ виду свои договорныя обязательства по отношенію къ Франціи, а также національные интересы самой Англіи въ Марокко; появленіе германскаго судна въ Агадирѣ создало новое положеніе, и при дальнѣйшемъ ходѣ событій британскіе интересы могутъ быть болѣе непосредственно затронуты, чѣмъ до сихъ поръ; поэтому Англія не будетъ признавать никакихъ новыхъ соглашеній, которыя состоятся безъ ея участія. Сэръ Эдуардъ Грей пояснилъ германскому послу, что переданное имъ отъ имени кабинета сообщеніе въ точности выражаетъ мысль и волю британскаго правительства. Между тѣмъ, на это сообщеніе не было получено никакого отвѣта, хотя оно имѣло рѣшающую силу для всей политической постановки марокскаго вопроса; какъ видимъ, оно даже замалчивается Кидерленъ-Вехтеромъ при обзорѣ главныхъ моментовъ кризиса. Лондонскій кабинетъ оставался въ совершенной неизвѣстности насчетъ плановъ Германіи и долженъ былъ довольствоваться тѣми частными или оффиціозными свѣдѣніями, которыя проникали въ печать. Только семнадцать дней спустя, 21-го іюля, британскій посолъ въ Берлинѣ имѣлъ случай говорить съ Кидерленъ-Вехтеромъ и получилъ отъ него краткій отрицательный отвѣтъ на вопросъ объ устраненіи Англіи отъ участія въ переговорахъ, касающихся Марокко. Въ то же время сэръ Эдуардъ Грей вновь далъ понять германскому послу, что Англія считаетъ себя близко заинтересованною въ марокскомъ кризисѣ и не можетъ примириться съ тѣми односторонними проектами, которые приписываются Германіи и поддерживаются нѣмецкою печатью; между прочимъ, онъ признавалъ опаснымъ предъявленіе съ германской стороны такихъ преувеличенныхъ требованій, которыя не могли бы быть приняты Франціею; онъ указывалъ также на крайнее неудобство дальнѣйшаго оставленія германскаго военнаго судна въ Агадирѣ, ибо для соотвѣтственной охраны британскихъ интересовъ Англія можетъ быть вынуждена послать и свои корабли въ марокскія воды. Германскій посолъ не имѣлъ возможности представить сэру Эдуарду Грею какія-либо объясненія и старался лишь отъ себя лично увѣрить его, что

британскіе интересы ничѣмъ не нарушены, и что его правительство не имѣетъ намѣренія создать торговыя или иныя монополіи въ Марокко; но онъ не могъ ничего сказать противъ того, что занятіе закрытой гавани Агадира само по себѣ устанавливаетъ монополію для Германіи въ данной мѣстности. Чтобы не оставить мѣста сомнѣніямъ относительно чувствъ и намѣреній Англіи, кабинетъ поручилъ одному изъ своихъ выдающихся членовъ, канцлеру казначейства, коснуться внѣшней политики въ публичной рѣчи, и это было исполнено Ллойдомъ-Джорджемъ съ обычнымъ успѣхомъ. Ллойдъ-Джорджъ не упоминалъ вовсе ни о Германіи, ни о Марокко, а говорилъ вообще о томъ, что съ Англіею необходимо считаться, когда затронуты британскіе интересы, и что она перестала бы существовать какъ великая держава, еслибы позволено было оставлять ее безъ вниманія при обсужденіи интересующихъ ее международныхъ вопросовъ. Черезъ нѣсколько дней германское дипломатическое вѣдомство сообщило британскому министру свои рѣзко формулированныя возраженія противъ рѣчи Ллойда-Джорджа, причемъ ссылалось не столько на ея содержаніе, сколько на произведенное ею впечатлѣніе въ нѣмецкой печати. Сэръ Эдуардъ Грей замѣтилъ германскому послу, что напоминаніе о правѣ Англіи на голосъ и роль великой державы было, очевидно, необходимо, если оно могло удивить общественное мнѣніе Германіи. Отъ имени берлинскаго кабинета было заявлено, что послѣ рѣчи канцлера казначейства онъ считаетъ ниже своего достоинства дать какія-либо объясненія о томъ, что происходитъ въ Агадирѣ; британскій министръ съ своей стороны нашелъ, что тонъ германскаго сообщенія дѣлаетъ несовмѣстнымъ съ достоинствомъ Англіи пускаться въ какія-либо объясненія по поводу рѣчи канцлера казначейства. Частнымъ образомъ были, впрочемъ, переданы сэру Эдуарду Грею успокоительныя свѣдѣнія объ Агадирѣ, и наконецъ 27-го іюля германскій посолъ доставилъ ему ноту, въ которой взгляды и намѣренія Германіи впервые изложены въ дружественномъ и корректномъ тонѣ, какъ по отношенію къ Франціи, такъ и относительно Англіи. Съ этого момента напряженное состояніе политической атмосферы исчезло; вечеромъ того же дня премьеръ Асквитъ имѣлъ возможность успокоить общественное мнѣніе своею краткою рѣчью въ парламентѣ, и съ тѣхъ поръ не возникало уже никакихъ затрудненій между правительствами Англіи и Германіи.

Читая эти простые отчеты о благополучно разрѣшившемся англо-германскомъ конфликтѣ, мы прежде всего поражаемся ничтожествомъ тѣхъ причинъ, отъ которыхъ зависятъ мирныя или враждебныя отношенія между великими культурными государствами при современныхъ условіяхъ дипломатической дѣятельности. Въ сущности никакихъ причинъ для серьезнаго разлада въ данномъ случаѣ не было. Еслибы

германская дипломатія считала совмѣстимымъ съ своимъ достоинствомъ откровенно объясниться съ Англіею о мотивахъ и цѣляхъ посылки военнаго судна въ Агадиръ, и еслибы она не хранила загадочнаго молчанія на неоднократные запросы лондонскаго кабинета, то не было бы матеріала ни для раздраженія печати, ни для подозрѣній и опасеній заинтересованныхъ кабинетовъ. Грубоватые, безпричинно-рѣзкіе пріемы берлинской дипломатіи вызывали соотвѣтственное настроеніе въ Англіи, и съ обѣихъ сторонъ создавалась почва для тягостныхъ пререканій, которыя могли окончиться разрывомъ. Тучи тотчасъ же разсѣялись, когда дипломатическіе представители Германіи заговорили съ Англіею по человѣчески и удостоили ее подробнымъ и вѣжливымъ объясненіемъ, безъ ущерба для своего достоинства. Рѣчи вліятельныхъ ораторовъ въ германскомъ парламентѣ показываютъ, что ничѣмъ не оправдываемая грубость, сопровождаемая угрозами „могучимъ и острымъ мечомъ", признается еще многими обязательною для поддержанія внѣшняго престижа, и что всегда найдутся парламентскіе патріоты, готовые жертвовать кровью и достояніемъ народа для борьбы съ чужими націями, подъ предлогомъ мнимыхъ обидъ, причиненныхъ чести и достоинству страны.

Кто обидѣлъ Германію въ Марокко или въ другомъ мѣстѣ? Чѣмъ нарушили ея интересы англичане? Кто осмѣлился задѣть достоинство и честь Германской имперіи? Сами нѣмцы, находясь въ спокойномъ состояніи, не могли бы дать на эти вопросы положительные отвѣты. Можно бы спросить, наоборотъ: выказала ли Германія подобающее уваженіе къ равноправнымъ съ нею державамъ, направивъ свое военное судно въ интересующую ихъ область, въ видѣ угрозы или гарантіи? Имѣла ли она основаніе обращаться къ Франціи и Англіи въ недовѣрчивомъ и пренебрежительномъ тонѣ, не отвѣчая на ихъ недоумѣнія и запросы, а потомъ негодовать по поводу непріязненныхъ разсужденій ихъ прессы? Кидерленъ-Вехтеръ даже оффиціально жаловался на французскія и англійскія газеты, враждебно отзывавшіяся о германской политикѣ, не замѣчая, какъ будто, что нѣмецкая патріотическая печать систематически, безъ всякихъ стѣсненій, нападаетъ на Францію и Англію.

Чувствуется, что какіе-то вліятельные элементы германскаго общества заинтересованы въ возбужденіи воинственныхъ инстинктовъ, могущихъ привести къ войнѣ. Особенно поучителенъ тотъ фактъ, что съ этими элементами признаетъ себя солидарнымъ будущій правитель Германской имперіи. Тоже самое наблюдается и въ сосѣдней съ нею монархіи Габсбурговъ, гдѣ наслѣдникъ престола Францъ-Фердинандъ считается главою военной партіи, стремящейся къ болѣе рѣшительной и смѣлой внѣшней политикѣ, независимой отъ суще-

ствующихъ союзныхъ связей и обязательствъ. Воинственный патріотизмъ—самая доступная и популярная форма общественнаго возбужденія, наиболѣе свойственная молодымъ представителямъ арміи.

Въ политической жизни Англіи произошла маленькая перемѣна, не представляющая крупнаго общаго интереса, но тѣмъ не менѣе любопытная: оффиціальный вождь консервативно-уніонистской партіи, Бальфуръ, племянникъ лорда Сольсбери по матери, аристократъ въ душѣ, тонко-образованный діалектикъ, авторъ изящныхъ, хотя и не глубокихъ философскихъ этюдовъ, отказался, въ началѣ ноября, отъ своего поста, который онъ съ честью занималъ около двадцати лѣтъ, и вмѣсто него избранъ главою партіи крупный коммерсантъ, бывшій торговецъ желѣзомъ въ Гласго, Бонаръ Лау, членъ парламента съ 1900-го года, ловкій парламентскій „дебатеръ" по экономическимъ вопросамъ, выдвинувшійся при обсужденіи тарифной реформы. Бальфуръ оправдывалъ свое рѣшеніе ссылкою на неизбѣжную старость и необходимость болѣе свѣжихъ силъ для успѣшной борьбы съ противниками; въ дѣйствительности онъ видѣлъ предъ собою рядъ трудныхъ и сложныхъ задачъ, требующихъ отъ отвѣтственнаго „лидера" такихъ боевыхъ качествъ, которыхъ у него никогда не было.

На очереди стоятъ крупнѣйшіе вопросы современной британской политики: проектъ ирландской автономіи, расширеніе избирательнаго права, реформа таможенной системы въ духѣ протекціонизма и дальнѣйшія попытки соціальнаго законодательства, начатаго Ллойдъ-Джорджемъ. Бальфуръ не чувствуетъ себя достаточно сильнымъ и компетентнымъ въ области этихъ вопросовъ и задачъ; быть можетъ, онъ сознаетъ безнадежность противодѣйствія реформамъ, имѣющимъ за себя народныя массы и ожидающимъ своего неизбѣжнаго осуществленія. Съ уходомъ Бальфура удаляется со сцены старый типъ консервативнаго вождя, убѣжденнаго защитника привилегій высшихъ классовъ,—и на смѣну ему выдвигаются новые люди, промышленные дѣятели, свободные отъ сословныхъ предразсудковъ, демократы по натурѣ, охранители по интересамъ и стремленіямъ. Бонаръ Лау былъ выбранъ только потому, что болѣе популярные кандидаты, Остинъ Чемберлэнъ и Вальтеръ Лонгъ, раздѣлили между собою голоса уніонистской партіи, а единогласное избраніе считается обязательнымъ для того, чтобы намѣченный вождь пользовался надлежащимъ авторитетомъ въ странѣ и парламентѣ.

Персія находится теперь въ крайне тяжеломъ и запутанномъ состояніи. Внутренняя анархія осложняется внѣшними столкновеніями, которыхъ старательно избѣгало бы всякое разумное правительство; но персидскаго правительства фактически не существуетъ, или оно слишкомъ безсильно при данныхъ обстоятельствахъ. Выборный парламентъ — меджилисъ—не обладаетъ реальною властью и состоитъ изъ разрозненныхъ, враждующихъ между собою группъ, неспособныхъ послужить ядромъ для образованія прочнаго большинства.

Въ составѣ руководителей персидской администраціи существовало, кажется, только одно лицо, достаточно авторитетное и независимое — американскій гражданинъ, приглашенный на должность финансоваго совѣтника, завѣдывающаго казначейскою частью и таможенными сборами: Шустеръ Морганъ. Съ другой стороны, существуютъ въ Персіи двѣ самостоятельныя силы, подъ защиту которыхъ часто прибѣгаютъ борющіяся и преслѣдуемыя туземныя партіи, какъ и отдѣльныя личности: это—посольства двухъ могущественныхъ державъ, Англіи и Россіи. Обѣ державы, не только по географическому положенію, но и по многочисленнымъ и крупнымъ матеріальнымъ интересамъ ближайшимъ образомъ заинтересованы въ судьбахъ персидскаго государства. Притомъ русскіе интересы въ Персіи гораздо значительнѣе и крупнѣе британскихъ. Три четверти персидской внѣшней торговли находится въ русскихъ рукахъ; привозъ товаровъ изъ Россіи въ Персію составлялъ въ 1907-мъ году 28.264.000 р., вывозъ изъ Персіи въ Россію—25.314.000 р.; одного сахару вывозится изъ Россіи на $11^1/_2$ милліоновъ рублей въ годъ, бумажныхъ тканей — на $8^1/_2$ мил. р. На русскіе капиталы, при участіи государственнаго казначейства, основанъ учетно-ссудный банкъ въ Тегеранѣ; многіе десятки милліоновъ потрачены Россіей на разныя предпріятія и сооруженія, желѣзнодорожныя и иныя, въ предѣлахъ Персіи. Англо-русскимъ соглашеніемъ 7-го сентября 1907-го года признано право Россіи на преимущественное преобладаніе въ сѣверной части страны; это право подтверждено и Германіею, въ потсдамской конвенціи, подписанной въ августѣ настоящаго года. До послѣднихъ лѣтъ и военныя силы Персіи находились отчасти въ завѣдываніи русскихъ офицеровъ. При такихъ условіяхъ неудивительно, что и русское посольство привыкло дѣйствовать и распоряжаться въ Персіи довольно свободно. Одно время Россія пользовалась популярностью въ мѣстномъ населеніи; но оффиціальные представители ея, по обыкновенію, постарались оттолкнуть отъ себя народныя симпатіи и продолжаютъ до сихъ поръ усердно заниматься этимъ нехорошимъ дѣломъ. Подвиги казачьей бригады и ея русскихъ начальниковъ при разгромѣ меджилиса, двусмысленная роль нѣкоторыхъ русскихъ вла-

стей при организаціи возвращенія бывшаго шаха, съ грабительскими отрядами курдовъ и туркменъ, безтактныя мѣры нѣкоторыхъ дипломатовъ и ихъ агентовъ — все это постепенно подорвало довѣріе и уваженіе къ Россіи. Подъ прикрытіемъ заботъ о русскомъ престижѣ нашимъ дѣятелямъ удалось сдѣлать русское имя ненавистнымъ для персовъ; поэтому даже въ тѣхъ случаяхъ, когда Россія формально права, противъ нея рѣшительно высказываются персидскіе патріоты.

Въ послѣдніе мѣсяцы на борьбу противъ русскаго вліянія выступилъ единственный самостоятельный чиновникъ Персіи, ея финансовый совѣтникъ Шустеръ-Морганъ. Опираясь на свое званіе американскаго гражданина и на свое независимое положеніе, обезпеченное контрактомъ съ персидскимъ правительствомъ, онъ устраиваетъ политическіе конфликты съ Россіею, вызываетъ ея грозные ультиматумы, даетъ поводъ къ народнымъ манифестаціямъ противъ русской дипломатіи и становится какъ бы героемъ національной борьбы за освобожденіе Персіи отъ иноземнаго гнета. Къ сожалѣнію, надо сказать, что принятая на себя Шустеромъ-Морганомъ незаконная миссія существенно облегчалась ошибками, увлеченіями и придирками русскихъ представителей. Первое столкновеніе съ „совѣтникомъ" произошло на почвѣ служебныхъ его дѣйствій, не имѣвшихъ политическаго значенія. Шустеръ-Морганъ поручилъ своимъ чиновникамъ и жандармамъ занять конфискованное правительствомъ владѣніе брата бывшаго шаха, принца Шуа-эсъ-Салтанэ; нѣсколько часовъ спустя явились агенты русскаго генеральнаго консула для охраны того же недвижимаго имущества, какъ заложеннаго въ русско-персидскомъ банкѣ, но не были допущены въ садъ принца служащими финансоваго совѣтника". Въ этомъ поступкѣ низшихъ чиновъ „финансовой администраціи усмотрѣно было оскорбленіе чести и достоинства Россіи. По настоянію генеральнаго консула, г. Похитонова, русскій посланникъ, г. Поклевскій-Козеллъ, потребовалъ отъ персидскаго правительства, чтобы, во-первыхъ, оно удалило своихъ агентовъ изъ владѣній принца Шуа-эсъ-Салтанэ и взамѣнъ допустило туда казаковъ, и во-вторыхъ, чтобы персидскій министръ иностранныхъ дѣлъ лично извинился передъ Россіею въ лицѣ ея посланника. Получивъ этотъ ультиматумъ, на который былъ потребованъ „безотлагательный" отвѣтъ, персидское правительство въ полномъ составѣ, съ регентомъ Насръ-уль-Мулькомъ во главѣ, вышло въ отставку, такъ что некому было отвѣчать на русское требованіе. Въ нашихъ газетахъ появилось тогда краткое оффиціальное сообщеніе: „За неполученіемъ отъ персидскаго правительства отвѣта на переданную ему 29-го октября россійскимъ посланникомъ въ Тегеранѣ ноту, русскимъ правитель-

ствомъ сдѣлано распоряженіе объ отправленіи нынѣ же въ Персію отряда войскъ, которому предстоитъ на первыхъ порахъ сосредоточиться въ городѣ Казвинѣ, на пути къ Тегерану".

Прошло нѣсколько дней; персидскіе патріоты убѣдились въ необходимости подчиниться, чтобы избѣгнуть движенія русскихъ войскъ „на пути къ Тегерану". Кое-какъ составилось новое министерство, проникнутое духомъ миролюбія и уступчивости; но Шустеръ-Морганъ возмущался этою податливостью и выразилъ свои самостоятельные взгляды въ рѣзкой статьѣ, напечатанной имъ въ лондонскомъ „Times". Онъ не признавалъ вообще ни англо-русскаго соглашенія, ни раздѣленія Персіи на двѣ части или зоны, входящія въ кругъ исключительнаго вліянія той или другой державы; поэтому, вопреки существующимъ договорнымъ обязательствамъ, онъ приглашалъ иностранцевъ на службу по своему вѣдомству въ сѣверную Персію, не обращая вниманія на желанія и протесты русскихъ представителей. Недавно еще онъ назначилъ англичанина Лекофра въ предѣлахъ „русской зоны", не смотря на совѣтъ британской дипломатіи сообразоваться съ условіями англо-русской конвенціи. Персидскіе министры желали мира, но ихъ финансовый совѣтникъ не сдавался, и кризисъ принялъ другое направленіе, о чемъ свидѣтельствовало второе оффиціальное сообщеніе: „Согласно полученнымъ отъ посланника въ Тегеранѣ свѣдѣніямъ, персидское правительство, рѣшивъ исполнить требованія русскаго правительства, ранѣе уже опубликованныя, замѣнило 11-го сего ноября персидскихъ жандармовъ по охранѣ имуществъ принца Шоа-усъ-Салтанэ казаками персидской казачьей бригады; вслѣдъ затѣмъ шахскій министръ иностранныхъ дѣлъ, въ парадной формѣ, принесъ посланнику извиненія за дѣйствія персидскихъ властей въ происшедшемъ инцидентѣ. Выслушавъ слова министра, г. Поклевскій-Козеллъ, освѣдомленный о взглядахъ своего правительства, высказалъ Вусукъ-удъ-Доулэ, что замедленіе въ исполненіи его требованій вынудило русское правительство на принятіе такой чрезвычайной мѣры, какъ посылка въ Персію военнаго отряда; что тѣмъ временемъ финансовый совѣтникъ Шустеръ-Морганъ позволилъ себѣ распространить въ Персіи переводъ своего письма въ „Times", полнаго ложныхъ свѣдѣній, съ явною цѣлью возстановленія противъ Россіи персидскаго народа, и что, поэтому, посланникъ, не думая, чтобы Императорское правительство удовлетворилось теперь исполненіемъ первыхъ двухъ своихъ требованій, будетъ ожидать на этотъ счетъ дальнѣйшихъ указаній изъ Петербурга".

Отъ имени Россіи предъявленъ былъ Персіи новый ультиматумъ, съ изложеніемъ трехъ требованій: во-первыхъ, немедленнаго увольненія Шустера-Моргана и Лекофра; во-вторыхъ, приглашенія иностран-

цевъ на службу не иначе какъ съ согласія и одобренія Россіи и Англіи; въ-третьихъ, возмѣщенія расходовъ по содержанію русскихъ войскъ въ Персіи. Если въ сорокъ восемь часовъ не будетъ данъ удовлетворительный отвѣтъ, то русскій отрядъ двинется къ Тегерану.

Не трудно было предвидѣть заранѣе, что эти рѣзко выраженныя и отчасти чрезмѣрныя требованія поднимутъ въ персидскомъ народѣ послѣдніе остатки національно-патріотическаго чувства и возбудятъ негодованіе противъ Россіи. Персы могли бы согласиться на отставку Шустера-Моргана безъ всякаго ущерба для своего національнаго достоинства, такъ какъ самое требованіе было справедливо по существу и вполнѣ оправдывалось обстоятельствами; легко было примириться и съ тѣмъ, чтобы въ будущемъ иностранцы не принимались на службу безъ предварительнаго одобренія Россіи и Англіи. Но зачѣмъ прибавленъ къ этимъ двумъ пунктамъ третій, возлагающій на злосчастную, разоренную Персію непосильную денежную контрибуцію, размѣръ которой будетъ зависѣть отъ доброй воли русскаго правительства? Почему, наконецъ, понадобилось назначить краткій двухдневный срокъ для принятія этого ультиматума? Добровольно исполнить то, что потребовано отъ имени Россіи, не могла бы никакая власть въ Персіи, даже самая сильная и авторитетная, способная взять на себя позоръ униженія предъ лицомъ народа и всего міра; но какой смыслъ имѣло предъявленіе такихъ ненужныхъ и неосуществимыхъ денежныхъ требованій правительству эфемерному, опирающемуся на безсильный меджилисъ, среди общей вражды противъ иноземцевъ? Приходилось ждать непріятныхъ результатовъ сдѣланнаго шага. Въ газетахъ отъ 19-го ноября появилось новое сообщеніе: „Изъ полученнаго отъ посланника въ Тегеранѣ телеграфнаго сообщенія усматривается, что меджилисъ большинствомъ голосовъ рѣшилъ отклонить требованія русскаго правительства, о чемъ тегеранскимъ кабинетомъ доведено до свѣдѣнія Императорской миссіи сегодня, въ пятницу, въ полдень. Вслѣдствіе этого русскимъ правительствомъ сдѣлано распоряженіе о дальнѣйшемъ движеніи по направленію къ Тегерану отряда, сосредоточившагося въ Рештѣ“.

Печальнѣе всего то, что неудачно мотивированныя наступательныя дѣйствія наши въ Персіи не только вызываютъ ненависть туземнаго населенія къ Россіи и всему русскому, но осуждаются общественнымъ мнѣніемъ даже союзныхъ и сочувствующихъ намъ странъ—Англіи и Франціи. Какой намъ разсчетъ—возстановлять противъ себя несчастный персидскій народъ? Мы не находимъ разумнаго отвѣта на этотъ вопросъ.

ПИСЬМО ИЗЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Турецкій парламентъ стоитъ въ Европѣ, на европейскомъ берегу Босфора, а смотритъ въ Азію, такъ какъ всѣ его окна обращены на противуположный мало-азіатскій берегъ. Своего рода символъ нынѣшней „обновленной“ Турціи, такъ же безпомощно остановившейся на перекресткѣ между Западомъ и Востокомъ, между „правами человѣка и гражданина“, конституціонными гарантіями на бельгійскій образецъ—и азіатскими манерами ихъ примѣненія и истолкованія...

Зданіе, гдѣ засѣдаютъ представители турецкаго народа, уступлено имъ лишь во временное пользованіе какой-то любезной принцессой султанской крови. Раньше здѣсь помѣщался гаремъ и потому все было приспособлено отнюдь не для бурныхъ парламентскихъ преній!

Вмѣсто стѣнъ—тонкія, почти прозрачныя перегородки, которыя и теперь какъ будто тоже имѣютъ уши. Веселенькія, залитыя солнцемъ, маленькія комнатки съ уютными и мягкими диванами и толстыми, заглушающими шаги коврами... Изъ оконъ единственный во всѣхъ европейскихъ парламентахъ видъ: внизу чуть плещущія зеленоватыя волны Босфора, бѣлые паруса рыбачьихъ лодокъ, непрерывно бѣгущіе грузовые и пассажирскіе пароходы. Напротивъ—живописный и меланхолическій Скутари, далекіе мало-азіатскіе холмы, передъ закатомъ солнца покрывающіеся фіолетовой тѣнью. Сбоку — серебряная ширь Мраморнаго моря, съ его исчезающимъ въ дымкѣ голубого тумана горизонтомъ...

Но если выйти изъ парадныхъ комнатъ въ коридоръ, гдѣ постоянно толпятся бесѣдующіе между собой депутаты, то прежде всего придется натолкнуться на большую кучу стараго мусора, которая лежитъ на самой дорогѣ. Рядомъ зіяетъ насквозь проломанная стѣна. Очевидно хотѣли что-то сдѣлать, произвести какой-то капитальный ремонтъ, но, не хватило для этого ни терпѣнія, ни охоты. Разворотить разворотили, отшибли штукатурку, разобрали кирпичи—вытащили наружу весь наваленный тамъ мусоръ—да такъ и бросили, не доведя начатаго дѣла до конца... Въ трибуны для публики приходится подниматься по грязнымъ и узенькимъ деревяннымъ лѣстницамъ, точно на чердакъ, причемъ ступеньки жалобно поскрипываютъ подъ ногами. Обои здѣсь разодраны, висятъ лохмотьями, и изъ-подъ нихъ выглядываетъ какая-то заржавѣлая, покрытая грязью и плѣсенью труба...

Неказистъ также и залъ парламентскихъ засѣданій. Онъ по-

ходитъ скорѣе на темный и унылый классъ, съ своими тѣсно разставленными партами на двоихъ, учительской каѳедрой предсѣдателя, и сзывающимъ учениковъ-депутатовъ на уроки конституціонной практики дребезжащимъ звонкомъ парламентскаго швейцара...

Депутаты обыкновенно собираются туго. Куда и къ чему торопиться? Явашъ... явашъ!.. (терпѣніе!..)—говоритъ турецкая народная мудрость. И по прежнему, послѣ торжественнаго провозглашенія конституціи, сверженія кровавой и печальной памяти Абдулъ-Гамида и начала „новой эры"—все тѣ же безаппеляціонные „скорострѣльные" военные суды въ Константинополѣ, тотъ же желѣзный намордникъ для искренной и честной прессы, то же осадное положеніе, то же глухое и боязливое недовольство широкихъ народныхъ массъ... Съ момента апрѣльскаго переворота 1909-го года, когда Махмудъ-Шевкетъ паша взялъ Константинополь со своими македонскими войсками и тѣмъ самымъ спасъ новорожденную турецкую свободу, много явныхъ и тайныхъ враговъ этой свободы было перевѣшано и разстрѣляно ея защитниками — а дѣло обновленія Турціи осталось все на томъ же мѣстѣ и не подвинулось впередъ ни на шагъ.

Младотурки жаловались Европѣ на албанцевъ, на арабовъ, которые своими узко націоналистическими выступленіями яко бы мѣшали имъ заняться проведеніемъ неотложныхъ государственныхъ реформъ. Но возстаніе Албаніи было подавлено, арабовъ въ Іеменѣ то же, приблизительно, сократили, а обѣщанныя реформы все такъ же терпѣливо ждутъ...

— Явашъ... Явашъ... Не будемъ торопиться!

Сегодня въ парламентѣ историческое засѣданіе. Исходъ его покажетъ ясно и опредѣленно, можно ли ждать отъ нынѣшнихъ, власть имѣющихъ и къ власти стремящихся турецкихъ политиковъ дѣйствительнаго обновленія страны — или же молодая и демократическая Турція должна другимъ какимъ-нибудь путемъ искать осуществленія своихъ завѣтныхъ идеаловъ? Какъ извѣстно, комитетъ единенія и прогресса, добившись сверженія Абдулъ-Гамида и возстановленія еще тридцать лѣтъ тому назадъ объявленной конституціи, сталъ хозяиномъ положенія исключительно лишь при помощи Махмуда Шевкета-паши и лично преданныхъ ему солдатъ и офицеровъ македонскаго военнаго округа. Въ другихъ частяхъ арміи Махмудъ Шевкетъ, послѣ своего знаменитаго похода на Константинополь, сдѣлался тоже чрезвычайно популяренъ. Опираясь на солдатскіе штыки, онъ мало по малу фактически очутился во главѣ турецкаго государственнаго управленія, оставаясь въ то же время въ тѣни, на скромной должности несмѣняемаго военнаго министра. Къ тому моменту въ самомъ комитетѣ партіи единенія и прогресса обнаружилось съ достаточной очевидностью,

что отъ „Единенія“ въ немъ остались одни лишь далекія воспоминанія и что „Прогрессъ“ давно уже пересталъ играть въ немъ какую бы то ни было роль, равно какъ и стремленіе принести своей странѣ дѣйствительную пользу. Крохотная кучка искреннихъ патріотовъ и идеалистовъ невольно осталась въ сторонѣ. Мѣста ихъ заняли совсѣмъ другіе люди. Но, чтобы сохранить идейный флагъ надъ черезчуръ уже нагляднымъ проявленіемъ чисто личныхъ аппетитовъ, оставили по прежнему президентомъ палаты депутатовъ Ахмеда Ризу, 20 лѣтъ проведшаго въ изгнаніи при Абдулъ-Гамидѣ, человѣка высокой честности и непоколебимаго моральнаго авторитета. Должности болѣе хлѣбнаго характера были распредѣлены между конкуррентами на власть и политическое вліяніе. Но при раздѣлѣ очень многіе остались за штатомъ. Недовольные поспѣшили начать противъ своихъ болѣе счастливыхъ соперниковъ ожесточенную борьбу. Какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, для лицъ непосвященныхъ въ закулисныя причины недовольства, для широкой публики и главнымъ образомъ, для галлереи была изобрѣтена программа, идейнымъ образомъ оправдывающая оппозиціонеровъ. Партія единенія и прогресса при первыхъ своихъ выступленіяхъ возбудила слишкомъ много неоправдавшихся надеждъ, чтобы ей могли простить наступившее потомъ всеобщее разочарованіе. И этимъ воспользовалась оппозиція, во главѣ которой всталъ вчерашній яростный младотурокъ, сегодня непримиримый врагъ комитета и партіи—полковникъ Садыкъ-бей. Онъ основалъ въ Константинополѣ ежедневную газету „Танзиматъ“ (Новый строй), гдѣ онъ самъ и его единомышленники принялись изобличать своихъ недавнихъ друзей и ихъ политику, якобы ведущую обновленную Турцію къ окончательному разложенію... Махмудъ Шевкетъ-паша, который прекрасно понималъ, что комитетъ единенія и прогресса весьма желалъ бы замѣнить его менѣе самостоятельнымъ и популярнымъ въ арміи, но за то болѣе послушнымъ генераломъ, съ сочувствіемъ отнесся къ этой попыткѣ организовать противъ партіи младотурокъ какую-нибудь другую политическую группировку. Полковникъ Садыкъ-бей былъ личнымъ другомъ Махмудъ-Шевкета и, основывая „Танзиматъ“, несомнѣнно не обошелся безъ его помощи и указаній. Но разсчеты Махмудъ-Шевкета не оправдались: въ Турціи была до сихъ поръ, есть и вѣроятно еще долго будетъ одна лишь дѣйствительно великолѣпно организованная и скованная желѣзной дисциплиной сила — все та же партія единенія и прогресса, которую не смогли ослабить даже возникшіе внутри ея раздоры. И искусившійся въ домашнихъ интригахъ генералъ поспѣшилъ перемѣнить тактику: на торжественномъ открытіи памятника героямъ свободы, павшимъ при взятіи Константинополя въ апрѣлѣ 1909-го года, онъ въ пространной и длинной рѣчи

изложилъ публично передъ всѣми свою политическую „profession de foi“... Оказалось, по его словамъ, что онъ и комитетъ Union et progrès всегда представляли собой единое, неразрывное цѣлое и что и на будущее время онъ намѣренъ вездѣ и всюду идти рука объ руку все съ тѣмъ же комитетомъ!.. Оппозиціонеры, вслѣдствіе своей слабости и неорганизованности, упустили изъ своего лагеря единственнаго въ Турціи человѣка, могущаго дать имъ теплыя мѣста у власти, о которыхъ они такъ мечтали... А упустивъ, хотя бы и по собственной винѣ—сдѣлались его врагами, что, повидимому, даже и въ „обновленной“ Турціи считается въ порядкѣ вещей...

Въ послѣдніе дни, редакторъ „Танзимата“ и депутатъ парламента Лютфи Фикри-бей, блестящій лидеръ оппозиціи, непрерывно нападалъ на Махмудъ-Шевкета-пашу и на его диктаторскія замашки. Въ нападкахъ этихъ была большая доля правды: до сихъ поръ свободы печати въ Константинополѣ, несмотря ни на какія конституціи, фактически не существуетъ. Военный судъ строго слѣдитъ за направленіемъ здѣшнихъ газетъ и при малѣйшей „ереси“ немедленно же закрываетъ преступное изданіе. То же самое случилось и съ „Танзиматомъ“. Послѣ первой статьи противъ военной цензуры его закрыли. Но Лютфи Фикри рѣшилъ бороться до конца: онъ выпустилъ газету подъ другимъ заглавіемъ и въ ней опять помѣстилъ аналогичную статью. Закрыли и на этотъ разъ. Тогда неутомимый депутатъ (необходимо замѣтить, что въ настоящемъ случаѣ это, кажется, единственное болѣе или менѣе идейное выступленіе оппозиціи, ибо вся ея „программа“ сводится исключительно къ изобличенію младотурокъ въ юдофильствѣ и къ защитѣ якобы попранныхъ послѣдующими измѣненіями конституціи правъ султана, какъ верховнаго повелителя правовѣрныхъ) снова вернулся къ прежнему названію газеты „Танзиматъ“ и въ первомъ же номерѣ ругательски разругалъ Махмудъ-Шевкета. Характеренъ полемическій пріемъ, которымъ воспользовался оппозиціонный лидеръ: у Махмуда мать еврейка! — на ряду съ другими обвиненіями заявилъ онъ въ вышеупомянутой статьѣ, для бо̀льшаго униженія врага.

Махмудъ Шевкетъ пожелалъ, повидимому, избавиться отъ назойливо пристающаго къ нему журналиста. Къ Лютфи Фикри, когда онъ собирался ѣхать въ парламентъ, явился полицейскій офицеръ и пригласилъ его послѣдовать за нимъ, угрожая въ противномъ случаѣ прибѣгнуть къ силѣ. Лютфи Фикри отвѣтилъ, что въ качествѣ депутата онъ пользуется правомъ личной неприкосновенности и потому арестовать себя не дастъ, ибо это было бы нарушеніемъ конституціи. Такъ какъ офицеръ, очевидно, не имѣлъ инструкціи „дѣйствовать энергично“, то Лютфи Фикри удалось безпрепятственно добраться

до парламента, гдѣ онъ сейчасъ же попросилъ слова и разсказалъ о только что происшедшемъ съ нимъ инцидентѣ. Депутаты заволновались. Собственно говоря, они всѣ съ нѣкоторыхъ поръ чувствовали себя подъ угрозой внезапнаго объявленія Махмудъ-Шевкетомъ диктатуры и потому обрадовались случаю выяснить свое положеніе разъ навсегда, или по крайней мѣрѣ хоть на ближайшее время. Единогласно было постановлено просить военнаго министра въ парламентъ для дачи объясненій. Махмудъ-Шевкетъ на приглашенье не явился. Дѣло было въ субботу; на слѣдующій день, въ воскресенье, засѣданій въ парламентѣ не полагается, какъ и въ пятницу—а въ понедѣльникъ палата депутатовъ вторично вотировала, подавляющимъ большинствомъ голосовъ, предложеніе Махмудъ Шевкету немедленно же явиться въ залу засѣданій.

— Если буду свободенъ, приду, быть можетъ, въ среду—прислалъ сказать депутатамъ Махмудъ-Шевкетъ, предварительно заставивъ ихъ дожидаться въ парламентѣ съ десяти часовъ утра до пяти съ половиной вечера...

Сегодня именно среда, самимъ всемогущимъ генераломъ назначенный день, въ который онъ пожелалъ объяснить представителямъ турецкаго народа: имѣется ли у него еще конституція, или давно уже сдана въ архивъ историческихъ воспоминаній, вмѣстѣ съ когда-то существовавшимъ здѣсь „единеніемъ“ и слабыми, но искренними стремленіями немногихъ избранныхъ къ „прогрессу?..“

Огромная толпа, тщетно разгоняемая полиціей, съ утра еще заполнила всѣ сосѣднія съ зданіемъ парламента улицы и переулки. Въ залѣ засѣданій трибуны для публики набиты биткомъ. Чувствуется нервное, напряженное ожиданіе. Махмудъ-Шевкетъ шутить не любитъ! А за нимъ все тѣ же солдатскіе штыки, которые могутъ неожиданно заблестѣть и передъ скамьями непокорныхъ „національному герою“ депутатовъ. Недавнее слѣпое довѣріе военныхъ круговъ къ Махмудъ-Шевкету успѣло, однако, за послѣднее время значительно поколебаться. Во-первыхъ критика оппозиціи сыграла здѣсь немалую роль — а во-вторыхъ триполитанская война и полная къ ней неподготовленность страны невольно уронила престижъ Махмудъ-Шевкета, какъ организатора и военнаго министра. Такимъ образомъ оппозиціонеры успѣли въ свою очередь тоже заручиться коекакими симпатіями среди тѣхъ же самыхъ „штыковъ“, постоянный блескъ которыхъ за спиной Махмудъ Шевкета постепенно сдѣлалъ его фактическимъ хозяиномъ судебъ турецкаго народа...

Красныя фески и бѣлыя чалмы наполняютъ залъ засѣданій. Члены партіи единенія и прогресса — парламентское большинство — усаживаются компактной массой по срединѣ. Оппозиція сидитъ какъ попало,

вразбродъ. Чувствуется невольно, что если ее и связываетъ воедино общая ненависть къ комитету, то все же настоящей организаціи въ ней нѣтъ и каждый связанъ лишь временно съ своимъ сосѣдомъ. Выдѣляются изъ толпы депутатовъ—толпы неинтересной и сѣрой, замѣтно подобранной чьей-то опытной и властной рукой для безпрекословнаго и послушнаго голосованья,—лишь нѣкоторыя отдѣльныя лица. Вотъ, любезно раскланиваясь на всѣ стороны и прикладывая по турецкому обычаю руку къ губамъ и ко лбу, пробирается къ своему мѣсту Хуссейнъ Джахидъ-бей, редакторъ оффиціальнаго младотурецкаго органа „Танина". Хуссейнъ Джахидъ—одна изъ яркихъ, если не самая яркая звѣзда на здѣшнемъ политическомъ горизонтѣ. Красивый, элегантный, европейски образованный, онъ началъ свою карьеру какъ талантливый беллетристъ и педагогъ и продолжаетъ ее съ еще большимъ успѣхомъ какъ журналистъ и выдающійся политикъ. Избранный въ парламентъ депутатомъ отъ Константинополя, онъ чуть не былъ убитъ во время организованной Абдулъ-Гамидомъ контръ-революціи. Его спасло наше посольство, давъ ему возможность переодѣтымъ бѣжать на русскомъ пароходѣ. Съ тѣхъ поръ Хуссейнъ Джахидъ относится весьма благосклонно къ непопулярной здѣсь идеѣ русско-турецкаго сближенья и горячо защищаетъ ее въ блестящихъ и краснорѣчивыхъ статьяхъ на столбцахъ своего „Танина". По возвращеніи въ Константинополь съ побѣдоносными войсками Махмудъ-Шевкета, онъ первый настоялъ на необходимости суровыхъ мѣръ по отношенію къ мятежникамъ и реакціонерамъ. — Мы уже не будемъ такъ сантиментальны, какъ были въ первый разъ — заявилъ онъ еще въ Салоникахъ. Мы навсегда и безпощадно уничтожимъ нашихъ враговъ... И послѣдующая „внутренняя" дѣятельность младо-турецкаго комитета была лишь точнымъ примѣненіемъ на практикѣ теоретическихъ пожеланій Хуссейнъ-Джахида. Казни, репрессіи, непрекращающееся осадное положеніе, военные суды... Въ парламентѣ Хуссейнъ-Джахидъ выступаетъ съ рѣчами очень рѣдко. Въ молчаніи его чувствуется скрытая, увѣренная въ себѣ сила. Ему совсѣмъ не нужно разливаться въ потокѣ эффектныхъ словъ. Хуссейнъ-Джахидъ молчитъ... но управляетъ!...

Выше всѣхъ головою, неуклюжей медвѣжьей походкой медленно движется неладно скроенная, но крѣпко сшитая фигура армянскаго депутата Бастармаджана. Маленькіе, каріе, умные глаза за стеклами поминутно сползающаго съ массивнаго носа золотого пенснэ. Неподвижное, какъ маска, огромное, изрытое оспой лицо... Бастармаджанъ—„человѣкъ съ прошлымъ": въ далекіе годы революціонныхъ выступленій партіи „Дашнихцютюнъ" противъ гамидовскаго режима онъ находился въ числѣ заговорщиковъ, пытавшихся взорвать дина-

митомъ зданіе Оттоманскаго банка. Теперь и „Дашнихцютюнъ", и самъ Бастармаджанъ мирно ведутъ въ обновленной Турціи легальное существованіе. Бывшіе революціонеры стали вѣрными оттоманскими подданными, оставивъ, повидимому, навсегда недавнія мечты о возстановленіи яко бы „Великой Арменіи", съ единой все-армянской столицей Ани... Теоретически партія „Дашнихцютюнъ" находится въ дружественномъ союзѣ съ младо-турецкимъ комитетомъ „Единеніе и Прогрессъ". Но на практикѣ это соглашеніе давно уже не существуетъ, ибо младотурки терпятъ армянъ только лишь изъ-за ихъ великолѣпной, на боевую ногу поставленной организаціи и никогда не упускаютъ случая устроить имъ какую-нибудь хотя бы даже мелкую непріятность...

За Бастармаджаномъ — „хитроумный Улисъ" турецкаго парламента, греческій депутатъ Космиди-эффенди. Язвительный, тонкій и злой на языкъ, онъ великолѣпно умѣетъ портить рѣчь и настроеніе любого министра, или оратора изъ парламентскаго большинства своими ѣдкими замѣчаніями, обыкновенно вставляемыми „съ мѣста" при шумныхъ одобреніяхъ и протестахъ враждующихъ сторонъ. Для оппозиціи Космиди-эффенди—цѣнное пріобрѣтеніе, но лишь до захвата оппозиціонерами государственной власти. Дальше дороги ихъ неизбѣжно снова разойдутся, ибо конечныя цѣли, къ которымъ стремятся турки-оттоманы и греки-оттоманы — діаметрально противуположны. Грекъ-турецкій подданный хочетъ сейчасъ укрѣпленія и процвѣтанія имперіи „Тѣни Пророка на землѣ" не для сохраненія Турціи, какъ таковой, а лишь для пользованія ею какъ своего рода историческимъ мостомъ между „Великой Греціей" далекаго прошлаго и „Великой Греціей" ближайшаго будущаго, въ которую онъ вѣритъ со всѣмъ жаромъ искренняго патріота. На другія національности, входящія въ пестрый составъ турецкой имперіи, онъ смотритъ сверху внизъ: онъ одинъ лишь здѣсь носитель истинной европейской культуры—культуры еще античной, процвѣтавшей въ тѣ времена, когда нынѣшніе французы и англичане ничѣмъ не отличались отъ современныхъ дикихъ курдовъ и албанцевъ... Поговорите съ турецкимъ грекомъ о его согражданахъ—и вы увидите, что только здѣшніе греки достойны вниманія и удивленія; все остальное—quantité négligeable, и стремленія разныхъ тамъ болгаръ-македонцевъ, куцо-валаховъ, сербовъ и т. д. къ національному самоопредѣленію—лишь результатъ подкупа и политическихъ интригъ австрійцевъ, русскихъ и румынъ. Что такое „куцо-валахъ?" — иронически спрашиваетъ грекъ у любопытствующаго иностранца. И тутъ же даетъ немедленный и „исторически безпристрастный" отвѣтъ: куцо—въ переводѣ значитъ хромой, валахъ—скверный!.. А слово болгаринъ въ переводѣ

означаетъ не этническое наименованіе отдѣльнаго народа, а просто лишь общее понятіе: крестьянинъ-земледѣлецъ...

До сихъ поръ патріоты „велико-греческой идеи“ не могутъ простить турецкому правительству даннаго въ 1870-мъ году разрѣшенія болгарамъ имѣть свою церковь и церковную іерархію, отдѣльную отъ грековъ. Со временъ султана Магомета II, завоевателя Константинополя, всѣ покоренные христіанскіе народы дѣлились на „націи“, и нація греческая представляла собой всю европейскую „райа“ (невѣрныхъ). Въ Азіи такую же роль играли армяне. Такимъ образомъ, привыкнувъ въ теченіе столѣтій предстательствовать передъ поработителями-мусульманами за прочія угнетенныя христіанскія народности, оттоманскіе греки привыкли считать себя „первыми“ между остальными товарищами по несчастью и первыми же ожидаютъ теперь свою долю наслѣдства, когда отъ внутренней немощи прекратится долгая и въ культурномъ отношеніи покамѣсть безполезная жизнь никакъ не могущаго радикально излѣчиться „больного человѣка“... Съ другой стороны врачи, собравшись на консиліумъ, указали такіе методы леченія, что каждый оттоманскій подданный, не имѣющій счастливой привилегіи быть кореннымъ туркомъ отъ рожденья, невольно долженъ изъ простого инстинкта самосохраненья сдѣлаться яростнымъ націоналистомъ отъ головы до пятъ... Несомнѣнно, если когда-нибудь младотурки принуждены будутъ уступить свое положеніе у власти такъ жадно рвущимся къ ней оппозиціонерамъ, послѣдніе станутъ продолжать ту же слѣпую и упорную „оттоманизацію“, которая причинила обновленной Турціи столько опасныхъ для нея внутреннихъ осложненій. Станутъ продолжать, ибо собственная ихъ программа отличается отъ младотурецкой только большей еще реакціонностью содержанья...

Предсѣдатель палаты депутатовъ Ахмедъ-Риза-бей поднимается на свою трибуну. У него величественная фигура, декоративная и симпатичная. Серебряная, подстриженная борода, задумчивое, важное лицо и грустный взглядъ прекрасныхъ голубыхъ глазъ, все время какъ бы устремленныхъ куда-то далеко отъ окружающей обыденной и мелкой жизни. Ахмедъ-Риза—никуда негодный предсѣдатель. Онъ не умѣетъ вести засѣданіе; задумавшись о чемъ-то интимномъ и своемъ, Ахмедъ-Риза часто забываетъ остановить увлекшагося оратора; передъ обычнымъ парламентскимъ шумомъ и криками онъ совершенно безсиленъ. Колокольчикъ его звонитъ въ такихъ случаяхъ не переставая—но звонъ его жалобный, точно умоляющій не превращать храма свободы въ мѣсто скандаловъ и потому не производящій на разгоряченныхъ депутатовъ ни малѣйшаго впечатлѣнія. Оппозиціонеры обвиняютъ Ахмедъ-Ризу въ пристрастіи къ младо-туркамъ—послѣдніе недовольны

имъ за излишнюю мягкость по отношенію къ оппозиціонерамъ; но ни тѣ, ни другіе не могутъ безъ него обойтись, ибо въ глазахъ широкихъ народныхъ массъ Ахмедъ-Риза — живое воплощеніе идейной части всего освободительнаго движенія.

Идеалистъ до мозга костей, человѣкъ въ буквальномъ смыслѣ слова „не отъ міра сего", Ахмедъ-Риза—единственный среди новыхъ людей, унаслѣдовавшихъ въ полной неприкосновенности обычаи и политическіе нравы ими же разрушеннаго стараго режима, про котораго никто не можетъ сказать: за столько-то турецкихъ фунтовъ этотъ политикъ сдѣлаетъ то-то!..—И сейчасъ, когда за спиной почти каждаго депутата имѣется по нѣскольку европейскихъ культуртрегеровъ-концессіонеровъ—за спиной Ахмеда-Ризы лишь его блестящее, ни малѣйшимъ пятномъ не омраченное прошлое, гдѣ и личная жизнь, и годы изгнанья и борьбы, и матеріальныя средства — все было направлено лишь къ одной великой и свѣтлой цѣли: духовному и физическому раскрѣпощенію турецкаго народа.

Неизвѣстно—понимаетъ ли сейчасъ Ахмедъ-Риза, что младотурки стоятъ на ложной дорогѣ? Думается, что нѣтъ. Всесторонне и европейски образованный, проведшій много лѣтъ въ лучшихъ и высшихъ слояхъ интернаціональной интеллигенціи, онъ видитъ ясно, какъ трудно и тяжело его странѣ бороться за лучшее будущее въ покрывающемъ ее туманѣ невѣжества и фанатическаго религіознаго ослѣпленія. По мнѣнію Ахмеда-Ризы, искреннимъ патріотамъ необходимо покамѣсть придерживаться якобинской тактики — создать крѣпкую и сильную центральную власть, держать въ рукахъ, при помощи устрашительныхъ методовъ, элементы реакціи и безпорядка, спасать людей изъ мрака и ужаса ихъ нынѣшней жизни во имя общей, отвлеченной идеи, насильственными мѣрами, противъ ихъ собственной воли. Когда политически и духовно они созрѣютъ—тогда поймутъ, что иногда и прижиганіе желѣзомъ необходимо для спасенія всего организма отъ зараженія крови и гангрены. Пока пускай господствуетъ желѣзный законъ исторической необходимости: dura lex—sed lex! А между тѣмъ Ахмедъ-Риза привыкъ въ теченіе долгихъ лѣтъ преклоняться передъ законностью и справедливостью въ культурной Западной Европѣ...

Тѣмъ тяжелѣе и неожиданнѣе былъ для стараго идеалиста ударъ, нанесенный Турціи Италіей, предательски, изъ-за угла, но съ вѣдома и одобрѣнья той же Западной Европы. Характерно письмо, которое послалъ Ахмедъ-Риза въ интернаціональное соціалистическое бюро, съ протестомъ противъ триполитанской авантюры. Разочаровавшись въ „гуманныхъ и благородныхъ чувствахъ" западно-европейскихъ правительствъ Ахмедъ-Риза въ такихъ выраженіяхъ излагаетъ свою

тоску обманутаго и на склонѣ лѣтъ внезапно увидѣвшаго разбитыми всѣ прежніе кумиры человѣка.

— Италія не одна только виновата въ недавно происшедшей авантюрѣ. Другія державы являются ея сообщницами, ибо это онѣ подготовили нанесенный намъ ею ударъ. Ихъ представители берутъ насъ за горло и говорятъ:—признайте оккупацію Триполи совершившимся фактомъ, а потомъ уже мы вамъ поможемъ выбраться изъ этого положенія... На Востокѣ появится теперь новое отношеніе къ Западу—отношеніе полное недовѣрія, отчаянія и отвращенья. Востокъ перестанетъ вѣрить въ цивилизацію, въ данныя европейцами обѣщанія, въ дипломатическіе договоры, подписанные Европой. Несоотвѣтствіе между словами и поступками считается въ глазахъ людей Востока тягчайшимъ преступленіемъ противъ морали... Наша младотурецкая партія искренно стремилась къ тому, чтобы турецкій народъ полюбилъ Европу, пыталась раскрыть передъ нимъ всѣ блага и преимущества европейскаго прогресса, хотѣла перебросить идейный мостъ между Западомъ и міромъ Ислама. Теперь она уже не сможетъ выполнить своей задачи... Послѣ грубаго набѣга Италіи, съ одобренія и благословенія другихъ державъ, наши противники внутри страны имѣютъ полное право упрекнуть насъ въ томъ, что мы слишкомъ расхваливали европейскую цивилизацію, слишкомъ усиленно настаивали на ея преимуществѣ передъ нашей. Теперь они прямо заявляютъ намъ, что настоящій прогрессъ заключается лишь въ увеличеніи числа броненосцевъ и солдатскихъ штыковъ и что истинный патріотизмъ—пожертвованіе всѣмъ остальнымъ ради военнаго бюджета... Вотъ къ чему насъ привела Западная Европа, въ особенности Англія и Франція, вступившія съ Италіей въ секретное соглашеніе!..

Въ этомъ посланіи—весь Ахмедъ Риза, со всей его наивной вѣрой идеалиста-теоретика въ яко бы руководящія культурными людьми начала истины и справедливости, съ его кристальной душевной ясностью, мѣшающей ему разобраться въ далеко не идеальныхъ явленіяхъ окружающей его политической и партійной жизни. И не даромъ такъ одиноко сидитъ Ахмедъ-Риза надъ остальными депутатами на своей высокой предсѣдательской трибунѣ. Одиночество его здѣсь, въ этомъ парламентѣ—извѣстнаго рода символъ!..

Засѣданіе начинается запросомъ одного депутата о звѣрствахъ, совершенныхъ итальянцами въ Триполитаніи надъ беззащитнымъ арабскимъ населеніемъ. Затѣмъ идетъ длинная, невнятная, но патріотическая рѣчь министра иностранныхъ дѣлъ Ассинъ-бея, предназначенная, повидимому, „развлечь вниманіе“ аудиторіи передъ приходомъ Махмудъ-Шевкета. Наконецъ, не спѣша, съ достоинствомъ появляется онъ самъ, герой сегодняшняго парламентскаго дня и, быть можетъ, завтра

управляющій Турціей уже безъ всякаго парламента диктаторъ. Въ напряженной и жуткой тишинѣ глухо бормочетъ что-то секретарь какой-то коммиссіи, торопливо глотающій слова и стремящійся поскорѣе отдѣлаться отъ никому сейчасъ ненужнаго и неинтереснаго доклада. Наконецъ, поперхнувшись въ послѣдній разъ, несчастный неловко умолкаетъ.

— Слово принадлежитъ Лютфи Фикри — спокойно и внятно произноситъ Ахмедъ-Риза среди всеобщаго молчанья.

Второй, послѣ Махмудъ-Шевкета, герой историческаго момента поднимается на ораторскую трибуну. Лютфи Фикри—тощій и блѣдный господинъ „интеллигентскаго вида" съ черной бородкой. Онъ видимо сильно волнуется, но старается скрыть свое волненіе. Слегка дрожащимъ голосомъ онъ подробно разсказываетъ снова всю извѣстную уже исторію о томъ, какъ, вопреки его заявленіямъ о депутатской неприкосновенности, его пытались арестовать агенты военнаго министра. Окончивъ рѣчь, Лютфи Фикри спускается съ трибуны при общемъ тяжеломъ и выжидательномъ молчаньи.

Легкіе, быстрые шаги... Старческое покашливанье. Секунда—и съ юношеской живостью, блестя изъ-подъ нависшихъ бровей насмѣшливыми, полными нескончаемаго презрѣнія ко всѣмъ присутствующимъ глазами, Махмудъ-Шевкетъ даетъ свое такъ долго жданное „парламентское объясненіе"... Но нужно видѣть — какъ онъ говоритъ! Такъ объясняютъ что-нибудь весьма простое и понятное капризнымъ дѣтямъ, которыхъ, прежде чѣмъ посѣчь, пытаются наставить на путь истины двумя, тремя небрежно брошенными для очистки совѣсти словами. — Вамъ угодно было меня потребовать? Извольте — я пришелъ...—Такое впечатлѣніе отъ первыхъ фразъ, произнесенныхъ всемогущимъ генераломъ, какъ только онъ поднялся на трибуну.—Но сами и пеняйте на себя, коль что-нибудь вамъ не понравится. А я хитрить и лицемѣрить съ вами не хочу...

И съ чисто военной откровенностью Махмудъ-Шевкетъ показываетъ представителямъ турецкаго народа, что въ странѣ хозяинъ онъ, а не они...

— Я прекрасно знаю, что однимъ поднятіемъ рукъ вы сможете заставить меня подать въ отставку... Но не забудьте — въ моментъ, въ который я сейчасъ здѣсь передъ вами говорю, я — военный министръ; вся армія представлена здѣсь передъ вами въ моемъ лицѣ, и потому я въ правѣ требовать къ себѣ довѣрія и уваженія. Это армію вы оскорбляете, нападая въ своихъ газетахъ на меня!..

Дикій, злобный вой несется со скамей оппозиціи. Ахмедъ Риза устало и разсѣянно звонитъ въ свой предсѣдательскій колокольчикъ. Но звонъ его безслѣдно и слабо тонетъ въ общихъ крикахъ, руга-

тельствахъ, проклятіяхъ, посылаемыхъ разъяренными депутатами невозмутимо стоящему на каѳедрѣ Махмудъ Шевкету. Маленькій, юркій старичокъ съ большой сѣдой бородой, онъ издали похожъ на игрушечнаго генерала со своими золотыми аксельбантами и мѣховой шапкой съ краснымъ верхомъ, покрытымъ золотыми же галунами. Покамѣсть депутаты внизу бѣснуются и кричатъ, маленькій генералъ спокойно прохаживается взадъ и впередъ по ораторской трибунѣ. Ему какъ будто весело, что онъ вызвалъ такую бурю. Онъ прекрасно знаетъ, что ему стоитъ только сдѣлать знакъ—и въ залѣ засѣданій внезапно засверкаютъ штыки его вѣрныхъ македонцевъ, а кричащіе и вопящіе сейчасъ противъ него депутаты-оппозиціонеры послушнымъ и испуганнымъ стадомъ кинутся къ окнамъ и дверямъ. Но старичокъ сегодня добродушенъ. Ему хочется показать Европѣ, что диктаторскія замашки ему приписали газетчики-враги и что на самомъ дѣлѣ онъ строжайшимъ образомъ конституціоненъ.

— Если бы я отдалъ приказаніе арестовать Лютфи-Фикри—воспользовавшись случайнымъ затишьемъ, продолжаетъ невозмутимымъ и рѣзкимъ голосомъ, точно командуя, Махмудъ Шевкетъ — то можете быть увѣрены — Лютфи-Фикри былъ бы уже въ настоящую минуту арестованъ. Но дѣло все въ томъ, что арестовывать его я совсѣмъ не собирался, а только хотѣлъ, чтобы онъ далъ нѣкоторыя показанія передъ военнымъ судомъ по дѣлу своей газеты...

Дальнѣйшая самозащита военнаго министра ведется въ томъ же духѣ. Указавъ на свои заслуги въ дѣлѣ обновленія Турціи, заслуги, за которыя по его мнѣнію въ Западной Европѣ изъ него давнымъ давно бы сдѣлали національнаго героя, тогда какъ въ Турціи, кромѣ оскорбленій, онъ не дождался ровнымъ счетомъ ничего — Махмудъ Шевкетъ объясняетъ причину недовольства имъ оппозиціонныхъ депутатовъ. Оказывается — не въ общей политикѣ страны вопросъ, не въ нарушеніяхъ конституціи и не въ забытыхъ интересахъ забытаго въ междупартійныхъ распряхъ по прежнему терпѣливо ждущаго турецкаго народа. Нѣтъ — просто, пожелавъ свалить младотурецкій кабинетъ, виднѣйшіе оппозиціонеры недѣли три тому назадъ пришли за помощью къ нему, Махмудъ-Шевкету. Онъ отказался принять какое бы то ни было участіе въ предполагаемой „семейной комбинаціи“... Отсюда месть—и всѣ дальнѣйшіе, ужъ на „идейной почвѣ“ разыгравшіеся инциденты...

— Вы можете мнѣ выражать довѣріе—а можете и не выражать! По вашему усмотрѣнію...—съ презрѣніемъ заключилъ Махмудъ-Шевкетъ, сходя съ трибуны послѣ окончанія „объясненья“.—Мнѣ безразлично. Чиновъ и почестей я не ищу... Мое прошедшее покрыто славой и съ меня довольно...

Вторая часть засѣданія—нападки оппозиціонеровъ—была бы можетъ быть интересна, если бы вмѣсто личности Махмудъ-Шевкета ораторы говорили объ общемъ положеніи страны. Но именно послѣдняго вопроса никто изъ нихъ и не коснулся. За то Махмудъ-Шевкетъ былъ заживо изгрызенъ, яко бы, идейными его врагами.

— Его борода, его автомобиль — все возбуждаетъ общественное негодованье!—въ припадкѣ ярости воскликнулъ улема (духовное лицо) Сабри-эффенди. И видно было, какъ сочувственно негодовали на своихъ скамьяхъ случайно обойденные судьбой, у которыхъ имѣлись такія же бороды, какъ у Махмудъ Шевкета—но только не было еще автомобиля!..

Наконецъ, когда страсти разгорѣлись до послѣдней степени и въ атмосферѣ ненависти и вражды нѣкоторые депутаты, какъ напр. Измаилъ-Хакки паша, начали по личному поводу черезчуръ уже приподнимать завѣсу, скрывающую закулисный политическій міръ отъ любопытныхъ взглядовъ непосвященныхъ — на трибуну, пользуясь своимъ правомъ говорить внѣ очереди, поднялся великій визирь Саидъ-паша. Старый, сѣдой и дряхлый на видъ—въ восьмой разъ уже за свою долгую жизнь облеченный высокимъ довѣріемъ сперва Абдулъ-Гамида, какъ нарушителя турецкой конституціи, потомъ того же самаго Гамида, но уже въ качествѣ подневольнаго конституціоннаго султана, и наконецъ нынѣшняго повелителя правовѣрныхъ Магомета V-го, какъ султана конституціоннаго по доброй волѣ—Саидъ-паша съ одинаковой гибкостью примѣнялся ко всякимъ требованіямъ любого историческаго момента. Когда это требовалось—онъ былъ заклятымъ врагомъ Мидхада-паши, одного изъ немногихъ искреннихъ оттоманскихъ патріотовъ и творца первой турецкой конституціи, по приказанію Абдулъ-Гамида задушеннаго и послѣ обезглавленнаго, „для бо̀льшей вѣрности", въ тюрьмѣ. Теперь Саидъ-паша—конституціонный великій визирь. Въ качествѣ таковаго онъ считаетъ необходимымъ возвысить свой старческій голосъ въ защиту Махмудъ-Шевкета. Дѣйствительно—моментъ для колебанья авторитета военнаго министра выбранъ оппозиціонерами довольно неудачно: война съ Италіей въ Триполитаніи, ожиданіе со дня на день появленія итальянскаго флота у острововъ Эгейскаго моря—все какъ-то не располагаетъ къ сведенію именно сейчасъ партійныхъ и личныхъ счетовъ. Но опытный, прошедшій гамидовскую школу дипломатъ, Саидъ-паша прекрасно знаетъ, гдѣ самое больное мѣсто у многихъ нынѣшнихъ горячихъ конституціоналистовъ-патріотовъ. Какъ будто бы случайно, невзначай, онъ проговаривается о возможности въ ближайшемъ будущемъ опубликовать хранящіеся въ архивахъ Махмудъ-Шевкета знаменитые „джурналы"... И, точно политыя масломъ волны, одно за другимъ усмиряются самыя бурныя, ки-

пящія благороднымъ негодованьемъ депутатскія сердца... Послѣ рѣчи Саида-паши становится очевиднымъ, что сколько бы ни говорили красивыхъ и пышныхъ фразъ, а всетаки Махмудъ-Шевкету выразятъ довѣріе подавляющимъ большинствомъ голосовъ, и вся предпринятая противъ него кампанія оппозиціонеровъ сама собою превратится въ обычный въ турецкихъ парламентскихъ лѣтописяхъ крикливый, шумный и въ послѣднемъ счетѣ абсолютно никому не нужный водевиль. Только теперь, чтобы не показать открыто свою безпомощность въ политическихъ дѣлахъ передъ общественнымъ мнѣніемъ Западной Европы, а также, отчасти, и собственной своей страны, начнутъ искать какую-нибудь удобную лазейку, позволяющую, не теряя достоинства, почетно отступить. Неожиданно появившійся въ залѣ засѣданій Шетванъ-бей, депутатъ отъ сражающейся съ итальянцами африканской провинціи Бенгази, далъ единственный въ своемъ родѣ предлогъ для яко бы наступившаго на обще-патріотической почвѣ междупартійнаго примиренія. Шетванъ-бей, самъ принадлежащій къ оппозиціи, только что пріѣхалъ съ театра военныхъ дѣйствій и, не будучи посвященнымъ въ закулисныя подробности происходящаго, въ небольшой, но сильной рѣчи указалъ на необходимость объединиться, а не враждовать въ моментъ такой серьезной опасности для всей страны. Немедленно послѣ его рѣчи начались внезапные театральные эффекты. Встаетъ одинъ лидеръ оппозиціонеровъ и растроганнымъ голосомъ заявляетъ, что беретъ обратно свое предложеніе о выраженіи недовѣрія Махмудъ-Шевкету; встаетъ другой... и въ результатѣ только что оплеванный и неоднократно морально заушенный съ этихъ же самыхъ скамей хозяинъ обновленной Турціи, при общихъ, восторженныхъ рукоплесканіяхъ, подавляющимъ большинствомъ голосовъ (при чемъ оппозиція вотируетъ также за него) признается безусловно оправданнымъ по обвиненію въ диктаторскихъ наклонностяхъ. — На будущее время, однако, предусмотрительно оговариваетъ парламентская формула перехода къ очереднымъ дѣламъ—ни одинъ членъ парламента не долженъ призываться на военный судъ непосредственно, безъ санкціи палаты.

Но что же это за „джурналы", одно упоминаніе о которыхъ могло внести въ разбушевавшуюся парламентскую среду такой внезапный миръ и успокоенье? Когда былъ низложенъ Абдулъ-Гамидъ, въ архивахъ Ильдизъ-Кіоска осталась цѣлая кипа разнообразнѣйшихъ бумагъ. Въ противоположность всѣмъ остальнымъ документамъ, бумаги эти хранились въ величайшемъ порядкѣ и по нимъ нетрудно было установить, что геніальный организаторъ провокаціи и шпіонажа—низверженный султанъ находился въ секретныхъ сношеніяхъ съ такими высокой марки либеральными людьми, что разбиравшая бумаги комиссія оста-

новилась въ невольномъ и смущенномъ изумленіи... Во избѣжаніе слишкомъ большого общественнаго скандала рѣшено было содержаніе „джурналовъ“ не оглашать въ печати и дать скомпроментированнымъ въ нихъ людямъ возможность забыть и загладить свои недавніе грѣхи.

Въ рукахъ у младотурокъ „джурналы“ — своего рода Домокловъ мечъ, висящій надъ головой очень многихъ политическихъ дѣятелей, съ репутаціей „внѣ всякихъ подозрѣній“. Но комитетъ великодушенъ—наврядъ ли когда-нибудь непріятные документы увидятъ Божій свѣтъ. Не нужно слишкомъ натягивать тетиву лука! — говоритъ восточная мудрость. И по прежнему „джурналы“ хранятся гдѣ-то въ недоступныхъ тайникахъ правительственнаго или, точнѣе, младотурецкаго архива...

— Я вѣрю въ Турцію — сказалъ мнѣ одинъ знакомый турецкій журналистъ, когда мы вмѣстѣ возвращались домой послѣ парламентскаго засѣданія — но въ нынѣшнихъ руководителей ея не вѣрю... И, помолчавъ немного, съ горечью добавилъ:—Другіе люди поведутъ ее по новому пути, не мы... И чего можно ожидать отъ насъ, когда мы всѣ — дѣти рабынь?.. Развѣ можетъ быть что-нибудь свободное, искреннее, смѣлое въ обстановкѣ нашей домашней жизни? Я лично, по крайней мѣрѣ, отъ своего поколѣнія ничего не жду. Мои надежды—въ будущемъ. И думается мнѣ — оно ихъ все же не обманетъ!..—

2 ноября 1911. А. Дерентaль.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Крестьянскій вопросъ въ канунъ открытія первой Думы и послѣ четырехъ лѣтъ законодательной работы—третьей.—Отвѣтъ „лодырей“ „господамъ“.—Новый пріемъ вмѣшательства въ выборы. — Запросъ объ орловскихъ фиктивныхъ цензахъ.—Дѣло А. А. Стаховича.—Изъ отзывовъ печати о думскомъ выступленіи А. А. Макарова.—Запросъ о дѣлѣ соціалъ-демократовъ второй Думы и „недоумѣніе“ октябристовъ.—„Усердіе не по разуму“: проекты памятника П. А. Столыпину въ Петербургѣ и постановки его бюста въ Государственной Думѣ.

19 апрѣля 1906 г., за недѣлю до дня торжественнаго открытія первой Государственной Думы, въ большомъ Тенишевскомъ залѣ происходило политическое собраніе. Собраніе было устроено партіей демократическихъ реформъ. Главную особенность программы партіи, сравнительно съ другими, ей близкими, составляло прямое и категорическое опредѣленіе нормы крупнаго землевладѣнія, т.-е. высшаго

числа десятинъ земли, которое можетъ быть сосредоточиваемо въ рукахъ одного владѣльца. На этой нормѣ партія строила разрѣшеніе вопросовъ земельнаго и крестьянскаго, поскольку земельный есть основа крестьянскаго и поскольку крестьянскій нельзя отрывать отъ земельнаго. Обрисовкѣ крестьянскаго вопроса, въ его жгуче-острыхъ и тягостно-хроническихъ проявленіяхъ, и было посвящено собраніе. Освѣщая вопросъ съ различныхъ точекъ зрѣнія,—исторической, правовой и экономической, — докладчики проводили одну общую мысль: первую и потому ближайшую задачу творческой работы Государственной Думы составляютъ реформы, связанныя съ крестьянскимъ вопросомъ.

Въ преніяхъ принялъ участіе только что пріѣхавшій въ Петербургъ депутатъ-крестьянинъ Харьковской губерніи, Д. И. Назаренко. Типичный малороссъ — сухощавый брюнетъ, съ глубоко сидящими и полными блеска глазами,—онъ, конечно, привлекъ къ себѣ особое вниманіе. По митингамъ и предвыборнымъ собраніямъ, Петербургъ въ то время уже хорошо зналъ ораторовъ-рабочихъ и ихъ программныя рѣчи, но ораторы крестьяне ему еще не были извѣстны. Д. И. Назаренко началъ съ оговорки, что поведетъ собраніе въ тотъ „уголокъ крестьянской нужды“, котораго не касались докладчики. И онъ сталъ говорить о томъ, чего не было ни въ одной программной конструкціи,—объ отношеніяхъ, сложившихся между крестьянами и духовенствомъ, и, въ частности, объ оплатѣ таинствъ. Этотъ „уголокъ“, невѣдомый для горожанъ и, во всякомъ случаѣ, не составляющій для нихъ уголка „нужды“, ярко показалъ собравшимся, что не только въ отношеніи земельнаго голода, правового обособленія и сугубой необезпеченности правъ человѣка существуетъ въ Россіи крестьянскій вопросъ, но что онъ существуетъ во всей совокупности быта, нравовъ и интересовъ. И внутри этого „уголка“, однако, оказалось, что корень нужды все тотъ же: земли мало и земля перестала родить. „Родила земля—говорилъ Д. И. Назаренко—и за требы платили, а теперь не въ моготу“! „И вотъ, когда, послѣ избранія — такъ закончилъ онъ свою рѣчь—я спрашивалъ крестьянъ, чего мнѣ должно добиваться въ Думѣ, они сказали:—Иди, братъ, ты на своей спинѣ узналъ все горе и всю нужду крестьянскую. Земли намъ, конечно, надо, прежде всего,—потому безъ земли жить стало совсѣмъ невозможно; еще, чтобы права были; еще, чтобы и мы могли дѣтей всему обучать; а еще—чтобы духовенству отъ казны жалованье положили... Нельзя такъ оставлять, что священники по дворамъ ходятъ, у нищихъ милостыню выпрашиваютъ и таинства продаютъ“...

Такъ было наканунѣ того дня, который—тогда казалось—навсегда будетъ великимъ и памятнымъ... Прошло пять лѣтъ, близокъ конецъ

шестого. Какъ мигъ промелькнули 72 дня жизни первой Думы. Немногимъ дольше прожила Дума второго созыва. Идетъ послѣдняя сессія „послушной“ третьей Думы — „Думы-декораціи“. Предстоятъ выборы въ четвертую... Государственная Дума оторвана отъ непосредственнаго общенія со страной. Право политическихъ собраній стало привилегіей тѣхъ, чьи мысли и дикія вожделѣнія стремятся выдать за желанія и требованія страны. Право образованія политическихъ партій—тоже. О собраніяхъ, подобныхъ собранію 19 апрѣля 1906 г., приходится вспоминать, какъ о фактахъ далекаго прошлаго... 27-е апрѣля поминаютъ и чествуютъ только одни бывшіе первые избранники народа—нынѣшніе „преступники“, лишенные политическихъ правъ. И чествуютъ они его не открыто, не вмѣстѣ съ тѣми, кто съ молитвою ихъ посылалъ, — а крадучись, въ ресторанахъ и частныхъ квартирахъ... Д. И. Назаренко—тоже „преступникъ“, отбывшій тюремное заключеніе за выборгское воззваніе. Онъ тоже не участвовалъ въ выборахъ во вторую и въ третью Думу и не будетъ участвовать въ выборахъ въ четвертую. Онъ, кромѣ того, какъ крестьянинъ, „на своей спинѣ узнавшій все горе и всю нужду крестьянскую“, выброшенъ изъ родной деревни въ городъ...

Но то, изъ-за чего и для чего столицы и деревня, коренные русскіе и инородцы, крестьяне и рабочіе, прогрессивная печать и доконституціонные земцы страстно и болѣзненно ждали наступленія 27-го апрѣля,—все то осталось. Остался во всемъ величіи перваго вопроса русской жизни и вопросъ крестьянскій, ибо по пути приближенія къ его разрѣшенію не сдѣлано ни одного шага. Наказъ, съ которымъ крестьяне-избиратели посылали Д. И. Назаренко въ первую Думу, можетъ и долженъ быть ими повторенъ съ буквальной точностью при выборахъ—въ четвертую. „Ставка на сильныхъ“, получившая выраженіе въ хутораманіи и въ мѣрахъ разрушенія общины, не есть средство разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Для данной минуты, „ставка на сильныхъ“ есть, напротивъ, откровенный отказъ отъ стремленія къ его разрѣшенію. Въ лицѣ „сильныхъ“ крестьяне получили возможность выхода на хутора и отруба съ льготными ссудами и субсидіями. Въ лицѣ же „слабыхъ“—имъ открыта возможность иного рода: продать надѣлъ, проѣсть полученныя деньги и „идти въ кусочки“. Закономъ 5-го октября 1906 г. съ крестьянъ сняты нѣкоторыя правоограниченія. Но земскій начальникъ и становой приставъ—полноправные вершители судебъ деревенской жизни—остались въ полной неприкосновенности. Въ деревнѣ появился новый институтъ власти—„стражники“, готовые въ каждую минуту пустить въ ходъ нагайки, а то и ружья. Тѣмъ же закономъ нѣсколько измѣненъ къ лучшему порядокъ выбора крестьянами земскихъ гласныхъ.

Но численное соотношеніе гласныхъ-крестьянъ и гласныхъ-дворянъ осталось прежнее. Не могло не остаться крестьянское экономическое безсиліе, и для массы крестьянъ—земельный голодъ. Крестьяне попрежнему не могутъ „дѣтей всему обучать". Для улучшенія матеріальнаго положенія сельскаго духовенства кое-что сдѣлано. Но для измѣненія его положенія бытового—ничего. Оплата исправленія требъ оставлена и даже возведена на степень одной изъ исконныхъ и потому незыблемыхъ религіозно-нравственныхъ „обязанностей" крестьянства.

Четыре года „господская" Дума третьяго созыва ходила вокругъ и около крестьянскаго вопроса, — въ сущности же замалчивала его, или, точнѣе, растворяла въ ворохахъ вермишели, въ финляндскихъ и холмскомъ законопроектахъ и въ сантиментальныхъ благопожеланіяхъ октябристовъ. Курскій дворянинъ, г. Марковъ 2-ой, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, повторялъ свою простую, всеразрѣшающую формулу бывшаго рабовладѣльца, мечтающаго на думскомъ креслѣ о безвозвратно погибшей крѣпостной эпохѣ: „крестьяне—лодыри". Крестьянскіе представители, хотя и прошедшіе въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ черезъ фильтръ крупно-землевладѣльческаго большинства выборщиковъ, все-таки иногда, безъ различія партій, напоминали о крестьянской нуждѣ. Но если ихъ и слушали, то къ ихъ невнятнымъ словамъ не прислушивались. Какъ было въ восьмидесятыхъ годахъ, на помощь послѣ-конституціонной реакціи пришелъ рядъ урожайныхъ лѣтъ. Первый же неурожай — и крестьянскій вопросъ выплылъ наружу. Онъ выплылъ въ Думѣ, и въ той самой формѣ, въ которой дебатировался передъ открытіемъ первой Думы на собраніи партіи демократическихъ реформъ: въ формѣ необходимости законодательнаго урегулированія нормы крупнаго землевладѣнія.

Въ засѣданіи 12-го ноября, Дума обсуждала формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ по разъясненіямъ правительства о мѣрахъ помощи голодающимъ. Обсужденіе и голосованіе формулъ проходило въ обычномъ для третьей Думы порядкѣ. Говорилъ съ каѳедры и бранился съ мѣста г. Пуришкевичъ. Епископъ Евлогій требовалъ оказанія продовольственной помощи священникамъ. Г. Тимошкинъ заявлялъ о пенсіяхъ, которыя получаютъ по прежней государственной службѣ члены Думы, сидящіе на лѣвой сторонѣ. Гг. Буцкій и Синадино доказывали, что выдавать крестьянамъ продовольственныя ссуды не нужно и вредно. Когда говорили ораторы оппозиціи, въ залѣ стоялъ сплошной шумъ и гулъ. И вдругъ, среди робкихъ и скромныхъ благопожеланій, оказалось дополненіе, внесенное правымъ крестьяниномъ, членомъ Думы отъ Волынской губ., Андрейчукомъ. Голосованію этого

дополненія предсѣдатель предпослалъ приглашеніе: „Прошу вниманія къ новой формулѣ. Покорнѣйше прошу не шумѣть и занять мѣста". Дѣйствительно, „новая формула" заслуживала полнаго вниманія „господской" Думы, и предсѣдатель, г. Родзянко, не даромъ огласилъ ее самъ, а не поручилъ оглашеніе секретарю. Она гласила: „Государственная Дума считаетъ необходимымъ, чтобы правительство въ скоромъ времени внесло въ Государственную Думу законопроектъ объ установленіи предѣльной нормы количества земли крупнаго землевладѣнія". Къ ужасу „господъ", первое голосованіе дало перевѣсъ въ пользу формулы: 125 голосовъ противъ 100. Но ужасъ ихъ сейчасъ же разсѣялся. При повторной баллотировкѣ, за предложеніе Андрейчука высказалось 129 членовъ Думы, противъ—135.

Принятіе формулы г. Андрейчука, конечно, реальнаго значенія имѣть не могло. И въ этомъ смыслѣ для ужаса „господъ" не было основанія. Но что они ужаснулись—понятно, ибо, какъ симптомъ и какъ показатель, формула не могла не сказать имъ очень многаго. Это былъ знаменательный отвѣтъ „лодырей" „господамъ". Отвѣтъ,—исходящій отъ крестьянина, принадлежащаго, по утвержденіямъ націоналистовъ, къ крайнимъ правымъ, а по утвержденіямъ правыхъ—къ націоналистамъ. Отвѣтъ, котораго никакъ нельзя приписать революціонной агитаціи слѣва. Отвѣтъ, сказанный не тономъ послушанія или просьбы, а властно. Дума только что приняла формулу октябристовъ, выражавшую по адресу правительства „увѣренность", что оно внесетъ законопроекты. Андрейчукъ же предлагалъ сказать: „Государственная Дума считаетъ необходимымъ". Какъ показатель, формула Андрейчука громко прокричала, что ни выборный законъ 3-го іюня, ни хутора съ отрубами, ни стражники, ни четыре года вѣрнаго послушанія „законодателей" волевымъ импульсамъ, ни охранныя отдѣленія, ни чтеніе въ сердцахъ, крестьянскаго вопроса изъ русской жизни не вытравили: какимъ онъ былъ и какимъ рисовался пять лѣтъ назадъ, такимъ и остается. Она повелительно напомнила, что есть въ Россіи милліоны крестьянъ и тысячи „господъ" — дворянъ-землевладѣльцевъ, и что это дѣленіе не укладывается въ партійно-политическія перегородки. Она, наконецъ, приподняла завѣсу, покрывающую четвертую Думу, выборы въ которую будутъ происходить въ двадцати губерніяхъ непосредственно послѣ голоднаго года. Значеніе формулы Андрейчука не въ томъ, что она была сначала принята, затѣмъ отвергнута, а въ ней самой — въ голомъ фактѣ ея внесенія въ Думу. Она—одинъ изъ тѣхъ парламентскихъ фактовъ, для которыхъ безразличенъ перевѣсъ шести голосовъ въ одну или въ другую сторону.

Можно ли относить формулу Андрейчука на счетъ случайности,—

на счетъ случайно пришедшей ему въ голову и имъ самимъ и другими крестьянами-депутатами непродуманной мысли? Если судить о засѣданіяхъ Думы по газетамъ, то, пожалуй, да, и тогда „господа" могутъ быть спокойны. Газеты всѣхъ лагерей и оттѣнковъ печатаютъ только рѣчи излюбленныхъ ораторовъ, и рѣчи крестьянъ рѣдко попадаютъ на газетные столбцы. Не нашли себѣ мѣста на нихъ и рѣчи Андрейчука, а также еще двухъ правыхъ крестьянъ, Амосенка и Дворянинова, сказанныя наканунѣ, 11-го ноября. Если же взять стенограммы, то окажется, что формула Андрейчука была имъ предложена отнюдь не случайно, что она неизбѣжно вытекала изъ того, что говорили Амосенокъ и Дворяниновъ, а также, что въ пользу его предложенія голосовали далеко не одни представители думской оппозиціи, воспользовавшіеся случаемъ произвести анти-правительственную демонстрацію. Слѣдовательно, и это утѣшеніе встревоженныхъ „господъ" падаетъ.

Передъ концомъ своихъ полномочій и третья Дума услышала слова крестьянина Амосенка: „Земля есть, а пахать не даютъ"! И услышала она это грозное предупрежденіе оттуда, откуда шло „послушаніе" послушнымъ, въ свою очередь, „господамъ". Перваго же искуса неурожая „послушаніе" „лодырей" не выдержало...

Будетъ ли и какъ учтена формула Андрейчука при предстоящихъ выборахъ въ четвертую думу? Какъ она будетъ учтена и съ какимъ результатомъ, — объ этомъ, пока что, можно только гадать. Но что она учтена будетъ—въ томъ не можетъ быть ни малѣйшихъ сомнѣній. Не можетъ быть сомнѣній и въ той общей директивѣ, а равно въ энергіи, по которой и съ которой учетъ будетъ вестись.

Въ извѣстномъ всеподданнѣйшемъ докладѣ графа Витте, опубликованномъ вмѣстѣ съ манифестомъ 17-го октября, говорилось: „правительство должно поставить себѣ непоколебимымъ принципомъ полное невмѣшательство въ выборы въ Государственную Думу". Но не прошло и года, какъ непоколебимый принципъ поколебался. Вторые выборы сплошь проходили при содѣйствіи „разъясненій". Передъ третьими—принципъ былъ формально объявленъ предразсудкомъ. Правила 3-го іюня возвели „разъясненія" въ правовую норму и рядомъ съ разъясненіями поставили „дѣленіе" избирательныхъ собраній и съѣздовъ, т.-е. право министра внутреннихъ дѣлъ такъ комбинировать избирателей, чтобы ихъ „свободное" избраніе приводило къ желательному не для нихъ, а для правительства, результату. На случай, гдѣ законъ могъ оказаться для правительственнаго вмѣшательства безсильнымъ, дѣйствовали аресты, и высылка административнымъ по-

рядкомъ, и „темныя деньги",—какъ откровенно повѣдалъ передъ судомъ бывшій московскій градоначальникъ ген. Рейнботъ. Въ частности, въ отношеніи крестьянъ, „разъясненія", „дѣленія", аресты съ высылкой и „темныя деньги" имѣли, впрочемъ, характеръ мѣръ крайнихъ: устраненіе отъ права участія въ выборахъ по землевладѣльческому цензу въ своемъ уѣздѣ крестьянъ-собственниковъ, ограничительное опредѣленіе понятія „домохозяинъ" въ примѣненіи къ выборамъ уполномоченныхъ отъ волостей и расписаніе губернскихъ выборщиковъ по куріямъ служили и безъ того достаточной гарантіей, что въ третью Думу пройдутъ Андрейчуки, Амосенки и Дворяниновы, а не Аладьины, Аникины и Соломки. Оказалось, однако, что и Андрейчукамъ не во всемъ можно вѣрить, что въ самомъ страшномъ для „господъ" вопросѣ, въ вопросѣ земельномъ, они напоминаютъ Аникиныхъ и Аладьиныхъ. Съ другой стороны, оплотъ „господъ" въ Думѣ—помѣстное дворянство—неудержимо таетъ. Отсюда нетрудно сдѣлать практическій выводъ. И онъ уже сдѣланъ.

Имущественно-цензовая выборная система неустранимо связана съ фиктивными цензами, и эта неустранимость такова, что фиктивные цензы служатъ однимъ изъ главныхъ возраженій противъ цензовой системы. Въ газетахъ сообщалось, что г. Пуришкевичъ, не разсчитывая снова пройти въ Думу по бессарабской губ., пріобрѣлъ цензъ въ курской, и что г. Шингаревъ, утратившій квартиронанимательскій цензъ въ воронежской губ., купилъ недвижимость въ уфимской. Пріобрѣтать имущество гдѣ бы то ни было — безспорное право каждаго, и если оно является способомъ добиться избранія въ Думу,—то сѣтовать по поэтому поводу не приходится. Пріобрѣтеніе болотъ давно и широко практикуется въ земствѣ. Пріобрѣтеніе городскихъ пустырей—въ городскомъ самоуправленіи. Разъ въ основу государственныхъ выборовъ также положено владѣніе имуществомъ, пріобрѣтеніе его спеціально въ цѣляхъ полученія избирательнаго права стало явленіемъ неизбѣжнымъ. Одно дѣло, однако, когда фиктивные цензы пріобрѣтаютъ частныя лица по своей иниціативѣ и за свой счетъ. И совершенно другое,—когда иниціативу „испомѣщенія" болотами любезныхъ имъ избирателей берутъ на себя органы правительственной власти. Тутъ уже пропадаетъ всякая грань даже между вмѣшательствомъ въ выборы и ихъ простой подтасовкой. Примѣръ новаго шага на пути отказа отъ „предразсудка" дали орловскій губернаторъ и орловское отдѣленіе крестьянскаго банка.

9-го ноября фракціей народной свободы были внесены въ Думу слѣдующіе два запроса министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Перваго предлагалось спросить: „Извѣстно ли ему, что орловскій губернаторъ Андреевскій предложилъ сѣвскому уѣздному предводителю

дворянства и землевладѣльцу Подлиневу совершить продажу принадлежащей ему земли гг. Гайдуковымъ и Ветлицу, въ количествѣ, потребномъ для пріобрѣтенія названными лицами избирательнаго ценза по выборамъ въ Государственную Думу по землевладѣльческой куріи сѣвскаго уѣзда, орловской губерніи, и настоялъ на совершеніи этой сдѣлки, имѣющей фиктивный характеръ и осуществленной чрезъ посредство подчиненнаго ему лица, ст. сов. Петрова". Второго: „Извѣстно ли ему, что орловскимъ отдѣленіемъ крестьянскаго банка была совершена, вопреки ближайшимъ задачамъ дѣятельности банка, съ нарушеніемъ обязательныхъ правилъ и съ несоблюденіемъ интересовъ казны, продажа ст. сов. А. А. Петрову принадлежащихъ банку въ сѣвскомъ уѣздѣ, орловской губ., земельныхъ участковъ, въ потребномъ для пріобрѣтенія ценза количествѣ, 237¼ дес.".

Иниціаторы запросовъ требовали признанія ихъ спѣшными. Дума большинствомъ 137-ми голосовъ противъ 134-хъ въ этомъ отказала и сдала обвиненія, предъявленныя орловскому губернатору и отдѣленію крестьянскаго банка, въ коммиссію, которая уже давно пріобрѣла славу похороннаго бюро. Октябристъ, кн. Куракинъ, и „независимый" націоналистъ, г. Крупенскій, оспаривали допустимость спѣшнаго обсужденія обоихъ запросовъ невѣроятностью положенныхъ въ ихъ основаніе фактовъ и тѣмъ, что по поводу сообщенія этихъ фактовъ имѣется судебное дѣло, а потому, слѣдовательно, необходимо обождать приговора суда. Но въ ихъ рѣчахъ были и такія фразы, которыя свидѣтельствовали, что ими руководили не только эти мотивы. Кн. Куракинъ, между прочимъ, говорилъ, что „въ орловскомъ обществѣ циркулируютъ и другіе слухи". А г. Крупенскій пояснилъ, что, по „другимъ" слухамъ, „членъ Думы Ѳедоровъ недавно продалъ цензъ г. Стаховичу". „Съ какой цѣлью—прибавилъ онъ,—я не знаю, да это и все равно; во всякомъ случаѣ, въ этомъ нѣтъ никакого преступленія". Значитъ,—нѣтъ ничего преступнаго и въ аналогичныхъ дѣйствіяхъ губернатора. Значитъ, далѣе,—если его дѣйствія и предосудительны, то ровно настолько, насколько предосудительна продажа и покупка фиктивныхъ цензовъ вообще, безъ содѣйствія власти... Думское большинство—октябристы и націоналисты—не впервые показали, какъ оно понимаетъ роль правительства, его содѣйствіе или противодѣйствіе, во всемъ томъ, что составляетъ область общественной самодѣятельности. Если у „нашихъ" противниковъ есть энергія, которой у „насъ" нѣтъ, если у нихъ есть таланты и знанія, которыми „мы" тоже не обладаемъ,—то почему же правительству и не компенсировать своей властью „нашихъ", его союзниковъ, общественныхъ дефектовъ? Такъ разсуждаютъ петербургскіе стародумцы, ведущіе этимъ оружіемъ борьбу съ обновленцами. Такъ разсуждали въ

недавнее время правые земцы. На этомъ же разсужденіи покоится существованіе студентовъ-академистовъ, правой печати и союзническихъ чайныхъ. А въ дѣлѣ выборовъ—что иное обезпечило за правыми партіями торжество въ третьей Думѣ?..

Если запросы, внесенные фракціей народной свободы, представлялись большинству Думы въ такой мѣрѣ слабо обоснованными, что вызывали сомнѣніе не только въ вѣрности фактическихъ утвержденій, но и въ ихъ вѣроятности, то, казалось бы, спѣшность обсужденія была въ прямыхъ интересахъ большинства. Единство Думы, какъ законодательнаго учрежденія, большинству неизвѣстно. Если случается, что правительство изобличаетъ оппозицію въ невѣрности сообщаемыхъ фактовъ, то большинство громко и откровенно ликуетъ. Въ данномъ же случаѣ отъ министровъ требовались болѣе чѣмъ простыя заявленія: орловскій губернаторъ никакого участія въ продажѣ земли г. Подлиневымъ гг. Гайдуковымъ и Ветлицу не принималъ и крестьянскій банкъ земли г. Петрову не продавалъ,—и интерпелляпты были бы посрамлены. Но большинство на такую легкую побѣду не рискнуло. А ссылка на судебное дѣло была формальной отпиской. Въ томъ и суть запросовъ, что интерпелляпты знали, что судебный приговоръ свѣта не прольетъ, какъ это заранѣе, но документально, удостовѣрилъ письмомъ въ редакцію „Рѣчи“ обвиняемый, бывшій членъ второй Думы А. А. Стаховичъ.

Обращаясь къ его письму, мы касаемся третьяго звена той цѣпи воспособленія и содѣйствія, которая характеризуетъ современную „законность“,—къ суду, или, по многократному утвержденію И. Г. Щегловитова, къ недосягаемой для политическихъ вѣяній и вліяній „храминѣ правосудія“, независимой ни отъ кого и ни отъ чего. Г. Стаховичъ преданъ суду за помѣщеніе въ „Елецкой Жизни“ свѣдѣній о фиктивныхъ цензахъ,—тѣхъ самыхъ, которые легли въ основу запросовъ. На юридическомъ языкѣ его дѣяніе квалифицировано какъ „распространеніе посредствомъ печати завѣдомо ложныхъ о дѣятельности правительственнаго установленія или должностного лица свѣдѣній, возбуждающихъ въ населеніи враждебное къ нимъ отношеніе“, и ему грозитъ не только арестъ или денежное взысканіе, но и тюрьма до восьми мѣсяцевъ. Какъ справедливо писалъ г. Стаховичъ, вмѣстѣ съ тюрьмой ему грозитъ большее: признаніе лжецомъ, утрата довѣрія и общественнаго уваженія, несмываемый позоръ. Естественно, что имѣя противъ себя такое обвиненіе, г. Стаховичъ сталъ стремиться къ тому, чтобы доказать правдивость „распространенныхъ“ имъ посредствомъ печати свѣдѣній. Формальное его на это право безспорно вытекаетъ изъ того, что основнымъ признакомъ инкриминируемаго ему дѣянія законъ считаетъ „завѣдомую лживость“. Онъ обратился

къ суду съ просьбой вызвать свидѣтелей и, среди нихъ, губернатора Андреевскаго, гг. Подлинева и Петрова и покупателей. Елецкій окружный судъ отказалъ. Онъ просилъ еще выдать ему свидѣтельство на полученіе документовъ отъ старшаго нотаріуса, изъ крестьянскаго банка и изъ губернаторской канцеляріи. Судъ и въ этомъ ему отказалъ. Какую же цѣну можетъ имѣть для Государственной Думы постановленный въ такихъ условіяхъ судебный приговоръ?

Но если коробитъ юриста самый фактъ отказа суда предоставить г. Стаховичу законныя средства защиты, то что сказать о мотивахъ, которыми судъ руководился?! Эти мотивы приведены г. Стаховичемъ дословно: „Допросъ просимыхъ Стаховичемъ свидѣтелей и разсмотрѣніе судомъ справокъ и документовъ—объявилъ елецкій окружный судъ,—не имѣя для дѣла существеннаго значенія, получили бы характеръ производимаго не установленнымъ въ законѣ порядкомъ разслѣдованія о дѣятельности должностного лица съ цѣлью выясненія отрицательнаго ея характера, между тѣмъ какъ таковой характеръ дѣятельности можетъ быть установленъ и признанъ лишь въ законномъ порядкѣ, а ранѣе такого признанія свѣдѣнія о должностномъ лицѣ, вызывающія осужденія его, не могутъ почитаться вѣрными". Человѣку говорятъ, что онъ завѣдомо „распространилъ" ложь. Онъ проситъ: „вызовите свидѣтелей, отъ которыхъ узнаете, что я написалъ правду, посмотрите документы, изъ которыхъ увидите, что я не лгалъ". „Храмина правосудія" ему отвѣчаетъ: „это не имѣетъ для дѣла существеннаго значенія". Но еще лучше заключительный афоризмъ. Елецкій судъ утверждаетъ, что пока должностное лицо не предано суду и не осуждено, всѣ неодобрительныя о немъ свѣдѣнія не могутъ почитаться вѣрными!! А посему еще до разсмотрѣнія дѣла судъ объявилъ г. Стаховичу, какой будетъ постановленъ приговоръ... „Неудивительно — вѣрно писалъ въ своемъ письмѣ г. Стаховичъ, — что когда я слушалъ въ Гос. Думѣ рѣчь Щегловитова, въ которой онъ съ паѳосомъ нападалъ на В. А. Маклакова за его утвержденіе, что въ управленіе его министерствомъ юстиціи наши суды часто ставятъ политику, циркуляръ выше закона и правосудія,—меня всего покоробило отъ негодованія. Я вѣдь только что сдѣлался объектомъ именно политики суда, заботящагося о сохраненіи „престижа" нашихъ орловскихъ властей!!"...

Чиновничьимъ языкомъ и чиновничьими фразами отвѣтилъ новый министръ внутреннихъ дѣлъ, А. А. Макаровъ, на запросъ, вызванный убійствомъ П. А. Столыпина. Объ „охранныхъ" пріемахъ борьбы съ ожидаемымъ повтореніемъ революціи, о системѣ сотрудничества и провокаціи онъ не сказалъ ничего: систему размѣнялъ на

несоблюденіе циркуляровъ, правительственную политику—на злоупотребленія стрѣлочниковъ. Его отвѣтъ не удовлетворилъ даже націоналистическую печать. „Свѣтъ“ писалъ: „Рѣчь А. А. Макарова не внесетъ полнаго успокоенія въ русское общество“. „Новое Время“:— „Горькимъ должно оказаться то разочарованіе, какое охватитъ русское общество послѣ тѣхъ краткихъ и едва ли могущихъ кого-либо удовлетворить объясненій, съ какими предстало правительство предъ Г. Думой. Министръ внутреннихъ дѣлъ не отвѣтилъ даже на всѣ пункты запроса. Русское общество ждетъ, чтобы политическая охрана была выведена изъ того исключительнаго положенія безотвѣтственности и безконтрольности, въ какихъ она находится въ настоящее время и которое несовмѣстимо съ элементарнѣйшими требованіями правового порядка... Приходится съ горечью убѣдиться, что правительство въ этомъ отношеніи расходится съ голосомъ общества“.

Но „Земщина“, конечно, осталась въ полной мѣрѣ довольна. „Лѣвая (?) часть Думы—писалъ органъ гг. Замысловскаго и Маркова—возлагала громадныя надежды на запросъ объ охранѣ, допустившей кіевское злодѣйство. Наши головорѣзы разсчитывали, что прижмутъ правительство къ стѣнѣ и заставятъ его отказаться отъ всякой охраны и даже отъ борьбы съ политическими убійцами. Но дѣло, видимо, не выгораетъ. Впервые выступившій въ Думѣ министръ внутреннихъ дѣлъ, А. А. Макаровъ, совершенно спокойно и очень обстоятельно выяснилъ, что, пока сенаторская ревизія не закончитъ возложеннаго на нее разслѣдованія, преждевременно дѣлать какіе-либо выводы, но, тѣмъ не менѣе, и теперь можно уже сказать, что о провокаціи въ убійствѣ Столыпина и рѣчи быть не можетъ; и, если авторы запроса стараются приплести сюда провокацію, то это только тактическій пріемъ“... Полонъ безотрадности выводъ „Русскихъ Вѣдомостей“: „Выступленіе министра внутреннихъ дѣлъ сразу и ясно опредѣлило обликъ г. Макарова, какъ государственнаго дѣятеля. Относительно П. А. Столыпина долгое время обманывались и его друзья, и отчасти его противники. Относительно А. А. Макарова подобныя ошибки невозможны: тутъ все просто и ясно, какъ нельзя болѣе“.

„Все просто и ясно“ и въ политикѣ думскаго большинства. Тутъ уже давно никто и ни въ чемъ не обманывается. Но, всетаки, союзъ октябристовъ съ націоналистами съумѣлъ внести въ практику Думы совершенно неожиданное новшество и тѣмъ добавилъ къ характеристикѣ большинства такой штрихъ, которому съ парламентской точки зрѣнія положительно нельзя подъискать не нарушающаго приличіе названія. Большинство ни болѣе, ни менѣе, какъ лишило оппозицію права внести запросъ. Сдѣлало оно это посредствомъ закрытія дверей засѣданія и даже не при обсужденіи запроса по существу, а тогда,

когда должны были происходить лишь пренія о признаніи его спѣшнымъ.

Соціалъ-демократическая фракція третьей Думы, само собою разумѣется, не могла не обратить вниманія на разоблаченія иностранной прессы о провокаторской дѣятельности „сотрудника“ Бродзскаго и начальника петербургскаго охраннаго отдѣленія, ген. Герасимова, инсценировавшихъ военно-революціонную организацію, сношенія съ которой послужили поводомъ привлеченія къ суду соціалъ-демократовъ второй Думы. Достаточно сказать, что жертвы этой провокаціи и сейчасъ томятся въ каторгѣ и ссылкѣ. Фракція представила запросъ и заявила требованіе признать его спѣшнымъ. По наказу Думы, такое требованіе подлежитъ немедленному обсужденію, при чемъ два члена Думы могутъ говорить за и два противъ. Текстъ запроса былъ оглашенъ въ публичномъ засѣданіи, но затѣмъ предсѣдатель распорядился очистить трибуны и закрыть двери. Интерпеллянты запросъ сняли. Затѣмъ они три раза передѣлывали запросъ, снова вносили—и повторялось тоже самое. Конецъ этому положило письменное предложеніе октябристовъ „разъяснить“ наказъ въ томъ смыслѣ, что Дума можетъ голосованіемъ признать вопросъ о спѣшности неподлежащимъ обсужденію. Авторы заявленія писали, что такое „разъясненіе“ они считаютъ необходимымъ, какъ средство противодѣйствія „обструкціи“. Послѣ этого интерпеллянты, не сомнѣваясь въ исходѣ предложеннаго голосованія, запросъ взяли обратно.

Да, несомнѣнно, въ Думѣ была „обструкція“. Но откуда она шла и противъ чего была направлена? Противъ права большинства „спокойно“, какъ заявляли октябристы, заниматься переработкой въ законодательной машинѣ вермишели, или противъ безспорнаго права меньшинства требовать, чтобы Дума безотлагательно рѣшала, признать запросъ спѣшнымъ или нѣтъ? Судя по отзывамъ газетныхъ референтовъ и интервьюеровъ, октябристы „недоумѣваютъ“. Они недоумѣваютъ, зачѣмъ оппозиціи нужно было публичное обсужденіе и почему оппозиція не захотѣла уступить въ такомъ пустомъ и несущественномъ вопросѣ, какъ закрытіе дверей засѣданія. Чего больше въ этомъ „недоумѣніи“: лицемѣрія или искренняго непониманія азбучныхъ истинъ? Свобода публичныхъ собраній ликвидирована. У населенія осталась одна связь съ „народными представителями“, за которыхъ правыя партіи и правая печать все чаще и все съ большей охотой выдаютъ членовъ Думы, избранныхъ по правиламъ 3 іюня,—черезъ посредство публичности думскихъ засѣданій. „Народные представители“, по своей иниціативѣ, обрываютъ эту послѣднюю связующую нить—и „недоумѣваютъ“, что среди нихъ есть люди, возмущающіеся и протестующіе! И если бы еще они имѣли хоть внѣшнее логиче-

ское оправданіе „тайны“, если бы они соблюдали въ данномъ случаѣ хоть послѣдовательность. Не было ни того, ни другого.

Единственнымъ аргументомъ большинство Думы и ея предсѣдатель выставляли слѣдующее: требованіе правительства, касавшееся соціалъ-демократовъ второй Думы, было предъявлено въ закрытомъ засѣданіи; судили ихъ тоже при закрытыхъ дверяхъ; слѣдовательно, и при обсужденіи спѣшности запроса „тайна“ не должна быть нарушена. Когда 1-го іюня 1907 г. прокуроръ петербургской судебной палаты, г. Камышанскій, читалъ въ засѣданіи второй Думы постановленіе судебнаго слѣдователя, судебное дѣло было въ стадіи предварительнаго слѣдствія, и собранныя данныя не подлежали оглашенію. Но теперь, что изъ нихъ не сдѣлалось предметомъ общаго достоянія? Богрова одинаково судили при закрытыхъ дверяхъ. Почему же запросъ, вызванный его дѣломъ, обсуждался даже по существу въ публичномъ засѣданіи Думы? Почему большинство Думы въ данномъ случаѣ закрыло двери, когда не требовало закрытія дверей правительство при обсужденіи запросовъ объ Азефѣ, объ убійцѣ полк. Карпова, о Богровѣ? Невольно напрашивается печальный выводъ. Не въ „тайнѣ“, самой по себѣ, была суть. Тайна была нужна, какъ средство. Для кого и для чего? Надо ли договаривать? Не достаточно ли договорило четырехлѣтнее усердіе и послушаніе третьей Думы?

Какой видъ усердія — по разуму, или не по разуму — подсказалъ петербургскому городскому головѣ, г. Глазунову, мысль о сооруженіи памятника П. А. Столыпину въ Петербургѣ? Въ докладѣ объ этомъ городской думѣ, вмѣсто мотивовъ, сказано только, что П. А. Столыпинъ служилъ отечеству „талантливо, мужественно и честно“ и что мысль о сооруженіи памятника возникла „съ разныхъ (?) сторонъ“.

Не будемъ говорить о политическомъ характерѣ предложенія и о томъ, что вступить на путь политики предлагаетъ городской думѣ та группа гласныхъ, съ г. Глазуновымъ во главѣ, которая отказалась почтить вставаніемъ память С. А. Муромцева, ибо тогда она говорила, что для общей политики не должно быть мѣста въ органахъ городского самоуправленія, вѣдающихъ мѣстныя хозяйственныя дѣла. Къ двумъ мѣркамъ и къ готтентотскому пониманію допустимаго и недопустимаго, дозволеннаго и недозволеннаго, русское общество не со вчерашняго дня пріучено всѣмъ, что исходитъ справа. Но какъ не пришли въ голову г. Глазунову два простыхъ вопроса. Во-первыхъ, потому ли Петербургъ долженъ быть украшенъ новымъ памятникомъ, что П. А. Столыпинъ погибъ отъ руки убійцы, или на основаніи оцѣнки его государственныхъ заслугъ? Во-вторыхъ, почему иниціативу

памятника предлагается взять на себя городскому самоуправленію, а не всероссійскому національному союзу, что-ли, къ числу лицъ, стоящихъ во главѣ котораго, принадлежатъ г. Глазуновъ, товарищъ городского головы, г. Демкинъ, и бывшій предсѣдатель Думы, г. Унковскій? Изъ первой альтернативы вытекаютъ дальнѣйшіе вопросы. Почему не поставлено памятниковъ Д. С. Сипягину и В. К. Плеве? Или, быть можетъ, г. Глазуновъ полагаетъ, что они не служили отечеству „талантливо, мужественно и честно" и своимъ предложеніемъ именно это желаетъ подчеркнуть? Не рано ли передъ свѣжей могилой оцѣнивать государственную дѣятельность министра такой формой чествованія его памяти, которая безповоротно рѣшаетъ вопросъ и разсчитана на то, чтобы сдѣланная оцѣнка перешла въ исторію?... Вторая альтернатива напоминаетъ о закрытіи обществъ обывателей и избирателей, о проектѣ принудительнаго оздоровленія Петербурга и о томъ, что писалось по адресу петербургскаго самоуправленія въ объясненіяхъ къ проекту...

Лавры г. Глазунова въ усердіи не по разуму желаетъ раздѣлить съ нимъ А. И. Гучковъ. Въ газетахъ сообщалось, что онъ уже заказалъ бюстъ П. А. Столыпина для постановки въ Таврическомъ дворцѣ. Государственная Дума, русская конституція, „народное представительство" и П. А. Столыпинъ — авторъ правилъ 3-го іюня, контрассигнировавшій акты о роспускѣ первой и второй Думы, создатель „Думы-декораціи", не знавшій границъ для своихъ „волевыхъ импульсовъ", возведшій „нажимъ" на законъ въ норму государственнаго управленія! Его бюстъ въ Таврическомъ дворцѣ, конечно, будетъ говорить о томъ, что, не будь его, не было бы *третьей* Думы. Но что скажетъ его бюстъ исторіи, когда передъ нимъ пройдетъ время четвертой Думы, пятой, десятой?..

Отъ редакціи.

Въ стихотвореніи Китса „La belle Dame sans Merci" (ноябрь, стр. 176, IV и VI) напечатано „въ лучахъ"; надо читать: „въ лугахъ".

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.

Отъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

Россію вновь постигнулъ тяжелый неурожай. Широкая площадь Поволжья и Сибири вновь испытываетъ всѣ его тяжелыя послѣдствія. 18 губерній и областей съ 30-ти милліоннымъ населеніемъ вновь переживаютъ экономическое раззореніе и—что еще тяжелѣе передъ этимъ многомилліоннымъ населеніемъ вновь всѣ ужасы голода.

Неурожай и нужда признаны правительствомъ. Размѣры бѣдствія громадны по оффиціальнымъ даннымъ, они еще болѣе ужасны по даннымъ общественныхъ учрежденій, по свѣдѣніямъ очевидцевъ изъ мѣстныхъ лицъ. Эти сообщенія свидѣтельствуютъ, что бѣдствія превышаютъ не только размѣры голода 1906—1907 года, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—и голода 1891 года. Уже теперь на лицо всѣ признаки надвигающихся „голодныхъ эпидемій"—тифа, цынги, куриной слѣпоты; уже теперь значительная часть населенія, распродавая свой скудный живой и мертвый инвентарь за безцѣнокъ, недоѣдаетъ, ѣстъ „черезъ день", ѣстъ „по-очереди", питается желудями, лебедой и т. п. Словомъ бѣдствія голода уже теперь заполонили тысячи сельскихъ дворовъ и хижинъ и съ каждымъ днемъ неминуемо будутъ расти въ своей силѣ. Съ мѣстъ, постигнутыхъ голодомъ, несется все усиливающійся вопль голодныхъ о помощи.

Голодающее населеніе ждетъ посильной помощи отъ общества. Во всѣ тяжелыя годины—и голодныя особенно—народъ обращалъ свои взоры къ общественной помощи, а общество—считало своимъ долгомъ откликаться на всякое народное бѣдствіе.

Императорское Вольное Экономическое Общество во всѣ предыдущіе голодные годы выступало на помощь голоднымъ. Въ прежніе годы къ Вольному Экономическому Обществу широко притекали общественныя пожертвованія въ пользу голодающихъ; такъ напримѣръ, въ голодные годы 1906 и 1907 Общество собрало пожертвованій въ пользу голодныхъ на сумму болѣе 500.000 рублей [1]), на которыя содержало до 1.200 столовыхъ и кормило до 120.000 голодныхъ.

[1]) Въ томъ числѣ 170.000 р. получены отъ „Центральнаго Комитета по оказанію помощи въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ", состоявшаго подъ предсѣдательствомъ А. С. Ермолова.

И теперь Императорское Вольное Экономическое Общество рѣшило приступить къ кормленію голодающихъ. Отъ предыдущихъ продовольственныхъ кампаній въ распоряженіи Общества имѣется капиталъ въ 37.500 рублей. Кромѣ того въ прошломъ году по завѣщанію княжны Мещерской поступилъ капиталъ въ 50.000 рублей, какъ неприкосновенный фондъ для оказанія помощи голодающимъ. Эти средства уже расходуются Обществомъ на помощь голодающимъ въ первое время. Но естественно, что ими можно удовлетворить лишь каплю въ морѣ голодной нужды. И по примѣру прошлыхъ лѣтъ Вольное Экономическое общество обращаетъ свой призывъ къ пожертвованіямъ въ пользу голодающихъ къ широкимъ слоямъ общества. Самое скромное пожертвованіе въ нѣсколько копѣекъ можетъ накормить голоднаго и этимъ опредѣляется, какъ много можетъ сдѣлать общественная поддержка.

Голодныя годины всегда пробуждали общественную самодѣятельность и взаимопомощь. Императорское Вольное Экономическое Общество надѣется, что и на этотъ разъ кличъ о помощи пробудитъ эту самодѣятельность, а въ этомъ пробужденіи—залогъ облегченія страданій и ужасовъ голода.

Пожертвованія слѣдуетъ направлять по адресу: С.-Петербургъ, Забалканскій, 33—И. В. Э. Общество.

II.

Братья и сестры о Господѣ!

Въ Оренбургской епархіи (Оренбургская губернія и Тургайская область) наступилъ сильный голодъ, особенно среди переселенцевъ изъ Россіи. Повторяется тяжелый 1891 годъ. Ужасы голода нынѣшняго года тяжелѣе, чѣмъ это можно представить. Къ Оренбургскому Епархіальному Начальству голодающіе обращаются съ просьбами о совершеніи послѣдней литургіи: „исповѣдуемся,—пишутъ несчастные,—и причастимся, чтобы встрѣтить голодную смерть“... Чье сердце не дрогнетъ, слыша объ этихъ ужасахъ?! Подобныя извѣстія не единичны...

Православные христіане! Откликнитесь! Неужели Святая Русь допуститъ своихъ дѣтей до голодной смерти?! Да не будетъ этого! Освободите, православные, своихъ братьевъ отъ ужасовъ голодной смерти! Придите на помощь, чѣмъ кто можетъ.

Пожертвованія принимаются въ г. Оренбургѣ, у Предсѣдателя Епархіальнаго Комитета по оказанію помощи голодающимъ, Преосвященнаго Діонисія, Епископа Челябинскаго.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

въ 1911 году.

Приложенія. — Портреты (англійскія геліогравюры) Н. А. Милютина, А. М. Унковскаго, Т. Г. Шевченка и Ю. Ф. Самарина (февр.). М. М. Стасюлевича (мартъ). Н. В. Шелгунова (апр.). В. Г. Бѣлинскаго (портретъ). В. Г. Бѣлинскій передъ смертью (май). А. И. Островскаго (іюнь). И. С. Никитина, Франца Листа (октябрь). М. В. Ломоносова, Н. А. Добролюбова (ноябрь).

Агаѳоновъ, В.—Землетрясенія (апр., 112). Современныя вулканическія теоріи (окт., 264).

Адріановъ, С. А.—„Живой трупъ" (ноябрь, 398).

Айзманъ, Д.—Вѣрность. I. Стеша.—II. Липа (декабрь, 35).

Андрусонъ, Л.—Изъ Джона Китса. Стих. (ноябрь, 175).

Аникинъ, С. — На Чардымѣ. Разсказъ (ноябрь, 52).

Арсеньевъ, К. К. — Приближающаяся годовщина (янв., 273). Слабый лучъ свѣта въ глубокой тьмѣ (янв., 413). Михаилъ Матвѣевичъ Стасюлевичъ † (февр., III). Полвѣка тому назадъ и теперь (февр., 303). Положеніе дѣлъ въ высшей школѣ (мартъ, 334). Фридрихъ Шпильгагенъ †. 1829 — 1911 (мартъ, 371). Юбилей сената (апр., 262). Петръ Филипповичъ Якубовичъ (апр., 418). И. Л. Леонтьевъ (Щегловъ) и М. Н. Альбовъ † (іюль, 415).

Бертенсонъ, Л. Б.—Страничка къ воспоминаніямъ о Л. Н. Толстомъ (янв., 92).

Б-нъ, М. Стихотвореніе (іюль, 64).

Беренштамъ, Владиміръ.—Изъ записокъ адвоката (сент., 93).

Боборыкинъ, П. Д. — Прорывъ въ вѣчность. Повѣсть (янв., 46; февр., 126; Мартъ, 85).

Богдановъ, А. — Стихотвореніе (іюль, 64).

Бороздинъ, И. — XV археологическій съѣздъ въ Новгородѣ (сент., 413).

Бузескулъ, В. — Школьное дѣло у древнихъ грековъ (апр., 88).

Быковъ, А.—Ремесло и „дополнительная" школа (февр., 344).

В. В.—Причины крестьянскихъ движеній 1905—1906 гг. (янв., 220). Отрицательныя тенденціи современной культуры (авг., 146).

В. З.—Тѣсныя врата. André Gide: La porte étroite. Романъ. Съ франц. (февр., 216; мартъ, 203).

Василенко, Н. — Новая книга по древней русской исторіи (мартъ, 296).

Ватсонъ, М. — На итальянскій мотивъ. Стих. (авг., 109).

Велскій, Арк.—Случайная встрѣча. Очеркъ (декабрь, 164).

Веселовская, Марія.—Шарль Ванъ-Лербергъ (сент., 329).

Викторовъ-Топоровъ, Влад. — Городъ и деревня въ Болгаріи (май, 309).

Вилькъ, Н.—Рудольфъ Гансъ Барчъ (авг., 392).

Воропоновъ, Ѳ.—Въ желѣзнодорожномъ мірѣ (окт., 77).

Вырубовъ, Г. Н.—Военныя воспоминанія. I. 4-е сентября и защита Парижа (янв., 3). II. Война 1877-го года (февр., 92).

Витбергъ, Ф. — М. В. Ломоносовъ (ноябрь, 290).

Вѣтринскій, Ч.—А. Н. Островскій. 1886—1911 г. (іюнь, 325). Къ пятидесятилѣтію смерти И. С. Никитина (окт., 322).

Геника, Е. А.—Л. Н. Толстой и душевно-больные (іюнь, 181).

Гофманъ, Викторъ. — Перемѣны. Разсказъ (авг., 137).

Дейчъ, Левъ.—Одинъ изъ первыхъ нашихъ марксистовъ (декабрь, 84).

Деруновъ, К.—Сводный систематическій указатель (янв., 434; іюль, 408;

Дживелеговъ, А. — Около юбилея (мартъ, 281).

Дивильковскій, А.—Живыя волны людскія. Городскія впечатлѣнія въ романской Швейцаріи (май, 297). Архангелогородское сидѣніе (сент., 231).

Диксонъ, Конст. — Исканіе. Стих. (авг., 119).

Доброхотовъ, Анатолій.—Въ монастырскомъ саду. Въ Греціи. Стих. (сент., 82).

Дрентельнъ, Е.—Мужчина и женщина передъ лицомъ будущаго (іюнь, 158).

Дроздовъ, В. П. — Къ пересмотру торговаго договора съ Германіей (окт., 244).

Е-нко, Т. — Стихотворенія (іюнь, 122).

Ефимовъ, Евгеній. — Александръ Ѳедоровичъ Кистяковскій (янв., 258).

Жилкинъ, И. В.—Отецъ. Разсказъ (ноябрь, 140).

Журавская, З. — Узурпаторъ. Романъ Уильяма Дж. Лока. Пер. съ англійскаго (апр., 188; май, 179; іюнь, 200; іюль, 205; августъ, 256; сент., 176). Осень. Разсказъ Г. Зудермана. Пер. съ нѣм. (ноябрь, 178). Изъ разсказовъ Эрнста Цана. I. Реквіемъ. — II. Встрѣча. — III. Маленькая весна. Пер. съ нѣмецкаго (декабрь, 130).

Зайцевъ, Бор.—Изгнаніе (декабрь, 111).

З-о.—Нехристіанское имя „Каинъ" (сент., 263).

Зѣлинскій, Ѳ. — Трагедія чести (сент., 137).

Иванюковъ, И. — Новый историческій трудъ. Н. Карѣевъ: Общій курсъ исторіи XIX вѣка (февр., 365). А. И. Чупровъ. Исторія политической экономіи (апр., 324).

Іорданскій, Н. — Бюджетная реформа (іюль, 281).

Карповъ, Н. А. — Стихотворенія (май, 113, 144).

Карѣевъ, Н. — Изученіе русскаго языка во Франціи (мартъ, 293). Послѣднія работы русскихъ ученыхъ о французской революціи (апр., 318). Новый трудъ по исторіи старой Франціи (май, 329). Три новыя книги по французской исторіи XVIII вѣка (окт., 329). Еще о новыхъ русскихъ работахъ по французской исторіи (ноябрь, 350).

Кацманъ, Л.—Стихотвореніе (іюль, 64).

Ковалевскій, Максимъ. — Значеніе работъ В. И. Сергѣевича для сравнительной исторіи государства (янв., 363). Земство въ шести губерніяхъ западнаго края (мартъ, 243). Прошлое и настоящее 87-й статьи (апр., 408). Прошлое и настоящее крестьянскаго землеустройства (май, 234). Знаменитый французскій юристъ — Дарестъ (май, 331). Очерки соціальнаго быта Франціи (іюль, 96; авг., 204; окт., 51; ноябрь, 270; дек., 183). В. О. Ключевскій † (іюль, 406). Высшее женское образованіе (іюнь, 416).

Коломенкина, М. — Стихотвореніе (іюль, 64).

Колтоновская, Е. — Александръ Михайловичъ Скабичевскій † (февр., 379). Е. Н. Чириковъ. Къ 25-тилѣтію его литературной дѣятельности (мартъ, 348). Памяти Ѳ. М. Рѣшетникова (мартъ, 367). К. М. Фофановъ † (іюнь, 411).

Колтоновскій, А. П. — Изъ Т. Г. Шевченка. I-IV (февр., 286). Пахарь (изъ Б. Гринченка). Стих. (май, 59).

Кони, А. Ф. — Искусство рѣчи на судѣ (Ноябрь, 91).

Корфъ, С., бар. — Профессоръ Георгъ Еллинекъ † (февр., 384).

Котляревскій, Несторъ.—Изъ исторіи общественнаго настроенія шестидесятыхъ годовъ (апр., 243; іюнь, 59; іюль, 143; ноябрь, 202; дек., 248).

Красноперовъ, И.—Новыя земскія изслѣдованія о хуторскомъ хозяйствѣ крестьянъ (іюнь, 207). Изслѣдованіе кустарныхъ промысловъ въ Италіи (сент., 312).

Л. Н. — Стихотворенія (іюль, 64; авг., 76).

Лаврентьева, С. — Жертва моря (авг., 111).

Лазаревскій, Борисъ. — Глицинія (сент., 84).

Лаппо-Данилевскій, А. — Памяти В. О. Ключевскаго (авг., 337).

Лебедевъ, Александръ. — Письма Н. Г. Чернышевскаго къ Г. С. Саблукову (май, 265).

Липецкій, Алексѣй.—Весной. Стих. (авг., 144).

Маклецова, Н. — Стихотвореніе (іюль, 64).

Малиновская, Екатерина. — Въ странѣ негуса (сент., 316; окт., 301).

Малинъ, А.—Второй всероссійскій ремесленный съѣздъ (мартъ, 287).

Марусинъ, А.—„За рѣшеткой". Изъ тюремныхъ воспоминаній періода ликвидаціи революціи (янв., 246). Тюремный покой (апр., 143).

Медемъ, В.—Еврейскій вопросъ въ Россіи (апр., 271).

Мейснеръ, А.—Чета. Стих. (янв., 91).

Мечниковъ, Ил.—Двѣ холеры (декабрь, 286).

Муйжель, В. — Осенью. Разсказъ (мартъ, 40).

Нарбутъ, Вл.—Стихотвореніе (іюль, 64).

О.-К., З.—Воспоминаніе. Стихотвореніе (мартъ, 242).

Оберучевъ, К.—Военный подборъ. (апр., 156).

Осиповичъ, Н. — У воды. Повѣсть (окт., 110).

Осоргинъ (Ильинъ), Мих. — Моя дочь. Изъ повѣсти дней моихъ (окт., 3).

Outsider.—Конецъ Рузевельта. (янв., 317).

П. О.— Стихотворенія, I-IV (іюнь, 57).

Пажитновъ, К. — Жилищный вопросъ на Западѣ и въ Россіи (авг., 286).

Парнокъ, С.—Стихотворенія (сент., 105).

Петри, Г.— Стихотвореніе (іюль, 64).

Погодинъ, А. Л.—Бѣлорусскіе поэты (янв., 326). Пан-американскіе и всеславянскіе съѣзды (іюнь, 314).

Погожевъ, А.—Изъ воспоминаній о В. К. фонъ-Плеве (іюль, 259).

Попельницкій, Алексѣй. — Секрет-

ный комитетъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (февр., 48; мартъ, 127).

Посниковъ, А. С.—Земельный надѣлъ. Памяти 19-го февраля 1861 г. (февр., 71).

Пругавинъ, А. С.—Письма и записочки Л. Н. Толстого. I. На почвѣ сектантства. II. Въ голодовку 1899-го года. III. Изъ позднѣйшихъ писемъ Л. Н. Толстого (февр., 270). Религіозныя гоненія при обновленномъ строѣ (авг., 121).

Ратнеръ, М.—Національные и политическіе моменты въ парламентской жизни Австріи (янв., 142).

Рославлевъ, Александръ.—Засуха. Стихотворенія (мартъ, 201; апр., 141; май, 78).

Рубакинъ, А. — Одинокій мѣсяцъ въ небѣ маячитъ. Стих. (янв., 141). Химеры. Стих. (окт., 150).

С., Вѣра. — Порой мнѣ кажется — я грежу на яву. Стих. (апр., 87).

С., Л. — Заграничная печать о Львѣ Толстомъ (янв., 409).

С., Ф. — Этьенъ Мейранъ. Отрывки изъ романа Ипполита Тэна. Съ франц. (янв., 158).

Саломонъ, Маргарита.—Мраморная загадка (май, 145).

Семеновъ Тянь-Шанскій, П.—Начало эпохи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Изъ воспоминаній послѣдняго оставшагося въ живыхъ участника законодательныхъ работъ этой эпохи (февр., 3; мартъ, 3).

Славинская, М.—Что слышалъ учитель въ графскомъ домѣ. Очеркъ Каз. Тетмайера. Пер. съ польскаго (апр., 169). Большой человѣкъ. Повѣсть Арнольда Беннета (Arnold Bennett: „A great man"). Пер. съ англ. (окт., 183, нояб., 230; дек., 204).

Славинскій, М. А.—Изъ Т. Г. Шевченка. IV-IX (Февр., 286). Муза Шевченка и ея общественное служеніе (февр., 294).

Слонимскій, Л. З. — Сергѣй Николаевичъ Южаковъ (янв., 334). Двѣ книги о Львѣ Толстомъ (февр., 371). Ложный патріотизмъ (апр., 391). Запоздалый споръ (май, 335). Первая попытка научной реформы правовѣдѣнія (іюнь, 365). Труды стараго народника (іюль, 331). Воспоминанія французскаго журналиста (авг., 323). Новая книга о Вильгельмѣ (сент., 339). Литература о Бисмаркѣ (окт., 315). Архивъ М. М. Стасюлевича (нояб., 324).

Соловьева, П. С. — Пыль вѣковъ. Стих. (апр., 52). Тайна лѣса. Братъ. Стих. (ноябрь, 173).

Сохачевская, Лидія.—Стихотвореніе (іюль, 64).

Странникъ, Иванъ.—Кира Барсюкова. Повѣсть (апр., 53; май, 80; іюнь, 85; іюль, 69).

Сургучевъ, И.—Сонъ (декабрь, 68).

Сѣверянинъ. — Не пора ли вспомнить. По поводу книги г. С. Гвоздева „Записки фабричнаго инспектора" (май, 321).

Танъ.—Тюремныя мысли (ноябрь, 112).

Тарноградскій, Валеріанъ.—Мгновенія (іюнь, 144).

Тимирязевъ, К. А.—Первая энциклопедія XX-го вѣка. (іюнь, 320). Сезонъ научныхъ съѣздовъ (ноябрь, 353).

Тимофеевъ, Григорій.—Новое начинаніе въ области музыкальнаго образованія народа (іюнь, 309). Францъ Листъ. 1811-1911 г. (окт., 333).

Толстая, Александра.—Письмо къ редактору „Вѣстника Европы" (май, 434).

Тулубъ, Зинаида. — Стихотвореніе (іюль, 64).

Тхоржевскій, Ив.—Дедалъ и Икаръ. Изъ Овидія (янв., 44). Изъ Сюлли Прюдома. Стих. (апр., 186).

Тыркова, А. — Янтаровъ (авг., 3; сент., 3).

Ульяновъ, Н.—Новѣйшая иностранная литература о домашней (кустарной) промышленности (май, 316).

Цензоръ, Дмитрій.—Смерть. Стихотвореніе (мартъ, 84).

Чекинъ, А.—Женскій трудъ въ современномъ производствѣ (нояб., 296).

Чириковъ, Евгеній. — Юность. Романъ (мартъ, 174; апр., 3; май, 3; іюнь, 3; іюль, 3).

Чубинскій, М. — Современное состояніе уголовнаго законодательства въ Россіи (мартъ, 154).

Ш. В.—Страхованіе рабочихъ и Государственная Дума (сент., 279).

Шенталь, Р.—Викторъ Стойницкій (янв., 103; февр., 174).

Шрейтеръ, Н. — Изъ итальянскаго альбома. На зноѣ. I-II. Стих. (янв., 102).

Штильманъ, Гр.—Вопросъ о судѣ присяжныхъ въ Германіи (янв., 390).

Щ. А.—„Храмъ природы" (май, 415).

Щепкина, Е.—Женскіе типы Пушкина (іюнь, 243).

Щепкина-Куперникъ, Т. — Старшіе (ноябрь, 29).

Юнге, Е. Ѳ.—Изъ моихъ воспоминаній (май, 114; іюнь, 124; іюль, 174; авг., 78; сент., 107).

Юровскій, Л. — Экономическія замѣтки (іюнь, 253).

Юшкевичъ, П.—Религіозныя исканія Л. Н. Толстого (мартъ, 260).

Яснопольскій, Л. — Итоги русской государственной росписи 1911-го года. (май. 270).

Ѳ. Ѳ.—Проектъ продолженія банковыхъ земельныхъ покупокъ (янв., 320)

Ѳедоровъ, А.—Встрѣча. I-II. Стихотворенія (мартъ, 125).

Критическіе наброски. С. А. Адріанова (янв., 374; февр. 353; апр., 382; май, 341; іюнь, 332; іюль, 337; авг., 329; окт., 340; дек., 382).

Памяти Михаила Матвѣевича Стасюлевича:—I. Труды М. М. Стасюлевича по древней исторіи. — В. Бузескула.—II. М. М. Стасюлевичъ, какъ авторъ исторической хрестоматіи. — Ив. Гревса.—III. Книга М. М. Стасюлевича о философіи исторіи.—Н. Карѣева.—IV. М. М. Стасюлевичъ, какъ членъ и предсѣдатель городской коммиссіи по народному образованію. — Павла Потѣхина. — V. М. М. Стасюлевичъ, какъ гласный думы. — И. Зубарева.—VI. М. М. Стасюлевичъ, какъ редакторъ. — Л. Слонимскаго. — VII. М. М. Стасюлевичъ, какъ характеръ.— А. Ѳ. Кони (мартъ, 390).

Письма И. С. Тургенева къ Полинѣ Віардо (авг., 175; сент., 214).

Письма И. С. Тургенева къ М. М. Стасюлевичу (окт., 152; ноябрь, 3; декабрь, 3).

Письма Н. В. Шелгунова къ С. Н. Кривенко (апр., 224).

Письмо изъ Америки.—П. А. Тверского (авг., 313).

Письма изъ Берлина.—Р. Стрѣльцова (февр., 331; авг., 299).

Письма изъ Лондона.—Діонео (янв., 301; май, 285).

Письма изъ Мадрида. — А. Деренталя (мартъ, 303; іюнь, 290).

Письма изъ Парижа.—Бѣлоруссова (янв., 285; апр., 285; іюль, 292; окт., 286).

Письма изъ Рима. — М. Осоргина (февр., 315; апр., 311; іюнь, 274; ноябрь, 314).

Письмо изъ Бѣлграда.—В. Богучарскаго (апр., 301).

Письмо изъ Вѣны. — М. Ратнера (іюль, 318).

Письмо изъ Португаліи. — Діонео (сент., 295).

Письмо изъ Стокгольма.—Н. Мировичъ (іюль, 326).

Письмо изъ Цетинье.—Мих. Осоргина (іюль, 308).

Письмо изъ Константинополя. — А. Деренталя (декабрь, 406).

Хроника.

I. Внутреннее Обозрѣніе.—Апрѣль.—Высочайшій указъ 14-го марта. Можно ли считать чрезвычайными и непредвидимыми обстоятельства, при которыхъ онъ изданъ?—Совпадаетъ ли понятіе о „перерывѣ“ съ понятіемъ о „прекращеніи занятій“? — Засѣданіе Государственной Думы 15-го марта. — Увольненіе въ отпускъ двухъ членовъ Государственнаго Совѣта.—Побѣда надъ реакціей или побѣда реакціи? (стр. 370).—Май.—Рѣчь предсѣдателя совѣта министровъ въ засѣданіи Государственнаго Совѣта.—Допустима ли медленность въ движеніи законопроекта, вносимаго на основаніи ст. 87-й?—Гипербола, извращающая перспективу.—Спорное опредѣленіе „двигателя“ правительственной работы. — Своеобразное пониманіе закономѣрности.—Увольненіе директора женскаго медицинскаго института.—Московскій съѣздъ фабричныхъ врачей.—Общая причина многихъ прискорбныхъ явленій (стр. 361).—Іюнь.—Окончаніе четвертой сессіи третьей государственной Думы.—Такъ называемая „русская политика“. — Ретроспективный свѣтъ, бросаемый на нее словами Владиміра Соловьева.—Націоналисты и націонализмъ.—Новый оберъ-прокуроръ св. синода.—Циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ.—Преграда, встрѣченная однимъ изъ важнѣйшихъ законопроектовъ (стр. 381).—Іюль.—Неутвержденіе законопроекта объ отмѣнѣ правоограниченій, связанныхъ съ лишеніемъ или добровольнымъ снятіемъ духовнаго сана. — Судьба законопроекта о всеобщемъ начальномъ обученіи.—Перемѣны, внесенныя Государственной Думой въ законопроектъ о волостномъ земствѣ. — Отношеніе къ нему министерства, націоналистовъ, крайнихъ правыхъ и крестьянъ (стр. 358). — Августъ. — Историческія параллели. — Отношеніе власти къ земскимъ выборамъ прежде и теперь.—Массовое исключеніе слушательницъ женскаго медицинскаго института.—Министерство народнаго просвѣщенія и совѣтъ петербургскаго университета.—Новыя правила о родительскихъ комитетахъ.—Post-scriptum (стр. 369).—Сентябрь.—Продленіе дѣйствія положенія объ охранахъ.—Связь между этимъ фактомъ и другими явленіями государственной жизни. — Сперва наказаніе, потомъ разслѣдованіе.—Министерство народнаго просвѣщенія и Академія Наукъ.—Новый фазисъ финляндскаго вопроса.—Открытіе земскихъ учрежденій въ западномъ краѣ. — „Вѣсти изъ голодающаго края“ (стр. 356).—Октябрь. — Убійство П. А. Столыпина. — Требованіе массовыхъ репрессій. — „Преступная атмосфера“ и „вина общества“. — Цѣли и средства.—Націонализмъ, какъ лозунгъ минуты. — Отношеніе его къ чувству законности.—Гаданія о ближайшемъ будущемъ.—Эксцессы панегирическаго усердія. — Post scriptum (стр. 358).—Ноябрь.—Обзоръ государственной дѣятельности П. А. Столыпина. — Былъ ли онъ успокоителемъ страны, устроителемъ государства, творцомъ новой, національной политики? — Домогательства правыхъ организацій.—Начало послѣдней сессіи третьей Государственной Думы.—Принятіе запросовъ, касающихся охраны. — Рѣчь деп. Тесленко.—Мѣстоименіе *ты* (стр. 381).—Декабрь. — Законопроектъ о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое передъ судомъ Государственнаго Совѣта.—Докладъ профессора Н. Д. Кузнецова. — Отступленіе отъ указа 17-го апрѣля. — Финляндскіе законопроекты въ Государственной Думѣ. — Результаты „преемственности“ и „послѣдовательности“.—Правые депутаты и крестьяне.—Госуд. Совѣтъ и всеобщее обученіе (стр. 364).

II. Вопросы внутренней жизни.—Январь.—Чему служитъ доказателемъ возникшее движеніе среди студенчества? — Университетъ, какъ зеркало. — Академизмъ. — Кто, въ кого и зачѣмъ стрѣлялъ въ Одессѣ.—Возрожденіе предварительной цензуры. — Нижегородскій губернаторъ о тенденціозномъ подборѣ книгъ.—Отповѣдь сенату генерала Думбадзе. — В. А. Карауловъ, гр. Д. М. Сольскій, С. В. Пахманъ, П. Н. Тарновская, бар. Д. Г. Гинцбургъ † (стр. 419). — Февраль. — Изъ новогоднихъ пожеланій.—Кризисъ партійности.—129 казней.—Какъ понимаютъ циркуляръ о примѣненіи смертной казни „въ крайнихъ случаяхъ“?—Министерскій проектъ принудительнаго оздоровленія Петер-

бурга и проектъ, выработанный думскими коммиссіями.—Рѣчь П. А. Столыпина.—Рѣшеніе Думы. — Къ тюремному вопросу.—„Ягода правительственнаго сада". — В. С. Голубевъ и А. П. Плетневъ † (стр. 434).—Мартъ.—Юбилей, проведенный согласно „видамъ правительства". —Университетскій и еврейскій вопросы подъ угломъ зрѣнія академистовъ и съѣзда объединенныхъ дворянъ. — Каторга за университетскую обструкцію.—Исключеніе изъ петербургскаго дворянскаго собранія Е. И. Кедрина и В. Д. Набокова и предложеніе объ исключеніи изъ бессарабскаго—В. М. Пуришкевича.—М. П. Глѣбовъ и І. Е. Мандельштамъ † (стр. 427).

Вопросы общественной жизни. — Апрѣль.—Разрѣшившійся министерскій кризисъ. — „Ударъ по оглоблѣ" и недоразумѣніе „Россіи". — Одна изъ легальныхъ возможностей. — Кризисъ высшей школы. — Обращеніе избирателей Москвы. — Сенаторская ревизія въ Петербургѣ.—Городскіе „порядки" и „навыки".—Политическій смыслъ реакціи.—П. Я. Якубовичъ † (стр. 421).—Май.—Первое пятилѣтіе новаго строя.—Декларація совѣта министровъ 13-го мая 1906-го года. — Почему не чествуется 27-ое апрѣля?—Изъ писемъ бывшихъ депутатовъ. — Новая басня о ритуальныхъ убійствахъ.—Изувѣрство черной сотни.—Праздникъ бѣлаго цвѣтка.—Юбилей А. П. Философовой (стр. 419).—Іюнь.—Дѣло Рейнбота въ Москвѣ и дѣло Вонлярлярскихъ въ Петербургѣ.—Учрежденія или люди?—„Растрата власти" и „должностной шантажъ".—Спекуляція на „связи".—Ген. Клейгельсъ и судъ.—Попытка облагонадежить науку и создать „новую породу" профессоровъ.—Расправа съ адвокатомъ при содѣйствіи „честнаго провокатора".—Насиліе надъ членомъ Думы въ 1906-мъ году и въ 1911-мъ (стр. 425).—Іюль.—Печать объ интендантскомъ процессѣ.—Сдатчики.—Хищническая организація.—„Такъ полагается".—Что нужно для искорененія зла?—Общія условія.—Вѣдомственная законченность и обособленность.—Новые факты преслѣдованія бывшихъ членовъ Думы. — Безцѣльная месть или подготовка выборовъ въ четвертую Думу? (стр. 417).—Августъ.—Текущая статистика смертныхъ казней.—Оппозиціонность слѣва и революціонныя проявленія справа. — Іеромонахъ Иліодоръ. — „Нажимъ" на законъ и факты одного съ нимъ порядка. — Сознанная и признанная надзаконность.—Ея кровавые результаты.—„Потѣшные".—Отъ сокольской гимнастики возвратъ къ кантонистамъ.—Столкновеніе между директоромъ кіевскаго корпуса и г. Юзефовичемъ.—Изъ курьезовъ губернаторской литературы (стр. 417).—Сентябрь.—Начало учебнаго года.—Бесѣда г. Кассо съ иностраннымъ корреспондентомъ.—Напрасные споры и резолюціи.—Судьба родительскихъ организацій при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. — Упраздненіе организацій въ порядкѣ циркуляра и „въ соотвѣтствіе" съ указаніями опыта — Какъ „карабкаются вверхъ" сверхпатріоты.—Н. М. Соколовскій, П. М. Романовъ, Кн. Д. Н. Цертелевъ и В. В. Гофманъ † (стр. 416). — Октябрь. — Убитъ министръ—умеръ человѣкъ.—Еще и еще о провокаціи и „сотрудничествѣ".—Политическое предательство и сыскъ.—Изувѣрство.—Возрожденіе „слова и дѣла". — Сборы и подписки съ патріотической цѣлью.—Кулачная расправа въ войскахъ. —Дѣло лейтенанта Перковскаго.—М. И. Драгомировъ о „мордобойствѣ".—Новыя выступленія о. Иліодора.—Двадцатилѣтіе со дня смерти И. А. Гончарова (стр. 408).—Ноябрь.—Трупъ-мумія, или трупъ, живущій особою жизнью? — Историческая дата.—Кто, какъ и чѣмъ ее помянули?—„Гражданинъ" о пересмотрѣ дѣла А. А. Лопухина. — Охранныя разоблаченія и дѣло соціалъ-демократовъ второй Думы.—„Россія", директоръ департамента народнаго просвѣщенія и „Новое Время" о „такъ называемыхъ" родительскихъ комитетахъ.—Борьба съ общественной самодѣятельностью. — Отраженный ударъ по адвокатурѣ. — Дѣло члена первой Думы Жорданія.—В. Ѳ. Лугининъ † (стр. 421).—Декабрь. — Крестьянскій вопросъ въ канунъ открытія первой Думы и послѣ четырехъ лѣтъ законодательной работы—третьей. — Отвѣтъ „подырей" „господамъ".—Новый пріемъ вмѣшательства въ выборы.—Запросъ объ орловскихъ фиктивныхъ цензахъ. — Дѣло А. А. Стаховича.—Изъ отзывовъ печати о думскомъ выступленіи А. А. Макарова.—Запросъ о дѣлѣ соціалъ-демократовъ второй Думы и „недоумѣніе" октябристовъ.—„Усердіе не по разуму": проекты памятника П. А. Столыпину въ Петербургѣ и постановка его бюста въ Государственной Думѣ (стр. 420).

III. Провинціальное Обозрѣніе.—И. В. Жилкина.—Январь. — Агрономическія рѣчи губернаторовъ. — Новые изъяны хуторской реформы.—Траурные дни по смерти Л. Н. Толстого.—Попытки протеста противъ смертной казни.—Духовенство и администрація въ толстовскіе дни.—Положеніе провинціальной печати (стр. 397). — Февраль. — Забытые

въ тюрьмахъ.—Два письма отъ заключенныхъ. — Письмо ссыльнаго изъ Сибири. — Санитарное состояніе минской губернской тюрьмы.—Каторжныя тюрьмы въ Зерентуѣ и Вологдѣ.—Убійство ссыльнаго ради отличія по службѣ.—Двѣ ненависти. — Новая революція, ожидаемая г. Марковымъ 2-мъ (стр. 422).—Мартъ.—Юбилей 19-го февраля. — Отклики на юбилей общественныхъ учрежденій. — Молчаніе деревни.—Энергія администраціи. — Царицынская революція монаха Иліодора (стр. 374).—Апрѣль.—Агрономическій съѣздъ.—Защита общины на съѣздѣ.—Казенные и земскіе агрономы.—Хуторяне и отрубники, ожидающіе, когда ихъ „проститъ" начальство. — Успѣхи женщинъ въ агрономической дѣятельности. — Невольное служеніе правыхъ земствъ прогрессу страны.—Неудачи назначенныхъ лицъ на земской службѣ. — Двойственное отношеніе правительства къ земствамъ. — Земскіе голоса за земскую реформу (стр. 359).—Май.—Жизнь уѣзднаго города. — Обнаженность шпіонажа.—Безсиліе охранниковъ.—Настроеніе обывателя.—Ожиданіе войны.—Значеніе тюрьмы для народныхъ массъ. — Слухи объ амнистіи.—Казенная земельная реформа, введшая въ соблазнъ и обманъ мѣщанъ.—Союзники въ провинціи. — Уѣздное купечество и войско (стр. 350). — Іюнь. — Что читаетъ провинція.—Г-жа Вербицкая въ роли первоклассной писательницы. — Новый классъ читателей. — Желтая пресса. — Мозаика провинціальной жизни.—„Ревизіи" нижегородскаго губернатора Хвостова.—Темпераментъ генерала Думбадзе.—Красные платки въ Харьковѣ.—„Чистка" третьяго элемента въ вятскомъ земствѣ.—Стрѣльба стражниковъ въ автомобиль около Лодзи.—Снисходительный судъ надъ истязателями. — „Сочинитель" изъ „Россіи" (стр. 369). — Іюль.—Борьба самарской думы съ собственнымъ городскимъ головой. — Роль общественныхъ учрежденій.—Малочисленность городскихъ избирателей. — Администрація и городскія самоуправленія. — Выговоръ казанскому городскому головѣ за С. А. Муромцева.—Неутвержденный голова-прокуроръ въ г. Вольскѣ. — Твердость гласныхъ въ Иваново-Вознесенскѣ.—Наростаніе дѣлъ въ области городского хозяйства (стр. 346). Августъ.—Поспѣшное введеніе западнаго земства.—Борьба націоналистовъ съ чехами. — Націоналистическая дѣятельность архимандрита Виталія. — Услуги, оказываемыя духовенствомъ.—Особая политика Почаевской лавры и архіепископа волынскаго Антонія.—Благодарное вниманіе предсѣдателя совѣта министровъ къ духовенству.—Сомнительные успѣхи націоналистовъ на выборахъ. — „Націонализмъ" и любовь къ родинѣ (стр. 354).—Сентябрь.—Печальные побочные плоды казенной отрубно-хуторской реформы.—Избіенія, поджоги, бойкотъ и всякія столкновенія общинниковъ съ выдѣленцами.—Сходство отношенія крестьянъ къ выдѣленцамъ и къ конокрадамъ. — Опасное усердіе администраціи.—Тульскіе „союзники" въ роли возстановителей правды.—Твердое уклоненіе ярославскихъ агрономовъ отъ казенно-земельной политики (стр. 344).—Октябрь.—Крымъ въ роли „всероссійской дачи".—Равнодушіе центральной Россіи къ Крыму. — Крымская малокультурность, какъ слѣдствіе общероссійской малокультурности. — Судьба крымскихъ татаръ.—Тормазы крымскаго прогресса.—Дѣятельность генерала Думбадзе и его помощниковъ. — Крымская электрическая желѣзная дорога. — Призваніе англійскихъ капиталистовъ.—Горные крымскіе курорты.—Успѣхи крымскаго винодѣлія. — Будущее Крыма (стр. 349).—Ноябрь.—Неурожай и голодъ. — Неподготовленность администраціи и боязнь общественныхъ чувствъ.—Мрачная картина начинающейся голодовки въ 12-ти губерніяхъ внутренней Россіи и въ Западной Сибири.—Цынга, тифъ.—Общественныя работы, какъ первая, неудачная помощь населенію.—Разочарованіе въ этомъ мѣропріятіи.—Общая неотложная задача (стр. 369). — Декабрь. — Новый бытъ провинціи. — Современныя „шутки" и „игры". — Кровь и жестокости, какъ роковая духовная зараза.—Охота на человѣка въ Лодзи.—„Волжская вольница".—Разбойная шайка въ Тамбовской губерніи и сочувствіе къ ней населенія. — Истязатель помощникъ пристава. — Тревожное настроеніе деревни.—Заклятый кругъ жизни (стр. 350).

IV. Иностранное Обозрѣніе.—Январь.—Политическіе кризисы въ различныхъ странахъ.—Французскія дѣла.—Результаты выборовъ въ Англіи.—Австрійская политика. — Событія въ Греціи и Персіи.—Конституція въ Китаѣ. — Американскіе выборы и неудача Рузвельта.—Рѣчи Бетманъ-Голльвега.—Проектъ автономіи для Эльзаса-Лотарингіи (стр. 380).—Февраль.—Особенности нашей внѣшней политики. — Потсдамское соглашеніе и его послѣдствія.—Справедливыя нареканія на русскую дипломатію. — Парламентскія пренія во Франціи. — Рѣчи Пишона и Жореса. — Конституція Монакскаго княжества.—Анархисты въ Лондонѣ (стр. 410).—Мартъ.—Новый конфликтъ на Дальнемъ Востокѣ.—Русская

дипломатическая нота и ея странныя особенности.—Китайскій отвѣтъ и возстановленіе миролюбія.—Отзывы заграничной печати.—Англійскія дѣла.—Процессъ короля о клеветѣ. — Смерть и похороны Зингера (стр. 320). — Апрѣль.—Опять русско-китайскій конфликтъ.—Новыя вызывающія ноты и мирное окончаніе спора. —Странныя особенности этой дипломатической кампаніи. — Роспускъ парламента въ Австріи. — Министерскіе кризисы во Франціи и въ Италіи (стр. 397).— Май.—Вопросъ о разоруженіи въ парламентахъ Англіи и Германіи.—Рѣчи сэра Эдуарда Грея и фонъ Бетманъ-Голльвега.— Мнимыя мечты о вѣчномъ мирѣ.—Волненія въ Марокко. — „Бунтъ" винодѣловъ во Франціи, его причины и значеніе (стр 404).—Іюнь.—Новое выступленіе нашей дипломатіи. — Оффиціальное сообщеніе о турецкихъ дѣлахъ.—Странная двойственность въ нашей внѣшней политикѣ. — Министерская катастрофа во Франціи.—Карьера Берто. — Марокская экспедиція и ея результаты.—Нѣмецкія и британскія дѣла (стр. 395).—Іюль.— Парламентскіе выборы въ Австріи. — Партія „христіанскихъ соціалистовъ" и ея судьба. — Перемѣна министерства и австрійскій политическій кризисъ. — Балканскія дѣла. — Новое министерство во Франціи. — Коронаціонныя торжества въ Англіи (стр. 374). — Августъ. — Международные кризисы и дипломатія. — Конфликты и волненія изъ-за Марокко. — Французскія ошибки и германскія увлеченія. — Британскія рѣчи и франко-германскіе переговоры.—Балканскія и персидскія дѣла.— Возобновленіе англо-японскаго союза (стр. 381). — Сентябрь. — Русско-германское соглашеніе и персидскія дѣла.— Мнимая или дѣйствительная перемѣна въ группировкѣ великихъ державъ. — Ошибки русской дипломатіи.—Марокскій вопросъ.—Конецъ конституціоннаго кризиса въ Англіи (стр. 374).—Октябрь.— Воинственные планы Италіи.—Грозный ультиматумъ. — Положеніе марокскаго кризиса. — Разсужденія нѣмецкихъ патріотовъ о войнѣ и мирѣ. — Партійный съѣздъ соціалъ-демократовъ въ Іенѣ и рѣчи о внѣшней политикѣ. — Заявленія Бебеля. — Французы и нѣмцы въ критическіе моменты марокскской распри.—Волненія изъ-за дороговизны и рабочія забастовки (стр. 372). — Ноябрь. — Триполійскій вопросъ въ турецкомъ парламентѣ.—Военныя дѣйствія и великія державы.—Мнимыя задачи русской дипломатіи.—Британскія дѣла.—Китайская революція (стр. 410). — Декабрь. — Парламентскія рѣчи о марокскомъ соглашеніи.—Разоблаченія относительно опасности европейской войны.—Англійскія дѣла. — Политическій кризисъ въ Персіи (стр. 392).

V. Литературное Обозрѣніе.—Январь.—В. Розановъ. Когда начальство ушло.—**К. А.**—Щукинскій Сборникъ. Выпускъ 9-й. — К. С. Аксаковъ. Воспоминаніе студентства 1832—1835 гг.—Н. Я. Гротъ въ очеркахъ, воспоминаніяхъ и письмахъ товарищей и учениковъ, друзей и почитателей.—**Н. Л.**—А. Луговой. Дѣвичье Поле, повѣсть; Наши дни, семейная исторія.—Письма Л. Н. Толстого 1848—1910 гг., собранныя и редактированныя П. Сергѣенко.—Проф. І. Малиновскій.—Русскіе писатели-художники о смертной казни.—**Ч. В—скаго.**—Н. Осиповичъ.—Разсказы.—Гр. А. Н. Толстой. І. „Сорочьи сказки". II. Повѣсти и разсказы.—**Е. Колтоновской.**—Юліанъ Кулаковскій. Исторія Византіи. Т. І. — **И. Бороздина.** — Вл. Горнъ. Крестьянское движеніе за полтора вѣка.—**В. В.**— Новыя книги и брошюры (стр. 358). — Февраль. — Эпоха Николая І. Изданіе т-ва „Образованіе". — Ясная Поляна, жизнь Л. Н. Толстого. Альбомъ, исполненный фотоцинкогравюрой.—Послѣдніе дни Льва Николаевича Толстого, изд. спб. книгоизд. „Воскресеніе".—Академическая библіотека русскихъ писателей. Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Тт. 2 и 3. — **Ч. В—скаго.** А. Тыркова (А. Вергежскій). Ночью.— С. А—въ.—Собраніе сочиненій С. А. Венгерова. Тт. І и V. — Ив. Бунинъ. Деревня. — **Е. Колтоновской.** — Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Собраніе сочиненій. Т. III: Л. Н. Толстой. — **Т. Райнова** — А. Морской. Исходъ россійской революціи 1905 г. и правительство Носаря.—**К. А.**—Карлъ Федернъ. Данте и его время. Перев. съ нѣмецк. В. М. Спасской, подъ ред. М. Н. Розанова. — **И. Бороздина.** — Вернеръ Зомбартъ. Евреи и ихъ участіе въ образованіи современнаго хозяйства. — И. Шипперъ. Возникновеніе капитализма у евреевъ Зап. Европы (до конца XII в.). — В. В. Морачевскій. Успѣхи крестьянскаго хозяйства въ Россіи.—**В. В.**—Владиміръ Вагнеръ. Біологическія основанія сравнительной психологіи (біо-психологія). Т. І.—**А. Щ.**—Новыя книги и брошюры (стр. 389).—Мартъ.—Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина.—Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго, подъ ред. М. Гершензона. — Жизнепониманіе Л. Н. Толстого. — С. И. Спиро. Бесѣды съ Л. Н. Толстымъ.—Б. С. Боднарскій. Библіографія произведеній Л. Н. Тол-

стого. — Н. Н. Златовратскій. Какъ это было. Очерки и воспоминанія изъ 60-хъ годовъ.—**Ч. В—скаго.**—А. И. Фаресовъ. Жизнь и поэзія А. П. Меженинова. — Леонидъ Андреевъ. Разсказы, очерки и статьи. — **Н. Л.** — П. К. Энгельмейеръ. Творческая личность и среда въ области техническихъ изобрѣтеній. — Сборникъ статистико-экономическихъ свѣдѣній по сельскому хозяйству Россіи и иностранныхъ государствъ.—**В. В.**—Пятидесятилѣтіе освобожденія крестьянъ. Безплатное народное изданіе Е. В. Богдановича.—**Д. К.** — Новыя книги и брошюры (стр. 353). — Апрѣль. — Борисъ Садовской. Русская Камена. — А. С. Пругавинъ. Сютаевцы. — А. С. Панкратовъ. Ищущіе Бога.—Проф. С. Н. Булгаковъ. Чеховъ, какъ мыслитель. **Ч. В—скаго.**—Собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго въ трехъ томахъ. Юбилейное изданіе, подъ ред. Иванова-Разумника. — Антонъ Чеховъ. Повѣсти и разсказы. Т. XII.—**Н. Л.** — Ольга Шапиръ. Собраніе сочиненій. Томъ I. — А. Свирскій. Разсказы. Т. III. — **Е. Колтоновской.** — Библіотека современной философіи. Выпуски I-III. — **П. Юшкевича.** — Проф. С. Ѳ. Платоновъ. — Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI-XVII вв.—Н. Карѣевъ. Въ какомъ смыслѣ можно говорить о существованіи феодализма въ Россіи.—**И. Бороздина.**—В. Герье. „Второе раскрѣпощеніе". — **Д. К.**—Сельско-хозяйственный и экономическій бытъ старообрядцевъ.—**В. В.**—А. А. Алексѣевъ. Министерская власть въ конституціонномъ государствѣ.—**Н. Болдырева.** — Корфъ, С. А., бар. Административная юстиція въ Россіи.—**А. Елистратова.** — Новыя книги и брошюры (стр. 330). — Май. — В. Д. Коргановъ. Бетховенъ. - Біографическій этюдъ. Съ иллюстраціями.—**С. Булича.**—В. Вересаевъ. Живая жизнь. Ч. I. О Достоевскомъ и Львѣ Толстомъ. — Первые литературные шаги. Автобіографіи современныхъ русскихъ писателей. Собралъ Ф. Ф. Фидлеръ.—**Ч. В—скаго.**—Самсонъ (Samson Agonistes). Драматическая поэма Джона Мильтона. Переводъ въ стихахъ Н. А. Брянскаго.—**Н. Л.**—Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Собраніе сочиненій. Т. VII—IX. Исторія русской интеллигенціи. Ч. I-III.— **Е. Колтоновской.**—А. В. Тужилинъ. Современный Китай. Томы I-II.—**В. А.**—Н. И. Паліенко. Основные законы и формы правленія въ Россіи. Юридическое изслѣдованіе.—**А. С.**—I. Малиновскій. Кровавая месть и смертныя казни. — **П. М.** — А. А. Жилкинъ. Отвѣтственность министровъ. — **Н. Болдырева.** — И. С. Плехинъ. „Бюджетные законы". — И. П. Покровскій. „Государственный бюджетъ Россіи за послѣднія десять лѣтъ (1901—1910)". — В. В. Шеръ. „Исторія профессіональнаго движенія рабочихъ печатнаго дѣла въ Москвѣ".— „Сводъ отчетовъ профессіональныхъ обществъ за 1906—07 г."—**В. В.**—Hellenistischen Mysterienreligion, etc., von R. Reitzenstein. — **А. П. Погодина.** — Новыя книги и брошюры (стр. 376).—Іюнь.—Д. С. Мережковскій. Полное собраніе сочиненій. Т. I.—**Н. Л.**—О. Н. Ольнемъ. Безъ иллюзій. Разсказы.—**Е. Колтоновской.**—М. Колчинъ. Ссыльные и заключенные въ острогахъ Соловецкаго монастыря въ XVI-XIX вв. Историч. очеркъ, съ предисловіемъ А. С. Пругавина. — **Владимира Бончъ-Бруевича.**—Сборникъ статей, посвященныхъ С. Ѳ. Платонову. — **И. Бороздина.** — Изданія Сенатскаго Архива: 1) „Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Сенат. Архивѣ". 6 вып., 1909 — 1911; — 2) „Сенатскій Архивъ". т. XIII и XIV, 1909 — 1910. — **А. Прѣснякова.** — „Матеріалы по крѣпостному праву". Саратовская губернія.—**Д. К.**—проф. Л. I. Петражицкій.—Акціи, биржевая игра и теорія экономическихъ кризисовъ. Т. I. — **П. Михайлова.**—Н. Огановскій. „Очерки по исторіи земельныхъ отношеній въ Россіи".—**В. В.** - Петръ Масловъ.—Теорія развитія народнаго хозяйства. Введеніе въ соціологію и политическую экономію.—**Ник. Гиммера.**—Альфредъ Руссель Уоллесъ. „Дарвинизмъ. Изложеніе теоріи естественнаго подбора и нѣкоторыхъ изъ ея приложеній". Перев. проф. М. А. Мензбира. - **А. Щ.**—Новыя книги и брошюры (стр. 340).—Іюль.—В. Ѳ. Саводникъ. Чувство природы въ поэзіи Пушкина, Лермонтова и Тютчева. — Поль Верлэнъ. Собр. стиховъ въ перев. В. Брюсова. — **Н. Л.** — Елена Грекова. Разсказы.—**Е. Колтоновской.**—Прот. I. П. Кречетовичъ. Крестьянская реформа въ Оренбургскомъ краѣ, т. I. — **Д. К.** — Ар. П. Фатѣевъ. Позитивная наука и нѣкоторые ея критики.—**А. Погодина.**—Э. Гуссерль. Логическія изслѣдованія, часть I, книгоизд. „Образованіе". **П. Юшкевича.**—Н. М. Никольскій.—Древній Израиль.—**Василія Сторожева.**—Проф. К. Воблый. Третья профессіонально-промышленная перепись въ Германіи, т. I.—Очерки законоположеній о неотчуждаемости надѣльныхъ земель, сост. М. М. Катаевъ. - Статистика. Ея пріемы и ея значеніе для общественныхъ наукъ. Лекціи А. А. Кауфмана. — **В. В.** — Е. Спекторскій. Проблема соціальной физики въ XVII стол., т. I. — М. А. Рейснеръ. Государство, ч. I. Культурно-историче-

скія основы.—**П. Михайлова.**—Walther May. Ernst Haeckel. Versuch einer Chronik seines Lebens und Wirkens.—**А. Щ.**—Новыя книги и брошюры (стр. 386).—Августъ.—Письма Л. Н. Толстого, собр. и редакт. П. А. Сергѣенко, т. II.—С. Ашевскій. „Бѣлинскій въ оцѣнкѣ его современниковъ".—**Ч. В—скій.**—В. Анучинъ, „Разсказы и сказанія", кн. первая, „Сказанія".—**Е. Колтоновской.**—Х. Н. Бяликъ. „Пѣсни и поэмы", авторизированный перев. съ еврейскаго языка и введеніе Вл. Жаботинскаго.—**М. Славинскаго.**—Борисъ Веселовскій. „Исторія земства", т. III и IV.—**В. К.-К.**—Н. М. Цитовичъ, проф. универ. св. Владимира. „Сельское общество, какъ органъ мѣстнаго управленія".—**Д. К.**—Л. Дымша. Холмскій вопросъ, съ прил. 6 стат. табл. и 1 карты.—**П. М.**—Новыя книги и брошюры (стр. 399).—Сентябрь.—Изъ московской жизни сороковыхъ годовъ. Дневникъ Елиз. Ив. Поповой, подъ ред. кн. Н. В. Голицына.—**Ѳ. Батюшкова.**—Ю. Айхенвальдъ. Предисловіе къ третьему изданію книги: „Силуеты русскихъ писателей".—Чуковскій, Критическіе разсказы, кн. первая.—А. Измайловъ, Литературный Олимпъ.—О Ѳедорѣ Сологубѣ. Критика. Статьи и замѣтки. Сост. А. Чеботаревскій.—**Ч. В—скаго.**—И. Ф. Масановъ. Русскіе сатиро-юмористическіе журналы. Библ. описаніе, вып. I: „Весельчакъ", Искра" изд. подъ ред. А. В. Смирнова, съ прилож. 2 портр. и 65 рис. на отд. лист.—Сѣверные Цвѣты на 1911-й годъ, собр. книгоиздат. „Скорпіонъ".—**Н. Л.** Л. Бернгардъ. Борьба поляковъ за существованіе въ Пруссіи. Пер. А. С. Изгоева, съ пред. П. Б. Струве и вступ. статьей А. С. Изгоева.—Сергій Ефремов. Історія українського письменства.—**М. Славинскаго**—Б. А. Тураевъ, проф. Спб. унив. Исторія древняго Востока, ч. I.—**И. Бороздина**—А. А. Евдокимовъ. Кооперативный сбытъ продуктовъ сельскаго хозяйства въ Россіи.—Н. Макаровъ. Новая кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ и картофеле-крахмальное производство.—**В. В.**—Ф. М. Блюменталь. Общественная борьба съ туберкулезомъ въ Зап. Европѣ и Америкѣ, часть I, изд. 2-е.—**В. Б—ъ.**—Новыя книги и брошюры (стр. 388).—Октябрь.—Твори Т. Шевченко з малюнками, т. I, „Кобзарь", изд. 2-е; т. II, изд. 1-е.—Малюнки Тараса Шевченка, изд. Общ. им. Т. Г. Шевченка, вып. I.—**М. Славинскаго.**—Политика Аристотеля, перев. С. А. Жебелева (Труды С.-Пет. Фил. Общ., вып. VII-й).—**И. Бороздина.**—Особый судъ по дѣламъ о малолѣтнихъ. Отч. с.-пет. стол. мир. судьи Н. А. Окунева.—**Д. К.**—Прив.-доц. П. Л. Кованько. Госуд. расходы Россіи по предметамъ назначенія за 1903—1911 г.—А. Финнъ-Енотаевскій. Современное хозяйство Россіи.—**В. В.**—В. К. Дмитріевъ. Крит. изслѣд. о потребленіи алкоголя въ Россіи, съ пред. П. Б. Струве и 4-мя діаграммами.—**З. Либмана.**—Эбинезеръ Гоуардъ (Ebenezer Howard). Города будущаго, перев. съ англ. А. Ю. Блохъ.—**В. Б—ъ.**—Jacques Rambaud. Naples sous Jos. Bonaparte.—**Н. Карѣева.**—Dr. Etienne Burnet. Microbes et Toxins. (Bibliothèque de philosophie scientifique publ. G. Le Bon.), пред. проф. И. И. Мечникова.—**А. Щ.**—Новыя книги и брошюры (стр. 385).—Ноябрь.—А. Закржевскій. Подполье. Психологическія параллели.—А. Д. Алферовъ. Родной языкъ въ средней школѣ. Опытъ методики.—**Ч. В—скаго.**—А. Рославлевъ. Разсказы. Книга первая.—**Е. Колтоновской.**—А. И. Ярошевичъ. Очерки хуторскихъ хозяйствъ Кіевской губ.—Его же.—Очерки экономической жизни юго-зап. края, вып. IV.—**В. В.**—„Отчетъ о санитарномъ состояніи русской арміи за 1909-й годъ", изд. Глав. Воен.-Санит. Упр.—Д-ръ Н. А. Витдорчикъ. Соціальное страхованіе. Систем. излож. исторіи, организаціи и практики всѣхъ формъ соціальнаго страхованія.—**В. Б—ъ.**—Новыя книги и брошюры (стр. 334).—Декабрь.—Общ. люб. росс. слов. при моск. унив. 1811—1911. Истор. зап. и мат. за сто лѣтъ.—1811—1911. Словарь член. Общ. люб. Россійск. слов. при моск. унив.—И. С. Никитинъ. Полн. собр. соч. въ одномъ томѣ, подъ ред. М. О. Гершензона, изд. А. С. Панафидиной.—Полн. собр. соч. И. С. Никитина. „Совр. книгоиздательство"—**Ч. В—скаго.**—Библ. русск. крит. II. Первое собр. соч. Н. А. Добролюбова въ 4-хъ т., подъ ред. М. К. Лемке, изд. А. С. Панафидиной.—**Е. Колтоновской.**—А. Принсъ. Защита общ. и преобр. угол. права, пер. Е. Маркеловой, подъ ред. и съ пред. проф. Г. С. Фельдштейна.—**Ал. Маклецова.**—И. М. Козьминыхъ-Ланинъ. Заработки фабр. рабоч. Моск. губ.—А. Н. Закъ. Крестьянскій поземел. банкъ. 1883—910.—**В. В.**—Д-ръ А. Н. Бобровъ. Очеркъ борьбы съ туберкулезомъ въ Россіи.—Справ. книга по Архангельскому город. общ. управл. 1870—1910 гг.—Водопроводы русскихъ городовъ, инж.-техн. Ф. А. Данилова.—**В. Б—ъ.**—Проф. В. Арнольди. По остр. Малайскаго Архипелага, впечатл. и набл. натуралиста.—М. Шотеліусъ. Бактерія, заразныя болѣзни и борьба съ ними, перев. прив.-доц. Моск. унив. А. И. Абрикосова.—

А. Щ. — Emile Haumant. Pouchkine.— **Н. Лернера.**—Новыя книги и брошюры (стр. 326).

VI. Библіографическій Листокъ.— Январь.—Общеземская организація на Дальнемъ Востокѣ. Томъ II. Съ 92 иллюстраціями въ текстѣ. Составилъ, по порученію общеземской организаціи, Т. И. Полнеръ. Великая реформа. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. Юбилейное изданіе. Т. II. С. Прокоповичъ. Проблемы соціализма. Развитіе соціалистической мысли во Франціи. К. Валишевскій. Смутное время. Переводъ съ французскаго подъ редакціей Е. Н. Щепкиной. Энциклопедическій Словарь товарищества бр. А. и И. Гранатъ и К°. Седьмое, совершенно переработанное изданіе, подъ редакціей проф. В. Я. Желѣзнова, М. М. Ковалевскаго, С. А. Муромцева (†) и К. А. Тимирязева. Т. I-III.— Февраль. — Великая реформа. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. Юбилейное изданіе. Т. III. Крѣпостное право въ Россіи и реформа 19 февраля. Редакція А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова и В. И. Пичета. И. И. Игнатовичъ. Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. Изданіе 2-е, дополненное. Крѣпостное право и крестьянская жизнь. Общедоступный Сборникъ. Подъ редакціей С. П. Мельгунова. Новый Энциклопедическій Словарь. Изданіе Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, подъ общею редакціею К. К. Арсеньева. Т. I. А — Александръ Михайловичъ.—Мартъ.—Великая реформа. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. Юбилейное изданіе. Т. IV. В. Ѳ. Дерюжинскій. Очерки политическаго развитія современной Англіи. I. М. Бикерманъ. Черта еврейской осѣдлости. П. Е. Щеголевъ. Изъ разысканій въ области біографіи и текста Пушкина. Оттискъ изъ изданія: „Пушкинъ и его современники" (выпускъ XIV). Первые литературные шаги. Автобіографіи современныхъ русскихъ писателей. Собралъ Ф. Ф. Фидлеръ. Чистый доходъ съ этой книги поступаетъ въ пользу Литературнаго фонда.— Апрѣль. — Поляки и евреи. Матеріалы о польско-еврейскомъ спорѣ по поводу законопроекта о городскомъ самоуправленіи въ Польшѣ. Изъ статей и заявленій деп. Грабскаго, Р. Дмовскаго, Н. Дубровскаго, В. Жаботинскаго, И. Петрункевича и А. Свѣнтоховскаго. Письма Владиміра Сергѣевича Соловьева. Томъ III. Подъ редакціею Э. Л. Радлова. Чистый доходъ предназначается на стипендію имени В. С. Соловьева. Великая реформа. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. Юбилейное изданіе. Т. V. П. Сергѣичъ. Искусство рѣчи на судѣ.—Май.—Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ. Сборникъ статей семнадцати авторовъ. Съ приложеніемъ семи портретовъ. В. М. Нечаевъ. С. А. Муромцевъ, какъ ученый и профессоръ. Вл. Семеновъ. „Флотъ" и „морское вѣдомство" до Цусимы и послѣ. Посмертное изданіе. Великое сраженіе Японскаго моря (Цусимскій бой). Переводъ съ японскаго Вл. Семенова. Die Todgeweihten, von Wladimir Korolenko. Mit einem Briefe Leo Tolstoi's. Н. Карѣевъ. Краткая исторія прошлаго столѣтія. Обзоръ главныхъ политическихъ событій въ Европѣ, преимущественно западной, между 1800 и 1900 г. Пособіе для самообразованія.—Іюнь.—Великая реформа, Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. Т. VI. Владиміръ Соловьевъ. Россія и вселенская церковь. Перев. съ французскаго Г. А. Рачинскаго. Владиміръ Соловьевъ. Русская идея. Перев. съ франц. Г. А. Рачинскаго. Первый сборникъ издательства „Путь". О Владимірѣ Соловьевѣ. Г. С. Петровъ. Около пустого колодца. Сборникъ статей. А. Я. Ефименко. Элементарный учебникъ русской исторіи. Курсъ эпизодическій. Для младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ. Съ 44 рисунками и 5 раскрашенными картами. — А. И. Левитовъ. Собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и критико-біографическимъ очеркомъ А. А. Измайлова. Книгоиздательство „Просвѣщеніе". П. Ф. Гриневичъ (П. Ф. Якубовичъ). Очерки русской поэзіи. Изданіе второе, журнала „Русское Богатство". Третья Государственная Дума. Сессія 4-ая. Фракція народной свободы въ періодъ съ 15-го октября 1910 г. по 13-ое мая 1911 г. Отчетъ и рѣчи депутатовъ. В. Чарнолускій. Земство и народное образованіе. Двѣ части. Спб., 1910 и 1911. Изд. товарищества „Знаніе". — Августъ. — Г. А. Евреиновъ. Идеологія Ближневосточнаго вопроса. А. Г. Марголинъ. Въ полосѣ ликвидаціи. Докторъ Н. М. Поповъ, профессоръ Новороссійскаго университета. Современная эпидемія школьныхъ самоубійствъ въ Россіи. Клиническіе матеріалы. — Сентябрь.—М. А. Курчинскій. Городскіе финансы. Эволюція налоговой системы въ городахъ Пруссіи въ концѣ XIX-го и началѣ XX-го вѣка. (1870—1910).—Особый судъ по дѣламъ о малолѣтнихъ. Отчетъ С.-Петербургскаго столичнаго мирового судьи Н. А. Окунева

за 1910 г. Сюлли-Прюдомъ въ переводахъ русскихъ писателей. Московскій Городской Народный Университетъ имени А. Л. Шанявскаго. 1911—1912 академическій годъ. Годъ 4-ый. — Октябрь. — Извѣстія Общества Толстовскаго Музея. № 1, Іюль, 1911 г. В. Чертковъ. О послѣднихъ дняхъ Л. Н. Толстого. Рихардъ Вагнеръ. Т. I и IV. Перев. подъ ред. А. Л. Волынскаго. Для крестьянина. Сборникъ статей и свѣдѣній, полезныхъ въ деревенскомъ обиходѣ. Указатель журнальной литературы. Сост. Н. А. Ульяновъ. Вып. I. — Ноябрь. — О правѣ на существованіе. Соціально-философскіе этюды проф. П. И. Новгородцева и I. А. Покровскаго. А. С. Пругавинъ. О Львѣ Толстомъ и Толстовцахъ. Очерки, воспоминанія и матеріалы. А. С. Панкратовъ. Ищущіе Бога. Очерки современныхъ религіозныхъ исканій. Книга вторая. В. Г. Танъ. Собраніе сочиненій. Т. IX. Передвинутыя души. Кругомъ Петербурга (очерки). — Декабрь. — Степанъ Аникинъ. Деревенскіе разсказы Профессоръ А. Н. Филипповъ. Депутаты Екатерининской коммиссіи и Правительствующій Сенатъ. Профессоръ баронъ Б. Э. Нольде. Очерки русскаго государственнаго права. М. Руссобтовскій. Историческое освѣщеніе финляндскаго вопроса. 2-ое изданіе. М. М. Бородкинъ. Краткая исторія Финляндіи.

Муниципальный Совѣт
гор. Ростова-на-Дону области Войска Донского

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.—ДЕКАБРЬ.

СТРАН.

I. ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА КЪ М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ. . . 3

II. ВѢРНОСТЬ.—Стеша. (Очеркъ первый).—Липа. (Очеркъ второй).—**Д. Айзмана**. 35

III. СОНЪ.—I-VII.—**И. Сургучева** 68

IV. ОДИНЪ ИЗЪ ПЕРВЫХЪ НАШИХЪ МАРКСИСТОВЪ.—(Изъ періода хожденія въ народъ).—I-IX.—**Льва Дейча**. 84

V. ИЗГНАНІЕ.—**Бор. Зайцева** 111

VI. ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ ЭРНСТА ЦАНА.—1. Реквіемъ.—2. Встрѣча.—3. Маленькая весна.—Перев. съ нѣм. **З. Журавской**. . . 130

VII. СЛУЧАЙНАЯ ВСТРѢЧА.—Очеркъ.—I-VIII.—**Аркадія Велскаго**. 164

VIII. ОЧЕРКИ СОЦІАЛЬНАГО БЫТА ФРАНЦІИ.—Принудительное отчужденіе и судьба національныхъ имуществъ во Франціи.—Окончаніе.—**Максима Ковалевскаго**. . . 183

IX. БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.—Повѣсть Арнольда Беннета. (Arnold Bennett: „A great man“). — XXI-XXVIII.—Окончаніе. — Перев. съ англ. **М. Славинской**. 204

X. ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.—Николай Александровичъ Добролюбовъ. — Его программа.—**Нестора Котляревскаго** 248

XI. ДВѢ ХОЛЕРЫ.—**Ил. Мечникова** 286

XII. Хроника.—НАЧАЛО ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ КАМПАНІИ.—**Н. Якушкина**. 300

XIII. КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ СОЮЗОВЪ РАБОТОДАТЕЛЕЙ ВЪ РОССІИ.—**Евг. Лурье** 308

XIV. О ПАЦИФИЗМѢ.—**Л. Слонимскаго** 321

XV. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Общ. люб. росс. слов. при моск. унив. 1811—1911. Истор. зап. и мат. за сто лѣтъ.—1811—1911. Словарь член. Общ. люб. Россійск. слов. при моск. унив.—И. С. Никитинъ. Полное собр. соч. въ одномъ томѣ, подъ ред. М. О. Гершензона, изд. А. С. Панафидиной.—Полное собр. соч. И. С. Никитина. „Совр. книгоиздательство“.—**Ч. В—скаго.**—Библ. русск. крит. II. Первое собр. соч. Н. А. Добролюбова въ 4-хъ т., подъ ред. М. К. Лемке, изд. А. С. Панафидиной.—**Е. Колтоновской.** — А. Принсъ. Защита общ. и преобр. угол. права, перев. Е. Маркеловой, подъ ред. и съ пред. проф. Г. С. Фельдштейна. — **Ал. Маклецова.** — И. М. Козьминыхъ-Ланинъ. Заработки фабр. рабоч. Моск. губ. — А. Н. Закъ. Крестьянскій

поземельный банкъ. 1883—1910.—**В. В.**—Д-ръ А. Н. Бобровъ. Очеркъ борьбы съ туберкулезомъ въ Россіи. — Справ. книга по Архангельскому город. общ. управл. 1870—1910 гг.—Водопроводы русскихъ городовъ, инж.-техн. Ф. А. Данилова. — **В. Б—ъ.** — Проф. В. Арнольди. По остр. Малайскаго Архипелага, впечатл. и набл. натуралиста—М. Шотеліусъ. Бактеріи, заразныя болѣзни и борьба съ ними, перев. прив.-доц. Моск. унив. А. И. Абрикосова.—**А. Щ.**—Emile Haumant. Pouchkine.—**Н. Лернера.**— Новыя книги и брошюры 326

XVI. ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Новый бытъ провинціи. — Современныя „шутки" и „игры".—Кровь и жестокости, какъ роковая духовная зараза.—Охота на человѣка въ Лодзи.—„Волжская вольница".—Разбойная шайка въ Тамбовской губерніи и сочувствіе къ ней населенія.—Истязатель помощникъ пристава.—Тревожное настроеніе деревни. — Заклятый кругъ жизни. — **И. В. Жилкина** 350

XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Законопроектъ о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое передъ судомъ Государственнаго Совѣта.—Докладъ профессора Н. Д. Кузнецова.—Отступленіе отъ указа 17-го апрѣля. — Финляндскіе законопроекты въ Государственной Думѣ.—Результаты „преемственности" и „послѣдовательности". — Правые депутаты и крестьяне. — Госуд. Совѣтъ и всеобщее обученіе 364

XVIII. КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.—**С. А. Адріанова** 382

XIX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Парламентскія рѣчи о марокскомъ соглашеніи. — Разоблаченія относительно опасности европейской войны. — Англійскія дѣла. — Политическій кризисъ въ Персіи 392

XX. ПИСЬМО ИЗЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.—**А. Деренталя** . . 406

XXI. ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. — Крестьянскій вопросъ въ канунъ открытія первой Думы и послѣ четырехъ лѣтъ законодательной работы—третьей. — Отвѣтъ „лодырей" „господамъ".— Новый пріемъ вмѣшательства въ выборы.—Запросъ объ орловскихъ фиктивныхъ цензахъ.—Дѣло А. А. Стаховича.—Изъ отзывовъ печати о думскомъ выступленіи А. А. Макарова.—Запросъ о дѣлѣ соціалъ-демократовъ второй Думы и „недоумѣніе" октябристовъ.— „Усердіе не по разуму": проекты памятника П. А. Столыпину въ Петербургѣ и постановки его бюста въ Государственной Думѣ. 420

XXII. ИЗВѢЩЕНІЯ 434

XXIII. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы" въ 1911 г. 436

XXIV. ОБЪЯВЛЕНІЯ 451

XXV. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Переводный бланкъ журнала „Вѣстникъ Европы"; 2) Объявленіе А. Ф. Девріена „Книги-Подарки"; 3) Объявленіе о подпискѣ на 1912 г. на журналы „Городское Дѣло" и „Земское Дѣло"; 4) Объявленіе о подпискѣ на журналъ „Нива" 1912 г. и о другихъ изданіяхъ т-ва А. Ф. Марксъ въ С.-Петербургѣ. Не получившіе означеннаго объявленія благоволятъ заявить о томъ въ контору журнала „Нива", Спб., ул. Гоголя, 22, откуда объявленіе будетъ имъ выслано немедленно.